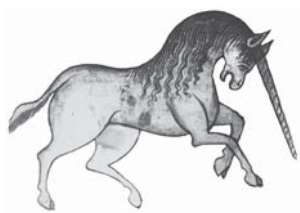

В.Н. ВИНОГРАДОВ

ДВУГЛАВЫЙ
РОССИЙСКИЙ ОРЕЛ
НА БАЛКАНАХ
1683–1914

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

V. N. VINOGRADOV

THE DOUBLE-HEADED RUSSIAN EAGLE
IN THE BALKANS
1683–1914

Moscow «INDRIK» 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. Н. Виноградов

ДВУГЛАВЫЙ РОССИЙСКИЙ ОРЕЛ
НА БАЛКАНАХ
1683–1914

МОСКВА «ИНДРИК» 2010

УДК 94 (4) "17/19"

ББК 63.3(0)5

В 49

Рецензенты:

доктор исторических наук В. М. Хевролина

кандидат исторических наук А. В. Карасев

Виноградов В.Н.

Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. — М.: «Индрик», 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-91674-100-1

В 1683 году войска Турецкой империи осаждали Вену, а в 1914 году Турция встретила Первую мировую войну, будучи в Европе территориально прижатой к проливам Босфор и Дарданеллы. В 1684 году громадное большинство христианского населения Балкан пребывало в состоянии райа (скота по-арабски), а в 1914 году оно проживало в независимых государствах. Освобождение заняло более двухсот лет. И каждый шаг на этом долгом и мучительном пути делался с опорой на Россию в ее противоборстве не только с Османской империей, но и с Великобританией, Австрией и временами с Францией. Десять Русско-турецких войн, одна из которых, Крымская, вылилась в европейскую с участием в ней на турецкой стороне Великобритании, Франции и Сардинии, являлись своего рода вехами на пути Балкан к свободе. Великая миссия России, коей посвящена эта книга, была завершена.

In the year 1683 the troops of Turkey besieged Vienna. In the year 1914, before the First world war, Turkey was in Europe pressed territorially to the straits Bosphorus and Dardanelles. In the year 1683 great majority of the Balkan Christian population belonged to the category of *raias* (herd in the arabican). By 1914, this majority became citizens of national states with independent status. The long and painful fight for freedom occupied more than 200 years. And every step towards liberty was accompanied and often forestalled by Russia's assistance and in rivalry with Great Britain, Austria and sometimes France. Ten russo-turkish wars (in the Crimean one Turkey was supported by England, France and Sardinia) may be considered as a kind of landmarks on the way of the Balkan peoples towards progress. The aim was reached. The great mission of Russia in the Balkans was over.

© Виноградов В.Н., Текст, 2010

ISBN 978-5-91674-100-1

© Издательство «Индрик», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I	Крестовый поход Священной лиги четырех держав. Трагедия на реке Прут.	7
ГЛАВА II	На подступах к Балканам	37
ГЛАВА III	Век Екатерины Великой. Прорыв за Дунай	75
ГЛАВА IV	Балканский плацдарм наполеоновской эпопеи.	153
ГЛАВА V	Союз и соперничество антагонистов. Англо-русские отношения после Венского конгресса.	215
ГЛАВА VI	Заря Адрианопольского мира над Балканами.	249
ГЛАВА VII	Крымская война.	295
ГЛАВА VIII	Россия: Курс на освобождение балканских народов. Высокая Порта у разбитого корыта европеизации	329
ГЛАВА IX	В водовороте восточного кризиса 1870-х годов	371
ГЛАВА X	Последняя Русско-турецкая война. Триумф и драма победителя	395
ГЛАВА XI	Российская дипломатия в «пороховом погребе Европы».	427
Иллюстрации		453
SUMMARY		469
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН		470

CONTENTS

CHAPTER I	THE LAST CRUSADE OF THE FOUR POWERS HOLY LEAGUE. THE TRAGEDY ON THE RIVER PRUTH	7
CHAPTER II	APPROACH TO THE BALKANS	37
CHAPTER III	THE AGE OF CATHERINE THE GREAT. CROSSING THE DANUBE RIVER.	75
CHAPTER IV	THE BALKAN PLACE OF ARMS IN THE TIME OF NAPOLEONIC WARS	153
CHAPTER V	ALLIANCE AND RIVALRY OF THE ANTAGONISTS. ANGLO-RUSSIAN RELATIONS AFTER THE VIENNA CONGRESS	215
CHAPTER VI	ADRIANOPLE'S PEACE TREATY DAWN OVER THE BALKANS.	249
CHAPTER VII	THE CRIMEAN WAR.	295
CHAPTER VIII	RUSSIA'S STRUGGLE FOR THE FREEDOM OF THE BALKAN PEOPLE. SUBLIME PORTE'S COURSE FOR EUROPEANIZATION ENDS IN FAILURE	329
CHAPTER IX	IN THE WHIROPOOL OF THE EASTERN CRISIS IN THE SEVENTEETH.	371
CHAPTER X	THE LAST RUSSO-TURKISH WAR 1877–1878; TRIUMPH AND TRAGEDY OF THE VICTOR	395
CHAPTER XI	RUSSIAN DIPLOMACY IN THE POWDER BARREL OF EUROPE	427
ILLUSTRATIONS		453
SUMMARY		469
INDEX		470

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СВЯЩЕННОЙ ЛИГИ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ

ТРАГЕДИЯ НА РЕКЕ ПРУТ

1683 год — дата, знаменательная в истории Османской империи, Европы и всего тогдашнего мира: на эту дату приходится последнее восточное нашествие в османском варианте на континент. Турецкие завоеватели осадили Вену, добрались до сердца Европы и собирались утвердиться здесь прочно и надолго. В соседней Венгрии они хозяйничали уже полтора века, со времени правления султана Сулеймана Великолепного, учредив в стране Будайский эялет. Но терпение христианского мира иссякло, в 1684 году появилась Священная лига в составе Римской империи германской нации, Польского королевства и Венеции. Начался последний крестовый поход против представлявшей безудержной османской экспансии. Собрались лучшие воинские силы того времени во главе с великим полководцем Евгением Савойским и лихим польским королем Яном Собеским. Венецианский флот господствовал в Средиземном море.

Русь не могла остаться в стороне от начавшегося противоборства. Она уже скрещивала оружие с Османской империей, а еще чаще с войском Крымского ханства, вассального владения Турецкой державы. Настал великий перелом, Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую. Случались, особенно в веке восемнадцатом, и осечки на этом пути, приходилось и отступать, и выжидать, но если турки и достигали успеха, то лишь местного и временного. В XIX столетии от единого христианского лагеря остались одни воспоминания, в связи с усилением могущества России бывшие союзники превратились в соперников, покровителей и защитников султанской державы. Великую миссию освобождения балканских христиан от османского ига России пришлось выполнять в одиночестве и в борении не только с Высокой Портой, но и ее западными патронами. Если взять за точку отсчета 1683 год, то понадобилось 235 лет, чтобы прежняя многонациональная и поликонфессиональная империя превратилась

в Турецкую республику. Но начало этого процесса пришлось на 80-ые годы семнадцатого века. 1683 год представляется нам обоснованной и достойной датой для начала труда о балканской политике России, в котором автор использует материалы своих прежних исследований.

Итак, двуглавый орел на Балканах, 1683–1914.

* * *

Еще в 1475 году произошло событие, имевшее последствия истине неисчислимые, предопределившее неизбежность русско-турецких войн: в Крыму высадились османские войска, ханство превратилось в вассала Турецкой державы, а Черное море — в ее внутреннее озеро. Произошло это накануне падения татаро-монгольского ига (1480 год), во время колоссального усиления Великого княжества Московского при Иване III Васильевиче, присоединившем к своим владениям псковские, ростовские, новгородские, тверские, вятские земли, распространившем свою власть на удельные княжества. Не упускал он возможности и сеять раздоры между татарами. В 1502 году его союзник, крымский хан Менгли Гирей разгромил Большую орду, наследницу Золотой, в результате чего необходимость лавирования между ордами отпала и соседство с Крымом обернулось своими неприятными сторонами, которых было множество. Разбойничьи набеги на порубежные русские земли крымчане превратили в государственную политику, грабя жителей, сжигая села и города, уводя в полон население для продажи на невольничьих рынках Востока, только в первой половине XVII века — 200 тысяч душ. Княжеская, а потом и царская власть пошла на разорительные траты, соорудив Засечную черту, систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных направлениях по всему южному пограничью. Гиреев задабривали «поминками» (подарками), и немалыми, по сути — данью. «Поминки» принимались — набеги продолжались. К югу от черты лежало Дикое поле — широкая полоса плодородного чернозема, не знавшая сохи пахаря и заросшая высокой травой. И никакие набеги не могли пресечь «вторжение» крестьян на эти земли и их усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не рассматривалось как поползновение на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но и в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце XVI века трактат Ю. Верещинского был посвящен заселению земель в русских краях. По договору гетмана

И.А. Выгодского (1658 год) они входили в состав Речи Посполитой как великое княжество Русское¹.

Движение на юг являлось закономерностью отечественной истории, и инициатива принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в царском дворце, но и в крестьянской избе. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 году и поставивший на ноги дипломатию Турции, Польши и России. Донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона, ибо, как справедливо заметил войсковой круг, «и с того де града Азова чинитца многие пакости Российскому государству». В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов донцы сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его державе.

В Боярской думе и Посольском приказе воцарилась не радость, а тревога: еще не зажили раны Смутного времени, очередная война с Польшей закончилась неудачей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе голоса разделились, возобладало мнение благоразумных и осторожных: конфликт следует погасить². Пять лет длились переговоры с Высокой Портой, столько времени потребовалось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми казаками в одночасье узел. Думе удалось, задоблив донцов ружьями, порохом и сукном на кафтаны, уговорить их покинуть полуразрушенный Азов. До вооруженного столкновения с турками тогда дело не дошло. Одолевали заботы и хлопоты в другом направлении. За вхождением Левобережной Украины в состав России (1654 год) последовала тринадцатилетняя война с Польшей (1654–1667 годы), в которой в 1656–1658 годах пришлось сражаться и со Швецией. Война выдалась затяжная, изматывающая, сопровождавшаяся татарскими набегами. Гетман Юрий Хмельницкий, сын Богдана, переметнулся на польскую сторону. И все же по Андрусовскому договору Москве удалось добиться возвращения Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Чернигова, Стародуба. Польша признала вхождение Левобережной Украины в состав России³, но ее обладание Киевом ограничивалось двумя годами, а Запорожье подлежало совместному управлению двух государств. Обе стороны давали себе отчет в том, что в плане стратегическом они заинтересованы в отпоре османской экспансии. Идя по этому пути, Москва в 1681 году, после новой войны с турками, добилась согласия Порты на присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Но обусловленный Андрусовским договором срок владения Киевом истек, передача его Польше не состоялась, и в отношениях Москвы и Варшавы появилось яблоко

раздора. А в России после смерти Алексея Михайловича и его сына Федора десятилетний царь Петр делил престол со слабым телом и хилым умом братом Иваном, бразды правления взяла в свои руки сестра Софья, клан Нарышкиных ссорился с кланом Милославских, стрельцы своевольничали и бунтовали.

В это время на Западе готовилось великое — последний крестовый поход христианской Европы, назревала война с Османской империей, раздвинувшей свои границы до Венгрии. Россия была кровно заинтересована в отпоре Турецкой державе, но не готова к участию в коалиции по причине напряженных отношений с Польшей.

Инициатива в развязывании конфликта принадлежала турецкой стороне. Ситуация представлялась великому везиру Кара Мустафе, человеку решительному, честолюбивому и тщеславному, вполне благоприятной для нанесения удара: Венеция еще не оправилась от поражения в ходе долголетней войны (1645–1669 годы) с османами, в которой утратила остров Крит; Венгрии как единого целого не существовало, ее делили Турция, Римский император и мятежный магнат Имре Теколи. Могущественный король Франции Людовик XIV являлся смертельным врагом австрийского кайзера Леопольда и потенциальным союзником Высокой Порты. Войска во главе со знаменитыми полководцами А. Тюренном, С. Вобаном и А. Конде сражались в разных комбинациях с армиями Англии, Голландии, Швеции, Испании, Бранденбурга, Австрии и отдельных немецких княжеств. Людовику в это время удалось присоединить Лилль, 9 бельгийских городов, Мец, Туль, Верден, столицу Эльзаса Страсбург, он выгнал из Нанси герцога Лотарингии, входившей тогда в Германскую империю, и был заинтересован в том, чтобы отвлечь силы императора Леопольда на восток. Тайком он науськивал Порту на Австрию и писал своему послу Стамбул: «Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии, или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн»⁴.

Не от хорошей жизни османы ринулись вперед. Империя находилась в жесточайшем системном кризисе, разваливалась тимарная система землевладения — основа основ хозяйственной жизни государства и экономический фундамент вооруженных сил султаната. Вся земля принадлежала падишаху и делилась на участки, тимары и зеаметы, которые предоставлялись сипахи, кавалеристам, за службу в войске и на ее срок. Крестьян с земли не сгоняли, их обязанности по отношению к тимариоту в классический период истории (до конца XVI века) были строго регламентированы: трудовая повинность — три дня в год. При приезде «хозяина» община содержала его самого

и его боевого коня три дня, на слуг эта повинность не распространялась. В его пользу шла также часть взимаемых с крестьян налогов. Система функционировала гладко, пока империя распространялась: завоевывались все новые и новые земли, нарезались тысячи и тысячи тимаров. В XVII столетии завоевания стали сокращаться, а потом и прекращаться, и сельское хозяйство, базировавшееся на сохе, косе и мотыге, забуксовало. Поскольку все сущее устанавливалось Аллахом и смене не подлежало, идея эволюции, в том числе развития и усовершенствования средств производства, застревала в закоулках мысли, понятия прогресса и обновления отсутствовали. Ревнителю старины давали отпор любой попытке выйти за рамки привычных представлений, рассматривая это как посягательство на предначертания свыше. Усомнившихся в истинах Корана ожидала смерть.

Экономический прогресс обошел Османскую империю стороной. Открытие Ост-Индии и Америки переместило основные пути транзитной торговли из Средиземного моря в Атлантический и Тихий океаны. Таможенные поступления снизились вдвое. Поток золота и серебра, хлынувший из Латинской Америки, привел к революции цен. Началась порча монеты. Поступления в казну упали, то же самое, в миниатюре, происходило в хозяйстве каждого тимариота, получавшего фиксированную и пересматривавшуюся раз в 20–30 лет ренту. И конные сипахи утрачивали интерес к походам — ни побед, ни завоеваний, ни добычи, и стремились превратить тимар в частную собственность, в чифтлик, отлынивали от военной службы, превращались в домоседов. В XVI веке Порта могла выставить на поле боя 230 тысяч первоклассных кавалеристов, в XVIII веке — всего 50 тысяч⁵, которые по-прежнему предпочитали сражаться холодным оружием и неохотно переходили на чадящий самопал. Их эффективность в боях с вымуштрованной, обученной строю немецкой и венгерской пехотой резко упала. Изживал себя страшный налог на мальчиков из христианских семей, девширме, которых воспитывали в духе мусульманского фанатизма и превращали в янычар, составлявших ударную силу пехоты. К середине XVII столетия к девширме стали прибегать все реже. Могучее янычарское войско переродилось. Был предан забвению обет безбрачия. В корпус хлынули турки в погоне за полагавшимися привилегиями, включая освобождение от налогов. Жалование выдавалось нерегулярно, янычары стали обзаводиться лавочками и мастерскими, многие из них уваливали даже от явки на смотры, не говоря уже об участии в походах. При Селиме III в списках числилось 400 тысяч янычар, а служили едва 50 тысяч⁶.

Но Высокая Порта не видела иного способа восстановить боеспособность войска, кроме как расширив его состав, пополнив запас ти-

марных земель, так что страсть к завоеваниям имела под собой материальную почву. В качестве добычи особо лакомыми представлялись австрийские владения — хорошо обработанные, тщательно ухоженные земли: приходи и устанавливай свои порядки! Раем для гяуров называл хронист Х. Хезарфен окрестности Вены. Попытки насадить тимарную систему в малонаселенной Подолии с целинными землями с треском провалились, поскольку слишком много труда и денег они требовали. Предаваясь завоевательным расчетам, сочинители как-то забывали, что даже на прежнем пространстве империи не хватало сил для установления прямого султанского правления и распространения тимарной системы по всему периметру соприкосновения с внешним миром. В Европе той или иной степенью автономии и самостоятельности обладали Дубровник (Рагуза), Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, Трансильвания. Черногорцы упорно отстаивали свою фактическую независимость, жители горных районов Греции вообще редко соприкасались с турецкими властями. Существование православного миллета (общины) признавалось официально, и главой ее являлся Константинопольский патриарх, имевший чин трехбунчужного паши (полного генерала по-европейски) и звание везира. Но духовно христиане никогда не смирялись с мусульманским владычеством. Весь прежний строй жизни, верований и идеалов по заветам Евангелия и нормам обычного права оставался в силе. Великая заслуга православной церкви заключалась в том, что она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, болгар, греков, молдаван и валахов. Они слышали в храмах проповеди и молились на родном языке. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о былом величии, о Византийской империи, о двух болгарских царствах, о державе Неманичей у сербов, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии. А теперь же они — райа (стало по-арабски) у агареев. И когда пришло время восстаний, пастыри с крестом в руке шли в рядах борцов. И не случайно очаги волнений возникали прежде всего в контактных с внешним миром зонах — у сербов, многочисленные сородичи которых проживали в австрийских владениях, у греков, чьи колонии раскинулись по всей Европе от Лондона до Нежина, у молдаван и валахов, мечтавших скрыться под крылом двуглавого российского орла.

Внимательно следя за непрекращающимися междоусобицами в христианском лагере, в Стамбуле пришли к выводу, что объединенного отпора опасаться нечего. И в этом заключался грубейший просчет. Утверждения знамени пророка в Вене, хозяйничанья османов в сердце Европы не желал допускать никто. Даже Людовик XIV опасался

выступать в амплуа их пособника и отклонил предложение Порты о союзе. Кайзер Леопольд предпринял в 1682 году осторожный мирный зондаж в Стамбуле. Турки в качестве платы за сохранение мира потребовали передать им ряд пограничных крепостей, в том числе твердыню Дьер на пути к Вене.

31 марта 1683 года император Леопольд и польский король Ян III Собеский заключили оборонительный и наступательный союз против Высокой Порты, согласно которому они выставляли армии в 60 и 40 тысяч человек. Действовать стороны предполагали на разных участках, совместные операции предусматривались лишь в случае угрозы Вене или Варшаве. И, что важно отметить, договор содержал статью, запрещающую заключение сепаратного мира.

Кипучую деятельность по сплочению сил христианского мира развил папа Иннокентий XI, в молодости сражавшийся с османами с мечом в руке. Его можно назвать крестным отцом Священной лиги. Папские легаты способствовали сближению между Леопольдом и Яном Собеским, рассеивали недоверие между Австрией и Венецией, примиряли Речь Посполитую с Московским государством. Иннокентий щедро финансировал союзников: Леопольд получил по подписанию договора 400 тысяч талеров, Собеский — на 100 тысяч больше⁷. Папа разрешил продажу трети церковного имущества в габсбургских землях и получал кредиты от итальянских, немецких и нидерландских банкиров под церковные доходы.

В самый день заключения австро-польского союза Высокая Порта объявила ему войну с соблюдением всего полагавшегося церемониала: чтением фетвы шейх-уль-ислама, вручением Кара-Мустафе зеленого знамени пророка. Вену весть застала врасплох, шли споры насчет жалования солдатам и хлебных рационов, а также, что еще важнее, фигуры главнокомандующего. У Леопольда хватило благоразумия не искать лавров полководца, в военном деле он слыл полным профаном. Выбор пал на Карла Лотарингского, изгнанного Людовиком XIV из своих владений, — выдающегося стратега и военачальника, обладавшего обманчивой внешностью: невысокий, тщедушный, длинный нос нависал у него над подбородком, ходил обычно с скромном коричневом костюме.

Двухсоттысячная армия Кара-Мустафы представлялась грозной силой, он спешил (воевали тогда только по октябрь, и отправлялись на зимние квартиры) и двинулся прямо на Вену, не обременяя себя осадой попутных крепостей. Стамбульские стратеги недооценили преобразований европейцев в военном деле. На смену тяжелому, редко стрелявшему мушкету пришло кремневое ружье со штыком. Преж-

нее деление пехоты на стрелков и копейщиков изжило себя. Широкое распространение получили ручные гранаты, в полках появились рослые солдаты-гренадеры. Облегчались и усовершенствовались пушки. Высокой степени развития достигло фортификационное искусство, вокруг крепостных стен сооружались редуты и бастионы. Бешеному натиску кавалерии сипахи стали противопоставлять эшелонированную в четыре ряда пехоту, поддерживаемую с флангов перекрестным артиллерийским огнем. Против янычар использовалась тяжелая кавалерия кирасиров.

Османское войско впечатляло своей численностью, но на нем лежала печать тления державы. Исследователи полагают, что боеспособного состава насчитывалось 90 тысяч человек. В арьергарде шли вспомогательные отряды молдаван и валахов, несшие хоругви с изображением Богородицы, не расположенные защищать знамя с полумесяцем. Фланги охранялись крымской конницей, опустошавшей окрестности на много верст вокруг и лишавшей тем самым войско необходимого ему продовольствия и фуража.

Император Леопольд с семьей загодя покинул столицу, провожаемый недобрыми взглядами, а то и язвительными замечаниями поданных. Августейшие беглецы погостили в Линце, а затем перебрались в Пассау. Оставшимся в Вене гарнизоном командовал опытный и отважный граф Р. Штаремберг. Сердца жителей дрогнули, когда они с высоты крепостных стен увидели десятки тысяч костров и палаток.

Осада началась в июле, один приступ следовал за другим, Кара-Мустафа хотел одержать победу до того, как к Вене подтянутся союзные силы. 3 августа удалось пробить брешь в стене, Штаремберг стал готовиться к уличным боям. Но и турки устали от траншейных работ, постоянных схваток, болезни уносили больше людей, чем сражения, убыль в личном составе достигла 50 тысяч человек, но в строю еще оставались 150 тысяч. А к союзникам подтягивались полки саксонцев, баварцев, баденцев, швабов, франконцев, всего удалось собрать 70 тысяч солдат и офицеров. 12 сентября Карл Лотарингский и Ян Собеский дали бой. Карл пробился к лагерю осаждавших, разметав охранявших подступы к нему татар, молдаван и валахов, особого упорства не проявивших. Решающую роль сыграла атака польской кавалерии во главе с удалым королем, врезавшаяся в ряды янычар и опрокинувшая их строй. Кара-Мустафа отступал до Белграда, где его ждали палачи. Казнили его, как полагалось казнить особу столь высокого ранга, — задушив шелковым шнурком.

В Европе воцарилось воодушевление: неужели рассеялся кошмар нашествий, висевший над христианами 300 лет? А фронт союзников стал давать трещины, всплыли старые ссоры и раздоры. Поляки, ба-

варцы и саксонцы удалились в свои края. Испанские Габсбурги оказывали сильное давление на Леопольда, требуя замирения с турками — авось те после разгрома успокоятся, надо сосредоточить силы на Рейне для противодействия притязаниям Людовика XIV. Антиосманское крыло в австрийской правящей элите имело сильного покровителя в лице папы Иннокентия XI. После долгих колебаний император принял судьбоносное решение — продолжать борьбу. К союзу удалось привлечь Венецию.

5 марта 1684 года в Линце был подписан договор между Австрией, Польшей и Венецианской республикой, четвертым участником выступал римский папа. Родилась Священная лига. Ее члены обязались воевать против Высокой Порты до подписания с ней почетного мира и не идти на сепаратные сделки. Австрийцы должны были вести операции в Венгрии, поляки — в Подолии, венецианцы — в Адриатическом и Эгейском морях и в Далмации. Иннокентий XI участвовал в войне своими галерами, а главное — деньгами и авторитетом. Россия примкнула к лиге через два года, уладив дела с Польшей.

Целью операций в Венгрии являлось взятие Буды, оплота турок в Центральной Европе, стратегической позиции, на которую опиралась цепь крепостей. С ее взятием выходила из строя вся система османской обороны, а австрийцы становились хозяевами судоходства по Дунаю. Леопольд устанавливал контроль над всей Венгрией и выполнял обещание своего предка Фердинанда, данное за полтора столетия до описываемых событий, — изгнать турок из страны и объединить ее.

Бои затянулись, взять с ходу Буду не удалось. Потеряв 24 тысячи человек убитыми, ранеными и умершими от болезней, австрийцы и баварцы сняли осаду крепости. Не принес успеха и 1685 год, хотя имперские войска получили пополнения из немецких княжеств и их численность достигла 120 тысяч. Контингент польских войск, действовавших на Украине и в Молдавии, напротив, уменьшился до 20–25 тысяч по причине финансовой слабости Речи Посполитой и раздорам между короной и магнатами, а также особой позиции литовской знати, выступавшей за мир и союз с Москвой. Венгрия подверглась страшному опустошению, армии обеих сторон как бы состязались в жестокости и лихоимстве. Особенно свирепствовал имперский генерал Э. Караффа, называвший себя «бичом мадьяр». Его солдаты «предавали всех мечу, не разбирая возраста и пола, не обращая внимания на стоны и слезы, не щадя несчастных, умолявших их на коленях о пощаде»⁸.

Решающие успехи принес 1686 год, удача избрала Карла Лотарингского своим фаворитом. Имперский рейхстаг выделил Леопольду «турецкую помощь» в 2 миллиона 750 тысяч флоринов. К

лиге примкнула Россия. Военная слабость и внутренние раздоры в Речи Посполитой привели к тому, что союзники все менее считались с королем Яном Собеским. В Варшаве росло стремление урегулировать отношения с восточным соседом и с его помощью оторвать Крымское ханство от Высокой Порты и прекратить татарские набеги. Пришлось пойти навстречу требованиям Москвы. В апреле был подписан договор о «вечном мире» между Россией и Польшей, по которому Варшава согласилась наконец признать не временный, а безусловный переход Киева с округой в состав Российского государства. Москва закрепляла за собой Смоленск, Левобережную Украину, Киев с землями между реками Ирпением и Стугной с городками Васильков, Стайки, Триполье, Запорожье. Россия выплачивала Речи Посполитой 146 тысяч рублей. Православные епископы в Польше и Литве подчинялись киевскому митрополиту, предусматривалась свобода православия в Речи Посполитой. Что касается католиков в России, их права обрисовывались скромнее, говорилось о свободе отправления культа в домашней обстановке. Стороны заключили наступательный союз против Крымского ханства и Османской империи на время войны и оборонительный навечно. Попытки Яна Собеского побудить царевну Софью и князя Василия Васильевича Голицына предпринять в том же 1686 году поход против Крыма успехом не увенчались: они ссылались на необходимость тщательной подготовки операции и обещали лишь препятствовать татарским набегам на польско-литовские земли. Полномасштабное выступление против Крыма намечалось на 1687 год, что и было зафиксировано в договоре⁹.

В июне 1686 года Карл Лотарингский двинулся к Буде во главе армии в 40 тысяч штыков, состоявшей из имперских контингентов, бранденбургских, швабских и франконских полков. Отдельной колонной и по другой дороге шел баварский корпус (22 тысячи бойцов) Макса-Эммануила, не желавшего подчиняться Карлу. Прибывали волонтеры — итальянцы, испанцы, португальцы, французы, голландцы, англичане. Английский король Яков II приказал своему сыну прервать учебу в Сорбонне и надеть мундир.

18 июня союзные войска окружили Буду. Кольцо осады постепенно сжималось. Удалось захватить господствующую над городом высоту Геллерт. Крепостные стены были разрушены артиллерийским огнем до такой степени, что турки не решались устанавливать на них пушки. Великий везир Сулейман, двигавшийся с войском на выручку городу, по пути потерпел поражение, пробиваться к Буде не решился и в бессилии наблюдал за общим штурмом 2 сентября.

Хотя от гарнизона осталось всего 5 тысяч человек, он сопротивлялся упорно; резня на улицах произошла страшная, комендант Абдурахман с горсткой уцелевших сражался до конца и пал с саблей в руке.

Назвать происшедшее освобождением не поворачивается язык. Озверевшая солдатня предала Буду мечам и пожарам, особенно свирепствовали ворвавшиеся в нее первыми баварцы. Грабили и убивали всех подряд — мусульман, христиан, иудеев. Многие евреи хотели скрыться на кораблях, стоявших на Дунае, но их схватили и предали смерти, а их имущество присвоили. Часть своих единоверцев спас банкир С. Оппенгеймер за большой выкуп.

Впечатление от победы было потрясающим, наконец-то европейцы избавились от турецкой угрозы, висевшей дамокловым мечом сотни лет, некоторые оптимисты размечтались об изгнании османов в Азию. Карл Лотарингский взял Шипош, Печ, Капошвар, Сегед. В 1687 году успехи продолжились. В августе полководец разгромил армию великого везира в битве у местечка Надьхаршань, в которой особо отличился Евгений Савойский. Во главе полка цесарской конницы он ворвался в ряды стойко оборонявшейся неприятельской пехоты и обратил ее в бегство. После этой победы оставшиеся в Венгрии крепости почти все сдались без сопротивления. Мадыарское дворянство спешило загладить грех неповиновения. Леопольд вырывал оппозицию с корнем. Венгрию он рассматривал как неприятельскую страну, и свои грабили и опустошали ее так же беспощадно, как чужие. На объявленную еще в 1684 года амнистию власти не обращали внимания: «Эпоха реконкисты имела свои теневые стороны, — признавал В. Тапье, — офицеры и солдаты армии обращались с освобожденным населением с неслыханной жестокостью, занимались вымогательством, грабежом в такой степени, что, как это ни парадоксально, не раз заставляли жалеть (об уходе) турок»¹⁰. На этом мрачном фоне Леопольд утвердил свою власть в стране. Государственное собрание в Пожони (ныне Братислава) безропотно подчинилось его воле: был отменен обычай избрания венгерских королей, престол был утвержден за родом Габсбургов по мужской линии, сословия отказались от древнего (с 1222 года) права оказывать сопротивление монарху, который освободил себя от обязанности регулярно созывать собрание.

В 1687 году Россия, связанная с лигой договором с одной только Польшей, внесла свой вклад в общее христианское дело. Еще в конце прошедшего года по городам огласили указ великих государей Ивана и Петра, от имени которых правила царевна Софья, о сборе ратных людей для похода на Крым. Призванные под знамена не спешили, многие оказались в нетчиках (беглецах). Воеводой большого полка (глав-

нокомандующим) назначили князя Василия Васильевича Голицына, царевнина фаворита, крупного государственного деятеля и дипломата, но полководца никудышного.

Великолепный роман Алексея Толстого «Петр Первый» рисует картину беспробудной отсталости Руси времен Алексея Михайловича и его сына Федора. Это далеко не так. Именно тогда произошло объединение с Украиной и велось освоение Сибири. Преобразования коснулись и вооруженных сил. Собравшееся в поход войско на $\frac{2}{3}$ состояло из полков иноземного строя, солдатских, рейтарских и гусарских. Но и прорех в организации обнаружилось предостаточно. По разрядной росписи войско насчитывало 113 тысяч пеших и конных плюс 50 тысяч донских казаков и запорожцев¹¹. На самом деле в пунктах сбора на реке Самаре собралось 100 тысяч. С советом гетмана И. Самойловича — выступать ранней весной, когда в степи зеленеет травка, подножный корм для конского состава, — не посчитались, через реку Конские Воды рать переправилась и вступила на землю Крымского ханства лишь в середине июня 1687 года. Солнце палило, кругом — безводная степь да силуэты конных крымцев на горизонте. Вскоре степь заволокло дымом — татары подожгли сухую траву. Выгорела полоса растительности в 200 верст шириной, образовав своего рода оборонительный рубеж на подступах к Перекопу. Конница, обозные и артиллерийские лошади лишились корма. Военный совет высказался за прекращение похода, и большой воевода В.В. Голицын приказал отступать. Итог — десятки тысяч ратников умерли не от ядер, пуль и стрел, а от жажды, истощения и болезней.

В 1689 году князь вторично пытался пробиться в Крым. Выступили рано, в марте. Весна, как на зло, выдалась дождливая. Люди с трудом шли по грязи, колеса артиллерийских лафетов и обозных телег увязали в ней по ступицу. Узкий (7 верст) Перекопский перешеек татары превратили в мощный оборонительный рубеж: глубокий ров, за ним — земляной вал с семью опорными башнями обороны, за которыми — цитадель с десятками пушек. Наступила жара, люди маялись от недостатка хлеба и пресной воды. Князь Голицын запросил воевод: что делать? Те отвечали: «Служить и кровь свою пролить готовы, только от безводья и бесхлебья занедажились, промыслять под Перекопом нельзя, и отступить бы прочь»¹². На штурм перешейка Голицын не решился и распорядился отходить. Татары восемь дней преследовали войско. Царевна Софья попыталась было наградить своего любимца. Юный царь Петр отказался подписать соответствующий указ. Он обрел самостоятельность.

Несмотря на неудачу, походы на Крым внесли весомый вклад в общие усилия членов Священной лиги. Они отвлекли стотысячное

крымское войско от операций на Балканах и тем способствовали успеху армий Австрии, Польши и Венеции. Однако в глазах кайзера Леопольда, короля Яна Собеского и венецианского дожа москвиты выглядели неудачниками.

Успехи союзников на Балканах продолжались. В 1687 году кайзер Леопольд обратился с воззванием к жителям полуострова, призывая их выступить против угнетателей. Обращение встретило отклик в Боснии, Сербии и Болгарии. Сербь, по словам патриарха Арсения Черноевича, «выставили 19 тысяч конного и пешего войска» и развернули партизанскую войну в тылу османской армии¹³. Сопrotивление турок слабело, осенью 1688 года сравнительно легко был взят Белград, важнейший стратегический пункт, место сосредоточения войск султаната для удара в сердце Европы. В городе удалось захватить много складов со снаряжением и продовольствием. Путь в глубь Балкан был открыт. Армией лиги в Сербии командовал Макс Эммануил Баварский. Людвиг Баденский прорвался из Венгрии в Боснию. Венецианцы заняли Афины, что произвело большое впечатление во всей Европе, хотя прославленный город превратился к тому времени в захудалое местечко. На севере Болгарии вспыхнуло восстание (Второе Тырновское). В Вене предавались размышлениям о занятии Герцеговины и Далмации. Но тут в события вмешался неумный Людовик XIV, развязавший третью в его царствование завоевательную войну, на сей раз за пфальцское наследство. Его поползновение на европейскую гегемонию привело к созданию Аугсбургской лиги (Голландия, германский император, Швеция, Испания, Бавария, Саксония, с 1689 года — Англия). Война растянулась на девять лет, на границу с Францией пришлось перебросить многие полки с Балкан, на Рейн отправились опытные полководцы Карл Лотарингский и Макс Баварский. Но самым тяжелым ударом для Священной лиги явилась смерть Иннокентия XI, ее вдохновителя и казначея. Преемник, Александр VII, выдающимися качествами не обладал. Денежный поток из Рима нельзя сказать чтоб иссяк, но обмелел, что отразилось пагубным образом на численности и состоянии боевого духа христианского воинства.

Турки оправились. Новый великий везир Мустафа из знаменитого албанского рода Кепрюлю в 1690 году вытеснил неприятеля с Балкан. Начался террор, особенно жестокий в Старой Сербии, в Косове. «Все эти земли опустели, — печалился летописец, — церкви божии сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен, настало худшее разорение и пленение...» Самой тяжелой потерей явилась сдача Белграда, в души робких вселился страх: а не придется ли снова думать о защите Вены?

Произошел великий исход сербского населения, охваченного ужасом перед неминуемой местью турок. 40 тысяч семей, с детьми, домашним скарбом и скотом, всего более 100 тысяч душ, покинули родные места и двинулись в неведомые края¹⁴. Шли пастыри, несли кресты и иконы. Возглавлял переселение Печский патриарх Арсений Черноевич. А на покинутые земли, в Старую Сербию, ныне именуемые обычно Косовом, мигрировали албанцы. Далеко в глубь истории уходят корни конфликтов, сотрясающих ныне Сербию!

Император Леопольд благосклонно принял переселенцев, обещал предоставить им землю, уважать православную веру, разрешил им жить по прежним законам и обычаям. Венский двор достигал сразу двух целей: заселял и возрождал хозяйственную жизнь в опустошенных и обезлюдевших южных комитатах Венгрии; приобретал перво-классную воинскую силу. Новоприбывшие становились граничарами, военными поселенцами, охранявшими порубежье с Турцией. Они освобождались от всех налогов и несли лишь охранную службу. Жалованье полагалось только офицерам.

Остановить османский натиск удалось в сражении при Саланкеменце в августе 1691 года, одном из самых кровопролитных в жестоком XVII веке. Турки потеряли в нем 19 тысяч человек, в том числе великого везира Мустафу-пашу, у христиан число павших и раненых достигало 7 тысяч, а Людвиг Баденский увенчал себя лаврами полководца.

Наступило затишье до 1695 года, стороны истощили свои силы. Первыми пришли в себя османы и в битве при Лугоже разгромили имперские войска. Леопольду пришлось обратиться за помощью к курфюрсту Саксонскому Фридриху Августу. Тот дал согласие, однако потребовал для себя пост главнокомандующего, хотя даром полководца не обладал. Но Вене повезло: курфюрст был избран на польский престол под именем Августа II, с легкостью перейдя для этого из лютеранства в католичество. Генералиссимусом союзных армий стал Евгений Савойский, участник обороны Вены, чье полководческое дарование сомнений не вызывало. Полуфранцуз-полуитальянец с примесью немецкой крови (он даже подписывался «Эугенио фон Савоя»), пятый сын Одимпии Манчини, племянницы кардинала Д. Мазарини, он от родителей не унаследовал ничего, даже прославленной красоты матери — небольшого роста, невзрачный, хотя и державшийся с большим достоинством, смолоду бедный, как церковная мышь. Увлеченный борьбой с османским нашествием, он бежал из Парижа и сделал блестящую карьеру под знаменами императора.

К тому времени война за пфальцское наследство затухала, одолеть пол-Европы маршалы Людовика XIV оказались не в состоянии.

Участники Священной лиги получили возможность сосредоточить на Балканах большие силы. Имперский сейм ввел налог на войну по всей Германии; Саксония, Швабия, Бранденбург, Бавария выделили контингенты. Духовенство пожертвовало часть своих доходов. Венеция строила суда и спешно подбирала экипажи.

Армия двинулась вниз по течению Дуная. 11 сентября 1697 года у местечка Зента, у моста через Тису, произошло генеральное сражение. Принц Евгений воспользовался тем, что силы противника оказались разделенными рекой, обрушил артиллерийский огонь на пехоту, оставшуюся за Тисой, а сам атаковал тех, кто успел переправиться. 20 тысяч турок пали в битве, в числе их и великий везир. Султан Ахмед в бессилии наблюдал с другого берега реки за гибелью армии и удавился в бегство, оставив в добычу победителям даже личные вещи. На следующий день Евгений Савойский проснулся признанным великим полководцем. Король Людовик XIV, получив вести о Зенте, перестал затягивать мирные переговоры, и по Рисвикскому миру (сентябрь-ноябрь 1697 года) уступил большую часть прежде завоеванных земель, включая Лотарингию¹⁵.

Ободряющие вести приходили и из Москвы. Азовские походы Петра I окружены легендой: начало великих дел. Мы здесь и в дальнейшем намерены строго придерживаться истины — ни восторгов, ни уничижительных оценок. Итоги первой кампании (1695 год) — взяты две «каланчи», башни по берегам реки, между которыми протянута цепь, препятствующая выходу судов в море. Трофеи — одно знамя, одна пушка, один пленный. Всю зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, корабль за кораблем спускался на воду и отплывал вниз по Дону. Азов в 1696 году был занят. В Москве предавались торжеству. Но ведь Азов — всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их надо взять, чтобы пробиться к открытому морю, — Кинбурн, Очаков, Бендеры, Хотин, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу (Журжево), Силистрия.

Умом государственного деятеля Петр создавал: необходима акция европейского значения, следует влить свежие силы в Священную лигу, доказать свою необходимость для победы, чтобы добиться цели. Прозорливость молодого царя, его способность масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед проявились в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские, и прежде всего южнославянские народы. Весь юг и даже центр России в плане экономическом заинтересован в прорыве к Черному морю и далее, через проливы Босфор и Дарданеллы, к открытому океану. Этим путем на западные рынки должно хлынуть зерно со сказочно

плодородных черноземных полей. Прорыв мыслился в сочетании с богоугодным делом освобождения христиан Юго-Восточной Европы. Царь писал патриарху Адриану о своих трудах (10/21 сентября 1697 года): «Чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, возвратяся против врагов имени Иисус Христа победителями, а христиан тамо будущщ освободителями благодатию Его быть»¹⁶.

Нашупывались пути проникновения на Балканы, к тамошним христианам направлялись эмиссары. В головах у дьяков, сочинявших «наказные статьи», еще царил туман. Так, капитану Г. Островскому (октябрь 1697 года) велено было ехать «в земли и места, ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли». Островский до таинственной Шклявонии добираться не стал, а осел в Венеции и там собирал сведения о Балканах.

Гораздо больший интерес представляют путевые дневники стольника П.А. Толстого, в будущем графа, видного государственного деятеля и дипломата. Он осел в Дубровнике (Рагузе). Его послания можно рассматривать и как впечатления путешественника, и как размышления разведчика о стратегическом значении Дубровника¹⁷.

Великое посольство 1697–1698 годов — выдающееся событие в летописи сношений отечества с Западом, по словам британского историка Г. Маколей, — эпоха в истории всего человечества¹⁸. Но нельзя забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, «подтверждение дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд»¹⁹. Послы информировали союзников об операциях российских войск в низовьях Днепра, взятии Таванской и еще трех небольших крепостей. Вест о великой победе при Зенте Петр встретил неоднозначно. Он отправил Леопольду полагавшееся поздравление, но заподозрил, что австрийцы воспользуются триумфом для заключения мира на благоприятных для себя условиях, при том что Россия оставалась еще очень далека от желательных результатов, а султан «мыслит иметь миру», дабы «себе отдохновенье учинить и связь христианских государей прервать»²⁰.

Увы, он был прав. Россия была соединена долгие годы со Священной лигой одним договором с Польшей, игравшей в союзе вторую скрипку. В 1697 году спохватились, и в феврале поспешно заключили союзный договор с Австрией и Венецией. Но он не содержал ключевого для Москвы пункта — обязательства заключать мир лишь с ее согласия; предусматривались только консультации с нею по ходу переговоров. В акте говорилось витиевато, но в то же время определенно:

о турецких предложениях мира иным союзникам (России) полагалось «ведомо чинити, и купно всем тем разговором объяти и вместити и им обо всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити...»²¹. Обязательства согласовывать с Москвой условия мира союзники на себя не брали. После битвы при Зенте охотников продолжать войну с турками, помимо Москвы, не обнаруживалось, просьбы с российской стороны «позадержаться» с миром, чтобы «могли все довольство воспринять», не встречали отклика. Открылась неприятная истина — Россию использовали, но с ее интересами не считались. Царь тщетно выразил надежду на то, что его просьбы «презренными» не останутся. В другой раз он заметил: «основание мира положено по воле цесарского величества», а следовало уточнить условия с общего совета всех союзников. Канцлер королевства Богемского, чешский аристократ граф Ф. Кинский разъяснил Петру, что цесарь влез «в великие долги», а «поляки и венеты ненадежны»²². Впрочем, посольство в объяснениях и оправданиях не нуждалось: Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701–1714 годы). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи своей давно умершей жены, собирался посадить на освободившийся престол Испании своего внука. Австрия, Англия, Нидерланды готовились выступить против, и не существовало силы, способной склеить заново Священную лигу.

С просьбой о личном свидании с кайзером Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем он получил согласие. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, но никаких дел, ими занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи зашли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес к взаимному здоровью. Император не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

На конгрессе в Карловице (Сремски-Карловцы, 1698–1699 годы) российские союзники добились для себя серьезных итогов. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая — Подолию с крепостью Каменец, Венеция — Морею (южную часть Балканского полуострова), причем каждая страна заключила с Высокой Портой отдельный договор. Россия осталась если не в стороне, то на обочине конгресса. Партнеры охотно предоставили бы ей возможность продолжать войну с Турцией в одиночку. Понадобилось большое упорство со стороны думного дья-

ка П.Б. Возницына, чтобы добиться перемирия на два года на основе принципа ути посидетис (чем владеешь). А мечталось о многом. В качестве желательных условий «пристойного и во всех наших ползах и прибытках мира» значились: присоединение Керчи, прекращение татарских набегов, свобода торговли сухим путем и морем «до Константинополя и далее до Синопа и далее до Трапезона». Не были забыты и христианские народы: «Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоежь веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей...»²³. Изменился весь баланс сил: христианская Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую, мусульманская Турция перешла к обороне (хотя временами и в дальнейшем противоборстве добивалась успеха). С иллюзиями пришлось расстаться. Упомянутые выше материалы свидетельствуют об осознании стратегических задач российской политики на южном направлении на столетие вперед. Вице-адмирал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность того, «дабы все корабли московские свободно и без помешательства... во все турецкие пристанища (порты) заходить могли»²⁴. Поскольку «пристанища» находились и на Средиземном море, Крюйс ставил вопрос о проходе судов через Босфор и Дарданеллы. Усилиями Возницына Турция признала вхождение Азова в состав России, но перемирие заключалось лишь на два года. Перед московской дипломатией встала задача добиться прочного мира, а внимание ее было отвлечено на север, где вырисовывалась перспектива укрепления позиций на Балтике.

Могущество Швеции тревожило соседей. Замаячила возможность сотрудничества с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией, с тем чтобы совместными усилиями если не изгнать, то хотя бы потеснить шведов в Прибалтике, да и в Германии. Из Москвы приходили вести о стрелецких волнениях, и Петр заспешил домой. Как он ни торопился, но все же задержался на несколько дней в Раве-Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом Саксонским и королем Польши Августом II. Молодые люди приглянулись друг другу, пировали от зари и до зари, проводили смотры войск, Петр мастерски бил в драгунский барабан. Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, они не создавали, что в Раве-Русской в августе 1698 года были заложены основы союза трех стран, России, Польши и Саксонии, против Швеции. Петр был в восторге от нового друга. Август, прозванный Сильным, легко гнул подковы, на ниве галантных походов превзошел Дон Жуана, побочным детям его не было числа, его сын Мориц Саксонский стал маршалом Франции. Но сам Август был посредственным правителем, бездарным пол-

ководцем и вероломным союзником. Тщательно изучавший его деяния, а заодно и делишки Н.Н. Молчанов именовал его коронованным проходимцем. Знал бы царь о советах Августу его доверенного лица И.Р. Паткуля: надо «крепко связать руки этому могущественному союзнику (Петру), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска» (Лифляндию)²⁵. На август и ноябрь 1699 года пришлось заключение союзных договоров с Данией и Польшей, засим последовал указ о формировании 30 новых полков.

Но руки у царя были связаны: прежде чем заняться северными делами, следовало заменить зыбкое двухгодичное перемирие с Турцией солидной договоренностью. Нечего было и думать о войне на Балтике без обеспечения на юге от возможных ударов Порты. В Стамбул на переговоры снарядили опытного дипломата Емельяна Украинцева, в помощь ему дали дьяка И. Чередеева Прибыли на место они 3 (14) сентября 1699 г. на корабле «Крепость». Девять месяцев длилось их «сидение» в османской столице. О программе максимум, включая обретение Керчи, россияне не заикнулись, и без того «мест притыкания», как тогда говорили, было предостаточно.

С потерей Азова турки смирились. Удалось избавиться от унижительной дани крымскому хану. Правда, ведший переговоры с османской стороны грек А. Маврокордат, занимавший пост драгомана Порты, советовал «подарки» время от времени все же делать, пуская в ход странный для высокого турецкого сановника язык: «и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали». (Или в этом проявлялась его православная душа?) Попытка добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулась на жесткий отпор: «По Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». Жаркий спор разгорелся вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых российскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение; отстояв их, Москва обеспечивала себе контроль над низовьями Днепра и плацдарм на подступах к Крыму. Емельян Украинцев пытался придать притязаниям оборонительную видимость: здесь сподручно задерживать татарские набеги. Турки возражали: еще сподручнее использовать городки для наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Реис-эффенди говорил с «великим гневом»: султан никого на свете не боится, Аллах создал турок «со всеми творить войну и побеждать мечем». Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась за Османской империей, но они подлежали срытию, от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись земли «пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут»²⁶. К концу

«сидения» послы умаялись, их мучила жара и бесконечные проволоочки турок. Много хлопот доставлял командир корабля «Крепость» П. Памбург, один из тех авантюристов, которые тогда стаями слетались в Россию. Прибытие в Стамбул он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитательниц сераля. Затем последовали стычки с поставщиками продовольствия на судно, которых Памбург пригрозил повесить на реях. С трудом совместными усилиями послов и турецких властей удалось вывести судно в устье Босфора, и выходы буйного капитана прекратились. А царь сгорал от нетерпения и требовал от Украинцева: «Токмо конечно учини мир, зело нужен»²⁷.

3 (14) июля 1700 года мир с турками на 30 лет был подписан. 6 (17) августа гонец с вестью о нем прискакал в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо снаряженная армия двинулась в поход на Балтику, навстречу нарвскому поражению.

Петра неудача не обескуражила. Зимой он провел в лихорадочных трудах по восстановлению воинской силы. Невиданно быстро Россия начала брать реванш — уже осенью 1701 года обозначились крупные успехи Бориса Петровича Шереметева.

Тревожно складывались отношения с Высокой Портой. В Стамбуле не простаки сидели, прозвучавшие уже заявки на Керчь и свободу судоходства по Черному морю показывали, как далеко зайдут московские притязания. Соблазн воспользоваться занятостью Петра на севере и ударить в незащищенное южное подбрюшье России был велик. В Стамбул снарядили опытного и рассудительного мужа, ближнего стольника П.А. Толстого. Главное, что ему предписывалось в «тайных статьях», — разведать, «собирается ли султан государство в покое или в войне содержать». Путь его лежал через Молдавию. Господарь спросил его, можно ли ходатайствовать о принятии княжества в российское подданство. Толстой дал разочаровывающий ответ: «Невозможно принять и иметь его за подданного... потому что он подданный салтанский»²⁸.

Поощряя умеренных в диване, раздавая меха и золото, Толстой способствовал сохранению мира на южном порубежье. Реис эфенди он поднес 40 соболей, присовокупив к ним совет — не слушаться адептов войны, Маврокордату — соболю шубу и 700 рублей деньгами, Шейх уль ислам заломил было дикую цену — 3 тысячи дукатов ежегодно, удалось сговориться на более скромной сумме. С помощью подобных средств, не представлявшихся тогда экстраординарными, удавалось рассеивать опасения, турки сидели смирно «скудости ради денежной и внутренних настроений».

А на севере творились великие дела. Ситуация в Турции резко изменилась в худшую для России сторону после Полтавской победы.

Проницательный Петр Андреевич объяснял причину в письме канцлеру Г.И. Головкину: «...Не изволь изумляться, что я прежде сего, когда король швецкой был в великой силе, доносил, что не будет от Порты противности к стороне царского величества. А ныне, когда шведы разбиты, сомневаюсь. И сие мое усумнение от того исходит, понеже турки видят, что ныне царское величество есть победитель сильного короля швецкого и желает скоро совершить свой интерес в Польше, а потом уже, не имея никакого препятствия, может начать войну и с ними, и с турками»²⁹.

Вскоре Толстой на собственном печальном опыте убедился в справедливости своих опасений. Укрывшийся в Бендерах после поражения Карл XII соблазнял диван шведской помощью и поддержкой своего ставленника на польском престоле Станислава Лещинского в случае турецкого столкновения с Россией. Крымский хан жаловался на оскудение после прекращения московской дани и рвался в поход. Мнение «мужей меча» возобладало. Шейх уль ислам в ноябре 1710 года дал фетву на войну с Россией. Тайного советника Толстого на дряхлой кляче провозили по всему городу и бросили в подземелье Семибашенного замка. Петр сил не жалел, пытаясь избежать войны. Он взывал к державам о посредничестве, соглашался на переход Карла через Россию в Швецию в сопровождении охраны в 500 человек, был готов отвести войска от границы, лишь бы прийти к «приятному примирению». Уступки не помогали. В декабре крымская конница двумя лавами хлынула на Харьков и Левобережную Украину. Набег удалось отбить, но Петру пришлось расстаться с надеждой на мирный исход. В феврале 1711 года он нехотя подписал манифест о войне. Фельдмаршал Б.П. Шереметев получил приказ двинуться с армией в 40 тысяч штыков и сабель в Молдавию. Противник собрал втрое большие силы, не считая крымской конницы.

* * *

Прутский поход задает историку много загадок: почему царь вместо искусной обороны ринулся в неведомую даль? Как полководец, он отличался осторожностью и предусмотрительностью. Всем памятные строки Пушкина о Полтавской битве:

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон.
И смерть, и ад со всех сторон.

Менее известно язвительное высказывание Василия Осиповича Ключевского насчет «тридцати тысяч отошавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда двадцатисемилетний скандинавский бродяга», то есть Карл XII. Налет художественного преувеличения в этих словах чувствуется, но и большая доля истины в них есть. Петр целый год водил неприятеля по России, прежде чем дать генеральное сражение. Подходившие к Карлу подкрепления были разгромлены. Смерть на полтавском поле изрыгали всего 4 шведские пушки против 72 русских. Баталия уникальна в том смысле, что огонь вела лишь первая линия войск, вторая оставалась в резерве. Потери — всего (для такой битвы!) 4 тысячи человек. И исход Северной войны предопределен, Россия — великая держава! По сравнению с этим Прутский поход выглядит верхом непредусмотрительности.

Царя мучили предчувствия, А.Д. Меншикову он писал о «безвестном и одному Богу ведомом пути», в который он пустился. Именно тогда он учредил Правительствующий сенат и повелел: «Сенату всяк да будет послушен так, как нам самому». Он оформил церковным браком (пока еще тайным) свою многолетнюю связь с лифляндской крестьянкой Мартой Скавронской, ставшей в России Екатериной Алексеевной, заметив: «Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли житие иметь»³⁰.

Представляется обоснованным мнение Н.Н. Молчанова: царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на погранные османами земли, как последует общий взрыв возмущения. Депутации в своих ходатайствах рисовали соблазнительную перспективу военной прогулки, «невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидают русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоявшие события изображались так, что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено всеобщим восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, молдаван и валахов»³¹.

Бояре и духовенство Дунайских княжеств давно стучались в российские двери. Валашский господарь К. Брынковяну имел в Москве своего уполномоченного Г. Кастриота, который уверял: достаточно войска численностью в 3–4 тысячи человек, чтобы добиться освобождения. «Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство». На Валахию зарится Вена, но, клялся Кастриот, «все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарское»³². Думный дьяк

П.Б. Возницын, пользовавшийся доверием Петра, полагал: «Если б дойти до Дуная, не токмо тысячи, тьмы нашего народа, нашей веры, и все миру не желают». В вышедшей в 1703 г. в Бухаресте книге «Догматическое учение восточной церкви» Петр именовался «императором всея Великие и Малые и Белые Руси и многия других земель на Востоке и Западе отчич и дедич». Иерусалимский патриарх Хрисанф взывал к царю (1707 год): «...Весь православный народ, под владением туранским обретающийся, пребывает в великой бедности, скорби и нужде и нигде не обретет утешения и отрады, кроме как по Бозе уповаает без замедления видеть освободителя своего, нового Моисея, ваше непобедимое и державное величество»³³.

3 (14) марта 1711 года Петр обратился с примечательным манифестом к балканским христианам, отражавшим уровень знаний российской элиты о положении южных славян, молдаван, валахов, греков, их роли в завязавшемся противоборстве с Османской империей. Начиналось обращение с идеологического обоснования свержения «ига тиранского турецкого салтана, понеже турки варвары, христианской церкви и православной веры гонители, многих государств несправедливо завоеватели и многих церквей и монастырей разорители», которые как «волцы овец расхищали и стадо христианское разоряли, и толикие христианские провинции в подданство несправедливо привели, яко доныне тиранством и мучением оные разоряют и в поганскую магометанскую веру насильно приводят».

Далее следовала основная часть: весной он намерен «противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владательства его входити и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от поганского его ига освободити». Завершался манифест призывом ко всем «добрым, чистым и кавалерским сердцам», «презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю каплю крови пролити.» И тогда, с Божьей помощью, «Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество, в пески и степи аравийские»³⁴, хотя тюркские племена появились совсем из иных степей и песков, среднеазиатских. Нельзя не сказать все же, что поставленная задача — изгнание турок из Европы — ни в малой степени не соответствовала силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией. Манифест уместно сопоставить с двумя другими появившимися тогда документами, и тогда проступят контуры политической линии России на много десятилетий вперед. 15 (26) апреля, находясь в Луцке, Петр подписал «Диплом и пункты» молдавскому князю Димитрию Кантемиру, выразившему желание «со всею землею и народом» встать под протекцию Москвы.

Царь выразил на то свое согласие: принц «с сего времени под защитением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно». Пункты, по имеющимся данным, составил сам Кантемир, и они отвечали чаяниям молдавской элиты: вся правительственная власть оставалась у князя, и по «прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их». Престол становился наследственным в роде Кантемиров³⁵. Так проявилась черта, ставшая традиционной для России, — уважение к законам, нравам, обычаям, образу жизни, культуре присоединяемых народов. В другом обращении, от 8 (19) мая, Петр свидетельствовал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем». Здесь явно проглядывала мысль о территориальной насыщенности России. Далее следовал важнейший постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности балканских христиан: «Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею нашею»³⁶.

Очевидно, «Диплом и пункты», пожалованные Димитрию Кантемиру, Петр считал моделью будущих отношений со всем христианским миром Балкан.

А оттуда поступали ободряющие вести. Господарь Валахии Константин Брынковяну обещал выставить 20-тысячную армию, появившись русские на Дунае. Кантемир хотел примкнуть к ним с 10-тысячным отрядом и обещал снабжать их продовольствием. В соратники записывались «австрийские сербы». От них поступали жалобы на «кривды» властей и просьбы — иметь их «за своих подданных и верных», сопровождавшиеся заверением, что сербы «всегда готовы служить против Бусурман без всякой платы жалованья, никакого ружья не требуя, за одно православие»³⁷. Однако ссориться с новым римским цесарем Иосифом I было в высшей степени неблагоприятно, с ним хотелось бы заключить союз, и Посольский приказ прошения о подданстве пропускал мимо ушей. Черногорцы всем миром заверяли: они готовы «за церковь святую восточную, нашу мать, и за святые места, за православие, а наипаче за тебя, великого государя... вси военным на неприятеля идти и души свои положить». Петр взбодрился, «в уши царя и его главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русскими войсками»³⁸.

В действительности все пошло вкривь и вкось. 30 мая (10 июня) войска Шереметева переправились через Днестр и вступили на мол-

давскую землю. В Яссах их встретили колокольным звоном, господарский совет принял присягу царю. Но множились тревожные признаки. Страшная жара предвещала засуху, фельдмаршал известил Петра: хлеба достать невозможно. Не удалось предотвратить переправу главных сил великого везира Мехмеда Балтаджи-паши через Дунай, как то предусматривалось планом кампании. Турки заподозрили князя К. Брынковяну в измене, тот оробел и не решился двинуться навстречу русским, заявив им, что они промедлили с выступлением и освободили его от принятых обязательств.

На военном совете с участием Петра обсуждался вопрос: не повернуть ли назад? Роковое решение принял он. Войска отправились вниз по течению реки Прут, окруженные роем неуволимых крымских всадников. У местечка Станилешти войска были окружены. В «Истории швейской войны» царь определял свои силы в 38 246 человек и еще 5 тысяч молдавских добровольцев, у турок — 120 тысяч плюс 75-тысячная крымская конница³⁹. 9 (20) июля последовала атака янычар, отбитая с тяжелыми для них потерями. Но в осажденном лагере — ни хлеба, ни воды, и солнце палило беспощадно. Царь отправил к Балтадже-паше подканцлера П.П. Шафирова, опытного и выдержанного дипломата. Петр шел на серьезные уступки, что свидетельствовало о его душевном состоянии. Он полагал, что османы не оставят своими заботами шведов и включают соответствующие пункты в свои требования. Он готов был расстаться не только с Азовом и Таганрогом, но и почти со всеми завоеваниями в Прибалтике, лишь бы оставить доступ к Финскому заливу с Петербургом. В случае нужды он соглашался уступить Псков и «иные провинции». 11 (22) июля он отправил Шафирову в османский лагерь записку: «...Ставь с ними на все, что похотят, кроме шклафства» (рабства, плена); «И дай нам знать конечно сего дни, дабы свой десператный путь могли, с помощью Божьей, начать» (в случае турецкого отказа решено было прорываться)⁴⁰.

Балтаджи-паша о настроении царя не знал, Шафиров благоразумно выслушал его претензии и, отталкиваясь от них, повел торг. О шведских интересах везир не упомянул, турки не желали выступать гарантами будущего российско-шведского урегулирования, шалый Карл XII доставил им немало хлопот своими интригами, они стремились сбить его с рук. 12 (23) июля Шафиров подписал мир, немедленно утвержденный царем. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обещала скрыть Таганрог и Каменный Затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала безопасный проезд Карлу в Швецию⁴¹.

Король, живший недалеко, в Бендерах, узнав о замирении, вскочил на коня и прискакал в турецкий лагерь, когда последние русские

полки, под барабанный бой, выходили из окружения. Перед шатром Балтаджи-паши разыгралась драматическая сцена. Карл, топая ногами, требовал дать ему под начало 20 тысяч янычар, и он приведет царя Петра пленным. Паша невозмутимо отвечал, что Коран запрещает подчинять мусульман неверному.

При медлительности тогдашних сообщений балканцы не скоро узнали о произошедшей на реке Прут трагедии. Повстанческое движение охватило Старую Сербию, Герцеговину, Северную Албанию. 18 (29) августа консул в Венеции А.Ф. Боцус сообщал: «Из негромонтанов (то есть черногорцев. — *Авт.*) собралось до сего времени с лишним десять тысяч». От событий он отстал и полагал: «Ежели крепкие наши войски через Дунай пройдут, то учинятся по всей Румелии, Македонии и Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общего врага христианов»⁴².

Но «крепкие войски» сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше, Германии, далеко-далеко от Дуная. Канцлер Г.И. Головкин просил балканцев не играть с огнем и воздержаться от военных действий. Черногория подверглась нашествию армии Нумана-паши и опустошению.

* * *

Жесткие для России условия Прутского мира предстояло еще отстоять в Константинополе. Далеко не всех в султанском диване удовлетворяли его положения, военная партия боролась со склонявшимися к компромиссу. Балтаджи-паша получил отставку, был предан смерти — задушен шелковым шнурком, что не предвещало ничего доброго. В качестве заложников на берега Босфора отправились П.П. Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева Михаил, спешно произведенный из полковников в генерал-майоры. Султан Ахмед III дважды объявлял России войну, единожды демонстративно отправился в Адрианополь, традиционное место сбора османской армии. Трех несчастных, П.А. Толстого, П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева, то бросали в казематы Семибашенного замка, то освобождали. «Ветеран», Толстой, провел в общей сложности 17 месяцев в «сырой темнице, зело мрачной и смрадной», а потом в «малой избе». Карл XII и союзная ему французская дипломатия интриговали без устали. По словам Шафирова, они «мечутся как бешеные собаки денно и ночью всюду, для того я вынужден ныне последние силы и умишко употреблять».

В конце концов сторонники компромисса в Стамбуле одержали верх, и Константинопольский договор 1714 года подтвердил основные условия Прутского мира, включая обязательство Москвы обеспечить безопасное возвращение Карла в Швецию. Последнее показывало, что турки устали от его интриг и стремились от него избавиться.

Тихо покинуть Бендеры король не пожелал, и султан Ахмед «обратил свой гнев» на него. Турки, по свидетельству Шафирова, требовали отъезда монарха «по варварскому обычаю сурово, но король по своей солдатской голове удалой» решил сопротивляться⁴³. С сотней приверженцев, со шпагой в руке, он вступил в схватку с тысячной массой противников, потерял несколько пальцев, половину уха и сдался. Тайно, под чужим именем, через Венгрию, Австрию и Германию, в сопровождении одного спутника он вернулся в Стокгольм. А 15 лет назад он оставил Швецию во главе 60-тысячного, лучшего в Европе войска.

Остается преклониться перед отечественной дипломатией, достигшей, по оценке Н.Н. Молчанова, того, что казалось невозможным, обеспечившей мир на юге.

И по-человечески, и с государственной точки зрения понятно, почему Петр старался преуменьшить размер постигших страну и его лично бед. Он пытался сгладить впечатление от прутской трагедии и у соотечественников, и за рубежом, и слегка подредактировал русский текст договора: «достигнут мир, хотя и не без печали». Отечественная историография, следуя по стопам царя, склонна рассматривать неудачу в молдавской степи как осечку: «Что касается России, то для нее война с Турцией была прежде всего досадным эпизодом Северной войны, отвлекшим ее от борьбы за Балтийское побережье»⁴⁴.

Если сводить перспективы российской внешней политики к одному балтийскому направлению, подобная оценка справедлива, но если подходить к ее развитию с позиций многовариантности, то в нее необходимо внести коррективы. Выход к Балтике давал стране многое, но не все. Будущее сельского хозяйства лежало на неосвоенном черноземном юге, и не по замерзающей Балтике следовало вывозить зерно за рубеж. Освоение же причерноморского плодородия с логической неизбежностью и с математической точностью должно было повлечь новые столкновения с Высокой Портой.

Если же подходить с позиций многовариантности к перспективам стратегической направленности внешнеполитического курса, то Прутский мир отбросил Россию на южном направлении к рубежам конца XVII века. Страна лишилась выхода даже к мелководному Азовскому морю, выстроенные в Воронеже с великими трудами корабли сгнили.

Понадобилось полвека и две кровопролитные войны, чтобы добиться отмены всех тягостных условий договора.

Планы освобождения Балкан пришлось отложить в долгий ящик. Но контакты с населявшими их народами продолжались, правда, на более низком уровне. В 1715 году в Петербурге побывал митрополит Данила Петрович-Негош, являвшийся не только духовным, но и светским главой Черногории, с ходатайством об установлении протектората над страной и предоставлении ей денежной субсидии. И на то, и на другое он получил согласие. Установленная тогда субсидия, по началу скромная, выплачивалась чуть ли не двести лет и являлась своего рода гарантом фактической независимости Черногории.

Тогда же началось переселенческое движение балканских христиан в Россию. Мужчины-новопоселенцы записывались в гусарские полки. В январе 1715 года Петр издал указ об отводе молдавским, валашским и сербским солдатам и офицерам земель в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалования (капитанам — по 60 рублей и 60 четвертей ржи и овса в год, рядовым — соответственно того и другого по двенадцати). На тревожном порубежье сохранялось административное деление на полки, жители несли службу. В 1723 году последовал новый указ с призывом к сербам вступать в гусарские полки. Но в следующем году налицо был один полк неполного состава — 175 солдат и офицеров: сербов, молдаван, болгар, венгров, македонцев. Австрийские власти неохотно отпускали своих подданных на зарубежную службу. Таково было скромное начало переселенческого движения с Балкан в Россию.

Мучительно тяжелым выдался путь армии домой, каждый день она оставляла 600–700 трупов на дороге. Уцелело 13 тысяч человек — из сорока тысяч, переправившихся через Днестр в мае. Измученный Петр отправился в Карлсбад залечивать телесные и душевные раны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Аршакова А.М.* Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века. М., 2000. С. 8; *История внешней политики России XV–XVIII в.* М., 2000. С. 317

2 *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1962. Т. 3. С. 230–235

3 *Савин Г.А.* Порты, Крым и страны Восточной Европы // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М., 2001. С. 70–71

4 *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги во главе войны с османами 1683–1699 г. // *Османская империя и страны...* С. 243

- 5 *Sugar P.* Southeastern Europe under Ottoman Rule. Seattle; L., 1977. P. 193, 241
- 6 *Inalcik H.* The Ottoman Empire, The Classical Period 1300–1600. L., 1973. P. 98
- 7 *Gaber S.* Et Charles V arrêta la marche des turks. Nancy, 1986. P. 77
- 8 Ibid. P. 90
- 9 *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны... С. 300
- 10 *Tapie V.S.* Monarchie et les peuples du Danube. P., 1969. P. 165
- 11 *Разин Е.А.* Указ. соч. С. 253–256
- 12 Там же. С. 262
- 13 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1986. С. 22
- 14 *Достян И.С.* Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей... // Османская империя и страны... С. 367; *Богословский М.М.* Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 507–508
- 15 Подр. см.: *Priesdorf K.* Prinz Eugen. Hamburg, 1940
- 16 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 193–194
- 17 Там же. С. 199–201; Политические и культурные отношения... С. 11, 12, 16, 17
- 18 *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 131
- 19 О посольстве см.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 18. М., 1963. С. 542; *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в нач. XVIII в. М., 1971. С. 28; Письма и бумаги... Т. 1. С. 205, 209, 211, 213
- 20 Там же. С. 210
- 21 Памятники сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867. С. 417
- 22 Письма и бумаги... С. 257, 259, 261, 262, 260
- 23 Там же. С. 295–299, 304–309
- 24 *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 5. М., 1948. С. 108
- 25 *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 302
- 26 *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 198, 110, 113; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 252; текст Константинопольского мирного договора см.: Письма и бумаги... Т. 1. С. 368–376
- 27 Письма и бумаги... С. 332, 310, 353
- 28 Письма и бумаги... Т. 2. СПб., 1889. С. 30
- 29 Там же. С. 164
- 30 *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 41; *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 283
- 31 Там же. С. 281
- 32 *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 472–474

- 33 *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 49, 50; *Camariano N.A.* Mavrocordat, le grand drogman. Thessaloniki, 1970. P. 85
- 34 Политические и культурные отношения... С. 29–30
- 35 Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 172–176, 363
- 36 Там же. С. 226–227
- 37 *Кочубинский А.* Сношения России при Петре с южными славянами и румынами. М., 1872. С. 25–27
- 38 *Орешкова С.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971. С. 96; *Кочубинский А.* Указ. соч. С. 41; *Молчанов Н.Н.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 83
- 39 Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 36
- 40 Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 562–571, 617
- 41 Текст Прутского договора см.: Там же. С. 322–323
- 42 Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. С. 423–424
- 43 *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 362, 303
- 44 *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 288; *Орешкова С.Ф.* Указ. соч. С. 136

НА ПОДСТУПАХ К БАЛКАНАМ

После замирения с Турцией Петр погрузился в германские дела и застрял в них всерьез и надолго. Закономерным являлось его стремление «врасти» в европейскую политическую систему, встать твердой ногой на Балтике, пошатнуть здесь еще сильные позиции Швеции. Но что касается избранных средств...

Петр разворошил немецкий «запоздалый феодальный муравейник, суебливый и в большинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся». Лучше В.О. Ключевского не скажешь. Удовлетворив притязания одних, царь ссорился с другими. Помимо крупных стран — Пруссии, Саксонии, Дании, Польши — он вовлек в Северный союз Курляндию, Мекленбург и Гольштинию. Ключевскому принадлежат злые слова, в которых, однако, содержится доля горькой истины: после Полтавы Петр разменялся «на саксонские, мекленбургские и датские пустыки, продлившие девятилетнюю войну еще на двенадцать лет»¹.

Царь с азартом предавался брачной дипломатии. Сына Алексея он женил на принцессе Шарлотте Вольфенбюттенской, племянницу Екатерину Иоанновну выдал замуж за герцога мекленбургского Карла Леопольда, впутавшись, по замечанию Н.Н. Молчанова, «серьезно и несчастно в бесконечные немецкие дразги»². Союзники алкали вознаграждений, и русские солдаты сражались, сражались, сражались.

Обнаружилось, что «друзья» ничуть не меньше врагов боялись установления российской гегемонии на балтийском побережье. Лондонский кабинет пришел к выводу, что молодая Россия здесь куда опаснее старой Швеции. Столкнувшись с угрозой коалиции против него в составе Великобритании, Голландии и Дании, Петр вывел войска из Мекленбурга. Прежний конфидент Август II Саксонский и Польский не откликнулся на призыв прекратить гонения на православных в Речи Посполитой и предложил царю удалить оттуда рос-

сийскую армию, дабы не навлекать на поляков шведское нашествие. В марте 1716 г. Петр направил Августу несслуханный в дипломатии документ, «меморию досад». Герцог Карл Леопольд оказался немецкой разновидностью самодура; встречались, оказывается, и такие. Он рассорился с дворянством, император Карл VI засадил его в темницу, Екатерина Иоанновна вернулась к матери, царице Прасковье. Сам кайзер в бессилии наблюдал, как Петр, без его ведома и согласия, хозяйничал на севере Германии, мирил и ссорил фюрстов и вместо шведского влияния устанавливал здесь собственное. Отношения с Австрией испортились несмотря на наличие с ней общих интересов, прежде всего в отношении борьбы с Турцией. Обе страны были заинтересованы в подрыве французских позиций в Польше и Швеции. В 1718 году дело дошло до разрыва дипломатических отношений между Веной и Петербургом, к счастью длившегося всего два года, — и здесь, и там пришли в себя.

Возвращаясь к резкому высказыванию В.О. Ключевского, стоит задаться вопросом: может быть, вместо того, чтобы десять лет бултыхаться в немецком омуте, стоило прибегнуть к стратегии прямого удара по Швеции через Финляндию? Ведь следующая война со Стокгольмом выдалась краткой (1741–1743 годы), сравнительно малокровной и победоносной для российского оружия. А успех двуглавого орла в Скандинавии сказался бы и на балансе сил в южной Прибалтике.

Пока его царское величество занималось распутыванием бесчисленных немецких узлов, соперники спешно и успешно решали дела балканские в свою пользу.

В 1714 году Высокая Порта, решив, что Габсбургская монархия достаточно измотана участием в войне за испанское наследство (1701–1714 годы), решила перейти в наступление. Первый удар был направлен по владениям более слабой Венецианской республики. Не прошло и года, как ее власть на юге Балканского полуострова пала. Однако попытка перенести военные действия на Ионические острова успехом не увенчалась. Центральным островом Корфу османы завладеть не могли. 9 (20) августа 1716 года разразившаяся на море буря разметала турецкие суда, молва приписала это покровительству святого Спиридона христианам. Существовала, однако, и земная причина поспешного бегства турок из прибрежных вод: к острову на всех парусах спешили корабли Неаполя, Испании, мальтийских рыцарей и папского престола. И главное, вмешались австрийцы. Великий полководец Евгений Савойский советовал кайзеру Карлу VI откликнуться на мольбы венецианцев о помощи и вмешаться в войну с далекоидущими целями — освободить всю Венгрию, занять устья Савы и Дуная, установить свой

контроль над всем течением великой реки. В апреле 1716 года союзный договор с Венецией был возобновлен.

Принцу Евгению и пришлось осуществлять поставленную задачу. 5 августа в битве у Фрушка-Гора он разгромил армию великого везира Али Дамада. О размерах турецкого поражения говорят трофеи — 176 знамен и 5 бунчуков. В октябре ему на капитуляцию сдалась крепость Темешвар (Тимишоара). Зимой тогда не воевали, полководец отправился в Вену и был восторженно встречен жителями. Покинул он столицу в мае 1717 года, в разгар празднеств по случаю рождения эрцгерцогини Марии Терезии. Никто тогда не предполагал, что девочку ожидает великое будущее.

Цесарское войско насчитывало 100 тысяч солдат и офицеров. Принц, по его словам, «слегка растерялся»: «на ловлю счастья и чинов» к нему слетелись 24 князя, не считая многочисленных дворян рангом ниже со всей Европы.

В середине июля принц Евгений осадил Белград. Но в городе — 30-тысячный гарнизон, в августе к Белграду подошла армия великого везира Халила-паши. Утром 16 августа Евгений Савойский стремительной атакой обратил в бегство турецкое воинство, которое побросало артиллерию, обоз и даже везирскую канцелярию. Гарнизон не успел сделать вылазку и через несколько дней сдался на капитуляцию. Императорские войска, почти не встречая сопротивления, заняли Сербия и большую часть Боснии.

Самое бы время и Петербургу вмешаться, но...

21 июля в сербском городе Пожаревац был подписан крайне выгодный для Австрии договор: к ней отошли Банат с Темешваром, Северная Сербия с Белградом, Западная Валахия (Олтения). Мир предусматривал охрану христианских святынь в Палестине. Подписанная тогда же торговая конвенция предоставляла подданным кайзера право торговли во всех османских владениях при умеренной ввозной и вывозной пошлине (3%). Партнерами на бумаге и бедными родственниками на деле в переговорах выступали венецианцы, поскольку сражаться во имя возвращения незадачливым союзникам утраченных ранее земель кайзер не пожелал. Республика святого Марка лишилась Мореи и некоторых островов Ионического архипелага.

Вена торжествовала, она фактически в одиночку нанесла поражение Османской империи и прочно утвердилась на Балканах. Савойского пышно чествовали, папа Климент XI преподнес герою усыпан-

ную драгоценными камнями шпагу, а народ распевал песню «Принц Евгений, благородный рыцарь».

* * *

Тяжкая судьба выпала на долю Петра в последние годы жизни. Мучили его не только болезни. Сын Алексей, считал он, предал его дело, а к отступникам царь пощады не знал. В августе 1716 года тот получил отцовское распоряжение — принять участие в десантной операции в Швеции. По пути Алексей скрылся в австрийских владениях (местечко Вейсбург — крепость Эренберг) и наконец осел в Неаполе. Кайзер Карл, его свояк (оба были женаты на сестрах, принцессах Волфенбюттенских; правда, Алексей был уже вдовцом), ему покровительствовал. П.А. Толстой по поручению царя выследил беглеца и выманил его обещанием прощения (что подтверждали собственноручные письма царя). В январе 1718 года Алексей вернулся на родину³. Последовал процесс; судить об обоснованности и правомерности предъявленных ему обвинений в государственной измене бессмысленно: царевича 6 раз водили в застенки, 6 раз подвешивали на дыбе и истязали кнутом, и «злой умысел» был доказан. 127 высших сановников послушно подписали приговор о предании Алексея смертной казни. Впрочем, в этом не было нужды: 28 июня 1718 года Алексей «преставился» якобы самостоятельно⁴.

Царь, несомненно, расчищал путь к престолу маленькому Петру Петровичу, но жизнь не щадила Преобразователя: Петруша умер в 1719 году, не дожив до четырех лет. Царь, по тогдашним понятиям, достиг преклонного возраста, думы о судьбе державы после его ухода мучили Петра. А вокруг трона — пустота, никто из людей, связанных с ним кровными узами, не обладал искрой Божьей.

В 1722 году император издал длинный и нудный «Устав о наследии», который В.О. Ключевский с полным основанием именовал злополучным⁵. Его содержание можно изложить кратко: монарх волен назначать себе преемника по своему усмотрению. За подобным заявлением следовало ожидать имя наследника — иначе в чем был смысл указа? Петр не назвал никого: кандидатов, заслуживавших подобной чести, не существовало. У подножия трона возник плацдарм для столкновения интересов и игры страстей. Только полной безысходностью можно объяснить появление подобного акта.

В 1724 году произошло еще одно труднообъяснимое событие: Петр с помпой провел коронацию супруги Екатерины Алексеевны.

Для участия в церемонии образовали специальный элитный эскадрон кавалергардов, прижимистый царь обложил города специальным налогом — по полтине с каждого — на проведение торжеств. Но в том же году его постиг новый удар: обнаружилась амурная связь жены с красавцем камергером Виллемом Монсом, младшим братом Анны, его любовницы в юные годы. Петр был скор на расправу, Виллем расстался с жизнью на эшафоте. Верный денщик Алексашка превратился в фельдмаршала, светлейшего князя и герцога Ижорского Александра Даниловича Меншикова, и по совместительству первого казнокрада империи, состоявшего под следствием. «Меншиков в беззаконии зачат, в гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой, и, если не исправится, быть ему без головы», — отзывался император о бывшем любимце⁶.

Кольцо одиночества вокруг Петра Великого сомкнулось.

* * *

Преобразователь скончался под утро 28 января 1725 года в страшных мучениях, и трон стал игрищем противоборствовавших вельможных клик. Наступила пора «случайностей» на престоле (выражение В.О. Ключевского), «птенцы гнезда Петрова» шли стенка на стенку, титана у власти сменили пигмеи. Братья Долгорукие выступали за воцарение малолетнего Петра, сына царевича Алексея; Меншиков и Толстой, лютые враги убиенного, прямо причастные к его гибели, выдвинули кандидатуру императрицы Екатерины Алексеевны, ссылаясь на ее коронацию. Спор решился в их пользу, дворец окружили войска, подчинявшиеся Меншикову как главе военной коллегии.

Скоро стало ясно: бывшая портомоя (прачка) Марта Скаврнская в государственных делах ничего не смыслит и управлять не может. Появился Верховный тайный совет, выполнявший «роль костыля, без которого императрица не могла ходить»⁷.

Екатерина государственные интересы путала с семейными и заявляла, что всем пожертвует ради любимой дочери Анны, выданной замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Сей последний жаждал вернуть в свое владение Шлезвиг, отторгнутый у него коварными датчанами, и, разумеется, с помощью русских штыков и пушек. На Балтике принялись снаряжать эскадру, на сухом пути — готовить 40-тысячный экспедиционный корпус. А за Гольштинией виднелась британская тень. В мае 1726 года на рейде Ревеля (Таллина) появилась англо-датская эскадра в 31 выпел. Верховный тайный совет обсуж-

дал вопрос о затоплении, в случае нужды, своих кораблей в порту, сопротивляться плавучей армаде не было возможности. В 1727 году британские паруса вновь появились на Балтике. Но после смерти Екатерины идея о походе на Данию скончалась сама собой.

Конфуз произошел и с другой акцией — с попыткой утвердиться в Курляндии, где Анна Иоанновна пребывала во вдовствующем положении после кончины супруга, герцога Фридриха Вильгельма от неумеренных возлияний. Объявился претендент на престол в Митаве в лице побочного сына польского короля Августа II, Морица Саксонского, красавца и донжуана (о его полководческих талантах никто тогда не подозревал). Он явился в Курляндию, предложил Анне Иоанновне руку, благоразумно умолчав о сердце. Вдова млела от восторга и просила российский двор дать согласие на брак. Мориц времени не терял, сумел понравиться местному дворянству и был избран на престол.

В Петербурге с опозданием спохватились, что Курляндия на глазах уплывает к Польше. Объявился и собственный кандидат в курляндские герцоги в лице ненасытного А.Д. Меншикова. В Митаве, однако, он встретил холодный прием: не немец, не лютеранин, да и герцог уже избран.

Верховный тайный совет решил прибегнуть к силе и изловить Морица. Окружили замок, где он предположительно ночевал. В одном из окон появилась закутанная в плащ фигура, которая начала спускаться по веревочной лестнице. Будучи схваченной, она оказалась особой женского пола.

Тогда было решено снарядить в Митаву целую военную экспедицию во главе с генералом П. Ласси. Мориц, однако, заблаговременно скрылся, оставив преследователям сундук с любовными письмами разных дам и девиц. Бегство пошло ему на пользу: вместо прозябания в захолустной Митаве он превратился в маршала Франции, победителя сражения при Фонтенуа (1745 год). Но и цель Петербурга была достигнута. Курляндией продолжали управлять потомки гроссмейстера Ливонского ордена Кетлера, российское влияние в ней окрепло⁸.

Россия после смерти Петра переживала нелегкие времена. Произошел колоссальный рост ее могущества и роли в международной жизни. Но какой ценой? Ни одна держава не может воевать почти сорок лет без ущерба для себя. Е.В. Анисимов констатирует: «Петр разорил собственную страну для создания новой армии»; «истощение народного хозяйства, сотни тысяч беглых на Дон и в Польшу, опустевшие деревни, гигантские недоимки в сборах налогов, бунты и мятежи — такова картина страны в конце петровского царствования»⁹.

Правительство поспешило снизить подушную подать с 74 до 70 копеек в год, простило недоимки, вернуло из ссылки политических заключенных. Попытка сократить военные расходы не удалась, навести порядок в ведомстве, руководимом Меншиковым, помешала императрица. Как деликатно выразился П.А. Толстой, обнаружилось «несоответствие»: ведомству удалось отчитаться о расходовании только 10 миллионов рублей из выделенных 17 миллионов, но никто не потребовал наказать царицына любимца.

В наследии Петра оказались излишества внешнеполитического плана. Завоеванные в персидском походе 1722 года провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран, Дербент, Баку) стали тем жерновом на шее, который государству тащить было не под силу, налоги там не собирались, жители разбегались, войска (10 пехотных и 7 кавалерийских полков) маялись в непривычно жарком климате. Возникла уникальная ситуация: Верховный тайный совет мучился над вопросом — как бы избавиться от завоеванного? Казалось бы, нет ничего легче: вернуть Ирану. Но тот воевал с Высокой Портой, и неудачно для себя, так что добыча могла оказаться у Османской империи, от чего избави боже! Поэтому передача Персии земель растянулась на десять лет. В 1735 году российская армия вернулась на рубежи реки Терек.

Заботили и европейские дела. После победы в Северной войне и заключения в 1721 году Ништадтского мира распался союз с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией. Российского могущества соседи боялись, способствовать его наращиванию не желали, смерть Петра встретили со вздохом облегчения, перестав ощущать его тяжелую руку. В Копенгагене, сообщал посланник, при вести о кончине императора «подлые с радостью опились было». Россия очутилась в мало-приятном положении международной изоляции. Выход из нее виделся в заключении союза с ведущей европейской державой. Выбор не случайно пал на Австрию. А.И. Остерман в обоснование этой ориентации писал о совпадении «натуральных интересов» двух государств, и первым среди них называл «убавление турецких сил»¹⁰. Мнение о неотвратимости движения на юг, к Азову, и дальше, к морю, укоренилось в политическом сознании.

Остерману, который в течение 15 лет фактически возглавлял Коллегию иностранных дел (канцлер Г.И. Головкин фигурой крупного масштаба не являлся), принадлежит важная заслуга — разработка внешнеполитического курса послепетровского времени. Он, по замечанию Г.А. Некрасова, усвоил «основные элементы внешнеполитической системы» Преобразователя¹¹. Андрей Иванович сочетал в себе добродетели и пороки века Просвещения, был образован, начитан, знал

несколько языков. Он принадлежал к тем иностранцам, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной, в жены взял девицу из семейства Стрешневых, пустил в стране корни. Взятки он не брал, и, невиданное дело, отказывался даже от традиционных щедрых подношений по случаю заключения международного договора, обладал умом острым и аналитическим. И в то же время он был честолюбив, тщеславен, мстителен, склонен к интриге и нажил себе множество врагов. «По трупам соперников уверенно и медленно продвигался к власти ловкий Остерман», — писал Н.И. Павленко¹². Ответственности и связанной с ней кары он боялся в такой степени, что его привычка «заболевать», когда нужно было ставить подпись под «опасной» бумагой или принимать нежелательного посетителя, вошла в поговорку. У него случались даже «провалы в памяти», если вспоминать надлежало нечто неприятное.

Именно Остерман подал в 1725 году в Верховный тайный совет записку из рода тех, что ныне именуются ситуационным анализом, в которой ратовал за долгий и прочный союз со Священной Римской империей германской нации (Австрией). Общность интересов двух стран он находил прежде всего на турецком направлении. За плечами Габсбургской монархии — два века сопротивления османской экспансии в Европе, и в Вене были убеждены: счесть с турками еще не сведены. Даже коронационная присяга римского цесаря содержала пункт о борьбе с «неверными»¹³.

Незадачливую Екатерину на троне сменил недоросль Петр II, который с упоением предавался охоте, свора его собак насчитывала 600 голов. К государственным делам он интереса не проявлял, да и годы были не те. Затем произошло сказочное вознесение на престол Анны Иоанновны, жизнь которой прежде складывалась уныло и убого в провинциальной Митаве с постоянными унижительными просьбами о деньгах.

Говорить о государственном кругозоре полуграмотной Анны Иоанновны беспредметно, не то ее интересовало; губернаторы по ее распоряжению разыскивали карлиц, стариц и шутов поболтливее: монархиня страсть как любила сплетни. Находила царица время и для знакомства с протоколами страшной Тайной канцелярии, куда людей волокли при малейшем оскорблении величества. Анна Иоанновна обладала богатырской статью, твердой рукой и метким глазом. Отсюда — страсть к охоте. Но поскольку выезжать в чистое поле или в лес было лень, она палила из окон загородных дворцов по несчастному зверью, которое тогда водилось в изобилии. Ее трофеи впечатляют: за один 1739 год — 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волк, 374 зайца и 608 уток. Немалое подспорье к дворцовому столу!

Перемены на троне не влияли на основы внешнеполитического курса. Оно и к лучшему: ничтожества, его занимавшие, были способны разве что поставить подпись под нужной бумагой. Делами занимались государственные мужи из Петрова гнезда, внешняя политика не осталась без руля и ветрил. Отечественная историография, избавившись от синдрома обязательной сокрушительно-разгромной критики всего, что было связано с самодержавием, обнаружила в царском окружении людей крупного масштаба, способных здраво взвесить и определить геостратегическое направление политики государства. По свидетельству немецкого историка М. Шульце-Весселя, «даже в период мнимого упадка русской внешней политики в Петербурге учились рационально формулировать и отстаивать собственные интересы, политически взаимодействуя с европейской системой государств»¹⁴. Опасения «с той стороны» насчет российского могущества свидетельствовали о его наличии.

В июле 1726 года был подписан союзный договор с Австрией, в котором стороны гарантировали неприкосновенность своих владений. Его «секретнейший артикул» предусматривал взаимопомощь в случае турецкого нападения на одну из держав. Е.В. Анисимов именует его «осью Петербург — Вена», придавшей устойчивость российскому внешнеполитическому курсу¹⁵. Но сконцентрировать все внимание на его южном направлении не удавалось, сумятица европейской политической жизни отвлекала внимание в разные стороны. Кайзер Карл VI, которому природа не подарила сыновей, заботился прежде всего о передаче всех своих многочисленных владений дочери Марии Терезии, издав для сего Прагматическую санкцию. Объектом поползновений с разных сторон после смерти в 1733 году Августа II стала Польша. Встрепенулся прогнанный Петром с престола Речи Посполитой Станислав Лещинский, пользовавшийся покровительством Парижа. Магнаты и шляхта отнеслись положительно к кандидатуре Лещинского, который уже четверть века сидел на французских хлебах. По причинам, до сих пор не ясным историкам, да и оценке с точки зрения здравого смысла не поддающимся, в жены 15-летнему королю Людовику избрали 22-летнюю Марию Лещинскую, по понятиям того времени уже старую деву (при наличии 80 девиц, родители которых домогались избрания дочерей!). А королеве надлежало быть потомком владетельного монарха, а не нахлебника, что придавало дополнительный стимул стремлению Парижа утвердить Станислава на Варшавском троне и усугубляло без того сложные проблемы между Россией и Речью Посполитой. Последняя предлагала себя на роль барьера на пути России в Европу, отказывалась признать императорский титул

за ее монархами, уклонялась от гарантии российских приобретений в Прибалтике, а тут еще перспектива появления в Варшаве французской марионетки!¹⁶ Кабинет министров пришел к выводу: Станислав — «русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя». Анна Иоанновна обратилась к кардиналу-примасу с предостережением: «Ни мы, ни другие соседние державы избрания оного Станислава или иного какого кандидата, который в той же зависимости и интересах быть имел... никогда допустить не можем»¹⁷. Предупреждение не подействовало, тревожному сигналу не вняли. Лещинский тайно, переодетый приказчиком, пробрался на родину. 11 сентября 1733 года на рыцарское коло в Варшаву собралось 60 тысяч конников в блестящих доспехах, и сейм избрал его королем. Сплочению депутатов немало способствовало парижское золото, щедро рассыпанное перед сеймовыми послами.

Но 4 тысячи раскольников, и среди них фигуры влиятельные — епископ Познанский, князья Радзивиллы, Любомирские, Сапегы, графы Огинские, — переправились через Вислу и, под сенью 20-тысячной армии фельдмаршала П.П. Ласси, высказались в пользу кандидатуры саксонского курфюрста Августа. Лещинский «во всякой скорости», как писали русские источники, бежал в Данциг (Гданьск) под защиту крепостных стен и в ожидании французского флота. Тот прибыл, но не в нужном числе кораблей, и быстро покинул балтийские берега. Лещинскому пришлось бежать в Пруссию, переодевшись, для разнообразия, в крестьянское платье. И уже делом техники и больших финансовых вливаний явилось утверждение на престоле Августа III. Как свидетельствовал российский посланник Г.И. Кейзерлинг, в Варшаве слова и представления «суть пустые чаши, которые, если золотом не наполнены, у поляков впечатления и звука не производят»¹⁸.

Вена с сочувствием следила за российскими операциями в Польше, но сама была поглощена войной с Францией, столь неудачной, что кайзер Карл VI просил о российской поддержке. Армия П.П. Ласси стала готовиться к походу на Рейн. Напрасно. В результате мирных переговоров Габсбурги потеряли Неаполь и остров Сицилию, перешедшие к испанским Бурбонам.

Опасность подкрадывалась с юга. Высокая Порта нервно реагировала на российские успехи в Польше и вспомнила о подзабытом Прутском договоре, запрещавшем России вмешиваться в польские дела. Везиры изматывали резидентов И.И. Неплюева и сменившего его А.А. Вешнякова требованиями о выводе российских войск из Поль-

ши. И тот, и другой имели соглядатаев и в диване, и во французском посольстве, которые за мзду держали их в курсе дел. Столкновение с Турцией удалось отсрочить до 1735 года. В мае Порты предписала Крымскому хану двинуться с 70-тысячной ордой через Кавказ в Персию, с которой у нее шла война. Конница должна была пройти и по землям российской короны. То была реакция на возвращение Персии завоеванных ранее Петром I земель и одновременно открытый вызов Петербургу.

В августе 1735 года передовой отряд генерала Леонтьева двинулся к Крыму, но до Перекопа так и не добрался. Полили дожди, в октябре выпал снег, пало 3 тысячи лошадей, и Леонтьев повернул назад. Еще теплилась надежда, что удастся ограничиться крымским экспедицией и избежать столкновения с османским войском. Однако А.А. Вешняков своими шапкозакидательскими реляциями способствовал разжиганию воинственных настроений: «...теперь турки совершенно другие, сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей незаконной власти, и да сподобит Всевышний ваше величество ее искоренить»; «Теперь самое полезное время не только к сломлению зверской гордости, но и к окончательному ниспровержению всего этого незаконного сонмища». Все выходило гладко на бумаге: «Так как Турция находится в крайней слабости, то от вашего величества зависит повелеть войскам идти прямо на Константинополь: как скоро они вступят в Буджак, то тамошние татары покорятся. Молдавия и Валахия поднимутся непременно. По переходе через Дунай и овладении магазинами встанет и остальное население, отягченное и разоренное до такой степени, что домов своих отступается; христиане поднимутся по всей Греции, останется напугать Константинополь и заставить бежать султана; для этого достаточно несколько морских судов повести к каналу (к Босфору. — *Авт.*) и посадить тысяч двадцать войска...»¹⁹.

Тем горше оказалась действительность.

Весной 1736 года приступили к осаде Азова. Обложили город и с суши, и с воды. 19 июля комендант, не ожидая приступа, сдал город на капитуляцию. После этого фельдмаршал Б.Х. Миних предпринял поход на Крым. Перекопские укрепления удалось преодолеть быстро, защищавших их татар перебили или пленили. Войско вырвалось на просторы полуострова, мирное население бежало, оставляя в аулах запасы и пожитки. Миних торжествовал и извещал Анну Иоанновну: «Мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать». Но благодать продолжалась недолго. Под Бахчисараем произошло сражение,

полгорода сгорело, включая ханские палаты. Больше организованного сопротивления степняки не оказывали, но роем вились кругом. Войско страдало от жары, конский состав нес потери от бескормицы (татары сожгли всю траву по дороге в Кафу (Феодосию), и Миних повернул назад, к Перекопу. Военный совет решил: ввиду распространения болезней, нехватки воды и падения лошадей отступить к Днепру, разорив предварительно перекопские укрепления «до подошвы»²⁰.

На полководца обрушились критики: зачем повел войска на авось, понадеявшись захватить запасы у неприятеля? Почему изматывающие марши совершались в дневной зной, а не в прохладную ночную и предрассветную пору? Зиму Миних провел, отвечая многочисленным оппонентам и оправдываясь.

Ограничиться операциями в Крыму не удалось. Весной 1737 года турки форсировали Днепр выше Переволочны, разгромили стоявший там заслон, но были отбиты с большими потерями. Основные военные действия развернулись летом. Войска под командой Миниха совершили переход через выжженную татарами степь, в пыли и пепле, к крепости Очаков. Военный совет решил брать ее с ходу, чтобы неприятель не успел подтянуть подкрепления. 1 (12) июня началась бомбардировка города, продолжавшаяся ночью. Запылали пожары. Полководец половину своих полков подвел под самые стены, чтобы отвлечь турок от тушения огня, что и удалось. И тогда он решился на штурм. Наступающие не смогли преодолеть глубокий и широкий ров, со стен на них сыпались пули и камни, полки дрогнули и подались назад.

Далее источники расходятся в описании событий. По одним данным фельдмаршал пришел в отчаяние, шпага выпала у него из рук и он воскликнул: «Все пропало!» По другим, он, человек крутой и жестокий, велел открыть по отступавшим пушечный огонь²¹. Страшный пожар делал свое дело, взорвался пороховой склад, в кромешном аду несколько тысяч пеших и конных турок бросились к морю, к кораблям, их перехватили и истребили, а казаки и гусары ворвались в город, воспользовавшись не запахнутыми в панике воротами. Сераскер выкинул белый флаг, прося пощады. Турки понесли урон в 10 тысяч человек, 5 тысяч сдались в плен. Миних послал в Петербург победную реляцию, а сам отправился вверх по реке Буг. Отошел он всего на 40 верст. Солнце жгло беспощадно, в степи пылали пожары, реки обмелели, вода в них позеленела и стала непригодной для питья. И фельдмаршал уже в августе стал распускать армию на зимние квартиры. А в октябре под Очаковом появились турки, подкрепленные татарской конницей. Гарнизон их атаки отбил, и неприятель отступил от крепости под проливными дождями.

Другой фельдмаршал, П.П. Ласси, провел кампанию в Крыму, ворвавшись туда в начале июля. Близ Карасу-Базара он встретил татар во главе с ханом и разбил их. Ласси двинулся дальше, разрушая и сжигая, по тогдашнему обычаю, все на своем пути. Действия неприятеля большого урона не наносили, но томили зной, жажда и бескормица для конского состава. В конце июля командующий повернул назад, оправдываясь тем, что желает сохранить армию.

Союзную Австрию втянули в войну за уши, император Карл VI был поглощен семейными делами: 19-летнюю красавицу дочь он выдал замуж за герцога Франца Лотарингского, следовало обеспечить ее богатым наследством в виде власти над всеми габсбургскими владениями. Посланник Л. Ланчинский жаловался по поводу медлительности цесарцев в военных действиях, а те ссылались на истощение казны после неудачной войны с Францией. Лишь в мае 1737 года императорские войска выдвинулись к границе, а уже в июле Ланчинский бил тревогу — его подопечные «мира алчно жаждут», с трудом они наскребли денег на одну кампанию, да и та обернулась неудачей.

Операции происходили на сербских землях. Кайзер Карл обратился к «турецким христианам» с воззванием, обещая им свободу вероисповедания и привилегии в своих владениях; командование издавало манифесты, в которых посулы перемежались с угрозами. Митрополит Нови-Пазара Евфимий Дамианович сообщал в Петербург, что сербам предлагали подняться «противу турка под кондициями: послушающим воздаяния милостивого восприятия, непослушающим же — разорение и смерть наряду с неприятелем»²².

Восстание охватило Старую Сербию (Косово), Северную Албанию, населенную в основном католиками, частично Герцеговину. Повстанцам удалось взять Нови-Пазар, но на том успехи и кончились. Турки зашли в тыл цесарской армии, та отступила и из Косова, и из Боснии, и начались расправы над сербами. По слухам, кайзер Карл в горечи воскликнул: «Неужели принц Евгений унес с собой в могилу счастье моей империи?»²³

Патриарх Арсений Иоаннович извещал царицу: сербский народ «как с оружием, так и с пищею, армии потребною, восстал. И ежели бы изменническим фельдмаршалским и подобных ему прельщены не были, то сами б народы наши в Сербии, Албании и вольные не только из Сербии, Боснии и Албании, но из всей Македонии... собственным своим оружием турок прогнали. Яко же в нынешней войне большее число турок от оружия сербского, нежели от немецкого пропали». В итоге же сербы «злою и окаянною смертию от турков пострадали», 12 тысяч душ «мужеска и женска пола... иные вырублены, иные же в

полон введены»²⁴. Иоанновичу вторил митрополит Евфимий Дамиянович: 6 тысяч душ его паствы, «от турецкого меча кровию своею защитившееся и избавившееся, в мнимое утешение цесарских границ прибегохом, или же скитаемся в крайней бедности, и уже 9 месяц томимы голодом, и смерти зрим прежде времени»²⁵. Так что и эмиграция не сулила спасения.

Уже не первая трагедия, связанная с австро-турецкими войнами, приводила к горькому разочарованию в державе Габсбургов и усиливала тягу сербов к России.

По настоянию Вены в августе 1737 года в Немирове открылась конференция, громко названная конгрессом. Российские уполномоченные — а ими были персоны первого ранга П.П. Шафиров и кабинет-министр А.П. Волынский — заявили, что поскольку во всех ссорах виноваты татарские народы, между двумя империями обитающие, и прочный мир в подобной ситуации недостижим, то ради водворения спокойствия надлежит утвердить российскую власть в Крыму, на Кубани и в причерноморских землях, «до реки Дуная лежащих». С той же благородной целью следует превратить Молдавию и Валахию в вольные княжества под покровительством императрицы, а также удовлетворить притязания цесарской стороны, которые Шафиров и Волынский уточнять не стали²⁶. Выдвинутые требования ни в малой степени не соответствовали скромным успехам на поле боя и были турками отвергнуты (а тут еще приспели вести, что П.П. Ласси оставил Крым). Создается впечатление, что несоразмерные претензии были предъявлены в расчете завести совещание в тупик и побудить австрийского союзника продолжать войну. Уполномоченный цесаря граф Остейн выдвинул более умеренную программу: для России — Очаков, Кинбурн, кубанские и ногайские земли, для Австрии — замещение на условии *uti possidetis* (чем владеешь).

Натолкнувшись на сопротивление, Шафиров и Волынский согласились оставить Крым Османской империи с тем, однако, чтобы перекопская линия укреплений была скрыта. Молдавия и Валахия в новых требованиях вообще не упоминались. Граф Остейн предлагал присоединить к Австрии город Ниссу и часть Сербии. Османские представители сочли неуместным приступать к обсуждению выдвинутых предложений и 10 октября покинули Немиров²⁷.

Кампания 1738 года сложилась для союзников совсем неудачно. Движение к Днестру остановил не враг, а заразные болезни. Моровая язва косила солдат и офицеров. «Нет кормов в достаточном количестве, везде глухие и пустые горы и буераки, — жаловался Миних, — а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и

потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудных дефилей». Началось отступление со всеми сопутствующими бедствиями. Ядра топили в Днестре, орудийные лафеты разбивали на куски, которые оставляли на дороге. Из Очакова и Кинбурна, превратившихся в очаги заразы, вывели остатки гарнизонов, предварительно разрушив стены крепостей.

Не улыбнулась удача и фельдмаршалу Ласси. Его корпус перешел через Сиваш и добился капитуляции защитников Перекопского вала. Но двинуться в глубь полуострова Ласси не решился: татары заманят в безводные степи, где солдаты и офицеры обретут смерть от жажды, а конский состав падет от бескормицы.

Император Карл потерял к войне всякий интерес. Он чувствовал приближение смерти, и все его помыслы были направлены на то, чтобы передать дочери Марии Терезии австрийское наследство. Началось вымогательство российской помощи, и немалой. Австрийцы запрашивали корпус в 20 тысяч человек, который, вопреки традиции, отказались содержать за свой счет. До отправки войск дело не дошло. Союзная армия проиграла все сражения, и Вена пошла на мировую.

Кампанию 1739 года российская армия проводила фактически в одиночку, цесарцы терпели сплошные неудачи, «увенчавшиеся» сдачей Белграда. Османы торжествовали и предавались бахвальству: «Враги стали добычей меча правоверных», и скорби по павшим воинам Аллаха и их женам: «Много храбрых мусульман, мужчин и женщин, покинули сию юдоль слез и отправились в мир иной» вкушать там «сладкий шербет мученичества»²⁸.

Российское командование наконец-то решило нанести удар на главном, балканском направлении. Армия Миниха переправилась через Днестр и подошла к крепости Хотин. Невдалеке, у местечка Ставучаны, он встретил сераскера Вели-пашу с 90-тысячным войском. Позиции неприятеля представлялись неприступными: впереди — речка с болотистыми берегами, по правую руку — поросшая густым лесом гора, по левую — глубокие буераки, позади — крепость. Миниху оставалось атаковать по фронту. Он одержал победу и обратил турок в бегство при минимальных потерях — всего 100 человек убитыми и ранеными²⁹. Явственно проявилось превосходство обученной по-европейски армии над средневековым войском. Гарнизон Хотина сложил оружие.

На молдавской земле православное воинство встретили как освободителей. Еще раньше, в 1737 году, высшее духовенство и боярство княжества обратились к императрице Анне Иоанновне, прося избавить их от «тяжкого и тиранского ига турецкого» и привести в рос-

сийское подданство, поскольку османы замучили их «суровостью варварскою, ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными утеснениями»³⁰.

Делегация бояр и церковного клира встретила Миниха в тех местах, где в 1711 году произошла трагедия, и вручила командующему петицию царице: «Мы себя повергаем в высочайшую вашего императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем».

Впервые после Прутского похода россияне пришли в соприкосновение с «турецкими христианами» и убедились, что имеют в их лице опору. Миних высказал Анне Иоанновне свои соображения: «Понеже здешняя молдавская земля преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди всей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезами, и поэтому весьма потребно ту землю удержать...»³¹. Осуществить высказанные в петиции пожелания оказалось за пределами возможностей царской власти. В армию пришло, по словам Миниха, «нечаянное и печальное известие» о заключении австрийцами с Высокой Портой «мира стыдного и весьма предосудительного». Посланник Л. Ланчинский не смог воспротивиться «мирной неготиации» и в своих депешах изъяснялся отнюдь не дипломатическим языком: «Вскрылось зло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попра»³². Австро-турецкая сделка завершилась подписанием мира, по которому Вена рассталась со своими владениями в Сербии и Валахии.

Дезертирство союзника с поля боя и нависавшая угроза войны со Швецией побудили Петербург спешить с замирением. По причинам, которые умом не понять и аршином здравого смысла не измерить, посредником в переговорах избрали французского посла в Стамбуле Л. Вильнева, который свел итоги долгой, трудной и под конец победоносной войны почти что к нулю. Россия вернула себе Азов, но без права укреплять его; земля к югу от крепости, гласил Белградский трактат (сентябрь 1739 года), «имеет остаться пустая и между двумя империями бариерою служить будет». Особо оговаривалось, «чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла»³³. Россия застряла у азовского мелководья, не имея права спустить на воду даже шлюпку.

Минусы четырех изнурительных кампаний сбрасывать со счетов нельзя. Воинских лавров ни Миних, ни Ласси себе не завоевали, Крымский полуостров не сумели удержать, крепости Очаков и Кин-

бурн оставили. Подписанный мир Миних назвал срамным; по меланхоличному замечанию С.М. Соловьева, Россия заплатила жизнью 100 тысяч солдат за срытие азовских укреплений³⁴. Выполнение задач, стоявших перед страной, — добиться прекращения набегов крымской конницы, обеспечить выход к Черному морю и свободу судоходства по нему — было отложено в долгий ящик. Зато Вильнев с успехом похлопотал о французских интересах: по ферману 1740 года султан поручил заботу о христианских святынях в Палестине французскому духовенству. Вильневу за его «услуги» предложили вексель на 15 тысяч ефимков (иоакимсталеров). Видимо, какие-то остатки совести у него сохранились, от денег он отказался, а его «сожительница по-сольша» приняла в дар перстень с бриллиантами.

Оставалось сделать хорошую мину при плохой игре. 14 февраля 1740 года состоялись торжества по случаю заключения мира. Императрица в богатой робе, в короне, украшенной драгоценными камнями, в сопровождении «его великокняжеской светлости герцога Курляндского» (фаворита Э.И. Бирона) прошествовала в храм. Войсками на плацу командовал брат ее любимца генерал Г. Бирон. От лица дворянства выступали Л. Левевольд и фон Либрас. Поскольку церемония происходила все же на русском языке, речи произнесли князь А.М. Черкасский и А.П. Волынский, преосвященный Амвросий Вологодский выступил с проповедью.

Э.И. Бирон в каком-то смысле фигура загадочная. России он не знал, языка ее не потрудился изучить. Обычно человек, попадавший «в случай», взмывал вверх по лестнице чинов и званий. У Бирона все не так. Он стал графом, но Священной Римской империи германской нации. В 1737 году хлопотами Анны Иоанновны стал герцогом Курляндским. Он имел придворное звание обер-камергера, но на российской государственной службе вообще не состоял, ни одним поместьем, ни одним дворцом в России не обзавелся. Немалые средства от милостей царицы он вкладывал за рубежом. И случайный прохожий в российской истории стал временщиком. Анна Иоанновна считала Россию чем-то вроде громадного имения, в котором приказчиков можно назначать по своему хотению. Уже лежа на предсмертном одре, она определила — быть Бирону регентом. Рыдавшему у ее постели любимцу она молвила: «Не бойсь».

Падение нравов было столь глубоким, что указ о регентстве сочинил выдающийся дипломат Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. 17 октября 1740 года царица скончалась.

Ситуация сложилась глубоко драматическая и в то же время фарсовая. Трон заняли потомки хилого телом и умом царя Ивана

Алексеевича. Императором провозгласили Иоанна Антоновича Брауншвейгского, внучатого племянника великого Петра. У трона копошился разноплеменный муравейник слетевшихся в Россию любителей наживы. Обойденной оказалась родная дочь преобразователя, цветущего возраста и редкой красоты царевна Елизавета, при том что прецедент женского царствования уже состоялся. Положение представлялось одиозным даже многим иностранцам, достойно служившим стране, которая стала для них новой родиной. Долго так продолжаться не могло.

Э.И. Бирон сознавал, сколь шатко его положение, и начал с милостей: издал указы о строгом соблюдении законов, о суде правом, беспристрастном и бескорыстном, о снижении подушного налога на 17 копеек в год, освободил от наказания людей, не совершивших тяжких преступлений, проявил заботу о солдатах — часовым велел выдавать полушубки, дабы не мерзли они в трескучие морозы. Всем на удивление регент выступил против роскоши, велел шить кафтаны из сукна не дороже 4 рублей за аршин. Никто не оценил эти жесты, у всех на уме было — что же, иноземец и иноверец будет управлять страной 17 лет, впредь до совершеннолетия Иоанна? Гвардия роптала. Особо невоздержанных на язык хватали и били кнутом в застенках Тайной канцелярии. Но ведь всех не накажешь. Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих Брауншвейг-Бревернский застыли в ненависти — их отстранили от власти.

8 ноября 1740 года Б.Х. Миних провел вечер у регента, а потом занялся «чрезвычайным ночным предприятием». Он вернулся во дворец в сопровождении 80 солдат и офицеров. Герцога с супругой они схватили в спальне. Очнувшись ото сна, Э.И. Бирон попытался заползти под кровать, но его вытащили из убежища, засунули ему в рот кляп и закатали в ковер. Утром чету переправили в Шлиссельбургскую крепость, а победители принялись делить места у трона. Ненасытный честолюбец Миних (фельдмаршал, подполковник Преображенского полка, директор Шляхетского корпуса, управляющий Ладожским каналом и прочая) хотел заделаться генералиссимусом. С мечтой пришлось расстаться, на то же звание претендовал герцог Антон-Ульрих. 20 ноября вышел «указ» младенца Иоанна: «Любезнейшему нашему государю родителю быть генералиссимусом...»³⁵. Все это походило на дурной сон. Анна Леопольдовна, провозглашенная правительницей, неряха и лентяйка, проводила целые дни в обществе фрейлины Юлии Менгден. Антон-Ульрих и А.И. Остерман интриговали против Миниха, тот, убежденный в своей незаменимости, подал заявление об отставке, явно в надежде утвердиться у вла-

сти. Но... последовал «указ» годовалого Иоанна: прошение «генерал-фельдмаршала графа фон Миниха удовлетворить за старостью и по причине одолевающих его болезней». Казалось бы, непотопляемый Остерман вновь всплыл на поверхность, но это только казалось. Взоры обращались к великой княжне Елизавете, которая жила в атмосфере унижения, тревоги и надежды. «Сестрица-государыня» Анна Иоанновна следила за каждым ее шагом, под видом смотрителя за домом к ней подселили шпиона. Наружно она держалась покорно, письма императрице подписывала «вашего и.в. покорная раба Елисавет». Исчезла шаловливая и ветреная юная красавица. При «брауншвейгцах» Миних приставил к ней соглядатая в «безызвестный караул»³⁶. На официальных церемониях Елизавета появлялась величественной, прекрасной, печальной, контрастируя с мужиковатой Анной Иоанновной, привлекая умы и сердца.

Самолюбие царевны задевалось постоянно. Ей определили содержание, хотя и немалое, 50 тысяч рублей в год, но несоизмеримое с тем, что предоставлялось родителям императора (по 200 тысяч). Елизаветин двор привык жить разгульно, одного вина выпивалось сотни ведер в месяц. Из долгов она не вылезала и запросила 32 тысячи на их покрытие, ей не поверили, произвели дознание, долгу набралось на 43 тысячи³⁷.

Но главное, что над ней тяготело — постоянный страх за будущее, попранная гордость и вера в то, что ей, дочери великого Петра, а не выходцам из немецкого захолустья надлежит занимать престол. Елизавете охотно и не без задней мысли общалась с гвардейцами, слыла своей в их казармах, выступала крестной матерью солдатских детей. Злые языки утверждали, что она устраивает ассамблеи для преображенцев.

А тут появился доброжелатель в лице французского посла И.Ж. Шетарди. Потерпев фиаско в попытках посадить своего ставленника на польский трон, Париж перешел к поискам ненасильственных способов воздействия на Россию. В инструкциях послу указывалось: Елизавета — единственное лицо, с помощью которого можно свергнуть «немецкое правительство» и в дальнейшем оттеснить Россию на Восток. Шетарди появился в Петербурге в сопровождении 12 секретарей, 50 слуг и обоза с шампанским, приучив к нему царский двор, ранее употреблявший венгерское вино. Елизавета намекнула ему — не худо было бы получить 100 тысяч рублей для раздачи нужным людям³⁸. Дипломат не ответил отказом, хотя и не спешил развязывать кошелек. В конфиденцию вступил шведский посланник Э.М. Нолькен, обещавший нечто большее, чем деньги, — содействие

своей армии в воцарении Елизаветы. Момент был выбран удачно: слабое, презируемое правительство, раздоры в верхах, ропот в гвардии, взоры устремлены к царевне. Елизавета благосклонно внимала речам дипломатов, но, когда они предъявили счет, она перепугалась: у нее просили оплатить услуги шведской армии российской территорией. Притязания Елизаветы на престол были восприняты как счастливый шанс на то, чтобы лишить Россию петровских завоеваний в Прибалтике в ходе войны, длившейся двадцать лет. Шетарди и Нолькен настаивали на получении письменного обязательства великой княжны. По словам американского исследователя Р.Н. Бейна, дипломаты хотели «вновь погрузить Россию в первобытное варварство». Они натолкнулись на сопротивление, принцесса соглашалась на значительные финансовые уступки, на предоставление Швеции ежегодной субсидии, на выгодный для Стокгольма торговый договор, но разрушать дело отца не желала. Раздосадованные шведы развязали войну с Россией (июль-август 1741 года) под предлогом, который Бейн называл «в высшей степени фривольным», хотя точнее считать его фарисейским: в числе ее целей шведы объявили стремление «избавить достолавную российскую нацию... от тяжелого иноземного притеснения и бесчеловечной тирании»³⁹, как будто иностранцы сгинули бы в случае утраты Россией Прибалтики.

Правительство решило отправить против шведов гвардию и убить сразу двух зайцев — дать отпор врагу и удалить из столицы недовольную воинскую силу. Избалованные гвардейские офицеры роптали и торопили Елизавету — как бы не упустить случай. А та спешно и с трудом собирала деньги, Шетарди выдал ей всего 2 тысячи червонных. Царевна робела, она была популярна в солдатской среде, но, по словам С.М. Соловьева, не имела под рукой таких бесшабашных и отчаянно храбрых сторонников, как позднее Екатерина II в лице братьев Орловых.

23 ноября у Елизаветы состоялся неприятный разговор с правительницей по поводу ее сношений с Шетарди. Дальше медлить становилось опасно. В ночь с 25 на 26 ноября царевна, помолвившись, обшарив шкатулки, в которых наскребла 300 червонных, надела поверх платья кирасу, взяла с собой крест и отправилась к преображенцам.

Предупрежденная заранее гренадерская рота полка встретила ее в полной готовности. На призыв помочь ей одолеть супостатов солдаты ответили со всей бодростью: «Мы готовы их всех перебить!», Елизавета просила их не особо усердствовать и не омрачать дело кровью. Единственному дежурному офицеру, разбуженному шумом, предложили продолжать отдых. Из трехсот grenадер меньше пятой

части принадлежали к дворянам, все прочие — простолюдины. По пути, на Невском проспекте, арестовали Миниха, Остермана и еще несколько близких правительнице людей. Недалеко от дворца Елизавета вышла из саней, но запуталась в юбках и завязла в глубоком снегу. Молодцы-гренадеры подхватили ее на руки и внесли во дворец. Охрана немедленно перешла на их сторону. Анну Леопольдовну застали в постели вместе с фрейлиной Юлией Менгден. Все семейство взяли под стражу⁴⁰.

Ни одного выстрела, ни одной жертвы — и свергнут режим. На самом деле переворот имел глубокий смысл: устранялась чуждая стране и глубоко равнодушная к ее нуждам Брауншвейгская династия, престол заняла женщина, с которой россияне связывали большие надежды. Отсюда — поддержка Елизаветы со стороны всех слоев общества.

От мести царица не удержалась. Расправа с Остерманом, Минихом и другими, не сумевшими оценить ее шансы на престол, последовала скорая и свирепая. Их приговорили к смерти и 18 января 1742 г. повели на казнь. Остерман идти не мог, его погрузили на телегу, запряженную клячей. Старика подняли на эшафот на руках, сорвали с него парик и лисью шубейку, положили его голову на плаху. Палач полез за топором, хранившимся по обычаю в мешке, сшитом из медвежьей шкуры. У эшафота стояла кучка измученных допросами «заговорщиков» (пыткам их не подвергали). И тут появился вестник и зачитал указ императрицы о замене казни пожизненной ссылкой. Все поплелись в темницу. Выделялся один фельдмаршал Б.Х. Миних: в парадной шинели, при орденах, гладко выбритый и надушенный, он вынул из кармана кошелек и раздал конвоирам золотые⁴¹. Гренадер Елизавета наградила по-царски, все они получили потомственное дворянство, деревни с крепостными и взлет в чинах: капитан-поручика приравняли по званию к полному генералу, прапорщиков — к полковникам, капралов — к капитанам.

На фронте в Финляндии творились чудеса. Шведы, при Карле XII слывшие лучшими солдатами в Европе, проигрывали одну битву за другой. Сдалась крепость Вильманstrand, в плену оказался командир корпуса генерал Врангель, в 1742 году та же участь постигла Фридрихсгам и Гельсингфорс. Русские вышли к берегам Ботнического залива.

Король Франции Людовик XV и посредственности, его окружавшие, «не понимали, как велики перемены, происшедшие в России, не сознавали, что она превратилась в великую державу». Такой же промах был допущен в оценке личности Елизаветы. Шведы в своих

реваншистских замыслах пустились на последнюю уловку. Риксдаг выразил желание избрать крон-принцем Карла-Петера-Ульриха Гольштинского, внука Петра I. По прихоти судьбы это хилое создание приходилось внучатым племянником Карлу XII. Императрица отказалась выпустить племянника, уже привезенного в Петербург и нареченного великим князем Петром Федоровичем. По миру, заключенному в Або 19 (30) августа 1743 года, Швеция уступила города Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот с окрестностями.

Российско-шведское столкновение происходило на фоне общеевропейского пожара, войны за австрийское наследство, вызванной стремительным возвышением Пруссии. Ее молодой король Фридрих II отказался признавать принцип нераздельности владений Габсбургского дома (Прагматическую санкцию) и предложил продать ему за 2 миллиона талеров богатую и плодородную Силезию.

Такого нахальства Европа не ждала. Пруссия — небольшое государство с разбросанными по всей Германии владениями и населением всего в 2,4 миллиона человек. Королевством долго управлял скопидом, скряга и солдафон Фридрих Вильгельм I, прозванный «коронованным фельдфебелем». Со своим старшим сыном он не ладил — принц увлекся идеями Просвещения. Вместо того чтобы проводить вечера в обществе буршей за кружкой пива в клубах табачного дыма, он снимал ботфорты, обряжался в роскошный французский халат, читал философов и играл на флейте. Отец как-то упустил из виду, что юный Фридрих исправно и вполне в прусском духе муштровал введенный его командованию пехотный полк. Фридрих Вильгельм оставил наследнику набитую казну и 80-тысячное войско. Дворам стали известны его предсмертные жалобы: ветренник все растратит, все пустит по миру. На самом деле на престол в Берлине вступил будущий великий полководец.

В Вене в ответ на притязания Фридриха фыркнули. По старой традиции курфюрст Бранденбургский занимал пост обер-камергера императорского двора, молодому человеку следовало бы подносить кайзеру рукомыльник, а не претензии выдвигать. Получив отказ со стороны юной Марии Терезии, Фридрих пустил в ход силу. 16 декабря 1740 года 30-тысячная прусская армия вторглась в Силезию и, действуя словно на плацу, — одна шеренга палила и отбегала назад заряжать ружья, другая палила — стала одерживать одну победу за другой. К весне следующего года вся провинция оказалась в прусских руках.

Успех Фридриха взбаламутил всю Германию, многие нацелились на австрийское наследство, не остался в стороне и король Франции Людовик XV, мечтавший продвинуть свои границы до Рейна. Развя-

занная Фридрихом война превратилась в европейскую и продолжалась восемь лет. Не нам и не здесь повествовать о всех ее перипетиях, но несколько слов для уяснения позиции России сказать все же нужно.

Не один Фридрих посягал на обширные владения Габсбургов. Франция домогалась Австрийских Нидерландов (Бельгии), Испания — земель в Италии, Саксония, Бавария, Пфальц, Гессен-Кассель выдвигали свои претензии. Образовалась мощная антиавстрийская коалиция, в которую, помимо вышеупомянутых, вошли еще Неаполитанское королевство, Пьемонт и Модена. К Австрии примкнули Голландия, а также Англия — главный антагонист Франции в международных делах, — уже воевавшая с ней в Индии, Америке и на морях. Следует учитывать, что британские короли являлись тогда и курфюрстами Ганноверскими, и было ясно, что самостоятельно Ганновер от галлов не отобьется. Позднее группировка пополнилась Саксонией и Пьемонтом, покинувшими враждебную Австрии коалицию.

Военные действия шли с переменным успехом, Марии Терезии пришлось в драматической обстановке утверждать свою власть в разных землях. В отчаянной ситуации она отправилась на коронацию в Венгрию. Кортёж судов плыл по Дунаю, она и свита — в одеяниях мадьярских национальных цветов, красном, белом, зеленом. На пристани в Пожоне (Пресбурге, ныне Братиславе) ее ожидала пышная встреча. 24-летняя женщина в расцвете молодости, красоты и материнства, с шестимесячным младенцем Иосифом на руках внушала симпатию. Раздавались возгласы: «Эльен, Мария Терезия!» Коронация состоялась 25 июня 1741 года в соборе Св. Мартина, в окружении высшего духовенства и раззолоченной знати. Марию Терезию провозгласили королем (!) Венгрии в соответствии с законами страны, ибо сан королевы, как правительницы, в них отсутствовал. Она произнесла призыв на латыни, тогда официальном языке государства.

Но главное произошло позже, 11 сентября, на заседании всех сословий. Мария Терезия, вся в черном, прошла между рядами, воссела на трон и обратилась к присутствовавшим со страстной речью. «Покинутая всеми», она воззвала к испытанной верности и отваге мадьяр: в смертельной опасности «само существование ее земель, ее детей, ее короны». Слушатели взволнованы. Дворяне, все в украшенных позументах доломанах и ментиках, вскакивали с мест, стучали саблями об пол с криком: «Отдадим жизнь и кровь свою за короля (!) Марию Терезию!»

Государственное собрание преподнесло ей 100 тысяч гульденов в качестве коронационного дара, постановило сформировать 13 пехотных полков численностью в 30 тысяч штыков, дворяне создали

гвардейский конный полк, хорваты и славонцы послали в битву свои традиционные воинские формирования⁴². Мария Терезия никогда не забывала оказанной ей в тяжкий час услуги и жила в мире и согласии с гордым и строптивым мадыарским дворянством.

Петербург долго оставался в стороне от развернувшихся в Центральной Европе событий. Взлета могущества еще недавно скромного соседа здесь не ожидали; того что поклонник идей Просвещения и французского образа жизни предстанет талантливым и жестоким полководцем, не предвидели. Сумятица со сменой династии и война со Швецией не способствовали активизации внешней политики. Нельзя пренебрегать и рационализмом в подходе к событиям. В отличие от участников делажа австрийского наследства Россия ни на что в нем не претендовала; прусский хищник если прежде и разбойничал, то наравне со всеми в немецком княжеском заповеднике. Пролить кровь во имя габсбургских интересов не хотелось. Нельзя пренебрегать и личными чувствами Елизаветы. На свою беду венский кабинет ориентировался в России на родственную брауншвейгскую фамилию, принц Антон Ульрих приходился Марии Терезии племянником. Правительнице Анне Леопольдовне намекнули на то, что Елизавету было бы не худо запрятать в монастырь, объявив ее незаконнорожденной (она действительно появилась на свет до вступления Петра и Екатерины в церковный брак). Императрица провела также, что Вена прислала 300 тысяч талеров на подкуп ее министров.

А.П. Бестужев, ведавший иностранными делами, считал Фридриха человеком «захватнического и возмутительного характера и нрава»⁴³. Но «размышления» Бестужева о желательности поддержать Габсбургов натолкнулись на холодный отказ Елизаветы. Спohватившаяся Мария Терезия поспешила прислать царице поздравление со вступлением на престол. Поздно. Бросаться в объятия тех, кто рекомендовал повязать ее черным монашеским платом, та не собиралась. Должно было пройти время для принятия взвешенного решения.

Позиция наблюдателя имела свои преимущества. Елизавету обхаживали обе стороны. Обнаружилось, что Россия уберегла и даже укрепила завоеванные Петром позиции в Европе, от нее зависело сохранение или изменение баланса сил на континенте, ее присоединение к любой группировке обеспечивало той победу. Вот констатация Ф.Д. Лаштенан: «В 1742 году судьбы европейской дипломатии решались в Петербурге. Не принимая непосредственного участия в войне, Россия тем не менее в любой момент могла поддержать одну из сторон». И далее: «Получалось, что исход этого конфликта... зависит от Петербурга»⁴⁴.

В 1743 году был раскрыт «заговор» против царицы в среде знати (дело Лопухиных). Так истолковывали сочувственные в отношении Анны Леопольдовны речи. «Кроткая Елисавет» не ведала ни жалости, ни снисхождения при малейшем намеке на оппозицию. «Заговорщиков», мужчин и женщин, подвешивали на дыбу, истязали кнутом. Красавицу Наталью Лопухину, соперничавшую с Елизаветой на балах, изуродовали. Правда, жестокий приговор (четвертовать, колесовать) царица смягчила, ограничившись вырыванием языка и ссылкой. К делу оказался причастен австрийский посол маркиз А. Бота д'Адорно. Его выслали из Петербурга за то, что он «возмущения изыскивал и людей злонамеренных поощрял в их предприятиях». От Марии Терезы настойчиво требовали, чтобы она наказала Боту за «богомерзкие речи». Та отчаянно нуждалась в русской поддержке, посланник Л. Ланчинский докладывал: «Без всяких околичностей говорят, что если в.и.в. здешнему двору помощи не подадите, то этот двор вместе с саксонским придет от Пруссии в крайнее разорение и оба будут раздавлены». Маркиза посадили под домашний арест, потом отравили в крепость Грац. Венгеро-богемская королева объясняла своей сестре Елизавете, что не может так просто упечь Боту на всю жизнь в темницу: «Она связана законами тех земель, которыми владеет», а следовательно, не может поступать так, как другие самодержцы». Все же Мария Терезия обещала, «из высокого почитания е.и.в.», держать несчастного Боту под замком столько, сколько царица пожелает, или, как изящно выражалась королева, она предоставила определять время заключения «прославленной в свете милости» Елизаветы. Та сменила гнев на милость и предала дело Боты «совершеннейшему забвению»⁴⁵. Путь к договоренности был открыт.

Правда, прусский король внешне проявлял к Елизавете лояльность и предупредительность, и придаться было не к чему. Откликаясь на затаенные опасения императрицы, он отговорил ее от первоначального намерения отпустить брауншвейгскую чету в Германию, их отправили в ссылку. Не без его участия выбор невесты для великого князя Петра Федоровича пал на принцессу Ангальт-Цербстскую Софию Августу Фредерику, будущую Екатерину II. В Петербург 14-летнюю девочку сопровождала мать, княгиня Иоганна Елизавета, на которую Фридрих возложил осведомительные функции с тем, чтобы они позднее перешли к дочери. Он не подозревал тогда, что станет в глазах Екатерины «иродом» и противником. А пока что молодой Фриц не волновался: «Я от России так безопасен, как младенец во чреве матери»⁴⁶. Он наставлял посланника А. Мардефельда: «Раздувайте огонь против врагов, куйте железо, пока горячо». И тот старался вов-

сю, обвиняя австрийцев, англичан и датчан в стремлении низвергнуть Елизавету с трона. А король уже мысленно проводил чистку среди российских дипломатов, стремясь убрать враждебно к нему настроенных, в первую очередь А.П. Бестужева, и заменить его кем-нибудь попокладистее. Интрига не удалась.

Российский канцлер был опытным бойцом и широко прибегал к перлюстрации корреспонденции посольского корпуса. Сотрудник Академии наук, математик Хр. Гольдбах легко разгадывал тогдашние нехитрые цыфيري (шифры), и перед императрицей выступали козни «дружественных дворов». И.Ж. Шетарди изобличили в нелестных отзывах о Елизавете, что она будто бы управляема. Француз писал и о ее амурных приключениях. Шетарди пришлось познакомиться со страшной Тайной канцелярией. Достаточно было появиться главному пыточному мастеру генералу А. Ушакову, чтобы «богомерзкий человек Шетардий» признался в том, что было и чего не было⁴⁷. У него отобрали нежные елизаветины письма и портрет и под конвоем проводили до границы. А. Мардефельд покинул Петербург добровольно, не дожидаясь высылки. Принцессу Иоганну Елизавету Ангальт-Цербстскую выгонять с позором не пристало, поэтому ее снабдили на дорогу деньгами, а Петр Федорович даже послал в подарок тестю Христиану Августу бриллиантовые пуговицы на камзол и такие же пряжки на туфли.

Старший брат канцлера, посланник в Берлине М.П. Бестужев с 1743 года бил тревогу: «ежели сей заносчивый сосед (то есть Фридрих. — *Авт.*) немного усмирен не будет», его можно ожидать в Лифляндии. У Фридрихова деда войско насчитывало 20 тысяч человек, у его отца — 80 тысяч, у него самого — 140 тысяч, и двор его «играет договорами». Надо принять меры, соответствующие чести и достоинству императрицы⁴⁸. Перелом в российской политике наступил в 1745 году, когда прусская армия, словно играя, разгромила саксонскую. Нависла угроза над позициями в Центральной Европе, дальше медлить было нельзя. Последовало заключение союзного договора с Австрией (22 мая 1746 г.). Стороны обязывались выставить по 30 тысяч войска, причем в тексте упоминалось, что акт вступит в силу и при нападении войск Высокой Порты на одну из держав: об основном стратегическом направлении внешней политики в Петербурге не забывали. (Характерно, что в 1753 году союз был подтвержден, причем в отношении Османской империи «навечно».)⁴⁹. Кабинеты Лондона и Гааги домогались помощи России как единственного средства, способного привести к замирению. Бестужеву удалось заключить субсидную конвенцию (1747 год), которая предусматривала выплату России солидной

денежной компенсации (300 тысяч фунтов стерлингов в год). Бросить вызов коалиции Фридрих не решился. Пруссия, писал он Мардефельду, «не имеет почти никаких средств», и пора менять львиную шкуру на лисью⁵⁰. Душу он отводил в стихах, написанных по-французски, в коих русские именовались «роем варваров» и «надменных убийц».

В январе 1748 года корпус в 30 тысяч штыков и сабель под командованием П.П. Ласси отправился в поход, но до низовьев Рейна и Мозеля, до Бельгии не добрался — одна угроза его появления заставила французов пойти на переговоры. За ними последовали пруссаки и все прочие. По Ахенскому договору (октябрь того же года) Габсбурги сохранили свои владения, кроме Силезии и некоторых земель в Италии. Франц Лотарингский, супруг Марии Терезии, был признан императором⁵¹. Париж не получил ничего, галлы злобствовались и именовали Россию «наемной державой».

Ф.Д. Лаштенан справедливо полагает, что истинной целью «русского вторжения» являлось стремление застолбить за собой одну из ключевых ролей в Европе. Подобного же мнения придерживается Р. Михнева: «Появление экспедиционного корпуса России на немецкой земле сыграло решающую роль в утверждении дела Австрии, Англии и других союзников»⁵². Монархи наперебой льстили Елизавете, и, главное, Фридрих II, Людовик XV, Мария Терезия и германский сейм признали ее императорский титул.

Не следует думать, что Османская империя осталась совсем в стороне от войны на далеком севере. Со Швецией ее связывал оборонительный союз (1740 год), резидент Э. Карлсон снабжал Высокую Порту информацией о мнимых победах шведов на поле боя. Французы хлопотали об учинении набега крымских татар, чтобы спровоцировать новое российско-турецкое столкновение. Об их интригах разузнал резидент А.А. Вешняков, который обзавелся в штате реис-эффенди неким «подьячим», снабжавшим его информацией о переписке со французским двором. Козни провалились, Высокая Порта сохранила нейтралитет. Она сделала парижскому МИДу замечание: нечего баламутить всю Европу с целью помешать России прийти на помощь Марии Терезии. И главное, полагал Вешняков, «туркам было не до Европы, они трепетали за Азию», ожидая с часу на час нашествия грозного шаха Надира. В фермане, появившемся в январе 1742 года, говорилось: «Порта не должна ни прямо, ни косвенно втягиваться в дела европейские, а... поддерживать мир с Россией и Австрией»⁵³.

Летом того же года Надир-шах развязал войну, и Вешняков сигнализировал из Стамбула: хаос наступил неопиcуемый, казна пуста, дефицит достиг 50 тыс. кошельков, или 25 миллионов курушей, погра-

ничные провинции опустошены, «султан не намерен нарушать мир с соседями и разорять страну ради капризов безбожников»⁵⁴.

Ахенский договор не удовлетворил никого, кроме Фридриха II, и не привел к длительному миру. Французы, провоевав 8 лет, не приобрели ничего и с трудом удержали колонию Квебек в Северной Америке. Мария Терезия не желала мириться с утратами: «Без Силезии австрийская корона мало чего стоит», — молвила она⁵⁵. Разработкой нового внешнеполитического курса монархии занялся молодой чешский аристократ, стремительно взбравшийся по иерархической лестнице, — посланник в Риме, Турине, посол в Лондоне и Париже, обергофмейстер и, наконец, канцлер граф Венцеслав Антон Кауниц. В 1749 году он представил двору объемистый, на 126 страниц доклад-меморандум. Цель Австрии — возвращение Силезии и низведение Фридриха II на полагающееся ему место. Следует готовить силы для предстоящей борьбы⁵⁶.

Фридрих собирался поднять перчатку. Он считал Силезию скромным прологом к будущим завоеваниям и свидетельствовал в своем первом политическом завещании (1742 год): если дом Гогенцоллернов породит великих принцев, если дисциплина в армии будет поддерживаться в нынешнем состоянии, необходимо соблюдать строгую экономию в мирное время, с тем чтобы нести расходы во время войны, и тогда «Пруссия возрастет и возвысится и станет со временем одной из могущественных держав Европы». Далее — многозначительное предупреждение: «Надо притворяться и скрывать свои мысли, извлекать пользу из событий, терпеливо ждать наступления благоприятных обстоятельств, когда же они наступят — действовать со всей энергией». В качестве объектов экспансии намечались Байрейт, Саксония, занятая шведами часть Померании и польские земли на побережье Балтики⁵⁷.

Россия в списке не значилась — пока что не по зубам. Напротив, Фридрих жаждал сотрудничать с ней в польских делах, перед нею надлежало выступать в образе лиса. Но само появление быстро крепнувшего государства, являвшегося придатком к армии, на содержание которой уходило 80% средств бюджета, означало появление угрозы всей системе международных отношений. Отпор прусским притязаниям, полагал Кауниц, должен объединить всю Европу. Решение споров с Францией надо отложить. Но сближение с Парижем следует осуществлять осторожно, чтобы не перепугать его вечного антагониста, Сент-Джеймский кабинет. Российская политика тоже подвержена личным и переменчивым импульсам. И с этим союзником надо держаться в высшей степени тактично.

Когда граф Венцеслав закончил свой доклад, Мария Терезия протянула ему руку для поцелуя. Присутствовавшие сочли этот жест знаком одобрения.

Кауниц зря сомневался в твердости российской позиции. Елизавета умела извлекать уроки из прошлого, канцлер А.П. Бестужев не зря слыл убежденным сторонником сотрудничества с Габсбургами. Следовать поговорке «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», терпеливо ждать возрастания угрозы со стороны Пруссии в Петербурге не собирались. Конференция при высочайшем дворе полагала: необходимо «короля Прусского до приобретения новой знатности не допускать, но паче силы его в умеренные пределы привести и, одним словом, уже неопасным для здешней империи сделать»⁵⁸.

* * *

Взорвали хрупкий баланс сил в Европе англичане, заключив в январе 1756 года с Пруссией так называемую Вестминстерскую конвенцию. На поверхностный взгляд документ представлялся невинным и миролюбивым: стороны заверяли друг друга в стремлении избавить континент от бедствий, связанных с войной, и с этой целью обязывались объединить свои усилия в случае нападения кого-либо на Германию. Иначе истолковали конвенцию в Париже, где она встретила взрыв возмущения. Уже вовсю шла англо-французская война в Северной Америке, британцы собирались прибрать к рукам Канаду, на морях господствовал флот его величества, острова Альбиона были недоступны для армии, на знамени которой красовались королевские лилии. Но на сухопутье у Сент-Джеймского кабинета существовало уязвимое место. Король Георг II одновременно являлся курфюрстом Ганноверским. О сохранности немецких владений монарха следовало заботиться и подумать о защите Ганновера, который сам по себе представлял для французов легкую добычу. По сути дела, Вестминстерской конвенцией Георг нанимал своего племянника Фридриха II, сына своей сестры Софии Доротеи, охранять курфюршество, и, разумеется, не даром, а за солидную субсидию.

Придя в себя от шока, французы бросились в Вену. Два вековых соперника, Бурбоны и Габсбурги, 1 мая 1756 г. заключили оборонительный союз с явно антипруссским оттенком. И действительно, нападение со стороны Фридриха не заставило себя ждать. 29 августа он обрушился на Саксонию и развязал тем самым войну, переросшую в Семилетнюю. Встревоженная Россия присоединилась к антипрус-

ской коалиции (договор с Австрией от 31 декабря 1756 — 11 января 1757 года). Во всякой коалиции неизбежны противоречия между ее участниками, и успех альянса зависит от умения их преодолевать. Три двора объединяло одно — стремление обуздать выскочку, а разъединяло их многое. Зимний дворец стремился обеспечить своим войскам самостоятельный операционный театр в Восточной Пруссии и Померании. Первая намечалась в качестве трофея, но не для обладания ею, — замышлялась сложная операция: Восточную Пруссию передать Польше, а «во взаимство» приобрести Курляндию (Южную Латвию) и укрепить тем самым свои позиции в Прибалтике. Австрийцы хотели вернуть Силезию и присоединить графство Глац. Возрастающее могущество России Вену не устраивало, и с ее стороны последовала попытка использовать ее 90-тысячную армию в своих интересах. Предложенный гофкригсратом план был отвергнут как «фальшивый, что и в действо произвести нельзя».

Франция вообще вплоть до дня войны считалась основным российским оппонентом на континенте. Теперь вражда не прекратилась, но из открытой превратилась в тайную. Людовик XV злобствовал: «Целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе. Все, что может ввергнуть этот народ в мрак невежества, служит моим целям». Или, в другом варианте: «Россией следует воспользоваться, чтобы доставить Франции почетный мир»⁵⁹.

Каждый участник антипрусской коалиции тянул воз в свою сторону. Шведы вообще держались особняком. В российско-австрийской конвенции от 1 мая 1760 года важнейший пункт — о вхождении Восточной Пруссии в Россию — фигурировал не в основных статьях, а в секретной декларации, о которой Людовику не сообщили из опасения, что он сбежит из союза. Галльское высокомерие его ослепляло, он воображал, что русская кровь будет литься во имя французских интересов. Многотысячная армия Елизаветы в Париже упорно именовалась вспомогательной силой.

В Семилетней войне Фридрих укрепил свою репутацию великого полководца, хотя победы его войск чередовались с неудачами и прямыми поражениями. Ему удалось заручиться поддержкой лишь Ганновера, Гессен-Касселя и Брауншвейг-Вольфенбюттеля. В кампанию 1756 года он без труда одолел слабую саксонскую армию, в мае следующего года разбил австрийцев в Пражском сражении, но уже в июне те взяли реванш в битве при Келине. Крайне неудачно действовали французы. Правда, они одолели слабую армию Ганновера, но потерпели полный разгром при Росбахе. В 1758 году Фридрих дей-

ствовал успешно, но в следующем начало сказываться истощение его сил — он потерпел сокрушительный разгром от россиян. В 1760 году они вместе с австрийцами временно заняли Берлин. 1761 год Фридрих встретил, имея под ружьем всего 100 тысяч человек, в основном иностранных наемников, против 240 тысяч у противной стороны.

Особо — о военных операциях российской армии. В мае 1757 года она четырьмя колоннами вступила в Восточную Пруссию. Двигалась медленно, будучи обременена несуразным обозом, одна обслуга главнокомандующего насчитывала 120 человек, его багаж размещался на 240 телегах. С.В. Апраксин захватил с собой серебряный сервиз, но не позаботился обзавестись картой театра военных действий. Инструкцию ему сочинил А.П. Бестужев, сроду не нюхавший порошу.

30 августа противники сошлись на поле близ Гросс Егерсдорфа. Сражение продолжалось десять часов, в решающий момент молодой генерал П.А. Румянцев, командовавший второй линией, ударил во фланг атакующей прусской пехоты, и та отступила. Апраксин известил императрицу о победе, а дальше начались чудеса: армия оставила Восточную Пруссию, побросав пушки. Главнокомандующий ссылался на невозможность зимовать в опустошенной стране⁶⁰. На том его карьера и завершилась, окончания наряженного над ним следствия Апраксин не дождался и умер. Нерешительно действовали и его преемники — по причинам скорее не военным, а психологическим: «матушка Елизавета» тяжело болела, не дай бог, придет смерть, и тогда на престол вступает добрый немец Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, в православии Петр Федорович, не скрывавший своих симпатий к Фридриху. И робели сердца людей.

Кампания 1758 года началась рано и успешно. Жители Кенигсберга не стали ждать подхода к городу российских войск, а выслали на встречу им депутацию с прошением о «дозволении им протекции» императрицы. «Все здешние начальные и чиновные люди, — докладывал генерал В.В. Фермор, — встретили меня в замке и отделились с глубочайшей покорностью е.и.в.». При вступлении в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой раздавался колокольный звон, а мещане, построенные в парад, отдали честь с ружьем и музыкой, трубной и на литаврах. Фермор объявил им, что Елизавета Петровна «вступает во владение Пруссией, вы будете счастливы под ее кротким правлением, и я постараюсь сохранить ныне существующий порядок вещей»⁶¹.

6 марта появился указ Елизаветы войскам: «строжайше воинскую дисциплину соблюдать, и никому ни малейших обид, утеснений и озлоблений не чинить, более того, соизволяем мы и среди войны пе-

щись, насколько можно, о благосостоянии невинных худому своему жребию земель, и потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать». Тогда пребывание войск на вражеской территории можно было уподобить эпидемии чумы. Указ свидетельствовал, что Восточную Пруссию вражеской землей не считали. Дисциплинированные немцы подчинялись беспрекословно. В 1760 году к Елизавете прибыла делегация нотаблей — выразить признательность за милостивое управление. В обращении появилась монета с профилем царицы и надписью «Елизавета, королева Пруссии»⁶². Фридрих не простил жителям лояльного отношения к российской власти и, после возвращения провинции в лоно своего королевства, ни разу не посетил провинцию.

В августе 1758 года, когда Фермор осадил крепость Кюстрин в Померании, перед ним появился сам Фридрих. Произошла «резня насмерть» у Цорндорфа, которая не принесла решающего успеха ни одной из сторон, хотя русские оставили на поле боя половину своего состава.

Кампанию 1759 года Фридрих начал, имея, вместе с союзниками, 220 тысяч человек под ружьем против 350 тысяч у противников. Основная угроза ему исходила от армии фельдмаршала П.С. Салтыкова, двинувшейся в апреле к Одеру. Главнокомандующий осадил и взял приступом Франкфурт и создал реальную опасность захвата Берлина. Король прекратил операции против австрийцев и двинулся навстречу русским, а к тем присоединился вспомогательный корпус наиболее способного из генералов Марии Терезии Г.Э. Лаудона.

1 (12) августа у деревни Кунерсдорф на берегу Одера разыгралось самое кровавое сражение Семилетней войны. В 9 часов утра Фридрих начал атаку, потеснил первую линию русских, захватил пленных и пушки и поспешил отправить гонца в Берлин с вестью о победе. Но развить наметившийся успех не удалось, вызванная для преследования отступающей пехоты Салтыкова кавалерия задержалась, обходя пруды и болота. Страшного натиска вымуштрованных конников генерала Ф.В. Зейдлица, который выдерживал лишь опытный и отважный противник, удалось избежать. Зейдлиц начинал атаку строго по уставу, за 1800 шагов от неприятеля, подняв над головой дымящую трубку, кони двигались шагом, переходили на рысь, а затем срывались в бешеный галоп. Топот тысяч копыт, крики всадников, сверкающие палаши и сабли — все это наводило ужас на врага⁶³. Под Кунерсдорфом же конница Румянцева и Лауллона ударила во фланг замешкавшимся прусским гусарам и кирасирам, а шуваловские гаубицы, самые совершенные орудия того времени, перемалывали атакующую

пехоту. Провалилась попытка Фридриха овладеть господствующей над местностью высотой Шпицберг, картечь сметала карабкавшихся на нее пруссаков рядами. «В начале шестого (вечера. — *Авт.*), — докладывал Салтыков царице, — руководством Всевышнего и счастьем в.и.в. гордый неприятель уступать стал и сильным с нашей стороны наступлением погнан и совершенно разбит»; кавалерия преследовала его 15 верст. Фридрих потерял 17 тысяч своих солдат и офицеров убитыми, 5 тысяч пленными, 26 знамен, 172 орудия и обоз с боеприпасами, русские — 13 тысяч, австрийцы — 2 тысячи своих людей⁶⁴.

На ночь король расположился в деревушке Риттвейн в лачуге, на охалке соломы. При свете свечи он дрожащей рукой набрасывал записку министру К. Финкенштейну: «Мой мундир — в дырах от пуль, подо мной убиты две лошади, мое несчастье в том, что я еще жив. От армии в 48 тысяч у меня не осталось и 3000. Сейчас все вокруг бегут, и я больше не господин своего народа... Я не выдержу этого жестокого испытания... Прощай навсегда»⁶⁵.

Придя в себя, Фридрих собрал 18 тысяч разбежавшихся солдат. Неприятель его не преследовал, Салтыков, пространствовав 6 недель в поисках места, где можно перезимовать, отошел в Польшу. Кампанию 1760 года король провел в обороне, опираясь на цепь крепостей и укрепленных лагерей, которые союзники не могли миновать, не подвергаясь риску удара в спину. Самая значительная операция года — занятие Берлина — объяснялась желанием выманить пруссаков из-за стен, рвов и палисадов в чистое поле, где и разгромить их. Первую часть замысла удалось осуществить, вторую — нет. Поход на Берлин проводил корпус З.Г. Чернышева и вспомогательный австрийский отряд Ф. Ласси (между прочим, сына российского фельдмаршала П.П. Ласси). После пятидневной осады комендант сдал город 28 сентября (9 октября). Бургомистр согласился выплатить 2 миллиона талеров контрибуции, были разрушены пороховые, литейные и оружейные предприятия. Узнав о приближении крупных прусских сил, отряд покинул город, моральный эффект был достигнут: прославленный полководец Фридрих оказался не в состоянии защитить свою столицу, значит, дела его плохи. Австрийцев король все же одолел в битве при Торгау, но ценой таких потерь (17 тысяч человек), что запретил их оглашать. Зимой он предавался меланхолии: «Мы начинаем походить на странствующих комедиантов, у которых нет ни отчизны, ни родного очага. Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии там, где неприятель позволяет устроить наш театр»⁶⁶. Но бедные артисты ничего, кроме удовольствия, не доставляли — король же повсюду сеял смерть.

Для кампании 1761 года Фридрих едва наскреб 100 тысяч человек, на $\frac{3}{4}$ непруссаков, цвет командного состава лежал в земле сырой или ковылял на костылях. Спасали его разногласия среди противников. Российскую армию рвали на части: французы хотели, чтобы она взяла Штетин (Щецин), курфюрст Август просил освободить Саксонию, Мария Терезия настаивала на переброске русских сил в Силезию. Ее мнение возобладало. Но сменивший Салтыкова А.Б. Бутурлин утратил интерес к победам. «Матушка Елизавета» доживала последние месяцы, и тогда на престоле — Карл Петер Ульрих Голштинский, перелицованный в Петра Федоровича. Следовало и царицыных повелений не слушаться, и гнева наследника избежать. Александр Борисович оставил поэтому австрийскому военачальнику Г.Э. Лаудону отряд в 25 тысяч штыков и сабель, а сам с основными силами удалился на зимние квартиры. Фридрих писал тогда, что русским оставалось нанести ему удар милосердия (*coup de grace*). Они этого не сделали. Последняя удачная операция — капитуляция крепости Кольберг, открывшая побережье Померании для наступления. Пруссия, по словам короля, «агонизировала и ждала соборования»⁶⁷.

Но...

25 декабря 1761 (5 января 1762 года) скончалась Елизавета Петровна, Фридрих был спасен и предавался торжеству: «Бестия умерла, исчез ее яд». Министр К. Финкенштейн поддакивал ему: новый царь «рожден для счастья Пруссии»⁶⁸. На исходе войны только воля Петровой дочери спасала разлезавшуюся по всем швам союзную коалицию. Людовик XV, потеряв Канаду и часть Луизианы в Америке, Пондишери в Индии, утратил интерес к Ганноверу, злключения войны сделали Марию Терзию склонной к компромиссу, одна Елизавета сохраняла твердость.

Дочь Петра оставалась загадкой для современников и ставит в тупик историков. Ее царствование — «блестящее и убогое, легкомысленное и мудрое, милосердное и жестокое, восхваляемое и обруганное», — пишут Г.А. Некрасов и А.И. Шашкина. Беспорядочная жизнь, чревоугодие, пристрастие к вину, главным образом токайскому, рано подорвали здоровье царицы, и еще страсть к балам и маскарадам, неумное франтовство (15 тысяч платьев, на примерку которых она тратила больше времени, чем на государственные дела). Министры приходили в отчаяние, неделями дожидаясь ее подписи под важной бумагой. В последние годы она не проводила двух ночей подряд в одной комнате, говорили, что ее терзают мысли о заточенном Иоанне Антоновиче. Бессонница мучила царицу, и, случалось, она приказывала накрывать на стол в такой час, что поднятые с постелей придворные

не знали, садятся ли они за поздний ужин или уже за ранний завтрак. Некоторые ее распоряжения выглядели в просвещенном XVIII веке диковатыми. Так, за разговоры в церкви болтуна сажали на цепь, причем табель о рангах соблюдалась: знатным полагались оковы бронзовые, а то и позолоченные.

Но надвигался час испытаний и решений — и она выступала государственным деятелем с большой буквы. По словам американского историка Р. Бейна, с конца 1759 года лишь «непоколебимая твердость российской императрицы являлась той сплывающей политической силой, которая удерживала от распада разнородные, непрерывно ссорившиеся между собой элементы антипрусской коалиции и предотвращала ее распад под грузом сваливавшихся несчастий». Бейн отмечал тезис официальной немецкой пропаганды, утверждавшей, будто объединенная Европа не смогла вырвать Силезию из железной хватки Фридриха, — на самом деле тот с трудом удерживал клочок этой провинции. Нелестно характеризует он позицию российских союзников: «И Франция, и Австрия готовы были в полной мере использовать военные ресурсы России ради достижения собственных целей и крайне сдержанно относились к возможной награде для своего лояльного и усердного союзника». «Никогда в истории французская дипломатия не была столь поверхностной, капризной и колеблющейся»⁶⁹. О Людовике современники говорили, что он только и делал, что ставил палки в колеса другим участникам альянса. Австрийцы занимали более реалистичную позицию и держались более лояльно в отношении России, отсюда — скрываемое от галлов признание ими права Петербурга на присоединение Восточной Пруссии. Россия из вспомогательной силы, в качестве которой ее приняли в союз, превратилась в его становой хребет.

Всё и вся переменялось в Европе с кончиной Елизаветы Петровны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 История внешней политики России. XVIII век. М., 1997. С. 37; *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 6; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256

2 *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 334

3 *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 179

4 Там же. С. 197

5 *Ключевский В.О.* Русская история. Т. 3. М., 1983. С. 102

6 Там же. С. 48

- 7 Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. М., 1997. С. 58
- 8 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 35; Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 114–115
- 9 Анисимов Е.В. Женщины... С. 35; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 152
- 10 Анисимов Е.В. Россия без Петра... СПб., 1994. С. 107, 122; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 243, 67
- 11 Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739. М., 1976. С. 307
- 12 Павленко Н.И. Указ. соч. С. 312
- 13 Bain R.N. The Daughter of Peter the Great. St. Clair Shores, 1969. P. 110; Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 253
- 14 Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С. 8
- 15 Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 97–102; Анисимов Е.В. Женщины... С. 119
- 16 Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 216
- 17 Анисимов Е.В. Россия без Петра... С. 396; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1963. С. 332
- 18 Соловьев С.И. Сочинения. Кн. 11. М., 1993. С. 366–367
- 19 Там же. С. 382, 406–407
- 20 Там же. С. 308–309
- 21 Russel F. Russian Wars with Turkey. L., 1877. P. 21
- 22 Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 420; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1984. С. 105, 104
- 23 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 10. С. 459
- 24 Политические и культурные отношения... С. 98, 99, 106
- 25 Там же. С. 98–99
- 26 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 420; Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 258
- 27 Там же. С. 423–425
- 28 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 428; Whitman S. Austria. L., 1898. P. 295. History of the War in Bosnia in the Years 1737–1739. L., 1830. P. 19
- 29 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 443
- 30 Виноградов В.Н., Семенова Л.Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII и начале XIX века // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 21–22
- 31 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 454
- 32 Там же. С. 450
- 33 Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 31, 34
- 34 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 649
- 35 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 11. М., 1993. С. 24, 28–29
- 36 Там же. С. 10
- 37 Там же. С. 105

- 38 Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1990. С. 301; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 101, 407
- 39 Там же. С. 110; Bain R.N. Op. cit. P. 45, 38; Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. С. 175
- 40 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 120–123
- 41 Bain R.N. Op. cit. P. 110
- 42 Valloton H. Die Kaiserin Maria Theresia. Hamburg, 1968. S. 48–54; Tapie V.S. Monarchie et les peuples du Danube. P., 1969. P. 264
- 43 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 81, 190; Тверитинова А.С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 313; Mihneva R. La Russie et l'Empire Ottoman dans la politique europeens, 1741–1743 // Etudes balkaniques. 1982. № 3. P. 99–100
- 44 Соловьев С. Указ. соч. С. 104; Mihneva R. Op. cit. P. 107; Лаитенан Ф.Д. Россия входит в Европу. М., 2000. С. 36, 44
- 45 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 285–287; Лаитенан Ф.Д. Указ. соч. С. 115
- 46 Valloton H. Op. cit. P. 96
- 47 Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 1992. С. 116
- 48 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 21. М., 1963. С. 248–249
- 49 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 11. М., 1999. С. 400
- 50 Лаитенан Ф.Д. Указ. соч. С. 78
- 51 История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 92
- 52 Mihneva R. Op. cit.
- 53 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 11. М., 1993. С. 81, 90
- 54 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 104; Mihneva R. Op. cit. P. 99–106
- 55 Valloton H. Op. cit. S. 94
- 56 Ibid. P. 96
- 57 Friedrich der grosse. Politischen Testamente. B., 1922. S. 201; Asprey R. Frederick the great. The Magnificent Enigma. N. Y., 1986. P. 408–409
- 58 История Балкан... С. 97
- 59 В.В. Россия и Франция в первой половине XVIII века // Русская старина. 1898. № 1. С. 130, 150; Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 58, 192; Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 1999. С. 332
- 60 Семилетняя война. М., 1948. С. 191–201; Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону, 1997. С. 305; Анисимов Е.В. Елизавета Петровна... С. 341–343
- 61 Кони Ф. Указ. соч. С. 33.9–340
- 62 Валишевский К. Указ. соч. С. 479–480; Семилетняя война... С. 240–241
- 63 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 11. М., 1993. С. 81, 190; Тверитинова А.С. Русско-турецкие отношения в елизаветинское время // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 324; Mihneva R. La Russie... P. 99–106
- 64 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 11. С. 104; Mihneva R. La Russie... P. 107

65 *Valloton H.* Op. cit. S. 94

66 *Кони Ф.* Указ. соч. С. 386; *Valloton H.* Op. cit. S. 96

67 История внешней политики России... С. 105

68 *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 178; *Bain R.N.* Op. cit. P. 286–287

69 *Bain R.N.* Op. cit. P. 289, 292

ВЕК ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

ПРОРЫВ ЗА ДУНАЙ

Елизавета Петровна навсегда смежила веки 25 декабря 1761 года (5 января 1762). И начался кошмар. Петр, нареченный Третьим, в тот же день был провозглашен императором. Он не считал нужным хотя бы внешне изобразить скорбь, при отпевании в церкви болтал и гримасничал. Екатерина, напротив, представлялась воплощением печали и в глубоком трауре часами простаивала у гроба¹. Перенос тела в Петропавловский собор новоявленный самодержец превратил в фарс: когда процессия вышла на лед Невы, он отпустил катафалк далеко вперед, а затем бросился его догонять, свита не поспевала за быстроногим монархом, надетая не него длиннополая мантия болталась на ветру. Траурное шествие обернулось шутовством, присутствующим было стыдно.

Царь спешно передел гвардию в форму гольштинского образца, узкую и неудобную, сменившую традиционную петровскую. Его энергия устремилась на плац-парад. Изнеженные вельможи, пожилые и нередко толстобрюхие, часами месили снег и грязь, а впереди суетился ледащий император. Он выписал из Гольштинии двух дядьев, произвел их сразу в фельдмаршалы, одного поставил во главе конногвардейцев, другого назначил губернатором в Эстляндию. Преображенский, Семеновский и Измайловский полки лишились своих славных и любимых названий, кавалергардов распустили. Ходили слухи, что та же участь уготована всей гвардии, которую царек в открытую именовал янычарами. Придворный ювелир Позье записывал в дневнике: «Гвардейские полки не ставили совершенно ни во что в сравнении с горстью гольштинцев»². Гнетущее впечатление на окружающих производило пьянство императора: с утра он накачивался английским пивом, до которого был большой охотник, вечерние оргии часто заканчивались тем, что его величество уносили на руках в спальню. Духовенство и верующие были оскорблены царским распоряжением оставить в церквях лишь образы Спасителя и Богородицы.

И в довершение всего — скандал во внешней политике. Армия получила приказ прекратить военные действия, к королю Фридриху прибыл царский гонец с пальмовой ветвью. Фридрих встретил его в трауре, со скорбной миной на лице: для прошлой кампании он с трудом наскреб 96 тысяч солдат против 230 тысяч у неприятеля³. Петр вытаскивал его из неминуемой пропасти поражения. В инструкциях, подготовленных Фридрихом для дипломата Б.В. Гольца, собиравшегося в Петербург, говорилось об уступке России Восточной Пруссии, как о чем-то само собой разумеющемся. Ни скорби, ни уступок не понадобилось. Петр предлагал мир и союз, не требуя даже компенсации за понесенные военные расходы. Фридрих в своем послании высоко оценил уже усмотренную им государственную мудрость своего нового друга. Он взял на себя труд по составлению текста мирного договора, присвоил тому чин генерал-майора своей армии и наградил его орденом Черного орла. Петр III прилюдно лобзал бюст обожаемого Фридриха и бросался на колени перед его портретом. Саксонский посланник в недоумении сообщал своему правительству: «Король здесь — подлинный император». Все это походило на театр абсурда.

Сам Фридрих был смущен и даже перепуган пылкостью чувств самодержца, и не по причине скромности, а из-за опасения, как бы изъявления дружбы к нему, вчерашнему врагу, и нескрываемое пренебрежение ко всему национально-русскому не обошлись дорого обитателю Зимнего дворца. Он советовал тому поспешить с коронацией, чтобы обрести в глазах подданных ореол легитимного монарха. Но Петр был занят подготовкой похода против коварной Дании, отторгшей у родной Гольштинии провинцию Шлезвиг, и отмахивался от советов: он держит этих «русских» в повиновении. Он не подозревал, что надругательства над верой, обычаями страны, ее традициями в России терпеть не привыкли и что он играет со смертью.

Настроение общественности выразил в стихах Михаил Васильевич Ломоносов:

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странный оборот!

И взоры, и мысли подданных стали все чаще обращаться к Екатерине Алексеевне, в манифесте о восшествии императора на престол обойденной вниманием. Она — полная противоположность мужу в образе жизни. Семнадцать лет она уже пребывала в России, со дня

приезда прилежно изучала русский язык. Однажды серьезно заболела, к ней пригласили духовника, естественно — пастора: София — еще лютеранка. Она потребовала, чтобы пришел православный священник. Наступил день принятия православия. Она звонким голосом, без запинки прочитала Символ веры. Присутствующие умилились, Елизавета Петровна растрогалась до слез. Но в повседневности императрица была сурова, следила за каждым шагом молодой четы, а муж, Петр Федорович, проявлял к ней полное равнодушие. Лишь в 1754 году на свет появился наследник Павел. Развлечения — балы, маскарады, театр, езда верхом, преимущественно в мужском седле; зимой — катанье со снежных гор, охота. И приобщение к книгам, все более и более серьезное. На ее столе появляются письма мадам де Севиньи, «Опыты» Монтеня, практически все выходившие тогда русские книги, «Анналы» Тацита, сочинения Плутарха. Далеко не все модные тогда авторы заслужили ее одобрения; Лесажа, Мольера, Расина, Рабле и Скаррон, хотя и были прочитаны, впечатления не произвели. Иное дело — Сервантес и Шекспир. Современников-немцев — Лессинга, Гете и Шиллера — она не жаловала. Десять томов «Словаря» П. Беля, своего рода предтечи «Энциклопедии», приучали Екатерину к сомнению и критике, она изучала их пять лет. «Дух законов» Ш. Монтескье она уподобляла молитвеннику для разумных государей: он обучал, как совмещать абсолютизм с просвещением. У Вольтера она ценила критику католицизма и милитаризма. Предметом ее особого внимания являлись русские летописи, историей России она увлекалась всю жизнь⁴. С юности Екатерина приобщилась к идеям века Просвещения, в ее записях встречаются строки, осуждающие крепостное право: «Свобода — душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов». Бумаге онаверяла сокровенные мысли: «Противно христианской религии и справедливости делать рабов из людей, которые получают свободу при рождении»⁵. В.О. Ключевский суров по отношению к великой княгине: были у нее мечты и даже идеалы, но не убеждения⁶. Ее заметки он сравнивал с тетрадами мечтательной институтки. Действительно, она не предприняла никаких шагов для отмены крепостного права, достигшего в ее царствование апогея. Не в оправдание, а в объяснение ее позиции следует сказать, что системного кризиса этого строя не наблюдалось, в стране не существовало ничего, напоминающего оппозицию ему. Созванная Екатериной в 1767 году комиссия по составлению нового государственного Уложения законов (взамен датированного 1649 годом) выглядела по тогдашним понятиям импозантно: 208 представителей от городов, 28 — от государственных учреждений, 165 — от дворянства, 42 — от

однодворцев, 29 — от государственных крестьян, 45 — от казаков, 54 — от нерусского населения Сибири, Поволжья и Севера. В.О. Ключевский назвал ее всероссийской этнографической выставкой. Присутствовали все, кроме крепостных крестьян. Правительство явно желало выслушать «глас народа», происходило нечто невиданное и неслыханное. Члены комиссии освобождались от телесных наказаний и не подлежали смертной казни, и за всем этим виделось что-то вроде депутатской неприкосновенности. Ревнители старины были как громом поражены, узнав, что дворянин М. Глазов принес извинение каргопольским крестьянам за оскорбление их словом и даже был оштрафован на немалую по тем временам сумму — 5 рублей⁷. Происходил обмен мнениями по делам державы, обнаруживший, что светлые умы обитали не только в столицах, но и в углах, считавшихся медвежьими. Раздавались голоса в пользу облегчения участи крепостных, сокращения числа барщинных дней, смягчения оброчных платежей, наделения их землей.

Но ни одного голоса за отмену крепостного права не прозвучало. Драматизм ситуации С.М. Соловьев выразил в одной фразе: «...от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик: рабов»⁸. Императрица подготовила к работе комиссии наказ, обильно позаимствовав идеи из трудов корифеев эпохи Просвещения. Текст она дала на просмотр сперва церковным иерархам, потом — вельможам и избранным умам. Те поработали с усердием, царица вняла их гласу: «Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Бог знает, что станет с остальным». Более всего пострадали высказывания по крестьянскому вопросу, вычеркнутым оказалось даже осторожно сформулированное замечание: «Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного», или туманная ссылка на времена античности: «У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо»⁹. Уже на закате жизни царица вспоминала: «Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди»¹⁰. Выпрыгивать из эпохи не дано никому, ни монарху, ни революционеру, и заниматься этим делом, идти против воли дворянства Екатерина не собиралась, венец мученичества ей не подходил. Она безропотно приняла суждение окружающих. К реформам на просветительский лад а la France страна не была готова. Впрочем, и насчет Франции нужна оговорка: наказ Екатерины туда запретили ввозить, сочтя крамольным. Комиссия тихо умерла. Обращение Екатерины к иностранному опыту, пусть самому передовому, но без всякой связи с традициями и прошлым законоположением страны, закончилось неудачей. импе-

ратрица «исправилась» и больше никогда не впадала в философские мечтания на государственном уровне, иноземный камзол не мог заметить русского кафтана. По словам А.Б. Каменского, «на смену периоду политической романтики пришел период политического реализма, опаленный пожаром пугачевщины»¹¹.

Эпоха Просвещения ознаменовалась известной легкостью нравов, свобода коснулась и поведения в интимной сфере, возникло понятие наслаждения натурального. Екатерина не скрывала — она без любви жить не может, супружество в счет не шло. В первую брачную ночь муж, в сильном опьянении, в поздний час вломился в комнату и завалился спать. Сцена повторялась много раз. Появились связи на стороне, причем Екатерина ввела своего рода систему в отношения с фаворитами: они являлись ее помощниками, чаще всего техническими, в государственных делах, своего рода секретарями, она даже ввела для них звание флигель-адъютанта. Случалось, поклонники влюблялись в юную великую княгиню и изъяснялись в страстных посланиях. Екатерина очаровала английского представителя сэра Чарлза Хэнсбери-Вильямса (не фаворита), и он изливал свои восторги: «Вы рождены повелевать и царствовать. Я лобзаю Ваши ноги, я Ваш всецело, Ваш приказ — закон для меня. Я Ваш сердцем и умом, я считаю Вас существом, во всем меня превосходящим»¹². Граф Станислав Понятовский, посланник Польши, любящим оком запечатлел портрет Екатерины Алексеевны: «Волосы у нее были черные при ослепительной белизне кожи и самом ярком румянце, большие голубые глаза, очень выразительные, ресницы черные и очень длинные, рот, который, как казалось, просил поцелуя, руки и плечи — верх совершенства, стан гибкий...»¹³. Для него связь с великой княгиней явилась не мимолетным увлечением, а чувством, пронизавшим всю жизнь. Особый случай — близость с Григорием Александровичем Потемкиным, он не помогал ей, а разделял с нею бремя правления. К счастью, история сохранила драгоценный источник — личные письма Екатерины любимому (хотя они договорились корреспонденцию сжигать, но у Потемкина на то не поднялась рука). И в письмах пред нами предстает любящая женщина с государственными заботами, личными переживаниями и стремлением общаться с милым. Неоднократно она обращалась к нему как к супругу, что дает основание относиться с доверием к версии о том, что связь между ними была оформлена церковным браком. Не страсть, а власть разлучила двух честолюбцев: Потемкин занялся обустройством Новороссии; теплые отношения с «матушкой» продолжались до конца его дней. Вторым октября 1791 года помечено его последнее письмо Екатерине из Ясс, где он хлопотал о мире

с Турцией: «Матушка всемилостивейшая государыня! В теперешнем изнуренном состоянии молю Всевышнего да сохранит здоровье твое... Матушка, ох как болен». Четвертого числа он уже не писал, а диктовал: «Нет больше сил переносить мои мучения». На следующий день Потемкин тронулся в путь в Николаев. Проехали 40 верст, он занемог и попросил остановиться, его вынесли из кареты и усадили в кресло под деревом. Здесь его застигла смерть. Конвойный казак закрыл очи фельдмаршала, светлейшего князя двух империй, Российской и Австрийской, положил ему на веки по медяку¹⁴.

Получив скорбную весть о кончине, Екатерина слегла. Забылись разmolвки, осталось главное: ушел человек, служивший ей опорой в лучшие годы, деливший с ней бремя правления, преданный ей и отечеству, бывший, вероятно, ее единственной глубокой любовью. «Все будет не то», — жаловалась она секретарю А.В. Храповицкому¹⁵. Личность Потемкина величественна и трагична. Виднейший государственный деятель, великий администратор, видный реформатор армии. Он освободил войско от остатков пруссачества и одел его в удобную и отвечающую климату форму. Солдат избавили от ненавистных париков, служивших рассадниками вшей. В то жестокое время Потемкин был одним из немногих гуманистов в армии: он заботился о довольствии солдат, осуждал побои, высокомерие он проявлял по отношению к знатым и влиятельным, но не к сирым и убогим. «Настоящий дворянин», — говорила о нем Екатерина, в ее устах то была высшая похвала человеку. Но вернемся к году 1762. Екатерина в тревоге. В манифесте о восшествии на престол нового императора ни она, его супруга, ни сын Павел не упомянуты, муж ее открыто третирует. Царица, доносил в Париж посол Л.О. Бретейль, «находится в отчаянном положении, ей оказывают величайшее презрение». В Зимнем дворце ее поместили в отдаленных покоях, а рядом с собою Петр поселил фаворитку Елизавету Воронцову. «Странный вкус!» — заметил Бретейль, французу не приглянулась пышная девица с рыхлым лицом¹⁶.

Петр же, казалось, делал все возможное, чтобы возбудить в церкви, свете и гвардии недовольство, перераставшее порою в ненависть. Историки, обратившись к его деяниям, с некоторым удивлением отмечают, что полгода его пребывания на престоле не прошли бесплодно для законодательства: он подписал 196 указов, манифестов, рескриптов государственного значения. Был издан манифест о дворянской вольности, давно ожидаемый — освобождавший это сословие от обязательной службы и заодно разрешавший свободный выезд за границу; за ним последовал Указ о защите раскольников от чинимых им обид и притеснений и равноправии всех конфессий. У церкви отобра-

ли земли и прочее принадлежавшее ей имущество, два миллиона душ мужеска и женска пола, проживавших в монастырских поместьях, получили запашку и были обложены единообразным, сравнительно невысоким налогом в пользу государства¹⁷. Закрыли страшную Тайную канцелярию, пыточное ведомство, куда волокли людей по малейшему подозрению в измене. Петр распустил ставшую притчей во языцех лейб-компанию, роту преображенных гренадер, посадивших в 1741 году Елизавету Петровну на трон и до того разложившихся, что даже на караул солдаты являлись в сопровождении слуг, тащивших их винтовки.

Все эти меры как-то не вяжутся с вошедшим в обиход образом взбалмошного царька. Но отдельные назревшие узаконения впечатления на современников не производили, ибо затмевались повседневностью, походившей не то на дурной сон, не то на маскарад. В обществе ходили упорные слухи, что царь собирается отправить Екатерину в монастырь, сына Павла объявить незаконнорожденным и сочетаться браком с Елизаветой Воронцовой. 8 июня 1762 года на обеде в честь заключения мира с Пруссией разыгралась безобразная сцена, казалось бы подтверждавшая самые худшие опасения. Петр провозгласил тост за императорскую фамилию, все встали, кроме Екатерины, сидевшей далеко от мужа. На гневный вопрос супруга она ответила, что императорская семья состоит из него, нее и Павла. «А гольштинские принцы?» — воскликнул Петр. Он подозвал к себе адъютанта В. Гудовича — передать супруге выговор. Решив, видимо, что тот смягчит выражения, царь вскочил и крикнул на весь зал: «Дура!» Произошло всеобщее замешательство, Екатерина глотала слезы, стоявший за ее стулом придворный, чтобы разрядить обстановку, принялся рассказывать анекдот из жизни французских пейзаистов¹⁸.

Петр не успокоился и распорядился об аресте императрицы. Дежурный офицер И.С. Бариатынский в испуге отправился к принцу Георгу Фридриху, и тот отговорил племянника от безумного шага. Много позднее Екатерина утверждала в своих записках: «Я должна была или погибнуть с ним, или от него, либо спасти самое себя, моих детей и, может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые, несомненно, ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого государя»¹⁹.

Зрел заговор, все нити которого сходились в покоях императрицы; в духовенстве и при дворе зрело недовольство, гвардия клекотала, даже сестра петровской фаворитки, 18-летняя княгиня Екатерина Романовна Дашкова примкнула к оппозиции. Если Екатерина являлась душой и мозгом конспирации, то организаторами и исполнителями

выступали пять удалых и отчаянно храбрых братьев Орловых, служивших в гвардейских полках, а Григорий был и фаворитом императрицы. К тайному лагерю заговорщиков примкнула часть вельмож, в том числе гетман Украины К.Г. Разумовский и воспитатель Павла Н.И. Панин. Последний был сторонником провозглашения Екатерины Алексеевны регентшей при малолетнем сыне. Государыня об этом знала, но отмалчивалась. Переворот предполагалось произвести после отъезда Петра на войну с Данией во имя гольштинских интересов. События заставили изменить сроки: один из заговорщиков подвергся аресту, возникла угроза провала²⁰.

Рано утром 28 июня в Царском Селе появился Алексей Орлов. Войдя в спальню императрицы, он сообщил ей тревожную весть. Та поспешно оделась и в сопровождении камер-фрау бросилась к карете. Алексей поместился на облучке рядом с кучером, лошади пустились вскачь. На окраине столицы их поджидал Григорий, оттуда — в слободу, где квартировал Измайловский полк. Послышалась барабанная дробь, гвардейцы стали сбегаться на плац, принесли тюки с мундирами петровского образца, солдаты сбрасывали с себя гольштинскую форму. Прискакал командир полка граф К.Г. Разумовский. Привели старенького батюшку и под восторженные крики гвардейцы целовали крест и руки Екатерины. Из слободы строем и с винтовками отправились в Семеновский полк, где сцена повторилась. Преображенцы позднее пришли сами — замешкались, ибо несколько офицеров призывали их сохранить верность присяге и Петру. В Казанском соборе и Зимнем дворце высшие чины присягнули Екатерине как правящей монархине. Сторонникам провозглашения ее регентшей не дали опомниться. Н.И. Панин привел 8-летнего Павла на церемонию в ночном колпаке. Сомневающимся не то что посоветаться, поразмыслить было некогда. Внука Петра Великого устранили с престола без единого выстрела.

Вечером торжествующая Екатерина отправилась во главе 14-тысячного войска в Петергоф против собственного мужа. Она гарцевала на коне в мундире, заимствованном у поручика Талызина. Рядом скакала молоденькая княгиня Дашкова. На ночь расположились в Красном кабаке. Императрица разделила постель со своей юной подругой, обе не спали от волнения, да и клопы лютовали.

Петр узнал о перевороте в самый день 28 июня и заметался в растерянности. Его посланцы, отправляемые к супруге с ветвью мира, переходили на ее сторону, и он без сопротивления подписал акт отречения, в котором свидетельствовал, что, будучи императором, «знал тягость и бремя, его силам несогласные»²¹. Петра, явно намеренно, переодели в гольштинский мундир и под конвоем отправили в де-

ревню Ропшу, где компанию ему составляли Алексей Орлов, князь Ф. Барятинский и еще несколько офицеров; бесконечные попойки подрывали здоровье хилого экс-монарха. Он попросил разрешить ему выезд в Германию; не получив ответа, обратился совсем смиренно с просьбой — прислать ему Елизавету Воронцову, скрипку и собачку. Екатерина не отвечала. Она распорядилась приготовить приличное рангу заключенного помещение в Шлиссельбургской крепости, где уже двадцать третий год томился другой бывший император Иоанн Антонович.

Известны три записки Алексея Орлова из Ропши, последняя — сочиненная в состоянии сильного опьянения и полуграмотная, сохранившаяся только в копии, сообщала о смерти Петра. Тот будто бы схватился с «князь Федором», и не успели собутыльники опомниться, как «его не стало». Екатерина получила записку за обедом. Прочтя ее, она продолжила трапезу²².

Супруг оказался единственной жертвой ее воцарения. Она не поддавалась чувству мести, никто из заведомых противников не подвергся преследованию, не свистел кнут палача, как бывало, не тянулись дроги с высланными под заунывный звон колокольчика в места отдаленные. Изменился общественный климат. Кое-кому из оппонентов посоветовали отдохнуть в деревне или развлечься в Москве, иным — попутешествовать за рубежом. И все. Екатерина спохватилась — как бы «Лизка» Воронцова не вздумала явиться в Зимний. Секретарю И.П. Елагину полетела записка: «Перфильевич! Сказывал ли ты кому из Лизаветиных родственников, чтобы она во дворец не размахнулась, а то, боюсь, к общему соблазну, завтра прилетит»²³. Обошлось.

Два манифеста о воцарении были составлены быстро и продуманно. Ни слова о перевороте, ни намек на оправдание! Она «по явному и нелицеприятному желанию» россиян взяла на себя бразды правления, встала на защиту исконной церкви, державной славы и внутреннего порядка, совсем было ниспровергнутых внуком великого Петра. Вняв просьбам «присланных от народа избранных верноподданных» (видимо, в лице Алексея Орлова), монархия принесла себя в жертву отечеству. Бумага содержала и важное программное положение: «самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющим самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною». В честь коронации, проведенной уже осенью 1762 года, была выбита медаль с надписью: «За спасение веры и отечества»²⁴.

Вельможная фронда не посмела выступить с открытым забралом, но она сохранилась в дворцовых закоулках. Просвещеннейший Ники-

та Иванович Панин мечтал об аристократическом правлении. Но не кучке высокочиновных недовольных было бросать вызов умной, волевой, целеустремленной Екатерине, за все 34 года своего правления не знавшей крупных неудач.

* * *

Трудности окружили государыню со всех сторон. Дела после безалаберного правления Елизаветы Петровны и тяжелой войны находились в плачевном состоянии. По словам самой Екатерины, «флот в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались», войска, находившиеся за рубежом, восьмой месяц не получали жалования, в пустой казне накопилось распоряжений на выдачу 17 миллионов рублей. 150 тысяч монастырских крестьян «отложились от послушания», приписанные к заводам крепостные волновались, жестокие пытки и наказания за безделицу озлобили умы²⁵. «Матушка Елизавета», случалось, неделями не прикасалась к бумагам, все недосуг, и Екатерине предложили, для облегчения ее монаршей участи, знакомиться лишь с резюме дипломатической переписки. Она пожелала читать всё. Ей, узурпаторше, нельзя было совершать ошибок. Свою немецкую аккуратность она поставила на службу российским интересам.

По привычкам она принадлежала к жаворонкам, вставала в 5–6 часов утра, зимой сама растапливала камин, дрова заготавливались с вечера. Однажды произошел конфуз: в дымоходе раздалась отчаянные вопли, она спешно загасила огонь, и к ногам ее свалился трубочист. Он никак не ожидал, что повелительница империи в половине шестого уже на ногах. В одиночестве — занятия обширной перепиской, знакомство с бумагами. Чашка крепчайшего кофе с сухариком. Затем — прием секретаря, за которым следовали министры. От такой деловитости сановники отвыкли почти за 40 лет, прошедших со дня смерти Петра I.

Во весь рост встал вопрос: война или мир? Войска, отправленные в Данию, были отозваны: нечего портить отношения с Копенгагеном ради гольштинских интересов. Но и мир с Пруссией не был нарушен, несмотря на настойчивые обхаживания с австрийской стороны. Екатерина выразилась со свойственной ей определенностью: «Мир нужен этой обширной стране. Мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях»²⁶. Необходимо по крайней мере пять лет для приведения дел в порядок. Наболевший вопрос о монастырских владениях был решен радикально: 8,5 миллионов десятин земли и 1 миллион душ перешли

в ведение казны. Таможенные сборы отдавались на откуп за 2 миллиона рублей, Екатерина вернула их сбор государству, и одна Петербургская таможня стала приносить доход в 3 миллиона. Наступление мира позволило залатать финансовые дыры. Сенат определял доходы государства в 16 миллионов рублей, после обследования оказалось, что они достигают 28 миллионов²⁷.

Все мыслимые факторы, внутренние и внешние, требовали от Екатерины сохранения мира. В стране — сумятица, беспорядок, безденежье, вовне — настойчивые австрийские призывы вернуться на поле боя. Во имя чего? Союз с Веной изжил себя. Между тем вопрос о Причерноморье не то что созрел, а перезрел. Торговля через Балтику не удовлетворяла хозяйственных нужд России. Один из членов Вольного экономического общества проводил на карте черту от Смоленска к Костроме и Воронежу, весь гигантский регион к югу от нее с плодороднейшими почвами он определял как кровно заинтересованный в сбыте продукции через Черное море, сухопутные перевозки обходились тогда в 50 раз дороже морских²⁸. А путь к морю преграждало Крымское ханство, вассал Османской империи. Переход от обороны к наступлению на нее становился неизбежен, то была предпосылка прогрессивного развития стремительно осваиваемой Новороссии, в будущем — экспортной житницы России. На юге — или примитивно-натуральное хозяйство поселявшихся там крестьян, которых никакие опасности налетов степняков и установленные договором 1739 года «барьеры» не могли остановить, или высокопродуктивное по понятиям того времени товарное производство. Но пока что Россия застряла у мелководного Азовского моря. Предстояло прорваться к Черному и нанести тяжелые удары Высокой Порте, чтобы обеспечить свободный вывоз зерна на европейские рынки. И тут пути России и Австрии разошлись. Альянс двух стран действовал в оборонительном варианте, обе были заинтересованы в отпоре турецкой агрессии. В «постоянном обеспечении от турок», как то было прежде, Россия больше не нуждалась и переходила в наступление на южном направлении, и тут Вена из союзника превращалась в соперника, считая Балканы зоной своего влияния и не желая допускать Россию к устьям Дуная или, упаси боже, позволить ее армии прорваться за великую реку. Петербург болезненно ощущал стремление Габсбургов поставить себе на службу дружбу с Романовыми. Они, по словам Н.И. Панина, «еще привыкнуть не могут к «нашей инфлюенции в общих делах» и «ищут только пользоваться нами».

Эти факторы следует учитывать, обращаясь к российско-прусским отношениям. Было ли благоразумно после переворота внять австрий-

ским призывам и вернуться на поле боя? В создавшихся условиях, вероятно, нет. «Мы затверделому в делах австрийскому самовластию и воле следовать не хотим и во взаимных интересах наших с оным двором ведаем определять истинное равновесие», — полагал Панин²⁹. Екатерина выражалась еще энергичнее, прибегая к крылатой фразе: «Время всем покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся». Возобладал тезис: «Россия независимо от других держав собою весьма действовать может». Крепло убеждение в том, что Европа больше нуждается в России, чем последняя в Европе, да и сами австрийцы в глубине души это сознавали, их посол в Петербурге свидетельствовал: Россия столь крепкое государство, что вполне может обойтись без иноземной помощи. Вена со своими домогательствами получила от ворот поворот, военные действия продолжались еще год, затем истощенные противники заключили мир на условиях *status quo ante bellum* (то есть положения, существовавшего до войны). Фридрих II начисто утратил военный задор, и больше не пускался в рискованные предприятия. С.М. Соловьев писал даже о его «войнобоязни».

Первые шаги екатерининской дипломатии отличались осторожностью и сдержанностью. Н. Панин принялся сооружать так называемую Северную систему (или Северный аккорд) — нечто аморфное, трудно поддающееся определению, не коалицию и не союз, а некое согласие жить в мире, — в противовес французскому Восточному барьеру, чреватому конфликтами и войной. Сам ее создатель мечтал с помощью своего детища «на севере тишину и покой ненарушимо сохранять»: Россия была удовлетворена сложившимся на Балтике положением. К системе удалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию и Польшу. Сам этот перечень держав с перекрещивавшимися и сталкивавшимися интересами позволяет определить ее как временную и зыбкую комбинацию, пока кто либо из ее участников не попытается изменить к выгоде для себя баланс сил в Европе. В.О. Ключевский именовал творение Никиты Ивановича «дипломатической телегой, запряженной лебедем, раком и щукой», С.М. Соловьев считал ее создание неоправданным, британец А. Грей полагал продуктом панинского идеализма, а В.С. Лопатин характеризовал как пропрусскую³⁰. Мы не разделяем столь суровых оценок. Система для XVIII столетия являлась чем-то из ряда вон выходящим. Сотрудничество ряда стран тогда осуществлялось для изменения статус-кво, а не ради его поддержки, и обычно имело целью в близком или далеком будущем развязывание войны. А тут своего рода лига мира. Ее творец усматривал в своем детище «вернейшее ручательство в общем спокойствии» и «залог обеспечения независимости этой части Европы»³¹.

Налет идеализма в замысле Никиты Ивановича присутствовал, но он явился провозвестником будущих международных и даже всемирных организаций, и за то Панина должно хвалить, а не попрекать, хотя замечание насчет «знатной части руководства» России в системе подрывало ее привлекательность для прочих участников и не сулило ей долгой жизни.

Ни ссор, ни столкновений между державами она не прекратила. В условиях, когда российское продвижение на юг с высокой степенью вероятности натолкнулось бы на стену австрийского сопротивления, самодержавие нуждалось в партнере покладистее. Таковым представлялась Пруссия. Фридрих II, пребывавший в полнейшей изоляции, был готов броситься к Екатерине на шею. У двух держав существовали определенные точки соприкосновения интересов, и прежде всего в Польше, где их православные и лютеранские соотечественники (или, по терминологии того времени, диссиденты) были лишены политических прав, а их шляхта — участия во власти. Так что и у Петербурга, и у Берлина имелся вполне благовидный повод для вмешательства в польские дела — защита единоверцев от наступления католической реакции.

Польские дела были тесно связаны с балканскими сюжетами, Речь Посполитая являлась центральным звеном сооруженного французским королем Людовиком XV Восточного барьера (Швеция — Польша — Османская империя). Луи с упрямством параноика пытался изгнать Россию из Европы. Он инструктировал посла в Петербурге Л.О. Бретейля: «Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе». Он мечтал «ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить его во мрак»³².

Король Польши Август III дышал на ладан и в 1773 году скончался. Водворение в Варшаве ставленника католических держав, Франции и Австрии, означало бы серьезное дипломатическое поражение России: в случае войны с Турцией пришлось бы сражаться и с ее польским союзником. Как это ни странно звучит, но путь на юг лежал через Варшаву, следовало озаботиться избранием здесь на трон лояльной кандидатуры, в союзном договоре с Пруссией (1764 год), в его секретнейшей статье, было названо и имя: Станислав Понятовский, бывший фаворит Екатерины. Аргументы в его пользу — природный поляк, родословная восходит к первой династии Пястов, сам не богат, но в родстве с могущественным и богатым кланом Чарторыйских, образован, поклонник идей Просвещения. Дополнительным и весомым аргументом послужило золото, щедро рассыпанное перед

сеймовыми послами. Станислав, нарекийши себя дополнительно именем Август, был избран на престол с соблюдением всей полагающейся процедуры.

Екатерина торжествовала. Она призвала к себе истопника Федора Михайловича, родоначальника современной правительственной спецсвязи в России, и сунула ему в карман, между прочими бумагами, записку Панину: «Никита Иванович! Поздравляю Вас с королем, которого мы делали. Настоящий случай наивяще умножает к Вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все Вами взятые меры» Она поспешила погасить немалые долги, числившиеся за королем Станиславом Августом, и определила ему ежегодный пенсioen в 3 тысячи червонных (9 тысяч рублей).

Плохо знала царица поляков. Вроде бы благое дело, отстаивание прав диссидентов, обернулось вооруженным вмешательством во внутрипольские дела, национальным протестом и тяжелейшими международными последствиями, завершившимися разделами Речи Посполитой. А все начиналось с конвенции, приложенной к оборонительному трактату 1764 года между Петербургом и Берлином. Стороны выступали в нем за возвращение диссидентам «привилегий, вольности и преимуществ, которыми они ранее владели как в делах религиозных, так и гражданских». Екатерина, как иноземка, обязана была доказать подданным, что проявляет на деле заботу о православных за рубежом. Поляки, как бы нарочно, делали все, чтобы накалить обстановку до предела. Епископ Георгий Конисский жаловался на невыносимое положение православной церкви — за последние годы разорено 200 храмов. Коронационный сейм 1764 года отказался рассматривать демарш двух дворов в пользу диссидентов. Позднее Н.В. Репнину удалось добиться некоторых уступок. С началом войны с Турцией (1768 год) они были взяты обратно, русских лишили права использовать Каменец-Подольск и проходивший через него тракт как операционную линию для снабжения своих войск. Старошляхетская группировка, т.н. Барская конфедерация, войдя в контакт с Высокой Портой, выразила согласие на присоединение к Османской империи, после ее победы над Россией, Подолии и Киевского воеводства вместе с Киевом, и выговорив в пользу Речи Посполитой Чернигов и Стародуб.

Открыто вмешаться в польские дела Луи XV не посмел. Франция, истощенная войной, вся в долгах, находилась в «изнуренном состоянии» и лишь для вида поспорила, да и провальный опыт 1730-х годов из памяти не выветрился. Но идея разжечь тлеющие угли российско-турецких противоречий вокруг Причерноморья в Париже не проходила. В апреле 1766 года послу в Константинополе Ш.Г. Вержену

была направлена инструкция, кривотолков не допускавшая: самым надежным средством похоронить Северную систему, а может быть, и свалить с захваченного престола узурпаторшу Екатерину, говорилось в ней, явилось бы вовлечение России в войну. Лишь турки могут оказать Парижу эту услугу. «Нас не интересует конечный успех, но само объявление ее и ход позволят нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины»³³.

Галльские подстрекательства увенчались полным успехом, нужно было только поднести огниво к костру, чтобы вспыхнул огонь, так что особых уговоров не потребовалось. Турки с растущей подозрительностью следили за начавшимся развалом Речи Посполитой. Восточный барьер давал трещину, утрата союзника грозила выходом из строя всей системы сдерживания России. Резидент в Стамбуле А.М. Обресков уверял великого везира, что войска будут выведены из Польши «по окончании диссидентского дела», которому конца и краю не виделось. Посол в Варшаве Н.В. Репнин недоумевал — зачем давать пустые обещания? Обресков перепугался и пришел в состояние «трепетания» — как бы императрице не доложили о его самоуправстве³⁴.

Н.И. Панин тревожился: «Не время еще сходиться нам с Портою до разрыва». Следует, «освободясь единожды польских хлопот», «взять на несколько времени покой и, пользуясь оным, распорядить меры наши на будущий случай». Чтобы не раздражать турок, прекратили строительство крепости Святого Дмитрия (Ростова-на-Дону), Обрескову отправили 70 тысяч рублей для придания его миролюбивым демаршам большей убедительности «лестным блеском золота»³⁵.

Екатерина надеялась: «С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет». В инструкции «любезноверному» генерал-поручику Ивану Чернышеву, назначенному послом в Лондон, говорилось, явно для передачи британцам: «Приняв скипетр Российския державы, положили мы себе непоколебимым правилом, чтоб со всеми, а особливо с соседними областями, пребывать в дружбе и добром согласии, к чему простираются все наши старания». И уже в строках, предназначенных для него лично, выражалась надежда на то, что Высокая Порта, будучи «в таких затруднительных обстоятельствах», «весьма довольною может себя почитать, что останется от соседей своих в покое»³⁶.

Не обошлось. Война надвигалась с фатальной неизбежностью. Позиции Обрескова пошатнулись. Великий везир был грозен: «Отвечай, изменник, в двух словах, обязываешься ли, что войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?» Из дворцовых покоев дипломата препроводили в Семибашенный замок в заключение. 9 ноября 1768 года царица циркулярной нотой известила державы о «варвар-

ском поступке» Порты — «о нарушении с нами мира» и «арестовании резидента нашего Обрескова». Поэтому императрица, «противу истинной склонности своей», намерена употребить дарованные ей «от Бога силы в отмщение» и в «доставление себе и короне нашей полного и публичного удовлетворения»³⁷. Война началась.

Ситуация для России сложилась тревожная. На севере затаилась, с границей всего в 30 верстах от Петербурга, дважды разгромленная и жаждавшая реванша Швеция. Австрия считала Балканы сферой своего влияния, а продвижение российских войск к устью Дуная — занятием господствующих позиций на подступах к ним. В Польше интересы Габсбургов и Романовых сталкивались, возведение Станислава Августа на престол вызвало в Вене крайнее раздражение. Так что со стороны Вены можно было ожидать всяких каверз.

Казалось, противовес можно было обрести в союзе с Англией, старым антагонистом Франции. Лондонский кабинет был ярым врагом галльских поползновений на гегемонию в Европе и на стезе колониальных предприятий. XVIII век едва перевалил на вторую половину, Лондон и Париж уже дважды схватились друг с другом, и до его окончания предстояли еще две войны. Состояние англо-российских отношений ободряло, торговля процветала, ежегодно 600–700 британских кораблей посещали порты северной державы.

Однако основой британской имперской мощи являлось господство на морских путях, связывавших воедино владения короны. По Утрехтскому миру 1713 года Англия приобрела ключи к Средиземному морю — скалу Гибралтар, запиравшую выход на просторы Атлантики. Турецкий султан считался чем-то вроде сторожа Черноморских проливов и исправно исполнял эту должность. Османская империя была уже слишком слаба, чтобы угрожать английским интересам. Иное дело — быстро наращивавшая мускулы Россия. Казалось бы, сидит она у азовского мелководья, какая уж тут угроза? Но британская дипломатия недаром считалась зоркой и дальнзоркой. Ей чудилась смена караула у Проливов, а это уже внушало глубокую тревогу. Англичане всей душой хотели бы заручиться российской поддержкой на случай новой схватки с Францией, но избегали обязательств в отношении турецких дел. В качестве крайней уступки предлагалась запутанная комбинация: лишь в том случае, если Екатерине не удастся заключить мир на условиях уступки турками Азова, области «кубанских татар» и свободы судоходства по Черному морю, Британия отправит в помощь России 14 линейных кораблей, и то под честное слово короля, не включая сей пункт в текст договора, дабы не мешать усилиям короны в достижении российско-турецкого примирения. Пе-

тербург же должен был дать заверение, что любое нападение европейской державы на британские владения в Ост-Индии и Америке будет рассматривать как *casus foederis* (то есть случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору)³⁸.

Сент-Джеймский кабинет хотел и дружбу с самодержавием сохранить, и в то же время не допустить ощутимого ущемления турецких интересов. Добиться заключения союза на этих односторонне выгодных условиях Лондону очень хотелось, посол Ч. Кэткарт заранее получил полномочия на подписание договора. Екатерина заявила, что вступать еще в одну войну не желает.

Оставался Фридрих II. Противодействовать России обескровленная и опустошенная в ходе Семилетней войны Пруссия не могла, оставалось дружить с ней и, заключив Екатерину в объятия, постараться, насколько это возможно, умерить притязания союзника в отношении Турции и под сенью альянса приступить к разделу Польши. Первый зондаж король произвел, можно сказать, инкогнито. В 1764 году он послал в Петербург графа Линара, и тот, якобы от собственного имени, выступил с «инициативой». На его демарш не обратили внимания, вместо раздела Польши Н.И. Панин предложил совместными усилиями выгнать турок из Европы. Это ни в коей степени не отвечало прусским планам, но Фридрих по договору 1764 года все же обязался предоставлять России в случае ее войны с Турцией ежегодную субсидию в 400 тысяч рублей. Он был поэтому кровно заинтересован в скорейшем прекращении подобной войны, буде она вспыхнет. Брату Генриху король писал: «Россия — это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа». Способствовать ее усилению Берлин не собирался, заманивать пруссаков в войну с турками выходило за пределы возможного: «Я заключил союз с Россией... не для того, чтобы под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло, ни холодно». «Боюсь, чтобы меня не стали доить как корову» в обмен «на изящный комплимент и соболью шубу». Но альянс был нужен ему позарез, «никто тогда не осмелится тронуть меня», писал король³⁹.

Турки, по мнению тогдашних экспертов, могли выставить на поле боя 400 тысяч человек и 100-тысячную крымскую конницу, на море они господствовали. Русские — 180-тысячную армию. Современники прочили османам успех, в войне 1735–1739 годов они отразили натиск «московитов» и нанесли чувствительное поражение «цесарцам», так что условий для полета фантазии при составлении наметок по мирному договору у Совета при высочайшем дворе не существовало. Замахиваться на Балканы при открытом или скрытом противодействии

почти всей Европы было опасно. Совет приступил к дискуссии: «...к какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезные положить?» Выработанные пожелания выглядели скромно: настоять на свободе плавания по Черному морю и для того добиться учреждения порта и крепости; не вполне определенно говорилось о границе с Польшей — установить ее так, чтобы «навсегда спокойствие не нарушалось»⁴⁰.

Начало военных действий затягивалось из-за неготовности обеих сторон. Султан Мустафа III поспешно вызвал из ссылки Кырым Гирея, оказавшегося в немилости из-за излишней самостоятельности. Дорогу в сераль украсили шестами с отрубленными головами вечно бунтовавших черногорцев, как намек на участь, ожидающую непокорных.

Гирей не мешкал, и в январе 1769 года его конница вторглась на Украину. Целью набега, сообщал французский агент П. де Рюффен, было «разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей», и «заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы». Военный совет предписал войскам жечь по пути деревни, жатву, уводить стада, захватывать в плен жителей. Добычу предписывалось делить «по-братски», оставшиеся дома получали свою долю. И вновь потянулись обозы с рабами, всего — 16 тысяч человек⁴¹. Произошло, по словам С.М. Соловьева, «последнее татарское нашествие». Лишь фактор внезапности позволил свершить злое дело — степная конница испарилась с просторов Украины так же внезапно, как и появилась там. По приказу генерала П.А. Румянцева армия заняла «барьерные земли» и приступила к восстановлению крепостей Азов и Таганрог.

Начало войны продемонстрировало стратегические преимущества турецкой стороны: обладая Крымом и военно-морским флотом, она могла наносить удары в любом пункте побережья. Поэтому российское командование стремилось прежде всего овладеть выходом из Азовского моря, Керчью и Таманью, «дабы зунд Черного моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого цареградского канала и до устья Дуная»⁴². Поскольку турецкий удар ожидался и через Польшу, одна из армий направилась на север Бессарабии, к крепости Хотин. Взять ее приступом генерал-аншеф А.М. Голицын не решился. Осенью турки сами покинули город по причине нехватки продовольствия. Голицына сместили за бездеятельность, пост занял П.А. Румянцев. До конца 1769 года он оккупировал Дунайские княжества. Войска, от командующего до последнего солдата, убедились, что население считает их освободителями. Молдавский митрополит поспешил привести жителей Ясс к присяге на

верность Екатерине, что и было осуществлено в соборе под ликующие клики и звон колоколов.

Родилась дерзкая мысль: нанести удар по Османской империи силами флота в Средиземном море (где корабль под российским флагом впервые появился в 1764 году). Первая эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова покинула Кронштадт в июле 1769 года. Многое зависело от позиции англичан, без их содействия суда вообще не добрались бы до Гибралтара. Сент-Джеймский кабинет разрешил вербовку офицеров, предоставил в распоряжение эскадры свои порты, снабдил ее вспомогательными судами и, что не менее важно, предостерег французов и испанцев от попытки вмешательства. Статс-секретарь лорд Рошфор поведал российскому послу о мечтах кабинета: «Как я бы желал, чтобы мы были в войне с Францией! Два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!»⁴³.

Французы не дерзнули бросить вызов двум державам и закрыли глаза на проплывавший вдоль их берегов флот. Они воображали, что занимают позицию третьего радующегося. Ведавший иностранными делами герцог Э.Ф. Шуазель инструктировал посла в Петербурге: «Е.в. желает, чтобы война России и Турции продолжалась до тех пор, пока петербургский двор, униженный или по крайней мере истощенный, не будет думать об угнетении соседей и о вмешательстве в общеевропейские дела»⁴⁴. Одним словом, марш в свой медвежий угол и сидите там смиренно!

Пока в Париже предавались сладким грезам, эскадра Спиридова миновала Гибралтар и в Италии взяла на борт Алексея Орлова, назначенного командующим всеми войсками в Средиземноморском бассейне. В феврале 1770 года она достигла полуострова Морея в Греции. Десант с кораблей, поддержанный восставшими эллинами, взял местечко Мизидра (некогда знаменитую Спарту); в апреле пала крепость и порт Наварин, превращенный в операционную базу российского флота (20 линейных кораблей, 24 фрегата, 8 тысяч штыков десанта на борту). Правда, турки подтянули крупные силы, рассеяли отряды повстанцев, и город пришлось оставить. А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов взяли реванш в Чесменском морском сражении (между островом Хиос и материком). Турецкий флот из 16 линейных кораблей и 6 фрегатов был уничтожен, людские потери неприятеля достигали 10 тысяч. По словам Спиридова, вражескую эскадру «атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили и в пепел обратили, и оставили на том месте страшное позорище»⁴⁵.

Не менее громкие победы были одержаны на сухопутном театре. Взошла полководческая звезда Петра Александровича Румянцева. Он

разбил неприятеля в трех сражениях: У Рябой могилы (июнь), у Ларги (июль); 21 июля (1 августа), имея 17 тысяч солдат и офицеров, он разгромил главные турецкие силы (150 тысяч) на реке Кагул, притоке Дуная. Противостоять умелому маневру и штыковому удару обученной по-европейски пехоты турки не смогли, личная отвага янычар не помогла. Обозначился основной тактический прием в противоборстве с османской армией — выманивать ее из крепостных стен в чистое поле и там громить. Румянцев занял южную часть Бессарабии, Буджак, с крепостями Измаил, Килия, Аккерман и Бендеры, овладел дунайским портом Браиловом (Брэилой). Успехи представлялись значительными и позволяли надеяться на скорое заключение мира.

Еще 15 марта 1770 года Совет при высочайшем дворе занялся крымскими делами и «обще согласился», что подвластные хану татары «по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными». В поисках наиболее рационального решения вопроса совет учитывал международную ситуацию: «...беспосредственным к себе подданством Россия возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть о беспредельном намерении умножения своих областей; что от сего, однако ж, благоразумие научает». Трудно удержаться от похвалы этой мудрой мысли. Далее следовало ее логическое продолжение: «Велико и знатно быть может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости». Видимо, вельможи рассуждали не без подсказки Екатерины, которая еще раньше задавалась вопросом: «не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства?»⁴⁶.

Существовало, однако, большое «но» на пути осуществления этих планов — сами татары отлагаться от Османской империи не собирались. Каплан Гирей, будучи информирован Румянцевым о вынашиваемых в Зимнем дворце замыслах, ответил обескураживающе: «Мы Портою совершенно довольны и благоденствием наслаждаемся. В этом твоём намерении, кроме пустословия и безрассудства, ничего не заключается»⁴⁷. И все же после Кагула три орды отложились от турецкого подданства.

Военные успехи, явное тяготение балканцев к России порождали тревогу у европейской дипломатии. Пришло время уточнения условий намечаемого мира, дабы возникшие опасения рассеять и толки о чрезмерном усилении могущества России пресечь. От посла в Вене Д.М. Голицына поступала информация о концентрации австрийских войск поблизости от фланга Дунайской армии, а Фридрих II прояв-

для повышенный и явно небескорыстный интерес к вынашиваемым в Петербурге замыслам относительно мира. Царица набросала краткую записку с изложением своих планов. Н.И. Панин доложил их совету 16 сентября 1770 года. Они предусматривали удержание Азова и Таганрога, предоставление независимости Крыму. Дунайские княжества предоставлялись России на 25 лет с тем, чтобы она возместила убытки войны. Но тут же следовало важное разъяснение, из которого вытекало, что указанный пункт — служебного характера и не исключал выдвижения иного требования: «Понеже Е.и.в. с самого своего восшествия на престол доказать изволила своею политическою системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель», и она готова пожертвовать убытками, «если Молдавия и Валахия оставлены будут в независимости и Дунай будет поставлен турецкою границею»⁴⁸.

19 января 1771 года царица отправила письмо королю Фридриху с изложением российских притязаний: Кабарда и Азов переходят к России, обеспечивается свободное плавание по Черному морю. «Я могла б быть вознаграждена уступкою Молдавии и Валахии, но я откажусь от этого вознаграждения, если предпочтут сделать два княжества независимыми». Тем самым она продемонстрирует свое бескорыстие, а Вена должна быть довольна «соседством маленького молдовалашского государства, несравненно более слабого и независимого равно от трех империй» (Османской, Австрийской и Российской)⁴⁹. «Я не подвигаю своих границ ни на пядь», — заключала государыня свое послание.

Зондаж в Берлине успехом не увенчался, правда, Фридрих прислал отказ не от своего имени, а спрятался за спину австрийцев: условия насчет Крыма и Дунайских княжеств «встретят непреодолимое сопротивление» со стороны Стамбула и Вены. Россия может рассчитывать на Кабарду, Азов и свободу плавания по Черному морю. Екатерина обиделась: после двух лет кровопролитной войны ей предлагают то, чем Россия уже располагает, за исключением пункта насчет судоходства⁵⁰.

В Вене с российским послом князем Д.М. Голицыным обходились с подчеркнутой холодностью: «Их императорские величества почтили меня благосклонным об индифферентных материях разговором». Похоже было, что двор откладывал беседы по существу неспроста: Голицын с тревожной регулярностью сообщал о концентрации войск в Трансильвании, поблизости от фланга Дунайской армии Румянцева. Всего к переброске намечалось 60 тысяч человек, 9 венгерских пехотных полков, 10 австрийских, 7 хорватских, 16 кавалерийских, включая

3 гусарских. Такими силами Румянцев не располагал, имея всего 45 тысяч штыков и сабель⁵¹. Кайзер Иосиф II зачастил на «гульбище» в Пратер — наблюдать за проходившими там учениями войск. Ему уже приготовили походную церковь.

11 мая 1771 года Екатерина начертала «Быть по сему» на документе, озаглавленном «Конфиденциальное изложение намерений», содержащем условия мирного урегулирования. Она свидетельствовала в нем, что «не желает распространять свои владения путем завоеваний, постоянным правилом, на коем она основывает свою славу, является счастье и спокойствие подданных». Ее цель — добиться возмещения убытков, обеспечения границ империи, укрепления мира, снятия преград с черноморской торговли; она желает сделать соседство с Крымом «менее беспокойным», ханство должно не «под одиозным игом» находиться, а пользоваться «всеми правами и прерогативами свободного и независимого государства и народа»⁵². Из Вены поступил запрет на все, «мир на таком основании даст Российской империи громадное могущество, а империи Оттоманской — падение в перспективе, более или менее отдаленное, но неизбежное», сопровождаемый угрозой: венский двор «не может долго оставаться спокойным зрителем»⁵³.

На деле позиция одного двора нисколько не напоминала созерцательную. В Трансильвании сконцентрировался ударный кулак, в Стамбуле интернунций (посол) И.А. Тугут вступил в переговоры о союзе с Портой. Султан был в восторге, обещал не скупиться и выделить цесарцам 3–4 миллиона гульденов на военные нужды.

Дальше — больше. К глубокому огорчению императрицы-матери Марии Терезии, всю жизнь ненавидевшей прусского монарха, ее сын и соправитель Иосиф дважды встречался с Фридрихом. Особенно знаменательная беседа состоялась во время свидания в Нойштадте (ныне — Нове-Место в Чехии) в сентябре 1771 года. Иосиф не считал нужным скрывать перед пруссаком свои планы: надо воспрепятствовать «скорому и постыдному миру». Брату Леопольду он писал: «Если русские прорвутся и подойдут к Адрианополю, для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена».

К удовлетворению собеседников, в Нойштадт прибыли турецкие уполномоченные, предложившие им взять на себя посреднические функции при заключении мира. Фридрих предложил присоединить к процедуре и носителя английской короны.

Игра была шита белыми нитками, посредничество предполагает участие, а стало быть, и воздействие на них, и понятно, кому на пользу. Все это уловила Екатерина, как и то, что старый Фриц прикрыва-

ется австрийской ширмой. В его переписке она усмотрела «мелкую зависть и угрозы», но «не прямо от него, все это положено на счет венского двора», и именовала «потсдамского философа» «адвокатом турок». Услуги были вежливо, но твердо отклонены, тем более, что и французская дипломатия собиралась вмешаться в процесс. Трудность для последней заключалась в том, что Екатерина тогда вообще не допускала посла Бурбонов пред свои очи. В Париже решили воспользоваться пребыванием в Петербурге Дени Дидро. Знаменитый философ по вечерам беседовал с императрицей. Однажды он, явно смущаясь, протянул ей конверт, заметив, что не хочет угодить в Бастилию в случае отказа выполнить данное ему поручение. Екатерина засвидетельствовала, что не собирается доставлять ему подобную неприятность, взяла письмо и швырнула его в камин, в котором пылал огонь⁵⁴. На сем французские попытки вторгнуться в российско-турецкий конфликт прекратились.

Отделаться столь же легко от австрийцев не представлялось возможным. В декабре 1771 года до Коллегии иностранных дел дошли сведения о тревожном и уже совершившемся факте — об австро-турецком договоре от 7 июля, названном субсидным. Пронырливости осведомителей посла Д.М. Голицына не хватило на то, чтобы вовремя проведать о беседах интернунция с везирами, увенчавшихся подписанием документа, по которому Вена обязалась добиться от России «путем переговоров или силою оружия» (!!) заключения мира на условиях возвращения Турции занятых неприятелем «крепостей, провинций и территорий». Собираясь лишить Россию земель, занятых ценой большой крови, Габсбурги выговаривали себе в обмен на услугу лакомый кусок — Олteniю (Западную или Малую Валахию) и субсидию в 20 тысяч кошельков (4 миллиона пиастров)⁵⁵.

Подобного коварства Панин не ожидал даже от венцев и счел поступившие сведения «едва ли подлинными», хотя тут же заметил: «здравая политика велит готовиться на все случаи жизни»⁵⁶. В марте следующего года англичане услужливо предоставили в его распоряжение копию субсидного договора. Информации не хотелось верить, и ее подлинность решили еще раз проверить, чтобы подтвердить или опровергнуть, и Д.М. Голицын, подкупив кого нужно, заимел наконец бумагу — «какую надежным каналом получился. Естли истину сказать, так за деньги»⁵⁷.

Ситуация сложилась мрачная, почти угрожающая. Панин шифром и по-русски излагал свою досаду, кляня Габсбургов и приписывая их интриги «высокомерному желанию дать России восчувствовать потерю австрийского союза»; но гласно, открытым текстом, по-французски

и по почте, для прочтения в соответствующем австрийском ведомстве, он просил заверить канцлера В.А. Кауница, что он, Панин, всегда высоко ценил его «честность, верность и добрую волю»⁵⁸.

Екатерина не менее своего министра была возмущена пакостями «цесарцев»: «Венский двор не всегда почитал за верх своего благополучия соседство турков и для того прежде не столь много имел попечения о сохранности и целости всей их области; но, как бы то ни было, я чаю, что наши кондиции не им на суд отданы. Их устраивает диктовать мир». Заканчивала царица свои рассуждения с обычной бодростью: «Но не диктаторам осуществлять власть над Россией». У габсбургских дипломатов не хватит ни силы, ни воли, ни нервов, ни гибкости, чтобы воплотить задуманное в жизнь. Она пришла к выводу, что рычаг для достижения поворота в австрийской политике лежит в Дунайских княжествах и что с мыслью об их отторжении от Османской империи придется расстаться. Оставалось помянуть Вену перспективой территориального расширения «до самого Белграда, как о сем разговоры уже были со стороны князя Кауница»⁵⁹. Предстояло еще озаботиться сохранением за Молдавией и Валахией привилегий, которыми они традиционно пользовались. Панин выдвинул также идею амнистии по мирному договору, всем, кто поднял оружие против Порты.

Бремя войны тяжело ощущалось в России. Иностранные дипломаты, строя свои умозаключения исключительно на расчетах и подсчетах, не вторгаясь в область национальной психологии, пренебрегая чувством православной солидарности, приходили к выводу, что дела у страны плохи. Британец Ч. Кэткарт в доверительном письме делился своими наблюдениями: «Армии раздражены. Офицеры всех чинов выходят в отставку, люди измучены болезнями, усталостью и дурным управлением, более разрушительным, чем неприятельское оружие», корабли в состоянии, близком к аварийному. «Дарданеллы неприступны, блокада Константинополя бессмысленна». Деревня обескровлена рекрутскими наборами. «Казна еще совершенно не истощена, но весьма обеднела». Ощущается недостаток людей способных, сведущих и честных. «Зависть и ненависть к иностранцам». В общем, все плохо. Сменивший Кэткарта Р. Гэннинг выражал уверенность (июль 1772 года), что Россия еще одну кампанию не выдержит, а уж если «шведы осмелятся действовать наступательно, ничто не помешает им овладеть Кронштадтом и этой столицей» (Петербургом).

Набор шел за набором, и в 1772 году Румянцев отзывался о рекрутах: «слабая неучь»⁶⁰.

«Старый Фриц» воспрянул духом: теперь уж Россия будет цепляться за союз с ним — и удвоил хлопоты по примирению Вены и Петербурга в ущерб интересам последнего. Он информировал Иосифа, что царица склоняется к оставлению Дунайских княжеств в составе Османской империи. В инструкциях Г.Г. Орлову, на которого возложили миссию миротворца, выражалась надежда на полное согласие венского двора «на положенные нами основания мирных переговоров». «Про себя», судя по всему, в Коллегии иностранных дел не были уверены, что подобной уступкой удастся отделаться, и Панин, в качестве запасного, предусматривал совсем уж варварский вариант, предложив на заседании совета, в случае удара австрийской армии по Валахии, отступать из княжеств, разоряя местность, дабы «цесарцы» не могли двигаться вперед⁶¹.

Молодой шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по матери, совсем от рук отбился, учинил государственный переворот (август 1772 года) и восстановил в стране абсолютную власть монарха. Государыня тревожилась: «Есть ли французская партия власть возьмет, то сомнения нет о возобновлении комедии 1741 года» (войны Швеции с Россией).

Худшего — войны на двух фронтах — удалось избежать, но общий фон оставался мрачным для Петербурга и благоприятным для Берлина. С учетом этого фактора следует рассматривать события, связанные с разделом Польши, которого добивался Фридрих. Эмиссаром к Екатерине он отправил брата, принца Генриха, коего императрица считала воплощением негибкости и спеси, сама внешность августейшего посланца навевала на нее мысль о крещенском морозе. Правда, дипломатического искусства от него на сей раз не требовалось, в Петербурге пришли к выводу, что отвлечь венский двор от антирусской диверсии на Балканах и занять его по-крупному в другом месте можно одним способом — дав добро на раздел Речи Посполитой, поманив его «пристойным приобретением»: «... не лутче ли будет и для двора сделать приобретение и вместо того, чтоб заводить оной в неизвестную и опасную войну, увеличить без всяких дальностей часть свою на счет Польши», — излагались заманчивые доводы в депеше Д.М. Голицыну, явно предназначенной для ознакомления Иосифу II и Кауницу. От такой добычи Вена отказаться была не в силах, хотя и причитала по поводу бедности предназначенных ей по разделу земель, которые-де «не столько прибыли, сколько хлопот, замешательств и тягости причислить должныствуют», это не то что лакомый кусок, предназначенный для Пруссии⁶².

В июне 1772 года Кауниц пригласил себе Голицына и с цинизмом, редким даже в истории дипломатии, поведал ему о том, что посол дав-

но знал — о подкопе под «дружественную Россию» в виде субсидного договора. Теперь же, заверял канцлер, поскольку Зимний дворец, из уважения к Вене, согласился «не удерживать двух княжеств, молдавского и волоцкого», и учитывая, что за сим последовали и «иные ласкательные... обстоятельства», выразившиеся «в отделении некоторых провинций от Польши», Австрия решила изменить курс⁶³.

Но не одни «ласкательства» имели вес. Далеко не все разделяли воинственный азарт кайзера Иосифа. Военные авторитеты боялись заблудиться в просторах России, сознавая, что с соседкой легко развязать войну, но трудно завершить ее успехом. Пугало и другое — ринувшись на восток, австрийцы неизбежно оголили бы свои позиции в Центральной Европе и предоставили в ней свободу действия Фридриху II, которому будет достаточно двинуть корпус в 20 тысяч человек для захвата Богемии, кроме того, он сможет обрушиться на Австрийские Нидерланды (Бельгию). И что тогда? Подписав субсидный договор, венские стратеги предались запоздалым размышлениям, испугались содеянного и не стали его ратифицировать.

Недовольных возглавила императрица-мать Мария Терезия. Две войны — за Австрийское наследство (1740–1748 годов) и Семилетняя (1756–1763 годов) — истощили монархию, и она не желала испытывать судьбу в третьей: «Я прихожу в ужас при мысли, сколько крови было пролито в мое царствование». Своего первенца она упрекала в том, что тот действует «по-прусски» (что в ее устах означало «поразбойничьи»), стремясь при этом соблюсти видимость приличия. Дипломаты сообщали чуть ли не о ежедневных стычках старой дамы с сыном. Ее замучили угрызения совести, и она изливала свои чувства в письмах: «Мы в союзе с Портою, мы взяли у нее деньги; никогда не решусь ее обобрать» (намек на планы отторжения Малой Валахии). Окружающие прибегли даже к услугам духовника, чтобы утешить ее душевные раны и успокоить, по выражению С.М. Соловьева, ее «боязливую совесть»⁶⁴.

Ее молодой соправитель, похоже, тоже испытывал сомнения — Д.М. Голицын разузнал о его разговорах в узком кругу: от раздела Польши выиграет прежде всего Пруссия, Речь Посполитую надо было бы оставить в покое, а притязания удовлетворить за счет Турции⁶⁵. Видимо, он приходил к мысли, что Екатерину на балканском направлении остановить все равно не удастся, а раз так, следует войти с нею в долю. Но к столь крутому виражу он еще не был готов.

Пустив в ход польскую карту, сняв прежние возражения против ее раздела, российский кабинет убивал сразу трех зайцев: Пруссия по уши влезала в польские дела и, по меткому выражению Ф. Энгельса,

«садилась на русскую цепь»; ее резвый не по возрасту король терял интерес к сотрудничеству с Австрией и вступал с ней в соперничество; внимание Вены переключалось на север, она переставала браться оружием в опасной близости от театра военных действий. В итоге Порта лишалась поддержки прежних конфидентов, приступивших к растерзанию Речи Посполитой.

Обижать короля Станислава Августа Екатерине и ее окружению не хотелось, поэтому императорский совет принялся обдумывать, как бы компенсировать ему потери, наносимые российской стороной. И тут мы вступаем в область балканских дел. Выдвинутое ранее предложение — объявить независимость Дунайских княжеств — объяснялось чувством долга в отношении христиан, обуревавшей императрицу гуманностью и ее незаинтересованностью в территориальных приобретениях. А не столь гуманный Н.И. Панин (явно с ее ведома) на заседании совета предложил передать Молдавию и Валахию Речи Посполитой в возмещение понесенных ею потерь⁶⁶. Предусматривалась бесцеремонная сделка без согласия и ведома даже высшего боярства и духовенства, не говоря уже о жителях. Видимо, сама идея могла возникнуть потому, что приоритетным направлением политики продолжало оставаться крымское («сие требование наше есть узел гордианский»). А балканское занимало еще подчиненное положение⁶⁷. Осуществись этот замысел, путь на Балканы был бы перекрыт Речью Посполитой и пришлось бы отказаться даже от плана установить свое влияние в регионе. Оставление Дунайских княжеств в составе Османской империи сняло вопрос с повестки дня.

Первый раздел Речи Посполитой привел к пертурбации в расстановке сил в Юго-Восточной Европе. Мария Терезия выразила твердое намерение не ссориться с Россией, рассыпав тем самым карточный домик затеянных ее сыном интриг. Иосиф, пожаловавшись на властную мать, стал перестраивать свои дипломатические батареи: раз не удалось заставить Россию выйти из войны с пустыми руками — пусть она длится возможно дольше. Субсидный договор остался нератифицированным. В Петербурге поздравили себя с «переменой мысли венского двора», которому пришлось выбираться из паутины сотканных им козней. Мария Терезия сокрушалась по поводу того, что припозднились с расчисткой грязных углов внешнеполитической кухни, и сожалела о провокационной военной демонстрации в Трансильвании и «несчастной конвенции с турками»⁶⁸.

Интернунцию И.А. Тугуту пришлось сокрушать им же содеянное — отказаться от подписанного субсидного документа (при этом австрийцы об уже полученных миллионах пиастров благоразумно

«забыли»). Пойти на разрыв с Веной возмущенные турки не решились. Тугут обещал им содействие в сохранении Крыма и Дунайских княжеств, так что скрытое недоброжелательство в отношении Петербурга продолжалось, но свобода маневра была утрачена. Намечавшийся антироссийский фронт держав остался в проекте. Очутившийся в одиночестве Людовик XV стал искать если не сближения, то, во всяком случае, установления сносных отношений с Екатериной. Кольцо окружавшей Россию вражды удалось разорвать. И главное, в 1771 году сравнительно легко был занят Крым, многие мурзы перешли под высокую руку императрицы.

Стратегическое и политическое значение акции было трудно переоценить. Османская держава лишилась «алмаза» своих владений, Черное море перестало быть турецким озером. Все это подвигало Высокую Порту к серьезным переговорам. Сперва ряздились об их месте. Предложение избрать местом переговоров Стамбул российская сторона отвергла с порога, все помнили, что в петровские времена царские «миротворцы» оказывались за решеткой по причине своей несговорчивости. Бухарест тоже сочли неподходящим — уж очень удобно было наблюдать за прорехами в российском военном хозяйстве. Остановились на маленьком городке Фокшаны.

Понадобились три победоносные кампании, пришлось разобрать многочисленные дипломатические завалы, чтобы усадить турок за стол переговоров. Демонстрируя добрую волю, османы освободили А.М. Обрескова из заточения. Отдыху и поправлению здоровья после перенесенных испытаний он предпочел участие в завязавшихся сношениях. На роль первого уполномоченного скромный дворянин, далекий от света, прошедший полжизни в Турции, не мог претендовать. На его долю выпала черновая работа — подготовка и редактирование артикулов. Главным императрица назначила, не по знанию дела, а по близости к трону, графа Григория Григорьевича Орлова, хотя ни у кого и мысли не возникало о наличии у него дипломатических талантов. Султан поставил во главе своей делегации Османа эфенди, хранителя государственной печати. Великий везир лестно отзывался о его способностях: «Собрание всех знаний и добродетелей, источник красноречия, сокровище правописания» (даже!). В маленький валахский городок отправились для надзора (официально — для оказания добрых услуг) посланники Австрии и Пруссии И.А. Тугут и А. Цегелин, сопровождаемые свитой в 500 человек, и каждый потребовал, помимо помещения и пищи, по 40 лошадей, и все это — за российский счет. Орлов привез с собой еще более многочисленную толпу⁶⁹.

В 6 верстах от Фокшан спешно выстроили резиденции для делегаций. После неизбежного препирательства, в чьем шатре начинать заседания, конференция открылась в конце июля 1772 года. Тугут попытался было участвовать в ней на равных правах, Орлову пришлось «разъяснять», что приняты лишь добрые услуги двух немецких дворов и что он намерен вести дело «беспосредственно с Портою Оттоманскою без всяких затруднений и околичностей»⁷⁰.

Орлов сразу же обнаружил отсутствие такого драгоценного на Востоке качества, как терпение. Он пренебрег инструкцией — сперва выдвинуть принцип *uti possidetis* (чем владеешь), чтобы иметь резерв для отступления, и начал с требования признания независимости Крыма, самого неприемлемого для турецкой стороны: «Понеже история и испытания всех времен доказательствуют ясно, что главнейшею притчиною раздоров и кровопролития между обеими империями были татары, то для истребления сей притчины для переду надлежит признать сии народы независимыми». Турки были шокированы и ответили, что «нынешний султан содержал их в тишине». Далее в протоколе сказано: «Граф Григорий Григорьевич прервал тут несходное толкование...»⁷¹.

А.М. Обресков, как мог, латал прорехи в тонкой ткани переговоров, причиненные его знатым и порывистым коллегой. 8 октября состоялась «особливая конференция» меж тремя — Орловым, Обресковым и Османом эфенди. Обресков завел речь издалека: «Сей народ был волен до султана Селима II». Осман «от себя лично» согласился «на свободу татарскую». Но тут вмешался Орлов и тоже «от себя лично» предложил, чтобы «Порта оставила или уступила свои права на татар, а императрица обещает со своей стороны им даровать свободу в пристойное время»⁷².

Переговоры забуксовали, а потом зашли в тупик. Обсуждать другие вопросы Орлов отказался, до него дошли сведения, что его «случай миновался», и скоро к приятному положению фаворита придется добавить досадную приставку «экс». Екатерина устала от взбалмошного и капризного не по способностям возлюбленного. Орлов, загоняя лошадей и обгоняя фельдъегерей, поскакал в Петербург. Он разминулся с гонцом, везшим инструкцию, а она была составлена в необычайно резких для царицы тонах и кривотолков не допускала: дела империи — в «самом важнейшем кризисе», Станислав Август противится разделу Польши, донские и яицкие казаки в волнении (что предвещало крестьянскую войну Емельяна Пугачева). Государыня выражала крайнее сожаление по поводу срыва переговоров: «В самое сие время озабочивается наше серьезнейшее примечание на аспекты, происхо-

дящие из перемены шведского правления. Тем паче мы принуждаемы находимся изыскать все удобь возможнейшие средства к скорейшему поправлению есть ли только возможно разорванной с вами негоциации». Орлову советовали (что было равнозначно приказу) не покидать берегов Дуная, выступая то ли в роли уполномоченного на переговоры, то ли генерала в армии Румянцева. Последнему велели «оседлать Дунай» и «разогнать» неприятельские войска, правда, неясно, какими средствами, потому что предназначавшиеся для пополнения сил фельдмаршала войска отправились к шведской границе⁷³: король Густав III, двоюродный брат Екатерины по материнской линии, произвел в 1772 году государственный переворот, восстановил в стране абсолютистское правление и, как она опасалась, собирался напасть на Россию.

Григория Григорьевича перехватили недалеко от столицы и рекомендовали ему отдохнуть от ратных дел, пожить в Москве, а еще лучше — съездить за границу, поправить подорванное здоровье. Императрица избегала встречи со своим экс-возлюбленным и на всякий случай распорядилась сменить замки на дверях, ведущих в ее личные покои.

Н.И. Панин начертал своего рода эпитафию по поводу околодипломатических упражнений Г.Г. Орлова: «Новозародившееся бешенство и колобродство первого товарища вашего, — писал он Обрескову, — испортили все дело»⁷⁴. Доля яда и напраслины в его рассуждениях имелась, так как и искусному в переговорах мужу вряд ли было под силу преодолеть турецкое упрямство. Но поскольку в Османской империи дела находились в состоянии несравненно худшем, чем в Российской, ее сановники не стали хлопать дверью.

Нового знатного дилетанта в Фокшаны не послали. На плечи действительного статского советника Обрескова легла задача невероятной сложности. Екатерина предавалась мрачным размышлениям (записка от 9 октября 1772 года): «Есть ли при мирном договоре не будет одержана независимость татар, не кораблестроение на Черном море, не крепости в заливе из Азовского в Черное море, то за верно сказать можно, что мы за всеми победами над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой мир столь же как Прутской и Белградской в рассуждении обстоятельства»⁷⁵.

Делегации перебрались в Бухарест, стояла глубокая осень, и в наскоро сколоченных и продуваемых ветром шатрах было несподручно вести неторопливые беседы. А.М. Обрескова, оставшегося за главного, встретили в валашской столице «непрестанным колокольным звоном и игранием на разных музыкальных инструментах». перегово-

ры, возобновленные 29 октября, он вел во всеоружии опыта и знаний, накопленных многолетним пребыванием на Востоке, а также тремя годами заточения в Семибашенном замке и следования в обозе османского войска. Он не спешил с обсуждением болезненно воспринимавшихся турками крымских дел и лишь 12 ноября заговорил о независимости ханства и свободе судоходства по Черному морю. Возглавивший к тому времени османскую делегацию реис-эфенди Абдул Резак не отверг предложений с ходу, а попытался, под видом поправок, выхолостить их содержание: ханы из династии Чингизидов должны по-прежнему утверждаться султаном, Порта удержит в Крыму крепости и право назначать в ханство судей.

Столь же круто Абдул Резак повел себя в отношении судоходства: торговые суда под российским флагом не должны были иметь пушек на борту и права выходить в Средиземное море (то есть проливы для них оставались закрытыми). Ни один порт на побережье русским не предоставлялся. Реис-эфенди предложил перегружать в Стамбуле товары с черноморских судов на средиземноморские. Возмущенная Екатерина направила записку в совет: «Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки предписали, какой род кораблей иметь или не иметь на Черном море, не им России предписать законы, в противном случае еще могут отвратить счастье...»⁷⁶.

Обресков явно по тактическим соображениям предложил оппонентам вернуться к принципу *uti possidetis*: «Княжества Молдавское и Волоское с крепостями Хотинскою, Ибраиловскою и Журжевскою, российским оружием приобретенные, по силе военного права должны принадлежать России». От них, однако, можно отказаться, буде Порта «предоставит во взаимство размерное удовлетворение». А тут подошла весть о подписании 1 ноября 1772 г. договора с Крымом «о вольности и независимости татарской», включавшего пункт, по которому крымцы «противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют»⁷⁷. Россия оставляла за собой крепости Керчь и Еникале, что обеспечивало свободный выход из Азовского моря в Черное. У Обрескова на руках оказались козырные карты, туркам нечего было и помышлять о выдворении россиян с полуострова.

В ожидании инструкций из Стамбула делегации продолжали неторопливые беседы. В отношении балканских дел особый интерес представляют предложения, которые Обресков выдвинул без указаний от императрицы и которые свидетельствуют о его прозорливости и способности мыслить стратегически. Они включали пункт о размене пленных — поляков, молдаван, валахов, греков и грузин — и являлись своего рода заверением, что и в будущем Россия не оставит

своих сторонников в беде (по словам самого Обрескова, «ревность и преданность» не должны приводить к жертвам)⁷⁸. Но самыми существенными явились пункты о покровительстве православным: «Чтоб позволено было в Константинополе в части, называемой Пера или Бей — Углу, для духовных, Греко-российский закон исповедующих, воздвигнуть церковь; сия была <б> под протекцию российских министров и защищаема от всяких притеснений»; «чтоб христианский закон и церкви были с большим тщанием от Порты защищаемы и чтоб умеренные российских министров в пользу христианских церквей представления принимаемы благосклонно были». Эти предложения заключали в себе зародыш будущей балканской политики России.

То, что мысль о международно-правовом оформлении покровительства турецким христианам принадлежала не Н.И. Панину и не совету при высочайшем дворе, а дипломату-исполнителю, говорит не в пользу их геостратегической прозорливости. Правда, и Обресков действовал под влиянием злобы дня: жители ему «беспрерывно докучали об исходатайствовании им сего Богу угодного благодеяния; многая же представляли готовность их и потребные на воздвижение храма издержки на себя перенять». Поверенный в делах в Стамбуле П.С. Левашов добавлял к соображениям Обрескова нечто очень полезное и для Петербурга соблазнительное: «окромя набожности, высочайший двор приобрести может в народах сих усердие и преданность, столь полезную для всегдашних его в здешних делах интересов»⁷⁹.

Особого внимания заслуживали Дунайские княжества. После решения вернуть их Порте следовало озаботиться об юридическом ограждении их от произвола турецких властей. Информации к размышлению накопилось предостаточно. Одновременно с большой конференцией в Бухаресте происходила своего рода малая конференция, на которой элита молдавско-валашского общества, великие бояре и высшее духовенство, излагали российским властям свои пожелания. С их подачи была найдена формула, в какой-то степени удовлетворявшая обе стороны. Ее изыскивали в прошлом: княжества вошли в состав Османской империи в XV–XVI веках, сохранив, хотя и в урезанном виде, свою государственность. На первых порах их зависимость от Стамбула ограничивалась выплатой дани. Но обязанности нарастали, и в XVIII веке султан своею властью назначал на престолы в Яссах и Бухаресте господарей (князей), причем не из местных уроженцев, а из числа влиятельных греческих аристократов, традиционно проживавших в стамбульском квартале Фанар (фанариотов). Княжеский титул покупался в буквальном смысле этого слова, кандидаты на должность не жалели злата на пути к престолу, задаривая сановников и

даже обитательниц серая. Поскольку его носитель в любое время мог быть смещен (средний срок правления составлял 3 года), то он спешил обогатиться сам и удовлетворить алчность своих приспешников. Суть исходивших от местной элиты пожеланий сводилась к возврату к прежнему состоянию: невмешательству Порты в дела внутреннего самоуправления, избранию православного господаря высшим духовенством и боярством, фиксированной дани. В полном соответствии с этими пожеланиями двор предписал Г.Г. Орлову и А.М. Обрескову «при уступке Молдавии и Валахии... выговорить в пользу сих двух княжеств и всех в них без изъятия жителей... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую»⁸⁰.

А.М. Обресков, оставшись в одиночестве после поспешного отъезда графа Григория Григорьевича, сознавал, что круг вопросов, связанных с положением турецких христиан, требует особого искусства и осторожности в подходе к ним и в трактовке. Османская империя прочно занимала место среди великих держав, война длилась три года, и конца-краю ей не виделось, правовых основ для включения указанных положений в мирный договор не существовало: «Точное требование одного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве». Обресков полагал, что искомого покровительства над турецкими христианами можно добиться, придав ему религиозную форму. Султан являлся халифом, верховным духовным главой всех мусульман, следовало добиться того же самого для российских императоров в отношении православных. Вопреки грустной поговорке «Всякая инициатива наказуема», царица одобрила самостоятельность своего дипломата: «Апробуя придуманные вами самими и реис-эфенди предложенные артикулы сверх инструкции, признали мы в оных плод персонального вашего усердия»⁸¹.

Абдул Резак оказался твердым орешком, даже в невинном на первый взгляд пункте об амнистии он усмотрел подвох: «Сие есть то же самое, что и сказать им (то есть поднявшим оружие христианам. — *Авт.*): вы и в другой раз так поступите и вместо наказания награждаете вы будете».

А тут замаячила «шведская диверсия» (угроза войны со Стокгольмом), и турки заупрямились пуще прежнего. Переговоры оборвались. 9 марта 1773 г. встречи прекратились, поступило повеление султана на территориальные уступки не соглашаться, а за возвращение Порте завоеванных российским оружием земель (включая Крым) предложить 30 тысяч кошельков пиастров (более 20 миллионов рублей)⁸².

И все же нельзя сказать, что переговорная одиссея прошла бесплодно. В ее ходе уточнялись, «обкатывались», если так можно сказать, российские требования, постепенно, шаг за шагом, вырисовывалась программа дальнего прицела в восточном вопросе. С чем-то из нее турки смирились, что-то продолжали оспаривать, но они уже твердо знали, с чего им придется начать новый тур переговоров; надежда избежать крупных потерь маячила лишь в случае внутренних и внешних осложнений для России. Грянул пугачевский бунт. Кампания 1773 года успеха не принесла. Ощущался некомплект в составе, вооружении и снаряжении войск. Фельдмаршал П.А. Румянцев полагал, что его армии «едва станет... на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских». В Петербурге его предупреждениями пренебрегли — велено было переправиться на правый берег Дуная. Прибывший на театр военных действий А.В. Суворов разбил неприятеля под Туртукаем (Тутраканом). Сам Румянцев с «корпусом небольшим в 13 000 пехоты» приступил к осаде крепости Силистрия, гарнизон которой насчитывал 30 тысяч человек. Удалось занять один редут. Засуха выжгла поля и луга, лошадей кормили камышом из речных плавней, и фельдмаршал вынужден был отвести войска с правого берега Дуная. Полководец пал духом: нужно вдвое, втрое больше людей под ружьем. В трудный час выползли из нор недоброжелатели, посыпались наветы. В письме императрице Румянцев намекнул на отставку. И тут Екатерина проявила себя с лучшей стороны: о клеветниках она слышать не желала, «ибо я слух свой закрываю от всех партикулярных ссор, ушинадувателей не имею, переносчиков не люблю и сплетен складчиков, как людей с вестьми, ими же часто выдуманными, приводясь в несогласие, терпеть не могу...». Она надеялась добиться мира в «нынешней кампании». Не вышло: «все наши мирные негоциации, как рак на мели, недвижны». Но ее доверие к полководцу не поколеблено: «Я вам рук не связываю... Более доверенности вы от меня уже желать не можете». И далее шли соображения насчет подкреплений и «магазинных» для армии⁸³.

Добрые советы императрицы не могли заменить недостававших войск, их просто неоткуда было взять. В сентябре 1773 года вспыхнуло пугачевское восстание. Под знамена мнимого Петра III стекались казаки, крестьяне, рабочие уральских заводов, башкиры, татары, казахи. Движение ширилось, перекачиваясь по Поволжью и Уралу. Россия переживала потрясение, невиданное со Смутного времени. Оппозиционная группировка знати, возглавляемая Н.И. Паниным, приписывала все напасти самовластию. Чтобы стать могущественной и прочной державой, полагал Никита Иванович, надо обзавестись конституцией,

сенату — обрести законодательные полномочия, дворянству возложить местное самоуправление⁸⁴. Вся власть аристократии! А его брат Петр жестоко подавлял «мятежников».

Объявили шестой с начала войны набор рекрутов, всего «забрили» 700 тысяч человек.

Весной 1774 года Совет при высочайшем дворе в наметках по мирному урегулированию дошел до предела уступок. Панин предложил отказаться от крепостей Керчь и Еникале, вернув их татарам, а самим удовлетвориться Кинбурном. В то же время зрело убеждение, что лишь на поле боя, а не за столом переговоров можно добиться успеха. Румянцев получил предписание «в будущую кампанию по взятии Варны и разбитии визиря в Шумле» не полагать «Балканы пределом военных действий». «Даруй Боже, — напутствовала Екатерина фельдмаршала, — чтобы руки ваши, лаврами увенчанные, равномерно увенчались и ветвями мира». Панин добавил и свое пожелание: «с алчностью желать и добиваться» мира⁸⁵.

Полководец принял судьбу войны на себя.

Весной 1774 года тучи на международном горизонте рассеялись. Стокгольм не дерзнул бросить вызов Петербургу. «Швеция спокойно остается и лутчего не желает», — делился своими мыслями с А.М. Обресковым Денис Иванович Фонвизин, служивший тогда по ведомству иностранных дел. Дания, довольная передачей ей гольштинских владений великого князя Павла Петровича, «в тесной с нами дружбе»; Англия «пребывает в той же диспозиции», Австрия и Пруссия поглощены разделом Речи Посполитой. Лондон домогался сближения с Россией. Посланник А.С. Мусин-Пушкин сообщал: «об уповании скорого случая к постановлению с Е.и.в. двором того прочного союза, которого здешние министры толь усердно желают». Британский кабинет подстегивали тревожные события в Северной Америке, предвещавшие восстание тринадцати колоний. Правда, в тронной речи короля Георга III при открытии осенней 1773 года сессии парламента мелькнула фраза, показавшаяся подозрительной: «Продолжение войны России с Портой, с коими обеими я нахожусь в интимной дружбе, хотя и не имею обязательств ни к той, ни к другой, причиняет мне много боли». Последовал российский демарш относительно «столь непристойных и неуместных изречений», поставивших дружбу с Россией на одну доску с будто бы «ничего не значащим» для Англии «с Оттоманскою Портою сопряжением». Из Форин-офис поступили объяснения, смахивавшие на извинения: Великобритания озабочена сохранением «тишины» в Европе, турки начали подозревать «о здешнем к России пристрастии», и монарх, дабы не портить с

ними отношения, прибег к маневру. Объяснения поступили на фоне потоком приходивших вестей о нараставшем «американском неповиновении»⁸⁶. Лондону было не до ссор с Петербургом.

Франция исчерпала лимит своих козней. Людовик XV доживал последние месяцы, а злокачественная опухоль кризиса уже расплзалась по стране. Неприязненность в российско-французских отношениях сохранялась: «Общая система Франции против нас состоит в том, чтобы стараться возвратить Россию в прежнее состояние державы, действующей не самостоятельно, а в угоду чужим интересам», — доносил из Парижа посол И.С. Барятинский. Но ни сил, ни средств на крупные интриги в далеком юго-восточном углу Европы у Парижа не доставало.

В мае 1774 года от оспы скончался самый лютей враг России, король Людовик XV. Ему наследовал внук, тоже Луи, уже шестнадцатый по счету, слабый, нерешительный, находившийся под сильным влиянием (многие считали — под каблуком) супруги, австрийской принцессы Марии Антонии, превратившейся в Париже в Антуанетту⁸⁷. В дипломатической среде ожидали обострения отношений с Англией в связи с американскими делами, и не ошиблись.

В начале 1774 года скончался султан Мустафа III. Покойный хотел передать престол сыну Селиму и загодя расправился с тремя братьями, но до четвертого, Абдул Хамида, не добрался. Принц более 40 лет прожил в серале в окружении женщин и евнухов. Верный раб приносил ему пищу и тем самым избавил его от отравы. Он научился читать и писать, и на том его образование кончилось. Ездить верхом потомок завоевателей не умел, на коня его подсаживали. «По тихому и спокойному нраву нового султана заключается, что он не оставит оказать отличную склонность к миру, тем более что и весь константинопольский народ не малое к тому имеет желание», — полагал Д.М. Голицын⁸⁸.

Дело, конечно, заключалось не столько в тихом нраве нового властителя, сколько в том, что страна дошла до крайней степени истощения. С 1771 года то тут, то там вспыхивали мятежи. В мае этого года британские дипломаты докладывали: «Беспорядки в Константинополе столь велики, что лавки закрыты. Лавочникам разрешили убивать всех нападающих... Небольшие деревни покинуты из-за страха перед войсками». В декабре 1773 года тайный осведомитель сообщал из Стамбула: «Янычары постоянно отправляются отсюда сушей и морем...» Платят им плохо, и «они творят все виды безумств, грабя людей прямо на улицах». Порта выдохлась до того, что, по словам прусского посланника А. Цегелина, «не может поднять головы»⁸⁹.

«Партия мира» в Стамбуле одерживала верх, и П.А. Румянцев поощрял ее усилия самым надежным способом — наращивая военное

давление. Переправив на правый берег Дуная два корпуса, он пренебрег подаваемым петербургскими стратегами советом — приступить к осаде крепостей, полагая, что под ними можно всерьез и надолго застрять, а двинул войска к Балканскому хребту. 9 (20) июня Суворов, имея 15 тысяч солдат и офицеров под ружьем, в битве при Козлудже обратил в бегство 40-тысячный отряд Абдул-Резака: противостоять русским в поле оказалось гораздо сложнее, чем за столом переговоров. Великий везир засел в Шумле (Шумене), куда и устремился П.А. Румянцев.

5 (16) июля в его временную ставку у деревни Ключук-Кайнарджи прискакал турецкий гонец с просьбой об открытии переговоров. Поскольку Высокая Порта поручила вести их второму лицу в государстве, российская сторона возложила эту миссию на Румянцева, А.М. Обрескову оставалось удовлетвориться ролью второго уполномоченного. Фельдмаршал, как мог, утешал товарища: «Язык и сердце мое не знают против Вас двоякости, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, ни мало не удобен обращать единство в славу себе собственную»⁹⁰.

Сосредоточение в одних руках функций главнокомандующего и миротворца оказалось удачным. Фельдмаршал наотрез отказался возобновлять бесконечную негоциацию, заявив великому везиру: «О конгрессе и еще менее о перемирии я не могу и не хочу слышать». Российские условия противной стороне известны, и «доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия нашего никак не перестанут»⁹¹. Полководец дал туркам пять дней. Жесткий срок был определен не случайно — на 10 июля падала печальная годовщина прутской трагедии 1711 года, и Румянцев хотел вычеркнуть подписанные тогда тяжелые условия мечом. Обресков застрел на переправе через Дунай, и вторую роль в российской делегации взял на себя генерал-поручик Н.В. Репнин, послуживший уже посланником в Варшаве и не новичок в дипломатии. Все, согласованное в Фокшанах и Бухаресте, было подтверждено, так что труды Обрескова не пропали даром. Еще против 28 артикулов, уверял Румянцев великого везира, «нет причины прекословить». Чтобы отбить всякое желание заниматься этим делом, командующий обещал «удержать оружие и отойти из настоящего положения» в случае благоприятного ответа из турецкой квартиры⁹². Османской сговорчивости способствовали успехи на фронте: крепости Шумла, Силистрия, Рушук были блокированы, в окрестностях первой, где засел великий везир, хозяйничали казаки, выжигавшие окрестные поля.

Договор был подписан Н.В. Репниным и Ресми-Ахмедом 10 июля, в обусловленный Румянцевым срок, и утвержден им и великим вези-

ром. Из-за спешки и отсутствия в турецкой делегации, насчитывавшей 200 человек, хотя бы одного, знающего принятый тогда в дипломатии французский язык, обошлись без него. Договор существует в русском, турецком и итальянском вариантах. Поспешностью можно объяснить и известную хаотичность в расположении статей. Румянцев объяснял, что подписание акта произошло «без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия, с одной стороны, превосмогающего, а с другой — до крайности угнетенного»⁹³. Здесь следовало бы все же упомянуть о большой подготовительной работе, проделанной А.М. Обресковым.

Стремительный натиск фельдмаршала породил легенду, будто договор был подписан на барабане в палатке полководца. На самом деле к решающему дню успели выстроить легкий павильон, и в нем на столе, покрытом красным сукном, и была учинена акция.

Содержание трактата сводилось к следующему: признавалась независимость Крыма под властью «хана Чингизского поколения» на обширной территории (сам полуостров, причерноморские степи, Таманский полуостров и земли на Кубани). Султан терял право инвеституры Гиреев, но как «верховный правитель магометанского закона», продолжал пользоваться влиянием «в духовных обрядах» (в каких — не уточнялось). К России отошли крепости Керчь и Еникале, контролировавшие проход из Азовского моря в Черное; они же вместе с Кинбурном в устье Бугского лимана позволяли России установить стратегическое господство над ханством. К ней отошли Азовский уезд и обе Кабарды, Большая и Малая⁹⁴. Статья 11 трактата предусматривала свободу плавания российских торговых кораблей в Черном море и проливах Босфор и Дарданеллы. О плавании военных кораблей (на чем настаивала Екатерина) не говорилось ничего. Высокая Порта не допускала в них ни одного иноземного парусника под военным флагом. Но для торгового судоходства ворота Средиземного моря были распахнуты, чему способствовало и приобретенное право наибольшего благоприятствования, распространившее на Россию ранее полученные Францией, Англией, Голландией и Венецией по так называемым капитуляциям привилегии в коммерции.

Правда, для получения ожидаемых выгод предстояло построить порты и обзавестись коммерческим флотом, который почти отсутствовал. Некий насмешник из дипломатического корпуса сострил, что российские торговые суда — самые защищенные в мире, потому что на каждом двух «купцов» приходится по одному военному паруснику. Но пока что пункт о свободе прохода через Проливы торговых судов под любым флагом позволял вывозить свои товары на заморских кораблях.

В договоре положению христиан посвящено шесть статей (1, 7, 14, 16, 17 и 25). В них говорилось об амнистии всем поднявшим оружие против Порты и вообще проявил к ней нелояльность. Артикул 14 предоставил России право построить в Константинополе церковь с пребыванием ее «под протекциею оной империи министров» (посланников), которая «никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет».

Статья 7 заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренне дружественной державы». В отношении Молдавии и Валахии российские права трактовались шире: султан соглашался, «чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные со сходственным к дружеским и почтительным державам уважением»⁹⁵. На этой юридической основе, облеченной в религиозную форму покровительства православного монарха над православными подданными султана, базировалась балканская политика России вплоть до Крымской войны 1853–1856 годов.

По логике вещей следовало повысить статус той особы, которой поручалось претворять в жизнь заботу о турецких христианах. Замахнуться на ранг посла не решились, ограничились званием министра (посланника). И он по иерархии шел вслед за «цесарским» (австрийским). Российские самодержцы в турецких документах стали именоваться падишахами. Иной подход к проблемам, касавшимся христиан, кроме религиозного, Высокая Порта сочла бы недопустимым вмешательством в ее внутренние дела.

В дальнейшем этот принцип толковался расширительно, российская дипломатия использовала специфическую роль религии в Османской державе. Болгарин или грек дискриминировался здесь не как таковой, а как «неверный», а любой человек, принявший ислам, считался турком. Конфессия, а не этническая принадлежность разделяла угнетателей и угнетенных. Коран определял жизненный уклад одних, Евангелие — других. В монастырях составлялись летописи, повествовавшие о славном прошлом, о самостоятельном государственном существовании, о величии Византийской империи, о двух Болгарских

царствах, о Сербском королевстве, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии, и звали к его возрождению. Вера помогала сохранять язык и письменность, драгоценное достояние народа, формировала его культуру, утверждала его самобытность. Православие являлось его знаменем в борьбе за освобождение.

Османская империя являлась родоначальником апартеида, мусульмане и христиане жили в ней порознь, одни — по законам Корана и шариата, другие — по Евангелию и обычному праву. Существовало местное самоуправление в лице сельских старост, занимавшихся сбором налогов, поставками продовольствия в Стамбул, поддержанием в порядке дорог и мостов и многим другим. Имперские власти признавали существование православной общины (миллета) во главе с патриархом Константинопольским, отвечавшим перед султаном за своих единоверцев. Патриарх имел звание везира и чин трехбунчужного паши (полного генерала на европейский лад) и входил в иерархию власти. Расчленив духовное и светское в обществе, вся жизнь которого основывалась на православной культуре, было невозможно; вера, право и мораль в нем тесно переплетались, и российская дипломатия, надо отдать ей справедливость, не предпринимала ни малейшей попытки ограничить свое покровительство вопросами веры. Конечной целью всех усилий покровительствующей державы являлось обретение православными равноправия. А сие означало крах всей системы турецкого управления и господства, жиздившейся на религиозной розни. А за спиной посланника «дружеской и почтительной» державы виднелся лес штыков, которые можно было пустить в ход, если бы его советами пренебрегали, что заставляло к оным советам прислушаться.

Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, не создавали всех далекоидущих последствий 14-го артикула трактата насчет права посланников «говорить» в пользу единоверцев. А уж турецкие уполномоченные, ставя подписи под договором, ведать не ведали, что закладывают мину замедленного действия под здание своей державы.

* * *

Увы, договор не внес успокоения в отношения его участников. Понадобилась особая «изъяснительная конвенция» (март 1779 года) для подтверждения условий Кючук-Кайнарджийского мира. Яблоком раздора оставался Крым, утвердилась мысль о затаенном желании самодержавия

приобщить ханство к своим владениям. Подобный взгляд несет на себе отпечаток представления о Крыме как о райском уголке, благословенном месте, созданном для отдохновения от житейских забот:

Запах розы, говор струй.
Всей природы обаянье,
И невольное слиянье
Уст в нежданный поцелуй

(Я.П. Полонский)

В XVIII столетии Крым представлялся в ином свете, мрачном и зловещем. Вспоминался провал двух походов князя В.В. Голицына во время правления царевны Софьи. Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 годов российские войска дважды вторгались на полуостров и дважды его покидали, преследуемые не врагом, а нестерпимой жарой, оставляя по пути отступления тела мертвых солдат и трупы павших лошадей. О первоклассной крымской пшенице не думали. Место отдохновения? Так туда же надо тащиться тысячи верст на повозке, под заунывные песни ямщика. Уже после присоединения ханства к державе князь М.М. Щербатов, автор знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России», перечисляя злые дела Екатерины, писал: «зря приобрели, или лутче сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»⁹⁶. Совет при высочайшем дворе предельно четко обозначил свою позицию: крымские татары «по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными е.и.в.»; присоединять их — значит возбудить в Европе «зависть о беспредельном намерении умножения своих областей», предостерегаться от чего «благоразумие научает». И вывод: «...Велико и знатно может быть приращение силе и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой» и станут независимыми⁹⁷, то есть нужен был не захват Крыма, а стратегический контроль над ним, для чего следовало добиться установления в ханстве лояльного Петербургу режима. Преследуя эту цель, российская дипломатия погрузилась в омут таких противоречий и интриг, из которого выбраться не сумела.

У Высокой Порты и после подписания мира оставались рычаги влияния на ситуацию на полуострове. Султан, в качестве «верховного калифа закона мусульманского», сохранил право назначать в Крыму судей-кадиев, считавшихся духовными лицами, но осуществлявшими правосудие и по мирским делам. К «порогу счастья», в Стамбул, прибывали депутации от «почетных крымцев» с предложением от-

казаться от независимости. Идти на открытое нарушение Кючук-Кайнарджийского трактата султан не смел, но обходить его положения пытался, и не без успеха. Он сохранил право утверждения нового хана, на бумаге — чисто формальное, он был обязан выдать требуемую инвестиру; но он мог воспользоваться услугами своих сторонников для избрания удобного кандидата, который обретал ореол легитимности, только получив согласие Стамбула. Ханом стал ярый противник России Девлет Гирей. В апреле 1777 года ему пришлось скрыться в Стамбуле, чтобы избежать более неприятных последствий. В условиях присутствия в Крыму российских войск пост хана с соблюдением должной процедуры занял Шагин Гирей. Два года ушло на то, чтобы добиться его утверждения султаном.

Трижды бежал Шагин из Бахчисарая и скрывался под крылом российской армии. Трижды Г.А. Потемкин, а затем А.В. Суворов водворяли его вновь на престол. Хроника событий тех лет читается как детективный роман. Шагин оказался пронырливым и беспокойным. Он принялся строить себе дворец, вздумал завести регулярное войско, одел солдат в мундиры и стал их муштровать, к чему татары не привыкли. Терпимое отношение к христианам и разрешение строить церкви было встречено в штыки мусульманским духовенством. Шагин перераспределил в свою пользу доходы от поступающих налогов, попытался ограничить права местной знати, очень значительные, и растерял поддержку в ханстве. В октябре 1777 года началось восстание, и российскому командованию пришлось его подавлять.

Высокая Порта вмешалась в события с опозданием, в октябре 1778 года у берегов Крыма появился ее флот. А.В. Суворов не разрешил турецкому десанту высадиться на берег, потребовав соблюдения 40-дневного карантина. Османскому адмиралу пришлось повернуть обратно. Только в марте 1779 года, исчерпав все возможные пути сопротивления, Порта сдалась и признала ханское достоинство Шагина. Казалось, все препоны преодолены, успех достигнут. Но нет. В 1780 году, в соответствии с изъяснительной конвенцией, российские войска были выведены из Крыма, в 1782 году началось восстание во главе с двумя братьями Шагина, тот бежал и добрался до форта Петровский на Азовском море. Потемкин привез беглеца в Кафу (Феодосию), Крым был снова занят войсками.

Представляется, что длительная, утомительная и дорогостоящая эпопея с водворением на ханство нужного человека сама по себе свидетельствует о предпочтительности, в глазах Екатерины и ее совета, мягкого варианта установления своего контроля над Крымом, без прямого его присоединения к державе. А. Фишер, автор монографии на

эту тему, с некоторым изумлением отмечал: «Создается впечатление, что Россия искренно желала успеха новому независимому южному соседу» и удовлетворилась бы «дружественно настроенным» правительством в ханстве⁹⁸. Но вера в Шагина пошатнулась, последнее указание о его поддержке относится к июню 1782 года. Императрица склонилась к мнению сторонников аннексии полуострова, Г.А. Потемкина и А.А. Безбородко: казна потратила 7 миллионов рублей на создание жизнеспособного режима в ханстве, армия понесла большие потери, а результата никакого. Решено было привести Крым в подданство, желательно мирным путем.

Международная конъюнктура, хоть и была сложной, давала надежду на успех. Отношения с Великобританией испортились: Лондон запросил контингент российских войск для войны с восставшими колониям в Новом свете, Екатерина отказалась наотрез, заявив, что она подданными не торгует, а ее армия защищает интересы отечества и наемничеством не занимается. Война за независимость США велась не только на суше, но и на море. Мощный английский флот блокировал побережье непокорных колоний, захватывал суда нейтральных стран, включая российские, их грузы конфисковывались. Все это смахивало на разбой. В феврале 1780 года Екатерина опубликовала декларацию о вооруженном нейтралитете. Этот документ провозглашал право нейтральных стран торговать с воюющими всеми товарами за исключением оружия и боеприпасов. Декларация легла в основу кодификации международного морского права. К ней присоединились Дания, Пруссия, Австрия, Португалия, Королевство обеих Сицилий, образовавшие Лигу вооруженного нейтралитета. Франция и Испания признали ее принципы. А в Соединенных Штатах Америки ее приветствовал Континентальный конгресс, признав провозглашенные правила «полезными, разумными и справедливыми». Великобритании пришлось смириться, король Георг воевал уже с Францией и Голландией, не говоря об американских бунтовщиках. Россия продемонстрировала свой возросший авторитет и ведущую роль в деле глобальной значимости. В США не забыли ни отказа Екатерины поставлять пушечное мясо британской короне, ни созданной ею Лиги вооруженного нейтралитета, которая, по словам Дж.Вашингтона, подорвала «гордость и силу Великобритании на морях»⁹⁹. Французские оппоненты российской политики на Востоке, занятые конфликтом с владычицей морей, сбавили свою активность. Иосиф II Австрийский резко изменил курс в сторону сближения с Россией и стал проситься к Екатерине в союзники. После смерти Марии Терезии (1780 год) он обрел полную самостоятельность и пришел к выводу, что предотвратить вторжение

москвитов на Балканы не удастся, а раз так, значит, надо принять в нем участие и отстоять по возможности свои интересы. На десять лет судьбы двух монархов оказались тесно связанными друг с другом.

Иосиф II — столь видный представитель просвещенного абсолютизма на престоле, что о нем надо сказать несколько слов. С его именем связаны такие реформы, как провозглашение веротерпимости в габсбургских владениях, отмена крепостной зависимости крестьян (при сохранении феодальных повинностей), попытка обложить налогом дворянство и предотвратить дробление крестьянских наделов. Он ввел в стране принцип равенства всех перед законом, поощрял развитие мануфактурного производства, способствовал распространению светского образования, заботился о строительстве дорог, усовершенствовал почту, покровительствовал наукам и искусству. Кайзер боготворил государство и служил ему верой и правдой. Персона монарха в его глазах олицетворяла справедливость, прогресс и разум. Вмешательство народа в дела управления, с его точки зрения — абсурд, глупость, умопомрачение, охватившее массы, эпидемия, которой суждено завершиться кровавой расправой. Подданные не должны поддаваться революционной заразе, а уповать на божественное провидение, воля коего претворяется в жизнь им, императором. При слабости третьего сословия в его владениях носителями революционной идеи выступали мелкие и средние дворяне. В этих условиях кайзер пытался обрести опору своим преобразованиям в знати, которой приписывал обуревавшее его чувство долга. Деревню он землей не наделил, крестьянские повинности не сократил, и она не видела причин для благоговения перед монархом. Подданные, представлялось Иосифу, отвечают ему черной неблагодарностью. «Почему меня не любят мои народы?» — с горечью вопрошал он¹⁰⁰.

История не переносит шаблона, даже прогрессивного и благодетельного. Прогресс становится действенным лишь тогда, когда он выношен и выстрадан, когда он вытекает из прошлого опыта, а не противоречит ему. Химерой обернулась его идефикс — ввести административное и законодательное единообразие в «лоскутной монархии», преобразовав ее в централизованное государство подобно Пруссии или России. Разное по историческим судьбам и менталитету население не укладывалось в его теоретически идеальные схемы. Несбыточной оказалась его мысль провести буржуазные по сути реформы, опираясь на опутанную феодальными предрассудками знать, многонациональную и по природе своей враждебную его унификаторским и централизаторским устремлениям. Люди не желали быть добродетельными по указанию с трона.

В крушении надежд немалую роль сыграли экспансионистские воззрения Иосифа II. Истинную славу государя он видел в победе на поле брани и территориальных приращениях. И тут на фоне впечатляющих успехов Екатерины и Фридриха Великих его собственные достижения выглядели бледно и блекло. Кайзер пришел к выводу, что желаемого можно добиться, не противодействуя, а сотрудничая с царицей. Подходящий случай для установления контактов подвернулся в 1780 году, когда государыня собралась посетить новоприобретенное владение, Могилев в Белоруссии. Иосиф намекнул на желательность встречи, царица с готовностью откликнулась: союз с Пруссией себя исчерпал, а сотрудничество с Веной открывало заманчивые перспективы на балканском направлении. Кайзер прибыл в Могилев под именем графа Фалькенштейна; инкогнито ни для кого тайной не являлось. Его тепло приняли. Не прерывая встречи, монархи отправились в Петербург и обговорили условия сотрудничества.

В феврале 1781 года австрийский посол Л. Кобенцль известил царский двор о желании своего государя утвердить «настоящую между ними дружбу и доброе согласие трактатом обороны и гарантий взаимных». Ему сразу же пошли навстречу, статьи договора были быстро согласованы. «Камень притыкания», как тогда выражались, появился неожиданно. Иосиф, человек широкого кругозора, в обыденной жизни не чинившийся (скромно одевавшийся, запретивший подданным бросаться перед ним на колени и целовать его руку), свято чтит монархическое местничество. Разногласия возникли по поводу оформления трактата, римский цесарь не хотел ставить свою подпись второй даже в экземпляре, предназначавшемся российской стороне. Царица никогда и нигде не соглашалась на умаление достоинства России, хотя бы протокольное: «Мои правила суть: никому места не отымать, и никому не уступать». Но она же нашла выход из тупика, предложив Иосифу обменяться собственноручными письмами идентичного содержания (послания помечены августом 1781 года). Стороны договорились о совместных усилиях по поддержанию мира в Европе; если же одна из них подвергнется нападению, другая обязывалась прийти на помощь военной силой или денежной субсидией, размеры которых оговаривались. Обязательства теряли силу, если Россия оказывалась вовлеченной в войну в Азии, Австрия — в Италии. Оба монарха гарантировали целостность владений Речи Посполитой, королю Фридриху Прусскому давали понять, чтобы он сидел смирно. Важнейшее положение договоренности содержала ее секретная статья: Иосиф за себя и своих преемников признавал Кючук-Кайнарджийский мир и изъяснительную конвенцию 1779 года, Екатерина — итоги австро-турецких войн.

Иосиф обязывался присоединиться к возможной русско-турецкой войне и выставить силы, равные силам союзника¹⁰¹.

Екатерина торжествовала: казалось, уж натиска двух империй османы не выдержат. В обстановке головокружения от успехов родился Греческий проект. Изложен он был в конфиденциальном письме самодержицы Иосифу от 10 (21) сентября 1782 г. Подпись царицы увенчивала творение ее самой, доверенного секретаря А.А. Безбородко и Г.А. Потемкина, отредактировавшего текст и внесшего в него поправки. Изложенный в нем замысел носил геополитический характер и предусматривал перекройку карты Юго-Восточной Европы.

Никакого заголовка письмо не имело, но Греческим проектом его нарекли не случайно. Европа грезилась древней Элладой, ее культурой, достижениями ее философской мысли, изучала опыт афинской демократии. Эллинофильство вошло составной частью в идеологию Просвещения, и Екатерина отдавала ему дань. Видные представители греческой диаспоры зывали к ней, моля об освобождении, и свои внешнеполитические замыслы императрица облакала в греческие одежды. Второму своему внуку она дала имя Константин, среди Романовых не встречавшееся. Младенец пребывал в пеленках, а ему уже предрекали славное будущее. Одописец В. Петров приветствовал его появление на свет стихами: «Гроза и ужас чалмоносцев, Великий Константин рожден»¹⁰². Его вскормила гречанка, он выучил греческий язык, мальчика воспитывали как наследника возрожденного византийского престола.

Но вернемся к пресловутому письму. Начиналось оно с сетований: Порта чинит препятствия проходу российских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекает жителей Крыма к восстанию, нарушает автономные права Дунайских княжеств. Затем следовали заверения в миролюбии: «Я не добиваюсь ничего, выходящего за рамки, установленных договорами». Но на всякий случай ей и Иосифу II благоразумно подумать о войне и подписать «секретную конвенцию о возможных приобретениях, которых «мы должны домогаться у нарушителя мира» (то есть Высокой Порты). Екатерина представила своему адресату картину развала Османской империи, не скупясь на черные краски: паши своевольничают, бандиты грабят города и села, некогда грозные янычары торгуют в лавчонках, откуда их не вытащить, члены Дивана казнокрадствуют, христианские подданные готовы восстать. Затем следовало основное: целесообразно, полагала самодержица, создать между тремя империями, Российской, Османской и Габсбургской, некое буферное государство, от них независимое, в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии под именем Дакия во главе с монархом-

христинином, которое не должно объединяться ни с Австрией, ни с Россией. Притязания последней ограничиваются крепостью Очаков на Днепровском лимане и полосой земли между реками Буг и Днестр. Но если, с помощью божьей, удастся освободить Европу от врага имени христианского, обращалась Екатерина к Иосифу, «в.и.в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обязательства поддерживать независимость этой восстанавливаемой монархии от моей». Затем царица излагала свою затаенную мечту — возвести на греческий престол Константина при условии, что ни он, ни его наследники не посягнут на российскую корону¹⁰³.

Иосиф в своем ответе не постеснялся, выкраивая себе добычу. В письме от 13 ноября он наметил следующие приобретения: крепость Хотин с окрестностями, Малая Валахия до реки Алута (Олт), оттуда — прямая линия к Адриатическому морю, к Дринскому заливу. Поскольку он посягал на венецианские владения, кайзер предполагал вознаградить республику островом Крит и землями в Греции¹⁰⁴.

В Петербурге его откровения восприняли прохладно, ибо он посягал на предполагаемые владения восстанавливаемой греческой монархии. Впрочем, до делового обсуждения стороны не дошли. О.П. Маркова справедливо указывала, что рассуждения о разделе Турции были лишены черт реальной политической программы, настолько они не соответствовали существовавшей политической обстановке, ведь испускать дух Османская империя не собиралась. Нет свидетельств, что сама Екатерина собиралась дать ход своей заявке, в письме Г.А. Потемкину она рассудила вполне заземленно: «Политический состав Оттоманской империи разными обстоятельствами еще отдален от конечного разрешения». Ее адресат полагал границей России — Черное море¹⁰⁵.

И все же нельзя считать проект просто полетом фантазии, он знаменовал этап в разработке геостратегического курса России на Балканах. Многими своими чертами он тяготел к прошлому и был навеян воспоминаниями о величии Византии. Екатерина II не возражала против поглощения земель в регионе ее союзником; в документе отсутствует идея славянской взаимности, равно как и стремление придерживаться при перекройке карты принципа национальности. В советской историографии он долгие годы считался символом агрессивного экспансионизма самодержавия: «царизм разрабатывал планы широких захватов на Дунае и Балканах, выражением которых

явился известный „Греческий проект“¹⁰⁶. В западной литературе он и по сей день считается эталоном необузданной страсти москвитов к захватам.

С подобной оценкой согласиться нельзя. Собственные претензии Екатерина ограничивала Очаковым и полосой земли между Бугом и Днестром. В проекте четко прослеживается идея возрождения государственности греческого народа — первое семя, из которого выросло древо всей будущей российской политики на Балканах. В нем прослеживаются два постулата: воссоздание на Балканах государственности населявших их христианских народов и отказ России от территориального расширения в регионе. Обо всем этом еще будет рассказано в нашей книге. И тут Греческий проект родился не на пустом месте. Мысли об этом встречаются у Петра I в его обращении к балканским христианам перед Прутским походом, в размышлениях Екатерины II о территориальной насыщенности России¹⁰⁷. При всем своем несовершенстве, при явном пренебрежении сложной конфигурацией этнических разграничений в регионе, при очевидном благоволении к грекам в ущерб славянам документ содержал основополагающую идею отказа от прямых завоеваний и возрождения здесь национальной государственности под покровительственной дланью самодержавия. Проект послужил отправной точкой комбинаций по территориально-государственному переустройству Балкан, коими богат XIX век. Как пишет О.И. Елисеева, «Россия не стремилась к непосредственному включению в свой состав земель, кольцом охватывающих Черноморский бассейн, а предусматривала охватить его поясом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен»¹⁰⁸.

Но, помимо прошлого и будущего, Греческий проект был обращен и к современности. Он не случайно появился после заключения союза с Австрией и тогда, когда зашли в тупик попытки образовать в Крыму независимое ханство. Раскинув перед Иосифом сети обещаний, Екатерина достигла двух целей: подрывала в Вене позиции противников раздела Турции во главе с канцлером В.А. Кауницем, который, по ее словам, «ужом и жабою вертится и прыгает», ей противодействуя, и гасила возможное сопротивление кайзера присоединению Крыма к России¹⁰⁹.

По ходу подготовки проекта Потемкин выступил с запиской, затронув в ней и крымские дела: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас (Екатерину. — *Авт.*) не может, но только покой доставит», с Крымом достанется и господство на Черном море». Если войны с Турцией избежать не удастся, можно подумать о присоединении устья Дуная, и тогда «не Вы от турков станете иметь дозволение

ходить в Оспор (Босфор. — *Авт.*), а они будут просить о выходе судов из Дуная»¹⁰. Дальше завоевательные планы фельдмаршала не простирались.

8 апреля 1783 года последовала прокламация о присоединении Крыма к России. Потемкин писал царице: «Я сторонник, чтобы они сами просили подданства, думаю, что тебе то угодно будет». Суворов, по согласованию с Шагин Греем, удачно осуществил операцию, приурочив ее ко дню восшествия царицы на престол. Прибыла знать, собралось несколько тысяч человек. Устроители не поленились заглянуть в Коран и обнаружили, что пророк запретил правоверным употреблять виноградное вино, но отнюдь не хлебную водку (которой в VII веке вообще не существовало). Шагин сложил с себя ханское достоинство. Затем зачитали составленный Потемкиным манифест с призывом к татарам принять присягу на верность скипетру России. Мурзы принесли клятву на Коране, их примеру последовали все присутствовавшие, и закипел пир.

Екатерина II, выразив свое удовлетворение, поручила князю Потемкину передать «сим верным нам подданным вновь уверения в непременной нашей к ним милости и благоволения при соблюдении неприкосновенно целости их природной веры»¹¹. С фельдмаршалом она делилась тревогой: «С часу на час ожидаю объявления войны по интригам французов и пруссаков».

Опасения не оправдались, сказалась и тщательная дипломатическая подготовка, и выбор момента присоединения Крыма. Франция только что вышла из войны с Великобританией и не могла позволить себе роскошь ссоры с Россией, ее посол в Стамбуле советовал великому везиру смирить гордыню, дряхлый Фридрих Прусский находился в конфликте с Иосифом, а тот, как союзник, прислал Екатерине поздравления.

В 1787 году императрица собралась в Крым — взглянуть на новое владение в сопровождении блестящей свиты и дипломатического антуража в лице послов Великобритании, Франции и Австрии. Саксонский посланник приглашения не получил ввиду малого значения представляемой им державы и, пребывая в обиде, сочинил байку о «потемкинских деревнях», и по сей день перепеваемую в наших средствах массовой информации. Екатерина пригласила в гости и кайзера Иосифа, но почему-то в постскрипуме к письму. Из-за этого чуть не разгорелся конфликт. Кайзер рвал и метал: «Она воображает, что стоит поманить меня мизинцем, и я побегу к ней в Херсон», — писал он канцлеру. И грозил: «Я дам понять этой екатеринизованной принцессе Цербстской, что по отношению ко мне следует употреблять

более почтительный тон». Царица, спохватившись, что допустила протокольную оплошность, поспешила ее загладить: «ее сердце трепещет от радости» при мысли о свидании «с дорогим графом Фалькенштейном»¹¹². Поразмыслив, тот не стал раздувать мелкий эпизод и «побежал» на свидание с «екатеринизованной» принцессой. Вести из Бельгии его огорчали и раздражали: провинциальные собрания отказывались платить налоги, правительство, с его точки зрения, проявляло малодушие в переговорах с «бунтовщиками»: «Когда эта обезумевшая публика видит, что ее боятся, она способна на все; я удивляюсь, что брабантцы и фанатики, их возбуждающие, еще не потребовали снять с меня штаны, а правительство не дало им заверения, что я им их отошлю»¹¹³.

На свидание, состоявшееся в местечке Новые Кайданы, римский цесарь, замаскированный под графа Фалькенштейна, прибыл в самом дурном расположении духа, а тут еще произошел легкий конфуз: никто не позаботился о трапезе для августейших особ. И вот, по словам Екатерины, «князь Потемкин затеял сам пойти в повара, взяв принца Нассау в поваренки, а графа Браницкого в пирожники». Втроем они состряпали обед, который Иосиф счел несъедобным.

Во время путешествия коронованные странники проехали под аркой с надписью «Путь в Константинополь», что произвело на кайзера самое дурное впечатление: хлопот и без того по горло, еще войны с Турцией не хватает! А она действительно нависала. Не успела Екатерина вернуться в Петербург, как грянули два ультиматума из Стамбула. В первом содержалось требование отказа от провозглашенного в 1783 году протектората над Восточной Грузией (Картли и Кахетией) и выражалась претензия на осмотр торговых судов, проходивших через Босфор и Дарданеллы. 5 (18) августа посланнику Я. Булгакову вручили ноту совершенно наглого содержания: возвратить Османской империи Крым и признать Кючук-Кайнарджийский мир недействительным. Булгаков счел бессмысленным отправлять ноту в Петербург и был заключен в Семибашенный замок, скорбное пристанище многих его предшественников¹¹⁴. 13 (24) августа Высокая Порта объявила России войну; 17 (28) сентября императрица подписала ответный манифест.

Кажется, никогда прежде российское оружие не покрывало себя такой славой: Кинбурн — Очаков — Рымник — Измаил — Мачин — морская битва при Калиакрии. А.В. Суворов увенчал себя лаврами великого полководца, взойшла звезда адмирала Ф.Ф. Ушакова. Эпические подвиги, войсками свершенные, описаны историками, прославлены в литературе, драматургии и киноискусстве, воспеты поэтами. Но не

только на полях сражений шла война, России угрожала коалиция из Швеции, Великобритании, Пруссии, Польши и Турции, была опасность повторения побоища, подобного Семилетнему или Тридцатилетнему.

Манифест императрицы содержал знаменательную фразу: Кючук-Кайнарджийским миром она доказала, «что и в счастливой войне не приобретение, но оборона и спокойствие государства нашим было предметом»¹¹⁵. Сама эта формулировка говорила об отсутствии широких завоевательных замыслов. В плане территориальном — междуречье Буга и Днестра. Ни малейших следов Греческого проекта, сугубо прагматический подход к анализу ситуации. В Совете при высочайшем дворе — тревога: засуха, неурожай, угроза голода. Решено было закупить зерно за границей. Лихорадочная поспешность, с которой турки развязали войну, можно было объяснить лишь тем, что они рассчитывали на внешнюю поддержку.

Утешало то, что Франция выбыла из игры, будучи на пороге революции: «Нам нет причин опасаться больших препятствий со стороны Франции и по ее бессилию»¹¹⁶. Лояльным партнером проявил себя Иосиф II: «Будучи верен обязательствам, связывающим меня как союзника с в.и.в., а еще более нежной дружбе и теплой привязанности на всю жизнь, я готов доказать всеми возможными способами, что ваше дело является и моим»¹¹⁷. Правда, войну он объявил с некоторым опозданием, 29 января (9 февраля) 1788 года.

План похода балтийского флота на Средиземном море пришлось отменить: без санкции владычицы морей, без ее готовности предоставить свои порты для стоянки на пути, нечего было и думать о снаряжении экспедиции к Архипелагу.

Главный ударный кулак представляла Екатеринославская армия Г.А. Потемкина — свыше 80 тысяч человек. В ее задачу входило занятие междуречья Буга и Днестра, взятие Очакова, оккупация Бессарабии, штурм Бендер. Австрийцам поручалась осада Хотина. Опытному полководцу П.А. Румянцеву предстояло командовать, по сути дела, вспомогательной Украинской армией (30 тысяч солдат и офицеров) с задачей следить за Польшей, обеспечивать стыки российских и австрийских сил и удерживать фронт в междуречье. Налицо была явная дискриминация старого фельдмаршала в пользу царицына любимца.

Турки не собирались пассивно наблюдать за сосредоточением сил противника, а хотели навязать ему свой план действий, имея в виду возвращение Крыма. Проба сил произошла на полуострове Кинбурн. На беду османов войсками там командовал Суворов. 1 (12) октября произошла высадка отборного отряда янычар, оборонявшие позиции

российские рекруты было дрогнули, но генерал их остановил и сам повел в контратаку. Десант погиб почти полностью.

Иначе складывались дела на море. Посланная к Варне эскадра попала в страшный шторм, разметавший корабли. Потемкина печальная весть о бедствии, преувеличивавшая его размеры, повергла в отчаяние: «Флот севастопольский разбит бурей... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». Фельдмаршал просил сложить с него командование: «Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком». Не дожидаясь ответа, он известил Румянцева о своем намерении.

Екатерина была разгневана, отсюда — необычайно резкая для нее отповедь любимцу: «Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться». «Вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне»¹¹⁸. Государыне пришлось заниматься делом, еще более серьезным, нежели отставка Потемкина — тот просил у Румянцева совета насчет целесообразности вывода войск из Крыма для усиления обороны Херсона и Кинбурна. Румянцев счел это нецелесообразным, а о письме Потемкина сообщил в Петербург. Екатерина была решительно против. Ей пришлось утешать и успокаивать друга: «Оставь унылую таковую мысль, ободри свой дух», и даже преподать ему стратегический совет: «Начать же войну эвакуацией провинции, которая доднесь не в опасности, кажется, спешить не для чего. Равномерно — сдавать команду, достоинства, чины и неведомо чего... Все сие пишу тебе как лутчему другу, воспитаннику моему и ученику». И уже официально и по-французски: «Вы нетерпеливы, как пятилетнее дитя, тогда как дела, Вам порученные в сию минуту, требуют невозмутимого терпения». Видимо, нелегко было государыне учинять разнос самому близкому ей человеку. В постскриптуме она еще раз обратилась к возможным последствиям эвакуации Крыма: «Чрез то туркам открылась <бы> паки дорога, как то сказать, в сердце империи, ибо в степи едва ли удобно концентрировать оборону»¹¹⁹.

Тем временем в Севастополь вернулись суда (за исключением одного), с порванными парусами, а то и без мачт, с многочисленными пробоинами, но на плаву. У Потемкина отлегло от сердца.

1788 год принес новые хлопоты и огорчения. Берлинский двор не собирался безучастно созерцать возможное территориальное расширение Австрии и рост российского могущества. Первый министр Э.Ф. Герцберг сочинил далекоидущий план перекройки карты Восточной Европы: пусть Иосиф и Екатерина застрянут на Балканах, Пруссия же, опираясь на британскую поддержку, добьется передела Польши, забрав себе Торн (Торунь) и Данциг (Гданьск), взамен же отдаст

Речи Посполитой отобранную у Австрии частью Галиции. Кайзеру предполагалось в утешение предоставить Дунайские княжества¹²⁰.

В противовес австро-российскому альянсу образовалась коалиция Англии (морская мощь), Пруссии (оваянная славой побед армия Фридриха II) и Голландии. Не было уверенности, что в стороне останется Польша, раны, нанесенные ей разделом, не затянулись. Но беда, как всегда, пришла с неожиданной, шведской стороны. Казалось бы, потерпев дважды поражение, утратив ранг великой державы, Стокгольму следовало бы успокоиться. Но не таков был король Густав III, по ее словам, лукавец, глупец и лгун, «нет лжи, которой он на меня бы не рассеивал». В свете дальнейших событий она даже заподозрила — «не сошел ли с ума» кузен?¹²¹

По Петербургу ходили слухи, которым верилось и не верилось. Царица сообщала о них Потемкину: «Говорят, будто он хвастает, что придет в Петербург, велит низвергнуть конную статую Петра I и поставить свою». Переданные королем условия мира не вязались со здравым смыслом: возвращение Швеции части Карелии, включая Кексгольм; разоружение Балтийского флота; шведское посредничество в переговорах России с Высокой Портой о мирном урегулировании при условии передачи последней Крыма (Густав успел заключить с Турцией союз). Сообщенный ей текст документа царица назвала «сумасшедшей нотой»¹²².

Шведы двинули на Петербург армию в 36 тысяч штыков, у россиян на месте оказалось менее 20 тысяч. Но вторгшиеся застряли у первой же крепости Нейшлот, а российская дипломатия подготовила диверсию со стороны Дании. Та вступила со Швецией в войну. Правда, под давлением с британской стороны датчане свернули операции, но Густав все же очистил Карелию. «Лукавый унес шведского короля. Мечется, будто угорелая кошка», — сообщала государыня своему другу¹²³. В июле 1788 года адмирал С.К. Грейг в сражении у острова Гогланд разбил неприятельскую эскадру и блокировал ее в Свеаборге.

Недруги России образовали полукольцо на ее западных рубежах: Швеция — Англия — Пруссия — Польша — Турция; война со всеми — а такая опасность существовала — превратилась бы в европейскую. О перспективах Екатерина писала со свойственной ей образностью: отдача Финляндии, а может быть и Лифляндии — Швеции; Белоруссии — Польше; земель по реку Самару — туркам. И боевой дух царицы вскипал: «они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду кладут, дураки, что мы уступчивы будем!» Остается не дипломатические кружева плести, а добиваться торжества на поле брани:

«Возьми Очаков и сделай мир с турками, тогда увидим, как осядутся как снег на степи после оттепели», а то «прусский дурак (то есть король Фридрих Вильгельм II. — *Авт.*) не унимается». Этот последний вызывал особую тревогу, как-никак армия в 40 тысяч дежурила у границы: «Законы принять от прусского короля мне не сродно, а России тем менее... Не будет нам мира, пока прусский король не будет бит, и надобно необходимо помышлять, чем...»¹²⁴.

Ключом турецкой обороны в Причерноморье являлась крепость Очаков. Потемкин обложил ее в июне 1788 года и приступил к планомерной, по всем законам военной науки осаде. 6 (17) октября последовал штурм, турки понесли большие потери — 4,5 тысячи убитыми, почти столько же взяты в плен; потери русских — тысяча павшими, 2 тысячи ранеными. Победителям достались 310 орудий и множество знамен. Екатерина была в восторге: «За уши взявши обеими руками, мысленно тебя целую»¹²⁵, — радовалась она и осыпала фельдмаршала наградами.

Австрийцам 1788 год принес много огорчений. Сотрудничество с ними на поле боя не заладилось с самого начала, они придерживались доктрины, которую можно назвать антисуворовской. Глава Гофкригсрата, личный друг кайзера И.Ф. Ласси (сын генерала российской службы Петра Петровича Ласси, разгромившего шведов в 1741–1742 годах), мнил себя теоретиком и сочинил опус под заглавием «Замечания о военном искусстве», который многие считали пособием по тому, как носить парик, расчесывать букли и застегивать гетры. В основу стратегического замысла младший Ласси положил своеобразный принцип: как избежать столкновения с основными турецкими силами и предоставить эту честь русским. Иосиф имел неосторожность самоназначить себя главнокомандующим, не имея и тени оснований на занятие должности.

Кайзер двинул в бой немалые силы — 125 тысяч пехоты и 22 тысячи кавалерии, но растянул их на громадном пространстве от Днестра до Адриатики, что позволяло туркам легко проникать сквозь негустую сеть австрийских войск. Совместно с русскими был взят Хотин, но в Белграде янычары сидели насмерть, а корпус Юсуфа-паши прорвался в Банат. Иосиф снял осаду с Белграда и бросился на выручку своим, но в сражении при Лугоже 10 (21) сентября он сам едва унес ноги. По словам Потемкина, его «чуть было самого в куче не застрелили»¹²⁶. Свидетельства с «той стороны» рисуют еще более удручающую картину: смахивавший на фарс инцидент перерос в трагедию для австрийцев. На обочине дороги, по которой отступали войска, румынские крестьяне торговали цуйкой, самогоном из

слив. Некие гусары обрадовались возможности выпить и набрались изрядно. Буйные во хмелю кавалеристы повздорили с пехотинцами и прогнали их прочь. Те отступили и обстреляли нахалов. Кавалеристы вообразили, что на них напали турки, и открыли огонь. В полной неразберихе жуткая паника охватила войска. Солдаты бросали оружие и бежали. Порядок был нарушен даже в колонне, при которой следовал император. Бегущие солдаты опрокидывали пушки, бросали ранцы и стреляли куда попало — повсюду им мерещились турки. Конные офицеры во весь опор поскакали в Лугож и посеяли в городе панику. Всяк удирал, как мог, — в карете, верхом или на своих двоих. Кайзер пытался прекратить это безумие, он умолял, приказывал, угрожал. Его никто не слушал, свита разбежалась, он не мог найти даже коня и остался совершенно один¹²⁷. Прошло немало времени, прежде чем удалось восстановить какое-то подобие порядка.

Кайзер перенес глубокое душевное потрясение, его любимое детище, армия, опозорилась. Он прекратил погоню за воинскими лаврами и заключил с турками бессрочное перемирие. В Вене монарха ждали испытания иного рода: его держава затрещала по швам в Венгрии и в Бельгии. Земли короны святого Стефана (Иштвана) не входили в состав Священной Римской империи германской нации, Иосиф здесь был не императором, а королем Иोजефом. Мадыары воспротивились его попыткам унификации государственного устройства и введения немецкого языка в качестве государственного и остались при средневековой латыни. Иосиф не удосужился пройти церемонию коронации в Пожони (Братиславе) и остался для мадыар «королем в шляпе», а не в короне. В завершение всего он зачем-то перевез в Вену национальную святыню, корону святого Иштвана, что было воспринято как нарушение суверенитета и самостоятельности страны, и в итоге Иосиф капитулировал по всей линии и вернул корону в положенное место.

В Австрийских Нидерландах (Бельгии) неповиновение зашло еще дальше. В Брюсселе вспыхнуло восстание, национальная ассамблея провозгласила независимость страны.

* * *

После взятия Очакова Потемкин выступил в пользу более осторожного курса в отношении Пруссии и Англии с целью их нейтрализации. Екатерина решительно воспротивилась его замыслам, заключать снисходительный мир она не собиралась, полагая, что лишь решающая победа рассеет интриги недоброхотов: «С меня более тре-

бовать нет возможности, не унижая достоинства, А без того ни жизнь, ни корона мне не нужны»¹²⁸. В 1789 году Украинская армия заняла Галац, освободила от турок Нижний Дунай. На том карьере Румянцева завершилась. Влиятельным подчиненным тяготился Потемкин, не без воздействия которого к полководцу охладела императрица. Румянцева отправили в отставку под благовидным предлогом заботы о здоровье. Решающие победы в кампании одержал Суворов. В тесном взаимодействии с австрийским корпусом принца Ф.И. Саксен-Кобургского он нанес поражение неприятелю в битве при Фокшанах 21 июня (2 июля). С этими же силами (25 тысяч солдат и офицеров) он разгромил 90-тысячную армию великого везира в сражении при Рымнике (в австрийской историографии — при Мартинешти) 11 (22) сентября. Он получил лестное письмо императрицы: «Александр Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, казист будет»¹²⁹. Он получил редчайшую награду — крест Святого Георгия первой степени и стал графом двух империй, Российской и Священной Римской.

Но надежды на близкое окончание войны не оправдались. Молодой, энергичный, честолюбивый султан Селим III, сменивший в 1789 году дряхлого Абдул-Хамида I, жаждавший славы и возрождения могущества Османской империи, не желал с самого начала своего правления споткнуться об унижительный мир. Ситуация для него сложилась тяжелая, но не катастрофическая. Цепь крепостей — Килия, Исакача, Тулча, Брэила (Браилов), Журжево (Джурджу) и твердыня Измаил охраняли нижнее течение Дуная¹³⁰. На третий год войны операции все еще не были перенесены на правый берег реки.

А на Балтике шведские паруса маячили в виду Кронштадта. Несмотря на отдельные успехи, морская сила шведов не была сломлена.

1790 год начался мрачно. Первый министр Пруссии Э.Ф. Герцберг опутывал Россию сетью враждебной коалиции. С Портой он заключил договор, посулив той Крым. На границах с Россией и Австрией была сосредоточена армия в 49 тысяч штыков и сабель, еще 100 тысяч стояли в резерве. С турецкого фронта российские и австрийские войска перебрасывались на север. А на Дунайском театре по необходимости вырисовывался оборонительный вариант, предусматривалось нанесение ударов силами флота в Черном море и наступление на Кубани. Потемкин тревожился: «Разбившись повсюду, везде будем слабы и нигде не успеем». Он предлагал скрыть крепости Очаков, Аккерман и Бендеры, для их защиты потребны 20-тысяч солдат в гарнизонах, а где их взять? Фельдмаршал полагал, что без серьезных уступок Пруссии из беды не выбраться: «Пусть он (король. — *Авт.*) берет Померанию

и что хочет». Царица его журила: «Плюнь на пруссаков, мы им на пакость их отомстим авось-либо». Но Потемкин на «авось» не соглашался, безоглядный оптимизм не был ему свойствен.

«Пакостники мои неусыпны в злодействах», — жаловался светлейший. Недруги его обратили внимание стареющей женщины на юного конногвардейца Платона Зубова — пригож, тих, красив, услужлив. В тихой и пригожей внешности выступал тщеславный интриган, возглавивший при дворе антипотемкинскую группировку.

Ситуация еще больше осложнилась с кончиной Иосифа II. Он до своего конца выступал лояльным союзником, в последнем письме, подписанном дрожащей рукой, он заверял императрицу в верности альянсу (продленному в 1789 году на 8 лет) и нежной дружбе¹³¹. Брат и наследник Леопольд повернул руль политики в сторону Англии, назвав союз с Россией «несчастьем», и устремился к миру с Турцией¹³². Положение в державе Габсбургов сложилось отчаянное: Венгрия — в открытом неповиновении, войска из Бельгии изгнаны, из войны с Османской империей не выбрались, на границе с Пруссией дежурила армия в 150 тысяч. И еще: чтобы получить главный титул, кайзера Священной Римской империи германской нации, Леопольду предстояло пройти избрание курфюрстами, среди которых — короли Пруссии и Англии (последний — в качестве герцога Ганноверского). Так что у него были основания отказаться от активного экспансионизма, присутствующего предшественнику, и перехода к стратегической обороне.

В июне-июле 1790 года в силезском городе Рейхенбах (ныне — Дзержанов в Польше) состоялась конференция Австрии, Пруссии, Англии и Голландии для улаживания ссоры между первыми двумя. Хотели привлечь и Екатерину, но она пренебрегла приглашением. Над собравшимися витала тень Французской революции, трон под Людовиком XVI и Марией Антуанеттой шатался, и угроза старым режимам побудила собравшихся преодолеть разногласия. Австрия обещала выйти из войны с Турцией на основе *status quo ante bellum*, что и произошло в августе 1791 года; Пруссия — содействовать восстановлению власти Габсбургов в Бельгии. Берлинской дипломатии пришлось временно отложить планы, связанные с Данцигом и Торном; уполномоченные Англии и Нидерландов дали понять, что своих союзных по отношению к Пруссии обязательств они выполнять не станут в случае столкновения между двумя немецкими государствами. В декабре 1790 года австрийские войска вступили в Брюссель. Путь к австро-прусскому сотрудничеству против Франции был расчищен.

Россия осталась в изоляции — одна против всех. Послы Великобритании и Пруссии явились к А.А. Безбородко с информацией о Рей-

хенбахе и с вопросом — «не соизволит ли е.и.в. приступить к оному соглашению для учинения мира с Портою на таковом же основании?». Им учтиво ответили: императрица жаждет мира, но пусть адвокаты Высокой Порты склонят ее к уступчивости¹³³.

При всей безотрадности ситуации появился и проблеск надежды: расставшись с мечтой о добыче в Польше, пруссаки не ратифицировали договор с Турцией, воевать во имя ее интересов они не собирались, пункт о возвращении султану Крыма отпал сам собой.

Совещания в Рейхенбахе проходили под гул канонады и на юге, и на севере Европы, и повсюду отмечались российские успехи. Адмирал Ф.Ф. Ушаков разгромил эскадру капудана-паши в Таманском проливе (июль), в августе осуществил успешную операцию близ Хаджибея. Опасения Потемкина насчет безопасности Крыма были рассеяны, он предписал войскам занять левый берег Нижнего Дуная.

На Балтике адмирал В.Я. Чичагов отбил шведскую атаку на Ревель (Таллин). Екатерина удостоила флотоводца личной аудиенции. В разговоре моряк увлекся и перешел на лексику, которую мы ныне именуем ненормативной, смутился и замолк. Царица вывела его из затруднительного положения, молвив милостиво: «Продолжай, Василий Яковлевич, я ваших морских терминов не разумею».

23–24 мая произошло генеральное сражение у Красной Горки, совсем недалеко от столицы, шум пушечной пальбы доносился до города. Атаку удалось отбить. Шведские суда, включая корабль под вымпелом короля, укрылись в Выборгской бухте. Балтийский флот ее блокировал. 22 июня (3 июля) июля шведы прорвали блокаду, потеряв при этом 9 кораблей и 5 тысяч моряков пленными. Екатерина не без удовольствия сообщила Потемкину, что в числе трофеев достался и королевский завтрак — жареный гусь, штоф водки и 6 сухарей.

Серия успехов прервалась 28 июня, когда в бухте Швейцунд гребная флотилия угодила под огонь береговых батарей и понесла тяжелые потери¹³⁴.

И вдруг непредсказуемый шведских король, утратив веру в победу, преподнес союзникам сюрприз, пойдя на мир с Екатериной II. Договор был подписан 3 (14) августа буквально под дулами орудий на поле боя под Варелой, где выстроились друг против друга две армии, между которыми сновали уполномоченные. Царица вздохнула с облегчением, извещая подданных о завершении войны «на зрелище от столицы нашей не удаленном» и на условиях «неприкосновенной целостности границ». Потемкина она информировала в выражениях не столь торжественных и с намеком — пора кончать и на юге: «Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуйя»¹³⁵.

Твердыня Измаила с 30-тысячным гарнизоном и энергичным комендантом Айдос-Мехмед-пашою оставалась непокоренной, запирая плавание по Дунаю. Ввиду наступления стужи, недостатка в пушках и ядрах военный совет решил осаду снять. И тогда Потемкин призвал Суворова. 2 (12) декабря тот принял командование осадным корпусом. 7 декабря отправил Айдос Мехмеду лаконичное по обыкновению письмо: «Соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость», он давал коменданту «24 часа на размышление — воля. Первый мой выстрел — уже неволя, штурм — смерть». 12 (22) декабря на рассвете начался приступ с суши и с Дуная. Турки сопротивлялись отчаянно, отвага солдат российских была выше всяких похвал. Свыше 20 тысяч аскеров погибли, 9 тысяч сдались в плен. Потери победителя составили 4 тысячи человек, особенно сильно пострадал командный состав, из 650 офицеров было убито и ранено 400 человек. Петербург встретил победу колокольным звоном и пушечною пальбою. Но заслуженного фельдмаршальского жезла Суворов не получил. Великий полководец медленно продвигался по служебной лестнице, перед ним «по старшинству» числилось немало людей. Его удостоили почетным, но декоративным званием подполковника Семеновского полка и выбили в честь взятия Измаила памятную медаль, чего удостаивались не многие победители.

Итоги кампании 1790 года Потемкин подвел в торжественных тонах: «Гульча покорена, флотилия турецкая разбита, и Исакча, магазин или депо всей армии турецкой и флотилии, занята со множеством припасов, судов потоплено, повреждено до полутораста». И, как венец всего, покорен Измаил. Расположив войска на зимних квартирах, фельдмаршал отправился в Петербург, передав командование армии генерал-аншефу Н.В. Репнину. Он оставил в штабе план кампании на 1791 год, не содержащий и намека на скорое завершение войны: часть войск отправить к границе Речи Посполитой, воспрепятствовать вторжению турок через Дунай. На Кавказе — взять Анапу и не допускать переброски войск противника на запад. Царица план одобрила, но с существенным добавлением — перенести российское оружие на правый берег Дуная и искать встречи с противником в поле.

В Петербург Потемкин прибыл в конце февраля 1791 года и сразу угодил в самое пекло внешнеполитических осложнений и дворцовых интриг. Британский кабинет выступал в авангарде недругов. Две войны, России со Швецией и Австрии с Турцией, завершились ничейно, нужно и третью закончить на условиях *status quo ante bellum*. Премьер-министр В. Питт добился у парламента санкции на снаряжение могучей, в 36 линейных кораблей, эскадры. На суше готови-

лась прусская армия, Берлин ради присоединения Данцига и Торна не останавливался перед войной и заманивал в альянс Польшу. «Прусак, — предупреждала государыня Потемкина, — паки заговаривает полякам, чтобы ему уступить Данциг и Торн, на сей раз за наш счет, лаская их, что им отдаст Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужаго». В союз собирались залучить и Швецию.

На этом угрожающем фоне происходило столкновение мнений Екатерины и Потемкина по вопросу о том, как выбраться из кризиса. В покоях императрицы разыгрывались бурные сцены. Фельдмаршал, покидая их, так хлопал дверью, что звенели стекла и замирали сердца придворных. Оба тяжело переживали ссоры, Потемкин, после очередной стычки, случалось, шел на исповедь. Потом брался за перо: «Выслушай меня как мать и благодетельница». И далее: «Вы обратите в нуль все планы наших врагов и избавитесь, так сказать, от шипов в сердце», переманив на свою сторону шведского короля и Фридриха Вильгельма Прусского¹³⁶. Екатерина упрячилась, не желая идти навстречу презираемому двоюродному брату, и тот не решился выступить против России, а в 1792 году пал жертвой покушения, подготовленного недовольным офицерством. Но с Великобританией и Пруссией все шло к войне. В конце марта 1791 года Питт отправил в Берлин на согласование текст ультиматума двух держав России с требованием отказаться от присоединения Очакова и полосы земли между реками Буг и Днестр. Предусматривался жесткий срок его принятия — 10 дней, потом — разрыв и война.

Но тут коса нашла на камень. Питт допустил грубейший промах в оценке настроений общественности, не понимавшей и не принимавшей войны из-за притулившегося в каком-то европейском закоулке Очакова, от которой пострадали бы судоходство, торговля и промышленность. В завязавшейся «схватке перьев» оппозиция одержала верх над кабинетом. В нее вступило и российское посольство во главе с С.Р. Воронцовым, поставляя публицистам материалы, в самом выигрышном и соблазнительном свете рисовавшие выгоды от коммерции с Россией, и в самых мрачных тонах — пагубу от ее прекращения. Воронцов успокаивал царицу: «парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может поддержать никакого министра»¹³⁷. Планы тогдашних ястребов были сорваны, флот разоружен, ультиматум, предназначенный для России, отозван с полпути из Берлина, англичане перестали размахивать кулаками.

В мае в Петербург прибыл некий путешественник Фолкнер (Фальконер по камерфурьерскому журналу). Любопытный турист побеседовал с вице-канцлером И.А. Остерманом, потом «вояжер» был

принят императрицей (чего, случалось, месяцами добивались послы), у него обнаружили верительные грамоты, он превратился в дипломата и выразил согласие на основные российские условия примирения с Портой — границу по Днестру, присоединение Очакова с прилегающим районом и Буджака. Пруссак с отобилизованной армией остались у разбитого корыта несбывшихся надежд, им оставалось лишь сетовать на всем известное коварство Альбиона и присоединиться к достигнутой договоренности¹³⁸. Наконец-то Россия осталась один на один с Османской империей!

Императрица теряла терпение, и нотки раздражения прорывались в ее переписку с Потемкиным. 22 апреля (2 мая) она отправила фельдмаршалу отчаянную записку: «Ежели хочешь свалить камень с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы морские и сухопутные произвести наискорее, а то войну протянешь еще долго». Личное «протянешь» многозначительно. 11 (22) мая последовало наконец предписание фельдмаршала Репнину: «Препоручая произведение поисков на неприятеля, где только случаи удобные могут представиться, но с таким рассмотрением, чтобы действовать навстречу»¹³⁹.

Выдающийся полководец и дипломат князь Николай Васильевич Репнин, полузабытый историографией, внес заметные коррективы в указания шефа, воспользовавшись разрешением перенести операции за Дунай. В марте состоялся первый после трех с половиной лет войны «поиск» за Дунаем. В июне тогда еще генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов разбил вражеский 20-тысячный корпус при Бабадаге. 27 июня (7 июля) сам Репнин разгромил главные турецкие силы под Мачином. Россиянам помогло то, что турки шли в атаку волнами и их выводили из строя по частям. Потеряв 4 тысячи янычар, они обратились в бегство. Добрые вести приходили с Кавказа, генерал И.В. Гудович взял приступом Анапу, пленил 8 тысяч человек, в том числе трехбунчужного пашу Мустафу и предводителя чеченцев Ушурму (хана Мансура)¹⁴⁰. Довершил победоносную кампанию 1791 года на море Ф.Ф. Ушаков. Его эскадра отправилась к берегам неприятеля, и здесь, у крепости Калиакрия, 31 июля (11 августа) разгромила турецко-алжирский флот, остатки которого бежали в Константинополь. Появление на рейде поврежденных судов с порванными парусами, а то и без мачт, поставило точку на реваншистских надеждах властей предержащих, тем более что расчеты на крупную англо-пруско-польскую диверсию на севере провалились.

Посланцев великого везира Репнин встретил на поле боя. Вступать в переговоры он отказался, поставив их перед выбором: или ка-

питуляция, или уничтожение укрывшихся в Мачине вражеских войск. Выдвинутые кондиции генерал назвал минимумом того, что может требовать победитель.

31 июля (11 августа) в Галаце был подписан прелиминарный мирный договор. В нем подтверждались условия Кючук-Кайнарджийского трактата и последовавших за ним соглашений между двумя странами. Днестр становился границей между ними, Молдавия и Валахия оставались в составе Османской империи с сохранением прежних привилегий. Чтобы окончательно договориться об условиях мира, стороны обязывались не братья за оружие в течение 8 месяцев.

Екатерина с «особливым удовольствием» усмотрела в прелиминариях соблюдение «всех тех условий, которые мы непременно в основание мира полагали». Весьма одобрительно отнесся к подписанному документу Совет при высочайшем дворе. Высокая награда — Георгиевский крест первой степени, пожалованный Репнину, свидетельствовала о монаршей благосклонности. Иного мнения насчет его деяний придерживался Г.А. Потемкин. В армию он прибыл 1 августа в самом дурном настроении: царица вроде бы одобрила выработанный им план операций, но внесла такие поправки, что он из оборонительного превратился в наступательный. Устранить нового фаворита, юного красавца и пронырливого интригана П.А. Зубова, светлейшему не удалось. В Яссах его ждала еще одна неприятность — подписанный накануне его приезда мир. Фельдмаршалу представлялось, что у него похитили лавры победителя. В дополнение к подписанным условиям он потребовал контрибуции в 20 миллионов пиастров. Два месяца шли совещания с турками, и они собрались домой. Казалось, что пора садиться за составление плана кампании на 1792 год. Но от Потемкина уже мало что зависело, болезни его преследовали, и 5 октября он скончался¹⁴¹.

Личность Потемкина величественна и трагична. Крупнейший государственный деятель, великий администратор, видный реформатор армии. Именно он освободил войско от остатков пруссачества и утвердил в нем удобную и соответствующую климату форму, солдат наконец-то освободили от ненавистных париков: «Завиваться, пудриться, чесать косы, солдатское ли это дело?» В то жестокое время Григорий Александрович был одним из немногих гуманистов в армии, осуждал побои, заботился о довольствии нижних чинов¹⁴².

Потемкин, несомненно, обладал стратегическим мышлением. Еще в конце XIX столетия военный историк Д. Масловский отмечал, что он впервые в отечестве выступил главнокомандующим нескольких армий, действовавших на разных операционных театрах. Светлейший

князь усвоил румянцевский завет: турок надо выманивать из крепостей в чистое поле. В письме к императрице от 12 ноября 1787 года Потемкин размышлял: «Не разбив неприятеля в поле, как приступить к городам? Полевое дело с турками можно считать игрушкою; но в городах и местах тесных дела с ними кровопролитны. Они же, потеряв баталию, и так города оставляют»¹⁴³.

Дипломатическая схватка со зловещим союзом держав — не фон, а составная часть лихолетья 1787–1791 годов. Россия оказалась на волосок от противоборства с коалицией Великобритании, Швеции, Пруссии, Польши и Турции. Потемкин стоял за достижение компромисса с возможными противниками с неизбежными потерями, царица не желала отступать ни на шаг, ее упорство доходило до упрямства, и ее линия возобладавала. Недруги смирились.

После кончины Потемкина за дело умиротворения взялся А.А. Безбородко. Камень преткновения в виде солидной контрибуции он удалил, и турецкие уполномоченные, «едва опомнившись от изумления, отвечали вне себя от радости». Безбородко заверил их: «Россию нельзя заподозрить... в каких-либо честолюбивых замыслах относительно Оттоманской империи»¹⁴⁴.

29 декабря 1791 года (9 января 1792 года) в Яссах был подписан договор. Он подтвердил все условия Кючук-Кайнарджийского трактата и последующих договоренностей с Турцией. Высокая Порта признала вхождение Крыма в состав России и ее протекторат над Восточной Грузией. К России отошло междуречье Буга и Днестра. На Кавказе границей оставалось течение Кубани. Предусматривалось, что османские власти не допустят набегов жителей левобережья на российскую территорию; если это все же произойдет, сопровождаемое грабежами и угоном людей, Порта обещала возмещать причиненный ущерб. Дунайские княжества остались в составе Османской империи, обещавшей соблюдать их права и привилегии¹⁴⁵.

По распространенному и устойчивому мнению, «мир не был адекватен затраченным на войну человеческим и материальным усилиям». Россия вышла из нее «с очень незначительными по сравнению с понесенными ею жертвами территориальными приращениями». Поэтому Ясский мир «ни в коей мере нельзя признать блестящим»¹⁴⁶. Что же, действительно, — за каждый шаг в отстаивании своих геополитических интересов России приходилось расплачиваться большой ценой. Все вышенаписанное говорит, что растущее могущество державы встречало на своем пути стену сопротивления. На сей раз конфликт не перерос в побоище европейского масштаба в немалой степени благодаря реализму и сдержанности в осуществлении внеш-

неполитического курса. Но влияние на его формирование оказывали не только мирские заботы и земные тревоги. Зрела освященная православием мысль: братьев по вере не покорять должно, а освобождать и возрождать, что отразилось в документах эпохи. Среди бумаг, подготовленных адмиралу С.К. Грейгу для несостоявшейся экспедиции на Архипелаг, значился и царский манифест к жителям: «Отнюдь нет нашего желания присвоить сие под обладание наше, а все желания наши к тому устремлены, дабы доставить им свободу полную в исполнении веры их и отправлении публичном обрядов оной и восстановить гражданскую их вольность и безопасность». В занятых областях предполагалось не приводить жителей к присяге, а брать с них клятву, что они «за веру и вольность свою подвизаются»¹⁴⁷.

Отзвуки французской революции докатились и до далеких Балкан. Взоры властей предрежащих устремились к Парижу. Раздававшиеся оттуда призывы объявить войну дворцам, вскоре осуществленные, вовлекли в нее Австрию, Пруссию, Англию, Голландию, Испанию.

Но не Россию. Время великих свершений Екатерины II кончилось, наступила старость. Жизнь и правление клонились к закату. Поступавшие из Парижа вести повергали императрицу в ужас. Чтобы понять ее яростные филиппики против революции (Париж «адово пекло», «притон разбойников», Национальное собрание — «гидра о 1200 головах», ею верховодит «шайка безумцев и злодеев») надо учитывать психологическое состояние, в которое ее повергали свидетельства посла М. Симолина: «Чернь расправилась с г. Фулоном, бывшим интендантом армии. Его повесили на фонарном столбе, отрубили потом его голову, насадили ее на палку от метлы и понесли по улицам Парижа». Та же участь постигла г. де Бертье. «Его сердце и внутренности были сожжены в Пале Рояле, а остатки трупа разрубили на куски». «Несколько сотен торговков, величаемых теперь „дамами рынка“, рассеялись по городу и принудили идти за собой попадавших им навстречу женщин». С требованием «Короля и хлеба» они двинулись в Версаль. «Отдельным сопротивлявшимся солдатам отрубили головы. Войска безмолвствовали»¹⁴⁸. И так далее, и тому подобное в разных вариантах. Семьдесят лет наша историография изображала Екатерину «жандармом Европы», неким заводилой в монархическом таборе, набросившемся на рыцарей революции. Не так давно еще раздавались отголоски этих песнопений: «Среди монархов Европы она проявляла наибольшую активность... в борьбе с революционной Францией»¹⁴⁹. Однако что считать борьбой? До ноября 1796 года, до дня кончины Екатерины Великой, французы воевали против австрийцев, прусса-

ков, немцев других мастей, англичан, шотландцев, ирландцев, голландцев, испанцев, итальянцев. Россиян среди них не было. Так кто же проявлял наибольшую активность?

Верная чувству долга, опираясь на отважное войско, окруженная преданным (особенно после подавления Пугачевского восстания) дворянством, она не понимала социального смысла сотрясавших Францию волнений, ей они представлялись конвульсиями, предвещавшими распад. Она органически не воспринимала переход значительной части первого и второго сословий на сторону революции. Король Генрих IV во главе 400 дворян завоевал страну. У Людовика XVI — 300 тысяч шевалье. Их дело — либо спасти родину, либо погибнуть. В выражениях императрица не стеснялась: «Мне не по душе кухарки в роли ночной стражи, правосудие без правосудия, и варварские казни на фонаре». И как заключение: «я не верю в великие нравственные и законодательные способности сапожников и башмачников. Я думаю, если бы повесить некоторых из них, остальные одумались бы»¹⁵⁰. Но менять перо на штык в борьбе с революцией она не собиралась, ее свержение — дело самих французов в лице дворян. Наиболее полно и четко о будущем Франции государыня высказалась в письме П.А. Зубову (осень 1791 года): «Надо восстановить монархию, власть короля; три сословия составляют ее, и без них и парламентов нет монархии». Без силы оружия тут не обойтись, сражаться надо дворянству, у принцев, по их уверениям, наготове 6 тысяч человек. «Государство, которое должно ждать от иностранных войск восстановления своего благополучия — несчастное государство»¹⁵¹.

Время шло, принцы демонстрировали полное бессилие. В сочиненном в начале 1792 года меморандуме царица подчеркивала: «Европа заинтересована в том, чтобы Франция «вновь заняла место, достойное великого королевства». В этом она расходилась с монархами Пруссии и Австрии, стремившимися пожить за счет впавшей в грех революции страны и подорвать ее роль на международной арене. Царица все еще питала иллюзию, что с якобинцами удастся справиться легко, корпус в 10 тысяч человек прошагает по зеленой дорожке от Страсбурга к Парижу. Она сознавала, что не следует восстанавливать абсолютизм во всей его красе, что надо считаться с пожеланиями нации и не посягать на «разумную свободу личности». Монарху следует сочетать «меры строгости» со «справедливой умеренностью» при помощи «добрых и мудрых законов». Ш. Ларивьер с некоторым изумлением констатировал: «Великая самодержица Севера, которую мы видели столь суровой в отношении конституций, якобинцев и цареубийц, советует Бурбонам делать уступки в духе времени»¹⁵². Что

касается собственной роли, то государыня полагала необходимым «содержать все свои силы в полном ополчении, дабы воздерживать в надлежащих пределах зло дальнейшего распространения заразы неистовства и развратов французских поближе к себе, а именно в некоторых частях света и особливо на Востоке»¹⁵³.

Все выходило гладко на бумаге, а на деле, притягивая к себе британский флот и прусскую армию вплоть до конца 1791 года, Россия отдаляла эти силы от французских границ. Дел дипломатических она не забывала никогда. В Париже следовало поощрять умеренных фельянов в противовес оголтелым якобинцам. Посол Симолин установил связи с влиятельными членами Национального собрания и его Дипломатического комитета не из числа драчливых, а из тех, кто усматривал опасность в изоляции страны. Указанный комитет, писал посол в реляции от 23 июня (3 июля) 1791 года, «занят, в сущности, Россией», наиболее авторитетные и здравомыслящие его члены «вполне убеждены в полезности для новой Франции завязать с упомянутой державой (Россией. — *Авт.*) самые тесные и полезные связи». Комитет усматривает в «альянсе с Россией принципы, которые отвечают склонностям всего мира, он считает, что данному союзу предначертано стать самым тесным и солидным, которого Франция может достичь»¹⁵⁴. Он получил через Амстердам солидную сумму денег (60 тысяч ливров) для подкупа нужных людей, в чем и преуспел. Так, Симолин раздобыл ключ к шифру французского поверенного в делах в Петербурге Э. Жене, вступил в контакт с ведавшим иностранными делами Ш.М. Талейраном, ему предписали действовать «со всей щедростью» в деле подкупа громовержца О.Г. Мирабо, все шло к согласию, но тот до подкупа скончался¹⁵⁵. Екатерина мечтала о том, как бы направить мощный, в 36 вымпелов, британский флот не в Балтику, а к французским берегам. Достичь этого не удалось, но у Кронштадта армада не появилась и подписанию победоносного Ясского мира не помешала. Не столь удачной оказалась операция, связанная с бегством королевского семейства, изловленного собственными подданными в Варенне (июнь 1791 года). Конспираторов из августейшей семьи не получилось, неповоротливый Людовик XVI плохо исполнял роль лакея, заносчивая Мария Антуанетта мало походила на роль горничной собственной статс-дамы, госпожи де Турсиль, путешествовавшей под именем баронессы А.К. Корф с семейством. Баронесса была российской подданной, вдовой полковника. На основании этого по Парижу распространились слухи о причастности к побегу посла Симолина, лишь охрана, поставленная у его дома, спасла дипломата от расправы толпы. Версия насчет его участия была подхвачена истриографией,

иногда прямо утверждалось: «Симолин вручил паспорт на имя Корф королеве»¹⁵⁶.

Версия эта рассыпается при сопоставлении имеющихся данных. Вскоре после провала авантюры посол получил от госпожи Корф прошение с просьбой выдать ей новый паспорт, утрату прежнего она объясняла тем, что, сжигая ненужные бумаги, она по рассеянности бросила в камин и паспорт. Обращает на себя внимание и следующее упущение: в дорожном документе значилось на одно лицо меньше, чем путешественников в карете — «неохваченной» оказалась принцесса Елизавета, сестра короля. Логично предположить, что, если бы Симолин готовил бумаги для беглецов, он все-таки подсчитал бы их число. Пойманных вернули в Париж, и жизнь их во дворце Тюильри превратилась в ад. Симолину удалось в декабре тайно встретиться с королевой. Свидание состоялось в ее спальне. Собеседники уселись рядом на диванчик, и «гордая австриячка» принялась изливать душу перед слушателем: «Она меньше боится смерти, чем жизни среди унижений, когда ей каждый день приходится испытать чашу оскорблений, горечи и желчи». Временами глаза королевы наполнялись слезами. Она посетовала на «холодность и непостоянство» своего брата, римского цесаря Леопольда, занятого семейными хлопотами — как-никак 17 или 18 отпрысков (точное число она не помнила). Она резко отрицательно отозвалась о принцах в эмиграции, погрязших в интригах: «Для предотвращения неисчислимых бед было бы желательно уничтожить влияние принцев и эмигрантов», пусть действуют одни державы». Через час в спальню жены вошел Людовик. Из его речей стало ясно, что и с державами ситуация далека от идиллии, прусский король уже поставил вопрос о возмещении убытков за свое предполагаемое участие в интервенции¹⁵⁷. Мария Антуанетта снабдила Симолина, собиравшегося в Петербург с остановкой по пути в Вене, записками к кайзеру Леопольду и канцлеру В.А. Кауницу, дополнив их устными пожеланиями на случай его предполагаемой беседы с обоими.

В Вене старый, многоопытный Кауниц вылил ушат холодной воды на голову Симолина, чрезвычайно польщенного возложенным на него поручением. Он заявил, что сетований и жалоб он и так наслушался вдоволь и что ответить на них можно не иначе как «общими местами и даже вздором». Прочный союз монархов создать невозможно. Он бросил фразу, выдававшую сознание бессилия и страха: если французы перейдут Рейн, «тотчас же все деревни будут за них, сговорятся, чтобы убивать князей, графов и дворян».

Император Леопольд принял Симолина милостиво, но ничего, кроме общих мест, дипломат из его уст не услышал¹⁵⁸. Через несколько

дней кайзер скоропостижно скончался. Его сын Франц занялся подготовкой к избранию на императорский престол. Похоже было, что коалиция монархов еще долго с места не сдвинется. А «своим» Кауниц писал: Екатерина «ждет не дождется, чтобы Австрия и Пруссия завязли во Франции».

Капитулянтская, как представлялось царице, позиция парижского двора, вызывала у нее крайнее раздражение. Те самые люди, что сооружали Восточный барьер из Швеции, Речи Посполитой и Османской империи и «выдворяли» Россию из Европы, теперь изгибались в поклонах и извивались в лести. Сбежавшие с родины братья короля возглашали в письме к ней: «Нет такого рода славы, которой Вы, В.в., не стремились быть достойной. Вы разделяете с Петром Великим честь создания обширной империи, ибо, если он первым вывел ее из хаоса, Вы, В.в., подобно Прометею, похитили лучи у солнца, чтобы вдохнуть в нее жизнь. Вы отодвинули ее границы, Вы укротили гордый полумесяц, Вы обеспечили покой Германии и мирную жизнь всем нациям». Принцы при этом забыли, что «укрощению» полумесяца больше всего сопротивлялась Франция¹⁵⁹. Петиции от эмигрантов рангом поскромнее поступали десятками. Альбер Сорель прав, когда пишет: Екатерина «испытывала лишь презрение к королю, который позволил, чтобы ему диктовали законы, к дворянству, отказавшемуся от своих привилегий». Упоминает он и то, что в душе царицы зародились интимные женские чувства (назовем их прямо — злорадство): перед нею, маленькой принцессой из заштатного немецкого рода, выскочкой и узурпаторшей, волею судьбы оставившей княжеский муравейник, каковым тогда представлялась Германская империя, перед нею, с которой Людовик XV считал ниже своего достоинства переписываться, лебезили его наследники, ей льстили представители «самой просвещенной монархии и самой блестящей» цивилизации»¹⁶⁰.

Ставка Екатерины на внутреннюю реакцию оказалась битой. Реакция внешняя на протяжении почти всего 1791 года пребывала в состоянии разлада. Английский король Георг III объявил о приверженности принципу невмешательства. Оставалась надежда только на берлинский и венский дворы, владения которых находились поблизости от революционного очага. Габсбурги к тому же были связаны родственными узами с Бурбонами, Мария Антуанетта приходилась сестрой и теткой трем императорам, Иосифу II, Леопольду и Францу. Отношения между двумя немецкими династиями смахивали на вражду кошек и собак, и перед Екатериной встала трудная задача — подвигнуть монархов-антагонистов к совместному походу против революционной Франции. Следует отдать должное ее умению мыслить

стратегически, что нашло отражение в собственноручной записке от 4 декабря 1791 года: «Император с королем прусским будут владычествовать в Германии. Я боюсь их гораздо более, чем старинную Францию во всем ее могуществе и новую Францию с ее нелепыми принципами»¹⁶¹. Здесь проявилось ясное понимание того, что, если галлы отбросят стремление к доминированию на континенте, у России нет причин для соперничества и ссор с отстоящей от нее на тысячи миль Францией. Иное дело — ближние соседи: «Венский двор всегда старался удалить нас от европейских дел, исключая случаев, когда для собственных целей увлекал нас ко вмешательству». О прусском и говорить нечего — все, что только может быть «поносного и несносного», ему свойственно, а король Фридрих Вильгельм II — «злая скотина и большая свинья»¹⁶².

Своими заботами Екатерина делилась с секретарем А.В. Храповицким: «Я ломаю голову, чтобы подвигнуть Венский и Берлинский дворы в дела французские». Вице-канцлеру И.А. Остерману царица писала: «Они меня не понимают. Существуют вещи, о которых говорить не следует. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали»¹⁶³.

Предприятие неоконченное — война с Турцией, еще не начатое — подавление мятежной Польши, принявшей в мае 1791 года, явно в подражание Парижу, конституцию. Екатерина сочла эту акцию признаком того, что французский мятеж подбирается к рубежу империи. Заливать кровью пожар во Франции императрица не собиралась.

Брабантская революция 1790 года, временная утрата Австрийских Нидерландов продемонстрировали и Вене, и Берлину, сколь тревожно соседство с очагом мятежей, медлить дальше становилось опасно. 27 августа 1791 года в замке Пильниц император Леопольд и король Фридрих Вильгельм подписали декларацию об общих действиях в защиту Людовика XVI и призвали монархов к солидарности. Энтузиазм проявил лишь рыцарь абсолютизма шведский король Густав III. Опыт неудачной войны с Россией в 1788–1790 годах его ничему не научил. Казна в Стокгольме изрядно опустела, армия не оправилась от поражения, риксдаг проявлял недовольство, офицерство роптало, но монарх рвался в бой. Его посланец предложил Екатерине II встать во главе венценосцев и задушить «народную эпидемию» в ее гнезде. Императрица восхитилась отвагой своего двоюродного брата, но отклонила предложенную честь: с оной эпидемией надлежит сражаться прежде всего Людовику XVI, чего она почему-то не замечает. В октябре 1791 года она все же заключила со шведским королем конвенцию, которую иногда считают знаком ее согласия на участие в интервенции: Густав собирался снарядить войско в 16 тысяч человек, к

которому Екатерина добавляла 6 тысяч своих для высадки в Нормандии десанта. На самом деле конвенция являлась шумной дипломатической петардой. Правительство Екатерины только что с большими усилиями предотвратило англо-прусско-польское вторжение в страну, Россия нуждалась в отдыхе, и не в обычаях императрицы было затевать тут же новый конфликт. Французских эмигрантов, впадших было в оптимизм, ждало разочарование. Их агент, побывав в Стокгольме, обнаружил опустелый порт, покинутые арсеналы, истощенную казну и — ни малейших признаков подготовки к экспедиции. Посылку войск царица заменила субсидией, вместо запрашиваемого шведами полумиллиона рублей выделила им 300 тысяч, да и те пропали — в 1792 году Густав пал жертвой заговора офицеров¹⁶⁴.

7 февраля 1792 года лютые враги, римский цесарь и прусский король, превратились в союзников поневоле, обязавшись выставить по 40–50 тысяч солдат против Французской революции. Сама эта ограниченная цифра свидетельствует о полном непонимании того, что происходило во Франции. Прусский посланник в Петербурге вступил с запросом о необходимости уладить дела в Польше, которая, если войдет в союз с Саксонией, станет «опасною или по крайней мере неудобною соседкою»¹⁶⁵. Это было предложение о разделе Речи Посполитой. Берлинский двор не хотел углубляться во французские дела, не получив гарантий на востоке Европы.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы разборка австро-прусских распрей и как долго пришлось бы выжидать момента для освобождения от обуревавших Екатерину забот, если бы не сами парижские смутьяны. Объятый стремлением низвергнуть тиранов и облагодетельствовать мир своими идеями и порядками, Конвент 20 апреля 1792 г. объявил войну императору Францу.

19 мая австро-прусские войска перешли границу Франции. Никто не подозревал тогда, что началась 22-летняя эпопея почти непрерывных войн. Руки царицы были развязаны, в том же мае российские войска вторглись в Польшу. Последовал второй раздел Польши вместе с Пруссией (1793 год), и третий — в котором участвовала также Австрия (1795 год). Казалось, что польская элита делала все для того, чтобы испортить отношения с Россией, а заодно и с Пруссией. В Петербурге и Берлине встретили в штыки провозглашение конституции. По мнению Екатерины, она столь же подходила Польше, как корове седло. Конституция провозгласила в стране наследственную монархию. И императрица, и король сочли, что они не обязаны впредь гарантировать целостность страны, ибо обязательства давались Речи Посполитой (республике), а не наследственной монархии. В преемни-

ки бездетному Станиславу Августу Понятовскому в Варшаве определили курфюрста Саксонии, того самого, против водворения которого на трон два двора протестовали еще в 1764 году, предпочитая ему природного поляка. В кругу приближенных Фридрих Вильгельм не скрывал своего раздражения: варшавские нахалы собираются соорудить ось Польша — Саксония, ему угрожающую.

Речь Посполитая создавала трудности снабжению Дунайской армии. Российские войска были выведены из страны, самый удобный и освоенный путь через Каменец перекрыт, пришлось вывезти «магазинны» — расположенные по пути склады продовольствия и снаряжения. Сейм обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой — взять под свою руку, вопреки воле иерархов и верующих, православную церковь Речи Посполитой. Россия лишилась бы важного рычага влияния в польских делах, но владыка отказался от предложенной чести, и эта опасность исчезла. Русских торговцев обвинили в подстрекательстве к бунту и пытками вырвали у них нужные признания. Епископ Переяславский, подданный Екатерины, известный «чистотой нравов», был брошен в тюрьму. Сейм пытался заключить союз с Турцией, находившейся в состоянии войны с Россией.

Весть о том, что в Яссах вот-вот будет подписан мир, произвела в Варшаве эффект разорвавшейся бомбы. При мысли о мертвой хватке приветливой «королевы Катажины» мороз продирает по коже. Спихнулись, что вообще не удосужились известить царицу о майской конституции, и направили запоздалое уведомление. Вице-канцлер И.А. Остерман был холоден, как лед: «Ее величеству нечего вам отвечать». Польский резидент Деболи от себя добавлял: императрица ждет только удобной минуты, чтобы поднять оружие. Прочтя его донесение, король Станислав Август упал в обморок.

Обращение к прошлому не вдохновляло. Речь Посполитая участвовала во всех европейских антироссийских комбинациях, являлась центральным звеном сооруженного усилиями Людовика XV Восточного барьера, оппозиционные группировки в своем раже даже превосходили правительство. Барская конфедерация (1768–1772 годы) в разгар Русско-турецкой войны успела заключить с Высокой Портой договор, по которому, в случае победы последней, ей уступался Киев, а себе выговаривала Смоленск, Стародуб и Чернигов¹⁶⁶.

Итоги известны. Оборвалась тысячелетняя история Польского государства, оно перестало существовать. Отечественная историография единодушно клеймит происшедшее. «Ликвидация суверенного государства есть разбойничья акция», — пишет Н.И. Павленко, но тут же добавляет: разделам Польши «трудно дать однозначную оценку»,

«не следует игнорировать положительное значение вхождения этнически близких русским украинцев и белорусов» в Россию. Те же аргументы приводит Г.А. Савин: «В ходе разделов завершился прогрессивный и исторически обусловленный процесс воссоединения Украины и Белоруссии с Россией»¹⁶⁷. Вот именно. В истории порой нераздельно переплетается прогрессивное и регрессивное. Ни до, ни в описываемую эпоху не существовало ни малейших шансов на то, что России удалось бы добиться желаемого, а именно восточно-славянского объединения, в одиночестве и без превращения его в раздел Польши. Венгерский исследователь оппозиционного к коммунистическому режиму направления Иштван Бибо четко разделяет две стороны процесса в главе своей работы под характерным заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств»: «Создавшаяся ситуация диктовала Польше историческую задачу: привлечь на свою сторону Россию, которая, хотя и присоединила к себе часть территории Польши, не отторгла исконно польские земли, — чтобы, имея за спиной такого союзника, попытаться возродить свою национальную жизнь в противостоянии двум немецким государствам. Однако поляки, находясь под впечатлением раздела своей страны, воспринятого ими как жестокое насилие и вопиющая несправедливость, не сумели распознать разницы между тем, что в этом разделе было исторической закономерностью, а что наглым насилием»¹⁶⁸. Сама Екатерина угрызений совести не испытывала. Она в ту пору была увлечена чтением летописей Древней Руси, считала себя собирательницей растерянного наследства и неоднократно заявляла, что не посягнула ни на вершок исконно польских земель. Это сделали другие.

А жить Екатерине Великой оставалось всего год.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 58
- 2 Брикнер А.Г. История Екатерины II. Т. 1. СПб., 1886. С. 110
- 3 Любавский М.К. История царствования Екатерины II. М., 1911. С. 23
- 4 Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 7–25
- 5 Gooch G.P. Catherine the Great. L., etc., 1954. P. 8; Записки императрицы... С. 62
- 6 Ключевский В.О. Русская история. Кн. 3. М., 1993. С. 181
- 7 Каменский А.Б. «Под сенью Екатерины». СПб., 1993. С. 181
- 8 Цит. по: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II: 1762–1774. СПб., 1890. С. 205–206

- 9 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 13. М., 1994. С. 256; Чечулин Н.Л. Указ. соч. С. 96
- 10 Цит. по: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 72
- 11 Каменский А.Б. Указ. соч. С. 239
- 12 Cronin V. Catherine the Great, Empress of all the Russias. L., 1978. P. 105; Gooch G.P. Op. cit. P. 10–11
- 13 Понятовский С.А. Великая княжна Екатерина Алексеевна // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 42; Valloton H. Catherine II. P., 1955. P. 149
- 14 Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 241
- 15 См. Там же.
- 16 Ключевский В.О. Указ. соч. С. 182
- 17 Сборник Русского императорского исторического общества (Сб. РИО). Вып. 10. СПб., 1884. С. 330; Записки императрицы... С. 537–545, 583–584
- 18 Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 19
- 19 Записки императрицы... С. 218
- 20 Век Екатерины II... С. 20
- 21 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 124
- 22 О.А. Иванов, изучавший корреспонденцию А. Орлова, сомневается в подлинности последней записки (см.: Иванов О.А. Загадки писем А. Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1–3)
- 23 Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 126; Сб. РИО. Вып. 7. СПб., 1876. С. 609
- 24 Ключевский В.О. Указ. соч. С. 90, 92–93
- 25 Сб. РИО. Вып. 10. С. 330; Записки императрицы... С. 537–545, 582–584
- 26 Там же. С. 621
- 27 Записки императрицы... С. 627; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 252; Екатерина Великая — эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 181; Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 113, 118
- 28 Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 55–56
- 29 Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 45
- 30 Ключевский В.О. Указ. соч. С. 230–231
- 31 Сб. РИО. Вып. 13. СПб., 1873. С. 373
- 32 Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 54; Valloton H. Op. cit. P. 191–192; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 13. М., 1994. С. 256
- 33 Стегний П.В. Первый раздел Польши и русская дипломатия // ННИ. 2001. № 1. С. 166, 165, 167, 170; Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 132, Valloton H. Op. cit. P. 192
- 34 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 14. М., 1994. С. 30
- 35 Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 265–266
- 36 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 4

- 37 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 256; АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1768. Д. 201. Л. 17
- 38 Сб. РИО. Вып. 19. СПб., 1876. С. 58–60
- 39 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 373, 374, 377, 390; Кн. 15. М., 1995. С. 8; ННИ. 2001. № 1. С. 166
- 40 Архив Государственного совета (АГС). Т. 1. СПб., 1869. Стб. 7;
- 41 АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1769. Д. 8. Л. 123; Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 131
- 42 Там же. С. 102
- 43 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 14. С. 230
- 44 ННИ. 1996. № 1. С. 56; Черкасов П.П. Франция и Русско-турецкая война, 1768–1774 гг.
- 45 Тарле Е.В. Чесменский бой // Сочинения. Т. 10. М., 1959; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 14. С. 364
- 46 АГС. Т. 1. Стб. 43–44; Соловьев С.М. История России... Кн. 14. С. 299
- 47 Там же. С. 355
- 48 АГС. Т. 1. Стб. 68
- 49 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 455
- 50 Сб. РИО. Вып. 20. СПб., 1877. С. 291–292, 296–300
- 51 АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1770. Д. 507. Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 21
- 52 Там же. Д. 293. Л. 1–2, 5–19
- 53 Соловьев С.М. Сочинения. Т. 14. С. 459–461
- 54 Там же. С. 382–384; Туполев Б.М. Фридрих II. Россия и первый раздел Польши // ННИ. 1997. № 6
- 55 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 15. М., 1995. С. 63
- 56 АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 3–6; 1771. Д. 520. Л. 34–36
- 57 Сб. РИО. Вып. 19. С. 259; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 1
- 58 АВПРИ. Ф. Венская миссия. 1771. Д. 39. Л. 107; 1772. Д. 42. Л. 61
- 59 Письма и записки Екатерины II к графу Н.И. Панину. М., 1863. С. 118–119
- 60 Сб. РИО. Вып. 19. С. 165–167, 286–287, 305; АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1679. Л. 58
- 61 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 14. С. 473, 521; АГС. Т. 1. С. 197
- 62 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1771. Д. 39. Л. 110–111; Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 58
- 63 Там же. Л. 12–15
- 64 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 14. С. 380, 532; Madariaga I. Op. cit. P. 225
- 65 АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 12–15
- 66 Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 139; АГС. Т. 1. Стб. 83–84
- 67 Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 161

- 68 *Arneth A.* Joseph II und Katarina fon Russland. Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. Bd. 1. S. 362
- 69 *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 175
- 70 АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1678. Л. 81–82
- 71 Там же. Д. 1685. Л. 49–50, 53, 55
- 72 Там же. Д. 1678. Л. 103, 113–114
- 73 Там же. Д. 1688. Л. 5, 8
- 74 *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. С. 14, 23
- 75 АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1772. Д. 1685. Л. 128
- 76 *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 215
- 77 Там же. С. 209, 221, 245
- 78 Там же. С. 221, 245
- 79 Там же. С. 348, 222
- 80 *Семенова Л.Е.* Отношения Дунайских княжеств с Османской империей // ННИ. 1986. № 5. С. 70–73
- 81 *Дружинина Е.И.* Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 274
- 82 *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир... С. 245, 227, 246
- 83 Там же. С. 248; АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1773. Д. 1760. Л. 115
- 84 *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 253, 257
- 85 АГС. Т. 1. Стб. 270, 271; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 15. С. 74
- 86 АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1773. Д. 254. Л. 120; Д. 255. Л. 17, 29, 31, 74; 1774. Д. 261. Л. 15, 16–18, 22, 41, 50
- 87 Там же. Л. 58, 72
- 88 Там же. Д. 553. Л. 40, 67, 77
- 89 Там же. 1771. Д. 580. Л. 99–100; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 15. М., 1995. С. 78
- 90 Чтения ОИДР. М., 1865. Кн. 2. С. 300
- 91 *Петров А.И.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. 5. СПб., 1874. С. 189
- 92 Там же. Приложения. С. 191–192
- 93 *Румянцев П.А.* Документы. Т. 3. М., 1955. С. 24–41
- 94 Текст Кючук-Кайнарджийского договора опубликован: *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 24–41; и в виде приложения в книге Е.И. Дружининой о данном мире
- 95 *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир... С. 295, 301, 352, 355
- 96 Цит. по: Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952. С. 275
- 97 *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой. Крымская эпопея. ННИ. 2001. № 4. С. 129
- 98 *Fisher A.* The Russian Annexation of the Crimea. Cambridge (USA), 1970. P. 93

- 99 *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку 1734–1799. М., 1991. С. 93
- 100 *Fejto F.* Un Habsburg revolutionnaire Joseph II. Portrait d'un despot eclaree. P., 1953. P. 328
- 101 *Arneth A.* Op. cit. S. 66, 68, 72–88; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1781. Д. 635. Л. 234; Д. 634. Л. 7–8
- 102 Цит. по: Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 212
- 103 *Arneth A.* Op. cit. S. 146–148, 152–154
- 104 Ibid. P. 169–175
- 105 *Fejto F.* Ibid. P. 251; Век Екатерины II... С. 65
- 106 Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 323
- 107 См. С. 30
- 108 *Елисеева О.И.* Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. М., 1997. С. 13
- 109 Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка... С. 155
- 110 Век Екатерины II. Россия и Балканы. М., 1998. С. 65
- 111 *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 249; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 13–223
- 112 *Fejto F.* Op. cit. P. 283
- 113 *Arneth A.* Op. cit. P. 295
- 114 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 781
- 115 *Петров А.Н.* Указ соч. С. 56
- 116 АГС. Т. 1. С. 504; Сб. РИО. Вып. 29. СПб., 1881. С. 527
- 117 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 783
- 118 Там же. С. 785, 232, 529, 233
- 119 Там же. С. 787, 819, 233, 238, 239
- 120 The Cambridge History of British Foreign Policy. V. 1. Cambridge, 1922. P. 191
- 121 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 304
- 122 *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 227–228
- 123 *Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. Ч. 1. М., 1946. С. 25
- 124 Там же. С. 24–25; Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 420
- 125 Там же. С. 847; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 74
- 126 *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 180–182
- 127 *Fejto F.* Op. cit. P. 310
- 128 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 330, 851, 337
- 129 Там же. С. 376; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 57, 82
- 130 *Шахмагонов Н.Ф.* От Очакова до Измаила. М., 1991. С. 49; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 87, 92
- 131 *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 86, 84, 85; *Arneth A.* Op. cit. P. 349, 350; Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 397, 420

- 132 АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 192. Л. 3–4; The Cambridge History... Р. 193, 133; АГС. Т. 1. Стб. 810
- 134 *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 102; Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 916
- 135 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 426
- 136 Там же. С. 941, 943, 955; *Елисеева О.А.* Указ. соч. С. 110
- 137 *Станиславская А.М.* Англо-русские отношения в конце XVIII века // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 12. М., 1957. С. 119; АГС. Т. 1. Стб. 119
- 138 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 945, 946, 949
- 139 *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 197, 223; Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 946, 945; *Елисеева О.А.* Указ. соч. С. 115
- 140 Екатеринина II и Г.А. Потемкин... С. 941; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 223, 211
- 141 Век Екатерины II. С. 241
- 142 Екатерина II и Г.А. Потемкин... С. 936, 246
- 143 Там же. С. 159–161
- 144 *Григорovich Н.* Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. Вып. 29. СПб., 1884. С. 826
- 145 АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1791. Д. 33. Л. 1–11; Под стягом России. М., 1992. С. 248–252, 238–247
- 146 *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 267, 478; Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина... С. 387
- 147 *Виноградов В.Н.* Век Екатерины // Первое сентября (прилож. История). Март 2000. № 10. С. 13
- 148 История СССР. Т. 3. М., 1967. С. 542–543; Литературное наследство. № 29–30. М., 1937. С. 411–412
- 149 Французская буржуазная революция XVIII века. М., 1941. С. 162; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 285
- 150 Письма Екатерины II к Гримму. СПб., 1878. С. 479, 560, 503, 500
- 151 Сб. РИО. Вып. 42. СПб., 1885. Стб. 208–211
- 152 *Lariviere Ch.* Catherine II et la révolution Française. P., 1895. P. 365, 366, 371
- 153 Сб. РИО. Вып. 70. СПб., 1890. Стб. 631
- 154 АВПРИ. Ф. Сношения с Францией. 1791. Д. 486. Л. 11
- 155 Там же. Л. 13; Французская буржуазная революция... С. 158
- 156 Очерки истории СССР... С. 410
- 157 Литературное наследство... С. 517–523
- 158 Там же. С. 537; *Sorel A.* L'Europe et la révolution Française. P. 2. P., 1922. P. 347
- 159 Французская буржуазная революция... С. 104–105
- 160 *Sorel A.* Op. cit. P. 33

- 161 Соловьев С.М. Собрание сочинений. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1997. С. 430
- 162 Там же. С. 376; Сб. РИО. Вып. 70. СПб., 1890. С. 631
- 163 Храповицкий А.М. Памятные записки А.М. Храповицкого. М., 1990. С. 258
- 164 Sorel A. Op. cit. P. 219, 291, 346–347; Французская буржуазная революция... С. 150
- 165 Соловьев С.М. Указ. соч. С. 432–433
- 166 Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989. С. 132
- 167 Павленко Н.И. Указ. соч. С. 290, 291; История внешней политики России. Век восемнадцатый. М., 1994. С. 197
- 168 Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 273

БАЛКАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОПЕИ

После смерти Екатерины в Зимнем дворце, по словам Г.Р. Державина, зашумели «ботфорты, тесаки и будто по завоеванию города ворвались в покои везде воинские люди с великим шумом». На плацу император Павел Петрович спешно переучивал военному делу прославленные потемкинские и суворовские полки. Убеленные сединой, увешанные орденами генералы учились шагать, равняться, отдавать честь эспантоном. Туго поддававшиеся науке подлежали изгнанию из армии. За неполных пять лет управления царь отправил в отставку 7 фельдмаршалов (включая Суворова), более 300 генералов и 2 тысячи штаб- и обер-офицеров. Унтер-офицеров, костяк и оплот армии, вооружили средневековыми алебардами: они так красиво выглядели на парадах! Удобную форму, введенную Потемкиным, Павел именовал мужицкой, солдат переодели в узкие мундиры немецкого образца пятидесятилетней давности.

И все же Павел был не слабоумным или душевнобольным человеком, каковым его иногда изображали, а всего лишь крайне неуравновешенным и неврастеничным, вспыльчивым и взбалмошным. Он получил хорошее домашнее образование, кроме родного языка говорил по-французски и по-немецки, разбирался в церковнославянском, был знаком с итальянским, проявлял способности к математике, отличался остроумием в беседе. Ростом Павел не вышел, но был крепок телом, прекрасно ездил на коне, слыл искусным танцором, на балах выступал в первой паре в менуэте с супругой Марией Федоровной.

На престол он вступил с самыми благими намерениями, объявив всенародно, что не собирается «отказать любезным подданным в нужном и желанном ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений»¹. Численность армии он сократил на треть, снял недоимки по налогам, сократил барщину до трех дней в неделю, запретил продавать дворовых без земли. При Павле в Дерпте (Тарту)

открыли университет, училище для офицерских сирот, много школ для солдатских детей. Но он же раздал полмиллиона душ в частные руки, превратив их в крепостных².

Павлу ставят в заслугу освобождение Н.И. Новикова из крепости, А.Н. Радищева и Т. Костюшки из ссылки. Но он же отправлял в тюрьму, часто в минуту гнева, сотни и тысячи людей. Александр I при восшествии на престол амнистировал 13 тысяч человек, таков был масштаб произвола родителя. Неудивительно, что добрые замыслы Павла Петровича забывались, а злые и запальчивые поступки запечатлевались в памяти современников. Его сын Константин заметил однажды: «Отец объявил войну здравому смыслу с твердым намерением не заключать мира».

Царствование Павла нельзя осмыслить без обращения к его юности и зрелости, к десятилетиям, проведенным в страхе перед матерью и ненависти к ней. Он считал себя законным наследником Петра III, отстраненным ею от престола. Отсюда — обожествление Петра Федоровича, доходившее до кошунства, вроде коронации его трупа. И все же главное — не в личных разногласиях с матерью, а в полном расхождении их взглядов на методы правления. Свое совершеннолетие (1774 год) Павел отметил составлением записки «Рассуждение о государстве вообще, числе войск, потребных для защиты одного и касательно обороны всех пределов». Ознакомившись с ней, Екатерина поняла: сын собирается похоронить все, что она уже сделала или еще стремилась совершить, — отказаться от каких-либо завоеваний или союзов, отгородиться от мира цепью крепостей, превратить солдат в наследственную касту, бороться с продажностью чиновников и разболтанностью государственного аппарата с помощью иерархической субординации. Никакой выборности, ликвидация даже дворянских собраний, безоговорочное подчинение сверху донизу; монарх — единственный созидатель, толкователь и исполнитель законов. (Позднейшая формула: «Нет лутче образа правления как самодержавие, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного».)³ Безусловное подчинение царской воле, без сомнений и размышлений. Все это напоминало казарму в государственном масштабе.

На смену мудрой государыне, окруженной опытными советниками и блистательными генералами, ценившей людей умных и инициативных, но все же не успевшей или не посмевшей осуществить многое из задуманного, убоявшись крестьянских бунтов и гнева дворянства, пришел истеричный эгоцентрист. Формула: «Каждый человек имеет значение, поскольку я с ним говорю», а не сам по себе, делала ненужным обращение по делам государства к людям таланта и характера.

Стремительное возвышение брадобрея И.П. Кутайсова в графы символично: уж кто как не цирюльник ближе всех к самодержцу? Павел сумел сделать так, что все его деяния толковались современниками не в его пользу. «Царский гнев предстал истерикой душевнобольного, царская воля — манией идиота, царская милость — капризами деспота, царский суд — расправой тирана», — пишет его биограф⁴.

Внешняя политика не терпит истерики, она требует от людей, ее осуществляющих, холодного рассудка, выдержки, умения выжидать, терпеть и маневрировать, принимать взвешенные решения, — всего того, чем Павел не обладал и в помине. Дипломатия не любит взрывчатого темперамента. Трудно уловить какую-либо последовательность (не говоря уже о системе) в деятельности Павла Петровича на сем хлопотливом поприще. Он начал с попытки восстановить мир на континенте, продолжил войной с революционной Францией и завершил подготовкой войны с Англией.

Конец XVIII столетия — самое неподходящее время для представления народу «отдохновения» от испытанных прежде «изнурений». В апреле 1796 года мало кому известный молодой генерал, корсиканец по происхождению Наполеон Бонапарт во главе 35-тысячной армии, плохо вооруженной и снабженной, вторгся в Италию и начал одерживать одну победу за другой. Итальянский фронт из второстепенного превратился в главный в противостоянии революционной Франции с вражеской коалицией. Сардинская армия сопротивлялась две недели, австрийцы держались почти год и подписали перемирие в марте 1797-го, когда французы двигались уже к Вене. На переговорах в Кампоформо генерал Бонапарт диктовал условия мирного договора Священной Римской империи германской нации. С ее уполномоченным Л. Кобенцлем он не церемонился и кричал ему в лицо: «Ваша империя — старая служанка, которая привыкла к тому, что все ее насилуют. Вы торгуетесь здесь со мной, а забываете, что окружены моими гренадерами». В гневе он швырнул на пол и разбил вдребезги драгоценный сервиз. По договору Австрия уступила Франции Бельгию, согласилась на проведение границы по Рейну и образование в Северной Италии Цизальпинской республики. В возмещение потерь Габсбургам передали Венецию, включая ее владения по Далматинскому побережью Адриатического моря. Париж расплачивался с Веной балканскими территориями. По ходу дел в том же 1797 году французы высадились на Ионических островах, находившихся на расстоянии ружейного выстрела от берегов Албании — в зоне непосредственных российских интересов. Галльские смутьяны претендовали на ту роль в регионе, которую Зимний дворец отводил себе. Бонапарт писал Ди-

ректории: «Обладание Ионическими островами дает Французской республике возможность или сохранить Османскую империю, либо захватить ее часть». В Константинополе, хотя и не ведали об откровениях генерала, четко сознавали серьезность нависшей над державой опасности. И уж совсем здесь не подозревали, что неугомонный завоеватель вынашивает иной план, не менее зловещий.

10 декабря 1797 года Париж чествовал победителя. «Несметные толпы народа запрудили улицы... Экипаж генерала, сопровождаемый почетным эскортом, с трудом продвигался вперед — так плотно окружали его тысячи людей, выкрикивавших приветствия». Во дворе Люксембургского замка собралась элита республики. Приветствовавший триумфатора член Директории П. Баррас представил итальянскую кампанию как отмищение за покорение Галлии, учиненное Юлием Цезарем: «Он принес на нашу землю рабство и разрушение, Вы принесли его античной родине свободу и жизнь». Оратор скромно умолчал при этом, что Италия была разграблена, из нее были выкачаны миллионы на пополнение оскудевшей парижской казны и вывезены несметные сокровища искусства. Скептически отнеслись к торжеству лишь старые республиканцы: «Столько славы несовместимо со свободой»⁵.

У членов Директории в душе зародилось сомнение: а останется ли своевольный Бонапарт, и в Италии мало прислушивавшийся к советам из Парижа, после обрушившейся на него славы генералом республики в подлинном смысле слова? Станет ли послушно подчиняться конституционной власти? Поэтому родившийся в голове у честолюбца план — предпринять экспедицию в Египет, чтобы оттуда добратъся до Индии и нанести сокрушительный удар по Британской империи, — возражений не вызвал, хотя Египет входил в состав Османской державы, с которой у Франции уже более 200 лет, со времени Сулеймана Великолепного и короля Франциска I, сложились безоблачные отношения, что весьма способствовало средиземноморской торговле. Турция исправно служила южным звеном в сооруженном Людовиками Восточном барьере. А тут — открытый вызов старому другу и верному союзнику...

Правда, Бонапарт в письмах великому везиру представлял экспедицию совсем в ином свете: две империи, Российская и Габсбургская, «предварительно уже поделившие Польшу, вынашивают те же замыслы относительно Турции. В создавшихся условиях Блистательная Порта должна воспринимать французскую армию как преданную ей и готовую выступить против ее врагов»⁶. Но таковых тогда не существовало: Порта пребывала в условиях мира, и грубая стряпня Бонапарта с целью вовлечь ее в новый конфликт успеха не имела. Султан

Селим III негодовал и в сентябре 1798 года объявил войну Франции. Директория сообщила Бонапарту, будто «сбитая с толку коварными советами и угрозами» Лондона и Петербурга Порта подняла оружие против «старого друга».

Вряд ли Наполеон нуждался в подобной информации, война уже шла. Солнечным утром 19 мая 1798 года грозный флот — линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги — с 36-тысячной армией на борту снялся с якоря в Тулоне и взял курс на страну пирамид.

С высоты веков египетский поход представляется грандиозной авантюрой. Громадный флот был разгромлен знаменитым впоследствии адмиралом Г. Нельсоном в сражении у Александрии, и армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции. После внушительных побед в битве при пирамидах и других боях, попытка Наполеона пробиться через Сирию в Индию провалилась, и он бросил армию на произвол судьбы, выступавшей в данном случае в образе английских войск. Армия сделалась жертвой чумы, а остатки ее сдались в сентябре 1801 года.

А на континенте за прошедшее в отсутствие Бонапарта время произошли большие перемены, и все к пагубе Франции. В результате итальянского похода А.В. Суворова французские позиции в регионе были подорваны. Режим Директории во Франции переживал кризис, идея государственного переворота витала в воздухе. Разумеется, Бонапарт не стал разглагольствовать, что оставил полки в Египте на погибель, нет — они «находятся во вполне удовлетворительном состоянии», он же вернулся, чтобы спасти родину от обрушившихся на нее бед. 18 брюмера (9 ноября) 1799 года переворот состоялся, гражданин Наполеон Бонапарт превратился формально в первого консула, а фактически — в диктатора страны, окруженной кольцом врагов.

Генерал сам нанес тяжелый удар по отношениям с Россией и, что не менее важно, по чувствам императора Павла, когда по пути в Египет захватил остров Мальту (июнь 1798 года), ключевую британскую военную базу в Средиземноморье, и между прочими распоряжениями приказал российскому консулу убраться из Лавалетты, дав на сборы три часа. Рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского) разбежались кто куда. Никакие российские интересы на Мальте не пострадали за отсутствием таковых. Но...

Польские капитулы ордена догадались избрать Павла великим магистром. Услужливая габсбургская дипломатия, стремившаяся вовлечь Россию в антифранцузскую коалицию, уговорила гротескного ордена Гомпеша подать в отставку. Склонный к мистицизму, проникнутый рыцарскими чувствами Павел принял в Петербурге

делегацию «братьев», привезшую с собой полагающиеся регалии, и сообщил подданным о своем новом сане. В Петербурге начали жечь какие-то ритуальные костры, проводить шествия. Поползли слухи: царь-батюшка поддался католической ереси. Ход «мальтийским конем» увенчался успехом, в октябре 1798 года, по словам вполне верно-подданного историка Н.К. Шильдера, «удалось выманить российские войска за границу». «Екатерина, — замечал он, — не занялась бы спасением Европы»⁷.

Гораздо более продуманными и целеустремленными выглядят действия российской дипломатии на юге. Вторжение французов на Ионические острова знаменовало их проникновение на Балканы, египетская экспедиция породила страх. Зондаж в Константинополе выявил общность взглядов на необходимость дать отпор зарвавшимся галлам, и не только по соображениям стратегии. Обе стороны стояли на почве легитимизма и охранительных начал. Реис-эффенди Ахмед-Афиф-паша вел с посланником В.С. Томарой прямо-таки душевные беседы: в отличие от обычных, из-за территорий, столкновений, «война с Францией — это вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы идут сокрушать всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете». В.И. Шерemet констатирует: «Реальная опасность потерять свои владения, а может быть, и независимость, привела Османскую империю к союзу с Россией. Стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке и борьба с растущим влиянием идей Французской революции привели Россию к союзу с Османской империей»⁸. И в Стамбуле, и в Петербурге восторжествовал курс на сотрудничество на основе Ясского договора. Селим III связывал активную восточную политику Петербурга с личностями Екатерины и Потемкина, ушедших в небытие, с берегов Невы к нему поступали успокоительные заверения. В начале августа 1798 года, после битвы у пирамид, султан обратился к царю за помощью.

Завязавшиеся переговоры шли гладко, но еще до их завершения, 23 августа (2 сентября) эскадра адмирала Ф.Ф. Ушакова прибыла на Босфор. Прием превзошел все ожидания, «по всем ведомствам блистательная Порты... весь народ Константинополя... бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны», — докладывал Ушаков⁹. Селим III инкогнито посетил флагманский корабль и уже официально щедро одарил адмирала. Корабли получили санкцию на свободный проход через Босфор и Дарданеллы. 30 сентября (10 октября) султан порвал отношения с Францией, и послу П. Рюффену пришлось переселиться в Семибашенный

замок, правда, содержали его в более комфортных условиях, нежели российских предшественников, ему даже подавали кофе. Канцлер А.А. Безбородко простодушно изумлялся: «Надо же было вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какую я не только на своем министерстве, но на веку своем видеть не чаял, союз наш с Портою, и переход флота нашего через Канал». Во главе объединенной русско-турецкой эскадры был поставлен Ф.Ф. Ушаков, ему помогал патрон-бей (контр-адмирал) Абдул Кадыр, опытный и смелый моряк.

28 сентября (9 октября) эскадры подошла к острову Цериги. Корабли штурмовали бастионы — пушечный огонь с моря, приступ десанта с суши. Французский гарнизон храбро сопротивлялся три дня. Ушаков проявил себя как крупный политик и гуманный человек: пленным сохранили знамена и оружие под обязательство не воевать против России. Жителям адмирал объявил, что предоставляет управление островом выборным лицам «из дворян и лучших обывателей из граждан», то есть ввел на Цериги местное самоуправление. 14 (26) октября та же участь постигла крепость на острове Занте. Здесь пленных французов пришлось приводить на суда под крепким караулом, носители идей свободы, равенства и братства разоряли обитателей подчистую, и те были готовы их растерзать¹⁰. «Дело» на острове Кефаллония облегчилось тем, что жители еще до прихода эскадры загнали оккупантов за крепостные стены, так что высадиться удалось беспрепятственно. Затем наступила очередь островов Итака и Святая Мавра. Надолго пришлось задержаться у острова Корфу, самого крупного в архипелаге и хорошо укрепленного венецианцами — 3-тысячный его гарнизон укрылся в цитадели. Чтобы избежать больших потерь при штурме, Ушаков решил предварительно занять соседний островок Видо, высоты которого господствовали над окружающей местностью. 18 февраля (1 марта) 1799 года это удалось осуществить, и комендант крепости на Корфу, считая бессмысленным дальнейшее кровопролитие, сложил оружие. Победителям достались богатые трофеи — 400 пушек, гаубиц и мортир, 5,5 тысяч ружей, несколько кораблей. «Радость греков была неописанна и непритворна, — вспоминал очевидец. — Русские зашли как будто на свою родину». Адмирал приступил к организации на островах самоуправления. Суворов в своем поздравлении писал: «Ура! Русскому флоту!... Я теперь говорю само себе: зачем я не был при Корфу хотя мичманом!»¹¹.

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) состоялось подписание оборонительного союзного договора с Турцией на 8 лет, предусматривавшего свободный проход Черноморского флота через Босфор и Дарданел-

лы. Стороны объявили этот акваторий закрытым для военных судов других стран. Россия гарантировала Османской империи целостность ее владений в пределах, существовавших до последних французских посягательств. Турция засвидетельствовала отсутствие у нее территориальных претензий к союзнику. Совокупность подписанных условий способствовала упрочению безопасности южных российских рубежей. Обозначились контуры отношений двух стран в духе согласия в рамках, очерченных Яским трактатом¹². Высокая Порта примкнула ко второй антифранцузской коалиции.

Адмирал Ушаков продолжал кампанию на Средиземном море. Отношения с адмиралом Г. Нельсоном у него не сложились. Тот считал эскадру под Андреевским флагом вспомогательной силой, призванной обслуживать британские интересы, и настаивал на ее отплытии в египетские воды. «Египет — первая цель, Корфу — второстепенная». Ушаков придерживался иной точки зрения и полагал, что следует заставить ключами от подступов с моря к Западным Балканам. (Реакция Нельсона среди своих: «Я ненавижу русских... Адмирал — негодяй».)¹³

Ушаков собирался отплыть к острову Мальта, на помощь английскому флоту, блокировавшему его берега, не без мысли о том, что Павел как-никак являлся магистром Мальтийского ордена. Нельсон отверг поддержку, британцы в ней не нуждаются, последний оплот французов, Лавалетта, накануне падения. Жители поставили себя под покровительство Великобритании¹⁴. Владычица морей желала утвердиться на ключевой позиции в Западном Средиземноморье. И пришлось Ушакову со своей эскадрой отправляться к берегам Неаполя и помогать там, во исполнение союзного долга, восстанавливать власть тупого и ограниченного тирана, короля Фердинанда.

Далеко не безоблачно складывались отношения и с прочими, помимо Англии, партнерами по второй антифранцузской коалиции. Австрийцы по Кампоформийскому миру 1797 г. обзавелись полосой земли на Далматинском побережье Адриатики. Черногорский митрополит Петр I Негош жаловался Павлу: «Сила австрийского оружия простерлась до самой Черной горы». Царь живо откликнулся на обращение митрополита, импульсивность его натуры проявилась в самом тоне его грамоты Негошу и старейшинам: «Усмотрев же ваше прошение о подтверждении императорского нашего благоволения о неоставлении вас и всего черногорского и бердского славяно-сербского общества нашим императорским покровительством по единоверию и уважение к вашей храбрости и заслугам, восхотели мы подать вам... новые удостоверения, что мы не перестанем принимать участие в

жребии вашем». На полях прошения — царские пометы: «выдать»; «послать грамоту в требуемом смысле»; «дать крест»¹⁵. Цетинскому монастырю выслали «милостинные деньги» за прошедшие годы и на 6 лет вперед, установили ежегодную «пенсию или пособие» в размере 3 тысяч червонных (9 тысяч рублей). Архимандриту Вукотичу, посланцу Негоша, пожаловали золотой крест и снабдили его церковными книгами, посланникам в Константинополе и Неаполе, резиденту в Дубровнике (Рагузе) предписали защищать черногорские интересы.

Существовали обстоятельства, побуждавшие относиться к Негошу с особым вниманием. Зловредный Буонапарте, сообщал консул с острова Корфу, совращал население «демократическими мыслями», он разослал «во все острова востока, бывшие перед тем венецианскими, повеление, дабы знать жителям Мореи, Кандии, Албании его намерения касательно сей любезной стороны и предлагал войска для возвращения вольности потомкам Ликурга». Логично было предположить, что славяне тоже подвергнутся соблазну. Митрополит Негош, хоть и не потомок Ликурга, с посланием Бонапарта ознакомился, и российская консульская служба раздобыла его письмо генералу¹⁶. Последствий оно не имело, но следовало быть начеку.

Павел очутился в деликатном положении: поступавшие с Балкан жалобы на притеснения и обиды касались Высокой Порты и Габсбургской монархии, с которыми он состоял в союзе и потому не мог портить отношения и ссориться. Царская грамота южным славянам содержала многозначительную фразу: «Мы не перестанем принимать участие в жребии вашем поколику положение наше позволит»¹⁷. Ведомство иностранных дел успокаивало себя мыслью, что Вене и Стамбулу совсем ни к чему обострять отношения с Россией на почве балканских дел. В обращении к христианам рассеивались их тревоги и опасения, а резидентам предписывалось внимательно следить за ситуацией, дабы заблаговременно дипломатическими мерами предупреждать конфликты. Посланнику в Стамбуле В.С. Томаре царь выражал уверенность, что Порта перестала руководствоваться «прежними правилами лютости в рассуждении христиан» и впредь «не будет притеснять народ черногорский», требуя от дипломата прибегать к «заступлению дружескому» и «свойственному по единоверию участию в пользе сего народа»¹⁸. Самим черногорцам император обещал заступничество по дипломатической линии: «Не полагаем мы, — говорилось в его грамоте от 1 (12) января 1799 г., — чтоб со стороны Римского императора и Порты Оттоманской могли чинимы быть вам какие-либо притеснения в законных правах ваших, о чем мы, тшася о благосостоянии вашем, повелели послу нашему в Вене и министру в Константинополе ото-

зваться». Особо подчеркивалась роль эскадры Ушакова как фактора смягчения напряженности: «тем менее можете вы подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действий противу народа, покушающегося везде истребить законные правления, и, что еще больше, ищущего вредить вере христианской (то есть французов. — *Авт.*), не оставит в нужде всякую помощь вам оказать»¹⁹. Действительно, завершающие годы XVIII столетия выдались на Балканах сравнительно спокойными в смысле межэтнических конфликтов. В Петербурге утверждалась мысль о выгодности добрых отношений со «слабым соседом», Османской державой, на юге. Росло чувство неотвратимости схватки с наследником и могильщиком Французской революции.

Император Франц обратился к Павлу с просьбой назначить А.В. Суворова главнокомандующим союзными войсками в Италии. И в село Кончанское, где жил опальный фельдмаршал, явился гонец с царским письмом. Монарх просил полководца забыть старые обиды и взять на себя трудную миссию. Суворов откликнулся. 4 (15) апреля 1799 г. он прибыл на место и продемонстрировал своего рода мастер-класс военного искусства, блицкриг образца XVIII столетия: взял крепости Брешию и Бергамо; нанес французам поражение на реке Адда; занял Турин; разгромил неприятеля на реке Треббия; одержал победу в бою при Нови 4 (15) августа. За 4 месяца он очистил от неприятеля Северную Италию, перечеркнув итоги итальянской кампании Бонапарта.

Суворов сделал свое дело и ему, по логике союзников, следовало удалиться. Его отправили в Швейцарию на помощь сражавшемуся там корпусу А.М. Римского-Корсакова. Последовал легендарный Швейцарский поход. Преодолев перевалы Альп, Суворов российских войск за ними не обнаружил, они были разбиты вместе с поддерживавшими их австрийцами и частично пленены. Фельдмаршал с большими потерями прорвался еще раз через горы в Австрию и прибыл в Аугсбург.

Павел на интриги союзников реагировал с присущей ему порывистостью. «Бескорыстный романтик реставрации старого порядка и вторжения во Францию, Павел I возненавидел коалицию», — писал А.С. Трачевский²⁰. Цесарцы не спешили с восстановлением на тронах свергнутых монархов. Царь заявил, что впредь не намерен приносить русских солдат в жертву австрийским интересам и порвал союз с Габсбургами. 11 (22) октября Суворов получил приказ возвращаться с войсками на родину.

Итальянская кампания — завершение карьеры великого полководца и вершина его славы. Суворов удостоился высших почестей —

генералиссимус, светлейший князь Италийский, принц Сардинского королевства. В Петербурге ему готовили торжественную встречу, но к приезду героя настроение взбалмошного царя изменилось: никаких торжеств. Болезнь и смерть, похороны по рангу фельдмаршала, а не генералиссимуса. Павел в похоронной процессии не участвовал, но наблюдал ее из переуллка. Почему?.. Много загадок оставил после себя «романтический наш император», как его именовал Пушкин.

В тупик зашло сотрудничество с англичанами. Над Мальтой развевался британский флаг, царь, как магистр ордена иоаннитов, оказался в глупом положении, с ним совершенно не считались (правда, его спросили, не хочет ли он «освободить» Корсику, к которой Лондон не проявлял интереса). Совместная англо-российская экспедиция в Голландии завершилась катастрофой. Вдобавок ко всему владычица морей присвоила себе право контроля над судоходством, корабли его величества останавливали для досмотра суда нейтральных и даже союзных стран под предлогом борьбы со снабжением Франции. Произвол царил полнейший. 25 августа (5 сентября) 1800 г. Павел объявил о разрыве дипломатических отношений с Англией.

Тут бы остановиться и «терпеливо и не изнурая себя», как он выражался ранее, поразмыслить, подождать развития событий. Но нет, терпения не хватало, выдержка отсутствовала. Он наложил запрет на выгодную и прибыльную торговлю с Великобританией.

В Париже в оба глаза следили за развалом неприятельской коалиции. Первый консул Наполеон Бонапарт и министр иностранных дел Ш.М. Талейран приступили к далекоидущей игре с целью сближения с Россией, воспользовавшись самым что ни на есть гуманным предложением — обменом пленных. Бонапарт пригласил к себе нескольких русских офицеров и ласково с ними беседовал. Те поблагодарили его в письме, которое немедленно появилось в официальном «Монитере». Прибывшего во Францию генерала Г.М. Спрингпортена встретили с почестями, ему по чину не положенными, вроде почетного караула, и предложили ему отправить в Россию 6 тысяч военнопленных не только с оружием, но и сшить им новые мундиры взамен изношенных. В Париже отыскивали меч одного из магистров Мальтийского ордена и отправили его в дар Павлу. Талейран сочинил письмо на имя своего петербургского коллеги, но явно предназначенное для царских глаз, с тонкой игрой на оскорбленных чувствах Павла Петровича: первый консул республики знает, что «англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию российских войск». Брошенная как бы мимоходом фраза о «возвращении Бонапарта из Египта» ненавязчиво напоминала, что против Суворова он не воевал. Высокая

оценка заслуг российских войск выставлялась напоказ и в противовес неудачникам-союзникам²¹.

Парижским сиренам удалось использовать в своих интересах бурный темперамент Павла Петровича (или, как они изящно выражались, «изумительную подвижность ума»). Ориентировавшийся на Великобританию первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.П. Панин получил отставку и был заменен Ф.В. Ростопчиным. Его перу принадлежит записка на высочайшее имя от 2 (14) октября 1800 года — по сути дела, манифест нового этапа внешней политики, одобренный царем: «Апробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтобы по сему было». Записка предавала анафеме недавних союзников. Австрия характеризовалась так: «Подвигаемая корыстью, ослепленная гордостью, отказавшись от всех, кроме химерических завоеваний» (здесь помета царя: «Чего захотели от слепой курицы!») зловредная Великобритания «угрозами, хитростью и деньгами» двинула державы против Франции (помета царя: «И нас, грешных»), завладела деньгами по всему свету, «присвоила себе право осматривать корабли всех земель». И Англия, и Франция нажились на войне, одна Россия вышла из нее без всякого прироста и с потерей 223 тысяч солдат. Франция, прожив 10 лет «без закона и без правительства», предалась самовластью «иноземца Бонапарта», которому нужен мир, дабы утвердить себя «в начальстве», приобрести признательность народа и всей Европы. Ростопчин не тешил себя иллюзией насчет прочности миролюбивых устремлений Наполеона: «Бонапарт употребит покой внутренний на приготовления против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и будет не соперница, а злодей Франции».

Положение России Ростопчин представлял в розовом свете: «Австрия ползает перед Вами, чтобы восстать против Франции»; «Бонапарт старается всячески снискать благорасположение Ваше для лучшего успеха и заключения мира с Англией». Следует не таскать для других каштанов из огня войны, а стать арбитром Европы: «Россия как положением своим, так равно неистощимою силою, есть и будет первая держава мира, и по сему самому ей должно недремлющим оком иметь надзор над всеми движениями и связями государей, сильных в Европе, дабы они сами собою или содействием подвластных держав чего-либо предосудительного России» не совершили.

В своем меморандуме Ростопчин уделил внимание и восточному вопросу: Турция, «расстроенная во всех частях», безнадежно больна и на грани развала. При случае можно приступить к ее разделу: «Россия возьмет себе Романею, Булгарию и Молдавию, Австрия — Бос-

нию, Сербию и Валахию» (помета царя: «Не много ль?»). Франции предоставлялся Египет. «Грецию со всеми островами Архипелагскими учредить по примеру венецианских островов республикою», а «по времени греки и сами подойдут под скипетр российский» (помета Павла: «А можно и подвести»)²². Союз с Высокой Портой в записке представлялся конъюнктурной комбинацией, ориентация на «слабого соседа» перечеркивалась, допускался переход к откровенному экспансионизму без оглядки на то, к каким тяжелым последствиям это могло привести.

Меморандум Ростопчина не мог стать и не стал провозвестником нового курса во внешней политике России. Павловская дипломатия в известной степени восприняла высказанную еще Петром и Екатериной мысль об отсутствии у России антагонистических противоречий с Францией, «так как взаимно оба государства, Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не смогут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружеские отношения, воспрепятствовать, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству не могли повредить их интересам»²³. Тезис сам по себе был превосходен и свидетельствовал о серьезных размышлениях об установлении прочного мира. Но он предполагал отказ и той, и другой стороны от далекоидущих территориальных притязаний, способных нарушить баланс сил на континенте. А ведь Наполеон занимался этим всю жизнь! Если же учесть «замечательную подвижность ума» Павла Петровича, то шансов на установление вообще какого-либо прочного и постоянного внешнеполитического курса не существовало никаких.

И все же завязавшаяся между монархом и консулом корреспонденция содержала немало примечательного. 18 (29) декабря 1799 года Павел в своем письме изложил некоторые важные постулаты: «Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся вернуть миру спокойствие и тишину, в которых он нуждается»²⁴. Профессор А.З. Манфред счел эту фразу в устах самодержца «замечательной», поскольку республиканские принципы в ней признавались имеющими право на существование, и Павел высказывался против вмешательства во внутренние дела других государств. Он молчаливо смирился с произошедшими во Франции революционными переменами, Бонапарт допускался в сонм европейских властителей, но на определенных условиях, включавших отказ от дальнейших завоеваний. Царь и Ростопчин с позиций монархического легитимизма требовали возвращения Мальты ордену иоаннитов, «водворения Сардинского

короля в его владениях», «неприкосновенности земель» Неаполитанского королевства, Баварии и Вюртемберга²⁵.

Все это было совершенно неприемлемо для Наполеона, и завязавшиеся переговоры за буксовали. От России в них участвовал вельможа старого закала С.А. Колычев, упрямый и высокомерный. На лесть он не поддавался, от предложенной роскошной резиденции отказался, предпочтя ей особняк посольства. Талейран именовал его, разумеется за глаза, нахалом и болваном. Но нить переговоров французы не рвали, Бонапарт не топал ногами и не бил посуды, как в иных случаях. Колычев разгадал и цели их, и тактику: «Весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но и с самою Портою, дабы лишить ее сего союзника», а в дальнейшем «ослабить и унижить государство, которое одно только может удерживать равновесие в Европе», то есть Россию. Единственно, что удалось добиться Колычеву, так это признания Ионической республики. Дальнейшие беседы становились бесперспективными: «Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею — ни малейшей искренности»²⁶.

И тем не менее Павел попался в сети парижских обольстителей. Он получил письмо от первого консула с предложением совместной российско-французской экспедиции в Индию по маршруту Астрабад — Кандагар — река Инд. Современник назвал присланную бумагу «лукавым планом с целью пленить безудержную фантазию императора»²⁷. И пленил! 12 (24) января 1801 года атаман Всевеликого войска Донского В.П. Орлов-Денисов получил рескрипт с указанием поднять полки и двинуть их к Оренбургу и далее «через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, на ней лежащие», которые надлежит «разорить и угнетенных владельцев освободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в коей они у англичан, и торг обратить к нам»²⁸. По голой, насквозь продуваемой зимними ветрами степи двинулись казаки, много людей потеряли при переправе через разлившуюся Волгу, идя в неведомую Индию (хотя состояния войны с Великобританией не существовало). Зачем все это? Какие государственные соображения побуждали императора действовать на руку Бонапарту? Зачем было налагать запрет на выгодную торговлю с Англией и вызывать недовольство влиятельных кругов дворянства и купечества? Учинять поход в Индию, карту которой с трудом нашли и отправили вдогонку донцам?

Скорбный путь войска Донского прервала страшная ночь с 11 на 12 марта 1801 года. На рассвете бледный, с трясущимися губами великий князь Александр вышел к охранявшим Михайловский замок сол-

датам Семеновского полка и сказал: «Батюшка умер апоплексическим ударом. Все будет при мне, как при бабушке».

* * *

Новое царствование началось при самых добрых предзнаменованиях. Александр послал гонца в Оренбургские степи — возвращать на Дон казачье войско. Он амнистировал тысячи людей, которых гнев и раздражение отца отправили в места отдаленные. Негласный комитет его друзей, молодых вельмож, воспитанных в духе идей Просвещения (В.П. Кочубей, А.Е. Чарторыйский, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев), стал неким совещательным органом при государе с целью проведения в стране преобразований, включая и разработку продуманной внешнеполитической концепции на смену происходившим при Павле метаниям из стороны в сторону.

Н. Новосильцев на заседании 10 (22) июня 1801 года «в прекрасно составленном обзоре» показал, насколько внешние сношения «были нелепыми до настоящего времени, насколько их определяли интриги малых дворов» при полном игнорировании российских интересов²⁹. В своем разоблачительном порыве молодые люди забыли, что в политике Павла проявлялись и здравые черты, к которым относился, в частности, и союз с Турцией, способствовавший отпору захватническим устремлениям революционной, а потом и наполеоновской Франции. Исследования последнего времени сводят с пьедестала прежнюю концепцию — реакционные монархии против провозвестницы свободы, равенства и братства. Не все происходило так прямолинейно и просто. Н.Н. Яковлев-младший показал, что Великобритания вступила в войну с Францией отнюдь не во имя сокрушения прекрасных идей. Подход премьер-министра В. Питта, указывал он, «ни в коей мере не был идеологическим, тем более — доктринерским». Инициатива объявления войны 1 февраля 1793 года принадлежала не Уайт-холлу, а Конвенту, свято верившему в торжество над монархами. А всего за два дня до этого события В. Питт в бюджетной речи в Палате общин высказался за сокращение армии и флота и предрек 15 лет мира (в английской историографии его выступление нарекли «апофеозом нейтралитета»)³⁰. И Россия, и Англия воевали не против Французской революции как таковой, а против развязанного ею оголтелого завоевательного курса, против сокрушения давно сложившихся государств и установления в Европе гегемонии Парижа.

Круто расправившись на словах с предшествовавшим правлением, Негласный комитет все же использовал кое-что из его опыта, а

уж из наследия Екатерины черпал полной горстью. Граф В.П. Кочубей изложил основы новой системы: «Нужно занять такую позицию, чтобы стать желанными для всех, не принимая никаких обязательств по отношению к кому-либо, как то делала покойная императрица». Александр развил мысль своего друга: надо воздержаться от заключения союзов, обуздать честолюбие Франции и установить добрые отношения с Великобританией. Негласный комитет воспринял тезис о балансе сил в Европе. В первом же своем циркулярном рескрипте царь внушал послам мысль о необходимости «поддержания мира и равновесия между государствами Европы». Выдвинутый принцип предполагал отказ от завоеваний, что относилось и к России, которая достигла естественных границ и, по словам Кочубея, «в пространстве своем уже не имеет нужды в расширении»³¹. Отечественная историография дает положительную оценку этим выводам: внешней политике стремились придать стратегический характер, избегая по возможности случайностей при смене лиц у кормила правления, стремясь установить «примат национально-государственных интересов над волей, чувствами и даже личными обязательствами монархов». С принципами все обстояло прекрасно, но как их претворять в жизнь, как обуздать честолюбивые притязания Франции и прервать завоевательный бег ее войск? Вопрос повисал в воздухе. Россия заняла равноудаленную ото всех позицию. Лондону и Вене не удалось справиться с Наполеоном ни поодиночке, ни вместе. После разгрома австрийской армии при Маренго в 1801 году Л. Кобенцль подписал капитуляционный Люневильский договор: к Франции отошли земли по левому берегу Рейна (включая владения князей, с Наполеоном не воевавших), Бельгия и Люксембург; Австрия признала марионеточные республики — Гельветическую (Швейцария), Батавскую (Голландия), Цизальпинскую (Ломбардия) и Лигурийскую (Генуя)³².

В марте 1802 года сдалась Великобритания. Правительство его величества по Амьенскому договору обязалось вернуть Франции и Голландии их колонии, исключая острова Цейлон и Тринидад, вывести свои войска с Мальты и вернуть ее ордену Св. Иоанна Иерусалимского. Наполеон торжествовал.

Его отношения с Россией после убийства Павла I испортились. На случившийся переворот он ответил аннексией Пьемонта, образованием Итальянской республики на севере Аппенинского полуострова (1802 год), президентом которой он и стал. Для ускорения процедуры избрания она состоялась в Лионе. Наполеон вмешался в распри кантонов в Швейцарии, ввел в страну свои войска и провозгласил себя «великим координатором» Гельветической республики, гласно взяв

на себя функции третейского судьи, а негласно присвоив себе всю власть. На левобережье Рейна первый консул творил суд и расправу. Он уничтожил сословие духовных курфюрстов, а их земли передал покорным ему князьям. Лишившиеся владений или помышлявшие о приобретении новых пресмыкались перед «гражданином Бонапартом». «Фюрсты, — по словам профессора А.С. Трачевского, — наводняли его передние, жажда его подачек, они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на руках его собачку, забывали на его столе драгоценные табакерки с червонцами»³³.

Жизнь быстро опрокинула сооруженный в Петербурге картонный домик схем, должествовавших обеспечить европейское равновесие, оно разваливалось на глазах. Тихо скончалась идея «заковать Францию в ее настоящие границы», как бы утихомирить разбушевавшегося галльского петуха! По иронии судьбы Павел I, предприняв с подсказки Наполеона поход в Индию, состояния войны с Францией не прекратил, и Россия, единственная, продолжала в нем находиться. Вступать в единоборство с Наполеоном молодой император Александр не собирался, следовало, не мешкая, подключиться к процессу замирения. Трудную миссию переговоров возложили на графа А.И. Моркова, которому предстояло изыскать какую-то форму возмещения (индемнизации) королям Пьемонта и Неаполя, изгнанным с континента на острова, под охрану британского флота, а также лишившимся владений князьям с левого берега Рейна. Первый консул сразу же жестко заявил: «Сперва мир, потом все другое». Замысел восстановления хотя бы хрупкого равновесия пришлось отложить в долгий ящик, договор с односторонними уступками со стороны России все же был подписан 26 сентября (8 октября) 1801 года. Он содержал признание режима консульства, завоеваний республики и в неопределенной, ни к чему не обязывающей форме обещание консула подумать насчет индемнизации.

В Петербурге придавали большое значение 3-й статье приложенной к договору секретной конвенции, содержавшей согласие Наполеона прибегнуть к посредническим услугам российской дипломатии в предстоявших переговорах с Высокой Портой³⁴.

В сентябре 1801 года брошенные Наполеоном в Египте французские войска сложили оружие перед англичанами. Капитуляция открыла путь к примирению между Парижем и Стамбулом. Союз последнего с Петербургом трещал по всем швам. Высокая Порта без всякого восторга пребывала в царских объятьях. Диван тяготился подчиненным положением, о котором как о само собой разумеющемся говорилось в российской дипломатической переписке, и не смирился с

утратой Гюрджистана (Грузии). Сотрудничество с Францией позволяло надеяться на освобождение от российско-британской опеки³⁵.

Османская империя, казалось, приближалась к распаду. Власть султана до мест труднодоступных и отдаленных не доходила. В Албании сложились полунезависимые «княжества» Али-паши Янинского (включавшее и греческие земли) и Мустафы-паши Бушати. И по всей Румелии (европейской части страны) буйствовали разбойники кырджалии. Аян (правитель) Видина О. Пазванд оглу хозяйничал в Болгарии и учинял набеги на соседнюю Валахию. Вторжения из-за Дуная начались здесь в 1797 году и продолжались пять лет. Прибывшие в княжество султанские войска оказались не в состоянии справиться с ними, и населению пришлось содержать армию, неспособную его защитить. Страна превратилась в театр военных действий, и если командование занималось поборами, то рядовые предавались грабежу. И тем, и другим занимались и гарнизоны османских крепостей, расположенных в Валахии. Признаваясь в своей бессилии, Высокая Порта предписала валашскому господарю сформировать корпус наемников в 15 тысяч человек, а его молдавскому коллеге — в 6 тысяч, что привело тех, по свидетельству российского консула, «в смущение» — не было ни денег, ни охотников служить Турции. В обоих княжествах росло недовольство фанариотским режимом³⁶. Пришлые князья-греки появлялись в Яссах и Бухаресте в сопровождении толпы приспешников и перво-наперво возмещали затраты (в виде взяток и «подарков»), понесенные ради обретения престола, вводя новые налоги и поборы. Фактически Молдавия и Валахия отдавались на откуп чужеземцам. Вечно нуждавшаяся в деньгах Порта была заинтересована в быстрой смене князей, дабы получить с новых причитающиеся казне платежи, не говоря уже о щедрых подношениях высоким лицам. На троне в Яссах в 1792–1802 годах побывало 5 господарей, в Бухаресте (1791–1799 годы) — 6³⁷.

В таком состоянии застал княжества Василий Федорович Малиновский, назначенный генеральным консулом с резиденцией в Яссах (1801–1802 годы), неординарная личность, мыслитель, разделявший идеи Просвещения, будущий директор Царскосельского лицея. Он учредил своего рода надзор за господарями, у которых нарушение законов, оберегавших права сирых и убогих, изобретение новых поборов вошло в привычку. Его постоянные протесты против административных злоупотреблений, конечно же, не искоренили накопившихся за столетия обычаев, но все же способствовали некоторому сокращению хищничества в высших эшелонах власти (ниже, в уезды, он проникнуть не мог)³⁸.

Поступавшие из княжеств прошения принимались в Петербурге с симпатией, но сдержанно. На заре «дней Александровых» принятый Негласным комитетом курс на воздержание от вступления в какие-либо союзы, осторожное лавирование между Францией и Англией не допускал и открытого вмешательства в турецкие дела. Оставался путь дипломатического давления.

В сентябре 1800 года состоялся явно демонстративный смотр войскам, расквартированным по течению Днестра, по линии границы с владениями Османской империи. Принимал смотр не кто-нибудь, а великий князь Константин Павлович. Он обратился к пашам Хотина и Бендер с «дружественным приветствием». Одновременно посланник в Константинополе В.С. Томара обвинил султанские власти в царящем произволе³⁹. Оправившись от испуга, вызванного демонстрацией силы со стороны соседа, Порта оказалась восприимчивой к демаршам Зимнего дворца по дипломатической линии с целью уточнения и укрепления автономных прав Дунайских княжеств. Готовились они неторопливо и продуманно, и успеху их способствовало нашествие банд Пазванд-оглу на Валахию и поступавшие из Бухареста и Ясс в Петербург мольбы о защите. Высокая Порта сочла, что, пойдя на уступки России, она избавится от открытого вмешательства в ее конфликт с непокорным видинским пашой. С самим Пазвандом Малиновский снесся неофициально и пригрозил ему, что, если набеги не прекратятся, против его банд выступят российские войска. Пазванд присмирел.

По достигнутому с Россией соглашению (сентябрь 1802 года) Турция обязывалась соблюдать права и привилегии Дунайских княжеств, вытекавшие из мирных договоров и внутренних актов, и право России выступать в защиту Валахии и Молдавии. Устанавливался 7-летний срок правления господарей. Сменяться они могли лишь в случае уголовного преступления с их стороны, признанного двумя дворами. Тем самым прекращалась чехарда с их назначением и связанные с этим поборы и злоупотребления; одновременно усиливался контроль царизма над утвержденными с его согласия господарями. Порта лишалась права устанавливать налоги и накладывать повинности сверх норм, существовавших с 1783 года, а князья утратили право самовольного введения налогов, должны были считаться с мнением диванов (то есть боярской верхушки) и «проявлять особое уважение к внушениям министров российских». Поставки в Стамбул зерна, скота, растительного масла и строительных материалов подлежали оплате по рыночным ценам, и княжества могли оспаривать требуемое Портой количество материалов. Валахия, опустошенная бандами Пазванд-оглу, была

освобождена от уплаты дани и податей, но всего на год — большего срока добиться не удалось. Особо следует упомянуть признание за российской стороной права опротестовывать любые нарушения достигнутой договоренности. Условия соглашения между двумя державами были зафиксированы в хатт-и-шерифе (указе султана)⁴⁰, дарованном в том же году.

Конечно, никакие указы не могли искоренить господствовавший произвол. О разъедавшей административный аппарат коррупции мы приведем здесь свидетельство генерала А.Ф. Ланжерона, французского эмигранта на российской службе (крупнейший румынский историк А. Ксенопол счел его оценку правдой и привел ее в своей книге «Эпоха фанариотов»). Должности исправников уездов в княжествах покупаются, писал Ланжерон, и цена зависит от сулимого ею дохода. «Исправники — настоящие деспоты, никаких обследований они не боятся, заранее о них зная и имея возможность их устранить. Наказание им не грозит по причине продажности вышестоящих лиц. Они, без стыда и не делая из этого тайны, забирают у крестьян имущество, скотину, деньги. Каждая семья уплачивает дивану подушную подать, исправники ее удваивают и даже учетверяют, и все это без всякого закона, без какого-либо приказа, и делят награбленное с членами дивана (уездного). Арнауты (стражники), подчиненные спатару, занимаются грабежами⁴¹.

Завязавшаяся с французской дипломатией схватка за влияние в Османской империи не миновала Дунайских княжеств. Последовало восстановление закрытых ранее французских консульств. Каждая из сторон стремилась посадить на троны в Яссах и Бухаресте своих кандидатов. Уберечь Османскую империю от влияния Парижа не удалось. А.И. Морков не смог учредить в Париже надзора за турецкой делегацией в форме посредничества на переговорах. От османской стороны Морков получил лишь «клочок бумаги» с несколькими первоначально сформулированными статьями, на том «консультации» с ним и кончились. Франция по договору, подписанному в июне 1802 года, обязывалась уважать территориальную целостность султанской державы, а ее корабли могли плавать в Черном море, то есть получили право прохода через Дарданеллы и Босфор. И уж совсем переполох в Петербурге вызвала весть о появлении в Париже делегации от Ионических островов с просьбой принять их под покровительство республики. С трудом удалось избавиться от этой угрозы⁴².

Царь предписал новому посланнику А.Я. Италинскому «прилежно иметь наблюдение за подвигами в Константинополе французских

агентов», проявляя особый интерес к их видам и «предположениям» в отношении Египта. Царь предостерегал Италинского насчет «двоякости кабинета Туильрийского», который «льстит» турок надеждой на возвращение Крыма. Вице-канцлер А.Р. Воронцов излагал ему опасения двора: «Всем известно, какое влияние имела Франция в прежние времена над турецким правительством. Первый консул, стараясь ныне взять над оным все поверхности, преуспел последним трактатом приобрести выгоды большие, нежели когда-либо Франция имела у Порты Оттоманской»⁴³.

По ходу дипломатических баталий формировались новые доктрины. В инструкции А.Я. Италинскому (ноябрь 1802 года) излагалась концепция, от которой Российская империя отказалась — вынужденно — лишь после Крымской войны: «Не сходственно было бы с ее интересами, чтоб какой-либо военный флот, кроме нашего и турецкого, появиться мог на Черном море. Черное море иначе считать не должно, как озером или морем внутренним, в которое и входу нет, как через Канал, и владение коим принадлежит тем державам, берегами своими оно окружающим».

Хрупкий Амьенский мир длился всего год и месяц, британцы сочли его условия слишком невыгодными для себя. Они спохватились, что «утвердили за Францией господство в Италии и на материке», и не желали расставаться с ключевой позицией в Средиземном море, островом Мальта. Бонапарт изъяснялся с послом Ч. Уитвортом все в более жестких тонах: у него под рукой 400 тысяч солдат и еще 60 тысяч в резерве. Они готовы к броску через Ламанш — берегись, Англия! Уитворт жаловался Моркову — первый консул разговаривал с ним на языке драгунского капитана⁴⁴. В депеше от 4 (16) марта 1803 года Морков описывал разыгравшийся (точнее — разыгранный) первым консулом скандал на приеме: Бонапарт, казалось, задыхался от гнева, не позволявшего ему выбирать выражения. Он кричал: «Мальта или война, и горе тому, кто нарушает договоры!» Удаляясь, он демонстративно увел с собою министров иностранных дел, военного и морского. Далеко не все даже в высших сферах Парижа одобряли бесшабашную воинственность генерала. Братья, Жозеф и Люсьен, отговаривали его от решающего шага: ссориться с владычицей морей означало идти на риск потери колоний и торгового флота⁴⁵. Но Наполеон закусил удила. В мае 1803 года война с Великобританией возобновилась, французские войска заняли курфюршество Ганновер, континентальное владение английских монархов, а флот его величества перехватил 1200 купеческих кораблей Франции и союзников и приступил к захвату ее колоний⁴⁶.

В Петербурге предавались невеселым размышлениям. Мечта об утверждении в Европе справедливого мира рассеялась, как дым. Нависал тревожный вопрос — где же остановится Бонапарт? А.Р. Воронцов в письме к брату Семену, послу в Лондоне, делился своими тревогами: «На море французам нечего будет делать противу Англии, потому-то они и захотят выместить оное сухопутными своими силами, а тут и выйдет жертвою немецкая земля, Италия, а может, и турецкие области». Здесь галльские смутьяны могут учредить демократическую республику, и «будут тогда они из смежных с нами провинций рассеивать между жителями южных областей наших плевели развратного их учения, последствия коего хуже самой неудачной войны»⁴⁷.

Весной 1803 года послом в Стамбуле стал генерал Е. Брюн, некогда сменивший «самого» Бонапарта на посту командующего армией в Италии, и приступил, по словам Италинского, «к повреждению существующего между Россиею и Портою доброго согласия», намекая на то, что союз с Францией «может послужить Порте к возвращению Крыма под державу его султанского величества».

В 1804 году ситуация осложнилась еще больше — восстали сербы. Впервые широкое освободительное движение вспыхнуло вне связи с русско-турецкими войнами и вообще какими-либо акциями великих держав. Отечественная дипломатия очутилась в щекотливом положении: надо было изыскать пути поддержки отчаянно, а часто и успешно сражавшихся сербов и в то же время ухитриться не рассориться с Высокой Портой. В сентябре того же 1804 года делегация повстанцев прибыла в Петербург с просьбой о помощи и, как подозревали в Стамбуле, о покровительстве. Мнительный Селим III встретил поступившую информацию с негодованием, расценив визит как вызов бунтовщиков⁴⁸. Но не переговоры с Г. Брюном, а позднее — со сменившим его генералом О. Себастиани и даже не вести из Белградского пашалыка определили в конечном счете позицию Высокой Порты, а события, развернувшиеся на много градусов севернее.

В мае хлопотливого 1804 года Наполеон изъявил согласие на предложение сената и принял титул императора французов, и Ш.М. Талейран потребовал у послов представить новые верительные грамоты, что и де-факто, и де-юре означало признать императорский сан выскочки и тем самым поощрить его на новые захваты. В августе того же года произошел разрыв российско-французских дипломатических отношений. Надвигалась война.

В декабре в Лондоне побывал Н.Н. Новосильцев, официально в качестве товарища министра внутренних дел и для консультаций по правовым вопросам. Но пропадал он не на судебных подворьях, а в

министерских особняках на Даунинг-стрит. Приняли его весьма приветливо, предвкусывая сотрудничество против Наполеона. Визитер заверял премьер-министра В. Питта, что император и Россия «не стремятся к какой-либо выгоде для себя лично» в Европе, а хотят лишь «освободить некоторые независимые нации от постыдного рабства», в котором они томятся под игом Франции, избавить их от тирании Бонапарта. О возвращении Бурбонов на престол он упоминал крайне сдержанно. Это — «второстепенная цель», достижимая, если сами французы выскажутся «за». Главное — восстановить «равновесие в Европе, утвердить ее безопасность и спокойствие на прочной основе», вернуть Францию в прежние границы или договориться о новых, отвечающих интересам всеобщего спокойствия, избавить Голландию, Швейцарию и Италию от «унизительного порабощения».

В беседах не была обойдена вниманием и Османская империя. В полученных Новосильцевым инструкциях говорилось об «анархическом характере ее строя и увеличивающемся недовольстве ее христианских подданных». Осторожно и вполне умозрительно ставился вопрос, «каким образом устроить судьбу ее различных частей», если «существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным?». В таком случае предусматривалась вероятность «создания одной или двух республик, — греческой и славянской под сюзеренитетом обеих империй», Турецкой и Российской, наподобие Ионических островов⁴⁹.

В. Питт с готовностью принял предложение о союзе и обещал выделить еще не существовавшей коалиции 5 миллионов фунтов стерлингов с 2 января 1805 года. К рассуждениям своего собеседника о высоких принципах он проявил полное равнодушие. По словам Ч. Вебстера, премьер «менее всего желал крестового похода будь то во имя конституционных свобод или республиканских вольностей», а хотел одолеть Наполеона на суше силами России, Австрии и Пруссии, да притом так, чтобы две последние державы «были в такой же мере против России, как и против Франции, хотя эта цель, естественно, не была раскрыта»⁵⁰. Здесь сэр Чарлз констатировал ту степень доверия, с которой два двора, Виндзорский и царский, заключили друг друга в объятия. На рассуждения Новосильцева о судьбе Османской империи премьер-министр не реагировал — уж слишком нереальными они представлялись и, вдобавок, полностью расходились с утверждавшейся в Лондоне доктриной статус-кво, предусматривавшей сохранение власти Турции на Балканах. Вывести войска с Мальты, что составляло предмет самых острых разногласий с Наполеоном, англичане отказались наотрез, ссылаясь на мнение парламента и всей нации. Что

касается императора французов, то он демонстрировал «склонность к миру наоборот», поспешив присоединить Геную. «Бонапарт обращается с нами, как с мальчишками», — возмущался Чарторыйский⁵¹.

Дважды побитый венский двор рвался в союз, но на пути к нему пришлось преодолевать тяжелые завалы. Габсбурги хотели упорядочить германские дела к своей выгоде, упрочив в империи свое влияние к ущербу для Пруссии. Третьим игроком вступали князья, не желавшие терять самостоятельности; четвертым и самым могущественным — Наполеон, настраивавший фюрстов и против Вены, и против Берлина. Не зажили и раны австро-российских противоречий на Балканах. Вовлечь Пруссию на том этапе в союз не удалось, она собиралась остаться в стороне, надеясь выторговать у сражавшихся уступки.

Позиция Высокой Порты вызывала опасения: сохранит ли она верность договору? По здравом размышлении в Петербурге решили, что пока для паники нет оснований, «соединиться с Францией» Турция не может из-за отсутствия общей границы, которая у России с ней имеется, и на водных просторах господствует владычица морей. Посулы Г. Брюна звучали заманчиво, и намеки на Крым погружали в мечты. Но те же французы обращались к «потомкам Ликурга» с соблазнительными речами и сносились с сепаратистски настроенными феодалами, включая Али-пашу Янинского. Показателем позиции Высокой Порты стала проблема признания ею императорского титула Наполеона, о чем неустанно хлопотал Брюн, добившийся в конце концов успеха. Но, желая сохранить добрые отношения с Россией, турки пошли на заключение оборонительного союза с нею.

Первоначальный российский проект договора преследовал далекоидущие цели — приковать Порту к англо-российской коалиции и значительно расширить права христиан. Он предусматривал освобождение Ионической республики от турецкого протектората, признание независимости Черногории, упрочение автономии Дунайских княжеств, создание автономных государств в Сербии и, возможно, Греции, свободный проход российских судов через Проливы и закрытие их для кораблей других стран, размещение 10-тысячного отряда царских войск на Дунае. С химерами пришлось расстаться.

Подписанный 11 (23) сентября 1805 года пакт содержал взаимную гарантию владений, стороны обязывались помогать друг другу вооруженными силами или деньгами в случае нападения на одну из них. Статья 7 фиксировала их согласие рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем посторонних военных или каперских кораблей. Так в международное право был введен важ-

нейший принцип закрытости Черного моря для всех военных флотов кроме российского и турецкого.

Попытки Александра улучшить участь христиан потерпели полную неудачу. Селим заявил: «Предоставление райе привилегий и равенства в правах противоречит всем нашим политическим и религиозным принципам»⁵².

Третья антифранцузская коалиция формировалась долго, натужно и по ухабам крутых противоречий. Австрия и Пруссия препирались из-за шкуры неубитого медведя, деля еще не завоеванные земли. Бонапарт соблазнял последнюю присоединением Ганновера, фамильного владения английских королей, что насмерть рассорило бы Пруссию с Великобританией. Короля Фридриха Вильгельма III вообще удалось втащить в союз лишь в ноябре 1805 года, уже после того, как австрийцы сдали крепость Ульм и распахнули перед неприятелем ворота для вторжения в свою страну. Экспедиционный корпус под командованием М.И. Кутузова оказался в критическом положении. Он, по словам А.Е. Чарторыйского, «не насчитывает и 70 тысяч человек и не сможет долго выдержать натиск победоносной армии Бонапарта численностью в 140 тысяч». Развязка наступила скоро. 2 декабря (20 ноября) в кровопролитной битве при Аустерлице (ныне — Славков в Чехии) русские и австрийцы потерпели поражение. Император Франц сразу же запросил мира. Явившийся к Наполеону не вовремя с ультиматумом прусский министр спрятал опасную бумагу в карман и заключил с ним союз. Третья коалиция распалась. На переговорах в Пресбурге (ныне — Братислава в Словакии) Австрия потерпела не менее сокрушительное поражение, нежели под Аустерлицем. Не последнюю роль в решении о поспешной сдаче сыграл «прусский фактор» — опасение, что берлинские хитрецы воспользуются занятостью Австрии на войне для решения немецких дел в свою пользу.

Вена признала все завоевания Бонапарта в Италии, согласилась на учиненную им перекройку карты Германии в пользу своих сателлитов. Австрия потеряла Венецию, Истрию, Далмацию, уступив их итальянскому королю, то есть тому же Наполеону, который стал непосредственным соседом Османской империи. Случилось то, чего пуще огня боялся царский двор. Чарторыйский счел, что Турция «отдана во власть Бонапарте»⁵³.

Россия осталась на континенте в полном одиночестве. Австрия залечивала полученные раны, Пруссия ждала подачек со стола победителя. Властитель Франции, Италии, Швейцарии, протектор Рейнского союза «и прочая, и прочая» взирал на плоды своего полководческого гения. О том, чтобы скрестить с ним мечи один на один, было страш-

но и подумать. Последовавшая мирная инициатива российского двора выглядела как-то несолидно, в Париж снарядили статского советника (то есть полковника на гражданской службе) П.Я. Убри. Его снабдили инструкцией, оставлявшей мало надежд на ее осуществление: остров Мальту отдать на хранение императору Всероссийскому, Ионической республике предоставить независимость, созвать конгресс для обсуждения «всего, что могло бы способствовать обеспечению независимости европейских государств». Наполеон в жизни своей не участвовал ни в одном форуме на равных со всеми прочими основаниях. Очевидная бесперспективность миссии рождает подозрение, что ее инициаторы хотели продемонстрировать свое миролюбие и показать общественности ненасытность «узурпатора».

Результаты поездки превзошли все ожидания — в том смысле, что подобного провала в Зимнем дворце все же не ожидали. Французы во главе с генералом А. Кларком выдвинули жесткую программу урегулирования: признание наполеоновских ставленников на тронах Неаполя, Голландии, Баварии, Вюртемберга и др., отказ от покровительства Молдавии и Валахии, и права прохода российских военных судов через Босфор и Дарданеллы⁵⁴.

Убри отказался обсуждать «странный проект», но, свидетельствовал сей чиновник, французское правительство «так наседало на меня, что я согласился подписать окончательный договор» 8 (20) июля 1806 года. По его условиям российские войска покидали Далмацию: Ионическая республика провозглашалась независимой без консультации с Турцией, ее формальным сюзереном, российский гарнизон на острове Корфу сокращался до 4 тысяч человек. По секретной статье неаполитанский король переселялся с Сицилии на Балеарские острова, принадлежавшие Испании.

В Петербурге, ознакомившись с подписанными Убри бумагами, ахнули. Он грубейшим образом нарушил данные ему инструкции. Договор хоронил всякую надежду на индемнизацию (возмещение) пострадавшим государям, а вместе с тем и расчеты на сохранение хотя бы пошатнувшегося равновесия сил на континенте, молчаливо признавалась вся система наполеоновского господства в Европе с покорными королями и князьями. России предлагалось удалиться от европейских дел и предоставить их решение Бонапарту. Придя в себя от шока, Государственный совет высказался против ратификации договора⁵⁵. Прыткому не по разуму Убри предложили пожить в поместье для отдыха и размышлений.

Отношения с Францией были испорчены окончательно. Отечественная дипломатия принялась обхаживать прусского монарха с це-

лью вовлечь его в коалицию, преодолевая его сомнения, колебания и страхи, и на сей раз успешно. В сентябре 1806 года Пруссия, а вслед за нею и Швеция, напуганные отнюдь не призраком французского всемогущества, примкнули к России и Великобритании. А в октябре прусская армия, еще овеянная славой побед Фридриха Великого, рассыпалась под ударами наполеоновских войск. Англичане сидели на своем острове. Россия вновь оказалась один на один с грозным завоевателем.

С нелегким сердцем Александр решился 16 (28) ноября 1806 года открыть военные действия против Высокой Порты. После долгих колебаний его выбор главнокомандующего остановился на дряхлом фельдмаршале М.Ф. Каменском, хотя тот честно заявлял, что по старости на эту ответственную роль не годится. За семь дней командования он нанес своим войскам больше вреда, нежели неприятель, завязший в непролазной осенней грязи. Каменский немедленно распорядился начать отступление, предписав некоторым частям для ускорения марша оставить пушки⁵⁶. Хорошо еще, что Наполеон заподозрил скрытый стратегический замысел в непонятных маневрах старца и преследовать отступающих не стал. Оправившись от «командования» Каменского, русские дали два кровопролитных сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, в которых держались с честью, и обе стороны приписали победу себе. Кровь лилась рекой. А тут еще Турция.

Почти на протяжении всего 1806 года отечественная дипломатия прилагала отчаянные усилия, пытаясь воспрепятствовать переориентации Высокой Порты на Францию. Если Турция ринется в объятия Наполеона, мрачно предрекал посланник Италинский, ее ждет гибель, в то время как сохранение Османской империи является предметом постоянной заботы царя. Про себя дипломат полагал, что увещеваниями делу не поможешь, надо Порту «содержать в страхе» и для убедительности занять войсками Дунайские княжества. Той же позиции придерживался Чарторыйский⁵⁷.

Порта в ответ на увещевания потребовала прекратить проход через Проливы российских военных и торговых судов, тем самым гарнизон острова Корфу и эскадра адмирала Д.Н. Сенявина отрезались от баз снабжения и ставились под удар войск маршала Мармона. Французские уши явно торчали из турецкой «инициативы».

10 (22) сентября 1806 года А.Я. Италинский обратился непосредственно к султану Селиму, пытаясь предостеречь того от союза с Наполеоном: у последнего в Далмации, уверял посланник, небольшие силы, и он не сможет предпринять ничего эффективного, «пока у вашего высочества будут для защиты империи два таких верных и бес-

корыстных союзника», как Россия и Англия⁵⁸. Италинский погрешил против истины, обрисовав радужную картину российско-британского преобладания в регионе. Вскоре произошел молниеносный разгром Пруссии, дела антинаполеоновской коалиции пошли хуже некуда, и его аргументы повисли в воздухе.

Роль беса-искусителя в Стамбуле исполнял способный дипломат, генерал О.Ф. Себастиани. Инструкции для него продиктовал лично император: его задача — внушить доверие к Франции, стремящейся к укреплению власти падишаха. Он, Наполеон, не посягает ни на вершок турецкой земли; будь ему предложено хоть три четверти ее пространства, он гордо ответит — нет.

Французские агенты распространяли слухи о готовящемся, для России унижительном мире. Порта запретила своим подданным-грекам, владельцам судов, плавать под российским флагом, как то водилось раньше, она, по подозрению в пророссийских симпатиях, сместила с престолов господарей Дунайских княжеств К. Ипсиланти и А. Мурузи. Себастиани и соблазнял, и запугивал турок: они стоят перед выбором — или война с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой союзниками неудачницей-Россией с возможной перспективой возвращения Крыма. Так стоит ли колебаться? С помощью своей супруги-креолки ему удалось установить связи в серале: одна из жен султана, мать будущего султана Махмуда II, француженка-креолка (и родственница третьей креолки, супруги Наполеона Жозефины Богарнэ), в молодости попавшая в плен и очутившаяся в султанском гареме, охотно беседовала с соотечественницей⁵⁹.

И все же Селим медлил и не принимал решения. Действия французов противоречили их сладким речам. Расположившись после Пресбургского мира в Далмации, они мимоходом заняли Дубровник (Рагужскую республику, входившую в состав Османской империи) и положили конец более чем тысячелетнему существованию этого славянского государства. Надо было усмирять сербское восстание. Паши по Дунаю своевольничали и явно проявляли сепаратистские тенденции. Французские посулы на бумаге не могли заменить батальонов на поле боя. А.Я. Италинский докладывал: «Порта внутренне худо расположена к нам, но, не чувствуя себя в силах явно обнаружить образ своих мыслей, вероятно, ожидает времени, когда Бонапарт соберет значительные силы в Далмации, и тогда соединится с Францией». Вывод вытекал сам собой: ждать опасно. Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде увеселительной прогулки: гарнизоны в Хотине, Бендерах и Измаиле слабы, а склады в этих крепостях ломятся от запасов продовольствия и фуража. Местное население

русским сочувствует. Со всех сторон раздавались предупреждения: промедление если не смерти подобно, то уж точно — потере позиций на Балканах. Последним аргументом, побудившим самодержавие отбросить сомнения, явилось донесение генерала И.И. Михельсона, назначенного командующим Дунайской армией: «Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, их предприимчивость и быстрота известны. Ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, и тогда будет трудно бороться»⁶⁰.

Александр медлил до середины октября 1806 года. В рескрипте на имя Михельсона царь подчеркивал, что не имеет никаких намерений «относительно завоевания принадлежащих Турции владений»⁶¹, и собирается лишь восстановить с ней союз. Генерал располагал ограниченными силами, которые в последний момент были ослаблены переброской значительной их части на север, против Наполеона. Границу перешли всего 33 тысячи человек.

Порта не устрашилась вызова и 18 (30) декабря 1806 года объявила России войну. Показательно, что в числе российских грехов упоминался захват «мусульманских земель Крыма и Гюрджистана» (Грузии), что выдавало реваншистские устремления Дивана. Соответствующего царского манифеста не последовало — возможно, Александр надеялся быстро погасить конфликт. Война с российской стороны осталась необъявленной.

Вооруженные силы Порты на бумаге выглядели солидно: 260-тысячная армия, флот в 12 линейных кораблей и 6 фрегатов. Но многие паши тянули в свою сторону, 25-тысячный корпус сражался против сербов, большие силы охраняли Стамбул от возможного британского десанта. Армия Михельсона почти без сопротивления заняла крепости Хотин, Бендеры и Килия, но под Измаилом русские застряли, не решаясь на штурм.

19 февраля 1807 года эскадра английского адмирала Д. Дакуорта (6 линейных кораблей, 3 фрегата) вошла в Дарданеллы, проникла в Мраморное море, расстреляла стоявшие там турецкие корабли. Назвать эту операцию сражением не поворачивается язык: по случаю праздника Курбан-байрам почти все турецкие офицеры и матросы пребывали на берегу. В Константинополе воцарилась паника. Посол Ч. Арбетнот, прибывший на флагманском судне «Роял Джордж», предъявил туркам ультиматум с условиями, которые можно навязать разве что разгромленной стране: выслать Себастиани (что означало — порвать с Францией), возобновить союз с Англией и Россией, согласиться на пребывание российских войск в Дунайских княжествах и британского флота в Проливах.

Придя в себя, османские сановники решили, что сие означает конец империи: русские хозяйничают на ее окраинах, британцы — под стенами столицы. Душой сопротивления стал неутомимый Себастиани. По берегам воздвигались насыпи, подвозилась артиллерия — 500 пушек, 110 мортир. А британская эскадра красовалась недвижно перед султанским дворцом: полнейший штиль лишил ее возможности передвижения.

Почувствовав недоброе, посол Арбетнот заболел и слег в постель, поручив переговоры адмиралу. Капитулировать османы отказались, но тут наконец подул ветер, и незадачливая эскадра убралась из Дарданелл с немалыми повреждениями для судов от огня прибрежных батарей⁶².

Вместо военной прогулки Россия получила на Балканах тяжелый фронт. Поглощенная схваткой с Наполеоном, страна могла выделить сюда ограниченные силы, с которыми не то что поход на Стамбул затевать, но и штурм горной цепи предпринимать было немыслимо. В Петербурге были готовы удовлетвориться малым. Посланный для неофициальных контактов корсиканский эмигрант, в будущем известный русский дипломат К.О. Поццо ди Борго вез с собой довольно выгодные для турок условия: восстановить мир на основе старых трактатов, в отношении Дунайских княжеств — подтвердить хатт-и-шериф 1802 года, сербов — «не предавать в жертву»⁶³.

Поццо прибыл в самый что ни на есть неподходящий момент. Янычары свергли с престола и убили султана Селима, его преемник Мустафа IV пребывал в страхе перед этой буйной вольницей.

Война велась Россией в защиту прежних, уже обретенных позиций в регионе, и объективно — ради расширения прав христианских народов. Но это-то и не устраивало Порту, ибо, как откровенно изъяснялся Чарторыйский в меморандуме (начало 1806 года), «нужно иметь Турцию единственно в нашем распоряжении. Надлежало стараться усилить наше влияние на сие государство, удалив всех совместников так, чтобы Порты не следовала никакой другой воле, ни другой политике, кроме нашей»⁶⁴. Именно этого стремился избежать диван, и миссия Поццо провалилась.

Между тем тучи сгущались на главном театре войны, в Восточной Пруссии. В штабе считали, что поражения не миновать. Друзья молодости царя, члены уже бывшего Негласного комитета, советовали Александру мириться. 2 (14) июня произошло несчастное для россиян сражение под Фридрихсландом.

Последовали тильзитские встречи двух императоров, сперва на плоту посреди Немана, затем — в более подходящей для бесед обстановке. В первый раз в своей жизни Наполеон заключал мир, не всту-

пив на территорию неприятеля. Впервые два его гонца, посланные с предложением о перемирии, вернулись ни с чем, лишь третий принес весть о согласии царя на свидание. Россия не была сломлена, на западе страны располагалась 200-тысячная армия, у Наполеона под рукой — 100 тысяч человек. Ничего похожего на прежний опыт — разгром армии противника, преследование его войск кавалерией, диктат условий примирения в столице. А здесь — отступавшие от Фридлянда российские полки на виду у французов переправились через Неман, последняя обозная повозка прогрохотала по мосту, потом казаки сожгли все переправы на глазах у вражеских кавалеристов.

Наполеон во время переговоров не топал ногами и не бил посуду, как случалось ранее, а очаровывал царя. Александра следовало залучить в союз против Англии, что было мыслимо лишь в случае партнерства, а не подчинения. Требовалось создать хотя бы видимость равноправия. Наилучшим выходом представлялось направить российский экспансионизм в балканском направлении, а в качестве икупительной жертвы представить Османскую империю. Однако предавать так просто державу, с которой вместе совсем недавно собирались воевать против России, не годилось, тем более что в таком случае Высокая Порта могла переметнуться на сторону Англии. Статьи 21–24 Тильзитского договора предусматривали прекращение военных действий на Дунае, вывод российских войск из Молдавии и Валахии (без права их занятия турецкими), посредничество Наполеона при заключении мира между Петербургом и Стамбулом «с выгодами и достоинствами для обеих империй». Достичь невозможного — удовлетворить обе стороны — поручалось Наполеону. Зато четко и определенно в трактате обозначались приобретения Франции: к ней отходили Бока Которская (Катарро) и Ионические острова. Самой важной, с точки зрения Александра, являлась статья 8 навязанного ему в тот же день 25 июня (8 июля) 1807 года оборонительного и наступательного союза с Францией, в которой говорилось, что если Порта не примет посредничества Франции или «если после принятия одного случилось бы, что в трехмесячный срок по открытии переговоров последние не привели бы к удовлетворительному результату, то Франция будет действовать против Оттоманской Порты, обе договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе за исключением города Константинополя и провинции Румелия»⁶⁵. Протесты турецкой стороны Париж отверг: «Разве должен император ради того правительства, непостоянного, капризного, жестокого, отказываться от почетного мира с Россией?»⁶⁶.

В Тильзите произошел крутой поворот в российской внешней политике. Бонапарт в одночасье превратился из «неистового врага мира и благословенной тишины» и даже «гонителя веры Христовой» в союзника. Александр взвалил на свои плечи колоссальную ответственность за совершенный шаг. Произошел раскол в царской семье. Брат Константин занимал капитулянтскую позицию и однажды открыто, «при всем честном народе», поссорился на этой почве с государем. Мать, Мария Федоровна, и сестра Екатерина, напротив, предостерегали его от сговора с «Бонапартием». Но, как царь сказал в объяснении с матерью, «бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении, и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства»⁶⁷.

И все же новая внешнеполитическая концепция возникла не на пустом месте. В правящих кругах существовала группировка, полагавшая, что союз с Англией обходится слишком дорого, и что он привел к плачевным результатам. Некоторые сановники надеялись, что Европы хватит на двоих и Наполеон оценит российское сотрудничество по достоинству. Придерживавшийся этой точки зрения граф Н.П. Румянцев стал канцлером. Н.К. Шильдер замечал: «Наполеон уже издавна сознавал, что ему нужно приобрести для Франции серьезного континентального союзника, на которого можно было бы положиться в будущем». Сам Бонапарт писал Талейрану: «Необходимо, чтобы все это кончилось системой тесного союза или с Россией, или с Австриею». Субъективное желание существовало. Однако установить с союзником доверительные, с учетом интересов последнего отношения французский властитель был не в состоянии, его экспансионизм не знал берегов. В этом противоречии состояла психологическая драма Наполеона. Э. Дрио констатировал: Бонапарт не собирался открывать русским доступ к Средиземному морю, «никогда он не хотел делить с ними старый римский мир»⁶⁸. Завоеватели ненасытны по природе, яркий их представитель, воссевший на трон в Париже, не собирался «по-честному» производить раздел Европейской Турции, во что на какое-то время поверила отечественная дипломатия. Наступил своего рода «тильзитский зигзаг» во внешней политике, самодержавие стремилось доказать, что союз с Францией принесет не одни убытки, а даст на руки и политические козыри. Заблуждение длилось недолго. Франция уже вплотную подобралась к Балканам и не желала отдавать их на откуп России или Австрии и безучастно взирать на укрепление их мощи. Еще одно соображение тревожило Париж: безмерное ослабление державы султана превращало ее восточные владения в легкую добычу для англичан.

У исследователя в глазах рябит от изобилия наполеоновских планов в отношении Турции: проекты раздела ее территории, приказание маршалу Мармону готовиться ко вторжению, заверения Порте в дружеских чувствах и в поддержке ее власти. Но не отсутствие системы и последовательности в политике повинны в этом взаимоисключающем разнообразии, просто непрерывная череда войн не оставляла Наполеону почвы для свободы маневра на юго-востоке континента. Решение османских дел всегда зависело от общеевропейских комбинаций. Постоянным оставалось желание не отдавать Турцию в добычу соперникам. В инструкции А. Коленкуру при назначении его послом в Петербург говорилось: «Император очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной». Дипломату, однако, не следовало уклоняться от бесед на эту тему, а напротив, проявлять к ней глубокий интерес. Политика Наполеона заключалась в том, чтобы манить Александра миражом раздела, а самому, на правах посредника в переговорах, этого раздела не допускать. По словам А.Ф. Миллера, Бонапарт, «не скупясь на обещания Александру, всячески оттягивал практическое решение этой проблемы. Постоянным в восточной политике Наполеона было одно: стремление — углубить посредством восточного вопроса разногласия между Россией, с одной стороны, Англией и Австрией — с другой»⁶⁹.

Проницательный Александр понимал, какую опасную игру с ним ведут, и писал матери: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени «наши средства и силы»⁷⁰. Но борьба в форме союза не могла стать новым внешнеполитическим курсом России, тильзитский зигзаг явился лишь временной, на 5 лет, комбинацией, после чего все вернулось на круги своя. А пока предстояло внести самый крупный взнос по тильзитским счетам — пойти на разрыв с Англией и присоединиться к объявленной Наполеоном континентальной блокаде, и повод для его подобающего оформления предоставил Уайт-холл.

В сентябре 1807 года британская эскадра ворвалась на рейд Копенгагена и захватила стоявший в гавани датский флот. Немногие оставшиеся нейтральными страны содрогнулись, но протестовать решился только Александр I. В декларации о разрыве отношений он красочно изливал свое негодование, начав с перечисления собственных обид: «Кровь россиян проливалась в знаменитых сражениях», а Великобритания «угнетала торговлю подданных е.в.», и вдруг, «внезапно воспрянув от бездействия, в коем она быть казалась, решилась на севере Европы возжечь новую войну. Флот ее и войска явились на

берега Дании, чтобы произвести насилие, коего равному во всей истории, толико во всех примерах обильной, найти трудно»⁷¹. Нахальство англичан переполнило чашу царского терпения, и он порвал с ними отношения.

Между тем в захолустное валашское местечко Слободзея, где велись переговоры с турками, прибыл в качестве посредника, подполковник А.Ш. Гильомино. Сенатор С.А. Лашкарев, будучи исполнительным чиновником, подписал невыгодные для России условия, включая обязательство эвакуировать Молдавию и Валахию. Генерал И.И. Михельсон доживал уже последние дни, а сменивший его по старшинству генерал Мейендорф, ничтоже сумняшеся, утвердил перемирие⁷².

В Петербурге с опозданием осознали допущенный промах: о составших сербах забыли, трофеи обещали возвратить и, главное, княжества обязались очистить. В Дунайскую армию поскакал курьер с царским рескриптом — «под разными благовидными предложениями длить совершенный вывод войск». Поскольку турки покидать крепости не собирались, поисками предлогов заниматься не пришлось⁷³. Формально перемирие в силу не вступило, но перерыв в военных действиях продолжался.

Нельзя было оставлять на произвол судьбы и расправу карателей сербов, молдаван и валахов. Сербское восстание поначалу было направлено против дахийцев — янычарских начальников, вышедших из повиновения султана и творивших в Белградском пашалыке все, что им было угодно. И повстанцы, и турецкие войска приступили — порознь — к военным действиям против янычар и довольно быстро освободили от них пашалык. Но сербы сражались не ради восстановления над ними султанской власти, их пути с османами разошлись, восстание вполне естественно превратилось в антитурецкое. Попытка заручиться поддержкой Вены провалилась, и повстанцы обратились к России. В письме кнезов к А.Я. Италинскому (май 1804 года) говорилось: «Наше желание есть, чтобы ходатайством святым русской непобедимой державы <мы> свободу получили наше христианство хранить и монастыри воздвигать и от нестерпимого ига турецкого избавиться»⁷⁴. Формировалась программа автономии наподобие той, которой пользовались Дунайские княжества и Ионическая республика. В сентябре 1804 года представители повстанцев прибыли в Петербург с просьбой о защите и покровительстве. Их приняли приветливо, но с некоторой сдержанностью: самодержавие хлопотало о возобновлении союза с Османской империей и в ссоре с ней не было заинтересовано. Помощь деньгами и оружием была оказана, Италинскому предписали

настаивать перед Портой на даровании сербам привилегий, аналогичных тем, что имелись у Дунайских княжеств. На успех демаршей не надеялись и поэтому советовали сербам не складывать оружия. Повстанцы не без успеха сопротивлялись турецким войскам. Лишь летом 1806 года последние перешли к широкому наступлению, воспользовавшись ослаблением российских позиций после поражения у Аустерлица и резким усилением влияния Франции. Из Парижа раздавались призывы расправиться с сербскими мятежниками. Еще в январе 1806 года представитель повстанцев Петр Ичко вступил в переговоры с Высокой Портой, и этот факт сам по себе говорил, с какой озабоченностью относились в Стамбуле к восстанию. Споры, главным образом по вопросу о размерах дани, длились полгода. Султан пошел на уступки, согласившись на предоставление сербам внутренней автономии (так называемый Ичков мир). Но надвигалась Русско-турецкая война, напор на сербов ослабел, их вожди отказались признать Ичков мир, взяли Белград и Шабац, омрачив этот крупный успех массовым избиением мусульманского населения. В марте 1807 года в Белград прибыл посланец султана с условиями приемлемого для Высокой Порты мира. Поскольку они включали требование об участии сербов в войне против России, повстанцы их отвергли.

Молдавия и Валахия стали театром военных действий и были заняты российскими войсками.

Но об этом — ниже.

* * *

Поворот во внешней политике был крайне непопулярен в дворянских, военных и купеческих кругах России. Удаленные в отставку друзья молодости императора вели проанглийскую пропаганду. Царю и канцлеру следовало продемонстрировать, что дружба с Бонапартом кое-какие дивиденды все же приносит, и они принялись оказывать нажим на французского посла А.Ж. Савари. Александр полагал, что, если Османской империи «все же суждено рухнуть, положение России позволяет ей надеяться унаследовать часть ее останков». Посол передавал в Париж высказывание Румянцева относительно Дунайских княжеств: «Будет лучше, если вы предоставите их нам сегодня, чем тогда, когда это не будет иметь для нас двойной цены». Савари не был профессиональным дипломатом, он служил больше по политической части, но и он сознавал недружелюбие окружающей аристократии, непопулярность французского союза и предупреждал, сколь

опасно идти на обман питаемых в Петербурге надежд⁷⁵. Сменивший его в конце 1807 года тонкий дипломат А. Коленкур чуть ли не в первом своем донесении предупреждал: царь «лично не имеет никаких видов на расширение, но, чтобы оправдать в глазах народа или, лучше сказать, знати и армии союз с Францией и объявление войны Англии, нужно показать, что из этого извлечена выгода»⁷⁶. Послы говорили Наполеону суровую правду, но он тянул, и лояльный к России Коленкур, послушный инструкциям, лицемерил в переговорах.

Все это было совершенно неприемлемо для Александра, а по мере того, как исчезал тильзитский синдром и стали проступать слабости в позиции «владыки полумира», — попросту нетерпимо. Посол в Париже граф П.А. Толстой, в прошлом боевой генерал, раньше других распознал химерическую суть выдвигавшихся время от времени Бонапартом проектов раздела Турции. Его вежливая и холодная сдержанность доводила Наполеона до бешенства. В декабре 1807 года посол писал царю: «Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем самым время и самые способы приуготовить себя к обороне. Действия необузданной власти императора Наполеона, деятельность и искусство людей, его окружающих, необыкновенны. Гишпания и Португалия скоро падут под иго Франции, а потом восстановление Польши будет предметом его славолубия». Следует, не мешкая, готовиться к схватке с ним, «ежели же не примутся нужные меры, то внезапно и с удивлением увидим мы французские армии на границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы». В другом письме Толстой предрекал: «Прежде, чем напасть на русского колосса, Наполеону необходимо сокрушить все вокруг него, постараться полностью его изолировать, отделив от него Австрию». Что же, посол не только правду говорил, но и вперед смотрел.

В 1808 году прозвучали первые удары колокола, предвещавшие упадок и гибель наполеоновской державы. Правда, тогда ни сам император, ни его недруги об этом не задумывались. В феврале британское правительство устами короля Георга объявило, что намерено сражаться до конца. В мае испанцы восстали против попытки порабощения своей страны. В июле под Бейленом впервые сложил оружие целый корпус французских войск. В Португалии высадились британские войска под командой генерала Артура Уэлсли, будущего виконта, графа и герцога Веллингтона, и двинулись в Испанию. А сам Наполеон, в полном соответствии с мрачными предсказаниями Толстого, стал готовиться к расправе над древней и непокорной испанской землей.

Союз с Александром, связывавший тому руки, стал ему нужен позарез. Еще 2 февраля 1808 года он сочинил царю письмо, полное заманчивых, но ни к чему не обязывающих обещаний. Он провозглашал наступление «эпохи великих перемен и великих событий», предлагал организовать поход на Индию, ввернув намек на то, что согласен на «предварительные условия», связанные с этим предприятием. Посол Коленкур получил другое письмо, предназначенное царю, коему надлежало вручить копию. В нем Наполеон свидетельствовал о своей готовности подумать о разделе Османской империи. Не случайно предложение делалось не в прямом обращении к Александру, а в бумаге, относившейся к разряду внутренней переписки, в первом случае упоминание о судьбе султанских владений носило на себе печать международного обязательства, во втором это было размышление вслух.

Пребывая во власти иллюзий, канцлер Н.М. Румянцев приступил к совещаниям с Коленкуром. Разложили карты, делили шкуру неубитого медведя. Румянцев был щедр: Дунайские княжества и Болгария, а заодно Константинополь с Проливами — России; Эпир, Фессалию, Морею, Албанию, острова Эгейского моря — Франции; привлечь к разделу Австрию, посулив ей Боснию и Герцеговину. Коленкур счел нужным заметить, что не уполномочен ни принимать, ни отвергать какой-либо план, но воспротивился лишь против передачи обоих проливов России и предложил выделить Франции Дарданеллы⁷⁷. Румянцев возражал, и стороны приняли соломоново решение и составили два проекта договора, выражавших точку зрения того и другого правительства. Самодержец, полагавший, что затея Румянцева чревата европейским катаклизмом, тем не менее не мешал разглагольствованию министра, а Коленкур, в соответствии с полученными инструкциями, «проявлял интерес» к излагаемым схемам⁷⁸.

Внимание Наполеона приковал к себе Запад, турецкие дела отошли на второй план. Он решил самолично наказать пиренейских строптивцев и подчинить себе Испанию. И тогда, по словам А.Ф. Миллера, фантастика была изъята из русских планов, химерические проекты раздела Османской империи оставлены и внимание сосредоточено на приобретении Дунайских княжеств⁷⁹.

То, что он накрепко застрял на Пиренеях, видимо, не сознавал тогда ни сам полководец, ни кто-либо иной. Но то, что происходило нечто из ряда вон выходящее, проницательный Александр Павлович не мог не замечать. Наполеон заманивал его на свидание, а царь, отличавшийся страстью к путешествиям, тянул и медлил. Время играло ему на руку, не он, а французы жаждали договоренности. Вырисовывалась некоторая возможность маневрирования.

Лишь осенью 1808 года Наполеону удалось заманить царя на свидание в Эрфурте. Бонапарт демонстрировал перед ним свое могущество. В город прибыла старая гвардия, парады следовали один за другим, императора французов окружала толпа подобоострастных королей, князей и герцогов. По вечерам публику услаждала своими представлениями «Комеди Франсез», спешно вызванная из Парижа. Но ведь раньше в подобном антураже нужды не ощущалось! Трещины в системе наполеоновского господства проступали все явственнее. В Испании полыхала война, Австрия готовилась скрестить мечи с завоевателем. Шарль Морис Талейран, тот самый, что участвовал в переговорах в Тильзите и воплощал на бумаге волю Наполеона, предложил Александру свои услуги осведомителя. Старый лис совершал третье в своей жизни предательство.

Уточнения, внесенные в Эрфурте в «тильзитскую систему», были в общем на пользу царю. Наполеон согласился на переход к России Дунайских княжеств и Финляндии, на вывод своих войск из Пруссии, признал присоединение Грузии, не возражал против предоставления Сербии автономии. Царь в общей, ни к чему не обязывавшей форме обещал оказать Наполеону содействие в случае его войны с Австрией. Но само упоминание о такой возможности свидетельствовало, что позиции Бонапарта в Центральной Европе не так уж сильны. Да и Александр умел лицемерить ничуть не хуже своего партнера: помогать тому душить Габсбургскую монархию и убирать тем самым с европейской шахматной доски одну из последних фигур, мешавших всевластию Франции, он не собирался. Но он отвел и предложение эрцгерцога Карла — пойти на союз с Веной в обмен на ее поддержку в приобретении Дунайских княжеств. К переговорам с корсиканским обольстителем он остыл, и, невиданное дело, назначенный послом в Париж А.Б. Куракин остался вообще без инструкций. Информация оттуда поступала разведывательным путем, хотя и под дипломатической крышей. Важнейшим источником информации служил «кузен Анри», он же «библиотекарь» и даже «Анна Ивановна», а именно Ш.М. Талейран, передаточной инстанцией — «танцор» (посланный в Париж К.В. Нессельроде). Царь именовался Луизой, а Наполеон, чтобы никто не догадался, о ком идет речь, — был наречен чисто русским именем Терентий Петрович. Информация после 1810 года сомнений не оставляла — следующей жертвой завоевателя станет Россия⁸⁰. В 1809 году эту роль, в точном соответствии с графиком, составленным А.П. Толстым, сыграла Габсбургская монархия. На этот раз австрийцы стойко сражались, Наполеон добился их капитуляции, но большой кровью: бой под Ваграмом длился два дня. Австрия по Шенбрунн-

скому договору (октябрь) утратила многие земли, включая выход к Адриатическому морю на Далматинском побережье.

Отсутствие по-настоящему крупных успехов на Дунае затрудняло и оттягивало заключение мира с Турцией. Злой рок преследовал главнокомандующих. Вслед за И.И. Михельсоном сошел в могилу фельдмаршал А.А. Прозоровский. Пришедший ему на смену Петр Иванович Багратион успешно провел кампанию 1809 года — удалось занять крепости Измаил, Брэила и Мачин, осадить Силистрию, отбить турецкое наступление на Бухарест. Но генерал нелицеприятно докладывал царю: «Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжение нынешней кампании»⁸¹. Осенью тиф и лихорадка стали косить солдат, и Багратион отвел войска на левый берег Дуная.

В 1810 году новый командующий, Н.М. Каменский овладел Парсарджиком и Силистрией, Джурджу, Шиштовым, Плевеном (Плевною) и после тяжелой осады — Шумлой и Руцуком (Русе). Следуя традиции, он отвел войска на зиму на левый берег Дуная, оставив на правобережье лишь небольшие гарнизоны в крепостях. Сам Каменский в следующем году скончался.

В октябре 1809 года Румянцев отправил в Дунайскую армию предполагаемые условия мира. Они предусматривали амнистию участникам сербского восстания и предоставление сербам автономии (права «полной свободы установить собственное внутреннее правление по общему желанию народа»), турецкие войска ни под каким предлогом не должны были появляться в Сербии, а Порта — вмешиваться в их дела. Предложения предусматривали «вольную навигацию на морях и водах, Блистательной Порте принадлежащих, не только одним купеческим, но и всякого рода военным судам российским». Единственное ограничение состояло в том, что одновременно через Проливы не могло следовать больше трех кораблей под Андреевским флагом. Статья о Дунайских княжествах гласила: «Княжества Молдавия и Валахия вместе с Бессарабией присоединяются на вечные времена к Империи Всероссийской, так что отныне впредь река Дунай пребудет границею между империею Всероссийской и Портою Оттоманскою». Последняя также должна признать вхождение Грузии в состав Российской империи⁸².

Турецкая сторона не пожелала вступать в переговоры на изложенных условиях, рычагов же давления на нее не было при ограниченности военных сил и маневрировании французского «союзника». Год шел за годом, и надежда на то, что туркам удастся навязать вы-

работанные условия, таяли, как снег под лучами весеннего солнца. В марте 1811 года Александр I, преодолев личную антипатию, поставил Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова во главе Дунайской армии.

В Стамбуле не думали подписывать предложенные условия. Туда поступали сведения о передвижении французской армии к российской границе, о бурных сценах, устраиваемых Наполеоном перед послом. Порта не видела причин для торопливости и тем более для уступок. Из поступавшей Кутузову конфиденциальной информации явствовало, что надежд на добровольную передачу Дунайских княжеств не существовало никаких: «сии провинции служат магазейном Царьграда, и потому вся нация не допустит султана делать сию уступку». Кутузов уже в июле 1811 года стал осторожно готовить царя к смягчению предъявляемых условий, Румянцев поддался на его доводы, и в депеше от 7 (19) августа соглашался удовлетвориться уступкой одного Молдавского княжества⁸³.

Единственным действенным и весомым аргументом для побуждения турок к компромиссу являлась решающая победа над ними. У Кутузова в подчинении всего 4 дивизии — 27 тысяч штыков, 13,5 тысяч сабель и еще 4 с половиной тысячи артиллеристов, а у неприятеля лишь под Шумлой — 80 тысяч.

Правда, размышлял полководец, «против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала». И Кутузов, вошедший в историю военного искусства как вождь осторожный и неторопливый, предпочитавший маневр бою, в кампании 1811 года показал пример «расторопности». Идти к Шумле, где засел великий везир, и надолго застрять под ее стенами, было неблагоразумно до авантюризма, следовало выманить того из крепости. Кутузов стал распространять слухи о слабости и даже бедственном положении своей армии. Он покинул занятые на правом берегу земли, оставив за собой лишь Рушук в надежде ободрить своим скромным поведением везира, и тот действительно воспрял духом и атаковал силами в 60 тысяч солдат и офицеров русскую группировку под Рушук (20 тысяч человек). Смять туркам русскую оборону не удалось, они побежали. Однако победитель не желал выглядеть таковым в глазах неприятеля и от преследования отказался. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы заманить османов на левый берег Дуная, отрезать их от баз снабжения и разгромить.

Кутузов распорядился взорвать рушукские укрепления, а войска переправил через Дунай, Ахмед-паша искушения не выдержал и бросился преследовать «отступающих». В Валахии Кутузов окружил ве-

зирское войско редутами, а корпус генерала И.И. Маркова, форсировав Дунай, ударил по османским тылам и разгромил их. Пути отступления турецкой армии были перерезаны, сама она была окружена под Слободзеей. Ахмед-паша бежал и 5 октября прислал в русский бивак парламентаря, прося перемирия и открытия переговоров. 30 сентября (12 октября) Румянцев направил в Дунайскую армию инструкцию: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею с Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться присоединением границы по р. Серет, продолжая оную по Дунаю до впадения его в Черное море». В Петербурге нервничали и торопили генерала: «Главное — не помешать настоящей негоциации достигнуть мира, что должно быть единственною и предпочтительною целию Вашею». Уполномоченным во главе с А.Я. Италинским, казалось, удалось достигнуть с турками согласия по смягченному варианту требований. Однако в ноябре вместо известия о получении партнерами согласия на подписание мира прибыло распоряжение султана: «У России нет причин желать расширения территории, она и так обладает самой обширной, и пусть граница останется прежней»⁸⁴.

«Негоциация» зашла в тупик, и Кутузов получил предписание — готовиться к «начатию» военных действий. «Начатия» не произошло, зимой тогда не воевали. Предусмотрительный командующий взял «армию турецкую, по сей стороне находящуюся» (то есть на левом берегу Дуная), «в сохранение до заключения мира» и неоднократно угрожал ей пленением.

Кутузова можно назвать генералом не только от инфантерии, но и от дипломатии. Он в полной мере учитывал в переговорах общую расстановку сил на международной арене и стремился использовать ее себе на пользу. Положение сложилось архисложное и неоднозначное. Если Австрия делала все возможное для того, чтобы ставить палки в колеса российским усилиям, то не такова была позиция Великобритании. Редко когда отношения де-юре между двумя странами, а именно состояние войны, в такой степени не соответствовало положению де-факто, их растущей заинтересованности в сотрудничестве. Ни та, ни другая сторона не желала сражаться по-настоящему. Происходили вещи, из ряда вон выходящие. Российский посол С.Р. Воронцов продолжал жить в Лондоне в качестве частного лица. Средиземноморская эскадра адмирала Д.Н. Сенявина еще в 1807 году была заблокирована в устье реки Тахо (Португалия) превосходящими силами британского флота. Однако его флагман выразил пожелание, чтобы российские суда были переданы ему (а не сдались!), да так, чтобы «менее всего

были задеты чувства вашего превосходительства» (то есть Сенявина). И корабли под Андреевским флагом и со своими командами приплыли к берегам Британии. Здесь экипажи высадились на берег, а суда взяты «на охранение». Матросы проживали в казармах, офицеры — на частных квартирах. Через год их переправили на родину. После заключения союза между Россией и Англией корабли были возвращены в порты Балтики, а те из них, что пришли в ветхость, британское адмиралтейство приобрело по цене новых, видимо, раскаиваясь в небрежном их содержании. Англия и Россия все годы разрыва были кровно и своекорыстно заинтересованы в тесных отношениях, а не в ссоре.

Джордж Каннинг, пока был главой Форин-офис (до дуэли со своим коллегой по кабинету и злейшим врагом Р. Каслри, стоившей ему министерского поста), пользовался каждой удобной оказией, чтобы выразить свое недоумение и огорчение сложившейся противоестественной ситуацией. До поры в Петербурге делали вид, что не слышат доносящихся из Лондона призывов. Когда же рухнули надежды на дивиденды от союза с Наполеоном и стало очевидно, что французы всерьез и надолго завязли в Испании, к ним начали прислушиваться.

Но гармония интересов, о которой проникновенно толковал Каннинг, существовала лишь на бумаге. Мир с Великобританией, к чему призывал англичанин, означал войну с Францией, к которой Петербург не был готов и которую стремился избежать до последней возможности. В британской политике утверждался курс на сохранение в незыблемости владений Османской империи, что совершенно не соответствовало точке зрения царизма. Правда, просачивались сведения, что в Лондоне согласны признать российские территориальные приращения как акт завоевания, что в трактовке Форин-офис не означало расчленения державы султана, ибо другие страны в сем не участвовали.

И все же существовавшие противоречия отступали на второй план перед общей задачей обуздания Наполеона, и попытка впрячь Россию во французскую колесницу, предпринятая в Тильзите и Эрфурте, провалилась с треском. Когда Бонапарт вздумал разводиться с бездетной в браке с ним и неспособной обеспечить упрочение династии Жозефиной Богарнэ, все решили, что политические последствия предстоящего сватовства будут неисчислимы. В неофициальных запросах сперва фигурировала великая княжна Екатерина, потом, более определенно — Анна Павловна. Сама предполагаемая невеста пришла в смятение, ведь совсем недавно с церковного амвона Бонапарта объявляли «тварью, совестью сожженной и достойной презрения», а

тут — угроза превращения «твари» в царского родственника! Отказ Наполеона от официального сватовства был воспринят как знак надвигающейся конфронтации.

Негласное англо-русское сотрудничество уже налаживалось, в контакты с Петербургом включился принц-регент Георг. 16 августа 1811 года он отправил через представителя восставших испанцев Зеа Бермудеса собственноручное письмо Александру I. В нем важно не содержание, чисто протокольное, а форма и тональность. Выразив глубокую скорбь по поводу наступившего между двумя странами разрыва, он свидетельствовал в нем свои «чувства доброго расположения и приязни, которые не могут быть стерты временем или препятствием», и подписался: «Преданнейший Вам <от имени короля> Георг». На письмо Александр не ответил (не дай бог, о корреспонденции проведать шпионы Бонапарта), но услуги не отверг, намекнув на их желательность окольным путем⁸⁵.

В том, что британская дипломатия в решающие месяцы склоняла Порту к примирению, нет сомнения, но и преувеличивать ценность ее поддержки нет нужды. Лондон не спешил с отправкой в Стамбул посла, Британию там представлял в ранге поверенного в делах Чарлз Стрэтфорд-Каннинг, двоюродный брат министра — 25-летний молодой человек, жаловавшийся на то, что месяцами не получает от Форин-офис указаний. Да и возраст на Востоке уважают, а чего не было — того не было. В марте 1812 года Кутузов передавал дошедшие до него сведения, что турки будут настаивать на исключении из договора всякого упоминания о границе в Азии (то есть о вхождении Грузии в состав России): «Сие новое затруднение почитаю я единственно последствием внушений г-на Каннинга, рожденных от торгового корыстолюбия его правительства. Я даже полагаю что неожиданное предложение, сделанное нам Портою, отстранить совершенно статью об Азии, нельзя иному чему приписать, как равномерно внушениям агличкого поверенного в делах».

Но поступала информация и иного рода: тот же Стрэтфорд-Каннинг в письме на имя турецкого уполномоченного Галиба-эфенди высказался в пользу мира» и прислал в ставку Дунайской армии своего сотрудника Р. Гордона для связи. Содействие достижению договоренности он обусловил согласием турок на границу по реке Прут и пригрозил им, в случае продолжения войны, прорывом британского флота в Проливы⁸⁶.

Иную позицию занимала Габсбургская монархия. Обобранная по Шенбруннскому договору 1809 года, она превратилась в младшего партнера завоевателя. Наполеон предложил руку эрцгерцогине Ма-

рии Луизе (сердце при этом никакой роли не играло), и на сей раз с полным успехом. Быть может, принцесса вспоминала детские годы, когда ее спешно увозили из Вены, коей угрожал страшный генерал-корсиканец. Как изменились времена! Австрию втягивали в союз с Францией в будущей войне с Россией, хотя император Франц прекрасно понимал, что разгром России превратит его зятя в распорядителя судьбами Европы, а венский двор — в клиента одного распорядителя.

В то же время и кайзер, и его первый министр К. Меттерних страшились утверждения северного колосса в низовьях Дуная, традиционно считавшихся зоной австрийского влияния, и в Стамбуле интересы Шенбрунна и Тюильрийского дворца во многом совпадали, при том, разумеется, что Наполеон хотел играть первую скрипку в балканских делах, как и во всех прочих⁸⁷. Только злая нужда загнала Вену в союз с Францией. Но продолжение Русско-турецкой войны устраивало обе державы.

Между тем переговоры буксовали. Галиб-эфенди был сторонником договоренности и в беседе тет-а-тет с Кутузовым дал понять о желательных ее условиях: в Азии — старая граница, в Европе — черта по реке Прут, причем крепости Измаил и Килия остаются за Турцией.

Положение «ни мира, ни войны» невозможно было длить до бесконечности. Кутузов грозил разгромом везирской армии, взятой им на охранение. Французская дипломатия, ассистируемая австрийской, предпринимала отчаянные усилия, пытаясь воспрепятствовать достижению согласия. Но и в Стамбуле усвоили уроки 1806 года, когда, поверив французским обещаниям, ввязались в войну с Россией и были брошены на произвол судьбы, и повторять печальный опыт не собирались. Вена и Берлин отдавали себе отчет в том, что поражение России в единоборстве с Францией превратит их в клиентов Наполеона. Загнанные пинками в союз с ним, Австрия и Пруссия давали понять Петербургу, что воевать против него будут символически. Император Франц не проглотил предложенную зятем приманку — выставить в поход на Москву 50-тысячную армию и сражаться по-настоящему. Он дал согласие на формирование вспомогательного корпуса в 30 тысяч штыков и сабель, а Меттерних устно, но в самой обязывающей форме заверил царского посла, что будет сделано все, дабы избежать серьезных военных действий. Не трогайте нас, и мы вас не тронем — вот был смысл его заверений. Пруссия пошла было дальше, генерал Г. Шарнхорст в декабре 1811 года подписал в Петербурге союзную конвенцию, однако трусивший король Фридрих-Вильгельм II не ратифицировал ее, но дал обещание, сходное с австрийским⁸⁸. Шведы дали понять по дипломатической линии, что стоят на стороне России.

Дания отказалась поддержать Наполеона. Международной изоляции отечества не получилось.

Казавшийся неразрешимым узел российско-турецких противоречий был разрушен царским рескриптом от 22 марта (3 апреля) 1812 года на имя Кутузова. Александр написал его сам, задумываясь над отдельными формулировками и перечеркивая карандашом уже написанное: «Великую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если было бы невозможно склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положа Прут, по впадении оного в Дунай, границею». Последнюю уступку император обусловил заключением союзного договора с Турцией.

О степени секретности царского решения можно судить по тому, что тем же числом, 22 марта помечены очередные инструкции Румянцева, в которых предписывалось держаться твердо и положить реку Серет границею.

Соответствующая статья подписанного в Бухаресте 16 (28) мая договора гласила: «Поставлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее». Мирным актом предусматривалось предоставление сербам самоуправления, но в форме, позволявшей Порте маневрировать и оттягивать решение вопроса. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, вошедших в нее добровольно, то есть Грузии. Император Александр ратифицировал договор в Вильно накануне (буквально!) вторжения наполеоновских орд в Россию.

Поскольку рескрипт от 22 марта (3 апреля) был окружен непроницаемой тайной, и в нем фигурировало требование о заключении союза в Портой. Кутузов брал на себя колоссальную ответственность, заключая мир: «Что я ничего лучшего сделать не мог, — писал он в реляции Александру от 4 (16) мая, — то причиную положение дел в Европе. Что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог». Характерно заключение: «Но если со всем тем выгоднее разорвать все мною обещанное, в таком случае приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Несчастье частного

человека с пользою общему ни в какой расчет не входит»⁸⁹. Кутузов предоставлял царю возможность отказаться от договоренности, взвалив всю вину на него.

Отказа не последовало — мир в создавшихся условиях был благом для России, но и заслуженных лавров полководец не дождался. Еще 4 (16) апреля был заготовлен рескрипт о передаче им командования адмиралу П.В. Чичагову. Он существует в двух вариантах: один — совсем сухой, на случай, если к приезду адмирала мир не будет подписан; во втором, как бы спохватившись, царь обещал старому полководцу «награждение за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали мне и отечеству»⁹⁰. Что ж, Михайла Ларионович сделал свое дело. Так казалось. А через три месяца, и вновь по призыву царя, Кутузов выехал из своей деревни к отступавшей армии, занятой гигантской схваткой с полчищами Наполеона, — навстречу битвам, славе, смерти и бессмертию.

Чичагов по прибытии к войскам попытался осуществить царское указание о союзе с Портой. Возник план Адриатической экспедиции, удара по южному флангу наполеоновских владений и создания на освобожденной территории «славянского царства», ядром которого надлежало стать Сербии⁹¹. По мысли стратегов из царского окружения и самого Чичагова, Высокая Порта, ради дружбы с Россией, должна была сама себе рыть яму. Столь же призрачной была идея о привлечении к экспедиции Великобритании, та не собиралась укреплять на Балканах позиции России.

Замысел открытия второго фронта в Далмации лопнул, как мыльный пузырь. Адмирал с армией двинулся в Центральную Россию, но не поспел к реке Березине, месту переправы отступающих войск Наполеона, что позволило спастись их остаткам.

* * *

Минувшее шестилетие, 1806–1812 годы, не прошло бесследно для балканских народов, в первую очередь тех, на землях которых шли сражения, — сербов, молдаван и валахов. Блеснула надежда на их освобождение. Она оказалась неосуществимой, но произошли серьезные подвижки на пути к цели. Уже в апреле 1807 года вожди сербских повстанцев обратились к Александру I с просьбой прислать им оружие, боеприпасы, деньги, нескольких офицеров и «особу, которая председательствовала бы в их советах и наставила бы их, как образовать сербское правительство». Так в военное лихолетье началось

строительство национальной государственности. Запросы были удовлетворены, включая отправку к ним «особы» в лице действительно статского советника К.К. Родофиникина. Из их лагеря поступали новые просьбы, в том числе устроить «по правам народа» конституцию (каковой Россия не обладала), и особо оговаривалось, чтобы в Сербии не было «помещиков, которые со временем могли бы народ поработить». Западные идеологические веяния проникали в сербское захолустье. Руководители восстания во главе с Георгием Петровичем Черным, вошедшим в историю под именем Карагеоргия, замахнулись на независимость, что, по мнению российской стороны, выходило за пределы достижимого, особенно в свете переговоров, завязавшихся с Портою после Тильзита. В 1808 году происходили лишь отдельные стычки повстанцев с турками. К.К. Родофиникин составил проект конституции, предусматривавший разделение властей: законодательная возлагалась на правительствующий сенат, исполнительную осуществлял единолично Карагеоргий, провозгласивший себя наследственным верховным предводителем сербского народа.

1809 год ознаменовался возобновлением военных действий, для повстанцев неудачных. Не мог похвастаться победами и генерал А.А. Прозоровский, не решавшийся перенести операции за Дунай. Сербы пытались завязать контакты с Веной, но австрийцам, занятым войной с Наполеоном, завершившейся их разгромом, было не до них. При поддержке русских отрядов повстанцам удалось переломить ход военных действий и перейти в наступление. Очередная их депутация просила в Петербурге поддержки в «утверждении независимости сербской». Но судьба страны в конечном счете определялась большой политикой. Пятому и последнему командующему Дунайской армией, М.И. Кутузову, царь предписал «обеспечить жребий сербский сколь можно согласно с желанием сербской нации»⁹².

Соответствующая статья Бухарестского договора обязывала Порту предоставить сербам «те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов архипелажских». Стамбул со статьей не считался, тем более что на островах хозяйничали французы, а после свержения Наполеона они стали владением британским и никаких привилегий от Высокой Порты не получали. Сербы со статьей не согласились. В середине июня 1813 года восстание вспыхнуло вновь. Заручиться содействием ни со стороны Австрии, ни со стороны России повстанцам не удалось, Петербург не мог пойти на нарушение только что подписанного и крайне необходимого ему трактата в условиях трудного и кровопролитного освободительного похода и ожесточенных боев в центре Европы. Желание покоя, как тогда именовали мир, охватило

общественность. Сербов ожидала расправа карателей, которая унесла жизни 100 тысяч человек, или трети населения Белградского паша-лыка.

* * *

Война с Турцией началась с занятия российскими войсками Молдавии и Валахии, население встретило вступившую в их пределы православную армию приветливо: «Лучшего расположения умов желать нельзя», — докладывал генералу И.И. Михельсону статский советник Соколов⁹³.

Содержание Дунайской армии в значительной степени (но не полностью) легло на плечи жителей, частично необходимое ей продовольствие подвозилось из Подолии и Херсона, не говоря уже о вооружении и боеприпасах, поставляемых из России⁹⁴. А тут еще традиционный беспорядок, царивший в делах, и вошедшие в плоть и кровь администрации злоупотребления. Молдаване жаловались И.И. Михельсону на лихоимство князя К. Ипсиланти, собравшего, по их заверениям, налогов и поборов на 1,5 миллиона лей больше положенного. Генерал не сумел разобраться, справедливы ли обвинения, но полагал, что «онный счет значительно увеличен». Куда девались деньги — осталось неизвестно, ибо молдавский диван опустил руки, «не нашел в казне ничего налицо» и «затруднялся в изворотах». Бояре горько жаловались на Ипсиланти, который под предлогом снабжения армии ввел «совсем несходственные меры», в результате чего «все тягости понесли бедные жители»⁹⁵.

Создается впечатление, что командование Дунайской армией запуталось в круговерти доносов и интриг и оказалось не в состоянии разобраться, кто прав, а кто виноват (да и существовали ли правые?). Властолюбивый К. Ипсиланти явно метил в наследственные владыки и даже организовал в бухарестской митрополии церемонию присяги ему со стороны высшего духовенства, бояр и торговцев (что не помешало им продолжать «кампанию жалоб»). Михельсон докладывал, что тень недовольства самоуправством князя может пасть на Россию и «по возникающему ныне негодованию подвергнуть может крайнему беспокойству страну»⁹⁶. Все это вызывало в Петербурге подозрение и тревогу, и честолюбец покинул берега Дуная и вместе с семьей переселиться в Россию. Управление княжествами было поставлено под российский контроль. Сенатор С. Кушников и бывший киевский губернатор В. Красно-Милашевич, как председатели молдавского и

валашского диванов, пытались бороться со злоупотреблениями, но взамен избличенных и наказанных казнокрадов приходили новые. Армия снабжалась из Подолии, Херсона и самих княжеств, платежи производились квитанциями, подлежащими обмену на деньги, причем через посредников, к рукам которых немало прилипало. Чиновники, присылаемые из России, были под стать местным, и диваны жаловались на их лихоимство⁹⁷. Эпизодически происходили выступления крестьян против тяжести налогов и поборов. Командование издавало грозные приказы и карало тех, кого настигала его рука. Но ведомо всем, что от избличения зла до его искоренения — дистанция огромного размера. Царившие порядки (или скорее беспорядки) возмущали старого генерала А.А. Прозоровского: «Администрация в сих княжествах основана вообще на грабеже, как то господам подробно известно, ибо они за деньги дают чины и места, а люди, оные получающие, возмещают все опять же на народ, который, следовательно, несет один всю тяжесть»⁹⁸.

Вообще же экономика княжеств в запустение не пришла, и поставки для Дунайской армии способствовали ее развитию. Военные инженеры предприняли поиски в Карпатских горах железных и медных руд, золота, серебра и свинца, но обнаружили запасы соли, серы и угля. Были предприняты кое-какие меры по упорядочению жизни в городах. В Бухаресте учредили полицию и пожарную службу, насосы привезли из Киева, замостили некоторые улицы, укрепили берега реки Дымбовица, чтобы она в половодье не заливала окрестные дома, проверили лиц, занимавшихся врачебной практикой, изгнали из их среды шарлатанов и знахарей.

Война поставила перед молдавско-валашским обществом судьбоносный вопрос: каким путем идти? Стремление связать свою судьбу с Россией не исчезло, и после битвы при Обилешти (1807 год) молдавские бояре во главе с митрополитом Вениамином решились от имени всего населения «от мала до велика дерзнуть и со слезами на глазах прибегнуть к избавителю нашему», дабы избавить страну «от тиранского ига, от суровости иноверцев и от опасностей от мятежников, истребить несносное правление, грозившее угнетением бедному сему народу». Они обратились к царю Александру с просьбой «присоединить правление земли сей с Богохранимой державой своей», напомнив и повторив то, что традиционно фигурировало в подобных прошениях о подданстве, а именно — сохранение в стране старых законов и обычаев, о чем говорит фраза о «преимуществах, которые твоя ж власть сей земле утвердила»: «Да будет одно стадо и един пастырь. И тогда наимуем сей есть златый век состояния нашего», — заключали ми-

трополит, епископы и бояре⁹⁹. Ходатаи, сплошь феодалы, духовные и светские, не позабыли и о своих интересах, предлагая российской администрации увеличить число барщинных дней с 12 до 32 в год¹⁰⁰. Но и средние, и низшие слои населения, по имеющимся сведениям, не изверились в России и не отвернулись от нее.

Есть свидетельства и иного рода: валашские бояре дважды обращались к Бонапарту с просьбой о защите от произвола Порты и покровительстве¹⁰¹. Можно поэтому говорить о начавшемся в элите Дунайских княжеств размежевании по вопросу о внешнеполитической ориентации. Но после Тильзита Наполеон был занят играми с Россией. Когда же пути двух стран разошлись и схватка между ними близилась, он заманивал в свой стан Австрию, предлагая ей в виде вознаграждения Молдавию и Валахию. Так что серьезных шансов на то, чтобы завербовать императора французов в свои защитники, у княжеств не существовало.

Донесения французских консулов из Ясс и Бухареста содержали примечательное признание: «Большая часть жителей привержена России». Тут же следовало уточнение: «Не потому, что они желают перейти под ее управление», а ввиду «надежды на восстановление, под ее влиянием, действия хатт-и-шерифа 1802 года; таковы мотивы, воздействующие на умы большей части жителей»¹⁰². Идея национального освобождения еще не созрела, противоборство с Османской империи представлялось невозможным, но мысль о значительном расширении национальных прав с опорой на Россию владела умами.

Свидетельств о целенаправленной оппозиции российскому правлению в княжествах в отечественных архивах почти не сохранилось. Некий спатар Иордакий Катарджи, будучи в Вене, «показывал неудовольствие, говоря о Молдавии». Его «тайным образом» схватили и посадили в Тираспольскую крепость. Иордакий покаялся: он-де по легкомыслию «изъяснял речи, его званию неподобающие», и его отпустили с миром. О том, что Катарджи был послан единомышленниками в Париж, просить там протекции Наполеона, не дознались¹⁰³.

Мерилом общественных настроений может служить участие местных жителей в войне на стороне России. Вскоре после вступления полков И.И. Михельсона в княжество удалось сформировать 6 отрядов по 600 человек в каждом. В дальнейшем создавались и другие части под названиями одно красочнее другого: «македонские драгуны», «эллинский корпус», полк казаков, «черные валашские гусары», в которые вступали как сербы, болгары и греки, проживавшие в княжествах, так и коренные жители. В условиях «странной войны», когда боевые операции прерывались длительными перемириями, содержать

их было накладно, особенно во время бездействия. Одно из донесений А.А. Прозоровского содержит совсем грустную констатацию насчет солдат, завербованных князем А. Ипсиланти: они «действительно никуда не годятся и совершенно ни к чему не способны. Я нашел почти всех в ободранном платье и обуви и большей частью в одних постолах»¹⁰⁴. Их командиры сообщали начальству завышенное число имевшихся у них людей и получали на них довольствие.

Но не все было плохо. Наиболее боеспособной частью разношерстных национальных формирований являлись пандуры (стражники) Малой Валахии (Олтении). Они несли службу на правом берегу Дуная, прикрывая фланги российских войск в сражении под Рушуком (1811 год), тогда же им удалось захватить турецкие суда в устье реки Олт¹⁰⁵. Из рядов добровольцев-пандур вышел и вождь валашского восстания 1821 года Тудор Владимиреску, тогда — командир батальона. Архивы сохранили свидетельства о службе волонтеров: «Состоящий в команде его батальон содержан был в добром порядке и воинской дисциплине; сверх того по данным ему поручениям ловил несколько раз и доставлял к начальству существующих в здешних местах разбойников», — писал генерал И.И. Марков. Некоторые данные о воинских операциях Владимиреску приведены в записке майора Редрикова (1810 год): «С июня 4-го дня по 3-е сентября сего года онный слуджер, командуя приверженными к нему христианскими пандурами, служил со всею ревностью в пользу е.и.в., во время бомбардирования падшей крепости находился на батарее противу оной, прерывая всякие сношения гарнизона Кладова с Адамкале, зная все проходы в горах. Оберегая внутренность Малой Валахии от набегов и грабительства пандур турецких и везде, где форсировали разбойники, форсировал и сам добровольно, следовал с войсками своими в сражение и всегда возвращался <с> счастливым успехом»¹⁰⁶. Чин поручика и орден Святого Владимира явились наградой ему за оказанные российской армии услуги.

Пока солдаты сражались, а крестьяне трудились, в столицах, в Яссах и Бухаресте, расцветала светская жизнь нового, невесточного стиля. Греческий язык, распространенный среди боярства и купечества, стал уступать место французскому. Появились театральные труппы, из Петербурга приехали два танцмейстера, из Киева — регент. Балы следовали один за другим. Княжества приобщались к Европе.

* * *

Год 1813-й. Начался освободительный поход российской армии. Германия — в дыму сражений. У российских войск вместе с прусски-

ми — лишь незначительный численный перевес над силами Наполеона. Бои под Люценом и Бауценом закончились без решающего успеха какой-либо из сторон, и Бонапарт приписал победу себе. В апреле скончался Михаил Илларионович Кутузов. В опытных, смелых, проверенных генералах не ощущалось недостатка, но не было никого, равного старому полководцу по авторитету, привязанности и доверию к нему солдат. Остро стоял вопрос о привлечении к союзу Австрии. У нее — особая позиция. Наполеон приходился зятем кайзеру Францу. Быть может, трагедия московского похода образумила ненасытного корсиканца, да и со здоровьем у него не все в порядке, глядишь, оборвется его земной путь, и тогда дочь, бывшая эрцгерцогиня Мария Луиза — регентша Франции, а потом и внук Наполеон вступит на престол в Париже и наступит доминация альянса Бонапартов и Габсбургов в Европе. Российского могущества в Вене боялись не меньше, а может быть, и больше наполеоновского. Глава ведомства иностранных дел граф Клеменс Меттерних ездил из одного воюющего лагеря в другой, пытаясь установить контакты между сражавшимися и склонить их к компромиссу. Иногда по пути он заглядывал в поместье своей возлюбленной, герцогини Саган, отдохнуть в ее объятиях. Результат переговоров равнялся нулю, Наполеон не желал расставаться со славой. Решающее свидание произошло в Дрездене 26 июня. Бонапарт отверг возможность каких-либо уступок со своей стороны. Расстроенный Меттерних, покидая дворец, сказал маршалу Л.А. Бертье: «Ваш повелитель положительно сошел с ума! У него под ружьем подростки». Вене оставалось примкнуть к союзу с Россией и Пруссией, что и произошло 10 августа. Она запаслась необходимыми гарантиями: Теплицкий договор (9 сентября) предусматривал восстановление Австрии и Пруссии в границах 1805 года. Три его участника собирались выставить против Наполеона каждый по 150-тысячной армии. Примкнувшая к нему Великобритания обязалась снарядить за свой счет такое же войско, ассигнуя по 20 фунтов стерлингов на содержание каждого пехотинца и по 30 фунтов — на кавалериста. Приобретая Далмацию, Австрия возвращалась на Балканы. Положение здесь представлялось Петербургу безотрадным. Высокая Порта не примкнула к Наполеону, но на этом ее благоразумие кончилось. Условия Бухарестского мира беззастенчиво попирались, привилегии Дунайских княжеств не соблюдались, российские корабли на Босфоре подвергались досмотру, купцов в Стамбуле принуждали продавать хлеб по пониженным ценам, сербское восстание было потоплено в крови. Удалые черногорцы в конце года, при поддержке британского флота с моря, заняли Боку Которскую (Катарро), осуществив свою давнюю мечту — пробиться

к Адриатическому морю. Митрополит Петр Негош обратился к царю с просьбой принять Черногорию (вместе с Бокой) под свое покровительство, а руки Александра были связаны теплицкими соглашениями, передававшими Далмацию Австрии. Дело окончательно запутали бокезцы-католики, обратившиеся за протекцией к Наполеону.

Совсем не по намерениям и желаниям Петербурга сложилась судьба Ионических островов. Британский флот их блокировал, весной 1814 года последний и самый крупный из них, остров Корфу, был занят англичанами. Рухнул план возрождения Ионической республики под сюзеренитетом Порты и под покровительством России, который пытался осуществить видный корфиот на российской службе Иоанн Каподистрия. Его даже не пригласили в Лондон для обсуждения вопроса, ограничившись ознакомлением с его запиской. Острова управлялись из Лондона через Министерство колоний, что само по себе свидетельствовало об их статусе.

На Венский конгресс (октябрь 1814 — июнь 1815 годов) в австрийскую столицу съехались 216 представителей всех европейских стран, кроме Турции. Высокая Порта отвергала саму идею участия в совещании неверных кяфиров, ожидая от них очередной порции козней. Но его решения, определявшие создание венской системы международных отношений, просуществовавших, с разными видоизменениями, сто лет, вплоть до Первой мировой войны, самым непосредственным образом касались Османской империи.

Решающий голос на форуме принадлежал победителям — России, Великобритании, Австрии и Пруссии, к которым старому лису Шарлю Морису Талейрану удалось присоединить Францию благодаря утвердившемуся в ней режиму реставрации, слабому и хилому. Широко обсуждавшимся планам переустройства Европы он придал теоретическую форму, развернув знамя легитимизма, возвращения низвергнутых революцией и наполеоновскими войнами монархов на прародительские престолы.

Формула встретила всеобщее одобрение — участники конгресса жаждали стереть с карты Европы следы произведенной чистки. Горячим ее сторонником выступил Александр I, уже не мечтательный юноша с туманными либеральными идеями, вступивший на престол 13 лет назад, а зрелый муж, прошедший горнило испытаний Аустерлица, Тильзита и Отечественной войны. Победу над Наполеоном царь был склонен приписать покровительству Всевышнего, отдавшего нарушителя спокойствия Европы, сокрушителя тронов Бонапарта на растерзание помазанникам Божьим. Возвращение на престолы согнанных с них монархов представлялось ему не просто актом справедливости, но и восстановлением санкционированных Провидением порядков.

Однако одно дело принципы, и совершенно другое — жизненные реалии. Восстановить всю старину с ее часто архаическим устройством не удавалось. Европа стояла на пороге промышленного переворота, оставалось всего десять с небольшим лет до лихорадки железнодорожного строительства — не воссоздавать же было княжеский муравейник в виде Священной Римской империи германской нации, разбитый на 360 кусков и кусочков. Конгресс остановится на полпути, образовав Германский союз из 38 государств и 3 вольных городов — под председательством австрийского делегата.

За ширмой легитимизма скрывались острые разногласия победителей по территориальным вопросам. Царь требовал присоединения к России Герцогства Варшавского. И в данном случае грустная поговорка — добрыми намерениями вымощена дорога в ад — подтвердилась земными делами. Александр руководствовался самыми благими побуждениями — Польше предстояло стать некоей лабораторией по проведению преобразований в империи, о которых все еще помышлял государь. На деле же превращение бывлой Речи Посполитой в Царство Польское под скипетром Романовых стало фатальной ошибкой отечественной дипломатии: поляки не желали мириться с автономным статусом, с дарованной им конституцией, польский вопрос на столетие превратился в очаг тревоги для Российской империи с драматическими столкновениями и кровопролитными восстаниями.

На почве территориальных споров и притязаний на первое место в Европе произошел раскол в антифранцузской коалиции. 3 января 1815 года Великобритания, Австрия и Франция подписали секретный договор с целью противодействовать присоединению к России Герцогства Варшавского, а к Пруссии — всей Саксонии. Подписанты выразили готовность, в случае неуступчивости царя, выставить по 150-тысячной армии для возможных военных действий. Александр узнал о предательстве «друзей» случайно. С наступлением Ста дней Наполеона король Людовик XVIII столь стремительно бежал из Парижа, что оставил в письменном столе присланный ему экземпляр документа. Наполеону оставалось переслать попавшую ему в руки улику самодержцу в Вену. Возможно, и даже вероятно, что царь в душе был возмущен, но ситуация властно требовала сплочения для достижения мира, а не ссоры между победителями. Александр театральным жестом (перед Меттернихом) бросил бумагу в камин, где пылал огонь. Наполеону не удалось развалить выступавшую против него коалицию. Российские и прусские требования в отношении Польши и Саксонии были ограничены, но удовлетворены.

И все же факт остается фактом. России не простили победы, Александру не удалось установить преимущественного российского влияния в европейских делах. Не оправдались надежды царя на лояльную позицию режима Реставрации во главе с королем Людовиком XVIII. А именно он высказывался за равноправное участие Франции на конгрессе, и расчет представлялся обоснованным: Великобритания, утвердившаяся на позиции сохранения власти Османской империи в Юго-Восточной Европе, — старый соперник, Австрию удалось вовлечь в войну после длительного торга, К. Меттерних, словно угорелый, метался между Наполеоном и союзниками. Мы употребляем этот недипломатический термин потому, что он лучше всякого иного характеризует стремление Вены оказаться в выигрыше при любом исходе событий и занять место арбитра в споре между истощенными войной сторонами. Опереться на третью силу в лице Франции казалось поэтому естественным. Но Александр не подозревал, что пригревает на груди змею. Талейран занял место в центре антироссийских интриг и усвоил на конгрессе тон победителя, а не побежденного: «Я никогда не соглашусь отдать Саксонию Пруссии. Тем менее я допущу, чтобы Россия перешла Вислу, имела в Европе 44 миллиона подданных и границы на Одере».

Душевная драма Александра объяснима и понятна. Он был убежден в чистоте своих побуждений. Он хотел дать полякам «хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей какого-то другого правительства»¹⁰⁷. И что же? Ш.М. Талейран, не так давно состоявший у него в осведомителях и не брезгавший вознаграждением, держал перед ним дерзкие речи. Человек, оформлявший наполеоновские захваты дипломатическими кружевами, теперь с бесподобным апломбом поучал собравшихся в Вене сановников: «Основная потребность Европы — это изгнание мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимизма, из которого проистекает порядок и устойчивость».

Вспомнить бы Александру Благословенному собрания Негласного комитета друзей молодости и горячие речи В.П. Кочубея о территориальной насыщенности России. Углубиться бы в тысячелетнюю историю польского государства — и тогда он осознал бы, что никогда его жители не удовлетворятся ни автономией, ни конституцией (по оценке Ч. Вебстера, «далеко опережающей время»)¹⁰⁸, ни либеральными реформами, — ничем, кроме независимости.

Сто дней Наполеона показали союзникам, что французская опасность еще не миновала и расходиться еще рано. 15 ноября в Париже

был подписан новый договор, более жесткий, чем заключенный в году предшествовавшем. Франции пришлось расплатиться не только за авантюру Бонапарта, но и за антироссийский аллюр Талейрана на конгрессе. Петербургский двор утратил снисходительность к режиму Реставрации. Границы Франции были сведены к 1790-му, а не 1792 году, как то было раньше, что означало утрату некоторых стратегически важных районов (Филиппвилля, Саарлуи). Была наложена контрибуция в 700 миллионов франков. Оккупационные войска союзников на три года заняли северо-восток страны.

Османская империя ни в одном из актов венского форума не упоминалась. Но незримо она в Вене присутствовала. Конгресс признал произошедшие территориальные изменения, в том числе переход Далматинского побережья к Австрии и водворение британцев на Ионических островах. У Высокой Порты появились влиятельные покровители в лице дипломатов Великобритании, Австрии и Франции. Царь подвергся нажиму с их стороны с целью добиться подключения державы султанов к задуманной системе территориальных гарантий. Великобритания завоевала полное господство в Средиземном море и не собиралась мириться с перспективой укрепления российских позиций на Балканах и особенно в Адриатике. Габсбургская монархия горой встала на защиту Порты. Британский посол в Константинополе Р. Листон заверял турецкие власти, что его двор использует все возможности, чтобы воспрепятствовать распаду Османской державы. В подголоске у двух стран состоял пока еще слабый режим Реставрации. В инструкции на Венский конгресс, которую Талейран сочинил сам для себя и которую подписал король, говорилось: Турция «является европейским государством, существование которого важно для сохранения европейского равновесия».

Государь, увлеченный строительством новой Европы (на старый лад), веривший в покровительство небес легитимным монархам, очутился в затруднительном положении. Мириться с нарушениями Бухарестского договора он не желал, кровавой расправой над Сербией возмущался. Но и возможности у него были скромные — не затевать же новую войну с Турцией! И он остановился на полпути, выразил согласие на присоединение Стамбула ко «всеобщему поручительству», которое собирались провозгласить в заключительном акте конгресса, но с непременным условием — добиться со стороны Турции выполнения всех принятых ею по миру 1812 года обязательств: ввести внутреннее самоуправление в Сербии, облегчить налоговый гнет в Дунайских княжествах, соблюдать там семилетний срок правления господарей, не чинить препятствий проходу судов через Черноморские проливы.

Первый уполномоченный на конгрессе А.К. Разумовский получил указание — потребовать у турок прекратить террор в Сербии.

Ходатайство Разумовского застряло на ухабах противоречий. Британцы согласились его поддержать, австрийцы — нет. Но грянули Сто дней Наполеона, османы воспрянули духом и заупрямились пуще прежнего. Реис-эфенди заговорил о возвращении Османской империи крепостей Сухум, Кемхала и Анаклия, претензии касались и большей части Грузии. Попытка сербов прорваться на конгресс, используя эмигрантов во главе с протоиереем Матией Ненадовичем, провалилась. Их просьба — похodataйствовать перед султаном «за сей несчастный народ», «чтобы поступлено было с оным не как с осужденным на жертву, но с подданным его», отклика не встретила.

Занятая самодержавием позиция — стоять на страже договора 1812 года — свидетельствовала о том, что завоевательных устремлений в Юго-Восточной Европе оно не вынашивало, и распространяемые по сей день в зарубежной историографии утверждения насчет имманентно присущей ему агрессивности относятся к разряду мифотворчества.

В Петербурге убедились — сотрудничество с союзниками на балканской почве к добру не приведет. Случайно попавший в руки царя и направленный против России тайный договор Англии, Австрии и Франции, вероятно, сыграл определенную роль в изменении тактики отечественной дипломатии. Посол А.Я. Италинский получил указание — заверить Порту в дружественном расположении к ней императора и в его стремлении разрешить имевшиеся расхождения «путем двусторонних переговоров, без всякого вмешательства других держав». «Это был новый принцип России в отношении Османской империи»¹⁰⁹, — пишет И.С. Достян, — принцип, который лег в основу ее балканской политики. Россия осталась по всем вопросам в полном одиночестве, союзники ее оставили и блокировались с Высокой Портой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сборник Русского императорского исторического общества (Сб. РИО). Вып. 70. СПб., 1890. С. VI

2 Страницы политической истории России. XVIII век. М., 1988. С. 326

3 Шильдер Н.К. Император Павел I. М., 1896. С. 446

4 Песков А.М. Павел I. М., 2000. С. 326, 114; Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000. С. 51–52

- 5 *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 187, 184, 190; *Наполеон. Избранные произведения.* М., 1941. С. 251
- 6 Correspondence inedite officielle et confidentielle de Napoleon Bonaparte. P., 1919. P. 121–122, 248
- 7 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 374, 487
- 8 Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 52, 46
- 9 *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 149
- 10 Там же. С. 162
- 11 Там же. С. 207–209
- 12 О русско-турецком договоре см.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1962
- 13 *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 231–233
- 14 Там же. С. 238
- 15 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1984. С. 346, 347
- 16 *Бажова А.П.* Россия и югославы в к. XVIII — нач. XIX века. М., 1996. С. 24; Политические и культурные отношения... С. 384–385
- 17 Там же. С. 377
- 18 Там же. С. 387
- 19 Там же. С. 385
- 20 *Трачевский А.С.* Наполеон I, первые шаги в консульстве. М., 1907. С. 165
- 21 Сб. РИО. Вып. 70. С. X–XI; *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 351
- 22 Русский архив. 1878. Т. 1. С. 104–110
- 23 Сб. РИО. Вып. 70. С. X
- 24 *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 339
- 25 Сб. РИО. Вып. 70. С. X–XI
- 26 Там же. С. XXVI
- 27 Проект экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапартом. М., 1847
- 28 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 396, 401, 476
- 29 Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВНР). Т. 1. М., 1960. С. 61
- 30 *Яковлев Н.Н.* Британия и Европа. М., 2000. С. 56
- 31 ВНР. Т. 1. С. 61–62; *Соловьев С.М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1878. С. 35
- 32 История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 30, 33
- 33 *Трачевский А.С.* Указ. соч. С. 306–308
- 34 Сб. РИО. Вып. 70. С. XIII. Обязательство не содержать гарнизона на Ионических островах Россия нарушила (осталось около 11 тысяч солдат и офицеров и 16 кораблей)

- 35 Сб. РИО. Вып. 82. СПб., 1892. С. 91; ВПР. Т. 1. С. 90–92
- 36 О фанариотском режиме см. Век Екатерины II... С. 51
- 37 *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 5–9
- 38 *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 56, 57, 60
- 39 *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 149
- 40 ВПР. Т. 1. С. 301
- 41 *Xenopol A.D.* Ероса fanarioților. Iași, 1892. P. 611–612
- 42 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 2. Л. 85, 18, 36, 51–52
- 43 ВПР. Т. 1. С. 145, 283–284, 51–52
- 44 Там же. С. 345
- 45 Сб. РИО. Вып. 70. С. СХІ
- 46 АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 2. Л. 132–134; Сб. РИО. Вып. 70. С. 117
- 47 ВПР. Т. 1. С. 441–443, 551–552
- 48 Там же. С. 383
- 49 ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 57, 59, 149, 154, 240
- 50 *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1931. P. 53, 56. См. также: Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 90–91
- 51 ВПР. Т. 2. С. 443, 465
- 52 Там же. С. 697
- 53 Там же. С. 613, 653
- 54 Сб. РИО. Вып. 82. С. 441–442
- 55 ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 226–231, 255
- 56 Сб. РИО. Вып. 89. С. VI–VIII
- 57 ВПР. Т. 3. С. 99–100, 133–134
- 58 Там же. С. 99–100, 133–134
- 59 Александр I, Наполеон и Балканы. С. 173
- 60 *Петров А.И.* Война России с Турцией в 1806–1812 гг. Т. I. СПб., 1885. С. 40–41, 50, 56
- 61 Там же. С. 59
- 62 *Driault E.* La politique orientale de Napoleone (1805–1812). P., 1904. P. 93–107
- 63 ВПР. Т. 3. С. 738–739. О хатт-и-шерифе 1802 г. см. С. 0000
- 64 ВПР. Т. 3. С. 11
- 65 Там же. С. 643–646
- 66 *Driault E.* Op. cit. P. 227–229
- 67 Сб. РИО. Вып. 89. С. 6; История внешней политики России... С. 63
- 68 *Driault E.* Op. cit. P. 55; Сб. РИО. Вып. 89. С. XV

69 *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.; Л., 1947. С. 169; *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1996. С. 119

70 История внешней политики России... С. 65

71 АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии. 1807. Кн. 3. Д. 29. Л. 241

72 *Петров А.И.* Указ. соч. С. 279–280

73 Там же. С. 271–283

74 Александр I, Наполеон и Балканы. С. 148–150

75 *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 214; Сб. РИО. Вып. 83. С. 233, 234

76 Сб. РИО. Вып. 88. С. 389; *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 1. СПб., 1910. С. 217

77 *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 217–218, 223–334; Сб. РИО. Вып. 89. С. 312, 441, 520–521

Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 224; *Driault E.* Op. cit. P. 252; *Вандаль А.* Указ. соч. С. 288–310

78 *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 98–99

79 *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 288, 306, 17

80 ВПР. Т. 4. М., 1965. С. 359–361; *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 307; *Romania in relatiile internationale.* Iasi, 1980. P. 63; АВПРИ. Ф. Канцелярия Дунайской армии. 1808. Д. 24. Л. 251; *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 175–178; *Тарле Е.В.* Талейран. М., 1953. С. 101–114. Подобные же услуги Талейран оказывал и австрийцам

81 *Гулия Г.Д.* К истории Восточного вопроса. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. С. 55

82 АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия... 1809. Д. 8. Л. 15

83 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1960. Л. 365, 379, 402; ВПР. Т. 6. С. 181–182; АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия... 1811. Д. 1960. Л. 429, 430, 469; 1811–1812. Д. 1964. Л. 145

84 *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 162, 166, 139, 140; *Тарле Е.В.* Три экспедиции... С. 130; *România în relațiile internaționale...* P. 63

85 ВПР. Т. 3. С. 397–398; *Гулия Д.Г.* Указ. соч. С. 57; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 6073. Л. 7–8

86 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 69, 99, 118, 119; *Крейе С.С.* Политика Меттерниха. М., 2002. С. 159; Александр I, Наполеон и Балканы... С. 194

87 *Рахимир П.Ю.* Князь Меттерних, человек и политик. Т. 1. Пермь, 1999. С. 85, 87; *Bethuart F.* Metternich et l'Europe. P., 1979. P. 80–82; см. также С. 0000

88 *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 183–294; *Рахимир П.Ю.* Указ. соч. С. 185–188; *Федорова Ф.А., Михайлова Т.И.* Австро-русские отношения накануне и

во время Отечественной войны 1812 года // Исторический архив. 1962. № 2. С. 99–112

89 Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. 850, 692; ВПР. Т. 6. 1962. С. 413, 737; Орлов А.А. Указ. соч. С. 183, 178, 177

90 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 261

91 Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 76–78

92 Александр I, Наполеон и Балканы. С. 215, 216, 221

93 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 36

94 Обрушившимся на население тяготам в связи с пребыванием в Молдавии и Валахии в 1806–1812 годах российских войск посвящена монография молдавского историка А. Агаки (*Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusa (1806–1812)*. Chisinau, 2008). Оккупация представляется как беспробудное бедствие. При этом упускается из виду, что путь к прогрессу в истории усыпан, как правило, не розами, а терниями, что, в отличие от общего тогдашнего обыкновения, российские войска снабжались не только местными припасами, но и подвозимыми из Подолии и Херсона, что власти собирали больше продовольствия, чем требовала российская армия на свои нужды, и излишек исчезал. И главное, все же надо иметь в виду, что русско-турецкие войны являлись единственно возможным, а потому и неизбежным компонентом процесса освобождения балканских народов. Или эти войны, или прозябание в османской темнице. Иного пути не было, на единоборство с Османской империей ни все вместе, ни тем более по одиночке они не были способны. Все этапы развития и укрепления автономии Дунайских княжеств и завоевание ими в конечном итоге независимости происходили в ходе или после русско-турецких войн и в их результате

95 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 33, 37, 57

96 Там же. Л. 56, 57, 77, 85

97 Bezviconi G. Contribuția la istoria relațiilor româno-ruse. București, 1962. P. 58–98; Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 213

99 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 47

100 Istoria României. V. 3. București, 1964. P. 720; România în relațiile internaționale... P. 58–59

101 Istoria României. București, 1998. P. 330–331

102 Istoria României. V. 3. P. 607

103 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1960. Л. 248; Istoria României. V. 3. P. 609

104 Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 212

105 Istoria României. V. 3. P. 609. Подробнее о действиях молдавско-валахских добровольцев см.: Известия Молдавского филиала АН СССР. 1961. № 2; Труды Центрального архива МССР. Т. 1. Кишинев, 1963

- 106 Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. București, 1959.
V. 1. № 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11 12, 14, 15, 22
- 107 История внешней политики... С. 173, 124, 126
- 108 *Webster Ch.K.* Op. cit. P. 84; *Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959. С. 307, 311; Александр I, Наполеон и Балканы. С. 257
- 109 *Достян И.С.* Венский конгресс и Восточный вопрос // Александр I. Наполеон и Балканы. С. 252–253; *Webster Ch.K.* The Vienna Congress. L., 1920. P. 84

СОЮЗ И СОПЕРНИЧЕСТВО АНТАГОНИСТОВ

АНГЛО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

После Венского конгресса пришла пора обращаться к делам восточным. Положение сложилось неутешительное. Воспользовавшись занятостью России в местах, от нее удаленных, Высокая Порта нарушила чуть ли не все статьи Бухарестского договора 1812 года. Сербия, вместо мира и автономии, познала разорение. В 1815 году произошла еще одна вспышка восстания, быстро подавленная. Карагеоргий пребывал в эмиграции в Австрии, движение возглавил Милош Обренович. Пройти еще раз огнем и мечом по разоренной земле каратели не решились, опасаясь вмешательства России. По устной договоренности белградский везир Али Марашли-паша предоставил сербам право самим собирать налоги, вершить суд и признал Милоша Обреновича верховным правителем сербских земель. На этом «автономия» и заканчивалась. В 1816 году российский МИД констатировал: «Четыре мирные года были своего рода продолжением войны». Сербия, вместо того чтобы пользоваться благами самоуправления, «оказалась наводненной ордами, жаждущими крови и резни» (то есть турецкой армией). Господари Молдавии и Валахии «превратились в орудие по взиманию тягостных реквизиций», обязательство освободить их на два года от выплаты дани Порта не соблюдала и «задушила» несчастные провинции поборами, увеличив их в пять раз¹.

Встревоженный творившимся произволом, Александр I запросил мнение своего статс-секретаря, грека-корфиота Иоанна Каподистрии, либерально настроенного выдающегося дипломата, относительно перспектив России на Балканах. Тот изложил свою точку зрения в пространной докладной записке.

Бухарестский мир представлялся Каподистрии недостойным паллиативом, договор следовало отвергнуть и настоять перед Портой на заключении нового на следующих основаниях: Сербия, Молдавия и Валахия — княжества с широкими автономными правами под

управлением принцев из немецких владетельных домов, людей гораздо более самостоятельных, чем назначенцы султана. И тогда престиж России в Юго-Восточной Европе возрастет в колоссальной степени, а перед населяющими регион христианскими народами, прежде всего греками, откроется путь к независимости. Союзные дворы, «обезоруженные бескорыстием России» (!), не станут возражать против предлагаемой системы и даже выступят ее гарантами. Что же касается Турции, то достаточно сосредоточить у ее границ войска, чтобы добиться ее согласия на предложенную комбинацию².

Создается впечатление, что, сочиняя свой химерический прожект, Каподистрия руководствовался чувствами греческого патриота, а не сухим реализмом, долженствовавшим определять действия высокопоставленного российского чиновника. Где это случалось, чтобы «бескорыстие» в международных отношениях обезоруживало оппонентов, и они, забыв о собственных интересах, шли на уступки? Напротив, бескорыстие во все времена возбуждало у них алчность. И уж совсем маниловщиной представлялось то, что с помощью дипломатических маневров, даже подкрепленных военными приготовлениями, можно было «заставить султана отказаться от господства на Балканах»³.

Изысканный джентльмен Александр Павлович счел экспозе своего статс-секретаря весьма продуманным, но по сути дела отверг его доводы начисто: «Чтобы исполнить это, надобно воевать, а я этого не хочу. Довольно воевать на Дунае, соглашение бухарестское, выгодно оно или нет, должно быть исполнено. Надобно довольствоваться им и стараться извлечь из него всю возможную пользу»⁴. Взрыв в балканском котле противоречий мог разнести в клочья всю хрупкую конструкцию европейского мира, и государь наставлял Каподистрию: «Вразумите Ваших соотечественников и через них и остальных греков. Я желаю содействовать улучшению их участи, но на основании договоров. Всем нужен мир, а его нельзя обеспечить иначе, как единодушием правительств. Этот великий результат наших трудов будет потерян с той минуты, как интересы Востока бросят между нами начала раздора»⁵.

Отечественная историография, включая автора сих строк, традиционно связывала позицию царя с его легитимистски-охранительными настроениями. Следует, однако же, обратить внимание на его слова: «Всем нужен мир». Неосторожность в обращении с пресловутым восточным вопросом, не говоря уже о попытке навязать свою волю партнерам-соперникам, могла погрузить Европу в трясину войны. А вступить в нее значило сокрушить всю систему международных отношений, учрежденную Венским конгрессом, в основе которой лежало стремление утвердить на континенте безопасность, свести царя с

пьедестала миротворца и первого монарха Европы, обречь Россию на международную изоляцию, рассорить ее с союзниками, превратить в политического изгоя — и все это спустя всего год после Ста дней Наполеона Бонапарта⁶.

Нелишне обратиться к теневой стороне событий, к той странице отечественной истории, которая редко привлекает внимание исследователей. Десять лет Россия вела войны, рекрутские наборы следовали один за другим, только в 1812 году в армию и ополчение вступило 1,3 миллиона человек, из которых 150 тысяч домой не вернулись. Половина казны шла на военные нужды (в 1812 году — 165 миллионов рублей из 300, в 1813 году — 265 миллионов из 423). Население стало от роста налогов и обесценивания ассигнаций, за серебряный рубль стали давать 3 и даже 4 бумажных. Участие в континентальной блокаде в качестве дополнения к союзу с Наполеоном подрывало торговлю. Армия страдала от интендантов-казнокрадов, не знакомых с таким понятием, как совесть⁷.

В 1812 году армия двенадцати языков, по словам писателя и декабриста А.А. Бестужева-Марлинского, «прошла по России как саранча, оставила за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали...». Калужская, Тульская, Тверская, Псковская губернии, примыкавшие к театру военных действий, не говоря уже о Московской и Смоленской, были, по словам современника, «истощены до крайности», разорению подверглись земли Белоруссии, Латвии и Литвы. В царском манифесте по случаю окончания войны говорилось: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду от Бога». Кое-что перепало разоренным и от земных властей — не больше полутора четвертей ржи на душу (около 315 литров) и по две четверти ярового посевного зерна на десятину, и то не безвозмездно, а в кредит с рассрочкой платежа на 10 лет⁸.

Страна была измучена и измотана военным лихолетьем и нуждалась, как тогда говорили, в длительном покое. Лишь в 1824 году удалось расквитаться с долгами. Идти в сложившихся обстоятельствах на риск дипломатически неподготовленной и чреватой европейским пожаром войны значило ставить на карту ее будущее. А военная партия была в ней многочисленна и бойка, и Иоанн Каподистрия принадлежал к ней.

* * *

Время шло, переговоры с Турцией буксовали на месте. Без вины виноватыми оказался персонал константинопольской миссии. Тер-

ление Александра лопнуло, в 1816 году он сменил весь ее состав во главе с А.Я. Италинским и назначил посланником барона Г.А. Строганова, слывшего опытным и решительным дипломатом. В инструкции, которой его снабдили, говорилось: Османская держава — вовсе не готовый рухнуть колосс, каковым ее представляют. Все государства ополчаются против России в готовности поддержать Турцию, ждаты отечеству поддержки неоткуда. Требования к Высокой Порте сводились к восстановлению Бухарестского мира во всей его полноте: к предоставлению самоуправления сербским землям, строгому соблюдению прав и привилегий Дунайских княжеств, обеспечению свободы торговли российским подданным и беспрепятственного прохода судов через Босфор и Дарданеллы. Важный пункт относился к Закавказью — Турция должна была признать установленную там линию разграничения, чего она ранее избегала. Османскому правительству надлежало обуздать «варварийских пиратов», положить конец морскому разбою, происходившему с санкции и при участии деев (правителей) Алжира, Туниса и Марокко, от которого люто страдало судоходство всех стран. Кабинет серьезно заботился о торговых интересах подданных. Отсюда — требование восстановления всех зафиксированных в прежних договорах и поправленных прав: обеспечение безопасности и собственности купцов, распространение на россиян торговых привилегий, которыми пользовались другие иностранцы, прекращение произвола при проходе через Проливы, доходившего до насильственной продажи товаров по заниженным ценам и даже до их конфискации⁹.

В данных Строганову инструкциях красной нитью проходила мысль о сохранении с Портой лояльных отношений: «Россия, как и все европейские государства, нуждается в спокойствии. Великие жертвы, принесенные ради мира, которым наслаждается теперь все человечество, не дали бы пользы народам, если б несправедливая война на Востоке снова ввела в действие и осуществила на практике право сильнейшего»¹⁰.

В дополнение к инструкциям и бумагам, сочиненным в министерстве, Александр снабдил Строганова и своим рескриптом: Россия опирается только на право, а не на оружие. Царь наставлял посланника: «Истина производит внушительное впечатление, когда она может излагаться вполне чистосердечно. Если она направлена на доброе дело, ее сила неодолима». Создается впечатление, что по части мечтаний император ушел недалеко от Каподистрии, Строганову предстояло силой убеждений исторгнуть у османов уступки и восстановить Бухарестский мир во всей его силе¹¹.

Высокая Порта не согнулась под бременем лежавших на ней моральных обязательств, действия Строганова в последующие 5 лет вполне можно уподобить топтанию на месте, если не считать совсем уж крошечных уступок с турецкой стороны.

В 1821 году на этом унылом дипломатическом фоне начались великие потрясения на Балканах. Возмущение османским господством достигло такой критической степени, что взрыв стал неизбежен.

В январе в Валахии поднял восстание Тудор Владимиреску, мелкий боярин, возглавлявший отряд румынских добровольцев во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, возведенный за это в чин поручика и награжденный российским орденом. В феврале реку Прут, отделявшую Россию от вассальных по отношению к Османской империи Дунайских княжеств, перешел отряд этеристов, членов Дружеского общества (Фелики этерия), основанного в Одессе и готовившего освобождение Греции. Местные власти им не мешали. Во главе их встал генерал-майор царской армии Александр Ипсиланти, сын эмигрировавшего в Россию бывшего господаря Молдавии и Валахии Константина, решивший прорваться через румынские и болгарские земли в Грецию. 21 февраля, одетый в генеральскую форму, в сопровождении двухсот сторонников, он появился на правом берегу реки Прут. Его обращение к грекам «В бой за веру и отечество» содержало многозначительный намек: «Поднимайтесь, друзья, и вы увидите, как могущественная сила (вариант перевода — держава. — *Авт.*) защитит наши права»¹². Никто не сомневался, что речь шла о России.

Молдавского господаря грека-фанариота Михаила Суцу Ипсиланти заверил, что в Бессарабии стоит в готовности 70-тысячная армия генерала П.Х. Витгенштейна. Греческие сердца забились в восторге. М. Суцу направил Александру I петицию: «Осмелюсь повергнуть к подножию трона в.в. смиренную просьбу, поддержанную боярами страны: корпус войск совершенно необходим для обеспечения безопасности Молдавии»¹³.

Изначальная трагедия положения заключалась в том, что выступление России считалось само собой разумеющимся, никому на ум не приходило, что после многих лет тяжелых испытаний страна нуждалась в отдыхе и не могла, очертя голову, вступать на военную стезю. Ипсиланти в своем романтическом воображении полагал, что российская дипломатия как бы состоит у него на службе. Он наставлял Строганова: если Порта вздумает направить в Дунайские княжества войска, посланнику следует, не мешкая, протестовать, ибо угроза велика. У дипломата создалось впечатление, что на князя Александра нашло затмение. Указания вождя этеристов своим сторонникам

в Стамбуле выглядели совсем уж экстравагантно: им предлагалось в разных местах поджечь город и в воцарившейся суматохе наложить руку на султана¹⁴.

Сам Ипсиланти со своим отрядом 1 (13) марта вступил на землю Валахии. В обращении к «Храбрым дакам» он именовал себя вестником «независимости и счастья». Его зовет дорогая родина, Валахия для него лишь этап на пути в отечество. Он заверял жителей: «Могущественная империя-покровительница не допустит вторжения со стороны варваров, генерал-аншеф граф Витгенштейн получил приказ придвинуть к границе российские войска». Просьба к населению одна — предоставить этеристам кров и пищу во время их марша к Дунаю¹⁵.

Уверовал в российскую поддержку и Тудор Владимиреску. Он обратился к своим пандурам с речью: «Настал час открыть вам правду, что это выступление произошло по приказу императора России Александра, и дело идет об освобождении не только нашем, но и всего греческого народа. Принц Ипсиланти покинул Молдову, вступил на землю Румынской страны со значительным войском. А за этим ожидается великая сила России, находящаяся на реке Прут.

Мы поможем принцу Ипсиланти переправиться через Дунай, чтобы двинуться на освобождение своей родины. Русские помогут нам овладеть турецкими крепостями по течению Дуная, которые перейдут к нам. И тогда вы станете управлять своими делами самостоятельно.

Прекратите, начиная с сегодняшнего дня, всякие грабежи и убийства и всякие злодеяния, тех же, кто будет нарушать... этот приказ, я буду предавать смерти своей рукой»¹⁶.

Все выходило гладко на бумаге — этеристы прорвутся в Болгарию и отвлекут на себя турецких карателей, а Тудор станет вершить дела в родной стране.

Весть о походе Ипсиланти застала Александра на конгрессе Священного союза в Лайбахе (Любляне), и он воспринял ее крайне болезненно: в то время как он помогает тушить пожар на Апеннинах, где взбунтовались неаполитанцы, его собственный флигель-адъютант поднял мятеж на Балканах! Параллель между событиями на соседних полуостровах напрашивалась сама собой. Царь резко осудил выступление: было бы недостойно его «подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества». «Враги мира и порядка» профанируют все то, что есть самого священного у общества — веру в присягу». Досталось и Тудору Владимиреску. Консул в Бухаресте А.А. Пини вызвал его к себе и заявил о лишении офицерского звания и ордена¹⁷.

Собравшаяся на конгресс публика рукоплескала самодержцу, отступившему от традиционной политики поддержки национального движения на Балканах.

В отечественной литературе принято связывать резкую реакцию царя с воздействием на него идей Священного союза, чему способствовала и атмосфера в Лейбахе. Конечно, все это имело место. Но, очевидно, следует учитывать и другое. Могла ли тогда Россия рисковать вступлением в войну во имя христианских братьев где-либо, не являлась ли для нее подобная перспектива непозволительной, более того, недопустимой роскошью?

Известие о гневе царя произвело в Дунайских княжествах впечатление разорвавшейся бомбы. Замыслы всех участников драмы, греков и румын, этеристов, бояр и Тудора, рассыпались словно карточный домик под порывами ветра. Сочувствовавшие антиосманскому движению бояре ударились в бег, молдавский митрополит Вениамин удалился в эмиграцию, господарь М. Суцу сложил с себя бремя правления и последовал общему примеру.

Никакой мощной силы за спиной Ипсиланти не оказалось, имелось у него приблизительно 7,5 тысяч разномастного воинства, в котором, наряду с убежденными революционерами (Священная дружина, 450 человек), состояло множество людей без роду и племени, входивших ранее в различные полувоенные формирования наемников, считавших грабеж неременным атрибутом своей профессии. Пускаться с ними навстречу регулярной турецкой армии представлялось авантюрной затеей, Ипсиланти застрял в Валахии.

У Владимиреску почва ушла из-под ног. По его мысли, этеристы, вступив на болгарскую землю, должны были отвлечь на себя османские силы и предотвратить карательную операцию в Валахии. Вышло все наоборот: оставшись на левом берегу Дуная, они привлекли туда турецкую армию. Из занятых ими городов и сел поступали жалобы на творившийся там произвол, поборы, конфискацию скота, зерна, вина, на буйство арнаутов, сопровождавшееся грабежами и насилиями над женщинами и девицами. Ипсиланти на протесты жителей отвечал, что вновь набранное войско еще не привыкло к дисциплине, что, разумеется, не могло утешить жалобщиков. Ответное послание валашского дивана походило на обвинительный акт: «Вы нам обещали, что лишь пройдете по стране, а на деле вы утвердились на нашей земле, попираете оказанное вам гостеприимство, требуете невозможного от народа, всего лишнего, принявшего вас с распростертыми объятиями»¹⁸. Нельзя сбрасывать со счетов того, что Ипсиланти принадлежал к семье греков-

фанариотов, правление которых вызывало всеобщее недовольство в княжествах.

При приближении турецкой армии Владимиреску покинул свой лагерь в Котроченах под Бухарестом. Царило уныние. Ипсиланти заподозрил Тудора в сношениях с османами, его захватили в собственном лагере; раздраженные суровостью вождя повстанцы (он вешал любителей поживиться за счет населения) не выступили в его защиту. После инсценировки суда наступила расправа, Владимиреску предали смерти.

Основные силы этеристов потерпели поражение в битве при Дрэ-гэшани 7 (19) июня, Ипсиланти пытался скрыться в австрийских владениях, но был схвачен и остаток дней провел в темнице. Последние очаги сопротивления погасли в августе. Как пишет румынский историк Ф. Константиiniu, «без поддержки России выступление против Порты являлось актом самоубийственным».

* * *

Российское дворянство, тогда единственно социально активный класс населения, от обитателей Зимнего дворца до провинциальных Маниловых (назвали сына Фемистоклом) и Собакевичей (увешал гостиную портретами эллинских героев) сочувствовало грекам. А вести с Балкан приходили то воодушевляющие, то страшные. Вспыхнувшая в марте в Морее революция распространялась с быстротой лесного пожара. Инсургенты установили свой контроль на юге полуострова, действуя часто безжалостно в отношении мусульманского населения. В январе 1822 года, на гребне успеха, Национальное собрание в Эпидавре провозгласило независимость. Но затем наступили черные дни. Высокая Порта расправилась с движением в Валахии, уничтожила полунезависимый пашалык Али-паши Янинского в Албании. В Греции тысячи христиан стали жертвами репрессий, сотни церквей были разрушены; старец, патриарх Константинопольский был повешен в полном облачении, той же участи подверглись десятки архиереев. Мир содрогнулся, узнав об участи, постигшей население острова Хиос, примкнувшего к «мятежу», — каратели вырезали 20 тысяч его жителей, еще большее число угнали в рабство.

Многоопытные британские политики не верили в «успех», достигнутый в Лайбахе, — в привлечение царя на свою сторону. «Хотя приверженность императора к своим союзникам хорошо известна, — полагал глава Форин-офис лорд Р. Каслри, — и желание е.в. сохранить мир вну-

шает доверие, в России существует могущественная партия, придерживающаяся иной точки зрения, и она пользуется большим весом в Государственном совете, широко распространена в церкви и армии»¹⁹.

Вернувшись на родину, царь очутился в атмосфере всеобщего сочувствия грекам. Да, он пользовался огромным авторитетом в Европе, его нарекли Благословенным и любили в России. Но он твердо знал — пренебрегать общественным мнением нельзя, печальная судьба деда и отца, вышедших из воли дворянства и поплатившихся за то жизнью, говорила сама за себя. И он начал поиск путей отстаивания национальных интересов в обход принципов Священного союза. Он предпочел бы отступить от оных принципов коллективно, в виде некоей разновидности крестового похода, но понимал, что сие от него не зависит, и надеялся, что индивидуальную индульгенцию на защиту христиан удастся получить. 1 (13) июня 1821 года царь воззвал к совести кайзера Франца: «Россия не может смотреть на то, что полному истреблению, без различия между невиновными и виновными, предадут единоверный народ, поставленный торжественными актами под ее покровительство». Он зря рассчитывал на солидарность венценосцев. Кайзер остался глух к его призыву, а его канцлер К. Меттерних не дрогнул и доверял свои мысли бумаге: «За нашими восточными границами триста или четыреста тысяч человек, повешенных, расстрелянных или посаженных на кол, не считаются ни во что».

Стремясь привлечь внимание Европы к творившемуся геноциду, К.В. Нессельроде писал о «непрекращающейся страшной резне», о «посягательстве на христианскую религию и на существование греческой нации», о «мученической гибели главных епископов». Все напрасно.

Терпение царя истощилось. 18 июля 1821 года Г.А. Строганов предъявил Высокой Порте ультиматум. Греческое восстание в нем осуждалось, но предлагалось прекратить преследование тех греков, которые «либо не вышли из повиновения, либо принесут повиновение в известный срок». Отказ Турции удовлетворить ультиматум, говорилось далее, узаконит защиту истребляемых со стороны христианских государств, не могущих спокойно взирать на «уничтожение целого христианского народа» (царь все еще пытался выступать от имени Европы). Далее шли конкретные предложения явно российского происхождения: вывод турецких войск из Дунайских княжеств, восстановление в Проливах свободы судоходства, прекращение продажи товаров по низким ценам или даже их конфискации²⁰.

Отрицательный ответ Порты пришел быстро, Строганов затребовал паспорта и вместе с составом миссии отплыл в Одессу. Мир за-

мер — а что же дальше? И. Каподистрия, автор ультиматума, считал нужным перейти к «побудительным мерам» — ввести в Дунайские княжества войска, изгнать оттуда турецкую армию.

Г.Л. Арш в своей фундаментальной монографии «И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение» по дням проследил столкновение двух течений в российской элите — за войну с Турцией или за сохранение с ней мира. Каподистрия занимал видное место в «партии войны». Без российской поддержки восстание эллинов обречено. Коль скоро оно состоялось, Россия должна выступить. В письме к Строганову, своему единомышленнику, статс-секретарь сообщал: «Сегодняшняя почта не оставляет Вам желать ничего лучшего. Демарш, который Вы скоро предпримете, будет решающим»²¹.

Каподистрия не строил иллюзий насчет последствий предпринятых шагов, войну он считал неизбежной: «Не спрашивайте меня, через сколько дней наши войска получают приказ выступить. Я не знаю этого и не хочу знать. Для меня достаточно знать, что если в день, когда они должны будут выступить, они останутся еще на месте, я буду мертв для политики»²².

Войска не выступили. Столкнулись две позиции: горячего греческого патриота, готового без оглядки вовлечь Россию в дипломатически совершенно неподготовленную войну, и царя, подобного курса опасавшегося и не желавшего расставаться с надеждой на христианскую солидарность монархов.

Вслед за ультиматумом в Стамбул Нессельроде направил депеши в Лондон, Париж, Вену и Берлин с просьбой поддержать российские требования; в случае провала демарша в Турции царь запрашивал у европейских государств мандат на войну, заранее заверяя, что ее цели будут оговорены с державами (и отказываясь тем самым от экспансионистских «излишеств»).

Александр потерпел оглушительный провал. Взять турок на испуг не удалось. В Лондоне его ожидал холодный душ. Р. Каслри, видимо, в раздражении от того, что царь вышел из повиновения, дал понять послу Х.А. Ливену, что «британский кабинет хотел бы видеть Оттоманскую Порту одержавшей верх» и таким «простейшим способом» прекратить «осложнения» на Востоке. В сентябре четыре державы учинили демарш, но не перед турками, а перед греками, в котором поучали мятежников: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью Святого Евангелия, так и принципами чистой политики»²³. Российские оппоненты выступили в полном соответствии с постулатами Священного союза, и возглавляла их Великобритания, в союзе не

состоявшая. Налицо был серьезный раскол в ассоциации, и не в пользу России.

Угроза противодействия держав, трудное финансовое положение, неготовность армии к новым тяжелым испытаниям, не зажившие еще после Отечественной войны раны — все эти сугубо реальные факторы беспокоили царя. Тревожило его и положение в России. В 1820 году произошли волнения в привилегированном Семеновском полку, вызванные жестокостью командира, и Александр Павлович не скрывал своих опасений перед А.А. Аракчеевым: «И в России под государственное здание подведена пороховая мина карбонаризма»²⁴.

Пришлось возвращаться к старой тактике уговаривания без надежды на успех. В услугах энергичного и рискованного ходатая по балканским делам в лице Каподистрии перестали нуждаться. Уход грека совпал с утверждением царя, и уже навсегда, в охранительном курсе: никаких зигзагов в сторону либерализма, с легким вольномыслием «дней Александровых прекрасного начала» покончено, государственный интерес усматривался в сохранении крепостничества в России и в консервации легитимных режимов в Европе.

Но тот же государственный интерес требовал на Востоке иной линии поведения, взвешенной поддержки национально-освободительного движения, без рискованных, чреватых войной и изоляцией шагов, на которые горазд был граф Иоанн Антонович. В объяснениях с царем он прибегал к предельно допустимому по решительности перед коронованной особой тону: он покинет свой пост, если не захотят предпринять то, что должно (то есть воевать)²⁵. Не захотели. Каподистрия попросился в длительный отпуск по состоянию здоровья. Все понимали — это отставка, хотя ему сохранили жалование, что позволяло проживать безбедно в Швейцарии. В отечественной историографии она вполне правомерно сочетается с утверждением внешней политики страны на позициях консерватизма. Думается, это положение можно дополнить и другим: не мог Министерство иностранных дел возглавлять человек, для которого на первом месте стояли интересы греческого и, шире, балканского освободительного движения, о чем он сам свидетельствовал: «Что мне высокое благоволение императора Александра, если я не воспользуюсь им для помощи тому народу, к которому я исключительно принадлежу», и не останавливавшегося во имя этой поддержки перед прыжком России в неизвестность, каковым явилась бы война.

Министром долгие годы оставался Карл Вильгельмович (позднее — Васильевич) Нессельроде, которому Ч. Вебстер давал уничижающую характеристику: личность «с душой, погруженной в рутину

при отсутствии каких-либо собственных идей, кроме разве отвращения ко всему новому и либеральному»²⁶. Дореволюционная и советская историография не знали к нему пощады. Рискнем все же сделать одно замечание. Никаких собственных идей Карл Васильевич не имел и в них не нуждался. Он был верным слугой императоров, фанатиком департамента, трудягой, исписывавшим горы бумаг (а дома он находился под каблуком жены Марии Дмитриевны, урожденной Гурьевой, по прозвищу «петербургская ведьма»). Внешней политикой управлял единолично Николай I, в советниках не нуждавшийся. Однако опыт есть опыт, и в рамках царских повелений в 1820-е годы при подготовке войны с Турцией Нессельроде проявил себя достаточно умелым тактиком.

* * *

Петербургский кабинет после разрыва отношений с Портой ощутил все неудобства ситуации «ни мира, ни войны». Нет смысла блуждать вместе с российской дипломатией по бесконечному лабиринту, именовавшемуся поисками путей умиротворения Греции. В отличие от древнегреческого, выход из него вообще отсутствовал ввиду непримиримости сторон, и никакая нить Ариадны не могла вывести из него изрядно уставших в блужданиях россиян. Четыре года прошли в суете. Возможности прямого общения с Высокой Портой не существовало, и полная безысходность ситуации побудила ведомство иностранных дел обратиться к посредническим услугам лорда Перси Стрэнгфорда, британского посла в Константинополе, хотя тот был известен своими протурецкими симпатиями. Это было все равно, что пустить козла в огород стеречь капусту. Какое-то время бег на месте продолжался с участием англичанина. В поисках выхода из тупика Нессельроде в январе 1824 года сочинил «Записку об умиротворении Греции», предложив образовать на ее территории три автономных княжества. В плане историческом следует отметить ее положительную сторону — впервые великая держава предлагала возродить греческую государственность на столь значительном пространстве, включающем Морею, остров Крит, Эпир, Акарнанию, бывшее венецианское побережье Адриатики, Беотию, Фессалию и Аттику²⁷.

Инициатива повисла в воздухе, привлечь державы к обсуждению проекта не удалось, турки встретили в штыки идею коллективного вмешательства европейских государств в отношения султана с его взбунтовавшимися подданными. Неожиданный афронт получило

творение Нессельроде со стороны греков, добивавшихся полной независимости и в то время успешно сражавшихся с османскими карателями. «Ноту с севера» они сочли несправедливой и жестокой, и свой протест направили в Форин-офис, заключив его знаменательными словами: «Разве можно сегодня сомневаться в том, что греки достойны независимости?»²⁸. Свои взоры в поисках поддержки эллины обратили не к Петербургу, а к Лондону.

В 1822 году Р. Каслри, страдавший манией преследования, покончил жизнь самоубийством: будучи оставлен без присмотра в загородном доме, он зарезался перочинным ножом. Ему на смену пришел Джордж Каннинг, крупнейший государственный муж Британии XIX века, уже выступавший на страницах нашей книги. Он не участвовал, подобно своему предшественнику, в конгрессовой дипломатии и относился критически к Священному союзу. Британией тогда безоговорочно управляли лендлорды и сквайры, используя для этого сохранившуюся со Средневековья систему округов, при которой депутатов в Палату общин посылали многочисленные захиревшие, а то и вымершие «гнилые» и «карманные» местечки, а не рожденные промышленной революцией большие города. Могущественная торговая, индустриальная и банковская буржуазия к власти не допускалась. Тори (консерватор) Каннинг стремился смягчить ее недовольство и умерить оппозиционность учетом ее экономических интересов. Он поверг в оцепенение ретроградов во главе с герцогом Веллингтоном, признав независимость сражавшихся против испанского ига латиноамериканских государств и распахнув тем самым британскому капиталу двери на рынки Южной Америки. 25 марта 1823 г. Каннинг поразил европейские дворы, признав восставших греков воюющей стороной. Свое решение он расценил как акт, направленный на поддержание коммерции: «Турки не способны обеспечить безопасность британской торговли, следовательно, мы должны были рассматривать греков или как пиратов, или как воюющую сторону»²⁹. Относиться к борцам за свободу как к морским разбойникам и вешать их по стародавнему обычаю на реях не годилось.

Объективно он нанес тяжелый удар по принципам Священного союза, сильно ободивший повстанцев. В Лондон прибыли делегаты их временного правительства А. Орландос и А. Луриотис с целью заключения займа на 800 тысяч фунтов стерлингов. Банкирский дом «Лонгэм, О'Брайан и К^о» взялся за его размещение. Каннинг отказался принять посланцев официально, но запросил у них информацию о положении в Греции.

Британские акции на Балканах поднимались, российские падали. В Лондоне не вспоминали об идее Каслри, что отдать мятежников на

растерзание карателям — это простейший способ умиротворить их. Открывалась перспектива прочного утверждения на земле эллинов, и желательно без помех с российской стороны. Все потуги Петербурга сколотить общий фронт держав провалились. Посол в Вене Д.П. Татищев именовал позицию союзников «системой надувательства». Форин-офис паразитировал на бессилии царской дипломатии³⁰. Но всякому терпению приходит конец.

В декабре 1824 года Татищев получил указание — высказать свое личное предположение, что Россия может и одна, без постороннего содействия, завершить дело. Х.А. Ливену предписали прекратить сношения с Каннингом ввиду их полной бесплодности. МИД запросил и его, и других ведущих представителей за рубежом о дальнейших шагах по выходу из кризиса. По мнению Ливена, четыре года переговоров с «самым бессильным из правительств», турецким, ничего не принесли и в качестве награды за свое более чем великодушное поведение Россия покинута всеми. Остается одно средство — война, которая, чтобы заставить Европу врасплох, должна быть быстрой и решительной. Сходные мысли выражал посол в Париже К.О. Поццо ди Борго: на Балканах всякий руководствуется своими интересами, только у России «нет ни места, ни роли. Ни Европа, ни турки, ни греки не обращают на нас никакого внимания». Дипломат полагал, что открытого противодействия надвигающейся войне со стороны «союзников» ожидать нечего, даже Меттерних «ограничится изворотливостью и интригами и так называемой нравственной поддержкой или тайной помощью Турции»³¹.

Упоминания о монархической солидарности исчезли из российской дипломатической переписки, одолевали земные заботы, назревала угроза вытеснения с Балкан. Александр I доживал последние месяцы. Вечный странник («Провел всю жизнь в дороге и умер в Таганроге») скончался в ноябре 1825 года, и на престол вступил его брат Николай, молодой человек, малоизвестный в стране. Он не числился наследником-цесаревичем, титул носил второй сын Павла Константина. Что тот заранее отказался от царствования, знал определенно лишь почивший император. Неразберихой с престолонаследием воспользовались декабристы, выступившие на Сенатской площади 14 декабря. Николай быстро, решительно и жестоко подавил восстание и вступил на трон, будучи, по собственному признанию, совершенно неподготовленным к исполнению высокой царской миссии. Его воспитанием занимался не швейцарский просветитель Лагарп, как старших братьев, а прибалтийский солдафон Ламздорф. Новому венценосцу предстояло доказать стране, на что он способен, его личный автори-

тет равнялся нулю. В дворянских кругах царило беспокойство, недавнее восстание показало распространение революционных настроений в офицерском корпусе, армию следовало занять победоносной войной, перед общественностью предстать защитником национальных интересов, для чего не существовало более действенного средства, нежели выступление в защиту героических и страдающих греков.

В Лондоне встревожились: пускать российский корабль в свободное плавание по греческим водам опасно, разрешить проблему в узком кругу (Лондон — Стамбул — Навплия) не удастся, надо связаться с Петербургом и попытаться ограничить его самостоятельность. Каннинг стал наведываться в салон Дарьи (Доротеи) Христофоровны Ливен, в девичестве Бенкендорф, сестры шефа жандармов и супруги посла, дамы просвещенной, острого ума и, по мнению многих современников и исследователей, подлинного российского представителя в Англии. Любезность министра не знала предела, он усвоил доверительный тон: не следует полагаться на «двусмысленную правдивость лорда Стрэнгфорда» (что правда, то правда!). Вена прикрывается «тенью нейтралитета, но верить ей нельзя, ее агенты помогают туркам (совершенная истина!). При вручении Х.А. Ливеном новых верительных грамот король Георг IV вышел за рамки протокола и рассыпался в похвалах царю: «Твердое и величественное поведение посреди достойных сожаления сцен 14 декабря вызвало у него восхищение». Николай, по словам Георга, «заслужил благодарность всех суверенов за великую услугу делу всех тронов»³².

В Петербурге встретили британские авансы благосклонно, сознавая, что позиции Лондона и Вены отличаются не только в нюансах. Габсбургская монархия в лице канцлера К. Меттерниха не допускала даже идеи образования христианских государств на Балканах, поскольку они могли стать центром притяжения для проживавших в ней сербов и румын. У Великобритании подобных опасений не существовало. Каннинг допускал государственное строительство в регионе, но осторожное и ограниченное, чтобы оно не угрожало существованию Османской империи. Он решил изменить отношения с Россией и от саботажа ее усилий по урегулированию балканских дел перешел к более тонким маневрам. Раз предотвратить ее выступление безнадежно, следовало лишить его одностороннего характера, связать партнера, взять под свой контроль процессы, замедлить их ход, изыскать приемлемую для Великобритании и Высокой Порты формулу договоренности с греками.

Следовало спешить. Военное счастье отвернулось от инсургентов. Султан обратился за помощью к своему могущественному вас-

салу, правителю Египта Мухаммеду Али. В феврале 1825 года на юге Греции, в Морее, высадились две вооруженные и обученные по-европейски египетские дивизии под командованием сына паши, способного полководца Ибрагима. Они заняли Сфакторию, крепость и порт Наварин. Временную столицу Греции Навплию (Навплион) генералу захватить не удалось, но вся Морея подверглась разгрому. По поступающим в Петербург сведениям, Ибрагим обращал в пепел города и села, вырезал их обитателей, обращал в рабство женщин и детей. В 1825 году в Лондон поступило обращение греческого правительства с просьбой об установлении над страной британского протектората («акт подчинения»). Предложение в таком виде не устраивало Уайтхолл, ссориться с Портой кабинет не собирался. Дабы смягчить недовольство Стамбула, появилась королевская прокламация о нейтралитете. Но и сидеть сложа руки не годилось, можно было досидеться до русско-турецкой войны с ее непредсказуемыми последствиями к ущербу для Лондона. Под градом неудач инсургенты поскромнели. Форин-офису удалось выяснить, что они согласятся на автономию. А чтобы не потерять контроль за событиями на «русском фланге», Каннинг снарядил в Петербург герцога Веллингтона под самым благовидным предлогом — поздравить Николая I со вступлением на престол, а по сути — для обсуждения с ним всех восточных дел. В частности, он должен был предложить британское посредничество в урегулировании греко-турецкого конфликта. В случае отказа одной из сторон от предложенной услуги предусматривалось вмешательство обеих держав. И тут выглядывала ахиллесова пята инструкции, которой Каннинг снабдил фельдмаршала, в ней не предусматривалось действенных средств для побуждения Высокой Порты к сговорчивости, зато вполне определенно говорилось, что отказ Стамбула от посредничества не дает России права на войну³³. Возникла перспектива удаления в дремучие дебри бесконечных переговоров.

Молодой царь был польщен приездом знаменитого полководца, трудно было найти более подходящую личность для предполагаемой беседы (если не учитывать отсутствия у Веллингтона дипломатических дарований). В результате вместо того, чтобы устранить угрозу русско-турецкой войны, герцог ее приблизил. Император усыпил его бдительность горячим заверением, что «пока Османская империя существует, он будет рассматривать греков как взбунтовавшихся подданных».

Приезд в Петербург столь импозантной личности в Европе сочли признаком англо-русского сближения, что побудило Порту к уступчивости, и российский МИД воспользовался этим для урегули-

рования всех спорных с Турцией дел. Герцог, ознакомившись с подготовленной Нессельроде нотой, выразил согласие с содержащимися в ней требованиями, они в основном сводились к восстановлению погранных турками положений Бухарестского мира 1812 года, заключенного при содействии британской дипломатии (тогда ведь остро стоял вопрос о совместной борьбе с Наполеоном). В письме Стрэнгфоду в Константинополь герцог объяснял свою покладистость: если Турция не уступит и окажется в войне с Россией, это «бесспорно поощрит греков и толкнет на восстание поголовно всех европейских подданных Порты», удовлетворение же «справедливых требований России» «приведет к смягчению обстановки»³⁴. Руководствуясь теми же соображениями, кабинеты Лондона, Вены и Парижа произвели нажим на султана. Особенно старался Меттерних, вообразивший, что таким путем можно избежать «вторжения» России в греческие дела. Встревоженное турецкое правительство реагировало быстро, реис-эфенди прислал согласие на открытие переговоров.

Как нельзя более кстати для России в Стамбуле взбунтовались янычары. 15 июня в их ортах (ротах) были перевернуты суповые котлы, что означало призыв к мятежу. Султан обошелся с этой буйной вольницей истинно по-янычарски: бунтарей обезглавливали, душили (давили, как тогда это называлось), топили в водах Босфора, число жертв доходило до 20 тысяч. Янычарское войско подвергли истреблению, предстояло найти ему замену, на что требовалось время.

В июле в Бесарабии открылись переговоры, 25 сентября (7 октября) была подписана Аккерманская конвенция, восстановившая в полной силе Бухарестский мир 1812 года. В ней подробно оговаривались права и льготы Дунайских княжеств, включая 7-летний срок правления господарей, предусматривалось введение в Сербии автономного правления, с перечислением его пунктов. На Кавказе утверждалась пограничная линия с закреплением за Россией городов Анаклия, Сухум и Редут-кале, уточнялось разграничение по Дунаю. Статья 7 обязывала Порту не чинить «никаких преград свободному плаванью купеческих судов под российским флагом во всех морях и иных водах Империи Оттоманской»³⁵.

В беседах с Веллингтоном весной царю удалось сдвинуть с места и «греческий камень преткновения», и меньше всего споров вызывало обсуждение статуса создаваемого государства. Герцог собственноручным письмом ознакомил Нессельроде с пожеланиями временного правительства. Министр от имени российской стороны выразил с ними согласие. И тем не менее в подходе к вопросу в позициях собеседников существовало труднопреодолимое различие: британская но-

сила теоретический характер и обуславливалась согласием турок на задуманную комбинацию, на что без применения сил существовала лишь химерическая надежда. Используемые средства, настаивал герцог, «ограничатся представлениями»³⁶. Вырисовывалась перспектива бесконечной говорильни.

В российском представлении приобретение Грецией автономного статуса являлось конкретной целью, достигаемой активно, причем из способов не исключалась и война. Царским переговорщикам удалось таки изыскать формулу, позволявшую прибегнуть к «последнему доводу королей», и 23 марта (4 апреля) 1826 года был подписан англо-российский протокол, определивший расстановку сил в восточном вопросе на ближайшие критические годы. По условиям протокола, греки должны были управляться властями, «ими самими избранными или назначенными, но в назначении которых Порты будет иметь известное участие». Провозглашалась свобода совести и торговли. И, главное, полная самостоятельность в делах внутреннего управления. Зависимость от Турции фактически ограничивалась выплатой фиксированной дани³⁷.

Перечисленные условия были благоприятны для греков, учитывая в особенности то обстоятельство, что восстание дышало на ладан. Важно подчеркнуть, что пункт о статусе Греции был не плодом творчества тандема Нессельроде — Веллингтон, а почти совпадали с пожеланиями повстанцев, высказанными с учетом сложившейся обстановки. Правда, протокол умалчивал о границах создаваемого государства, а временное правительство претендовало на все земли, где проживали греки, что было явно нереально. Лишь ход военных действий мог прояснить вопрос о границах.

Ключевым параграфом в протоколе, с российской точки зрения, являлся третий, предусматривавший, что стороны в случае неудачи посредничества будут считать изложенные условия «за основание для примирения, имеющего состояться при их участии, общем или единичном, между Портой и греками»³⁸. Запрета прибегать к военным действиям при единичном участии параграф не содержал.

Участники обменялись клятвами о своем бескорыстии — они не будут «искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких выгод для своих подданных». Российская сторона не скрывала, что в случае тупика она не остановится перед применением «военных операций»³⁹.

Подписанный акт, несмотря на скромное название, — только протокол и всего лишь двое участников — имел для Петербурга геостратегическое значение, ибо знаменовал появление новой концепции балканской политики России: отказ от территориального расширения

в Юго-Восточной Европе и намерение создать здесь пограничную цепь дружественных христианских княжеств.

По здравом размышлении к двум кабинетам решил присоединиться третий, парижский. Режим Реставрации во Франции доживал последние годы, оппозиция резко критиковала его внешнюю политику за пассивность и пренебрежение национальными интересами, пугала полным вытеснением с Балкан, и Тюильрийский двор решил примкнуть к англо-российскому альянсу.

Союз трех был соткан из противоречий, партнеры не спешили вершить дела. В Петербурге убедились, что «исключительно желанием Англии остановить одностороннее вмешательство России в пользу греков было бы можно себе объяснить подписание герцогом Веллингтоном мартовского протокола». Однако тянуть без конца Лондон и Париж не могли, так можно было дожидаться истребления опекаемых. В депешах Нессельроде эта истина звучала следующим образом: ничто не может быть пагубнее для первых держав континента, как «громогласно заявить, что они добьются умиротворения в Леванте, а потом оказаться не в силах или не осмелиться осуществить свою волю»⁴⁰.

Заклученный 6 июля 1827 года трехсторонний договор в секретной своей части предусматривал использование побудительных мер с целью заставить Порту пойти на уступки. Соглашение явилось плодом борьбы и компромисса, но, «продавив» это решение, отечественная дипломатия не сумела добиться четкого определения упомянутых мер. В итоге адмиралам трех эскадр, британской, российской и французской, было предписано прервать снабжение турецко-египетских войск боеприпасами и продовольствием, применяя для этого в случае необходимости силу, но не прибегая к военным действиям⁴¹. Трех флагманов полученные путанные указания повергли в недоумение, но истолковали они их по-боевому. Возможно, влияние оказал психологический фактор. Какой моряк не мечтает о воинской славе, а она так редко осеняет флотоводцев! Крупные баталии на море в XIX веке можно пересчитать по пальцам: Трафальгарская (1805 год), Наваринская (1827 год), Синопская (1853 год). Ну как же упустить шанс и не вписать свое имя в скрижали морской славы?

8 (20) октября 1827 года соединенная эскадра под командованием адмиралов Э. Кодрингтона, Л.М. Гейдена и А. де Риньи уничтожила укрывшийся в Наваринской бухте на юге Мореи турецко-египетский флот.

Петербург приветствовал славную баталию колокольным звоном, а в Лондоне погрузились в печаль. Идти на большую ссору с Высокой Портой здесь не собирались. Джордж Каннинг только что ушел из жизни, сменившие его посредственности считали, что и так зашли

слишком далеко в побудительных мерах. Король Георг досадовал: он послал Кодрингтону ленту (орденскую, как-никак — великая победа), хотя тот заслужил веревку (понятно, для чего). В тронной речи монарх назвал сражение досадным происшествием. А Высокая Порта еще обострила ситуацию, потребовав у трех держав возместить ущерб, причиненный ей потерей кораблей, и принести извинения султану, иными словами — признать битву актом разбоя. Пойти на подобное унижение значило для держав выпороть самих себя. 8 декабря 1827 года, исчерпав все меры воздействия, их представители в Стамбуле объявили о разрыве отношений с Портой. Лондон и Париж очутились в тяжелом положении — Петербург подвел их к порогу войны с Османской империей. Но не воевать же для ее разрушения и укрепления российских позиций на Балканах и Ближнем Востоке! Единственное, что оставалось сделать, — это отмежеваться от опасного союзника. Глава Форин-офис лорд Дадли поспешил еще раз перестраховаться, предложив подписать так называемый протокол о бескорыстии от 30 ноября (12 ноября) 1827 года, в котором стороны вновь засвидетельствовали отсутствие у них территориальных претензий к Высокой Порте (что вполне соответствовало российской внешнеполитической концепции). Две державы оказались в тупике: после трех актов о сотрудничестве с Россией и Наваринского сражения они не могли поворачивать фронт на 180 градусов и выступать в защиту Турции. Самое большое, что им оставалось сделать, — это покинуть Россию накануне войны, что и произошло. Диву даешься, читая рассуждения А.В. Фадеева в его солидном труде, в котором он, во имя классового подхода и изобличения самодержавия писал: «Нессельроде и его сотрудники не сумели должным образом обеспечить в политическом отношении новую войну»⁴².

Ждать оставалось недолго. 27 декабря того же 1827 года последовал указ падишаха, в котором Россия объявлялась исконным врагом Османской империи, подстрекавшим греков на мятеж против кроткого турецкого правления. Султан призывал правоверных «отвергнуть нелепые требования трех держав», «восстать поголовно за веру и империю свою», вспомнить славу предков и затмить ее своею⁴³.

14 (26) апреля 1828 года началась очередная Русско-турецкая война.

* * *

Разразившийся в посленаполеоновскую эпоху на балканской почве кризис в международных отношениях поучителен. В ходе его сошел со сцены Священный союз как политическая и органи-

зационная структура, разбившись о балканские утесы, и немалая «заслуга» в этом принадлежала царизму. В борьбе между чувством и долгом самодержавие мучительно и с колебаниями выбрало последнее и встало на путь поддержки освободительного движения христианских народов и поправления власти легитимнейшей из династий, Османской. Подобного удара по своим принципам Священный союз не выдержал. Его Веронский конгресс (1823 год) оказался последним, хотя участники конгресса разошлись под бодрые пожелания ему долгих лет жизни и процветания. На самом деле строй держав смешался, никогда больше Россия, Австрия, Франция, Пруссия не выступали в едином строю, каждый защищал свои интересы и тянул воз на себя.

Но духовно, как выразитель начал легитимных и охранительных, Священный союз продолжал существовать. Различные комбинации правых сил, сражавшихся с революцией, нарекали его именем.

Балканы рано вышли из тени Священного союза, оказавшись в развилке между постулатами легитимизма и государственными интересами России. Сомкнулись соображения стратегической безопасности, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремление избавить их от османского гнета. В кои-то веки власть пошла вместе с обществом.

Лишь уникальное стечение обстоятельств подвигло царизм занять на Балканах разрушительную для Священного союза позицию. Во всей остальной Европе государственный интерес усматривался в другом. Николай I мнил себя рыцарем мира и освященных Богом порядков, его цель — «поддерживать священный огонь 1815 года» и сражаться с «адскими принципами революции». Беда заключалась в том, что отстаиваемые порядки подгнили и рушились, несмотря на его самоотверженные усилия по их спасению. Уже представители старой отечественной историографии пришли к выводу о тщетности и бессмысленности его подвигов: «Император Николай I оставался неутомимым защитников порядков, которые давным-давно утратили право на существование»⁴⁴, — свидетельствовал монархически настроенный профессор Ф.Ф. Мартенс.

* * *

Тонкий покров союза трех держав прикрывал их взаимное недоверие и соперничество, что в полной мере сказалось во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. В Лондоне ее вообще расценили как

«нашествие» на бедняжку Турцию, глава Форин-офис лорд Дадли считал ее беспочвенной — «неразумно и несправедливо идти на риск сокрушения империи (Османской. — *Авт.*) ради попытки улучшить участь ее подданных» (греков). Министр заявил, что в отношении Греции Россия связана достигнутыми соглашениями и «цель должна остаться прежней». Он напомнил о царских заверениях относительно бескорыстия, запечатленных в протоколах. От имени короля Дадли выразил надежду на «мудрость и великодушие самодержца», что должно было выразиться в скорейшем окончании войны «на справедливых условиях».

К.В. Нессельроде поспешил заверить британцев: Россия не стремится к расширению своих пределов или сокрушению державы султана, «ни свержение этого правительства, ни завоевания не являются нашей целью, они принесут больше неприятностей, чем пользы». Взгляды государя не изменятся, даже если Османская империя «по воле божественного Провидения» развалится⁴⁵. Британский кабинет занял позицию пристального и отнюдь не беспристрастного наблюдателя за происходившим, будучи обуреваем стремлением добиться наименее болезненного для Турции урегулирования.

В Англию в помощь Х.А. Ливену назначили опытного дипломата А.А. Матусевича в качестве посланника. Важно было не допустить формального развала альянса трех держав, гарантировавшего Петербург по крайней мере от открытого перехода союзников на сторону Турции. Глубокую тревогу вызвало их решение восстановить дипломатические отношения с Высокой Портой, возвращение двух послов в Стамбул было воспринято там как свидетельство разногласий в среде неверных и желание двух из них достичь согласия с Высокой Портой.

Кампания 1828 года не оправдала надежд на быструю капитуляцию турок. Их армия, вопреки ожиданиям, оказывала ожесточенное сопротивление. В Дунайских княжествах 6 недель ушли на осаду и штурм крепости Брзила (Браилов). 27 мая произошло форсирование Дуная у Исакчи. Старый и осторожный командующий фельдмаршал П.Х. Витгенштейн приступил к осаде крепостей, дабы после их взятия двинуться вперед. Армия оказалась распыленной и застряла под стенами Варны, Шумлы, Силистрии, а турки слыли большими мастерами обороны. Наступать было просто некому. 29 сентября (11 октября) ценой больших потерь удалось взять Варну. На том кампания и завершилась, войска переправились на левый берег Дуная на зимние квартиры, оставив на правобережье заслоны. Витгенштейн, ввиду явного несоответствия занимаемой должности, получил отставку.

От фельдмаршала можно было избавиться, чего нельзя сказать о царском брате великом князе Михаиле Павловиче (армейское прозвище — рыжий Мишка), прославившемся крылатой фразой: «Наука в военном деле не более чем пуговица к мундиру». Рыжий Мишка провалил осаду Силистрии, погубив тысячи солдат и офицеров в плохо подготовленных, а потому и бессмысленных приступах. Не удержался от соблазна появиться если не на поле боя, то на операционном театре сам император. Его окружала «Золотая орда» — толпа генералов, флигель- и просто адъютантов, штатских лиц, включая вице-канцлера Нессельроде, ординарцев, обслуги во главе с церемониймейстером. Казна финансировала действующую армию скуповато. Военный министр А.И. Чернышев запросил 73 миллиона рублей серебром, глава финансового ведомства Ф.Ф. Канкрин после длительного торга снизил цифру до 48 миллионов. К осени армия ощущала нехватку в оружии, снаряжении, продовольствии, фураже. На обслуживание царской квартиры требовалось 10 тысяч лошадей — число, достаточное для формирования двух кавалерийских дивизий⁴⁶. Разгул «Золотой орды» происходил на фоне массового падежа конского состава от бескормицы.

К счастью, в 1829 году Николай Павлович благоразумно воздержался от экскурсии в Болгарию. Союзники-соперники не без удовлетворения отметили отсутствие в первой кампании сколько-нибудь значительных результатов — а может быть, русские вообще не справятся с турками один на один? В январе 1829 года газета «Таймс» опубликовала многозначительную статью: воля султана нестигаема, Англия, Австрия и желательна Франция должны помешать сокрушению его державы дипломатическим путем, но, в случае нужды, и более энергичным. Медлить опасно: «Несравненно легче помешать императору Николаю покинуть зимние квартиры и переправиться через Дунай в Болгарию, нежели вернуть его в ту же Болгарию после того, как он своими глазами увидит Босфор»⁴⁷. Существовали веские внутренние причины, побуждавшие правительство его величества к сдержанности. Непрекращавшиеся волнения в Ирландии и агитация в стране за предоставление избирательных прав католикам (в основном ирландцам) доставляли ему немало хлопот. Глава кабинета герцог А. Веллингтон решил выступить с биллем о предоставлении этого права, чем возбудил недовольство в собственной торийской (консервативной) партии и резкую критику в свой адрес.

В первый и единственный раз на протяжении всей британской истории премьер-министр А. Веллингтон с оружием в руках (дуэльным пистолетом) отстаивал свою политику — он стрелялся с лордом

Винчелси, но промахнулся, а его оппонент выстрелил в воздух и принес требуемые извинения. Герцогу пришлось преодолеть сопротивление совершенно замшелого ретрограда короля Вильяма IV. В апреле 1829 года закон об эмансипации католиков вступил в силу.

Ввязываться в конфликт с Петербургом деловая Англия не желала, поскольку экспорт товаров в Россию в три раза превосходил вывоз в Турцию и Грецию. Посол Х.А. Ливен получил два письма от владельца могущественного банка Натаниэля Ротшильда с выражением готовности, в согласии со своим братом Жаком, главой парижского дома фирмы, предоставить заем в 1 миллион фунтов стерлингов⁴⁸. И на Уайт-холле считали длительную и далекоидущую ссору с самодержавием шагом непредусмотрительным и рискованным.

Успокоительные сигналы поступали из Парижа. Посол К.О. Поццо ди Борго сообщал: Бурбоны не желают плестись в хвосте кабинетов Лондона и Вены, ставить себя в унижительную зависимость от двух дворов. Доживавший последние месяцы режим Реставрации боялся испортить отношения с гарантом устойчивости, порядка и легальности, каковым представлялся Николай.

В том же духе поступала информация из Вены от Д.П. Татищева: состояние финансов, «медлительность и чрезвычайная осмотрительность ее кабинета» дают гарантии того, что пределы интриг она не пойдет. Еще до войны канцлер К. Меттерних попытался побряцать оружием, объявив об увеличении армии на 60 тысяч человек, но наскрести на это денег не удалось. Его призыв (декабрь 1828 года) о созыве конгресса с явным намерением сколотить на нем антироссийский фронт отклика не встретил. Австрия самостоятельной силы не представляла, бросить царю вызов не смела, и в Зимнем дворце заговорили о ее «ничтожестве». С этой точкой зрения солидаризовался виконт Г.Д. Пальмерстон, восходящая звезда либеральной партии (вигов): Австрия «по причине узости своих взглядов и несчастных предрассудков своей политики довела себя, в смысле влияния, почти до уровня второстепенной державы»⁴⁹. Попытки Меттерниха натравить на царизм его союзников провалились, и ему оставалось пугать Николая революцией, в ответ на что царь любезно обещал российскую помощь, если венский двор окажется в беде.

«Дружеским» излияниям Меттерниха в Петербурге не верили: в глубине души он хочет объединить великие дворы «против России, убедив их, сколь важно положить предел нашим претензиям». После провала идеи конгресса канцлер стал хлопотать о европейском посредничестве. К.В. Нессельроде выражал пожелание, чтобы его австрийский коллега «впредь вкладывал меньше жара и больше

осмотрительности в свои демарши с целью вмешаться в российско-турецкий конфликт»⁵⁰.

В Петербурге успокоились — открытой перебежки союзников-соперников в противный лагерь не произойдет. Опасение, как бы самодержавие не вышло за согласованные рамки, побудило троицу вновь сесть за стол совещаний. 3 (15) марта 1829 года состоялось подписание очередного протокола. В нем говорилось, что послы Англии и Франции в Константинополе будут вести переговоры от имени трех держав (чем ограничивалась их самостоятельность). При содействии французов удалось заручиться британским согласием на включение в Грецию земель Балканского полуострова по линии между заливами Волос и Арта и островов Кикладских и Эвбеи (прежде Форин-офис ограничивал пределы создаваемого государства Мореей (Пелопоннесом)). Сюзеренные права султана ограничивались получением дани, выражалось пожелание установить в Греции наследственную монархию⁵¹.

В Зимнем дворце поздравили себя с успехом. Протокол, подчеркивалось в депеше К.В. Нессельроде от 19 апреля, «обеспечивает полную безопасность наших операций в начинающейся кампании, он парализует зловерные намерения держав, которые хотели бы воспрепятствовать нам и остановить наш прогресс, он сохраняет между тремя державами видимость союза, оказывающего столь оздоровительный моральный эффект на общее спокойствие в Европе; наконец, он предоставляет в руки России решение греческого вопроса. Сравнивая это решение вопроса с тем раздражением против нас, которое в конце прошлого года повсеместно царило, бесконечными опасностями в связи с вероломными инсинуациями Австрии и высокомерными заявлениями Англии, нужно признать, что наше политическое положение чувствительно улучшилось»⁵². В этом рассуждении явственно прозвучали нотки совершенно необоснованной самоуспокоенности. Как это будет видно из дальнейшего, Форин-офис не собирался предоставлять России решение судеб Греции, а хотел установить в стране свое преобладающее влияние.

Приспели долгожданные победы на поле боя. У нового командующего армией на Дунае И.И. Дибича сравнительно скромные силы — 125 тысяч штыков и сабель при 450 пушках, но действовал он смело и напористо, разбил армию Решида-паши при Кулевче, добился капитуляции ключевой крепости Силистрия. В начале июля во главе 35-тысячного войска он двинулся за Балканы. Неприятель в панике отступал, и не пули, а болезни больше косили солдат. К Адриано-полю генерал привел всего 17-тысячный отряд, но неприятель сдал

крепость без сопротивления 8 (20) августа. До Константинополя осталось всего несколько переходов. Находившийся в столице очевидец так описывал царившее в городе настроение: «Всяк норовил удрать подальше от широких равнин Адрианополя, и возглас „Спасайся, кто может!“ больше всего подходил к создавшейся обстановке»⁵³. На Кавказе корпус И.Ф. Паскевича занял Карс, Ардаган, Ахалцих, Поты, Баязет (1828 год) и Эрзерум (1829 год) и подошел вплотную к Трапезунду (Трабзону). Победа была полной на обоих фронтах. Малочисленные силы Дибича шли на Стамбул, не встречая сопротивления.

Реис-эфенди Пертев-паша обратился к послам Великобритании и Франции Р. Гордону и А.Ш. Гильомину с просьбой о посредничестве. Его предложения включали два пункта, совершенно неприемлемых для российской стороны — заключить перемирие (чтобы выиграть время и собрать силы) и исключить греческий вопрос из предстоявших переговоров, дабы решить его в дальнейшем вчетвером, с участием Лондона и Парижа. А пока что два дипломата в обращениях к Дибичу, предназначавшихся и царю, запугивали самодержца последствиями, могущими произойти в случае крушения султанской власти. От имени «всей Европы» они предостерегали: «ужасающая анархия... распространится беспрепятственно... и с самыми пагубными последствиями для существования как христианского, так и мусульманского населения». И баланс сил на континенте рухнет⁵⁴. Игра была шита белыми нитками. И.И. Дибич докладывал: «Придерживаясь смысла данных мне инструкций, буду, насколько возможно, самым вежливым образом избегать постороннего вмешательства в переговоры». Никакого перемирия и никаких «дружеских советов» по ходу урегулирования! Выбор, и выбор вполне удачный, государя в качестве первого уполномоченного пал на знаменитого позже Алексея Федоровича Орлова. Утром 2 (14) сентября состоялось подписание трактата, нареченного Адрианопольским. В соответствии с ним граница между двумя империями в Европе проходила «по-прежнему по реке Прут». Тем самым подтверждался зафиксированный в одной международной конвенции и двух протоколах отказ России от территориальных претензий на Балканах. Предусматривался, однако, переход к России островов в протоках Дуная, ничтожных по площади, но контролирующих выход из реки. Тщательно сформулированная статья 7 обязывала Турцию обеспечить полную свободу судоходства в Черном море и Проливах для кораблей под российским флагом и «всех держав, состоящих в дружбе с Блистательною Портою». Значение этой статьи выступало особенно рельефно в связи с чинившимися османскими властями в 1820-е годы препятствиями для торговли через Босфор и

Дарданеллы. Та же объемная по содержанию статья устанавливала, что «русские подданные будут пользоваться во всей Османской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли». Весь комплекс экономических условий трактата способствовал хозяйственному развитию обширного причерноморского региона, причем не только в русских пределах.

Статья 4 посвящалась территориальным проблемам в Закавказье. К России отходили Ахалцих, Ахалкалаки, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно». Анапа и Поти остались за Россией, занятые ее войсками Карс, Баязет и Эрзерум возвращались Турции.

Статья 5 договора восстанавливала автономные права Дунайских княжеств, погрязшие после 1812 года. Следующая, 6 вменяла султану в обязанность предоставить самоуправление Сербии. Понадобилось 15 лет дипломатических усилий и войн, чтобы возрождение государственности сербского народа стало фактом.

Многострадальной греческой проблеме посвящалась статья 10 трактата. Турция обязывалась принять положения Парижской конвенции от 6 июля 1827 года и Лондонского протокола от 22 марта 1829 года. Лишь торжество России на поле боя сломило упорство Высокой Порты.

Эпопея миротворчества в его важнейшем, греческом звене не завершилась подписанием договора. Сопредседания трех продолжались, и в ходе их британская дипломатия нанесла удар, выбив у самодержавия почву для установления в Элладе своего прочного влияния. По ее инициативе в Лондонском протоколе от 22 января (3 февраля) 1830 года был зафиксирован независимый статус Греции. Греки об этом мечтали и согласились на автономию только по причине обрушившихся на них тяжелых неудач. Российская сторона, радетельница освобождения Эллады, не могла возражать против предоставления той более высокого государственного статуса. Так что действовали британцы наверняка, оппозиции их инициатива не встретила. Сопротивляться требованию трех держав Высокой Порте было не под силу. Но Россия теряла при этом право покровительства, распространявшегося на «турецких христиан», — на народы, находившиеся в прямой или вассальной зависимости от Османской империи, каковыми эллины переставали быть. Петербург утрачивал единственный правовой рычаг для поддержания своего влияния в стране. В конкурентной борьбе все козыри оказывались в британских руках: индустриальная мощь «мастерской мира», неограниченные тогда финансовые ресурсы, притягательный для поднимавшейся национальной буржуазии

конституционный строй, одним словом — все предпосылки для прочного утверждения в Греции, что в итоге и произошло.

* * *

Отечественной науке приходится сейчас продираться сквозь дремучие заросли классового подхода. Это целиком относится к балканским сюжетам. «Советская историческая энциклопедия», не обращая внимания на клятвенные заверения трех правительств о бескорыстии, бестрепетно утверждала: «Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была вызвана борьбой держав за раздел владений Османской империи» (!). Автор ценной фактическим материалом монографии А.В. Фадеев в разоблачительном порыве декларировал: «Даже свою восточную политику царское правительство подчинило политике „жандарма Европы“»⁵⁵. Не щадил он и командующих, И.Ф. Паскевича и И.И. Дибича, представляя их ничтожествами в генеральских мундирах, изобличая их в стратегической близорукости, укоряя за тактические упущения, а Дибича наделяя дополнительно внешностью уродливого карлика. Позволительно, однако, предположить, что победоносная кампания осуществлялась при их активном участии и даже под их руководством, а не вопреки их усилиям провалить задуманные операции.

* * *

5–6 (17–18) сентября, когда мир уже был заключен, но весть о нем еще не поступила в Петербург, Николай I созвал совещание по всему кругу проблем, которые тогда называли восточными. Участвовали в совете люди, пользовавшиеся его особым доверием: председатель Комитета министров и Государственного совета граф В.П. Кочубей, глава военного ведомства граф А.И. Чернышев, князь А. Голицын, граф П.А. Толстой, статс-секретарь Д.В. Дашков. Все участники, кроме присутствовавшего по должности К.В. Нессельроде, — представители родовой русской или украинской знати, хотя административный аппарат, офицерский корпус и дипломатическая служба кишели прибалтийскими баронами. Николай Павлович хорошо помнил судьбу деда и отца, поплатившихся смертью за излишнюю самостоятельность, и в решающий момент прибег к консультации с видными и авторитетными представителями знати, разделив с ними ответственность за выработываемый стратегический курс.

Секретный комитет заслушал меморандум, зачитанный К.В. Нессельроде и выражавший точку зрения царя (иного мнения вице-канцлер не имел), и обсудил «плоды размышлений некоторых лиц, осведомленных в Восточной вопросе». Нессельроде начал с фразы: конечно, если водрузить крест на храм Святой Софии, подвижников богоугодного дела осенит вечная слава. Но спешить с этим не следует, ибо «сохранение Турции более выгодно, чем вредно действительным интересам России... никакой другой порядок вещей, который займет ее место, не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войною подчиниться воле победителя». Д.В. Дашков присоединился к мнению, выразив убежденность в территориальной насыщенности России. Стране «нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами, чего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях» (желательно, ее подчинения)⁵⁶. В принятом единогласно решении комитет разделил указанную точку зрения, предопределив стратегический курс в восточных делах на обозримое будущее. Сие означало отказ от территориальной экспансии на Балканах и переход к усилиям по упрочению своего влияния в регионе. Собравшиеся на совет сознавали: еще один шаг, и Россия окажется в изоляции, и что еще хуже — столкнется с союзниками. Идти на риск европейской войны они не желали.

Отказавшись от утверждения в регионе, опираясь на грубую силу, царизм вступил на извилистую и обрывистую тропу маневрирования и противоборства с Лондоном и Веной. В выигрыше остались балканские народы, занятые укреплением своей государственности и успешно обучавшиеся использовать, к выгоде для себя, соперничество и противоречия между «великими».

* * *

Император Николай был в восторге от подписанного мира. Лыстцы от дипломатии в лице Ливена и Матусевича курили ему фимиам: «Европа с Англией во главе склонится перед решением, которое соизволит принять император». Обессиленная Турция превратится в послушного сателлита. По словам Ливена, «если Оттоманскую империю и сохранить, мы без опасения можем навязать ей все условия, которые требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить наше преобладание в Леванте»⁵⁷.

Не ведали тогда обитатели Зимнего дворца, какие сюрпризы преподнесет им следующее десятилетие! Держава султанов стала полем столкновений, в которых у соперников царизма оказались все преимущества — экономическое преобладание, широкий выбор промышленных товаров, свободные капиталы, морская мощь, идеологический багаж в богатом ассортименте для вооружения им поднимающейся балканской буржуазии, возможность заигрывания с турецкими реформаторами. Самодержавие еще не отдавало себе отчета в том, что зреющие в регионе силы ему не опора и представляют они слои общества, ориентирующиеся на Запад. А пока что и Петербург, и Лондон, и Вена рассматривали Адрианопольский трактат с точки зрения своих непосредственных выгод или потерь, и все обнаружили историческую близорукость. В Австрии его восприняли кисло, но протестовать канцлер К. Меттерних не решился и прислал требуемые поздравления, действуя по поговорке — «могло быть и хуже». Французский министр-президент Ж. Полиньяк расценил условия мира как «снисходительные»⁵⁸. Резко и раздраженно встретили договор в Лондоне — как кабинет, так и парламент и пресса. Смысл газетных высказываний, по словам Х.А. Ливена, сводился к тому, что «султану будет оставлена видимость самостоятельного существования». Но отсутствие союзников и наличие лишь дипломатических средств воздействия, доказавших свою неэффективность, склоняли к осторожности. В свою очередь Петербург демонстрировал готовность к компромиссу и достижению согласия по болезненному вопросу о статусе Греции. Оставалось сделать последний аккорд в адрианопольском урегулировании.

Положение в самой стране после торжества революции сложилось тяжелейшее. Хозяйственное разорение сопровождалось политическими разборками, соперничеством разных группировок, бонапартистскими замашками бывших полевых командиров. Шла борьба за власть между крупными землевладельцами и торговой и судовладельческой буржуазией. Консулы России, Великобритании и Франции поощряли «своих греков»; лившиеся потоком из Петербурга предостережения против конституционализма, либерализма и демагогии, или, выражаясь словами К.В. Нессельроде, против порядка вещей, который «ежеминутно угрожал бы обратить эту страну в позорище смут, революционных попыток и преступлений»⁵⁹, производили эффект, обратный желаемому, ослабляя так называемую «русскую партию», возглавляемую И.А. Каподистрией, покинувшим свое швейцарское уединение. В 1827 году он был избран президентом Греции, но в 1831 году пал жертвой покушения, что свидетельствовало о степени внутренней напряженности в стране.

На этом тревожном фоне дипломатия трех держав, преодолевая разногласия, вырабатывала статус создаваемого государства. Решение сделать его независимым⁶⁰ играло на руку Великобритании, Россия теряла право покровительства над ним. Все три покровителя высказались в пользу установления в Греции монархического строя. Поиска кандидата на трон в Афинах сперва не ладились, претендентов отпугивало мятежное состояние страны. Наконец всплыла кандидатура 17-летнего принца Оттона Виттельсбаха, за которого хлопотал отец, баварский король Людвиг, убежденный филэллин. Возражений она не вызвала, юноша не принадлежал к крупным правящим династиям, и, стало быть, не возникало опасений усиления влияния какого-либо двора по родственной линии.

В конвенции от 6 мая 1832 года упоминалось о выработке в дальнейшем греческой конституции. И Ливен, и Матусевич уверяли Николая I, что не следует пугаться самого слова и что употреблено оно для обозначения государственного устройства и ничего подрывного в себе не несет⁶¹. Царь настаивал на том, чтобы Оттон принял православие как господствующую среди его подданных религию. Воплощением в жизнь удобного православию дела занялась необычная для подобной миссии тройца: лютеранин Х.А. Ливен, католик А.А. Матусевич и приверженец совсем редкой в России англиканской церкви К.В. Нессельроде. Радели они, видимо, без души, больше суетились, и Оттон не покинул лоно католичества. Впоследствии, когда король возмужал, он превратился в деспота, чуждого культуре и традициям народа, принявшего его как суверена.

Вскоре царским сановникам пришлось убедиться, как трудно тягаться в Греции с Великобританией на равных, не опираясь на право покровительства. При отплытии российской эскадры из Эгейского моря Оттон не соизволил дать прощальную аудиенцию ее флагману контр-адмиралу П. Рикорду. Мальчишка-король выслал на встречу своего адъютанта. С.С. Татищев писал о настроениях в российских сферах: «Разочарование было полное. Та самая Греция, которая должна была дополнить систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась державою не только нам недружественною, но и прямо враждебною»⁶². Первый опыт создания на Балканах независимого государства нанес России серьезный ущерб, в нем прочно утвердилась Великобритания.

Страна эллинов выступала своего рода белой вороной в стае молодых христианских государств, все прочие опирались и ориентировались на Россию. Балканы вступили в полосу возрождения — подъема экономики, общественной жизни и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Внешняя политика России XIX — нач. XX в. (ВПР). Т. 9. М., 1974. С. 333, 698, 331
- 2 Записка графа И. Каподистрии о его служебной деятельности // Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО). Вып. 3. СПб., 1858. С. 209–213
- 3 *Арш Г.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1974. С. 87–88
- 4 Сб. РИО. Вып. 3. С. 212
- 5 Там же. С. 212
- 6 Г.Л. Арш отмечал, что беспрерывные войны истощили материальные ресурсы России, и это было одной из причин умеренности, осторожности и сдержанности ее политики (см.: *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 88)
- 7 *Блюх И.С.* Финансы России в XIX столетии. Т. 1. СПб., 1882. С. 120, 134, 121
- 8 Там же. С. 121; *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 23; История СССР. Т. 4. М., 1967. С. 160
- 9 ВПР. Т. 9. С. 210, 175
- 10 *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 174
- 11 ВПР. Т. 9. С. 219, 175
- 12 *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 213; *Istoria României*. V. 3. București, 1964. P. 883
- 13 *Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. (Răscoala)*. V. 1. București, 1954. P. 304–305
- 14 *Istoria României*. V. 3. P. 884, 885
- 15 *Aricescu C.D.* Acte justificative la istoria revolutiei române din 1821. Craiova, 1874. P. 100, 101; *Răscoala*. V. 1. P. 391, 392
- 16 *Aricescu C.D.* Op. cit. P. 91. Валахий княжество называлось в зарубежных источниках. Местное название — Țara Românească (Румынская страна)
- 17 *Răscoala*... V. 1. P. 390, 391; V. 4. București, 1960
- 18 *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 221; *Răscoala*. V. 2. București, 1959. P. 73–74
- 19 *Constantiniu F.* O istorie sinceră a poporului român. Buc., 1997. P. 199; *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1925. P. 389
- 20 *Марпенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1874. С. 57, 309; ВПР. Т. 12. М., 1980. С. 189–190; *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 49
- 21 *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 228–229
- 22 Там же. С. 229
- 23 ВПР. Т. 12. С. 229, 279, 313; *Достян И.С.* Указ. соч. С. 204–205; *Гуткина И.Г.* Греческий вопрос и дипломатия великих держав в 1821–1822 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия «История». Вып. 18. Т. 130. Л., 1951. С. 143

- 24 Webster Ch.K. Op. cit. P. 389; Гуткина И.Г. Указ. соч. С. 123
- 25 Арун Г.Л. Указ. соч. С. 239
- 26 Webster Ch.K. Op. cit. P. 91; Kennedy Grimsted P. Capodistrias and the «New Order» for Restoration Europe // The Journal of Modern History (Chicago). V. 40. № 2. P. 173–175
- 27 Достян И.С. Указ. соч. С. 232–233
- 28 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1824. Д. 5933. Л. 319–320
- 29 Temperley H. The Foreign Policy of Canning. L., 1925. P. 326
- 30 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1824. Д. 6941. Л. 241; Д. 6942. Л. 57; Фадеев А.В. Указ. соч. С. 64; ВПР. Т. 13. М., 1982. С. 683
- 31 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1825. Д. 6941. Л. 115–117; Шильдер Н.К. Император Николай I. Т. 1. СПб., 1903. С. 44, 49; Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1897. С. 141–142
- 32 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Д. 6956. Л. 18–20; Д. 6939. Л. 37–38
- 33 Stapleton A.G. The Political Life of George Canning. V. 2. L., 1831. P. 469–474
- 34 Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 412; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Д. 4456. Л. 14
- 35 ВПР. Т. 14. М., 1985. С. 632–643
- 36 Виноградов В.Н. Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства в XVIII–XX вв. М., 1982. С. 123; Stapleton A.G. Op. cit. P. 485
- 37 ВПР. Т. 14. С. 450
- 38 Там же.
- 39 Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 77–78
- 40 Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 11. С. 395; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Д. 6959. Л. 219, 222–224
- 41 Temperley H. Op. cit. P. 398–404
- 42 Фадеев А.В. Указ. соч. С. 238
- 43 Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 года. М., 1972. С. 106–107
- 44 Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 11. С. 257
- 45 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Д. 6975. Л. 231–232, 291
- 46 Фадеев А.В. Указ. соч. С. 186, 246–249
- 47 The Times. 12.01.1829
- 48 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7000. Л. 356, 120, 67
- 49 Киняпина Е.С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. Вып. 156. М., 1952. С. 205; Speech of Viscount Palmerston. L., 1829. P. 43
- 50 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7001. Л. 45–48
- 51 Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 11. СПб., 1895. С. 401–409

- 52 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7001. Л. 207–208
- 53 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 91
- 54 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1903. Примечания и приложения. С. 459; *Шеремет В.И.* Указ. соч. С. 106–107
- 55 Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 383; *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 48
- 56 *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 202–203. Подробный анализ договора 1829 г. См.: *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972
- 57 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7003. Л. 97, 71
- 58 *Дамянов С.* Френската политика на Балканите 1829–1853. София, 1977. С. 29
- 59 *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 29
- 60 См. С. 241
- 61 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Д. 144. Л. 74–84, 35
- 62 *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 303, 315

ЗАРЯ АДРИАНОПОЛЬСКОГО МИРА НАД БАЛКАНАМИ

Адрианопольский трактат впечатляет своей исторической масштабностью и четкостью своих формулировок. Видное место уделено в нем Дунайским княжествам. Было постановлено, что «оним княжествам предоставляется свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое правление и право беспрепятственной торговли». Отдельный акт договора говорил об этих преимуществах подробно. Он подтверждал принцип избрания господарей чрезвычайным боярским собранием, но уже не на семь лет, как то водилось прежде, а пожизненно. Молдавия и Валахия впредь пользовались полным внутренним самоуправлением. Порта запрещала своим пашам в какой-либо форме и под каким-либо предлогом вмешиваться в дела господарств. Жители к югу от Дуная не имели права переправляться через реку. «Для вящего обеспечения неприкосновенности земель молдавских и валахских» Высокая Порта обязывалась «не оставлять за собою на левом берегу Дуная никакого укрепленного места и не допускать мусульманским своим подданным иметь какие-либо на оном заведения». Турецкие крепости на левобережье, подкреплявшие военной силой османское господство, подлежали срытию, города возвращались Валахии, мусульмане, в них проживавшие, обязаны были в течение восемнадцати месяцев покинуть дома, продав свое недвижимое имущество местным уроженцам. После более чем столетнего перерыва княжества смогли возродить свои вооруженные силы (милицию)¹.

Потерпев поражение, Порта «прозрела» и выразила желание предоставить Молдавии и Валахии «все возможное благосостояние». «Удостоверяясь в злоупотреблениях и притеснениях, происходивших при сборе различных запасов для продовольствия Константинополя и крепостей, лежащих на Дунае, равно как и для потребностей арсенала, — говорилось в отдельном акте, — Порта ныне совершенно от-

казывается от такового права»². Молдавия и Валахия в обмен на определенную сумму денег, ежегодно выплачиваемую, освобождались от поставки в Стамбул хлеба, овец, леса, рабочей силы для поддержания в порядке крепостей. Трактат предоставлял жителям «свободу торговать произведениями своей земли и промышленности». Российское оружие пробило товарам Молдавии и Валахии окно на Запад, дунайская пшеница потоком хлынула в Лондон и Амстердам.

Курс на отказ от завоеваний в Юго-Восточной Европе воплощался в жизнь. Когда знатнейшие бояре представили Николаю I прошение с уверениями в «вечной преданности», царь заметил: «Мне ее не нужно, я им буду отвечать, чтоб и в голове не имели присоединения к России»³.

В княжествах вплоть до 1834 года действовала русская администрация во главе с опытным военачальником, относительно либерально настроенным генералом Павлом Дмитриевичем Киселевым. Он столкнулся с тяжелым наследием войны — хозяйственной разрухой, опустошением казны, массовыми заболеваниями, даже эпидемией чумы, унесшей жизни 25 тысяч человек, включая 8 тысяч российских солдат. П.Д. Киселев пытался бороться с коррупцией, которая, подобно второй чуме, разъедала чиновничество сверху донизу и умело приспособилась к обстоятельствам военного времени. Поставки для российской армии произвольно завышались, и разницу лихоимцы клали в свои карманы. Учиненное расследование обнаружило, что под разными предложениями с населения было взыскано незаконно 2,2 миллиона лей поборов. Сколько было похищено в действительности, оставалось тайной за семью печатями, сражение Киселева со взяточниками и казнокрадами можно было смело уподобить схватке Дон Кихота с ветряными мельницами.

В Адрианопольском договоре султан заранее выразил согласие на проведение в княжествах необходимых преобразований. Пора было приступать к ним. Важными актами, способствовавшими экономическому развитию Молдавии и Валахии, явились отмена внутренних таможен, налога на ввоз сельскохозяйственных продуктов в города, разрешение свободной продажи соли и торговли с границей. Была реорганизована полиция, отменены пытки и смертная казнь. В соответствии с трактатом в княжествах были воссозданы национальные вооруженные силы (земское войско), важнейший атрибут государственности. Первый контингент составили добровольцы, сражавшиеся на стороне России в войне.

В 1831 году в Валахии, а в следующем году и в Молдавии вступили в силу Органические регламенты — первые в их истории конститу-

ционные акты, определявшие государственный, административный и юридический статус княжеств, финансы, вооруженные силы, аграрный строй, положение различных классов в обществе. Провозглашался принцип разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной и административной. Впервые в законе были определены права и обязанности различных институтов, учреждены министерства, введена система судебных трибуналов (в том числе коммерческих, призванных защищать интересы торговли), созданы прокуратура и адвокатура. В регламентах говорилось о торговле как источнике общественного благосостояния и о расширении прав купечества.

В княжествах вводилось почти идентичное законодательство, в регламентах говорилось, что происхождение, язык, общая религия создают предпосылки для их объединения⁴.

Регламенты, будучи документами прогрессивными, внедрявшими буржуазное законодательство в европейскую глушь, несли в то же время на себе отпечаток своего боярского происхождения: разделы регламентов, посвященные аграрным отношениям, предусматривали значительное сокращение крестьянских наделов и рост их повинностей в пользу землевладельца, что позволило Карлу Марксу назвать их «кодексом барщинных работ»⁵. Основоположник учения упустил из виду, что одновременно произошло значительное уменьшение падавших на крестьян налогов и повинностей в пользу государства. В.Я. Гросул, внимательно и скрупулезно исследовавший сложнейшую систему аграрных отношений в Молдавии и Валахии, осторожен в выводах: регламент «увеличил доходы землевладельцев и, по-видимому, несколькоотяготил положение крестьян. Но это не было резким ухудшением положения основного населения страны, а было дальнейшим развитием процесса, начавшегося раньше». Он подчеркивает: «ни о каком значительном ухудшении положения крестьян... мы говорить не можем»⁶. Но вот о росте доходов помещиков, переадресовавших себе немалую часть прежде поступавшей в казну ренты, говорить можно и должно. Попытки П.Д. Киселева умерить боярские аппетиты ни к чему не привели, он хотел добиться некоторых изменений в этом смысле при утверждении регламентов в Стамбуле — неудачно. Ему оставалось жаловаться в письме К.В. Нессельроде: «Мое положение весьма щекотливо... Я один должен защищать этих незащищенных людей (крестьян. — *Авт.*) против олигархии, жадной и буйной»⁷. Жадные и буйные отстаивали свои интересы, а ведь на них опирался царский двор.

Несмотря на эти минусы, ослабление зависимости от Порты, упорядочение государственного строя, проведение реформ способствова-

ло вступлению княжеств в полосу подъема, хотя и на несколько измененной феодальной основе. Посевные площади в Молдавии в послевоенное десятилетие выросли в 2, в Валахии — в 1,4 раза. Опережающими темпами этот рост шел под посевами пшеницы, ставшей основной экспортной культурой. Увеличивалось городское население, а вместе с ним и внутренний рынок, росло число ремесленников, появилось несколько керамических и стекольных мануфактур, в горных лесах стучали топоры, звенели пилы, в Зимнице и Джурджу на воду спускали корабли.

Укрепление и расширение автономии, экономический подъем, увеличение буржуазной, главным образом торговой прослойки, появление национальной интеллигенции — все это способствовало процессам культурного возрождения. В один и тот же 1829 год в Яссах и Бухаресте стали выходить газеты «Курьерул ромынеск» и «Албина ромыняскэ» («Румынская пчела»). Издавали их известные просветители И. Элиаде-Рэдулеску и Е. Асаки. Газеты приобрели важную роль в культурном прогрессе, социальных и политических преобразованиях региона. В 1830 году И. Элиаде опубликовал грамматику румынского языка. Активно велась борьба за развитие просвещения на родном языке (до этого широкое распространение в школе имел греческий). Впрочем, все это относилось лишь к городам, где повеяло обновлением, престижной стала офицерская карьера, в валахской столице открывалась академия Святого Саввы, молодежь из состоятельных семей хлынула в зарубежные университеты, главным образом французские и немецкие. Деревня же, как и 100–200–300 лет назад, прозябала в нужде и безграмотности. И позже общественная медаль обернулась обратной стороной со страшным ликом крестьянского малоземелья на ней.

* * *

По Адрианопольскому трактату Турция в третий раз обязалась предоставить Сербскому княжеству автономные права. Первыми двумя обязательствами, по Бухарестскому договору 1812 года и Аккерманской конвенции 1826 года, она пренебрегла, но после разгрома в последней войне прежний опыт пренебрежения зафиксированными в договорах положениями пришлось сдать в архив. В соответствии с султанскими указами (хатт-и-хумаюнами) от сентября 1829 и августа 1830 года, оставаясь под верховной властью Османской империи, Сербия пользовалась полным внутренним самоуправлением, в которое османская власть не могла вмешиваться, и была должна лишь вы-

плачивать Высокой Порте фиксированную дань. Особо оговаривалось запрещение вводить в Сербии новые подати. Турки подлежали выселению из княжества за исключением гарнизонов шести расположенных на его землях крепостей, включая твердыню Калемегдан в центре Белграда. Жителям предоставлялась свобода вероисповедания, право свободной торговли, возможность открывать школы, основывать больницы и типографии, налаживать почтовую службу. Султанский берат признал Милоша Обреновича наследственным правителем сербских земель с княжеским титулом.

Острым оставался неурегулированный территориальный вопрос: в 1813 году, после подавления первого восстания, Порта отторгла от сербских земель 6 нахий (округов) и установила в них свое прямое правление, но ненадолго. Милош инициировал в них весной 1833 года восстание. На расправу Порты не решилась, она терпела неудачу в конфликте с могущественным наместником Египта Мухаммедом Али, и крайне нуждалась в российской помощи. В ноябре 1833 года, по новому султанскому хатти-шерифу, 6 нахий вошли в состав княжества, размер ежегодной дани определялся в 2 миллиона 300 тысяч грошей (курушей), турецкое мусульманское население обязывалось в течение 5 лет продать свое недвижимое имущество и покинуть сербские земли (за исключением жителей белградских предместий, окружавших Калемегдан). Тогда же сербская церковь отделилась от Константинопольской патриархии и стала автокефальной (самоуправляющейся). То, что все эти успехи на пути к самостоятельности княжества обязаны своим появлением Адрианопольскому миру, ни у кого не вызывало сомнений.

Значительно скромнее выглядели подвижки в сфере хозяйственной. Отсталое земледелие — господствующая в ней отрасль. Мелкое крестьянское хозяйство, как правило, едва обеспечивало потребности семьи. Земельный фонд пополнился конфискованными у турецких феодалов площадями. Частично ими завладели старейшины во главе с Милошем, превратившиеся в крупных землевладельцев. В их среду активно проникали чиновники, образовалась прослойка великашей. Но появления класса помещиков удалось избежать, отрегулированной системы их отношений с крестьянами не возникло, хотя многие земли обрабатывались на условиях кулука (барщины) — дарового труда без точно установленных размеров. Товарное производство в сельском хозяйстве ограничивалось свиноводством, хрюшки вывозились или перегонялись в Австрию. Промышленность сводилась к ремеслу, организованному в эснафы (цеха).

Милош Обренович, своего рода патриархальный деспот, превратился во владельца обширных поместий, земля в которых обрабатывалась

барщинным трудом крестьян. Он сосредоточил всю власть в своих руках и сопротивлялся стремлению старейшин приобщиться к ней. Постепенно оппозиция его правлению оформилась в движение уставобранителей, сторонников принятия устава (конституции) с введением в стране гражданских прав. В начале 1835 года в нескольких округах вспыхнула Милетина буна (восстание под руководством Милеты Радойковича). Милошу пришлось, по требованию повстанцев, созвать скупщину, принявшую Сретенский устав, провозгласивший равенство граждан перед законом, их право занимать государственные должности, неприкосновенность личности и имущества, собственность крестьян на обрабатываемую ими землю, свободное пользование лесами и пастбищами. Предусматривалось образование Государственного совета из старейшин по назначению князя, но с пожизненным пребыванием в должности. Несменяемость подрывала зависимость его членов от князя.

Устав не просуществовал и двух месяцев, Милош отменил его с согласия Высокой Порты и Петербурга, которым представилось, что Сербия заходит слишком далеко на пути конституционализма.

Послевоенные годы ознаменовались серьезными сдвигами в развитии просвещения и культуры. Школы появились не только в городах, но и в некоторых селах, несколько гимназий, один лицей; в Крагуеваце, тогдашней столице, — высшая школа. Сербы приобрели в России типографию, с 1834 года издавалась официальная газета «Новине српске». В 1835 году в Крагуеваце открылся театр, просуществовавший, впрочем, недолго. Действовало несколько больниц. Церкви и монастыри получали поддержку из государственной казны. Печатавшиеся в Сербии книги, в том числе и на болгарском языке, распространялись и за ее пределами. Милош осторожно способствовал народным волнениям в Старой Сербии (Косове), Боснии и Болгарии, его авторитет как главы полунезависимого государства рос в славянской среде. Поддерживались тесные связи с австрийскими сербами, благо жили они совсем по соседству, за рекой Савой, что протекает у Белграда. Выходцы оттуда занимали видное место и в общественной, и в культурной жизни. Княжество становилось очагом притяжения для близкородственных черногорцев, боснийцев, герцеговинцев.

* * *

Судьбы Греции в 1830-е годы, в отличие от предшествовавшего десятилетия, решались за ее пределами. В Лондоне заседали послы держав-покровительниц — Великобритании, России и Франции.

Конвенция от 7 мая 1832 года, под которой стояла подпись и представителя Баварии, определила статус государства как независимой наследственной монархии под гарантией трех дворов. В страну прибыл отряд баварских войск в 3500 солдат и офицеров. До совершеннолетия Оттона (1835 год) страной управляло регентство из трех баварцев. Гаранты предоставили королевству кредит в 60 миллионов франков на государственное обустройство.

Юный Оттон прибыл в Афины, ставшие столицей, в 1833 году на британском фрегате «Мадагаскар», в Морее квартировали французские войска под командованием генерала Мезона. Эскадры трех держав покинули греческие воды, однако англичане не отказались от «морских прогулок» вблизи берегов Эллады, а то и с заходом в порты, чтобы не исчезло впечатление об их морской мощи. Поблизости от побережья располагались Ионические острова, находившиеся во владении Великобритании. Российский посланник Г.А. Катакази писал о стремлении Лондона господствовать «в этих краях»⁸. В стране существовали три «партии» — английская, французская и русская, состоявшие из сторонников ориентации на Лондон, Париж и Петербург. Непосредственно после войны и Адрианопольского мира пророссийская пользовалась немалым влиянием, о чем можно судить по тому, что Национальное собрание провозгласило флагмана российской эскадры контр-адмирала П.И. Рикорда греческим гражданином, а группа сенаторов предлагала назначить его президентом правительства. Коллеги Катакази, посланники Англии и Франции, деятельно хлопотали в пользу «своих» греков, пристраивая их на влиятельные и теплые местечки в администрации и не забывая об их материальных интересах. Николай I считал подобные методы неподобающими и предписывал бороться за влияние в стране, действуя через короля. Особое значение он придавал переходу Оттона в православие, вероисповедание подданных. Попытки воздействовать на юного монарха через отца Мисаила, обучавшего его греческому языку, успехом не увенчались. Хлопоты по дипломатической линии, которыми занималась Х.А. Ливен, А.Ф. Матушевич и К.В. Нессельроде, постигла та же участь. Брак Оттона с принцессой Ольденбургской Амалией выдался бесплодным, так что испарились надежды и на будущее. Влияние «русской партии» покатило вниз, многие ее сторонники перебежали к оппонентам, что сулило выгоды служебные и материальные. Спехватились в Петербурге с опозданием, обнаружив, что завоевывать влияние заново гораздо труднее, чем удерживать старое. Француз А. де Риньи стал в Греции контролером финансов, его соотечественник Ф. Грайар командовал жандармами, британцы Т. Гордон и Э. Масон

стали соответственно начальником генерального штаба и генеральным прокурором. Когда же баварское регентство вздумало назначить английского генерала А. Черча греческим посланником в Петербург, терпение самодержавия лопнуло. Склонный к иронии Ф.И. Тютчев заметил, что британцам проще было бы назначить на сей пост какого-либо секретаря своего посольства в Петербурге, не пришлось бы тратить на путевые издержки. В результате посланником стал бывший молдавский господарь М. Суцу (Суцос в греческом варианте).

Баварократия, как именуется этот период в греческой истории, продолжалась 30 лет, первые три года ее осуществляло регентство, затем Оттон собственной персоной. Самое важное, чего ожидали жители, на три четверти селяне, — наделения земель, — они так и не дождались. Большие площади, оставленные сбежавшими турецкими землевладельцами, государство забрало себе. Правда, были приняты законы, предоставлявшие участникам революции право выкупить участки, но на условиях столь обременительных, что мало кто этим правом воспользовался. Лишь немногие крестьяне приобрели наделы в собственность, все прочие из поколения в поколение оставались арендаторами. Страна медленно и с трудом выползала из состояния безвластия и анархии. Были предприняты определенные шаги по разработке законодательства, приняты гражданский и уголовный кодексы, расширена сеть начальных школ, значительно увеличено число средних, создана административная система управления — деление на провинции (номы) и округа (епархии), — сохранившаяся в основе своей до наших дней. Церковь вышла из ведения Константинопольской патриархии и стала автокефальной. Ее главой объявили короля, что выглядело нелепо, — мог ли католик-монарх радовать искренно и самоотверженно о православии? С монастырями баварцы обошлись жестко, даже жестоко: монахов в возрасте до 40 лет вернули к светской жизни, число монастырей сократили с 524 до 146; чувства верующих были оскорблены. Распродажа имущества религиозных заведений, считавшаяся святотатством, вызывала озлобление прихожан.

Греческую армию преобразовали на баварский лад, большинство не только офицеров, но и солдат в ней составляли немцы. Участники войны за независимость были уволены из ее рядов с нищенским пособием, немало их число от безысходности подались в разбойники. Деревня продолжала жить натуральным хозяйством.

Дипломаты и путешественники не скупились на описание разгула в Греции бандитизма, волнений в провинциях, преследований прессы, расточительства двора, бездумной растраты полученного от покровителей кредита. Но время брало свое, постепенно затягивались

раны, причиненные почти что десятилетней освободительной войной и последовавшей за ней разрухой. Восстанавливалась мирная жизнь в селах, возрождались города. Приезжавшие в Афины после долгого отсутствия люди изумлялись — вместо поселка с покосившимися хибарами, над которыми возвышались величественные развалины Парфенона, их встречал немалый по тем временам город (25 тысяч жителей) с прямыми улицами, красивыми административными зданиями и даже первым на Балканах университетом. Не стыдно было взглянуть на возрожденные Афины. Столица!

* * *

Болгария в Адрианопольском договоре не упоминалась, генерал И.И. Дибич утешал жителей — наступит иное время и для них. Но тем ждать не хотелось, начался массовый отток населения — в Дунайские княжества и Россию. Эмиграция подданных встревожила султана Махмуда II, и, неслыханное дело, появился ферман, в котором падишах обещал беженцам, буде приедут назад, возвратить землю и имущество и гарантировать безопасность. И, действительно, многие подались назад. Но главное: болгарские земли, подступавшие к центрам империи, оказались вовлеченными в реформационный процесс — в Танзимат, в ходе которого рухнула основа основ державы, сипахийская военно-ленная система⁹, доказавшая свою полную непригодность в минувшей войне. Средневековое конное ополчение не выдерживало боя с европейскими армиями. Сипахи зачислялись в формируемые кавалерийские полки, их тимары (наделы) поступали в государственный фонд: земля ведь, по Корану, принадлежала Аллаху, и распоряжался ею султан. В качестве вознаграждения бывшие тимариоты получали от казны ренту, равную их прежнему доходу землевладельца. Крестьяне превратились в наследственных держателей своих наделов за ренту, колебавшуюся от $\frac{1}{10}$ до половины урожая в зависимости от местоположения и плодородия почвы. Сложнее обстояло дело в тех районах (главным образом на западе Болгарии), где существовала крупная частная земельная собственность. Здесь крестьяне превратились в бесправных арендаторов, иногда — в наемных рабочих; существовал и третий вариант, кесимджийство, когда в качестве арендатора выступала вся община. Но в любом случае власти не регламентировали отношений между землевладельцем и крестьянином, что тяжело сказывалось на положении последнего. Запад страны превратился в арену постоянных волнений селян.

В целом военно-феодалная система землевладения превратилась в государственно-феодалную. Казна предоставляла крестьянам право на землю и собирала причитавшуюся ренту. Создавшаяся ситуация имела в перспективе один плюс — при освобождении от власти Высокой Порты болгарские крестьяне становились собственниками обрабатываемых ими наделов, что и произошло.

Военная реформа оказала серьезное воздействие и на ремесленное производство. Создаваемая турецкая регулярная армия нуждалась в дешевом и прочном обмундировании, на его пошив шло грубошерстное сукно, называемое аба. Одежду, пошитую из абы, носило все малоимущее население страны, как сельское, так и городское. С конца 1820-х годов казна стала размещать государственный заказ на производство абы. Появляются отдельные текстильные мануфактуры с разделением труда. В 1834 году в Сливене приступила к работе первая фабрика. В остальном производстве эснафы (цеха) сохраняли свои позиции.

После заключения Адрианопольского мира в Болгарии начался своего рода бум в школьном деле. Но об этом ниже.

* * *

Эйфория по поводу заключения мира длилась в царском окружении недолго. Ее сменили тревога и страх, по Европе прокатилась революционная волна. В июле 1830 года восстал Париж, за ним грянула революция в Бельгии, в ноябре огонь перекинулся на Польшу. Балканские дела отошли на второй план. Европа, представлялось самодержцу, требовала его внимания и забот. Первым его порывом при вести о «бунте» во Франции было порвать отношения с «узурпатором», «королем баррикад» Луи Филиппом Орлеанским. Он снарядил эмиссаров к «друзьям», в Вену и Берлин, с целью разведать возможность совместного вмешательства. Старый Фридрих Вильгельм Прусский столько набегался от Наполеона, что и слышать не желал о новой схватке с галлами. Не нашлось волонтеров для участия в крестовом походе и в Вене, там еще не угасла память о четырех опустошительных и кровопролитных войнах.

Июльская революция войны дворцам не объявляла. Настало время, когда на смену потомкам древних родов к власти приходили обладатели толстых кошельков. Николай Павлович, считавший, что на троне можно восседать только по милости божьей, а не по воле улицы, оказался в одиночестве, ему оставалось поддаться на уговоры

К.В. Нессельроде и признать новый парижский режим. Каких душевных мук это ему стоило, видно из записки вице-канцлеру: «Сдаюсь на Ваши усилия, но призываю небо в свидетели, что сделано это и останется против моей совести». Он продолжал третировать выскочку. Вместо полагавшегося между монархами обращения «Брат мой» он написал обидное «Добрый друг». Задетый явным пренебрежением Луи Филипп заметил, что император всероссийский скорее отрежет себе руку, чем начертает надлежащие слова.

Король-буржуа прошел в своей жизни огонь и воду. В молодости он вслед за своим отцом примкнул к Французской революции, принял фамилию Эгалитэ (Равенство), служил в ее армии офицером, дезертировал в страхе перед якобинской диктатурой, испытал мытарства эмиграции, добравшись до Соединенных Штатов Америки. Луи Филипп сделал все, чтобы 1830 год не повторил 1793-й¹⁰. Бывший гражданин Эгалитэ умел терпеть и проглотил нанесенную ему обиду, но что продолжавшееся 18 лет третирование его особы царем наносило большой ущерб отношениям двух стран, не вызывает сомнения. Маниакальная ненависть Николая I к выскочке на престоле преграждала путь к партнерству Петербурга и Парижа и заставляла обитателя Тюильри особо ценить дружбу с Великобританией. Кабинету ее величества оставалось лишь благословлять принципиальность Николая Павловича, а то ведь союз Петербурга и Парижа мог перетасовать баланс сил Европе в свою пользу.

Июльская монархия объявила, что собирается соблюдать все условия Венской системы договоров, и не поощряла реваншистские круги в стране. На самодержца все это не действовало. Испытания победой царь не выдержал, голова его закружилась от успеха, присущая его натуре самоуверенность затмила такие полезные для государственного мужа качества, как реализм, осторожность, взвешенность в суждениях, умение смиряться с неизбежным. Николай Павлович, по сути дела, толкал орлеанистский режим в объятия Джона Буля. А возродившаяся из пепла поражения Франция представляла немалую величину, и у нее были очаги напряженности в сношениях с владычицей морей. В Лондоне косо смотрели на покровительство Тюильри египетскому правителю Мухаммеду Али, на завоевание Алжира, на попытку Луи Филиппа пожить при разграничении между Нидерландами и родившимся Бельгийским королевством. Глава Форин-офис обошелся тогда с французами откровенно грубо, заявив, что им не удастся оттянуть в свою пользу даже капустной грядки. Британцам удалось пристроить на престол в Брюсселе члена своей королевской фамилии Леопольда Саксен-Кобургского. Луи Филиппу пришлось

удовольствоваться тем, что он отдал свою дочь в супруги новому монарху. Брак выдался счастливым, и потомки пары до сих пор царствуют в Бельгии.

Было бы неверно приписывать англо-французское сближение 1830-х годов, первое «сердечное согласие», Антанту, исключительно тому остракизму, которому Николай подвергал обитателя Тюильрийского дворца. Всякое слабое правительство во Франции — а таковым являлся орлеанистский режим — нуждалось в добрых отношениях с Альбионом. Приступать к созданию второй колониальной империи, после того как Наполеон растерял остатки первой, можно было только с санкции владычицы морей, хотя бы молчаливой, так что существовали мощные факторы, толкавшие «морские державы» к сближению. В том же направлении действовал Николай Павлович, когда с упрямством носорога портил отношения с Францией. А в образовавшуюся брешь проникала габсбургская дипломатия. Меттерних, в отличие от своих преемников, не выдвигал Турции территориальных претензий, а самодержец после подписанных в Адрианополе соглашений сдал в архив свою наступательную политику на Балканах. Открылось поле для сотрудничества по охране общественных устоев от шашней революционеров.

Меттерних быстро убедился, что парижские «узурпаторы» и не думают посягать на Венскую систему договоров, ведут себя сдержанно и благоразумно, а царизм занялся подавлением своих польских подданных. Двинуться с мечом на Галлию не было ни смысла, ни возможности. Российско-австрийское сотрудничество вылилось, если не считать обмена полицейскими доносами о кознях злоумышленников, в род душевного альянса.

Самодержавию пришлось сражаться с гидрой революции не на Сене, а на Висле. Восстание удалось подавить мерами крутыми и быстрыми. Польский сейм своим постановлением низложил Николая с престола. После этого ни одна держава не выступила в защиту повстанцев.

На этом европейском фоне происходила растянувшаяся на Балканах на четверть века англо-российская дипломатическая дуэль, завершившаяся Крымской войной.

* * *

Охранительные функции на континенте царь Николай собирался сочетать с подчинением ослабленной Османской империи своему

влиянию. И как венец всего, виделся ее развал под грузом внутренних центробежных сил без какого-либо вмешательства извне. И тогда станет возможно, не опасаясь упреков и противодействия, призвать Европу к заполнению вакуума, разделу ее остатков на сферы влияния. При этом упускалось из виду, что в еще живой Турецкой державе предстоит иметь дело с сильными, обладавшими большими средствами воздействия соперниками. Царь взял на себя заботу о наследстве «больного человека», как стали именовать Османскую империю, и вообразил, что к этому делу можно привлечь партнеров, которые смерти «больного» не желали и собирались выступить в роли его лекаря. После нанесенного в Адрианопле удара власти султана никто не верил в искренность клятв самодержца, что он не подталкивает Османскую империю к гибели. Затишья в восточных делах не наступило. Неприятности обрушились, как всегда, неожиданно. Осенью 1831 года разразился конфликт между султаном и правителем Египта Мухаммедом Али, который остался недоволен полученным за участие в борьбе против греческой революции вознаграждением. Его войска заняли Сирию. В сентябре 1832 года армия под командованием сына паши Ибрагима преодолела горный хребет Тавр и вступила в Малую Азию. 11 декабря великий везир потерпел поражение в битве при Конье. В Константинополе началась паника, и восточный вопрос вновь встал на повестку дня концерта держав.

Турки метнулись за помощью в Лондон. Их встретили приветливо, но к немедленному отклику на поступившую просьбу о поддержке адресаты не были готовы. Крутой разворот событий на востоке застал Форин-офис врасплох. Правительство было занято внутренними делами — проведением в 1832 году парламентской реформы, значительно расширившей круг избирателей. В вигийском (либеральном) кабинете пост министра иностранных дел занял виконт Генри Джон Пальмерстон, который вплоть до 1865 года играл видную роль в определении и претворении в жизнь внешнеполитического курса страны.

После Адрианополя турецкие дела находились, с британской точки зрения, в неутешительном состоянии. В Форин-офис никак не могли решить, впала ли уже держава султана в состояние комы, или у нее сохранились шансы на выживание. И не пора ли переориентироваться на Мухаммеда Али? По здравом размышлении мысль была отброшена; сам старец признавался крупным политическим деятелем, но неизвестно, сколько ему отпущено земного существования. А его сын Ибрагим — способный генерал, но не более, и вдобавок горький пьяница. Мухаммед Али, выходец из скромного албанского рода, в молодости, по слухам, промышлял разбоем на большой доро-

ге. Султан — прямой потомок пророка Магомета, халиф (верховный глава всех мусульман, в том числе и проживавших в Индии). Никогда временный владыка Египта не будет пользоваться в исламской среде тем уважением, с которым она относится к халифу и падишаху (императору). Мысль о переориентации была отброшена. Обнаружилось, что у британского кабинета, даже захоти он делом помочь Порте, отсутствовали необходимые на то силы, флот его величества блокировал голландские берега, побуждая короля Вильгельма к уступчивости при проведении границы с только что образовавшейся Бельгией, другая эскадра караулила Португалию, где разразилась гражданская война. Г.Д. Пальмерстон признавался в беседе с российским послом Х.А. Ливеном: «Великобритании было бы трудно предоставить султану действительную помощь. Британский флот находится в разных местах...» Король Вильям IV направил султану письмо с изъявлением дружеских чувств и заверением о своей заинтересованности в сохранении Османской империи в целости и незыблемости и обещанием не оставлять ее в беде. Но сердечные излияния за подписью монарха не могли заменить Порте военной поддержки¹¹.

В Петербурге, в отличие от Лондона, не знали колебаний. Утверждение Мухаммеда Али в Константинополе означало бы крах всего курса отношений с Портой, заложенного в Адрианополе. Вместо «тяжело больного» на границах империи появился бы сильный и беспокойный сосед, пребывавший в тесной дружбе с режимом постылой июльской монархии. Николай I предвидел распад турецкой державы и жаждал его ускорить, но он должен был происходить под его наблюдением и к его выгоде, а тут вырисовывалась перспектива погружения в мрачную и исполненную опасностями неизвестность.

В ноябре 1832 года Николай направил в Константинополь и Александрию генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, знакомого с ближневосточными делами и владевшего турецким языком. Тому удалось добиться у Мухаммеда Али издания приказа о прекращении наступления его армии. Но то ли из-за медлительности тогдашних средств сообщения, то ли по злой воле продвижение войск продолжалось. Они заняли Кутахью и приблизились в Брусе (Бурсе). До Мраморного моря оставалось рукой подать.

Убедившись, что Лондон из дремотного состояния не выведешь, султан обратился за помощью к России. Он просил прислать отряд в 25–30 тысяч штыков и эскадру. 8 (20) февраля 1833 года эскадра в 9 вымпелов (5 линейных кораблей и 4 фрегата) бросила якорь в Босфоре у Буюк-Дере. Тем временем Ибрагим сместил турецкие власти в Смирне (Измире), показав тем самым, что собирается обосноваться

там всерьез и надолго. 26 марта (7 апреля) на Босфор прибыла вторая морская дивизия (11 вымпелов) с десантом на борту. На азиатском берегу пролива, в местечке Ункяр-Искелеси расположился 10-тысячный отряд пехоты. Мухаммед Али признал свой проигрыш; по перемирию, заключенному при содействии французской дипломатии в ставке Ибрагима, он удовлетворился пожизненным правлением в Сирии и округе Адан (май). Договоренность представлялась зыбкой, египтяне не покидали занятых позиций.

В том же мае в Стамбул для руководства всеми дипломатическими, а в случае нужды и военными операциями прибыл генерал Алексей Федорович Орлов, уже известный здесь по переговорам, приведшим к заключению Адрианопольского мира. Он нанес визиты сановникам и был принят султаном Махмудом. Все его собеседники признавали, что царские войска избавили столицу от нашествия и выражали желание оставаться под их защитой. Орлов заверял министров, что не покинет их в беде.

12 (24) мая Ибрагим известил великого везира, что приступил к эвакуации войск, растянувшейся на полтора месяца и проходившей под наблюдением турецкого и русского офицеров. 25 июня (7 июля) Орлов уведомил падишаха об уходе последнего египетского солдата за Твырский хребет и «испросил» разрешения на возвращение домой экспедиционного корпуса, которое было немедленно и с величайшей готовностью предоставлено.

А на следующий день взорвалась дипломатическая бомба — состоялось подписание российско-турецкого оборонительного союзного договора, названного Ункяр-Искелесийским. Суть его заключалась в следующем: стороны, во имя сохранения спокойствия и обеспечения своей безопасности, согласились «подавать взаимно существенную помощь и действительное подкрепление». Россия — сухопутными и морскими силами, Турция от подобной тягости освобождалась и ограничивала «действия свои в пользу Российского двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким-либо предлогом»¹². О Босфоре текст умалчивал, запрета входить в него не налагалось, умолчание позволяло трактовать это как разрешение на вступление в пролив российских военных судов, что серьезно укрепляло безопасность Черноморского региона¹³. Николай Павлович мечтал увидеть распад Османской империи и полюбовный раздел сфер влияния между державами на ее развалинах, но не помышлял о насильственном ее сокрушении с последующим столкновением с ее покровителями. Никаких конфликтов он не предвидел, прорыва севастопольской эска-

дры в Средиземное море не намечалось, это грозило всеевропейской бойней, от чего избави боже! Сколь ни утопичны царские замыслы, из них следует исходить при оценке подписанного акта. Помощь султану предусматривалась лишь в случае внешней угрозы его власти: «Россия будет защищать Турцию только против агрессии, — говорилось в инструкции А.Ф. Орлову, — при этом лишь в европейских владениях»¹⁴. Освободительное движение подданных агрессией не считалось. Связывать себя обязательством подпирать разваливавшуюся громадину и тем более восстанавливать ее там, где она рухнула, царский двор не собирался. Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе. Босфор был открыт для судов под Андреевским флагом с санкции Высокой Порты, что же касается Дарданелл, то фигурировавшие формулировки отражали отсутствие не только планов, но и намерения российской стороны форсировать его и врывать в Средиземное море под пушки судов его величества. Стоит привести здесь слова К.В. Нессельроде в письме А.Ф. Орлову: надо, чтобы Porta связала себя «официальным соглашением, которое обезопасило бы южные провинции, граничащие с Черным морем». Ранее действовало «древнее правило» Турецкой державы о закрытии Проливов. Но ведь правила и существуют на то, чтобы их нарушали. Теперь вход для незваных гостей из Средиземного моря запирался на более прочный международный замок. Давая высокую оценку договору, Е.П. Кудрявцева сопровождает ее важным уточнением: «Россия обезопасила свои южные границы и превратила Черное море во внутренний русско-турецкий бассейн. Все это являлось крупным политическим достижением России, впрочем, очень скоро утраченным»¹⁵.

На этом «впрочем» стоит остановиться.

Реакция Уайт-холла на заключение договора была немедленной и бурной. Глава Форин-офис Г.Д. Пальмерстон счел, что договор превратил Османскую империю в вассала России. Парламентская оппозиция подвергала бездействие кабинета резкой критике. А. Аттвуд уверял, что Англия стала жертвой невиданных унижений и оскорблений: «Теперь у русских в руках Константинополь или по крайней мере Скутари, а Скутари — тот же Константинополь», — горячился депутат. Завершил он свою речь на истерической ноте: «Пройдет несколько лет... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди. Пришло время объявить России войну, подняв против нее Персию с одной стороны, Турцию — с другой; Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется, как глиняный горшок». Г. Темперлей, живописуя обстановку, не стеснялся в выражениях

и писал о «лае парламентской своры»¹⁶. Пресса бушевала, по стране разползались русофобские настроения. Критика раздавалась и с другой стороны Ламанша. Франсуа Гизо, тогда министр просвещения, утверждал: «Петербургский кабинет сделал из Турции своего официального подчиненного, а из Черного моря — русское озеро без того, чтобы что-либо мешало ей самой (России) из него выйти и перебросить в Средиземное море свои войска и суда»¹⁷.

Подобного намерения не существовало и в помине. В исторической перспективе, в свете развернувшегося вскоре британского наступления, в ходе которого российские позиции на Ближнем Востоке полетели кувырком, все происходившее выглядит как буря в стакане воды. Но участники драмы действовали под влиянием своих эмоций и продолжали накалять атмосферу.

В октябре 1833 года кабинеты Лондона и Парижа направили резкий протест петербургскому ведомству иностранных дел: в случае вооруженного вмешательства России во внутренние дела Турции (о чем тогда никто в стане «агрессора» не помышлял) две державы «сочтут себя вправе следовать образу действий так, как если бы помянутого трактата не существовало». Ответ российского МИД был выдержан в энергичных тонах: договор будет соблюдаться, как будто упомянутой ноты не существовало¹⁸. Оппоненты попытались привлечь к анти-российским действиям Австрию. Князь К. Меттерних не поддался на нажим. Адрианопольский мир он встретил в паническом настроении: «Зло свершилось, существование Оттоманской империи стало проблематичным». Но, придя в себя, он успокоился. Курс царя на сохранение слабого соседа Габсбургов устраивал: «больной человек», по мнению Меттерниха, проскрипит еще десятки лет. Николай представлялся важным партнером при сохранении незыблемости Венской системы договоров. Меттерних сознавал: позиции царизма в 1829 и 1833 годах несопоставимы. Царь стал гораздо отзывчивее к его просьбам крепить фронт против гидры мятежа, а в восточных делах гораздо доступнее голосу разума. Показательно заявление императора австрийскому послу Ш.Л. Фикельмону: обладание Константинополем привело бы к созданию нового делового центра притяжения для южных провинций, начиная с Грузии и кончая Украиной. Российская империя распадется на две части, и скорее всего это приведет к созданию нового государства, которое уже не будет русским. По логике канцлера, в создавшихся условиях следовало не бумажными протестами заниматься (камень в британский огород), а без шума и под журчание дружеских речей вместе с Веной установить некий контроль над активностью самодержавия в делах восточных¹⁹.

В сентябре 1833 года, в разгар «нотной войны» с морскими державами, в Мюнхенграце (ныне — Мнихово-Градиште в Чехии) состоялась встреча Николая Павловича с кайзером Францем и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Монархи договорились о взаимопомощи в борьбе с «мятежными движениями». Они совершили политически бестактный и практически вредный шаг, направив Луи Филиппу дружеский совет о противодействии революционной пропаганде, чем добились дальнейшего крена орлеанистского режима в сторону Англии. Два императора обязались «поддерживать существование Оттоманской империи под властью нынешней династии». В секретной статье предусматривалось, однако, что, если «невзирая на общие их пожелания и усилия, нынешний порядок будет все же ниспровергнут», они будут сообща иметь наблюдение за тем, чтобы «перемены, совершавшиеся во внутреннем положении этой империи, не могли нанести ущерба безопасности их собственных владений, ни правам, обеспеченным каждому из них договорами, ни европейскому равновесию»²⁰. Царь вообразил, что склонил партнера к дележу в перспективе наследства «большого человека». На самом деле он получил на руки пустую бумажку, ибо австрийцы прочили «большому» еще долгие годы жизни. Николаю позволили лишь тешиться заветными мечтаниями. Реальное значение встречи в Мюнхенграце состояло в том, что Россия на какое-то время вышла из международной изоляции.

Меттерних, не заинтересованный в перерастании спора между бывшими союзниками в войну, выступил в роли своего рода дипломатической подушки, стремясь смягчить остроту конфликта России с Великобританией и Францией. В оценке встречи в Мюнхенграце он выступал как реалист, а царь как фантазер. Австриец решил, что лишняя здравница в честь Османской империи не помешает, но оказался непонятым за Ла-Маншем, и у него буквально на пустом месте произошло столкновение с Пальмерстоном. Канцлер убеждал упрямого британца, что царь согласился с его политикой сохранения Турецкой империи, а не он с российским курсом на ее разрушение. Пам ему не верил и в грош не ставил старика — тот робок, лжив, труслив и по «турецким делам выступает глашатаем России». Меттерних жаловался: у Пальмерстона темперамент дуэлянта. Тот твердил, что Россия была, есть и будет могильщиком Османской державы (хотя в этом плане Зимний дворец взял серьезный тайм-аут). Свою политику Пальмерстон формулировал кратко и выразительно в письме послу в Вене сэру Фредерику Лему: «Страны, составляющие Турецкую империю, должны образовать независимое и прочное политическое государство, способное играть роль в общем балансе сил»²¹.

Последствий перепалка между министрами не имела. Начавшееся британское наступление на российские позиции в Константинополе показало надуманность и беспочвенность опасений Пальмерстона о нависшей над бедняжкой Турцией угрозе.

В конце 1833 года в Петербурге успокоились: западным нахам дали по рукам, с Веной удалось достичь договоренности. В отчете МИД выражалась надежда на то, что Ункяр-Искелесийский договор «раз и навсегда положит конец колебаниям Турции» в выборе союзников. «Восточный вопрос закрыт, по крайней мере так заявляем мы», — ликовал Нессельроде²². Скоро ему пришлось спуститься с небес на грешную землю. Иной точки зрения придерживался Г.Д. Пальмерстон, прочно утвердившийся не только во главе Форин-офис, но и внешней политики своей страны. В течение 30 лет борьба за преобладание на Ближнем Востоке, за округление владений короны, за контроль над имперскими морскими коммуникациями шла под аккомпанимент его красноречия. Именно Пальмерстону принадлежит затасканная нашими СМИ и приписываемая то Б. Дизраэли, то даже У. Черчиллю фраза: «У нас нет ни вечных врагов, ни постоянных союзников. Но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их наш долг»²³.

Подкоп под Ункяр-Искелесийский договор он начал исподволь и без промедления. Д. Голдфрэнк озаглавил один из разделов своей книги о подготовке Британии к Крымской войне: «Прыжок вперед. 1835–1841»²⁴. В беседах с турецким послом Мустафой Решидом-пашой, будущим выдающимся реформатором, Пальмерстон подчеркнуто именвал Мухаммеда Али «губернатором Египта», заверял, что не будет способствовать его «порочным наклонностям», манил Порту перспективой возврата Сирии и предостерегал от коварства «москвитов»²⁵. Пребывание в Лондоне убеждало Решиду в британской мощи, пашу пленял конституционный строй страны, он превратился в убежденного англофила.

Царизм не мог противостоять напору британской дипломатии, опиравшейся на морское могущество, безбрежные тогда экономические и финансовые ресурсы, идеологический потенциал, под воздействием которого находилось турецкое реформационное движение. Российская дипломатия металась в поисках средств отпора и не находила их — ни товаров, ни кредита, ни идей, а от отсталого крепостнического строя либерально настроенные люди отшатывались с чувством, в котором недоумение смешивалось с негодованием. Дипломатия не допустила ни одного провала и даже значительного промаха. Но на балканской почве состязались соперники разной весовой категории,

одна — феодальной, другая капиталистической, и Турция уплывала из зоны российского влияния. Появились тревожные признаки охлаждения к официальной России и вожаков балканского освободительного движения по мере того, как укреплялась их самостоятельность и ослабевала нужда в ее услугах.

Роковым для самодержавия выдался 1838 год — количество переросло в качество. Был подписан англо-турецкий акт, скромно названный торговой конвенцией. Он предусматривал продление консульской юрисдикции над подданными ее величества и сохранение за купцами прежних привилегий, устанавливал низкую, в 5-процентную ввозную пошлину (при 12-процентной вывозной). Конвенция носила откровенно неравноправный характер, обязательства налагались только на Высокую Порту, о принципе взаимности для турецких товаров вообще не упоминалось. Султан Махмуд не сразу дал санкцию на подписание конвенции. Колебания его прекратились по соображениям не экономического характера, а исходя из страстного желания сокрушить ненавистного Мухаммеда Али с английской помощью. Самодержавие в бессилии наблюдало за переходом Турции под британское крыло. Закрепляя сближение со Стамбулом, Пальмерстон направил корабли к устью Дарданелл, состоялись совместные англо-турецкие морские маневры в Восточном Средиземноморье. Одновременно в сентябре-октябре 1838 г. севастопольская эскадра крейсировала у малоазиатского побережья Черного моря.

Эти параллельные и взаимноугрожающие учения явились зримым свидетельством отхода Порты от ориентации на Россию. Осенью 1838 г. Решида-пашу снарядили в Лондон с предложением наступательного союза. В английской столице, однако, не проявляли желания ввязываться в серьезный конфликт, а то и войну ради возвеличения падишаха. Лишь в марте 1839 года Пальмерстон известил посланца о принципиальном согласии кабинета помочь флотом в случае непокорности Мухаммеда Али. О возвращении султану Сирии вообще не говорилось.

Турецкий демарш в Петербурге с подобной же просьбой отклика не встретил, Николай не собирался наниматься на службу к султану ради упрочения его власти в Азии. И тогда Махмуд пошел ва-банк. 21 апреля турецкая армия переправилась через Евфрат и открыла военные действия против египтян. Порты очертя голову бросилась в авантюру, и последствия не замедлили сказаться. 24 июня османское войско потерпело неудачу в битве при Низибе. 10 июля скончался султан Махмуд II. На этом бедствия Высокой Порты не кончились. Капудан-паша Февзи Ахмед пошел на открытую измену и увел флот

(12 линейных судов и 8 фрегатов) в Александрию, к Мухаммеду Али. Слово «паника» лишь в малой степени отражает то, что творилось в Константинополе. Чтобы умиловить грозного Мухаммеда Али, 16-летний султан Абдул Меджид пожаловал ему высокий орден и наследственное владение Египтом. Старец в ответ предложил передать ему и его роду Сирию, Киликию, Юго-Восточную Анатолию, остров Крит и Аравию, всего 35–40% пространства империи.

И тут вмешались послы. 24 июля Порты получила коллективную ноту с извещением, что достигнуто согласие между пятью державами по восточному вопросу и предложением «воздержаться от какого-либо окончательного решения без их участия, выждав результата интереса, который они к нему проявляют»²⁶.

Демарш означал прямое вмешательство во внутренние дела Османской империи, но протеста он не вызвал, об уважении к суверенитету страны в Стамбуле уже не помышляли. Порты лишилась самостоятельности во внешней политике и из субъекта превращалась в объект международной политики, ее уделом становилось лавирование и игра на противоречиях между участниками европейского концерта. Никакого согласия между ними не существовало. Обстановка сравнительно с 1833 годом изменилась совершенно, британская и российская дипломатии как бы поменялись местами. Г.Д. Пальмерстон был настроен решительно и так излагал свои соображения: «Турция еще может продержаться, ни одна империя не развалится на куски одна, если приветливые соседи не разорвут ее силой». Министр придумал даже утешительную сентенцию — империя султана вовсе не деградирует, просто державы все больше знакомятся с ее пороками²⁷. Меттерних вообразил было, что возвращается время конференций и конгрессов, и предложил Вену в качестве места проведения ближайшей встречи. Никто не обратил внимания на его вылазку.

У самодержца не осталось сомнений — Высокую Порту в беде не оставят, могут обойтись без содействия с его стороны, что привело бы к опасному усилению позиций соперников на Балканах и Ближнем Востоке. На исходе срока действия Ункяр-Искелесийского договора (8 лет) царизм очутился в неутешительной изоляции. В переписке К.В. Нессельроде звучала тревога: «Без нашего участия Австрия, Англия и Франция готовы сделаться между собою в комбинации, придуманной будто бы в пользу Турции, а в действительности направленной против нас»²⁸. Отсюда — соавторство в коллективном демарше. Само сотрудничество «оркестрантов» покоилось на глиняных ногах. Французы не желали лишать Мухаммеда Али территорий за пределами Египта. Король Луи Филипп не скрывал от британцев, что не най-

дет правительства, готового на войну против старца. Образовались две возможные модели урегулирования: французская — только мирным путем и с наградой покровительствуемому египетскому владыке; английская — выдворение Мухаммеда Али отовсюду помимо Египта, не останавливаясь перед применением силы.

Поддержку своим замыслам Пальмерстон встретил с неожиданной стороны, от царизма. Ф.И. Бруннов привез в Лондон намеченный Николаем план урегулирования, предусматривавший не только обуздание египтянина, но и решение вопроса о Черноморских проливах — их закрытие для военных кораблей всех стран.

Изложенный им Пальмерстону план означал отступление от прежнего основополагающего принципа — решать российско-турецкие дела тет-а-тет, безо всякого постороннего участия. Ункяр-Искелесийский договор не принес ожидаемых плодов, под его сенью Петербург растерял имевшиеся у него ранее преимущества, перешел в восточном вопросе к обороне и теперь пытался остановить британское наступление, пока не поздно. С его мнением еще считались и определенной доли влияния у него не оспаривали: «Мы должны обеспечить нашу собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей», — докладывал Нессельроде царю²⁹. Для Великобритании ценность формулы заключалась в том, что начисто, даже теоретически, исключалась возможность появления черноморской эскадры в Средиземном море и устранялась какая-либо угроза с севера имперским путям «владычицы морей».

Пальмерстон сразу же разгадал тайный царский замысел — превратить намечавшуюся трещину в англо-французских отношениях в серьезную ссору и осуществить навязчивую идею Николая Павловича об изоляции Луи Филиппа. Так далеко идти Пальмерстон не собирался: галлов, хлопотавших в пользу египетского старца, следовало одернуть, но не больше. Он полагал, что слабый режим Луи Филиппа сам прибежит в Лондон с покаянием и пальмовой ветвью в руках. Но раздалась громкие протестующие голоса в самой Великобритании, кабинет проявлял сильнейшее нежелание ссориться с Францией, пресса не слезала с антироссийского конька³⁰. Пальмерстону пришлось демонстративно уйти в отставку и переманить на свою сторону премьера В. Мелборна, чтобы его коллеги сдались и согласились на подписание конвенции без участия Парижа.

А во Франции страсти разыгрались не на шутку. В столице толпа разбила стекла в особняке британского посольства. В Тулоне снаряжался флот. Правительство Ф. Гизло ушло в отставку, будучи обвине-

но в нерешительности и бездействии. Пальмерстон, чтобы смягчить обстановку, согласился возратить с острова Святой Елены в Париж останки Наполеона, дабы буйная общественность занялась переносом праха героя в Пантеон и эти «взрослые дети» пришли в себя. Напрасно, успокоения он не достиг, новый глава правительства А. Тьер, по словам Ч. Вебстера, «извергал дым и пламя».

15 июля 1840 года уполномоченные Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Турции подписали в Лондоне серию документов, известных под общим названием конвенции о Проливах. Территориальный вопрос предполагалось урегулировать так: Египет представлялся Мухаммеду Али в наследственное владение, пашалык Аккра — в пожизненное; если в течение 10 дней не поступало согласия паши на урегулирование, отпадало условие насчет Аккры, по прошествии 20 дней — насчет Египта. По статье 3 конвенции Англия, Россия и Австрия обязывались защищать Константинополь. Черноморские проливы закрывались для военных кораблей всех стран, «пока Порты находится в мире». Сама Высокая Порты играла в истории с подготовкой конвенции, знаменовавшей этап в ее подчинении западным странам, декоративную роль³¹.

Севастопольская эскадра оказалась прочно запертой в Черном море, но Николай I предавался торжеству. О тех потемках самообмана, в которых блуждал самодержец, можно судить по его письму фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «Конвенция между Англией, Пруссией, Австрией, мной и Турцией подписана без Франции! Новая эпоха в политике»³². В своем ослеплении царь всерьез воображал, что добился прочного сотрудничества с Великобританией и изолировал постылого Луи Филиппа, который по большому счету российским интересам не угрожал. Англия и Россия представлялись ему двумя скалами, о которые разобьются волны революции. Сохранение миропорядка, заложенного Венским конгрессом, составляло предмет его забот, и кабинет ее величества мыслился союзником в сем благом деле. Устранение Парижа из «концерта» должно было способствовать сближению с Лондоном.

С турецко-египетским конфликтом было покончено быстро и решительно. Зондаж императора Николая насчет участия в акции вежливо, но твердо отклонили, к его услугам намеренно не прибегали, российский десант на Босфоре не потребовался, ибо, как опасались в высоких английских сферах, все это могло бы привести к укреплению позиций самодержавия в регионе. Иным было отношение к участию в операции Австрии. Пальмерстон просил прислать в Восточное Средиземноморье несколько кораблей ее флота «для морального эффек-

та, для демонстрации... союза». Англо-австрийская эскадра прервала морские коммуникации войск Ибрагима, недовольным жителям Ливана предоставили 20 тысяч винтовок, и они очень своевременно подняли восстание. Соединенным усилиям флота двух держав, турецкой армии и арабских повстанцев египтяне не смогли оказать сопротивления, потеряли Бейрут, Аккру, отошли в пустынные и бесплодные места. Отступление превратилось в бедствие, голод и болезни уносили тысячи жертв. Эскадра адмирала Ч. Нэпира появилась у Александрии, и Мухаммед Али сдался, выговорив для себя лишь наследственное владение Египтом³³. Николаю I пришлось довольствоваться ролью зрителя при падении «империи» Мухаммеда Али с соответствующим ущербом для репутации самодержавия.

Иллюзия насчет крупной ссоры между Парижем и Лондоном не продержалась и года. Газетная буря во Франции утихла, бросать вызов британской средиземноморской эскадре в 15 парусных и паровых линейных кораблей было бы безумием. Пальмерстон полагал, что галлы «не настолько глупы, чтобы сломать себе шею в борьбе с коалицией». Перепуганный Луи Филипп отказался вставить воинственный пассаж в тронную речь, А. Тьер подал в отставку. Назначенный на пост министра иностранных дел Ф. Гизо повел дело к примирению. 13 июля 1841 года была подписана новая конвенция о Проливах с участием Франции, отличалась она от предшественницы отсутствием упоминания о Мухаммеде Али — тот был уже загнан в нужные пределы³⁴. Так выглядела «новая эпоха в политике» на деле.

Советская историография давала достигнутому урегулированию резкоотрицательную оценку, расценивая его как удар по суверенным правам России и Турции. В последние годы появилась иная точка зрения, и она заслуживает внимания. Вместо двустороннего и никем не признанного Ункяр-Искелесийского договора в силу вступил акт для всех обязательный, закрывавший Босфор и Дарданеллы для военных судов всех стран. Россия отказалась от довольно призрачной возможности проникновения в Средиземное море навстречу мощному британскому флоту. Обеспечение безопасности южных берегов серьезно озабочивало правящие круги, и в этом плане конвенции 1840 и 1842 годов выглядели более солидными и надежными³⁵. Они вполне вписывались в общую концепцию отказа от территориального расширения на Балканах.

Десятилетие после заключения Адрианопольского мира прошло у балканских народов под знаком возрождения, для царизма оно завершилось неудачами и потерями. Отсталое крепостническое государство не выдерживало натиска передовых стран Европы. Рухнули

расчеты на долгое и прочное утверждение в регионе, не оправдались надежды на выгоды от поддержания слабого соседа, дряхлеющей Османской империи, во владениях которой прочное место занял иностранный капитал, захвативший ее рынок. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный. Перестало действовать старое правило — решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Царизм согласился на закрытие Босфора и Дарданелл. Самодержавие не просто оборонялось, оно отступало по всей линии под громкие крики соперников о его неутихающих захватнических поползновениях.

У Николая Павловича оставалась одна надежда, одна сокровенная и утешительная мечта на скорый распад султанских владений под действием центробежных сил и последующий за сим черный передел наследства. В Мюнхенгреце, полагал он, удалось заручиться согласием Австрии на ее участие, оставалось добиться того же со стороны Великобритании.

В 1844 году случилась очередная размолвка между Лондоном и Парижем. Глава консервативного правительства сэр Роберт Пиль на обеде, устроенном Русской компанией, провозгласил тост за вечную дружбу с Россией. Он же намекнул послу Ф.И. Бруннову на желательность приезда царя. Тот откликнулся почти немедленно. Николай к тому времени отвык советоваться с кем-либо, никакой дипломатической подготовки к визиту не провел. 20 мая (1 июня) государь высадился на британском берегу. Королева Виктория пребывала на седьмом месяце беременности, ей бы жить в уединении, но она сумела подготовиться к встрече важного гостя, и все сошло, по мнению царя, на ять. Между смотрами, парадами и увеселениями он вел беседы с сэром Р. Пилем, главой Форин-офис графом Д. Абердином и поговорил даже с находившимся в оппозиции Г.Д. Пальмерстоном. Он остался доволен и переговорами, и приемом, и оставалось, по его представлениям, лишь закрепить на бумаге достигнутую договоренность. В сентябре К.В. Нессельроде отправился на курорт в Брайтоне, вооруженный пространством меморандумом. В угоду царившим в Лондоне настроениям бумага начиналась с заверений, насколько обе стороны заинтересованы в сохранении в целостности и сохранности владений падишаха. Однако, тревожились ее сочинители, нельзя закрывать глаза на то, «сколь много элементов распада заключает в себе эта империя». Двум странам было бы в высшей степени благоразумно договориться заранее на этот случай³⁶. Лорд Абердин высоко оценил заботу царя о благополучии Османской империи, но, ввиду того, что оной империи предстоят еще многие десятилетия существования, вы-

разил сомнение насчет своевременности приступать к хлопотам, связанным с ее похоронами. За время отпуска Нессельроде этих сомнений преодолеть не удалось, и он отбыл восвояси ни с чем. Давление на англичан продолжал Ф.И. Бруннов. В январе 1845 года, через полгода после визита царя, удалось наконец получить у Абердина записку, в которой тот свидетельствовал, что меморандум Нессельроде точно передает содержание состоявшихся с императором бесед. Он упоминал об «обоюдном обмене наших мнений, в которых, мне кажется, мы были вполне солидарны и которые я буду иметь в виду во всех отношениях касательно Востока». Ответ в очень неопределенной и ни к чему не обязывающей форме содержал обещание консультироваться с Петербургом, но не больше. Форин-офис поступил по всем канонам «коварного Альбиона» — отправил меморандум Нессельроде в архив как свидетельство агрессивных ухваток русского медведя, записка же Абердина хранилась в его бумагах как нечто сугубо личное и к государственным делам отношения не имеющее³⁷. Николай же вообразил, что заранее подготовил почву для раздела турецкого наследства, и не нашлось ни единой души, которая осмелилась бы открыть ему глаза.

* * *

Потрясения в азиатских владениях Османской империи имели самое непосредственное отношение к ситуации на Балканах. Занятая сведением счетов с непокорным египетским вассалом, Высокая Порта не имела возможности развернуть карательные операции против христианских подданных. Впрочем, и нужды в них не ощущалось. Двадцатилетие после Адрианопольского мира — сравнительно мирная эпоха в жизни Юго-Восточной Европы. Местных конфликтов и даже восстаний происходило немало, но ничего, похожего на бури 1820-х и 1870-х годов, не наблюдалось. Балканские народы были заняты созидательной деятельностью — обустроивали свои государства, расширяли и укрепляли свои автономные права (а в греческом варианте — отстаивали независимость), закладывали основы национальной культуры. Время обновления наступило и в Турции, здесь начинал свой отсчет Танзимат, период реформ, изжила себя военно-ленная система, определявшая не только военный строй, но и аграрные отношения в стране. В ноябре 1839 года Мустафа Решид-паша огласил, в присутствии юного султана Абдул Меджида, в парке у дворца Гюльхане (Дом роз) так называемый Гюльханейский хатт-и-шериф, содержавший намеченную программу преобразований. Она предусматривала

предоставление всем подданным, независимо от их вероисповедания, гарантии неприкосновенности жизни, чести и имущества, ликвидацию административного произвола, справедливое распределение налогов, отмену ильтизама (откупной системы при их взимании), сокращение срока военной службы до пяти лет. Последовали рескрипты об открытии светских школ, о равных правах мусульман и иноверцев в качестве свидетелей в судах, о создании на местах медрес — совещательных собраний при органах власти с представительством в них христиан. Воплотить в жизнь удалось далеко не все из задуманного, и в местах, отдаленных от столицы, султанская власть признавалась, но далеко не везде ощущалась. Не только феодальная знать, но и мусульманская масса вообще отвергала идею равноправия с кяфирами (гяурами). Администрация оказалась не в состоянии справиться со сбором налогов, и система ильтизама, их откупа, была восстановлена. Но все же эпоху Танзимата, и в первую очередь отмену сипахийской системы землевладения, вычеркивать из турецкой истории нельзя. Высокой Порте пришлось в невиданной ранее степени считаться с христианскими народами. Султан Махмуд, путешествуя по Болгарии, выступил с речью, немыслимой в устах его предков: для него все верноподданные равны, он различает мусульман лишь в мечети, христиан — в церкви, иудеев — в синагоге.

В балканских провинциях царил духоподъемная атмосфера. Верхи в Дунайских княжествах жадно приобщались к европейской жизни. В городах воздвигались изящные особняки, из Вены и даже Парижа выписывались кареты и мебель. Театры, газеты, приемы и балы во дворце, дамские салоны. Газеты на полном серьезе печатали объявления: ворник такой-то, стремясь идти в ногу со временем, скинул боярский кафтан и обрядился в немецкую одежду. И тут дамы опережали мужей — выписывать платья, обувь, парфюмерию их Франции вошло в обычай. Медаль имела и оборотную сторону — роскошная жизнь бояр дорого обходилась крестьянам, налоги, подати, сборы росли как на дрожжах.

Первые шаги делало высшее образование. В 1835 году в Яссах открылась Михаэлянская академия с курсами философии, юриспруденции и теологии; в 1840-е годы здесь читали лекции также по минералогии, политэкономии, агрономии, архитектуре, живописи. В 1831 году в Бухаресте приступила к занятиям академия Святого Саввы. Но основная масса молодежи, стремившейся к знаниям, устремлялась в университеты Франции, Германии, Бельгии. Сыграли роль латинизаторские веяния в Молдавии и Валахии, культ Франции. Опора царизма на феодально-консервативное боярство способствовала отчуждению от России нарождавшейся интеллигенции.

В ее среде обозначился водораздел: выпускники франко-бельгийских университетов являлись проводниками либеральных и радикальных взглядов, немецкие поставляли Румынии более консервативно настроенных политиков и деятелей культуры.

На родине уже было где применить силы. Зародилась научная, прежде всего историческая литература, появились журналы «Архива ромыняскэ» и «Магазин историк пентру Дачия» («Исторический журнал для Дакии»). Образ прошлого, напоминание о жарких битвах с османами и прочими завоевателями и угнетателями пробуждало у читателей жажду к борьбе. В 1837 году совсем молодой Михаил Когэлничану издал «Историю Валахии, Молдовы и задунайских влахов», помянув в ней добрым словом Россию за ее подвиги на ниве освобождения молдо-валахов.

Поскольку самоуправствовавшие господа М. Стурдза и А.Д. Гика пользовались поддержкой Петербурга, установившего в княжествах фактически протекторат, все тяготы, падавшие на население, все беды, на него обрушивавшиеся, стали приписываться зловещему влиянию самодержавия. Оппозицию стали именовать Национальной партией, все настойчивее выдвигалось требование избавления зависимости от Порты и царизма. В 1843 году в Бухаресте возникло тайное общество «Фрэцие» («Братство»), его революционно-демократическое крыло во главе с Николае Бэлческу выступало за отмену феодальных привилегий, освобождение крестьян от барщины и наделение их земель за выкуп.

Экономический подъем на феодальной основе не мог быть ни слишком длительным, ни очень масштабным. Земля обрабатывалась примитивным крестьянским инвентарем и, при всем своем плодородии, давала скудные урожаи. Уже в 1840-е годы освоение новых площадей под запашку прекратилось за отсутствием таковых, в 1860-е крестьянство билось уже в тисках малоземелья.

Деревня продолжала жить в узком мирке натурального хозяйства. Не мог похвастаться особым прогрессом и город. Дороги пребывали в запущенном состоянии. Банков не существовало, кредитная система отсутствовала, на рынке имели хождение 70 видов монет, о введении в княжествах своих денег Высокая Порта не желала и слышать. В 1842 году Стамбул и Петербург сместили с валашского престола А.Д. Стурдзу за его излишнюю самостоятельность. Его сменил Георге Бибеску. Вместо прежних похвал в адрес Органических регламентов теперь сыпались проклятия. Осененный ими феодальный строй вступил в полосу кризиса. Возмущение вызывали такие привилегии бояр, как освобождение от налогов и право учреждать предприятия, не платя за патент. Утопичной оказалась надежда на проведение буржуаз-

ных по характеру реформ руками феодалов — крупных бояр. Засуха 1847 года обострила народные бедствия до предела. А на пороге стоял грозный 1848 год.

* * *

В Сербии Уайт-холл бросил открытый вызов Зимнему дворцу, учредив в 1837 году, ко всеобщему изумлению, консульство в Белграде явно в пику России, которая таким учреждением еще не обзавелась и вела сношения с сербами через консульство в Оршове на австрийской территории. Дотошные исследователи подсчитали, что за первую треть XIX века обитаемую сербами территорию посетили десять англичан, из них шестеро путешествовали по Дунаю и лишь полюбовались живописными берегами. Официальный мотив открытия — необходимость защиты интересов подданных британской короны — звучал фальшиво по причине отсутствия таковых. Как и торговли. Назначенному на должность полковнику Д. Ходжесу вменялось в обязанность заниматься делами «скорее политического, нежели коммерческого свойства». И, главное, внимательно следить за российским стремлением «увеличить политическое влияние своего правительства, будь то в Сербии или в окружающих районах»³⁸. Еще откровеннее объяснялся Г.Д. Пальмерстон в письме к послу в Вене сэру Ф. Лему: Сербия должна служить барьером на пути российского продвижения на Балканы и в дальнейшем превратиться в рынок для британских товаров.

Ходжес сразу же столкнулся с трудностями: в Сербии, докладывал он, «все влиятельные лица питают сильнейшую склонность к России». Эти чувства разделяют церковнослужители и молодые офицеры. Надо было найти какую-то точку опоры для осуществления поставленной задачи. Консул сделал ставку на князя Милоша Обреновича, и не ошибся, — тот легко пошел на тесный контакт с британцем. Милош тяготился российской опекой и стремился противопоставить Петербургу другую силу. В Северной столице, в свою очередь, разочаровались в Милоше. Его стремление управлять страной, не отягощая себя законами и необходимостью советоваться с кем-либо, вызывало протесты со стороны поднимавшейся торговой и сельской буржуазии. Оппозиция самовластному князю росла, охватив и многих его соратников по восстанию 1815 года. В Зимнем дворце коварному Милошу не доверяли и сознавали, что в Сербии назрела пора проведения определенных реформ. Отсюда — крен в сторону уставобранителей, в то

время как либеральная Англия опиралась на своего рода патриархального деспота.

Во время первой же встречи с Ходжесом князь выразил желание отдаться под покровительство «Англии и ее друзей» с целью защиты от «агрессивных» поползновений России. Возникла ситуация, о которой видные английские историки пишут с чувством неловкости: «В Сербии Британия поддерживала автократический режим, а Россия — разновидность конституционализма»³⁹. Ретивость Ходжеса вызывала недоумение в среде британских дипломатов. Посол в Вене Ф. Лем предостерегал Пальмерстона: «Полковник Ходжес представляется мне слишком деятельным политиком. Вам лучше призвать его к спокойствию». Лондону следует действовать через Вену, укреплять ее позиции в княжестве в противовес российским. На большее Англия не способна⁴⁰.

Но Пам шел напролом. С его санкции Ходжес отправился в Стамбул — побуждать Порту к умеренным уступкам. В 1838 году последовало принятие устава, прозванного в Сербии турецким, предусматривавшим защиту прав человека и собственности, отменявшим кулук (барщину). Совет при князе наделялся значительными полномочиями, он вырабатывал законы, которые не должны были нарушать права «Высокой Порты, под властью которой страна состоит», утверждал решения князя и собирал налоги⁴¹. Членов совета назначал князь из лиц, известных в стране своею честностью и способностями. Они могли смещаться лишь с султанского согласия. Большинство в нем завоевали уставобранители, что крайне огорчило Ходжеса.

Однако позиции России в княжестве были прочными, одолеть их наскоком не получилось. Посол лорд Д. Понсонби писал главе Форин-офис: «Думаю, меня побьют, ибо Порта не знает, насколько она может рассчитывать на британское правительство и не пожелает оспаривать волю России»⁴². И Пальмерстон забил отбой: «Всем очевидно, что географическое положение Сербии позволяет Великобритании оказать активную и эффективную помощь его светлости (Милошу. — *Авт.*) лишь путем объявления войны России. Не следует, однако, ожидать, что Англия ввяжется в войну с Россией только по вопросу о Сербии»⁴³. Лондон оставил своего протеже на произвол судьбы, в данном случае представленной уставобранителями и поддерживавшей их Россией.

Жить в Белграде Ходжесу стало неудобно и даже небезопасно. В апреле 1839 года полковник покинул сербскую столицу. Вскоре его примеру последовал Милош, прибавив к своему титулу досадную приставку экс. В 1842 году уставобранители свергли с престола его сына Михаила, трон занял близкий им Александр Карагеоргиевич.

Самое знаменательное событие 1840-х годов — план объединения югославянских земель под эгидой Сербии, известный как «Начертание», И. Гарашанина (1844 год). Автор рассчитывал осуществить этот замысел не путем народного восстания, а с помощью дипломатических акций и войны. Он взял за основу записку чеха Ф. Заха, близкого к польской эмиграции, который возлагал при этом, без каких-либо оснований, особые надежды на поддержку Англии и Франции. Гарашанин придерживался той же ориентации, но все же счел нужным упомянуть в «Начертании» о России и включил в текст следующий абзац: «Сербия ни с кем не могла бы так легко добиться своей цели, как при содействии России. Но это возможно только тогда, когда она (Россия. — *Авт.*) совершенно и полностью приняла бы условия Сербии»⁴⁴. Населенные сербами австрийские земли в «Начертании» не фигурировали, Гарашанин считал их вовлечение в процесс объединения выходящим за рамки возможного.

Сербия брала на себя роль лидера в балканском национальном движении.

* * *

В Греции существовали три «партии», английская, французская и русская, со сталкивавшимися интересами, много кланов вокруг известных политических деятелей, но социум объединяла ненависть к баварскому правлению, которое после того, как с арены сошло регентство, представлял король Оттон, и стремление смести его абсолютизм и заменить его конституционным правлением. Взрыв произошел в ночь со 2 на 3 (с 14 на 15) сентября 1843 года при самом активном участии в событиях афинского гарнизона. Особенность этой однодневной революции в том, что у нее не было врагов, король — один против всех.

Заговорщики вывели на площадь перед дворцом войска, здесь же собралась огромная толпа народа. Полковник Д. Каллергис передал монарху требование о введении конституции. В три часа утра собрался Государственный совет и сформулировал программу революции: введение конституции, созыв в течение 30 дней Национального собрания, роспуск правительства и образование нового, увольнение с государственной службы всех иностранцев кроме филэллинов — участников революции 1821–1829 годов. Оттон попросил отсрочки, чтобы связаться с посланниками держав и запросить у них совета. Ему было в этом отказано. Но посланники сами явились на площадь. Каллер-

гис, командовавший войсками, окружавшими дворец, отказался пропустить их к Оттону до принятия им требований Государственного совета. Дипломаты разъехались.

Оказавшись в безвыходном положении, Оттон подписал требуемые документы. Толпа перед дворцом, в самом угрожающем настроении, не расходилась. Лидеры восстания потребовали у короля выразить благодарность войскам и народу за выступление, состоявшееся, по их словам, с целью поддержания порядка и избежания кровопролития. Король еще раз попросил разрешения встретиться с посланниками и на этот раз получил его. Те прибыли во дворец. Их совещание, по замечанию российского представителя Г.А. Катакази, происходило под аккомпанемент «угрожающих криков черни». Поступали сообщения, что офицеры больше не в состоянии сдерживать народ и войска. Королева Амалия слала супругу записки с просьбой пойти на уступки. Посланники единодушно посоветовали Оттону подписать предъявленные ему требования, что тот и сделал, после чего появился на балконе дворца в окружении дипломатов. Присутствовал и глава нового правительства А. Метаксас. Ни одна рука не поднялась, ни один голос не прозвучал в поддержку монарха.

Г.А. Катакази дорого обошлось его «участие» в перевороте.

Все правительства, кроме российского и прусского, одобрили поведение своих представителей. Прусский король пожурил своего посланника, Николай обрушил на Катакази свой гнев, назвал его поступок низостью — тому следовало умереть с честью, защищая Оттона, — и собрался прогнать его со службы. Нессельроде удалось смягчить царя, и тот ограничился отзывом несчастного из Афин. Успокоившись, Николай решил продолжать сотрудничество с двумя другими покровителями Эллады — Великобританией и Францией. Афинам предписали выплачивать долги и забыть о расширении границ королевства. В добром согласии протекторы рекомендовали новому греческому кабинету при выработке конституции руководствоваться монархическим принципом и не забывать о введении имущественного ценза для избирателей при выборах в парламент.

Четыре месяца, до марта 1844 годы, шло обсуждение проекта конституции. Она провозгласила равенство всех греков перед законом, их право занимать должности, свободу печати. Законодательная власть вручалась королю, палате депутатов и сенату, члены которого назначались монархом пожизненно, исполнительную власть осуществлял монарх с помощью министров, им назначаемых. Король же являлся верховным главнокомандующим, он имел право заключать международные договоры и распускать палату депутатов. Православие объ-

являлось государственной религией страны, в этой вере надлежало воспитывать наследника престола (которого не появилось).

Конституция не поднимала вопроса о территориальном расширении королевства, в котором проживали далеко не все греки, и тут под нее немедленно начался подкоп. В начале 1844 года известный политический деятель И. Колетис произнес речь, сформулировав в ней великую (мегали) идею. Суть его выступления сводилась к следующему: королевство — это не Греция, а ее часть, причем самая малая и самая бедная. Греки обитают в Янине и Салониках, в Константинополе и Трапезунде, на островах Крит и Сорос, в любой стране их истории или обитания их расы. Существуют два великих центра эллинизма — Афины и Константинополь. Афины — всего лишь главный город королевства; Константинополь — это великая столица, Город, Полис, притяжение и надежда всех эллинов⁴⁵. Мегали идея не ограничивалась присоединением к королевству окружающих его и населенных греками земель, а предусматривала возрождение Византийской империи с вхождением в нее территорий со смешанным составом жителей, включая и те, где уже давно и прочно осели другие народы. Она, потенциально, содержала большой великодержавный замах, что в полной мере проявилось в XX веке.

* * *

Болгария причиняла российскому ведомству иностранных дел меньше хлопот, чем ее беспокойные соседи. Страна залечивала раны, причиненные войной. Прусский офицер Г. Мольтке, будущий знаменитый фельдмаршал и победитель Франции в 1870 году, служивший одно время советником при турецкой армии, сравнивал пространство к югу от Дуная до Балканского хребта с пустыней: треть деревень, означенных на карте, исчезла с лица земли. А к концу 1830-х годов рачительный крестьянский труд привел к тому, что урожай зерна, по некоторым данным, возрос вдесятеро, а его вывоз в 1840–1848 годы увеличился в пять раз⁴⁶. После краха военно-ленной системы в деревнях укрепилась прослойка середняцких и зажиточных хозяйств. Ее представители, случалось, прорывались в среду торговой и даже промышленной буржуазии, но связей с селом не порывали. Наплыв жителей оттуда в города, где прежде мусульманское население часто преобладало, приводило к их «оболгариванию». Процесс национального возрождения проявился прежде всего в школьном деле, шло вытеснение греческого языка из преподавания. Росло недовольство отсутстви-

ем национальной церкви, болгарские епархии входили в подчинение Константинопольской патриархии, служба в храмах велась на непонятном прихожанам греческом языке. В 1840 году обозначилась проблема, после Крымской войны превратившаяся в главную во всей политической и духовной жизни, — требование самостоятельной автокефальной церкви с проповедью на родном языке. В этом году султану поступила просьба о низложении Тырновского митрополита-грека и замене его болгаринном. Служба на греческом языке стала восприниматься как духовное засилье, горше турецкого, ибо османы в душу народную не лезли и на его культуру не посягали. Одновременно шло вытеснение греческого языка из преподавания в школах.

Российская дипломатия традиционно рассматривала Константинопольскую патриархию как оплот своего влияния и не сразу осознала всю глубину и значимость завязавшегося болгаро-греческого конфликта, превратившегося со стороны болгар в национальную борьбу, ибо освобождение политическое немыслимо без освобождения духовного. Первоначально благосклонное к патриархии отношение с российской стороны начало меняться. Консул в Адрианополе Г.В. Ващенко констатировал в своих донесениях, что греческое духовенство пренебрегает интересами болгар, посланник в Константинополе В.П. Титов заговорил о гонениях в отношении болгарского населения.

Реагировал на ситуацию и петербургский кабинет. Решено было способствовать просвещению в Болгарии, подготавливая в России кадры учителей. Начиная с 1840 года в гимназиях, семинариях, а вскоре и в университетах стали учреждаться стипендии для болгар, сначала в Херсоне и Одессе, а затем в Киеве, Москве и Петербурге. Некоторые стипендиаты в будущем стали заметными фигурами национально-освободительного движения. Одновременно производилось финансирование училищ на земле Болгарии, сюда поступала из России литература не только духовная, но и художественная и учебная.

* * *

Революция 1848 года за Дунай, в географическую зону Балкан, не прорвалась, не существовало для этого необходимых предпосылок, отсутствовало развитое третье сословие, заинтересованное в сокрушении феодальных основ общества. Задачей задач являлось свержение где власти, где влияния Высокой Порты, что требовало сплочения общества, а не его раскола в результате классовой борьбы. На первый план выступала созидательная деятельность,

обустройство национальных государств. Отсюда — специфика воздействия революции на Балканы. Она вдохновляла и воодушевляла отважных, но на достижение своих целей, а не тех, что стояли перед революционерами на Западе, не на борьбу против своих же соотечественников. Правда, в Греции у студентов и среди офицеров пробудились республиканские настроения. Отдельные выступления были быстро подавлены. Гораздо более серьезный размах отличал движение на Ионических островах, находившихся под господством Великобритании, проходившее под знаменем энотизиса, воссоединения с матерью Грецией. На острове Кефалиния в сентябре 1848 года вспыхнуло восстание с целью захвата власти, образования временного правительства, облегчения жизни беднейшего населения, в первую очередь крестьян, для чего им простили долги. Оно было подавлено силой, правда, англичане выпустили захваченных повстанцев на свободу. Островитяне вновь поднялись в августе 1849 года. На этот раз британские власти с мятежниками не церемонились, 30 человек были повешены, несколько сотен выпороты плетью; экзекуцию, для устрашения прочих, произвели публично. Королевство Греция тогда по всем параметрам уступала Ионическим островам — по благосостоянию жителей, уровню образования, развитию науки (на островах имелась даже Ионическая академия), распространению периодической печати. Здесь существовала конституция, действовал сенат, созывалось законодательное собрание. Вести о революции зажигали сердца, но вспыхнуло и развивалось восстание по своему сценарию, а не в подражание тому, что творилось за морями.

* * *

Сербы делились тогда на «австрийских» и «турецких». Первые проживали в основном во входившем в состав владений Габсбургов Венгерском королевстве, одним из ярких очагов революции 1848–1849 годов. Однако мадьяры вели себя неласково в отношении своих сербских, да и румынских соотечественников, отказывая им в предоставлении национальных прав. И те, и другие встретили больший отклик своим пожеланиям со стороны императорских властей и оказались в развернувшемся противостоянии на их стороне. В 1849 году, не без хлопот со стороны российской дипломатии, населенная сербами Воеводина была провозглашена автономной территориальной единицей (Воеводство Сербии и Тимишский Банат). Революционная Венгрия в этом сербам отказывала; по словам Л. Кошута, «не может быть Серб-

ского воеводства, Сербского провинциального собрания, ибо в Венгрии нет Сербии»⁴⁷.

В самом Сербском княжестве весть о революции в Париже, Вене и Пеште встретила восторженный отклик. Очевидцы, в том числе дипломаты, сообщали: «Лицеисты не учатся и всюду кричат: «Ура! Ура! Ура! Да здравствует свобода и независимость Сербии!» Демонстранты возглашали на улицах: «Восстаньте, сербы! Восстаньте с оружием!» Пришло время вернуть то, что было утрачено в битве на Косовом поле в 1389 году⁴⁸. Движение имело ярковыраженный антиосманский характер. Планы объединения (и не только сербских земель) вокруг княжества множились, в числе возможных приобретений значились, в разных вариантах, Босния, Герцеговина, Славония, Хорватия, Болгария, Черногория. Фактически речь шла об образовании Югославии с династией Карагеоргиевичей во главе⁴⁹. Дальше составления планов дело не пошло. Сам князь Александр и его правительство держались пассивно, уповая, безо всяких на то оснований, на поддержку со стороны Франции. Что касается Венгрии, то Белград способствовал борьбе местных сербов против революционного правительства на стороне императора. В итоге довольными остались дворы и Вены, и Петербурга. Николай I наградил Александра Карагеоргиевича орденом Белого орла, не осталось без наград и его окружение — за то, что сумело оградить княжество от революционных потрясений и приняло участие в судьбе австрийских славян. Не обошла их своим вниманием и Вена. И. Гарашанин отказался принять австрийский орден — он на службе у Габсбургов не состоит. Подражателей у него не нашлось.

* * *

Молдавия и Валахия стали восточным рубежом революции 1848 года, и на то повлияли теплые чувства к «латинской сестре», Франции, ее окружали ореолом светоча просвещения, сокровищницы гражданских свобод, среди образованной молодежи распространился ее культ. Почти 20 лет минули со дня подписания Адрианопольского мира. Быстрое экономическое развитие и культурный подъем сочетались в княжествах с административным, судебным и полицейским произволом правящих режимов. Самодержавие опиралось на консервативное боярство, этот произвол осуществлявшее. Оппозиция стала именоваться Национальной партией и рассматривала Россию как гаранта существовавших злоупотреблений, на нее с Высокой Порты было перенесено острие критики. Официальная Россия с ее самодер-

жавным строем, сохранением крепостничества, отсутствием конституционных прав, жандармской слежкой за населением ничего не могла противопоставить ценностям Запада. Туда же шел экспортный поток. Царская держава с ее зерновым по преимуществу направлением сельского хозяйства представлялась не рынком, а конкурентом. Просветитель А. Руссо отмечал: «За шестнадцать лет, с 1835 по 1851 г., Молдавия прожила больше, чем за предшествовавшие пятьсот лет своей жизни»⁵⁰. Но если предки ориентировались на Восток, то взоры потомков устремились к Западу.

Все сказанное относится лишь к узкой социально активной части общества. Крестьянство, его громадное большинство, неграмотное и поглощенное заботой о хлебе насущном, столь высокими материями не занималось. В его среде рос протест в связи с растущим малоземельем и недовольство боярским произволом.

Февральское 1848 года восстание в Париже немалочисленная румынская колония во Франции, состоявшая в основном из студентов, приняла близко к сердцу. Их делегация нанесла визит поэту А. Ламартину, занявшему пост министра иностранных дел в революционном правительстве. Тот принял румын приветливо, пожелал им успехов в свержении существовавшего строя, но воздержался от принятия каких-либо обязательств, он с ними душой и сердцем. В беседе с российским послом Н.Д. Киселевым Ламартин держался иначе: Франция заинтересована в добрых отношениях с Петербургом и не собирается помогать мятежникам, в том числе румынским.

Молодые энтузиасты из княжеств, посетившие поэта-министра, не обратили внимания на сдержанность его ответа, в котором пылкость тона сочеталась с полным отсутствием чего-либо конкретного в смысле обещания поддержки. В эмигрантской среде даже возникли разногласия: одни считали нужным выступать немедленно, другие советовали подождать, пока помощь со стороны латинской сестры не обрисуется реально.

А события шли своим чередом. В Молдавии ситуация сложилась тяжелая и взрывоопасная. В 1847 году на страну обрушилось двойное бедствие: засуха, выжегшая поля, и нашествие саранчи, пожравшей то, что на них уцелело. Не прекращались выступления крестьян против помещичьего гнета, торговцы протестовали против боярских привилегий, мелкие и средние бояре, отстраненные от власти, — против самоуправства нескольких семейных кланов, «великие бояре» — против камарильи князя Михаила Стурдзы.

27 марта (9 апреля) 1848 года в яесской гостинице «Петербург» состоялось собрание с участием тысячи представителей разных со-

словий, включая ремесленников. После бурных прений оно избрало комитет, вручивший господарю «Петицию-прокламацию». Она содержала призыв неукоснительно соблюдать Органический регламент, иными словами — законы, беззастенчиво попираемые властями. В ней говорилось о гарантиях неприкосновенности личности, об отмене телесных наказаний и цензуры, преобразовании школы, введении принципа ответственности правительства, освобождении политзаключенных, образовании национальной гвардии. В самой общей форме упоминалось об улучшении участи крестьян; об отмене барщины — ни слова⁵¹. Это была программа реформ компромиссного характера, отражавшая состав собравшихся, придерживавшихся разных взглядов. Представителей промышленной буржуазии среди них не было по причине отсутствия таковой в княжестве.

Господарь Михаил Стурдза с перепугу принял 33 из 35 пунктов «Петиции-прокламации», но быстро опомнился и приступил к правам — подавил очаг сопротивления в виде баррикады в Яссах, арестовал не успевших бежать «смутьянов» и объявил «возлюбленным подданным», что «недостойные люди с мятежным складом» утихомирены и порядок восстановлен⁵². Он грешил против истины — в селах волнения не прекращались, участились случаи отказа выходить на барщину, появились брошюры с требованием проведения реформ. Стурдза обратился к Николаю I с просьбой о вводе в княжество царских войск.

Россия вовсе не отвечала тому образу агрессивного абсолютизма, который приписывали ей за рубежом. В 1848 году ее постигли бедствия почти апокалиптические — засуха, неурожай, эпидемия холеры, нашествие саранчи. Сушь способствовала распространению пожаров, многие города и тысячи сел погорели. В казне — пустота, «не знаю, право, как вывернуться к смете, теперь уже не досчитывается более десяти миллионов! Ужасно. Надо беречь каждую копейку, везде обрезать, где только можно», — жаловался государь в письме к И.Ф. Паскевичу⁵³. В плане международном — полнейшее одиночество, друзья-союзники, король Пруссии и кайзер Австрии, еле держались на тронах под натиском «верноподданных». Пускаться в карательный поход по зарубежью представлялось дикой авантюрой. Было решено «оставаться в оборонительном, почти кордонном состоянии, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале», и разработать план защиты от революции на рубежах реки Вислы. К.В. Нессельроде инструктировал посла в Париже: «Россия желает мира в Европе. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции»⁵⁴. Но при этом было наделано

столько шума, обрушены такие громы и молнии на бунтовщиков, что Европа уверовала — самодержец собирается конно, людно и оружно на них двинуться.

Император Николай не спешил откликнуться на призыв князя М. Стурдзы о вводе войск в Молдавию, он не хотел бросать тень на свой имидж покровителя и защитника православных. Но дальше произошло нечто, с точки зрения здравого смысла необъяснимое: войска переправились через реку Прут, не имея на то царского приказа, а по вызову генерал-майора А.О. Дюгамеля, российского комиссара в княжествах, которому за каждым углом мерещилась революция. В довершение всего командовавший ими генерал Герценцвейг, решив, что он нарушил волю императора, пустил пулю в лоб. Его отряд получил приказ возвращаться в Бессарабию. Но из Валахии и из Трансильвании поступили сообщения о событиях гораздо более серьезных, чем молдавские, и войска с места не двинулись.

9 (21) июня в селении Ислаз на западе валашского княжества просветитель и журналист И. Элиаде-Рэдулеску зачитал перед собравшимися крестьянами и ротой выстроившихся солдат составленную обществом «Фрэции» прокламацию, содержавшую программу преобразований: административная и законодательная независимость княжества (то есть его автономия), равенство граждан перед законом, свобода слова, собраний и печати, образование национальной гвардии, бесплатное обучение детей до 12 лет, проведение «прямых, свободных и широких выборов» в Учредительное собрание, избрание господаря на пять лет (что, по сути дела, превращало его в президента), отмена барщины и наделение крестьян землей за выкуп. Несмотря на некоторые умолчания (о размере крестьянских наделов и условиях их приобретения, об избирательном цензе), прокламация являлась выдающимся документом буржуазно-демократического содержания.

11 (23) июня набатный колокол прозвучал в Бухаресте. Несметная толпа горожан и крестьян соседних сел двинулась ко дворцу. Ни войска, ни полиция не оказывали сопротивления. Господарь Георге Бибеску, сидя в окружении членов революционного комитета, подписал Ислазскую прокламацию, превратившуюся в конституцию Валахии. Видный радикал К. Росетти предавался ликованию: «Бояре, священники, ремесленники — все обнимаются, кричат и плачут от радости»⁵⁵. Он заблуждался: ликовали далеко не все, а если плакали, то не от радости, а от горя. Князь Г. Бибеску, поразмыслив, удалился в «изгнание» в соседнюю Австрию, лишив революцию полезного легального прикрытия, а бояре, утерев слезы, учинили два заговора, быстро подавленные, — солдаты отказались стрелять в народ. Ми-

трополит Неофит, назначенный главой правительства, саботировал осуществление Ислазской программы.

28 июня (10 июля) по столице распространились слухи о готовящемся вторжении царских войск, панические и лживые. Николай I введенный в Молдавию 5-й корпус двигать дальше не собирался: «Укротив мятеж в Молдавии, я хочу воротить войска свои и ни в коем случае не переходить через Серети и вступать в Валахию», — делился он своими мыслями с И.Ф. Паскевичем⁵⁶. Но у страха глаза велики, членов правительства как ветром сдуло из Бухареста, они поспешили укрыться в Карпатских горах, что произвело большое впечатление в Петербурге, — у этих господ, решили в Зимнем дворце, нет ни корней, ни опоры в народе, «дух мятежа в массы не проник», сопротивления ожидать нечего⁵⁷.

Номинальный глава правительства митрополит Неофит остался в Бухаресте. Он известил изумленных жителей в расклеенных по улицам объявлениях о бегстве «мятежников» и восстановлении в городе порядка.

Пристыженные министры вернулись в свои департаменты и приступили к делам. Произошла отмена боярских званий, смертной казни и телесных наказаний, евреям и прочим «иноверцам» предоставили гражданские права, освободили от крепостной зависимости цыган, отменили цензуру, провозгласили свободу слова и приступили к созданию добровольческого корпуса нерегулярных войск под командованием Г. Магэру. Специальные комиссии занялись подготовкой реформ в сфере просвещения, финансов, администрации, налогообложения, торговли, судостроительства, промышленности и сельского хозяйства.

Нависали дела внешние. В печати широко обсуждался вопрос об объединении Молдавии и Валахии, создании Румынского государства, способного постоять за себя и открыть дорогу прогрессивному развитию. Однако правительство, чтобы ни навлечь на себя гнев Высокой Порты, отказалось от его официальной поддержки. Оно отправило в Стамбул причитающуюся дань, с чем не спешил господарь Г. Бибеску. Заверения в лояльности самому деспотическому режиму в Европе не способствовали укреплению авторитета правительства внутри страны и у прогрессивной общественности за ее рубежами. Но валахские руководители не теряли надежды столкнуть лбами два двора, сюзеренный и покровительствующий, рассчитывая сыграть на имевшихся между ними противоречиях. Огонь их критики обратился исключительно против самодержавия, ему одному приписывалось авторство всех бед и лишений.

Антагонизм интересов между двумя дворами действительно существовал. Царю не хотелось бросать тень на свою репутацию по-

кровителя православных, и он был готов предоставить султану сомнительную честь подавления румынских мятежников. В Стамбуле опасались прочного утверждения российского влияния в княжествах и были не прочь слегка поиграть с валашскими смутьянами, используя их для подрыва позиций соперника в регионе. Турецкий комиссар Сулейман-паша до поры до времени вел себя вежливо и предупредительно, присматривался и прислушивался.

Но, зрело поразмыслив, турки пришли к выводу, что валашское освободительное движение рано или поздно неминуемо обратится против османского сюзеренитета, и поэтому самодержавию следует не препятствовать, а сотрудничать с ним. «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из княжеств, чем их присутствие», — признавался реформатор Мустафа Решид-паша⁵⁸, занимавший пост великого везира.

Преобразования в Валахии намертво застряли при решении аграрного вопроса. Правительство приступило к уговорам, обратилось к «братьям-помещикам» с просьбой пойти на уступки, а к «братьям-крестьянам» с призывом — еще три месяца, до конца сельскохозяйственного сезона, отбывать барщину. Соответствующая комиссия собралась на заседание лишь в августе. Помещики стеной встали на защиту своих земель и прав, не удалось даже сдвинуться с места, не то что решить вопрос вопросов. Деревня после этого потеряла к революции интерес.

К тому времени Сулейман-паша сменил ласку на таску. 19 (31) июля он переправил 20-тысячный отряд войск на левый берег Дуная, не обратив внимания на робкий протест валашского правительства, а чтобы неповадно было протестовать, распустил его. Затем он урезал текст конституции, изъяв из него между прочими и статью о наделении крестьян землей. Ампутированный документ он отправил в Стамбул, где его положили под сукно. По просьбе не примирившегося с революцией боярства Сулейман, как человек слишком мягкотелый, был отозван Портой из княжеств и заменен решительным Фуадом-пашой. Публичное сожжение в Бухаресте текста Органического регламента и местнической книги боярства на турок впечатления не произвело. 13 (25) сентября османские войска подошли к Бухаресту, толпа, собравшаяся у заставы, была смята, кавалеристы прорвались через нее, раздавая удары саблями, и не только плашмя, направо и налево. Оказавшая сопротивление рота вооруженных пожарных полегла почти поголовно.

Заняв город, Фуад информировал митрополита (иных властей он не признавал), что прибыл как «посланец мира» для восстановления порядка. В обращении к «валахам всех классов» он указывал, что его

величество султан «вместе со всей Европой борется с революцией, порожденной духом коммунизма». Падишах, по заверению его посланца, заботливо опекал интересы России⁵⁹.

В Петербурге, однако, сочли, что о своих интересах надлежит позаботиться самим, тем более что, как писал К.В. Нессельроде, «турецкие войска сохраняют традиционные нравы и предаются самым разнузданным эксцессам, когда их используют против христианских народов», и это грозит погрузить княжества в слезы, печаль и нищету» и понудить жителей выступить «как один человек с оружием в руках против ненавистного нашествия»⁶⁰. 15 (27) сентября российские войска вступили в Валахию. Турки приняли их с видом покорности судьбе. Карательных функций им осуществлять не пришлось, никто не оказывал сопротивления. В лагерь нерегулярных сил под командованием Г. Магелу на Карпатах явился посланец от британского консула и уговорил их разойтись. А.О. Дюгамель пригласил к себе группу армейских офицеров и укорял их за содействие мятежникам. Войска перешли на сторону порядка. «Новая республика, — делился впечатлениями офицер из армии И.Ф. Паскевича, — составленная из самого малого числа заговорщиков, без всякого участия народа, уступила нам честь и место без боя. Прежний порядок был водворен без усилий»⁶¹.

В 1849 году соперники, самодержавие и Высокая Порта, заключили Балто-Лиманскую конвенцию, восстановившую в Дунайских княжествах действие Органических регламентов и заменившую избрание господарей боярским собранием назначением их султаном при согласии российского двора на кандидатуру.

Нельзя, однако, сказать, что все вернулось на круги своя. Незавершенная революция 1848 года оставила глубокий след в истории Румынии. В ходе и после нее появились программные документы — Ислазская прокламация, составленный молдавскими эмигрантами в Трансильвании манифест под названием «Наши принципы для преобразования родины» и опубликованная в Черновцах брошюра М. Когэлничану «Пожелания национальной партии в Молдове». Они, по сути дела, содержали концепцию дальнейшего развития княжеств. При всей скромности, революция 1848 года явилась вершиной социальной программы тогдашних верхов. Затем проследовал отказ от революционного замаха. Ликвидация феодальных отношений мыслилась не в ходе переворота, а путем их изжития с помощью реформ. Румынская буржуазия была связана с боярством происхождением и материальными интересами, одни ее представители торговали продуктами сельского хозяйства, другие их перерабатывали, при этом и те, и другие стремились не к уничтожению помещичьего сословия, а к

сотрудничеству с ним. Остававшийся в одиночестве революционный демократ Н. Бэлческу проклинал соратников молодости за их отступничество и углубился в исторические исследования.

Громадную популярность и соответствующую поддержку в обществе приобрел лозунг объединения княжеств и создания сравнительно крупного румынского государства, способного дать отпор попыткам подчинения со стороны Высокой Порты и упрочении влияния в нем самодержавия, а также расширить перспективы прогрессивного развития. Борьба за унию Молдавии и Валахии должна была сплотить население в национальном порыве, в то время как революция раскалывала общество и противопоставляла один класс другому. А в будущем — наследственная монархия, конституционно-парламентская система управления. И главная предпосылка движения вперед, квинтэссенция всего, возглашал Михаил Когэлничану, — объединение княжеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 74, 80–84
- 2 Там же. С. 82
- 3 Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 318
- 4 Istoria României în texte. București, 2000. P. 86
- 5 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 249
- 6 Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX в.). М., 1963. С. 320, 314
- 7 Там же. С. 292
- 8 Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990. С. 93
- 9 См. С. 10–11
- 10 Таньшина Н.П. Орлеанистская Франция и «европейский концерт» // Новая и новейшая история (ННИ). 2005. № 2
- 11 Seton-Watson R.W. Britain in Europe. L., 1932. P. 221; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1833. Д. 117. Л. 291
- 12 Горяинов С.С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 38
- 13 Дранов Б.Л. Черноморские проливы. М., 1948; Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор // Научные доклады высшей школы. 1958. № 2; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 101
- 14 Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 42
- 15 Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 155; Восточный вопрос... С. 101; Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 119

- 16 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Д. 119. Л. 208–209; *The Mirror of Parliament*. 03.08.1833. P., 1874–1875; *Temperley H.* England and the Near East. L. etc., 1936. P. 78
- 17 Россия и Черноморские проливы. С. 46
- 18 *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I... С. 383; АВ-ПРИ. Ф. Отчеты. 1833. Д. 3. Л. 38–39
- 19 *Рахмимир П.Ю.* Князь Меттерних, человек и политик. Пермь, 2005. С. 243; *Moldau E.* Die Orientpolitik des Fürsten Metternich. Wien; Leipzig, 1913. S. 87, 114–115
- 20 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. СПб., 1888. С. 445–446
- 21 *Moldau E.* Op. cit. P. 114
- 22 *Рахмимир П.Ю.* Указ. соч. С. 267
- 23 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1833. Д. 8, Л. 28; Ф. Канцелярия. 1833. Д. 121. Л. 287
- 24 *Temperley H.* Op. cit. P. 77; *Guedella Ph.* Palmerston. L., 1950. P. 260; *Goldfrank D.* The Origins of the Crimean War. L.; N. Y., 1993. P. 46
- 25 *Дулина Н.А.* Изменения в османской дипломатии в 30–40-е гг. XIX в. // Тюркологический сборник М., 1975. С. 70
- 26 *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 197
- 27 *Bourne W.K.* The Foreign Policy of Victorian England. L., 1971. P. 230–233
- 28 *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1888. С. 461; *Горяинов С.С.* Указ. соч. С. 46–47
- 29 *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х гг. XIX в. М., 1975. С. 101
- 30 *The Examiner*. 06.10.1839
- 31 Конвенцию 1840 г. см.: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 12. СПб., 1898. С. 130–139; *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Palmerston. L., 1951. V. 2. P. 678
- 32 *Георгиев В.А.* Указ. соч. С. 127
- 33 *Webster Ch.K.* Op. cit. P. 621–622; *Temperley H.* Op. cit. P. 120–126
- 34 *Bourne W.K.* Op. cit. P. 251; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 12. С. 155–159
- 35 Россия и Черноморские проливы... С. 137
- 36 *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. Приложения. С. 49, 119, 134
- 37 Там же. С. 144; *Temperley H.* Op. cit. P. 255–257
- 38 *Pavlovitch St.* Anglo-Russian Rivalry in Serbia 1837–1839. P.; La Hay, 1961. P. 18–20
- 39 *Webster Ch.K.* Op. cit. P. 577–578
- 40 *Ibidem*
- 41 *Понов В.* Россия и Сербия. М., 1860. С. 507–508
- 42 *Pavlovitch St.* Op. cit. P. 149

- 43 Ibid. P. 126
- 44 Европейские революции 1848 г. Принцип национальности в политике и идеологии. М., 2001. С. 300, 381
- 45 Там же. С. 375; *Driault E., L'Héritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 a nos jours. P., 1925. V. 3. P. 251
- 46 *Новичев А.Д.* Указ. соч. С. 153
- 47 Европейские революции... С. 309, 382
- 48 Там же. С. 375
- 49 Подробнее см.: *Чуркина И.В.* Хорваты и сербы в революции 1848–1849 г. // Европейские революции...
- 50 Цит. по: *Джапаридзе Э.А.* Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах. Из предыстории революции 1848 года. М., 1991. С. 63
- 51 Anul 1849 în Principatele Române. V. 1. Bucuresti, 1902. P. 176–179
- 52 Ibid. P. 180
- 53 *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 229–231
- 54 Там же. С. 294, 206, 23
- 55 История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 349; *Rosetti C.A.* Gînditorul. Omul. Bucuresti, 1969. P. 90
- 56 *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 237
- 57 АВПРИ. Фонд СПб. Гл. арх. V-A4. 1848. Д. 1. Л. 118, 124
- 58 Международные отношения на Балканах 1830–1856... С. 211–214
- 59 АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1848. Д. 8. Л. 2–9. (Обращение «Боерилор ши локуиторилов Валахiei де тоате класе».)
- 60 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. V-A4. 1848. Д. 1. Л. 118, 61
- 61 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Д. 43. Л. 88, 115; *Дараган.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 году. СПб., 1859. С. 9

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Крымская война — единственное общеевропейское столкновение с участием России, Великобритании, Турции, Франции и Сардинии, а в дипломатическом плане и Австрии, за столетие, отделяющее наполеоновские войны от Первой мировой. Еще за два-три года до нее мало кто подозревал, что она разразится. Соотношение сил на Балканах и Ближнем Востоке менялось в пользу Англии и Франции, отсюда — сетования Николая I на их всемогущество в Османской империи. Ни к одному из будущих противников самодержавие территориальных претензий, из-за которых обычно происходили столкновения, не предъявляло, никому и в голову не приходило, что у него существуют какие-то противоречия с маленьким Сардинским королевством, но и оно записалось во враги.

В англоязычной историографии война, с британской точки зрения, наделяется самыми нелестными эпитетами (с которыми автор сих строк совершенно согласен), она именуется: «самой ненужной в современной Европе», «заслуживающей сожаления глупостью», бесполезной, бессмысленной и бесславной, порожденной тщеславием и провальной¹. Ее результаты не выдержали испытания временем и, усилиями российской дипломатии, рухнули через 15 лет. Так стоило ли незванным пришельцам в Крым проливать потоки своей и чужой крови?

Еще в 1852 году все выглядело так, что «большая игра европейской политики», противоборство кита (или акулы), то бишь Англии, и слона (или волка, почему-то не медведя), то бишь России, могла продолжаться бесконечно долго на дипломатическом уровне, ибо действовали они в разных стихиях и схватиться намертво не могли. Но вмешался французский фактор. Все изменилось с водворением на троне императора Шарля Луи Наполеона Бонапарта, племянника великого Наполеона. Никаких заслуг, ни военных, ни гражданских, за ним не значилось, но магия имени действовала, галльские сердца тре-

петали. Он с разгромным счетом одолел своих соперников при выборе президента Французской республики в декабре 1848 года (за него — 5,5 миллиона голосов, за генерала А.Э. Кавеньяка — 1,5 миллиона, за кумира румынских унионистов А. Ламартина — 17 тысяч).

Честолюбцу оставалось похоронить республику, которую он возглавил. Он «не сработался» с Национальным собранием, которое будто бы мешало ему насадить в стране мир и порядок. Оппозиция была подавлена артиллерийским огнем, сотни убитых, тысячи раненых, и состоялось провозглашение его пожизненным президентом. Но и этого ему было мало. Грезилась императорская корона. 2 декабря 1852 года Шарль Луи Бонапарт «избрался» императором под именем Наполеона III. Предстояло осенить Францию славой, и не существовало для этого более эффективного и, как представлялось, достижимого способа, чем реванш за разгром великой армии Наполеона I в 1812 году, то есть война с Россией. Союзник в лице Великобритании сам в руки шел. Правда, Европа в качестве плацдарма взаимодействия не годилась: Англия, как и Россия, стояла на страже Венской системы договоров, которую Наполеон стремился изменить в свою пользу. Иное дело — Ближний Восток. Уже три десятилетия здесь шло противоборство России и Британии, в последние годы — успешное для владычицы морей, но все же изматывающее долгое и без видимых шансов на конечный успех. Союз с Францией сулил появление на арене ее прославленной пехоты и возможность перехода от осады к штурму российских позиций.

На пути к сотрудничеству предстояло преодолеть некоторые шероховатости. Луи Наполеон прожил в Лондоне несколько лет после своего «побега» из крепости Хам, где он пребывал в «заточении» в номере из двух комнат со вполне приличной библиотекой. Берем это слово в кавычки, потому что он удалился из узилища среди бела дня, размеренным шагом, правда, переодевшись рабочим и сббив эспаньолку. Так его стерегли.

В Англии он приобрел репутацию авантюриста, мота, игрока и ловеласа. При церемонном дворе королевы Виктории к нему относились с легким презрением, принца супруга Альберта особенно покорибил факт присвоения новой властью во Франции имущества свергнутой Орлеанской династии.

Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Наполеон набивался в союзники, замаячила перспектива выдворения самодержавия с Балкан, его житейские грешки стали забываться, у него начали обнаруживать черты государственного деятеля. Оставалось изыскать повод для раздувания конфликта. Французы извлекли из архива и сдули пыль с султанского фермана 1740 года, предоставлявшего като-

лическому духовенству заботу о почитаемых храмах в Святой земле (и возможность службы в них). Николай I оказался в затруднительном положении — хорош покровитель православных, смиряющийся с вытеснением их духовенства из Святых мест! Нужно ли более убедительное доказательство его бессилия?

И завязался спор о Святых местах, переросший в войну.

28 февраля 1853 года в Стамбул прибыл с чрезвычайной миссией для улаживания конфликта князь А.С. Меншиков. Такие авторитетные фигуры, как А.Ф. Орлов и П.Д. Киселев, отклонили предложенную им честь, и царский выбор остановился на дилетанте от дипломатии. Его посольство заслужило громкую славу как пример неуклюжести и некомпетентности в переговорах, при этом, однако, в западной историографии за неприглядным фасадом скрывается суть дела. Содержание привезенного им проекта договора с Турцией приводится в ней, как правило, в авторском изложении, что позволяет трактовать выдвинутые российской стороной требования как претензию на установление в Юго-Восточной Европе господства самодержавия: «С помощью договора царь... лишил султана какого-либо подобия власти над более чем 14 миллионами его подданных!»².

Следует все же обратиться к оригинальным текстам. В первом и наиболее радикальном их варианте говорилось: «Блистательная Порта обязуется перед Российским императорским двором сохранять и уважать права греческой православной церкви в Святых местах Иерусалима и его окрестностей». Что касается Балкан, то повторялись формулировки Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года: «Министры Российского императорского двора, как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церкви Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут рассматриваться, как исходящие от соседней и искренне дружественной державы»³. Обязательства Высокой Порты сводились к выслушиванию преподаваемых ей посланниками советов, ибо нигде не говорилось о принятии этих советов и тем более — о подчинении выдвигаемым Россией требованиям.

Ф.И. Бруннов как-то заметил, что российско-турецкие отношения определялись не содержанием бумаг с высокими подписями и сургучными печатями, а реальным соотношением сил. Добрые советы российских посланников звучали особенно убедительно, когда за ними виднелся лес штыков. А в иных случаях... На страницах нашей книги рассказано, что понадобилось 15 лет переговоров и еще одна Русско-турецкая война, чтобы добиться осуществления условий Бухарестского мира 1812 года⁴. А ведь на дворе стоял 1853 год, и российское влияние в Стамбуле скатилось почти что к нулю.

Первоначальная «оскорбительная наглость Меншикова», как характеризует его поведение А.С. Трубецкой, быстро с него слетела. Начались уступки, исчезло упоминание о каких-либо обязательствах, в его демаршах говорилось о сохранении, на основе строгого статус-кво, прав и привилегий православного духовенства. Но великий везир Мустафа Решид-паша, с подсказки британского посла Ч. Стрэтфорд-Каннинга, получившего к тому времени титул лорда Редклиффа, усматривал в российских формулировках недопустимое вмешательство в турецкие внутренние дела⁵.

Меншиков приободрился было, достигнув со своим французским партнером, при содействии Стрэтфорда, согласия о службе православного и католического духовенства в почитаемых храмах: «Дело о Святых местах соглашено между французским послом, Портою и мною... Окончательному соглашению сему много способствовал лорд Редклифф. Но это его доброжелательство миновалось»⁶. Султан оформил достигнутую договоренность своим ферманом, «вопрос о куполах, входах, звездах, ключах и привратниках, — писала А.Е. Мэнж, — был урегулирован к удовлетворению России»⁷.

Предметом забот Стрэтфорда являлась не церковная служба, а нечто другое. По словам Д. Голдфрэнка, «его не слишком скрываемой целью являлся подкоп под Кючук-Кайнарджийский и Адрианопольский договоры и установление де-факто европейского протектората над всеми оттоманскими христианами». Или, в ином варианте: «Посол ее величества усмотрел свой шанс — сокрушить договора Кючук-Кайнарджийский и Адрианопольский»⁸. С помощью дипломатических маневров Россию собирались лишить положения, достигнутого в итоге кровопролитных войн и блистательных побед. Посол делился своими планами с Форин-офис: он и представитель Франции Е. де Лаккур «должны сформулировать ответ, который турецким министрам следует дать российскому послу с тем, чтобы превратить вопрос из русского в европейский»⁹.

Поскольку Россия в концерте держав по всем балканским и ближневосточным делам пребывала в одиночестве, формула означала вытеснение самодержавия из региона и возобладание в нем Великобритании.

Тон демаршей Меншикова изменился, в них зазвучали просительные нотки. Императорское правительство, обращался он к Ч. Стрэтфорду, «будучи чуждо претензиям на преобладание в чем-либо», «требуя сохранить то, что существовало аб антико». А тот, ради придания убедительности версии насчет хищных устремлений царизма, пошел на прямую фальсификацию. Вместо слов о праве российских послан-

ников «делать представления» перед Высокой Портой в английском переводе было записано: «давать распоряжения», и в таком искаженном виде российская позиция была представлена в Палате общин¹⁰. Порта со смирением следовала всем «советам» лорда, его биограф именует оные «инструкциями», Меншикову оставалось проклинать «тиранический нрав» «великого элчи».

6 мая генерал представил последний вариант возможной договоренности. Россия фигурировала в нем в следующем контексте: падишах «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и искренние представления в пользу восточной православной церкви»¹¹. Формулу сочли посягательством на суверенитет Османской империи и отклонили. По свидетельству Д. Голдфрэнка, еще в начале XX века «ведущий французский ученый считал турецкую оппозицию глупой, а в наши дни видный американский историк нашел, что «трудно», а другой — что «невозможно» обнаружить в ней какую-либо «угрозу независимости и суверенитету султана»¹². Недаром, однако, говорится: кто ищет, тот обрящет.

8 (21) мая Меншиков со свитой и сотрудниками миссии покинул ставший негостеприимным Константинополь. Канцлер К.В. Нессельроде предавался заклиниям: Россия лишь хочет, чтобы ее единоверцы «сохранили то, чем обладают», «может ли столь умеренная, столь справедливая претензия, не затрагивающая прямых интересов ни одного иностранного государства, повести за собою разрыв? Я в это никогда не поверю. Для этого здравый смысл должен покинуть землю»¹³. Его никто не слушал.

Международная обстановка сложилась хуже некуда. Режим Второй империи во Франции, располагавший многочисленной пехотой, единственно способной бросить вызов российской армии, ломился в британскую дверь. Австрийский кайзер Франц Иосиф готовился ответить черной неблагодарностью царю за помощь в подавлении Венгерской революции в 1849 году. В доверительном письме матери эрцгерцогине Софии он делился своими намерениями: «Наше будущее — на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла по причине слабости и разброда в нашем лагере. Мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе. Наш естественный противник на Востоке — Россия»¹⁴. Континентальные либералы недобрым словом вспоминали подвиги Николая в борьбе с гидрой революции в Венгрии, Молдавии и Валахии. А тот пребывал в стране грёз, и британцы ушам своим не верили, внимая его заверениям: «Вы

должны понять, что когда я говорю о России, я говорю и об Австрии. Наши интересы в отношении Турции совершенно идентичны»¹⁵. А из Вены в Лондон поступала совсем иная информация. Канцлер К.Ф. Бульотмежевывался от России и выступал за коллективное решение восточного вопроса. Позднее, спустившись с небес на землю, царь разразился бранью по адресу австрийца: «Он что, рехнулся?», «Каналья!!!», «Мерзавец!!», «Негодяй!»¹⁶.

Ч. Стрэтфорд пригласил к себе представителей Франции, Австрии и Пруссии, и их совещание одобрило сопротивление бедняжки Турции натиску российского медведя. Это был тревожный признак.

Но все же даже в британском кабинете далеко не все рвались в бой. Колебаниям предавался премьер-министр Д. Абердин, в Австрии к мирному решению склонялись генералы. Поиски примирения продолжались, известно 12 попыток достичь согласия. 22 июня (3 июля) 1853 года царь совершил роковой шаг, два армейских корпуса по его приказу начали переправу через реку Прут. Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, подверглись оккупации. К.В. Нессельроде клялся, что и в мыслях нет сокрушать Османскую империю и цель акции — подвинуть Высокую Порту к уступчивости. В ответ посыпались ноты протеста с требованием немедленно и без всяких условий княжества оставить, что означало признать ошибкой факт их занятия.

Последняя попытка сохранить мир связана с так называемой Венской нотой, сочиненной дипломатами Франции и Австрии, одобренной Д. Кларендоном от имени Великобритании и согласованной с Пруссией (28 июля 1853 года). Нота, при ее одобрении в Петербурге, вручалась Высокой Порте и, в случае ее согласия, кризис считался разрешенным. Центральный ее пункт гласил: «Е.в. султан остается верен букве и духу положений договоров Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского о покровительстве христианской религии». Текст упоминал о «деятельной заботе» императоров всероссийских о сохранении этих привилегий. Всякие изменения в положении церкви могли происходить лишь с согласия кабинетов России и Франции¹⁷.

Лишь на первый взгляд нота отвечала интересам Петербурга. На деле она вырывала вопрос о покровительстве христианам из рук России и ставила его под контроль держав, что посол Д. Гамильтон Сеймур и разъяснил К.В. Нессельроде. Д. Кларенон, со своей стороны, свидетельствовал: державы фактически превращаются в рефери, судящих, правильно ли интерпретируется нота «в случае любых разногласий между Портой и Россией»¹⁸. Старое, со времен Екатерины,

основополагающее правило — не допускать постороннего вмешательства в российско-турецкие дела — прекращало существование, над ними устанавливался надзор четверки.

Тем не менее царь, даже не с обратной почтой, а телеграфом до Варшавы и далее фельдъегерем до Вены, сообщил о принятии ноты. Николай, видимо, осознал, что застрял в такой трясине, из которой двуглавному орлу дай бог выбраться хотя бы с опаленными перьями. Правда, он сделал одну оговорку: Стамбул должен принять ноту слово в слово, безо всяких изменений.

И тут не на сцене, а за сценой выступил Ч. Стрэтфорд. Как посол державы, одобившей ноту, он рекомендовал Высокой Порте принять ее. Но лично, от себя, он рекомендовал внести в текст коррективы, подредактировать его (хотя условие царя насчет принятия ноты без всяких изменений было высказано гласно). И произошло нечто невиданное в истории дипломатии — он не был изобличен в самоуправстве и наказан. Сие означало одно — в Лондоне возобладали силы, взявшие курс на войну. Решид-паша деятельно потрудился над текстом ноты, вычеркнув упоминания о роли России в деле покровительства православному. Оно приписывалось лишь благодеяниям падишахов. Россия выступала в тексте как держава, с сочувствием наблюдавшая, как султаны наделяют своих христианских подданных правами. Вдобавок ко всему Решид-паша требовал немедленного вывода российских войск из Дунайских княжеств, что означало признание незаконности их пребывания там. Что Николай I откажется признать обкаранный текст, Уайт-холл не сомневался. К.В. Нессельроде сообщил об отклонении поправок. Перед войной зажегся зеленый свет. Инициативу взяла на себя Высокая Порта.

Собрался большой совет Османской империи. Окрестные улицы были забиты дервишами, призывавшими проклятия на голову неверных. Совет единодушно высказался за войну, «уродливая физиономия фанатизма высунулась наружу»¹⁹. Поощряемая (скорее даже подталкиваемая) Западом Порта перешла к решительным действиям. 9 октября командующий ее войсками на Балканах Омер-паша обратился к генералу М.Д. Горчакову с ультиматумом о выводе российской армии из княжеств. Срок — две недели. 22 октября англо-французская эскадра вошла в Пролив, 23 октября проследовало турецкое нападение на Дунае и в Закавказье. Западная пресса всю трубила о схватке просвещенной Европы с отсталой, посконной Россией: «Предстоит битва цивилизации против варварства», — возглашал Д. Кларендон в Палате лордов²⁰. В авангарде цивилизации выступали турецкие башибузуки, отличавшиеся зверской жестокостью. Во внезапно захваченном форте

Святого Николая на Кавказе они вырезали всех поголовно, включая врача, таможенника, женщин (в том числе беременных) и детей.

2 ноября 1853 г. император Николай подписал манифест о войне. Ее цели, в царском изложении, рисовались так: «Мы отказываемся от всякого завоевания, признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков назад оттоманскому игу». Россия «берет на себя почин этого святого дела» и предлагает сербам, болгарам, молдо-валахам, боснякам, грекам примкнуть к ней с тем, «чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет целые века»²¹.

5 декабря представители четырех держав подписали в Вене протокол, в котором предложили воюющим сторонам свои добрые услуги в примирении на условиях сохранения Османской империи в неизблемых пределах. Участники, включая Австрию и Пруссию, выступали ее гарантами. Россию поставили перед выбором: или капитуляция, или война европейского масштаба. Перед Британией открылась возможность, в первый и последний раз в XIX веке, взобравшись на спину «Европе», возглавив коалицию, как надеялись в кабинете, четырех, включая Австрию, нанести России удар неслыханной силы, устранить соперничество царизма на Балканах и прочно утвердиться в регионе. Лидер Палаты общин Д. Рассел откровенничал: «Надо вырвать клыки у медведя: пока его флот и морской арсенал на Черном море не разрушены, не будет в безопасности ни Константинополь, ни мир в Европе»²². Так начали вырисовываться планы, не имевшие ничего общего ни со Святыми местами, ни с заботой о христианском населении, ни с сохранением баланса сил на континенте, — планы агрессивные, имевшие целью лишить Россию не только возможности, но даже права на защиту своих берегов. И все это — во имя сооружения подпорок вокруг разваливавшейся османской хоромины.

* * *

18 (30) ноября 1853 года произошло последнее в истории сражение парусных флотов. Адмирал П.С. Нахимов с эскадрой в 6 линейных кораблей и 2 фрегатов (720 пушек на борту) разгромил укрывшийся в Синопской бухте флот Османа-паши (7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохота и 2 транспорта, 474 орудия). Британским читателям бой был представлен в кривом зеркале прессы как расправа над беззащитным караваном. Глава Форин-офис Д. Кларендон печалился в парламенте: «Ужасное дело под Синопом произошло, когда турецкий флот мир-

но стоял в турецкой гавани»²³. На самом деле Павел Степанович Нахимов, человек безукоризненной офицерской чести, открыл военные действия лишь после того, как корвет «Калипсо» доставил весть об объявлении войны обеими сторонами.

В конце богатого событиями 1853 года Сент-Джеймский кабинет и Тюильри пошли на акцию, с международным правом не вязавшуюся: российским военным кораблям было предложено в разгар войны не нападать на неприятеля. Примиритель Нессельроде предложил связать тем же обязательством турецкий флот, но получил отказ. Вероятно, если бы кораблям ее величества кто-либо предписал нечто подобное, в Британии решили бы, что небеса обрушились на землю и Темза повернула вспять. России подобная претензия была предъявлена без колебаний. 5 января 1854 года англо-французская армада вышла из Босфора в Черное море, обеспечив коалиции полное господство в нем.

12 марта 1854 года Франция и Англия подписали с Османской империей договор об оборонительном и наступательном союзе, 27 и 28 марта проследовало объявление войны России. 2 декабря того же 1854 года, в годовщину битвы при Аустерлице и как бы в знак забвения былой вражды, состоялось подписание трактата с Австрией с целью добиться от России уступок «путем переговоров или вооруженным», иными словами — капитуляции. Берлин на сей раз примеру Вены не последовал и сохранил сомнительный, колеблющийся, но все же нейтралитет. Никто тогда не подозревал, какие неисчислимые выгоды Пруссия извлечет из него в годы объединения Германии «железом и кровью».

* * *

Большой войны Европа не знала уже почти 40 лет, и создается впечатление, что не только общественность, но и политические круги забыли, что это такое. Г.Д. Пальмерстон, смолodu подвизавшийся в роли британского военного министра, но на всю жизнь оставшийся круглым невеждой в стратегии и тактике, предавался сладким мечтам: «Имея 60 тысяч английского и французского войска в Крыму, при поддержке флота плюс успешные действия в Грузии и Черкесии, — веселое Рождество и счастливый Новый год нам обеспечены»²⁴. В том же духе представлялась война французскому обывателю. По уверению газеты «Конститусьонель», «Россия в течение нескольких недель потеряет плоды денежных затрат, гигантских трудов, огромных

жертв не одного поколения. Крепости, которые она воздвигла на берегах Балтики и Черного моря, не жалея ни терпения, ни времени, ни денег будут сравнены с землей, взорваны и уничтожены огнем объединенных эскадр Франции и Англии»²⁵. Подсчет морских сил способствовал полету фантазии: у союзников — 136 линейных кораблей, 138 парусных и паровых фрегатов, 281 пароход против 48, 43 и 24 судов подобного класса у России²⁶. В пылкости воображения от Пальмерстона не отставал император Наполеон. Он мечтал перекроить весь баланс сил в Европе, передать Дунайские княжества и Бессарабию Австрии, Ломбардию — Сардинии, Крым и Кавказ — Турции, Франции предназначалась граница по Рейну и итальянские земли²⁷. Кабы знали, кабы ведали кабинетные стратеги на Западе, что будет, может быть, и в Крым бы не совались.

Николай I вынашивал замыслы, которые ставят в тупик исследователей как отечественных, так и зарубежных. Расчеты строились на то, что турки смирятся, а англичане и французы станут сговорчивее после занятия Дунайских княжеств сравнительно небольшими российскими силами. Царь собирался провозгласить независимость Молдавии, Валахии, а затем и Сербии, и тем «положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий Бог определить может, что за сим последует. Но приступать к дальнейшим действиям я и тогда не намерен»²⁸. Император наставлял А.С. Меншикова, назначенного командующим войсками в Крыму: «Объявление турками войны не изменит принятого плана действий. Я решился не переходить Дуная до поры до времени и ожидать наступления турков: ежели отважатся переправиться на левый берег Дуная, их разбить и прогнать, но самим не переправляться»²⁹.

Итогом подобной «стратегии бездействия» явилось очищение российскими войсками, по требованию Вены, Дунайских княжеств, вторжение союзников в Болгарию и появление их флота у берегов Крыма.

Утратили всякое правдоподобие опасения Парижа и Лондона насчет нависшей над Османской империей угрозой ее целостности. Война для России стала чисто оборонительной. А.Дж.П. Тэйлор не без яда вопрошал: союзники были поставлены «перед задачей: как помешать агрессивной державе, если она не совершает агрессию?»³⁰. Впрочем, к объяснениям и тем более к оправданиям им прибегать не пришлось. Обыватель слабо представлял, кто на этих Балканах обитает, и уверовал, особенно в Великобритании, где нагнетание русофобии шло весьма энергично, что русский медведь там лютует.

Не следует все же упрощать картину и пользоваться одной лишь черной краской. В британском парламенте раздавались голоса трезвых

и здравомыслящих. Лорд Литтон, прочтя гору бумаг по восточным делам, пришел к выводу, что требования Меншикова не выходили за рамки Кючук-Кайнарджийского договора и никакой угрозы Великобритании не несли. Лидер сторонников свободы торговли Р. Кобден размахивал в Палате общин пальмовой ветвью мира: ничего общего с истиной не имеют утверждения насчет будто бы необузданной агрессивности царизма, «будь на месте русских британцы или американцы, они уже давно проглотили бы Турцию», «независимость которой давно уже стала пустой фразой». Провозглашенную цель войны — укрепление Османской империи — он считал неосуществимой, а потому и бессмысленной³¹. У лордов сходную позицию занимал граф Грей. Он подверг критике историю османов: «Орда диких варваров, стремившихся мечом распространить ложную веру», держала под своим деспотическим гнетом в течение четырех веков христианское население. Недостойно Великобритании бояться России. Угроза российского нашествия на Индию — химера. Чтобы добраться до нее со 100-тысячным войском понадобилось бы снарядить втрое более многочисленную армию. Подпиши Высокая Порта хоть все ультиматумы Меншикова, реальная ситуация не изменится³². Но одинокие голоса умеренных тонули в оглушительном хоре сторонников войны, антироссийская риторика достигла такого накала, что Г. Темперлей писал о «лае парламентской своры»³³. Прения завершились победоносно для ястребов. Лорд Бомон возглашал в верхней палате: «Нет иной альтернативы — или война, или позор». Г.Д. Пальмерстон вещал в нижней: «Мы защищаем свободу наций и отстаиваем сохранение баланса сил».

Обыватель заблудился в тумане дезинформации и уверовал в благие намерения правительства ее величества. Поскольку премьер-министр Д. Абердин слыл недостаточно воинственным и слишком миролюбивым, популярный журнал «Панч» («Петрушка») поместил карикатуру, изобразив на ней Абердина, чистящим сапоги царю Николаю. Выступать перед согражданами с умеренных позиций было, по словам Р. Кобдена, все равно что перед «сворой бешеных собак»³⁴.

* * *

Крымская война обернулась горьким разочарованием и тяжким испытанием не только для России, но и для вражеской коалиции. 150-тысячная, а позднее и 170-тысячная армия Франции, Великобритании, Турции и Сардинии никак не могла взять небольшой город в

Крыму (40 тысяч жителей в мирное время). Севастопольская страда длилась одиннадцать месяцев и три недели. Бомбардировка — штурм, бомбардировка — штурм. Пять приступов отбиты. А между ними — смерть от снарядов и пуль не только на бастионах, но и перед ними. В лагерях, в которых располагались войска коалиции, свирепствовали болезни, зимой солдаты, в солнечном Крыму, замерзали и вымерзали. Ниже приводятся свидетельства из британских источников о бедствиях экспедиционного корпуса, которые в чем-чем, а в сгущении красок заподозрить нельзя.

«Апатия и неведение в департаментах, занимавшихся снабжением армии, способствовали профессиональному мошенничеству наиболее бесцеремонных поставщиков. Некоторые грузы исчезали совершенно... Сапоги и шинели прибывали слишком малых размеров, большой груз прибыл с обувью исключительно на левую ногу».

Балаклава, центр расположения корпуса, представляла взору картину «страшного хаоса». На набережной — «мука, высыпавшаяся из разорванных мешков, лежала сырыми кучами, валялись ящики с амуницией, колья от палаток, куски дерева. Кипы одежды, в которых ощущалась острая нехватка, брошены в грязь, по ним ходят. Турецкие солдаты мрут как мухи во временных госпиталях, расположенных главным образом в реквизированных лачугах»³⁵.

14 ноября разыгралась страшная черноморская бора, 21 английский корабль был разбит, еще 8 серьезно повреждены. Неисчислимые потери снаряжения: на одном «Принце» потонуло 40 тысяч пар обуви.

1 декабря генерал Лукан сообщил, что кавалерийская дивизия перестала существовать как таковая по причине падежа конского состава.

В лагере объявился «враг внутренний» в лице корреспондента газеты «Таймс» В.Г. Рассела, имевшего мужество сообщать правду о бедствиях «лагерников», безответственности интендантства и безрукости командования. 25 ноября он бытописал в очередной заметке: «Дождь льет, небо — как чернила, ветер завывает над содрогающимися тентами, окопы превратились в канавы, в палатках вода на фут глубиной, у людей нет ни теплой, ни непромокаемой одежды; по двенадцати часов они проводят в траншеях... Создается впечатление, что ни единая душа не заботится ни об их удобствах, ни даже об их жизни»³⁶. Незванные пришельцы с Альбиона заматывались для утепления в мешки, в овчину, а то и в воловь шкуры.

В самом конце 1854 года «Таймс» мрачно предрекала: если дела пойдут так и дальше, «главнокомандующий и его штаб будут единственными, кто уцелеет на высотах вокруг Севастополя», «их наградят, возведут в дворяне... и все это на костях пятидесяти тысяч британских солдат».

Газета кое в чем ошиблась: главнокомандующий лорд Ф.Д. Раглан до весны не дожил, умер от свирепствовавшей в лагере холеры. В январе 1855 года в английском экспедиционном корпусе больных, раненых и обмороженных насчитывалось 23 тысячи, но все же 11 тысяч здоровяков оставались в строю³⁷.

Славы на поле боя британское воинство не обрело, осаждаемый третий бастион (Большой редан) взять не сумело. Оставалось утешаться воспетым в прозе и стихах, а впоследствии и в кинофильмах подвигом бригады легкой кавалерии, брошенной в атаку прямо на русские пушки и polegшей почти целиком.

В январе 1855 года кабинет Д. Абердина рухнул под тяжестью военных неудач. 5 января радикал Д. Ребекк выступил с запросом правительству: армия в Крыму «доведена до состояния, заставляющего нацию содрогаться. Войска находятся без крова над головой, без одежды, без пищи и без снаряжения». Из 54 тысяч солдат в строю, по его сведениям, осталось лишь 5 тысяч здоровых. Прения длились десять дней. Громадным большинством голосов (365 против 147) палата отправила правительство в отставку³⁸. Кресло премьер-министра занял Г.Д. Пальмерстон, сохранивший, несмотря на преклонный возраст, бодрость духа и энергию.

В феврале 1855 года от тяжелой болезни, эмфиземы легких, скончался Николай I. Луи Наполеон счел нужным прислать по этому поводу свои соболезнования, что в Лондоне сочли признаком его склонности к миру, и крайне встревожились. Правда, дезертирства партнера с поля боя не произошло. Император не мог отозвать из Крыма армию, понесшую громадные потери без каких-либо видимых результатов. Успех в Крыму ему был нужен как воздух — для укрепления трона, для утверждения династии — сын уже появился на свет. Под Севастополем решалась судьба Второй империи во Франции.

Пальмерстону пришлось заняться хлопотным и неприятным делом: поисками пушечного мяса — следовало набрать для восполнения потерь 40 тысяч человек. Псевдопатриотическая трескотня в прессе не смогла заманить в вооруженные силы ее величества требуемого числа людей, одно дело — митинговать, совсем другое — отправляться в неведомую Россию с риском сложить там голову. Возникла мысль — купить оптом испанскую армию (60 тысяч штыков и сабель) вместе со штабом, но под высшим английским командованием. В Мадриде, однако, сочли неудобным выступать в роли наемника Джона Буля. Немецкие князья тоже не пожелали продавать подданных на убой. И от маленького Сардинского королевства поступил отказ, однако оно сочло возможным вступить в антирусскую коалицию в качестве со-

юзника, а не наймита, в надежде участвовать в мирной конференции и пробиться в ряды великих держав. Но итальянцев — всего-то одна дивизия. С большим трудом, индивидуально, удалось набрать по кабакам и портовым притонам 13 тысяч разномастного люда.

Следовало хотя бы протокольно продемонстрировать сплоченность коалиции, на деле отсутствовавшую. Стороны обменялись визитами. В апреле 1855 года Наполеон посетил Англию. Все прошло как нельзя лучше — смотры, парады, посещение Кристального дворца, центра Всемирной выставки 1851 года, представление оперы Л. Бетховена «Фиделио». Наполеон был растроган, при расставании, уже сев в карету, он вышел из нее, прижал к груди королеву Викторию и облобызал ее в щеки. Сдержанные британцы онемели от изумления.

Ответное посещение королевской четой Парижа выдалось не менее душевным. Залы дворца в Сен-Клу, где обосновались Виктория и принц Альберт, обставили мебелью из покоев казненной королевы Марии Антуанетты. Учитывая малый рост ее британского величества, ножки рабочего столика подпилили. В Пантеоне королева и Бонапарт отдали дань уважения почившему великому Наполеону. С принцем Альбертом император пел дуэтом немецкие романсы.

Совсем иначе выглядела поездка во Францию поздней осенью того же года главы Форин-офис Д. Кларендона, предпринятая с целью разведки настроений как верхов, так и низов. В письмах жене министр изъяснялся без дипломатических околичностей: «Эти французы рехнулись на почве страха и жульничества» и «только визжат о мире»; «боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство». Собеседники в один голос твердили ему: Британия, если ей угодно, может воевать и далее, а с Франции хватит. «Все, кроме Д. Буля, жаждут мира»³⁹. Ситуация изменилась, наконец-то появился успех, позволявший надеяться на заключение мира с видом победителя.

27 сентября (8 октября) состоялся шестой и последний штурм крепости. Французы, англичане, турки, итальянцы шли на приступ на 12 участках. На 11 они были отброшены с тяжелыми потерями. Англичане в очередной раз застряли у стен третьего бастиона. Трижды их цепи поднимались в атаку, и трижды они сметались ураганным пушечным и ружейным огнем, и наконец они побежали, оставив на поле 2,5 тысячи убитых и раненых.

Французам до цели — Малахова кургана — высоты, господствовавшей над городом, оставалось пробежать из траншей всего 40 метров. Они ворвались на курган, произошла страшная резня, в ход пошли штыки, сабли, банники от орудий, ратники курского ополчения рубились топорами. Вытеснить неприятеля из бастиона не удалось.

Ночью по приказу генерала М.Д. Горчакова войска по понтонному мосту и на судах переправились с южной стороны города на северную. Свидетель описывал отступление: полк за полком покидал позиции, оставив на них заслон. Солдаты, в крови, в изорванной одежде, в грязи, закопченные от пороха, шли, понунив головы: «Одни едва бредут, чуть ли не падая под тяжестью оружия, до того измучены они; другие несут десятки мертвых, третьи тащат изможденных страдальцев, облитых кровью, с оторванными членами; иные везут на руках тяжелые пушки; на узком мосту режут построжки у запряженных под орудие лошадей и молча, пасмурно, перекрестясь, сталкивают орудие в море, будто хоронят любимого товарища. Все пасмурно, всех гнетет свинцовое горе, и если из чьих-то уст вырвется слово-другое, то слово проклятия, командный окрик начальника или страдальческий вопль умирающего!». Изредка попадались среди них и сестры милосердия с иконами, взятыми из госпиталей.

На южной стороне саперы взорвали или сожгли все здания, включая собор. Не осталось ни одного жителя. Камни и пепел — все, что увидел неприятель.

На этом военные действия по большому счету завершились. Оба командующих союзными войсками, генералы Ж. Пелисье и Д. Симпсон, считали попытку прорваться на просторы России безнадежной авантюрой. Француз заметил, что в случае получения подобного приказа он подаст в отставку.

Неудачей закончились и экспедиции англо-французского флота на Балтике. Морские лорды не решились «расшибать лбы» о гранитные твердыни Кронштадта и Гельсингфорса и ограничились скромными успехами на Аландских островах.

Воинственность сохраняли лишь кабинетные стратеги из Лондона. Г.Д. Пальмерстон отводил душу, изошряясь в насмешках над союзниками (разумеется, в частной переписке). Французского министра иностранных дел А. Велевского он именовал «хитрым мошенником», посла в Стамбуле Э. Тувенеля — «законченным последователем И. Лойолы», австрийского представителя при султанском дворе А. Прокеша — «низким гулякой и игроком, деревенским стряпчим, превращенным в дипломата». Он объявил было, что Великобритания вместе с турками и без посторонней помощи добьется почетного мира. Никто не обратил внимания на его пустословие.

В декабре 1855 года Наполеон преподнес Лондону оглушительный сюрприз. По дошедшим туда из Парижа сведениям, министр финансов доложил императору, что денег на войну едва хватит до весны, а прибегать к займам или повышать налоги нецелесообразно по социальным соображениям. Наполеон считал, что натаскал до-

статочно каштанов из военного огня и жаждал мира. Лояльная ему печать изощрялась в усилиях представить крымскую эпопею достойным реваншем за гибель Великой армии Наполеона в России в 1812 году, предопределившую падение его империи. Корсиканец был гениальным полководцем и выдающимся организатором. Он восстановил численность вооруженных сил в 1813 году до уровня, почти равного численности российской и прусской армий вместе взятых. Но восстановить Великую армию он не мог, для этого отсутствовал человеческий материал, целое поколение французов сгнуло на полях битв. К. Меттерних на свидании с Наполеоном летом 1813 года в Дрездене, окинув взглядом выстроившихся солдат, молвил: «Сир! У Вас юнцы под знаменами!»

Наступил 1856 год. Союзные генералы не высовывали носа из Севастополя. Потери — 70 тысяч французов, 22,7 тысяч британцев, 30 тысяч турок (правда, последние толком не подсчитывались, они умирали, как мухи)⁴⁰. Если в истории подыскивать пример пирровой победы, крымский казус для нее самый подходящий. Британская казна затратила на эпопею больше денег, чем на все войны с революционной Францией и Наполеоном, длившиеся 20 лет.

К миру склонялись молодой император Александр II и его окружение, но не по причине военного поражения. Существовали другие веские факторы. Отсталость страны отражалась на ее армии. У противника — нарезные винтовки, у своего войска — гладкоствольные ружья. С трудом давался переход от атаки колоннами к наступлению цепями. Ни в одном из полевых сражений не удалось добиться успеха. Государственный долг достиг колоссальной по тем временам суммы — 800 миллионов рублей, на его погашение потребовалось 15 лет. Каждый день последней бомбардировки Севастополя обходился в 2 тысячи убитыми, общие потери превысили 100 тысяч человек. Экспедиции англо-французского флота на Балтике закончились неудачей, но они отвлекли на побережье 270-тысячную армию в 1854 году и 300-тысячную в следующем, то есть силы, вдвое превышавшие сражавшихся в Крыму. России угрожал не военный разгром, а хозяйственное истощение. Надежд на победу — никаких. Вступление в боевые действия Сардинии, союз, заключенный Швецией с Францией и Великобританией, прозападная ориентации «дружественной» Пруссии, пессимистические доклады генерала М.Д. Горчакова из Крыма — все заставляло искать мирного решения. И что тревожило молодого царя больше всего — Россия нуждалась в обновлении, и прежде всего в отмене крепостного права; но не в военное же лихолетье проводить реформы! Перед страной нависала угроза закоснеть в отсталости.

На мирном конгрессе в Париже (февраль-март 1856 года) Д. Кларендон возглавил ястребов, а Наполеон и А. Валуевский выступали в роли голубей. Император французов считал Крымскую войну прологом к перекройке баланса сил в Европе, в ходе которой следовало похоронить Венскую систему договоров, установить границу с германскими землями по Рейну, выдворить австрийцев из Италии; с самодержавием территориальных споров не существовало, с ним следовало сотрудничать. Отсюда — подчеркнутое внимание Наполеона к первому российскому уполномоченному А.Ф. Орлову, дружеские беседы с ним за чашкой кофе. Тому, с помощью императора, удалось отбиться от некоторых притязаний британских и австрийских экстремистов — от нейтрализации не только Черного, но и Азовского моря, разрушения фортов на Кавказском побережье, от срытия укреплений Николаева. Британцам и австрийцам не удалось наложить запрет на строительство больших пароходов, могущих быть переоборудованными в крейсера, и отторгнуть от России значительную часть Бессарабии, на чем особенно настаивала Вена. Но все это были частности. Маленький Наполеон, подобно своему великому дяде, воображал, что дружбу с Россией можно оплатить мелкой монетой. А Россия никогда и ни с кем не выступала пристяжной.

В одной из бесед с Кларендоном император воскликнул: «Я, право, не знаю, где вы остановитесь» (в своих требованиях). Но британец знал, что его собеседник связывает свои интересы с Англией, и продолжал нажим. Не следует переоценивать значение французских услуг для России. Навязать стране, обогатившей историю военного искусства обороной Севастополя, мирную программу по максимуму было просто невозможно. Кларендон излагал ее так: нельзя, чтобы Россия осталась «могущественной державой, способной в немногие годы при более разумной внутренней политике развить свои колоссальные естественные ресурсы»⁴¹. Сие означало — низвергнуть ее с пьедестала великих.

Но и без алкаемых экстремистами излишеств трактат, подписанный 18 (30) марта 1856 года, был суров и тяжел. Самодержавие отказалось от покровительства над Молдавией, Валахией и Сербией, от особых прав в отношении православного населения Османской империи, оно было поставлено под коллективную гарантию пяти держав. Царизм сравнительно легко пошел на уступки в этом вопросе, опыт с Грецией и Дунайскими княжествами показал, что по мере укрепления их государственности и ослабления зависимости от Турции они охладевали к официальной России, а то и отворачивались от нее. Договор подтверждал установленный конвенцией 1841 года запрет на

прохождение военных кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы. От России были отторгнуты три южных уезда Бессарабии, великую страну лишили доступа к водной артерии Дуная.

И самое тяжелое из условий — Россию лишили права на содержание военного флота в Черном море. Формально запрет распространялся и на Турцию. Но та могла за пару суток перебросить хоть целую эскадру из Средиземного моря в Черное, так что наложенное на Высокую Порту вето являлось чистой фикцией. «Боюсь, что на практике будет трудно обеспечить нейтрализацию Черного моря, — свидетельствовал экс-премьер-министр Д. Абердин, — турецкий флот может войти в Черное море, когда ему заблагорассудится»⁴².

Мысля по шаблону, не представляя, что цивилизация может развиваться разными путями, не только европейски-христианским, но и исламским, полагая, что модернизация равнозначна европеизации, западные миротворцы исторгли у султана (по выражению, фигурировавшему на прениях в парламенте) хатт-и-хумаюн (августейшее на чертание), предусматривавшее равенство в правах всех его подданных независимо от конфессиональной принадлежности. Хатт упоминался в тексте Парижского трактата, что превращало его в международное обязательство.

При обсуждении мира в парламенте с резкой критикой выступил граф Грей. Хатт, аргументировал он, «не явился добровольным актом со стороны султана. Было бы фарсом утверждать это». Если его превращение в жизнь оставить за Турцией, он не стоит бумаги, на которой написан, ибо противоречит Корану. В местах отдаленных его оглашение вызвало испуг у христиан, «опасающихся мести мусульман при попытке его осуществления»⁴³.

Мусульманская масса не воспринимала и не признавала принцип равноправия с «неверными», задуманные на европейский лад реформы были обречены на провал. Сама идея образования многоконфессиональной и многоэтнической османской нации носила на себе отпечаток утопизма, и не только по причине отторжения ее сторонниками ислама. 400 лет христиане пребывали на положении райи (стада по-арабски). Они жили своим миллетом (общиной, официально признанной властями) по заветам Евангелия и обычному праву. Духовно они никогда не подчинялись завоевателям, никогда не забывали о существовании в прошлом их государственных очагов — королевства Неманичей у сербов, двух Болгарских царств, Византийской империи у греков, княжеств Штефана Великого у молдаван и Михая Витязя у валахов. Османская империя была для них не матерью-родиной, а злой и постылой мачехой, они не собирались скреплять ее обручем

реформ, а мечтали о сокрушении ее власти. О том и толковал граф Грей в Палате лордов: христиане относятся к Высокой Порте с горькой враждой и с нетерпением ожидают свержения ее власти. Иного чувства нельзя ожидать после четырехсот лет отвратительной тирании. В среде христиан реформы пользовались поддержкой, но их собирались использовать не для сплочения под знаменем полумесяца, а для укрепления своей самостоятельности и ослабления уз, связывающих их с Портой.

Столь же бессмысленным в исторической перспективе являлся и навязанный России запрет на содержание военного флота в Черном море. Великую державу, потерпевшую неудачу в войне, но отнюдь не разгромленную, лишили возможности защищать свои берега, обеспечивать свою безопасность. Ни одна страна, обладающая чувством собственного достоинства, с подобным поправлением своего суверенитета смириться не может. М.Н. Погодин вскоре после подписания договора писал: «Чем же вы прикажете защищать России свои берега без флота, без крепостей, без арсеналов? Пьеса еще не вся, опустился занавес по окончании одного действия. Игра не прекратилась. Восточный вопрос не решен... Настоящий мир есть во всяком случае временный»⁴⁴. Много лет спустя О. Бисмарк в своих воспоминаниях утверждал то же самое: «Сто миллионному народу нельзя навсегда запретить осуществлять естественное право над... побережьем» и подвергать его «невиданным унижениям»⁴⁵. Навязанная России нейтрализация Черного моря прекратила существование в 1871 году усилиями отечественной дипломатии во главе с князем А.М. Горчаковым, и войны не потребовалось.

Но в 1856 году британский кабинет подвергся критике не за свою агрессивность, а за будто бы проявленную им уступчивость. Фантазеры в «матери всех парламентов» воображали, будто союзники, не решавшиеся высунуть носа из Крыма, могут заставить русских удалиться за реку Кубань, по течению которой и следовало бы установить границу. Лидер консерваторов у лордов граф Э. Дерби сетовал по поводу того, что в Бесарабии у России урвали слишком малый кусок. Ему поддакивал граф Малмсбери — почему правительство не добились «отторжения территорий, чего будто бы можно было добиться. Воспаленному воображению лорда Д. Маннерса представлялось, что мир «установил политическое и военное преобладание России во всей Азии»⁴⁶. Мир был встречен в стране прохладно и даже кисло. Газета «Сан» в день его подписания вышла в траурной рамке. По словам биографа Пальмерстона, невозможно было успокоить разъяренную публику и воинственную и черносотенную прессу. Даже премьер, отнюдь не принадлежавший к разряду умеренных, недоумевал: «Потре-

бовать у России уступки Грузии, Мингрелии, Имеретии, как бы сие ни было желательно, значило бы по меньшей мере натолкнуться на решительный отказ». Кабинет создавал — «больше у России можно было вырвать лишь в ходе длительной и кровавой войны»⁴⁷.

Габсбургская дипломатия все-таки надула союзников, монархия в войну не вступила и в их узком кругу именовалась «проклятым нейтралом», который, не пролив ни капли крови, уселся за стол переговоров. Именно по инициативе Вены представители Великобритании, Франции и Австрии, пребывая в угаре от виктории, 15 апреля подписали соглашение, по которому обязывались вооруженной силой воспротивиться любой российской попытке нарушить условия Парижского мира. Тот же граф Грей, недоумевая, назвал соглашение «актом величайшего бесстыдства»: Британия обязалась по нему «безгранично по времени и независимо от каких-либо обстоятельств подпирать и поддерживать рушащуюся империю, и взвалила на себя бремя, которое ни одна крепость не выдержит». Иной точки зрения придерживался Пальмерстон. Он назвал соглашение «важнейшей договоренностью за многие годы истории». Реформы преобразят Турцию, христианские подданные возлюбят ее и встанут на ее защиту, «этим договором мы достигли цели, ради которой вели войну». Не все члены парламента оценивали столь возвышенно британские устремления. Раздались сетования: «В континентальной прессе Англия обычно представляется воплощением эгоизма и вероломства»⁴⁸.

Нечего и говорить, что договор от 15 апреля 1856 года оказался мертворожденным, его участники забыли о принятых на себя обязательствах, в последующее двадцатилетие Османская империя слабела и разваливалась ускоренными темпами и без вмешательства России.

* * *

Итоги. Наполеон укрепил свой трон на крови и костях десятков тысяч солдат и стал — на короткий срок — первым монархом Европы. В 1859 году Франция и Сардиния совместно одолели недавнего союзника, Габсбургскую монархию, выдворив ее из Италии. На этом успехи маленького Бонапарта кончились и началась полоса неудач, завершившаяся пленом у пруссаков в 1870 году.

Великобритания, если сравнивать с прошлым, добилась многого. Ее армия побед не одержала, промаялась почти год у третьего севастопольского бастиона, но так его и не взяла. Но ей удалось лишить Россию значительной части плодов, достигнутых в четырех кровопролитных войнах и зафиксированных в договорах Кючук-Кайнарджийском

(1774 год), Ясском (1791 год), Бухарестском (1812 год) и Адрианопольском (1829 год). Право покровительства над турецкими христианами было заменено коллективной гарантией пяти держав, по сути дела ничем, учитывая ориентацию четырех из них на сохранение в неизменности прав Османской империи в регионе.

Однако, если обращаться к будущему, предстает иная картина. В судьбоносное для балканских народов двадцатилетие (1856–1878 годы) власть и влияние Высокой Порты в Юго-Восточной Европе сокращались, подобно шагреновой коже. Форин-офис с бычьим упрямством (как-никак Джон Буль!) подпирал шатающуюся Османскую империю, а она разваливалась. Сошлемся на некоторые оценки в британской историографии. По словам Р.В. Ситон-Уотсона, «чистым итогом договора явилась остановка России в ее продвижении к Константинополю и предоставление Турции 20 лет отсрочки для возобновления внутренних преобразований». Но, добавляет он, что касается реформ, «дальше бумаги турки не пошли»⁴⁹. Той же точки зрения придерживался К. Борн: западные державы, «обезопасив Турцию от нападения извне... косвенным образом способствовали росту внутреннего невежества и распространению загнивания». Авторы «Кембриджской истории внешней политики Великобритании» печалились: «Турки получили еще один день милосердия. Они им не воспользовались»⁵⁰.

«Победительница» Турция стремительно погружалась в долговую яму и превращалась в сырьевой придаток западных стран. Изменился расклад сил в регионе, державам предстояло завоевывать позиции в молодых христианских государствах.

* * *

Однозначной оценке в истории России Крымская война не поддается. Да, неудача. Но защитники Севастополя своей отвагой, стойкостью, выносливостью и мужеством прославили страну и вписали золотую станицу в историю военного искусства. В стенах британского парламента российской армии отдавалась дань глубокого уважения: история «засвидетельствует непреходящую предприимчивость русских, их неизменную отвагу, их терпеливую стойкость, искусство их инженеров, храбрость и мастерство их генералов»⁵¹.

Синдром поражения в стране отсутствовал, после давящего николаевского режима повеяли ветры обновления. Ослабел жандармский гнет, поскромнела цензура, пытливая мысль вырвалась на стра-

ницы периодических изданий. Думающая Россия осознала — так дальше жить нельзя, с крепостнической системой, сковывавшей развитие государства, экономики, общества, надо кончать. В январе 1857 года Александр II пригласил к себе доверенных советников и объявил им о своем намерении отменить крепостное право. Настало время реформ, сравнимых по своему масштабу и значению разве что с преобразованиями Петра Великого. Начался экономический подъем. Железным дорогам предстояло стянуть своими нитями воедино хозяйственный организм страны, пытаящему паровозу выпало на долю вытянуть ее из отсталости. В 1989 году в Германии вышла книга Г. Верта под броским заголовком: «Крымская война — час рождения мирового могущества России»⁵². Автор поторопил историю, на самом деле предстояли реформы александровского царствования, война 1877–1878 годов с Турцией с участием в ней балканских народов, экономический рывок, связанный с деятельностью Сергея Юльевича Витте. Но отправной точкой всех этих свершений явилась Крымская война, последовавшая за нею отмена крепостного права открыла дорогу к прогрессу.

* * *

В Крымскую войну на Балканах сложилась уникальная ситуация — в регионе отсутствовала российская армия, пребывание которой всегда являлось отправной точкой развития освободительных движений, вдохновляющим стимулом для них и предпосылкой той или иной степени их успеха. А тут — в июне 1854 года — переправившиеся было за Дунай войска отошли на левый берег реки, англо-французские силы заняли Болгарию. В сентябре они вернулись в Россию, а Молдавия и Валахия были оккупированы войсками Турции и «не воевавшей» Австрийской монархии. Вторжение союзников в Крым перенесло военные действия в места совсем отдаленные от Балкан.

Предвоенный кризис обещал иное развитие событий. Прибывшего в Константинополь А.С. Меншикова встретила восторженная толпа греков. Весть о Синопской победе повергла эллинов, по словам французского консула, в экстаз. Началось восстание в Эпире и Фессалии с активным участием в нем высокопоставленных греческих офицеров. Экзальтированный король Оттон грезил крестовым походом. Наполеон III охладил его пыл, предложив ему не подвизаться в роли союзника России. Из Петербурга монарху поступали советы соблюдать сдержанность, в Зимнем дворце не питали надежд на легкую победу.

Коалиция реагировала на действия греков быстро и энергично. В мае 1854 года в Пирее высадился англо-французский десант, оккупировавший Афины. Оробевший Оттон подписал декларацию о нейтралитете, кабинет министров возглавил А. Маврокордатос («правительство оккупации»).

Сербское княжество решило соблюдать нейтралитет, чему способствовала концентрация австрийских войск на его границах. Российский консул по требованию Порты был удален из Белграда. В дальнейшем вывод царских войск из Молдавии и Валахии убедил князя Александра Карагеоргиевича в правильности проводимого им осторожного курса.

1852 год в Черногории ознаменовался тем, что митрополит перестал осуществлять светскую власть. Молодой Данило Петрович-Негош, естественный наследник дяди-митрополита, знаменитого Петра II Негоша, не проявил желания постригаться в монахи и при поддержке России провозгласил страну княжеством. Скупщина большинством голосов одобрила это решение. Последовало турецкое вторжение, однако усилиями странного тандема, России и Австрии, наступление было остановлено, и султан признал новый статус Черногории (Петербург воспользовался тем, что Высокая Porta оспаривала права Габсбургов на порты Клек и Суторина на Далматинском побережье, для того чтобы привлечь их на свою сторону). В качестве ответной услуги Николаю I пришлось отказаться от мысли о вовлечении черногорцев в войну.

Албанцы хлопот Стамбулу не причинили. Турецкие власти в провинции получили распоряжение — проявлять терпимость, не посягать на традиционные привилегии местных вождей. Правда, попытка отправить на фронт отряды горцев-католиков из Северной Албании не удалась. Однако в Эпире и Фессалии албанское ополчение сменило турецкие войска и воевало с греческими повстанцами.

События в Боснии и Герцеговине, провинции, населенной людьми сербского корня и языка, но придерживавшегося трех верований — православия, католичества и ислама, — развивались по особому сценарию. Мусульманская феодальная верхушка относилась враждебно к гяурской затее султаната, к системе преобразований, известных под названием танзимата. На попытки привести их к покорности феодалы и исламское население ответили вооруженным сопротивлением. В мае 1850 года началась карательная акция турецкой армии под командованием Омера-паши. Он прошел мечом и огнем по провинции, не различая христиан и мусульман. Свирепая расправа обеспечила османским войскам боснийский тыл в предстоявшей войне, поднять-

ся широко и грозно у жителей не было сил, хотя в 1852 году в Герцеговине зародилось движение под руководством Луки Вукаловича. Австрия сконцентрировала в приграничье войска под благовидным предлогом защиты христиан, что побуждало Порту к осторожности. В годы войны православные жители обратились в Петербург с просьбой о покровительстве и предоставлении православной церкви статуса автокефальной. Последствий обращение не имело, опоры в виде российских войск не было, сражения переместились в Крым.

* * *

В центре внимания, забот, тревог, хлопот и опасений российской дипломатии находились Дунайские княжества. Через них лежал путь на Балканы. Станут ли они мостом для прорыва или превратятся в барьер на пути продвижения? По соседству располагался основной соперник, Габсбургская монархия, давно уже вынашивавшая планы прочного утверждения в низовьях Дуная и изгнания оттуда влияния России. В письме матери эрцгерцогине Софии молодой кайзер Франц Иосиф излагал сокровенные мысли: «Наше будущее — на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере, мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе»⁵³. Сие означало смерть всего балканского направления российской внешней политики. А одинокий рыцарь монархической солидарности, царь Николай, всерьез воображал, что в Вене обитает ему преданный и им покровительствуемый и благодарный за поддержку в 1849 году протееже.

Занятие Молдавии и Валахии российскими войсками вызвало энергичный протест с австрийской стороны и требование их немедленного ухода. Для придания большего веса дипломатическим демаршам на границе была сосредоточена 50-тысячная армия.

В марте 1854 года Франция и Великобритания объявили войну России, рассчитывая на то, что Австрия последует их примеру⁵⁴. Не тут-то было. Влиятельные круги венской аристократии и армейское командование опасались рушить сотрудничество с самодержавием, считая его залогом существования монархии. В победу над северным колоссом мало кто верил, примеры Карла XII и Наполеона не вдохновляли. К осторожности склоняла и скудость финансов. Государственный долг достигал 340 миллионов гульденов, ежегодный дефи-

цит — 100 миллионов. Главе казначейства принадлежало уникальное заявление, сделанное, разумеется, в узком кругу: «Пусть Господь содержит австрийскую армию, я, министр финансов, сделать это не в состоянии»⁵⁵. На позиции безоглядного оптимизма утвердился канцлер К.Ф. Буоль. На заседании Коронного совета он манил его участников повторением ситуации 1813 года и превращением Австрии в арбитра Европы.

Убедить оппонентов ему не удалось: положение финансов аховое, долго воевать страна не в состоянии, да и ни к чему разоренному государству победы. Альянс с Францией и Великобританией вызывал у них тревогу — как бы те не стали способствовать восстановлению независимой Польши. Углубляться в балканские дела с риском погрязнуть в них значило позволить Пруссии решать германские в свою пользу.

Венские хитрецы обманули и союзников, вступать в войну не желали и остались в их глазах «проклятым нейтралом». Перекроить баланс сил в Юго-Восточной Европе они собирались с помощью дипломатических маневров. Путь к триумфу, в представлении К.Ф. Буоля, начинался в Дунайских княжествах. Следовало не только очистить их от российских войск, но и самим водвориться там. На то же претендовали и турки, и желательно в одиночку.

Для придания должной убедительности речам дипломатов численность войск в Буковине и Галиции была доведена до 75 тысяч штыков и сабель. 3 июня 1854 года последовал официальный демарш с требованием вывода российских войск из княжеств. 12 июня к нему присоединилась Пруссия. 14 июня числа Высокая Порты, после соответствующих «ходатайств» из Лондона и Парижа, дала согласие на ввод в Молдавию и Валахию габсбургской армии⁵⁶. Союзники вообразили, что добились разрыва между Веной и Петербургом со всеми вытекающими последствиями. Они ошибались. Буоль считал положение «ни мира, ни войны» наиболее выгодным для себя. Берлин отмежеввался от опасного курса Вены. По словам набиравшего авторитет и силу О. Бисмарка, готовилось установление австрийского протектората, если не полное приобретение княжеств.

Л. Кошут расценивал австрийскую оккупацию, как нечто «самое чудовищное и опасное в столетии». И. Гика писал: «Великий страх и забота вселились в румынские сердца», а Ш. Голеску даже пожалел Высокую Порту: «Несчастливая Турция уже не хозяйка даже у себя»⁵⁷.

6 августа посол в Вене князь Александр Михайлович Горчаков извещил Буоля о решении царя вывести войска из княжеств. Габсбургское командование в бой не рвалось и не спешило догонять уходящих

русских. Эвакуация растянулась на три месяца, а Франц Иосиф известил Николая, что был «изумлен быстротой, с которой был совершен отход». Далее шли «разъяснения»: занятие Молдавии и Валахии одними турками грозило непредсказуемыми последствиями, и человеческий долг требовал от него воспрепятствовать подобному развитию событий. Буоль «про себя» изъяснялся проще и откровеннее: «Княжества у нас в кармане»⁵⁸...

* * *

Вступившие в Бухарест первыми турки объявили: отныне всем будет вестись и распорядиться Высокая Порта. Австрийцев Омер-паша встретил не приветливо. Хорват по рождению, подданный Габсбургов, дезертир из их армии, он мог бы вести себя повежливее с бывшими соотечественниками. Австрийцы обратились с прокламацией к жителям, турки срывали ее со стен и заборов. Потребовалось вмешательство высших властей, чтобы как-то наладить отношения между союзниками и сообщниками.

В конце 1854 года корпус Омер паши отправился в Крым, в княжествах остались символические силы, обозначавшие турецкое присутствие. Австрийцы пришли гласно, как представители дружественной державы, а потому не могли открыто сесть на шею населению и прибегать к реквизициям. Официально им надлежало расплачиваться за продовольствие и фураж для войск. Сперва они рассчитывались бумажными деньгами, котиrowавшимися на 20–30% ниже серебра, позже — квитанциями, расплата по которым растягивалась на годы. Размещение в казармах и частных домах, лечение в больницах вообще производились бесплатно. Офицеры располагались с удобствами, даже лейтенанты в двухкомнатных квартирах с кухней. Жилец порой выдвигал требования, хозяину непонятные: например, поставить в комнату гардероб или даже шифоньер — вещи, тому неведомые, поскольку обыватели по старинке обходились сундуком. Отсюда — споры, ссоры, драки. С турками, до их ухода, возникали сложности специфического свойства: следовало отдавать честь их офицерам, а среди них встречалось немало венгров и поляков, дезертировавших прежде из австрийской армии.

Не налаживались контакты и наверху. Генерал И.А. Коронини-Кронберг, командовавший войсками, в прежние годы преподавал военное дело наследному принцу Францу Иосифу и сделал на том карьеру. Он задался целью изгнать из княжеств дух мятежа. Последовала

массовая высылка подозреваемых, включая людей самых умеренных взглядов.

1854 и 1855 годы выдались засушливыми и неурожайными, сборы зерна упали вдвое, его продажа оккупантам превратилась, по сути дела, в конфискацию. Мало кто из бояр соглашался служить австрийцам, способствуя тем самым разорению княжеств. Языковый барьер мешал светскому общению. Очень немногие офицеры владели французским языком, распространенным в салонах. Вдобавок ко всему они отличались немецкой бережливостью, а молдавско-валашское боярство страдало расточительностью.

И современники, и исследователи единодушны в резко отрицательной оценке австрийской оккупации, включая даже тех, кому по должности следовало занимать иную позицию. Французский консул Беклар писал: «Австрийцы, вступив в княжества, совершили ошибку, обращаясь с жителями как с побежденным народом. Они взымали в свою пользу тяжелые поборы. Офицеры всех чинов жили с бережливостью, доходившей до скупости», отталкивавшей от них румынский «свет». Напрашивалось сравнение в русскими. Их офицеры, особенно в высоких чинах, блестящие и приветливые, щедрые до расточительности, стремились к удовольствиям и предавались карточной игре: «Салоны Ясс и Бухареста были для них открыты. Они встречали здесь общество, весьма на них похожее, поверхностное и элегантное, без чванства, любящее роскошь, украшения и празднества». С российскими офицерами можно было договориться с полуслова, они предавались тратам, розничная торговля при них процветала, а при австрийцах она захирела.

Беклар отмечал строгую дисциплину в царских войсках: «Русские генералы понимали, что самое верное средство успокоить жителей — это быстро проявить по отношению к ним справедливость».

Солдаты, привыкшие к суровой жизни, по словам Беклара, установили вполне сносные отношения с населением, они оказывали услуги хозяину дома, он принимал их за своим столом, они крестились на ту же икону в углу. В холодные ночи они не требовали для себя даже одеяла на ночь, укрываясь шинелью. А с австрийцами холодность перерастала во вражду, следовали драки, акты насилия и репрессии.

Даже такой русофоб, как И.К. Брэтиану, будущий вождь либералов, свидетельствовал: когда русские эвакуировали княжества, турки, заменившие их, «своими грабежами и насилиями, заставили пожалеть об их уходе». Д. Гика удостоил войска генерала М.Д. Горчакова комплимента, отметив «великолепную дисциплину армии и старание

руководителей в возможно большей степени смягчить тяжесть оккупации для жителей»⁵⁹.

* * *

Венский профессор Л. фон Штерн в серии статей восторженно отзывался о природных богатствах Молдавии и Валахии, скорбел о тяжелой участи их жителей, но отрицал наличие в молдавско-валашском обществе элементов, способных вырвать их из состава Османской империи. Естественно, задача приобщения княжеств к европейской цивилизации выпадала на долю германского гения, представленного в данном случае Габсбургской монархией. И шли практические соображения, разработанные конкретно и толково: установить австрийскую монополию на навигации по Дунаю и другим рекам, учредить компанию для разработки природных богатств, включая леса, вложить капиталы в обрабатывающую промышленность, взять в свои руки почту, телеграф и пути сообщения, поощрять переселение в княжества подданных монархии. Австрия, пришел к выводу князь А.М. Горчаков, «жаждет осуществления выдвинутого Штерном плана»⁶⁰.

Но предпосылок, сил и предприимчивости для претворения в жизнь всего замышляемого не хватало. Банковская система, через которую можно было в одночасье установить контроль над экономикой княжеств, в них отсутствовала. Да и воротили австрийского капитала опасались вкладывать средства в зыбкую балканскую почву, подверженную всем видам социальных, национальных и международных потрясений, их пугала заведомо профранцузская ориентация молдавско-валашской элиты. Вопрос о строительстве железной дороги за рамки разговоров так и не вышел. С другой стороны, оккупанты оставили после себя кое-что полезное: шоссейные дороги связали Яссы и Бухарест с границей и оттуда — с Веной, появились портовые сооружения в Галаце, Джурджу, Олтенице, Турну-Северине.

* * *

Крымскую войну румынские унионисты восприняли как ниспосланный свыше шанс добиться желаемого объединения Молдавии и Валахии — «Европа» сплотилась против покровителя местных феодалов, самодержавия. Наполеон III пользовался в их среде репутацией радетеля принципа национальности. На Западе придавали большое значение стра-

тегическому положению Дунайских княжеств — латинского острова в славянском море Юго-Восточной Европы. Г. Лейрд говорил на заседании палаты общин: «Создается впечатление, что Провидение поместило это чуждое племя в гущу славянской расы. Мы упустили золотую возможность обратить эти провинции в барьер на пути российских амбиций»⁶¹. Луи Наполеон был не прочь допущенную ошибку исправить, а заодно и утвердиться на земле ему не чуждого племени.

У унионистов головы кружились от открывшихся возможностей. Возникшие планы сильно отдавали маниловщиной. А. Голеску-Албу предлагал эмигрантам вернуться в княжества и начать там восстание, на нужды которого парижские единомышленники пришлют 20 тысяч винтовок. Если же дипломатия пожертвует румынскими интересами — поднять на борьбу всех турецких христиан, вместе с итальянцами, поляками и венграми обрушиться на Австрию, после разгрома которой двинуться на Россию⁶². Вспышкопускательство отклика не встретило, но унионистам удалось привлечь к румынским проблемам благожелательный интерес европейской общественности.

Некоторым изгнанникам пришлось избавляться от репутации опасных революционеров. Так, братья Думитру и Ион Брэтиану входили в руководимый Д. Мадзини Центральный революционный комитет. Ион в 1853 году опубликовал брошюру «Песнь Румынии», в которой проклинал иноземных тиранов и их местных пособников, призывал «сбросить цепи» и с саблей в руке вернуть утраченную свободу. Парижские власти реагировали быстро и решительно, пылкий свободолюбец оказался за решеткой по обвинению в покушении на Луи Наполеона. В суде эту чепуху доказать не удалось, но бунтаря острастки ради все ж приговорили к трем годам тюрьмы и пятистам франкам штрафа. Влиятельным знакомым удалось убедить судей, что Брэтиану слаб здоровьем и тюремного режима не выдержит, «заклечение» он отбывал в клинике доктора Бланша. Отсюда «аттентатор» обратился к тому же Наполеону с призывом разжечь восстание в Дунайских княжествах, Венгрии и Трансильвании, поднять на борьбу итальянцев и поляков. Ответа он не удостоился.

Проза жизни брала свое. Среди унионистов царил разброд, умеренные выступали против авантюры. Оголтелым удалось поднять на мятеж жителей некоторых сел Валахии и грэничар (крестьян, несших попутно пограничную службу). Но двинулись они не против оккупантов-москалей, а на боярские поместья и сожгли три десятка усадеб. Валашская армия жестоко расправилась с бунтовщиками⁶³.

Попытка учинить масштабную антироссийскую акцию провалилась, что засвидетельствовали и сами унионисты. В обращении, озаглавленном «Националисты из Парижа к националистам Бухареста»,

говорилось: «Что сделали румыны, чтобы доказать державам, что являются врагами москалей?.. Румыны не пошевельнулись, не подали ни малейшего признака жизни»⁶⁴.

Унионисты поскромнели и для придания веса своим притязаниям решили подкрепить словесную пропаганду звоном оружия и сформировать румынский легион для участия в войне на стороне противников России. Идею осуществить не удалось. Высокая Порта отнеслась к предложению резко отрицательно, клятвам унионистов в лояльности в Стамбуле не верили. По словам великого везира Али-паши, достигнув объединения, румыны устремятся к независимости. Венский кабинет считал, что единое румынское государство станет центром притяжения для своих соплеменников, проживавших в Трансильвании и Банате. Лондон и Париж нуждались в штыках на поле боя, а не в созданном в политических целях легионе, немногочисленном и сомнительной боеспособности. Отклика демарши унионистов не встретили и в западных столицах.

Иной была реакция в Париже на раздававшиеся из Бухареста соблазнительные посулы экономического плана: Франция обретет в Румынии «все преимущества колониальной державы без связанных с этим затрат», ее сырье будет питать промышленность Второй империи, Румыния станет ее политическим клиентом. Луи Наполеону предлагали на волне национального движения прочно утвердиться в низовьях Дуная. Грех было не воспользоваться этим⁶⁵.

В марте 1855 года на конференции в Вене, где изыскивались пути примирения России и Турции, Ф. Буркнэ от имени Франции поднял вопрос об унии Молдавии и Валахии. Британец Д. Рассел заметил, что с подобной идеей надлежало бы выступить представителю Османской империи как державы-созерена. Отрицательная реакция турецкой стороны последовала немедленно, в том же духе высказался австриец. Французская инициатива повисла в воздухе, а Наполеон принялся сооружать одну из своих мимолетных комбинаций. Желая вовлечь Австрию в военные действия, он предложил венскому кабинету обменять Ломбардию на Дунайские княжества. Богатую итальянскую область он предлагал отдать Сардинскому королевству, а самому в знак благодарности получить Савойю и Ниццу. Сторговаться не удалось, предложенный обмен представлялся венцам неравноценным, они надеялись извлечь выгоду при заключении мира, не обнажая меча.

Вопрос об объединении Дунайских княжеств был оставлен на решение мирного конгресса, что свидетельствовало об отсутствии согласия по нему в альянсе. Его участники размежевались: Франция и Сардиния — за унию; Турция и Австрия, к которым присоединилась Великобритания, — против. У последних — прочное большинство.

Глава российской делегации на конгрессе князь А.Ф. Орлов оказался в положении по крайней мере затруднительном. Унионисты — не просто политические противники, а фанатичные западники, люди, не принимавшие Россию ни умом, ни сердцем, сводившие историю отношений с нею к злым деяниям царизма, не усматривавшие заслуг ни со стороны ее армии, ни со стороны дипломатии в утверждении автономных прав княжеств, приписывавшие само появление этих прав неким фальсификатам, так называемым старым грамотам, или капитуляциям, будто бы дарованным им султанами, а на самом деле сочиненным в 1772 году⁶⁶.

Утверждение Франции в низовьях Дуная как наиболее влиятельной державы имело все шансы на успех, учитывая преклонение перед нею унионистов. Но стоило бы Орлову примкнуть к настроенному в пользу сепаратизма княжеств большинству, к Турции, Великобритании и Австрии, сама идея образования единой Румынии канула бы в Лету. Орлов выступал ключевой фигурой, решение вопроса в ту или иную сторону зависело от его позиции. Но подать голос в пользу сепарации означало бы пустить австрийского козла в румынский огород и поставить под угрозу краха всю балканскую политику России, начиная с Петра и Екатерины. Вена хотела иметь дело со слабыми и разрозненными соседями, чтобы доминировать в регионе, Петербургу надлежало дать отпор подобным притязаниям. Опасность надвигалась и со стороны Франции, но она представлялась меньшим злом.

И еще одно соображение, может быть самое главное, следовало учитывать отечественной дипломатии. Предстояла борьба за умы и сердца балканских христиан. Самодержавию надо было обновлять весь арсенал применявшихся средств воздействия, поскольку политика с позиций силы изжила себя, утрата права покровительства по религиозной линии до предела сузила возможности маневра. Следовало не отчуждать балканцев, не считаясь с их волей, а «сохранять и укреплять узы симпатии и любви, которые соединяют нас с христианами Востока, обеспечить им благосостояние, материальное, моральное и религиозное развитие, возможное в существующих обстоятельствах, подвигнуть их, наконец, постепенно к жизни социальной и политической — таков ход событий, диктуемых нашими интересами». Так размышлял новый министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, единственный в истории Российской империи государственный муж, являвшийся не только главой ведомства, но и архитектором нового внешнеполитического курса. Его единомышленник, наш старый знакомый П.Д. Киселев, назначенный послом в Париж, вторил министру: «Против желаний населения не следует выступать без очень веских оснований»⁶⁷.

Противиться в создавшихся условиях образованию единой Румынии значило подрывать под корень слабое еще древо новой балканской политики России. Орлов, в общей форме, высказался в пользу унии. В плане тактическом его положение облегчалось тем, что в решениях конгресса термин уния не фигурировал, в них говорилось о выработке государственного статуса княжеств, для чего предполагалось созвать в Яссах и Бухаресте чрезвычайные собрания (диваны *ad hoc*) с представительством в них всех слоев населения, включая крестьян⁶⁸. Глава МИД Франции А. Валевский заговорил о необходимости считаться с пожеланиями населения. Горчаков назвал подобный подход соломоновым решением: следует поддержать то, за что выскажутся сами румыны. Никакого вмешательства в их дела, навязывания им чужой воли, никакой отсебятины — так впредь должна поступать Россия, ориентироваться и опираться следует на подтвержденные конгрессом автономные права Молдавии и Валахии. В инструкции возвращенному в Константинополь посланнику А.П. Бутеневу говорилось: «Россия не говорит ни да, ни нет объединению», у нее нет предвзятых мнений», «она придерживается духа и буквы» договора, нужды населения подлежат изучению⁶⁹. Министр слегка лукавил: из донесений консулов с мест он знал о настроениях жителей и сознавал, что консультироваться с ними — значит предопределять решение в пользу унии Молдавии и Валахии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Cecil Gw. Life of Robert Marquis of Salisbury. V. 2. L., 1924. P. 123; *Seton-Watson R.W.* Britain and Europe. Cambridge, 1939. P. 349; *Clayton G.D.* Britain and the Eastern Question. L., 1971. P. 121; *Barker A.J.* The Vainglorious War. L., 1970; *Gibbs R.* The Crimean Blunder. L., 1960

2 Byrne L.G. The Great Ambassador. Ohio State University Press, 1964. P. 24

3 Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. Приложения. С. 363

4 См. главу: Союз и соперничество антагонистов

5 *Trjubetzkoj A.S.* The Road to Balaklava. Toronto, 1986. P. 49; Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 409–425

6 Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 396

7 *Mange A.E.* The Near Eastern Policy of Emperor Napoleon III. Urbana, 1940. P. 25

8 *Goldfrank D.* The Origins of the Crimean War. N. Y., 1994. P. 192, 172

9 *Macqueen J.* The War. Who is to Blame. L., 1854. P. 59

- 10 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 409, 415; *Parliamentary Debates (PD)*. 3-rd Ser. V. 130. P. 1264
- 11 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 429
- 12 *Bapst E.* Les origins de la guerre de Crimée. P., 1912. P. 377; *Curtiss J.L.* Crimean War. Durham, 1970. P. 136; *Rich N.* Why the Crimean War. The Cautionary Tale. Hanover; L., 1986. P. 56
- 13 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1853. Д. 50. Л. 297–299. Подробнее о переговорах, предшествовавших Крымской войне, см.: *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009
- 14 *Шидлинг А., Цвинглер В.* Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 433
- 15 *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 262
- 16 *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. L.; N. Y., 1936. P. 275; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1292. № 6. Л. 74, 80
- 17 Восточный вопрос во внешней политике России М., 1978. С. 135
- 18 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1853. Д. 50. Л. 241; *Maxwell J.T.* Life and Letters of G.W.F. Clarendon. V. 2. L., 1913. P. 127
- 19 *Temperley H.* Op. cit. P. 361–362
- 20 *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 327
- 21 *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. Приложения. С. 643–644
- 22 *Maxwell J.T.* Op. cit. P. 41
- 23 PD. V. 130. P. 573
- 24 *Barker A.J.* Op. cit. P. 125
- 25 *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970. P. 79
- 26 *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 21, 242, 49
- 27 *Maxwell J.T.* Op. cit. P. 41
- 28 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 1. Приложения. С. 547–548
- 29 Там же. Т. 2. Приложения. С. 603
- 30 *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. М., 1959. С. 107, 108
- 31 PD. V. 130. P. 1798–1799, 1800–1802, 1803
- 32 Ibid. P. 597, 604–605, 610
- 33 *Temperley H.* Op. cit. P. 75
- 34 *Kingslake F.W.* The Invasion to the Crimea. V. 1. L., 1863. P. 433
- 35 *Barker A.J.* Op. cit. P. 125; *Judd D.* The Crimean War. L., 1975. P. 117
- 36 Ibid. P. 121
- 37 Ibid. P. 129; *Barker A.J.* Op. cit. P. 207–208
- 38 PD. V. 136. P. 980–981

- 39 *Maxwell J.T.* Op. cit. P. 101–104
- 40 *Дубровин Н.Ф.* 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005. С. 188; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 359. По другим данным потери союзников под Севастополем составляли 73 тысячи солдат (История СССР. Т. IV. М., 1967. С. 554).
- 41 PD. V. 141. P. 2047
- 42 *Mange A.E.* Op. cit. P. 45; PD. V. 141. P. 2047
- 43 PD. V. 141. P. 225–226, 1969
- 44 *Погодин М.Н.* Комментарий к Парижскому трактату. *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 343, 342
- 45 *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 97
- 46 PD. V. 141. P. 1973, 1987–2009, 2065
- 47 Ibid. P. 129; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 353
- 48 PD. V. 141. P. 127, 126, 1958
- 49 *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 352
- 50 *Bourne K.* Op. cit. P. 80; *The Cambridge History of British Foreign Policy.* Cambridge, 1923. V. 2. P. 357–358
- 51 PD. V. 141. P. 1963
- 52 *Werth G.* Der Krimkrieg — Geburtsstunde des Weltmacht Russland. Erlangen etc., 1989. S. 327–331
- 53 *Шидлинг А., Цвинглер В.* Указ. соч. С. 433
- 54 *Boicu C.* Austria si Principatele Române în vremea războiului Crimeei. București, 1972. P. 97
- 55 Ibid. P. 159, 110
- 56 *Iordache A.* Principatele Române în epoca modernă. V. 2. Bucuresti, 1998. P. 165
- 57 *Boicu L.* Op. cit. P. 122
- 58 *Vianu A.* Relațiile franco-ruse în problema unirii // Studii. 1959. № 1. P. 196–197
- 59 Acte și documente relative la istoria renașterii României. V. 9. București, 1901. P. 5–8; V. 4. București, 1899. P. 1028; *Boicu L.* Op. cit. P. 158
- 60 АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1856–1858. Д. 77. Л. 264
- 61 PD. V. 129. P. 1778
- 62 *Boicu L.* Op. cit. P. 132
- 63 *Stan A. I.C.* Brătianu. București, 1993. P. 551, 56–57, 65; 64; *Fotino E.* Din vremea renașterii naționale a Țării Românești. V. 4. București, 1939. P. 139
- 65 *Oțetea A.* Insemnăitatea istorica a Unirii // Studii. 1959. № 1. P. 30
- 66 История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 190
- 67 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 54; Ф. Канцелярия. 1857. Д. 443. Л. 54
- 68 Le Nord. Supplement au numero du 1 mai 1856. Prot. N 6. P. 7
- 69 АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1856. Д. 609. Л. 5; Ф. Консульство в Бухаресте. 1856. Д. 43. Л. 138–149

РОССИЯ: КУРС НА ОСВОБОЖДЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

ВЫСОКАЯ ПОРТА У РАЗБИТОГО КОРЫТА ЕВРОПЕИЗАЦИИ

15 (27) апреля 1856 года Александр II подписал рескрипт о назначении на пост министра иностранных дел князя Александра Михайловича Горчакова, минуя часто встречавшийся испытательный срок в должности управляющего ведомством; произошла не смена руководства, а смена вех в политике. Именно Горчаков разработал и проводил новый курс в политике, а император его одобрял (формула «Быть по сему» на полях депеш, введенная Екатериной II). Позже случались отступления, компромиссы, сделки. Но в трудную «послекрымскую» эпоху, в условиях угрожавшей стране международной изоляции, постулаты новой внешнеполитической концепции вырабатывались без оглядки на то, что кто-то отшатнется, а другой обидится, и так все «союзники» николаевских времен разбежались. Был произведен суровый, нелицеприятный, без всяких попыток смягчить ситуацию анализ: «Великобритания в Черном море и на Балтийском, у берегов Каспия и Тихого океана — повсюду является непримиримым противником наших интересов и всюду самым агрессивным образом проявляет свою враждебность». Вена столько навредила и напакостила во время войны, что габсбургская дипломатия воспринималась как некое исчадие ада. Ее мечта — стать российской наследницей в Юго-Восточной Европе, утвердиться в Молдавии и Валахии и установить контроль над судоходством по Дунаю¹. Рассорившись с Россией, находясь в натянутых отношениях с Францией, соперничая с Пруссией по германским делам, Австрия бросилась в британские объятия и «смирненно воспринимает высокомерный патронаж Лондона». Появилась формула «сателлит» для характеристики ее позиции в тандеме с владычицей морей. «Полное уничтожение плодов вековой нашей деятельности» на Востоке, абсолютное порабощение христиан и увековечение угнетательского режима при преобладании Австрии и Англии являются их целью»².

Пруссия в ходе войны пробалансировала на грани нейтралитета, и государь был склонен высоко оценивать позицию дядьев, короля Фридриха Вильгельма IV и принца Вильгельма, и склонялся к тесному сотрудничеству с родственным берлинским двором. Горчаков его симпатий не разделял: Пруссия тогда — слабейшая из великих держав. Перед Берлином стояла задача объединения Германии, что предвещало неизбежные схватки с Австрией и Францией. Балканские дела пока что — на периферии его забот. Надежд на то, что Гогенцоллерны ринутся в них без оглядки, да еще на защиту российских интересов, — никаких. Альянс с Пруссией на этой почве представлялся Горчакову прыжком в никуда.

А дела следовало совершить великие — сбросить с себя тяжкие вериги Парижского договора, возродить флот на Черном море, вернуть Южную Бессарабию и влияние на Балканах. Поскольку англо-франко-турецко-сардинское вторжение в Крым произошло ради подрыва позиций России в Европе и ее положения великой державы, предстояло поставить крест на этих расчетах. Осуществить эту программу было под силу лишь обновленной державе. Предстояло сломать всю систему экономической и социальной жизни, построенную на крепостном праве, выбраться из ямы глубокой финансовой задолженности, покрыть страну сетью железных дорог, перевооружить, переучить и реорганизовать отсталую армию, восстановить военный флот, частично затопленный в Севастопольской бухте, а большей частью состоявший из устарелых парусных судов. И все это — не прибегая к последнему доводу королей, к войне, — тогда на Россию, употребляя выражение Александра II, вновь опрокинулась бы вся Европа, единая в своем антагонизме к ней, как то случилось недавно. Россия нуждалась в длительном, прочном, устойчивом мире, обеспечить который мог только отказ от всяких экспансионистских поползновений, преодолеть системную отсталость страны в условиях военного лихолетья невозможно.

Основные установки внешней политики страны выглядели предельно четко: нам «не нужны завоевания, мы не собираемся оказывать давления на соседей, мы чужды амбициозных планов какого-либо преобладания, мы не вмешиваемся в чужие дела, мы хотим жить в своей стране, облагоустроенной и развивающейся в духе высоких мыслей, выраженных императором со дня его восшествия на престол». Горчаков писал о территориальной насыщенности страны: «Территориально Россия достигла апогея могущества. Всякий вершок земли, к ней присоединенный, нас ослабляет. Все это видно простым взглядом»³.

21 августа (2 сентября) 1856 года министерство разослало посольствам и миссиям циркулярную депешу, содержавшую фразу, ставшую знаменитой: «Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Депеша, по сути дела, являлась декларацией принципов и прозвучала похоронным звоном по традициям Священного союза в политике: «Обстоятельства вернули нам полную свободу действий». Отныне предстояло не о солидарности монархов заботиться, а национальные интересы отстаивать. «Император решил предпочтительно посвятить свои заботы благосостоянию подданных и сосредоточить на развитии внутренних сил деятельность». Усилия министерства должны быть направлены на создание внешних условий для проведения преобразований. Им безоговорочно отводилась главная роль в государственных заботах. И сохранение мира должно было послужить «твердой отправной точкой для восстановления отношений, основанных на уважении прав и обязанностей правительств»⁴. А.М. Горчаков во всех своих ипостасях — министра, вице-канцлера, канцлера — всегда подчеркивал приоритетность задач обновления страны.

В декларации, предназначенной для распространения за рубежом, следовало проявлять сдержанность: не разоблачать же в ней до исподнего внешнеполитические экзерсисы государя Николая Павловича, не заниматься же самобичеванием. Полный, острокритический анализ ситуации содержали документы, предназначавшиеся для внутреннего пользования, в первую очередь годовые отчеты министерства: «Долгое время императорский кабинет был скован традиционными воспоминаниями и интимными связями, которые лишь для него одного оставались священными». Горький опыт прошлого не должен повисать петлей на будущем, «дальнейшая привязанность к традиционным симпатиям способна скомпрометировать самые насущные наши интересы». Следовал вывод: «Моральные и материальные интересы России, столь часто использовавшиеся в чуждых нам видах, отныне должны быть устремлены исключительно на благо и величие народов, ей доверившихся». А для того нужна прежде всего стабильность на границах страны, «сохранение мира в Европе является неотъемлемым условием наших внутренних преобразований»⁵. Последняя фраза предельно кратко характеризовала суть послекрымского двадцатилетия в истории России: мир на рубежах — рывок отечества к прогрессу.

Одной против всех обеспечить успех предстоявших свершений не представлялось возможным, партнер нужен был как воздух. Вступить в переговоры с кабинетами Англии, Австрии и Турции не имело смысла, сотрудничество с прусским не могло придать российской по-

литике должной ударной силы, Сардиния, даже после округления ее владений и превращения в Италию, слыла державой второго, если не третьего ранга. Выбора не существовало, оставалась Франция.

Обе страны были прикованы к Парижскому договору 1856 года, Россия — как узник, заинтересованный в его отмене, Франция — как тюремщик, пребывающий на страже. Но все же российские интересы были попорчены в районе Черного моря и Балкан, где они в меньшей степени сталкивались с французскими, нежели с британскими, австрийскими и турецкими. Поведение Наполеона на конгрессе внушало некоторый оптимизм. В 1856 году маленький Бонапарт еще не расцвел во всей своей красе. Уста его молочного брата графа Ш.О. Морни, назначенного послом в Петербург, источали мед и сахар. Понадобилось какое-то время, чтобы явью стали замыслы его патрона о перекройке карты Европы и исчезновении на ней следов от договоренностей 1814 и 1815 годов.

Существовали веские причины, побуждавшие парижского парвеню к сближению. Вынашиваемые им планы установления границы по Рейну встречали резкий отпор со стороны Англии и Пруссии, а Габсбургская монархия не желала расставаться со своими владениями в Италии. Почему бы не воспользоваться клокотавшей в России ненавистью к венской предательнице, чтобы расправиться с нею беспрепятственно, а то и при содействии русского медведя?

Самодержавию не пришлось ломать голову над тем, как выйти из изоляции. Сбылись слова Екатерины Великой: Европа больше нуждалась в России, чем Россия — в Европе. Неприятельская коалиция развалилась на самом конгрессе. Первым соискателем на свидание с Александром выступил Бонапарт. Зашевелился княжеский муравейник в Германии — кому выпадет честь устраивать свидание двух императоров? За дело взялись братья царицы Марии Александровны, принцы Дармштадтские, но дорогу им перебежал вюртембергский король (если это слово применимо к 70-летнему старцу). Встреча состоялась в Штутгарте в 1857 году и обернулась разочарованием для российской стороны.

Нейтралитет России в готовившейся схватке с Австрией Франции был обеспечен, выручать изменницу из беды Петербург не собирался, но в Париже мечтали о большем и предлагали самодержавию при наступлении войны порвать дипломатические отношения с Веной и сосредоточить на австрийской границе 150-тысячную армию. Другой вариант предусматривал его участие в войне, согласие на образование в Северной Италии государства с 10-миллионным населением, на присоединение к Франции Савойи и Ниццы и придание Венгрии

независимого статуса. В таком случае Россия могла рассчитывать на присоединение Галиции (о чем в Петербурге не помышляли). За все это Наполеон в общих выражениях обещал поддержку в изменении условий трактата 1856 года относительно нейтрализации Черного моря (но не их отмену)⁶. В выдаче авансов Бонапарт был не то что расчетлив, а скареден; затеявая большую войну, он предлагал самодержавию прицепиться к его колеснице и способствовать его превращению в европейского гегемона.

Все это полностью расходилось с геостратегической концепцией России: поддержание длительного мира, необходимого для осуществления реформ, которые — и только они — могут обеспечить ей достойное место среди держав. Горчаков предложил Второй империи немедленно отказаться от гарантии нейтрализации Черного моря (что означало отмену Парижского трактата). Из Тюильрийского дворца пришел отказ. Что же, размышлял Горчаков, подводя итоги переговоров, — России за участие в войне с непредсказуемым исходом предложили ненужную ей Галицию; что же касается условий 1856 года — «эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету»⁷. Ввязываться во вспыхнувшую в 1859 году войну самодержавие не стало и ограничилось благожелательным нейтралитетом. Осуществить далекоидущие планы Бонапарту не удалось. Россия ему в военной поддержке отказала, Пруссия перебросила ближе к Рейну три корпуса войск, британское правительство объявило, что не допустит нарушения Венской системы договоров. Наполеон поскромнел и после первой же значительной победы при Сольферино пошел на заключение перемирия, а потом и мира. Габсбургам пришлось отказаться в пользу Пьемонта (Сардинии) от Ломбардии, но удалось сохранить за собой Венецию. Пьемонт расстался с Савойей и Ниццей, передав их Второй французской империи. Ради формы в графствах был проведен референдум. В Лондоне резко отреагировали на «приобретения», королева Виктория негодовала: «Мы кругом обмануты; возвращение к английскому союзу, всеобщий мир, уважение договоров, торговое братство — все это личина, чтобы прикрыть перед Европой политику разбоя»⁸.

Выводы были сделаны и в Петербурге. В отчете МИД за 1861 год говорилось: Россия «не питает ни иллюзий, ни доверия к практической ценности Антанты с императором французом»; «наше согласие с Францией должно основываться на полной взаимности, цепи мы принять не можем». И следовали жалобы на «авантюристические аллюры его (Наполеона. — *Авт.*) политики», «на двойную игру» и «фантазии его окружения»⁹.

Еще в 1857 году, после настойчивых просьб со стороны императора Франца Иосифа, смахивавших на домогательство, состоялась его встреча с Александром II. Кайзер выражал желание возобновить дружбу на испытанных охранительных началах, ведь Россию и Австрию разделяет лишь «несчастный» восточный вопрос. Ему ответили, что для Петербурга онный вопрос важнее всех прочих вместе взятых. На том «переговоры» и завершились.

* * *

В такой отнюдь не благоприятной обстановке Горчаков приступил к подкопу под постылые для России статьи Парижского трактата. Как это ни странно звучит, но он опирался на некоторые положения того же договора и на февральский 1856 года хатт-и-хумаюн. Быстро обнаружилась близорукость западных миротворцев, пытавшихся поставить на ноги Османскую империю скроенными на европейский лад реформами. На пути их осуществления стояли могучие препоны — традиции мусульманского превосходства над «неверными», заинтересованность в сохранении существовавшей рутины влиятельных сил — пашей, живших за счет управляемых, чиновников, обиравших население, солдаты разных рангов, включая генеральские, грабивших вечно «бунтовавшие» провинции, тучи духовенства, не желавшего отступать от буквы Корана. Мусульманская масса отвергала принцип равноправия с ней прежней райи.

На 1860–1870-е годы приходится виток турецкого реформизма, связанный с движением новых османов. В стране, полагали они, проживает только одна нация, османская, объединяющая людей разной крови, языка, религиозной принадлежности и менталитета¹⁰. С подобным идеологическим багажом нечего было и думать о контактах с набиравшим силы национальным движением христианских народов. Становиться османами они не желали, иноземному и иноверческому гнету никогда духовно не подчинялись, в их исторической памяти не угасали и звали к борьбе образы прошлого — королевства неманичей у сербов, двух Болгарских царств, Византийской империи у греков, княжения Штефана Великого и Михая Витязя у молдаван и валахов, подвигов Скандербеге у албанцев. Османская империя была им не матерью-родиной, а злой мачехой. Века гнета, унижений и кровавых расправ встали непреодолимым барьером между ними и Высокой Портой. Прогресс в Турции мог осуществляться не по общеимперскому шаблону, а только разными путями в мусульманских и христиан-

ских областях. Каждый шаг в расширении своих прав православное население использовало для подрыва власти Высокой Порты.

* * *

А.М. Горчаков не верил в целебные свойства прописываемых Турции западными державами политических медикаментов. Он понимал, что российские партнеры, сооружая подпорки разваливающейся османской громаде, загоняют историю в тупик: «Восточный вопрос, несмотря на потоки крови, в которые он обошелся Европе, более чем когда-либо далек от решения». Россия никогда не смирится и не подчинится навязанным ей условиям, но пока что не может бросить вызова победителям; задача кабинета — «подготовиться к благоприятному шансу, когда проблема встанет перед Европой в решающей стадии»¹¹. А пока надлежит ратовать за всемерное расширение прав христианских народов.

Горчаков был уверен в провале затеянных западными державами реформ: «Оттоманская империя сегодня более слаба и поработана, чем когда-либо. Реформы, которые должны вывести ее на уровень европейской цивилизации, неохотно предоставленные и принятые с отвращением как турками, так и райей, могут добавить лишь новые элементы распада к тем, что уже изнуряют империю»¹². Вскоре последовала констатация: торжественно провозглашенные реформы не оправдали возлагавшихся на них надежд, администрация, особенно в отдаленных провинциях, занимается вымогательствами, назревают кровопролитные конфликты¹³. Даже в Лондоне приходили к мысли, что балканцы жаждут сбросить с себя вериги зависимости и сравнивали долголетние усилия Форин-офис по сохранению статус-кво в Юго-Восточной Европе со схваткой Дон Кихота с ветряными мельницами. По мнению члена парламента Д. Андерсона, «бороться за Турцию значит бороться за империю тирании, жестокости, рабства и всех тех пороков, что отвратительны нашему народу»¹⁴. Но то были отдельные голоса, дипломатия же продолжала катиться по накатанной дорожке.

В завершение всех бед Турция в окружении покровителей докатилась до суммы. Займов понахватали, где только можно. Государственный долг к 1873 году достиг фантастической по тому времени суммы в 5,3 миллиарда франков, из 380 миллионов годового дохода 300 требовалось выплачивать по процентам и в счет погашения¹⁵. Появился Оттоманский банк с англо-французским капиталом. Прави-

тельство утратило контроль над финансами. В 1870-е годы произошло банкротство державы.

* * *

Гласно Горчаков выступал лояльным поборником хатт-и-хумаюна 1856 года и обозначенных в нем прав христианского населения, что предоставляло возможность надзора за местной администрацией, о чем министр и наставлял консулов: «на правовой базе хатт-и-хумаюна» они должны способствовать объединению народов на почве осознания «приобретенных прав, действуя, однако, с осторожностью, дабы не спровоцировать преждевременно волнений, и заботливо сообразовывая свое поведение с духом мирного договора»¹⁶. В соблюдении Парижского трактата Горчаков обрел рычаг давления на Высокую Порту и, как быстро обнаружилось, на ее западных покровителей, не собиравшихся строго следовать ни букве, ни духу своего деяния.

Обратимся к конкретике.

Первый удар по трактату нанесли его горячие поборники, румынские унионисты. На самом конгрессе А. Валуевский сочинил небылицу, будто уния Дунайских княжеств будет способствовать укреплению Османской империи. Никто этой басне не поверил, великий везир Али-паша заявил, что румыны, добившись объединения, возмечтают о независимости и он сам, будь румыном, помышлял бы о том же.

Борьба за унию переместилась на румынскую почву. Немалый административный ресурс, которым располагала Высокая Порта, был брошен на чашу весов сепаратизма. Во главе управления княжествами стояли назначенные султаном наместники (каймакамы). Цель заключалась в том, чтобы добиться избрания в состав чрезвычайных собраний (диванов *ad hoc*), призванных выразить пожелания населения, заведомых противников унии. Имена сторонников объединения вычеркивались из списков избирателей, полиция устраивала в их домах обыски, их запугивали, некоторых подвергли аресту под надуманными предлогами. Особый произвол властей царил в Молдавии — здесь сторонников раздельного существования княжеств насчитывалось больше, чем в Валахии. Многие жители боялись, что объединение обернется присоединением княжества к более населенной и сильной соседке. Крупные бояре опасались быть отодвинутыми на второй план в новом государстве, купцы и яские горожане полагали, что с перенесением столицы в Бухарест их город захиреет, представители интеллигенции не одобряли латинизаторских увлечений унионистов

в языке, в молдавских городах власти выводили на улицы военные и полицейские силы, дабы продемонстрировать правительственные ресурсы. В селах, среди поголовно неграмотных крестьян, велся «сбор подписей» в поддержку власти, каждый должен был приложить к бумаге обмакнутый в чернила палец, рядом с чернильницей для убедительности лежали розги.

Поскольку обращаться к властям с протестами было бессмысленно, унионисты решили бойкотировать выборы и просили защиты у комиссаров держав. Представители Франции и России их поддержали. Каймакам проигнорировал их демарш, заявив, что обязан реагировать лишь на акцию держав в полном составе, а в данном случае британец и австриец, не говоря уже о турке, «не замечали» творившегося произвола. Сепаратисты одержали «победу» на выборах в диван, ибо оппозиция их бойкотировала.

Естественно, что о творившихся в Молдавии безобразиях стало известно посольствам и миссиям держав в Константинополе. Скандал принял международный характер, к А.П. Бутеневу и К.Э. Тувенелю присоединились их коллеги, представлявшие Пруссию и Сардинию, нарастало движение за объединение Италии и Германии, симпатии общественности этих стран принадлежали их румынским единомышленникам. Четыре дипломата выступили с протестом против фальсификации выборов в Молдавии и потребовали их отмены. А.М. Горчаков позволил себе слегка помечтать: на румынской почве развалится остатки воевавшей против России коалиции.

4 августа 1857 года Тувенель, по согласованию со своими коллегами, объявил о разрыве дипломатических отношений с Высокой Портой. В тот же день затребовали свои паспорта Бутенев, пруссак и итальянец. Мир замер: что же произойдет?

А ничего...

Перебравшийся было на борт посыльного судна «Аяччо» Тувенель, покачавшись несколько дней на волнах Мраморного моря, вернулся в посольский особняк. Наполеон решил, что зашел в размолвку с Великобританией слишком далеко, а сам посол считал, что операция осуществлена шиворот-навыворот, следовало сперва договориться с британцами о пределах допустимого самовольства и лишь потом действовать. Кабинет ее величества был по горло занят подавлением великого восстания в Индии и тоже не жаждал ссоры с наполеоновским режимом. Император со свитой навестил королеву Викторину в городе Осборн на острове Уайт, ее любимом месте летнего отдохновения.

Королева и принц-супруг Альберт удалились со сцены после первых же бесед протокольного характера, переговоры вели премьер-

министр Г.Д. Пальмерстон и глава Форин-офис Д. Кларендон. В достигнутой договоренности предусматривалось, что Молдавии и Валахии следует обзавестись одинаковыми законами и сходными учреждениями. Эта процедура объявлялась административным объединением княжеств. Каждое из них сохраняло своего господаря, законодательное собрание, армию, административную и судебную системы. Боярство подлежало ликвидации, прежнее сословное представительство в законодательных собраниях заменялось высоким имущественным цензом. По замечанию А.Дж.П. Тэйлора, Франция в Осборне дезавуировала свою политику. Сепарация Молдавии и Валахии сохранялась.

А.М. Горчаков назвал англо-французскую сделку ошуткуативанием старого здания, Александр II расценил ее как комедию: «Император Наполеон во время своих переговоров в Осборне совершенно отказался от плана политического объединения Молдавии и Валахии», — гласила официальная оценка. Сходные формулировки встречались в австрийской дипломатической переписке, которая регулярно и успешно расшифровывалась в ведомстве на Певческом мосту¹⁷. Маленький Бонапарт не только предал своих восторженных румынских поклонников, но и надул правительства России, Пруссии и Сардинии.

Единственной уступкой с британской стороны явилось согласие на отмену фальсифицированных выборов в Молдавии. В Стамбуле соответствующий «совет» британского посла был немедленно принят к исполнению. Повторять прежнюю инсценировку с голосованием ни у Высокой Порты, ни у местных сепаратистов не было ни сил, ни возможностей. Унионисты в новом собрании получили большинство голосов. Диваны в Яссах и Бухаресте выработали пожелания столь сходные, что рождалась мысль о тесном контакте между их членами. И главным в обеих программах значились пункты об объединении двух княжеств в государство под именем Румыния, о приглашении на престол иностранного принца, о введении в стране наследственной монархии. Оставалось добиться поддержки пожеланий со стороны держав-гарантов.

10 (22) мая 1858 года их представители собрались на совет в Париже. Наполеоновский режим оказался в щекотливом положении, официально ведь совершенная в Осборне капитуляция не признавалась, проправительственная печать трубила о галльском торжестве на встрече. Валевский прибег к нехитрой уловке: он выступил с предложением о действенной унии Молдавии и Валахии, российский посол П.Д. Киселев, наш старый знакомый, возглавлявший управление княжествами после Адрианопольского мира, поспешил его поддержать.

Но сам Валевский, натолкнувшись на «непреодолимое сопротивление оппонентов», отказался от своей инициативы. В деловом плане конференция обсуждала принятые на острове Уайт решения. Киселев приложил все усилия, чтобы в подготавливаемой конвенции в возможно более полной степени были обрисованы автономные права княжеств, чему были посвящены два его меморандума. Он отбил вылазку британца Г. Каули, поддержанного Фуадом-пашой. Они предложили впредь допускать ввод в Молдавию и Валахию османских войск с согласия большинства держав. Киселев настоял на том, чтобы и впредь подобная акция могла осуществляться лишь с единогласной санкции всех гарантов. Неизбежное вето с российской стороны превращало это «право» Порты в чистейшую фикцию. В остальном принятая державами конвенция сохраняла разделение княжеств. Общими становились лишь кассационный суд и центральная комиссия для выработки общих законов, подлежавших утверждению порознь в Яссах и Бухаресте. Присвоенное княжествам название — Соединенные — действительности не соответствовало.

А далее произошло нечто, державами не предвиденное. Унионисты воспользовались прописанным в международном акте правом на полное внутреннее самоуправление, чтобы дать отпор турецким попыткам вмешаться в процедуру избрания князя. В Молдавии османского уполномоченного лишили даже права использовать шифр в переписке — оным правом располагают лишь иностранные дипломаты, а никак не уполномоченные собственного монарха. В январе-феврале 1859 года на престолы в Яссах и Бухаресте было избрано одно и то же лицо (в обоих случаях единогласно) — полковник Александру Ион Куза.

Державы были застигнуты врасплох, подобного казуса они не предвидели и запретить его не догадались. Налицо было нарушение не буквы конвенции 1858 года, а ее сепаратистского духа. В концерте держав царил раздор, Франция и Россия без лишнего шума согласились с проявленным самовольством, не в правилах отечественной дипломатии было совать палки в колеса национальных движений на Балканах, вызов Парижскому договору можно было только приветствовать. Консул в Бухаресте Н.К. Гирс с удовлетворением отмечал реакцию общественности на занятую Россией позицию: «Нас с французами возвышают до небес. Возвращаясь вчера вечером из общего собрания, я едва мог проехать сквозь толпу, которая меня долго преследовала с криками „ура“ за Россию»¹⁸. А дипломатии Австрии, Турции, Великобритании было не до строптивых румын. В том же 1859 году произошла австро-французская война. Переговоры между державами возобновились после разгрома габсбургской армии, венское

ведомство иностранных дел присмирело. Угнетали не только неудачи на поле боя, но и дел внутренние. В Пеште в 1859 году произошла демонстрация «в честь» австрийских поражений, в Праге случилось нечто невиданное — братание жителей с солдатами-венграми стоявшего там полка. Волей-неволей приходилось притушить активность на Балканах, следовало разобраться с домашними делами. В январе 1862 года князь А.И. Куза с санкции держав назначил в Соединенных княжествах общее правительство и открыл сессию единого парламента. Личная уния превратилась в государственную. Родилась Румыния. Все это означало серьезный прокол в системе Парижского договора и в доктрине статус-кво, предусматривавшей сохранение турецкой власти на Балканах.

Наступила пора скоропалительных реформ, и все — на французский лад. Уездные исправники превратились в префектов, армейские поручики — в лейтенантов. В городах появились муниципалитеты, вступил в силу гражданский кодекс (в основу положили кодекс Наполеона), провозгласили свободу печати и собраний, объявили о всеобщем бесплатном начальном образовании (сказать, что его ввели, не поворачивается язык, ибо закон остался на бумаге). Возросшая численно армия выкачивала деньги из бюджета, расплодившееся чиновничество брало взятки и казнокрадствовало не хуже прежнего боярства. Один засушливый год сменялся другим, деревня бедствовала, земельный вопрос оттеснил все прочие на второй план.

В 1863 году сравнительно легко прошла секуляризация монастырских земель, составлявших около четверти пахотных угодий. В следующем году открылся Бухарестский университет. Письменность с кириллицы переводилась на латинский алфавит, что преподносилось как приобщение к западной цивилизации.

В годы борьбы за унию вопрос об объединении княжеств оттеснял все прочие на периферию, и все ходили в прогрессистах. Настали другие времена, помещики стеной встали против реформы. Попытка князя А.И. Кузы провести через парламент умеренный закон провалилась. Либеральный министр М. Когэлничану тщетно урезонивал депутатов: «Не требую для наших крестьян больше того, что император Александр II и русское дворянство сделали для рабов, для крепостных». В ответ его обвинили в том, что он идет по пути братьев Грахов, Томазо Компанеллы, Сен-Симона и прочих чудищ. Куза решил на государственный переворот — распустил палату депутатов, снизил имущественный ценз для избирателей. В 1864 году аграрный закон вступил в силу¹⁹. Крестьяне за большой выкуп получили участки земли, площадь которых зависела от наличия у них рабочего скота (за-

житочные — 4 быка, середняки — 2, бедняки — 1 или только рабочие руки). Наибольшие по размеру наделы получили жители отторгнутой у России Южной Бессарабии, затем следовала Молдавия, и наименьшими они были в Валахии²⁰. По тогдашним подсчетам, крестьянской семье, чтобы покрыть все нужды, был необходим надел в 5 гектаров. Обладателями такого участка стали лишь зажиточные и частично середняки, всем остальным пришлось идти на поклон к «боярину», как традиционно именовали помещика, с просьбой об аренде земли или наниматься на работу. Наделение производилось в значительной степени за счет государственного фонда, помещики сохранили более двух третей имевшихся у них площадей, что не помешало им назвать реформу «химерой с головой голубя и телом змеи». Крупные землевладельцы в массе своей отвернулись от господаря-реформатора.

В 1865 году засуха выжгла поля, а поборы с крестьян взимались беспощадно, даже с помощью полицейской и воинской силы. Российский консул в Яссах Н.Н. Лекс сообщал в октябре: «Экзекуции крестьянского населения Молдавии продолжаются... Положение царя самое плачевное. Урожай хлебов нынешнего года был совсем плохой, сена вовсе почти нет, скот продается нипочем, — а между тем подати страшные; все заставляет бояться серьезных беспорядков»²¹. Престиж князя в деревне падал. Терял он поддержку и в кругах либеральной и радикальной буржуазии, среди сторонников парламентского режима. Куза же проявлял склонность к личной власти, не останавливался перед преследованием прессы за инакомыслие и не жаловал правозащитников. В государственных делах царила неразбериха, да и могло ли быть иначе при укоренившейся министерской чехарде? За 4 года правления князь 21 раз сменил состав правительства. Финансы пришли в полное расстройство, чиновники и офицеры месяцами не получали жалования, пенсионеры — полагавшихся им пособий, кредиторы государства — процентов. Займов нахватили где только можно, и под конец денег не удавалось занять ни на каких условиях. Не способствовала поддержанию авторитета Кузы и его личная жизнь. Бездетная супруга Елена пребывала в забвении и скрывалась в Париже, а он находил утешение в алкоголе и объятиях молодой вдовушки Марии Катарджи-Обренович из сербской княжеской семьи. У любовников появилось двое сыновей, и Куза признал их своими. Распространились слухи: что же ожидает страну в будущем — на троне вместо respectable принца появится человек сомнительного происхождения, бастард?

Зрел заговор. Вечером 10 (22) февраля 1866 года в особняке лидера радикалов К. Росетти гремела музыка, в зале кружились пары, а в отдаленной комнате конспираторы сочиняли манифест об отречении

Кузы. Рано утром группа офицеров беспрепятственно проникла во дворец (начальник охраны состоял в комплоте). Кузе предложили «по желанию всей нации» подписать отречение, что он и сделал. Мадам Обренович разрешили одеться и отправили ее домой.

День 11 февраля изобиловал событиями. Утром изумленные бухгалтерцы узнали из расклеенных объявлений, как они ошиблись в выборе князя: «Анархия, коррупция, нарушение законов — вот принципы его правления». Члены уже образованного наместничества клялись положить все силы на алтарь отечества, отринуть всякие личные побуждения, посвятить себя служению родине.

В тот же день сенат и палата депутатов провозгласили новым князем брата бельгийского короля графа Филиппа Фландрского. Акция оказалась плохо подготовленной, произошел конфуз, избранник отказался от предложенной ему чести, предпочтя спокойную жизнь в Брюсселе ожидавшим его на Балканах испытаниям и тревогам. Пришлось спешно подыскивать нового кандидата. Выбор пал на Карла Людвиг Гогенцоллерн-Зигмарингена, отпрыска младшей католической ветви прусского королевского дома, который по материнской линии находился в родстве с Бонапартами. Принц под чужим именем, со швейцарским паспортом на руках, отправился на пароходе по Дунаю к месту назначения (шла уже австро-прусская война, существовало опасение, что его, как прусского офицера, могли по пути захватить в плен). В Турну-Северине его встретили пушечным салютом и колокольным звоном. 10 (22) мая он принес присягу.

Современники нарекли установившуюся в Румынии власть блока помещиков и крупной буржуазии «чудовищной коалицией» — столь противоестественным представлялся им альянс бывших противников 1848 года и периода борьбы за объединение. Определение прочно вошло в историографию. Лишь сейчас раздаются голоса против него. Сошлемся на П.Е. Микельсона. «Коалиция не была уж столь чудовищной»²². Образовался длительный и прочный союз помещиков и представителей крупной буржуазии, отринувшей революционные грешки своей социальной молодости и перешедшей на охранительные позиции, — альянс, в котором буржуазия постепенно выходила на первый план, управлявший Румынией вплоть до августа 1944 года.

* * *

У румын, пробивших первую брешь в системе Парижского мира, нашлось много подражателей. «Повсюду на Востоке пробуждается

чувство национальности, — уже в 1857 году докладывал из Дунайских княжеств российский комиссар К.М. Базили, — это наш лучший помощник, все эти национальности станут все более и более враждебными константинопольскому режиму»²³. В авангарде мятежников шла маленькая Черногория, не подчинявшаяся Порте и упорно отстаивавшая свою фактическую независимость. Бедность скалистых почв, частые неурожаи порождали мечты о выходе на плодородные равнины, стремление к прорыву к Адриатическому морю для установления торговых связей и вековые традиции — все делало черногорцев постоянно готовыми к походу то ли самостоятельно, то ли вместе с соседями. Краем постоянных волнений являлись Босния и Герцеговина с населением сербского корня и языка, но разделенным по религиозному признаку на православных, католиков и мусульман. В 1857 году восстали герцеговинцы — отказались платить налоги, стали занимать принадлежавшие казне земли, высказались за присоединение к Черногории. Оттуда прибыли 6 тысяч юнаков им в помощь. Консулы России и Франции выступили против вооруженного вмешательства Порты в конфликт. Черногорский князь Данила поставил условием вывода своих добровольцев из Герцеговины присоединение к княжеству некоторых герцеговинских земель, предоставление ему выхода к Адриатическому морю, без чего страна — тело без души, и официальное разграничение между нею и Османской империей, что означало скрытое признание ее независимости. Из Стамбула пришел отказ, и тогда черногорское войско и повстанцы в апреле 1858 года разгромили карателей. А.М. Горчакову при содействии французов удалось предотвратить разгром Черногории, припугнув Высокую Порту вмешательством двух держав в конфликт. Россия и Франция способствовали достижению выгодных для Черногории условий урегулирования конфликта — к княжеству отошел район Грахова и некоторые герцеговинские земли, Порта пошла на налоговые послабления, но к морю пробиться не удалось²⁴.

Умиротворение длилось недолго, попытка Порты восстановить свою власть в Боснии и Герцеговине подняла население на борьбу, черногорцы вновь пришли на помощь. В 1860 году в Австрии при невыясненных обстоятельствах погиб князь Данила. Ему на смену пришел юный Николай. Черногорцы сражались отчаянно, но в их конечный успех А.М. Горчаков не верил — 12 тысячам бойцов, не ведающих даже азов военной организации, плюс 3 тысячам добровольцев из Австрии не под силу одолеть регулярную армию. Туркам ценой больших потерь удалось подавить восстание, театр военных действий подвергся опустошению. И все же, по замечанию одного из россий-

ских консулов, «едва заметная на карте Черногория сделала последнею войною большой пролом в дряхлом здании Турции»²⁵.

Особое внимание ведомство на Певческом мосту уделяло, а военное министерство столь же большие надежды возлагало на Сербию — княжество с населением в 1,2–1,4 миллиона человек, обладавшее международно признанным автономным статусом, включавшим запрет вводить на его территорию османские войска. Оно — и точка опоры России, и центр сопротивления посягательствам на восстановление в регионе турецкой власти, и база для подготовки к ее свержению. Как первый шаг в достижении последней цели предусматривалась ликвидация османских крепостей на сербской территории в Кладове, Смедерове, Шабаце, Соколе, Ужице и твердыни Калемегдан в центре Белграда.

Но предварительно встал вопрос о смещении с престола князя Александра Карагеоргиевича, проводника австрийского влияния. Скупщина свершила сей акт в 1859 году, но возвращенный на пост 80-летний Милош Обренович с его деспотическими замашками российскую дипломатию не устраивал. Старец скончался в 1860 году, так что дипломаты не успели перессориться по поводу его кандидатуры. Его сменил сын Михаил, оставивший заметный след в истории Балкан. Он установил режим личной власти в стране, ввел закон о всеобщей воинской повинности для мужчин в возрасте от 20 до 55 лет, вызвавший нервную реакцию в Стамбуле. Намеченную Горчаковым максимальную программу, предусматривавшую срытие всех турецких крепостей, осуществить не удалось, пришлось ограничиться двумя (Сокол и Ужице), но и Порты не смогла настоять на ограничении численности сербской армии.

Сербы запасались оружием, их эмиссары добрались до Херсона, где им удалось приобрести целый арсенал — 39 200 винтовок и несколько сот сабель; поскольку квитанций об оплате не сохранилось, — видимо, даром. Далее начались чудеса. Министерство иностранных дел России оказалось полностью неосведомленным о состоявшейся сделке. Посыпались протесты турок, к которым присоединились представители Великобритании и Австрии. Караван в несколько сотен телег покатился по румынским дорогам. В Бухаресте российский консул Н.К. Гирс отказывался верить, что оный обоз находится в пути, в чем его тщетно убеждали коллеги. Князь А.И. Куза повел себя молодцом и тоже не заметил транспорта, в Петербурге его поведение сочли твердым и достойным. Господарь получил выговор от Порты, но разыскать обоз так и не сумел, хотя в иных случаях подведомственная ему полиция обнаруживала замечательную зоркость. Арсенал на

колесах благополучно добрался до Белграда. Князь Михаил объявил, что оружие предназначено для армии его государства, преисполненного самых миролюбивых намерений. Так удачно осенью 1862 года завершилась операция по вооружению сербских войск²⁶.

* * *

Немало хлопот европейскому концерту доставляла Греция. Королевство являлось зоной преобладающего влияния «морских держав», Великобритании и Франции. Российской дипломатии оставалось стоять на страже его прав и подчеркивать свое бескорыстие. Знаменитый сентябрьский 1856 года циркуляр А.М. Горчакова содержал требование об уходе англо-французских оккупантов из Афин, что и произошло в следующем году. Греки отметили в сердцах своих заботу о них Петербурга.

Королевство находилось глубоко в долгах перед покровителями. Созданная для их взимания комиссия установила контроль над финансами страны, а заодно и ее управлением (разбирая ее, по словам посланника А.П. Озерова, «по косточкам»). А.М. Горчаков сообщил грекам, что считает нужным позволить им жить собственной жизнью, как им заблагорассудится.

Минуло более четверти века пребывания Оттона на престоле, король так и не приобщился к национальной жизни и опостылел подданным. Кризис наступил в 1862 году. Монарху взбрела в голову незадачливая мысль — объехать вместе с супругой Амалией владения и попытаться возбудить у населения добрые к себе чувства. Его ожидал полный провал. В городах выходили из повиновения гарнизоны. В октябре в Афинах вспыхнуло восстание под лозунгом свержения Оттона, созыва Национального собрания, «организации государства» и избрания нового монарха. Собравшаяся на пристани Пирея толпа не позволила королевской чете сойти на берег. Ни одного голоса не прозвучало в их поддержку. Посланники держав на редкость дружно признали свершившийся переворот. В адрес А.П. Озерова не раздалось окрика из Зимнего дворца, как то произошло с его предшественником при Николае. Нравы при дворе изменились.

Следовало ожидать реакции Лондона, ведь в планах энозиса (объединения) чуть ли не под первым номером значились острова Ионического архипелага, входившие в состав Британской империи. Упрямые ионийцы не желали признавать себя верноподданными ее величества Виктории, о чем свидетельствовали восстания 1848–1849 годов. Не

преуспел в попытке примирить островитян со своей участью и выдающийся государственный деятель Вильям Юарт Гладстон, согласившийся в 1856 году принять пост генерал-губернатора архипелага, по общему мнению, для него слишком малозначительный. Администратором он оказался никудышным, объездил острова, посетил Афины, где обедал в обществе королевской четы. Впечатления от пребывания в краях романтических у него сложились нельзя сказать чтобы положительные: «Кругом праздность, упадок и стагнация. Но много дикого и живописного». Он оказался не способен оценить неторопливый быт южан и счел его «полнейшей и самодовольной ленью»²⁷. Покинул он острова в 1859 году.

В Лондоне постепенно пришли к выводу, что с архипелагом пора расстаться, желательно с выгодой для себя. Принц Альберт возжелал занять освободившийся в Афинах трон, Национальное собрание поспешило удовлетворить его пожелание. Петербург и Париж резко выступили против, да и сам Альберт раздумал переселяться на мятежные Балканы. Всплыла нейтральная, ни у кого не вызывавшая возражений кандидатура датского принца Вильгельма. Его сестра Александра была замужем за принцем Уэльским, другая, Дагмар, позже вышла замуж за наследника цесаревича Александра Александровича и вошла в российскую историю как императрица Мария Федоровна. Из пяти своих лютеранских имен Вильгельм выбрал наиболее близкое грекам — Георг.

При посещении Петербурга в 1867 году он обратил внимание на великую княжну Ольгу Константиновну и предложил ей руку и сердце. Греки с симпатией встретили православную принцессу. С ее бракосочетанием сам собой утас вопрос о религиозной принадлежности августейших отпрысков, столь острый при Оттоне. Королева Ольга всю жизнь оставалась горячей русской патриоткой, и между дворами, петербургским и афинским, помимо официальных, поддерживались и родственные отношения.

В 1864 году над Ионическими островами взвился греческий бело-голубой флаг с крестом, что способствовало популярности новой королевской династии.

* * *

В Болгарии после Крымской войны время произошла смена вех в национальном движении, прежнее гайдучество изжило себя, турецкие власти научились довольно быстро расправляться со смельчака-

ми. Г.С. Раковский приступил к подготовке кадров для развертывания освободительного движения в широких масштабах. В Сербии удалось создать для этого центр, первую болгарскую легию, просуществовавшую, правда, недолго (1860–1862 годы). Но на авансцену выдвинулся церковный вопрос. У болгар не существовало своей национальной самоуправляющейся, автокефальной церкви, она подчинялась непосредственно константинопольскому патриарху; епископские, да и многие низшие должности занимали греки, служба велась на непонятном для прихожан языке, значительная часть церковных доходов отправлялась в патриархию, в монастырях уничтожались летописи на славянском языке. В отчете МИД за 1860 год давалась резкая оценка сложившегося положения: «Турок, убивая физически христианина и грабя его, не препятствует развитию его духовной жизни, фанариот же вместе с грабежом давит его нравственную духовную деятельность, препятствует его развитию то силою анафемы, то мечом, и попирает его священнейшее достояние — язык и народность»²⁸.

В 1856 году болгарская община Константинополя обратилась непосредственно к султану Абдул Азизу с прошением о предоставлении болгарам права выбирать митрополита и светского главу. Падшах на просьбу не откликнулся — патриархия давно уже являлась звеном в управлении империей. В Петербурге демарш произвел глубокое впечатление, здесь отдавали себе отчет в его далекоидущих последствиях: «Религиозная эмансипация болгар... явится предтечей освобождения». Их цель — «не столько создание своей церкви, сколько признание национальности»²⁹ (Официально болгары именовались эллинами болгарского языка.)

Патриархия встала всеми силами против создания национальной болгарской церкви. Российская дипломатия движению сочувствовала, но предавалась скорби в связи с расколом православных в Османской империи. Константинопольская патриархия являлась опорой русского влияния, отречься от нее не хотелось, митрополит Филарет держал ее сторону, многие греки, состоявшие на дипломатической службе, тоже. Попытки воздействовать на высшее греческое духовенство, побудить его к уступкам, проваливались. Занявший в 1864 году должность посланника при султанском дворе генерал Н.П. Игнатьев твердо встал на защиту болгар. А.М. Горчаков был убежден: славянский элемент — самая солидная база русского влияния. Претерпела изменение и позиция Высокой Порты в связи с восстанием на острове Крит (см. ниже). Странный дуэт, российский посланник и великий везир Али-паша, пытался примирить ссорившихся. Болгарские радикалы еще больше обострили ситуацию, направив султану

прошение, в котором одобрили свирепые расправы над критскими повстанцами. Предельная уступка со стороны патриархии заключалась в согласии на образование болгарской церкви лишь на территории к северу от Балканского хребта, так что большая часть болгарских прихожан оставалась под ее церковной властью, что их, естественно, удовлетворить не могло.

Наконец в феврале 1870 года султан Абдул Азиз издал ферман об образовании болгарского экзархата. Впервые в османском официальном документе болгары фигурировали под своим подлинным именем. Это была великая победа народного дела. Игнатъев торжествовал: наконец-то признана их национальность, до того лишенная политических прав. Из 45 вошедших в экзархат епархий 30 являлись болгарскими, а в 15 население было смешанным. Последовал протест с сербской стороны, Игнатъеву удалось предотвратить перерастание его в серьезный конфликт.

Константинопольская патриархия своих позиций не сдавала, «все наши старания не смогли свернуть греческое духовенство с избранного пути», — печалился Игнатъев³⁰. Примкнувшие к экзархату болгары были объявлены схизматиками. Впечатления это не произвело ни на них, ни на синод Русской православной церкви. Начался отсчет новой эпохи в жизни болгарского народа.

* * *

1866 год. Прошло десять лет после Крымской войны, пришла пора подводить их итоги. Неприятельская коалиция развалилась, можно сказать, не отходя от стола мирной конференции, чуть позже ее участники передрались между собой. Еще в 1857 году коварный кайзер Франц Иосиф напросился на свидание с Александром II, благоразумно не взяв с собой канцлера К.Ф. Буоля, — с кем с кем, а уж с «канальей» и «мерзавцем», по терминологии царя Николая, русские разговаривать бы не стали. Молодой Габсбург заговорил было о возрождении прежней дружбы на испытанных охранительных началах, ничто ведь не разделяет стороны помимо «несчастливого» восточного вопроса. Ему ответили, что для России онный вопрос значит больше, чем все прочие, вместе взятые. А в 1859 году Наполеон и сардинский премьер К.Б. Кавур избавили Франца Иосифа от забот по управлению Ломбардией, добившись ее передачи появившемуся Итальянскому королевству. В 1866 году Австрия была выдворена из Германского союза Пруссией, занятой объединением германских земель железом и кро-

вью. Франция изолирована. Англия «замкнулась в своих эгоистических интересах».

Российская дипломатия успешно приспособлялась к новым условиям существования. Планы модернизации или европеизации Османской империи за стадию сочинения бумаг не выходили, христианское и мусульманское население по-прежнему разделяла стена отчуждения, недоверие к суеде турецких реформаторов вокруг образования единой османской нации не проходило. Балканские народы хотели не в османов превращаться, а возрождать свою древнюю государственность, и тут в поддержку им раздавался голос российской дипломатии: северная держава готова и словом и делом способствовать прогрессу. На балканской почве произошли свершения исторического масштаба для региона — родилась Румыния, укрепилась автономия Сербского княжества. Греция обзавелась Ионическими островами, Белград и Афины готовились бросить вызов всей системе турецкого господства.

Но раны, нанесенные Парижским миром 1856 года, кровоточили. Вопрос о нейтрализации Черного моря, о запрещении держать в его акватории военный флот и оборонять южные пределы империи с места не двигался. И в числе стражей постылых для России условий трактата состояла Франция. А.М. Горчаков был суров в оценках: «Отсутствие военного флота на Черном море ставит нас в положение худшее, нежели в 1854 году перед лицом преобладания западных держав». Восточный вопрос может быть решен только на европейском уровне. Подобный вывод вытекал из его концепционного подхода³¹.

Отклик российские пожелания встречали лишь в Берлине. С немецкой педантичностью в критические моменты в Петербурге появлялся высокий прусский представитель с заверением, что страна несколько не заинтересована в сохранении ущемляющих интересы России статей трактата и готова поддержать их отмену. Ставший в 1862 году министром-президентом Отто фон Бисмарк прекрасно понимал, что нельзя 100-миллионному народу навеки запретить защиту своих границ, извлекая из этого выгоды поистине неисчислимы, в том числе и к ущербу для Франции, обеспечивая благоприятную позицию самодержавия к объединению Германии «железом и кровью».

Нотки разочарования сотрудничеством с Францией не заставили себя долго ждать. Уже 5 мая 1858 года Горчаков писал: «Некоторое время тому назад мы дали понять Наполеону, что результаты нашего политического соглашения с ним кажутся мне довольно бесплодными ввиду того, что каждый раз, когда дело идет о каких-нибудь интересах, он подчинял его доброй воле Англии».

Перспективы сотрудничества с наполеоновским режимом оценивались в Петербурге все ниже и ниже, а потом сникли совершенно. «Оказалось, что под личиной согласия с нами французское правительство не прекращало комбинаций наперекор нашим взглядам». Свое место в этих комбинациях занимало стремление Наполеона превратить Румынию в «оборонительный вал и агрессивный боевой пост против нас». Горчаков с тревогой отзывался об «агрессивной враждебности... и католических устремлениях» французской политики. Попытки заручиться поддержкой Парижа в отмене постылых условий договора наталкивались на отказ: они — единственный «материальный результат славной войны, из которой мы не извлекли никакой выгоды»³².

Восстание 1863 года в Польше положило конец особым отношениям Франции и России. Британский кабинет и Тюильри возглавили поборников польского движения, в которые записались немало стран, начиная со Швеции на севере Европы и кончая Португалией и Турцией на юге. А.М. Горчакову пришлось взять на себя трудную и неприятную миссию — не допустить перерастания кампании протеста в нечто более опасное, вроде разрыва дипломатических отношений. В Петербурге царил тревога, опасались войны. Генералу Э.И. Тотлебену поручили подготовить укрепления Кронштадта к обороне. Прославленный военный инженер спросил, может ли он рассчитывать на несколько недель для проведения работ. Ему ответили — да. Сейчас нам эти опасения представляются преувеличенными, ведь даже во время Крымской войны британские морские лорды считали бессмысленным расшибать лбы о гранитные валы Кронштадта и Гельсингфорса. Но — что было, то было.

В.Г. Ревуненков в своем превосходном исследовании «Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия» (М., 1957) именовал «европейское вмешательство за Польшу» «громоздкой колымагой», пассажиры которой занимали в плане геостратегическом совершенно разные позиции: Лондон горой стоял за сохранение Венской системы договоров, Париж домогался ее разрушения³³. Кабинет ее величества, втянув Тюильри в конфликт с помощью французской общественности, с упоением возглашавшей: «Vive la Pologne!», первым же покинул колымагу.

Глава Форин-офис Д. Рассел разъяснил Палате лордов, что его совершенно ошибочно считали сторонником войны с Россией: правительство «ограничится представлениями, которых от него требует достоинство Англии»³⁴. Посол в Петербурге Ч. Непир заверял, что протестные ноты — лишь «законная манифестация», за коей ничего не

последует. Его французский коллега герцог Н.Г. Монтебелло полагал, что коварный Альбион затеял всю свару ради того, чтобы рассорить Париж и Петербург, чего и добился. Жонд Народовый заявил, что намерен отторгнуть от Москвы литовские, белорусские и украинские земли, некогда входившие в состав Речи Посполитой, чем идейно обезоружил своих зарубежных покровителей. А.М. Горчакову оставалось разъяснять оппонентам то, что им и так было известно: «Мятежники не требуют ни амнистии, ни автономии, ни более или менее широкого представительства». Даже безусловная независимость Царства Польского была бы для них не более чем ступенью для достижения дальнейшей цели — «владычества над провинциями, в которых огромное большинство населения русское», «расширения пределов Польши до двух морей»³⁵. Польской делегации отказали в приеме в Форин-офис, она попыталась попасть в Букингемский дворец. Отпор ей прозвучал со страниц газеты «Таймс»: «Нам угрожает Варшава, проникшая в Лондон. Эта легко возбудимая раса, которая в истории проявляла себя лишь как гроза и вулкан, нанесла оскорбление Форин-офиса, а теперь пытается завербовать на свою сторону королеву»³⁶.

Кампания протеста выдохлась, но и сотрудничеству Петербурга и Парижа в делах балканских пришел конец, полагаться в них оставалось только на себя.

* * *

Горчаков сознавал, что западная дипломатия, сооружая подпорки разваливавшейся османской громаде, занималась безнадежным делом, пытаясь изменить ход истории и загоняя ее в тупик: «Восточный вопрос, несмотря на потоки крови, в которые он обошелся Европе, более чем когда-либо далек от разрешения». Консулам на Балканах предписывалось «на базе хатт-и-хумаюна» добиваться обретения прописанных в нем прав, «действуя, однако, с осторожностью, дабы не спровоцировать преждевременных волнений»³⁷. Последние, не будучи поддержаны Россией, обречены на жестокое подавление. В своих указаниях он, разумеется, умалчивал о том, что считает некоторые положения Парижского договора орудием саморазрушения султана. В «лояльном» соблюдении трактата князь обрел орудие давления на Высокую Порту и ее западных покровителей, быстро разочаровавшихся в реформаторстве и охладевших к нему. «Про себя» Горчаков был уверен в провале затеянных преобразовательных потуг: «Оттоманская империя сейчас более, чем когда-либо, слаба и поработана.

Реформы, которые должны вывести ее на уровень европейской цивилизации, неохотно предоставленные и с отвращением принятые как турками, так и райей, могут лишь добавить новые элементы развала к тем, что уже изнуряют империю»³⁸.

Кампания протеста выдохлась, но отношения между Францией и Россией испортились. В делах балканских оставалось полагаться только на себя.

* * *

Несмотря на немалые успехи, своя политика на фоне стремительного возвышения Пруссии выглядела бледновато (1864 год — присоединение отторгнутых у Дании провинций Шлезвиг и Гольштейн, 1866 год — разгром Австрии и установление гегемонии в Германии). В популярной и влиятельной газете «Московские ведомости» М.Н. Катков, тогда еще либерал, бил в набат: пора России сбросить с себя личину смирения и предстать перед миром «тем, чем она всегда была и есть, — великою европейской державой, всегда готовой взяться за привычный ей меч для ограждения своей чести и достоинства, своих интересов и своего законного влияния в Юго-Восточной Европе», вернуть себе отторгнутую Южную Бессарабию, настоять на пересмотре Парижского мира. В том же духе высказывался «Голос»: «Пруссия овладела выходом из Балтики, не пора ли восстановить и свои права на Черном море?»³⁹. Критики упускали из виду, что Бисмарк шел напролом и добивался цели железом и кровью, а России, прежде чем хвататься за меч, надлежало здраво поразмыслить, а не встанет ли против нее коалиция наподобие крымской, что было тогда вполне реально, если не сказать неизбежно.

Недовольство проникло в Министерство иностранных дел. Оппозицию возглавлял генерал Н.П. Игнатьев, способный дипломат, обаятельный, энергичный человек, в 32 года ставший посланником в Стамбуле, в 35 лет возведенный в ранг посла. Москов-паша, как его звали в Турции, упорно, а часто и успешно отстаивал интересы христиан, используя и посулы, и угрозы, и подкупы высокопоставленных чиновников. Бесконечные переговоры, утомительные конференции ему доверия не внушали, с их помощью не одолеть держав, которые все более или менее враждебны России. Он верил в действенность прямого нажима на Порту и уповал на силу натиска славян и греков. В декабре 1866 и в январе 1867 года он направил в Петербург записки, доказывая в них, что настало время для низвержения турецкой

власти в Европе: России будет достаточно сосредоточить 120-тысячную армию на границе с Австрией, чтобы та воздержалась от вмешательства в события, и 60-тысячный корпус в Закавказье, чтобы турки сидели смирно⁴⁰. Александр II считал его доводы малоубедительными и непрактичными и встал на сторону А.М. Горчакова, убежденного, что частные, изолированные восстания обречены на кровопролитное подавление. В 1862 году отчаянные черногорцы потерпели неудачу, и только вмешательство России и Франции предотвратило разгром всей страны. Однако и всеобщее восстание не принесет плодов без появления российского фактора, но тогда на сцене появится Европа, единая в своем антагонизме к России. И что же — повторение Крымской войны, затяжная схватка с непредсказуемыми последствиями, от чего избави боже! Вывод: предоставить балканцев самим себе — значит «обрекать их на беспощадную резню». Вмешиваться — значит идти на риск европейской войны⁴¹. Следует поэтому оказывать на горячие балканские сердца умеряющее воздействие, дабы избежать преждевременных и неподготовленных выступлений «в убеждении, что восточный кризис, вспыхнувший до того, как силы наши и наших единоверцев будут готовы, принесет только вред». Главный фактор — российский: «Мы не можем перейти к более активной политике, пока силы России не укрепятся с осуществлением великих реформ». Надо ждать, когда наступит благоприятное время, и тогда «приступить к действию энергично и единодушно»⁴². Ждать успешного исхода пришлось долго, до середины 1870-х годов, когда разразились восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии, когда Сербия и Черногория вступили в вооруженное столкновение с Высокой Портой и кризис увенчался Русско-турецкой войной.

Рожденные холодным рассудком доводы до пылких балканских сердец не доходили, обстановка накалялась.

* * *

А.М. Горчаков в мыслях своих заглядывал в далекое будущее, и в них появлялись сюжеты, оглашению не подлежащие и предназначенные для ознакомления с ними лишь узкого круга доверенных лиц. Он задавался вопросом: а что же произойдет после падения османского ига? И ответ звучал неутешительно: не райские кущи виделись ему на Балканах, никаких иллюзий насчет единства населявших их народов он не питал. Только Россия в состоянии сцементировать разделявшие их различия: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке,

так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать». И на сцене появятся западные державы со своими товарами и капиталами, предпринимательским духом, поддерживаемые таким весомым фактором, как готовые вступить в дело эскадры. У них же в запасе имеются конституционные соблазны⁴³.

Царский министр Горчаков скромно умалчивал об одной неприятной истине: вставая на ноги, обретая самостоятельность, балканцы в поисках образца в государственном строительстве обращали взоры к конституционному Западу, охотников подражать самодержавию не находилось, что могло обернуться утратой позиций в регионе. Горчаков тревожился: Балканам угрожает «внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее широкое поле для иностранного влияния» (понятно, откуда). Он писал несколько завуалированно, но определенно: их ожидает встреча с «восходящей западной цивилизацией» на фоне слабеющих религиозных традиций, связывающих их с Россией⁴⁴. Министр понимал, он оставляет преемникам тяжелое и хлопотливое наследство.

* * *

На вторую половину 1860-х годов пришлось потрясения в Османской державе, связанные с подъемом сербского и греческого национального движения. Успехи последних лет вдохновили князя Михаила Обреновича на новые дерзания: удалось укрепить автономию княжества, вооружить армию, добиться срытия двух крепостей на сербской территории, оставалось еще четыре, но замыслы князя шли дальше. Он и его министр И. Гарашанин занялись подготовкой восстания с целью объединения турецких сербов в княжестве (об австрийских речь пока не шла). Обратились прежде всего в Цетинье к черногорскому князю Николаю. Сразу начались сложности: тот заподозрил, что дело закончится присоединением маленькой Черногории к своей более населенной и сильной соседке. Его пытались утешить рангом принца и щедрым денежным содержанием. Николай предпочитал иную комбинацию: в случае пресечения одной из династий оба княжества объединяются под скипетром уцелевшего. Расчет был шит белыми нитками: Михаил Обренович бездетен, и после его кончины совсем молодой Николай Петрович Негош имел все шансы унаследовать сербский престол. Стороны не смогли договориться и о намечае-

мом разграничения в Боснии и Герцеговине. Все же договор о подготовке восстания для объединения сербских земель, при немалом участии российской дипломатии, был подписан 23 сентября (3 октября) 1866 года. Далеко не гладко шли переговоры с греками, те, при разделе подлежавшего завоеванию, претендовали на всю Македонию, сербы, естественно, требовали присоединения населенных славянами районов провинции. О возможных претензиях с болгарской стороны и те, и другие как-то забыли. Российская дипломатия, заинтересованная в сделке, воспользовалась приездом в Петербург короля Георга на обручение с великой княжной Ольгой Константиновной для того, чтобы умерить греческие аппетиты. 2 (14) августа 1867 года состоялось подписание договора, по которому Сербия выставляла на поле боя 60 тысяч человек, а Греция 30 тысяч и флот⁴⁵. Переговоры с молодым румынским князем К. Гогенцоллерн-Зигмарингеном завершились заключением скромного соглашения 20 января (1 февраля) 1868 года. Стороны заявили о своем стремлении способствовать прогрессу «в соответствии с их законными автономными правами» и выразили желание содействовать развитию взаимной торговли. Но главное, что молчаливо подразумевалось, — Румыния в случае войны обеспечивала сообщение с Россией.

А в отечественной дипломатии обнаружилось различие во взглядах между А.М. Горчаковым и посланником в Стамбуле Н.П. Игнатьевым, возведенным в 1867 году в ранг посла. Министр опасался непродуманных шагов, глава военного ведомства Д.А. Милютин твердил о неготовности армии к войне, а Игнатьев верил, что объединенные славяно-греческие силы одолеют Порту. Подчиненные ему консулы деятельно способствовали выступлению, а сам он руководил работой офицеров-разведчиков по сбору информации о состоянии турецкой армии. В письмах родным Николай Павлович изъяснялся откровенно: «Инструкций мне не нужно. Путного и своевременного ответа никогда не дождешься от МИД». В семейных преданиях он запечатлелся таким: «Характер Игнатьева представлял причудливую смесь театрального блефа, грубоватой прямолинейности, взрывчатого славянского темперамента и политического коварства»⁴⁶.

Позицию отечественной дипломатии в отношении Балканского союза последовательной назвать нельзя. А.М. Горчаков сомневался в его успехе и советовал Михаилу Обреновичу не горячиться и не спешить. Видимо, не случайно в Сербии оказалась офицерская миссия, вынесшая самые неутешительные представления о состоянии вооруженных сил княжества, — ощущалась острая нехватка в командном составе, его собирались пополнить лицеистами, санитарная служба

отсутствовала, роль госпиталей должны были играть монастыри, запаса продовольствия и фуража не существовало, в коннице — некомплект. Генерал Д.А. Милютин рекомендовал «охлаждать неразумные увлечения единоверцев». Но все же сербы получили немалый заем (300 тысяч дукатов) и приобрели новую партию оружия, которое было переправлено в Гамбург, и оттуда некая немецкая фирма, якобы без ведома Милютина и Горчакова, переправила его в Сербию.

Сроки выступления откладывались и откладывались, до схватки дело так и не дошло. Сербам повезло: Высокой Порте, занятой подавлением восстания на острове Крит (см. ниже), пришлось пойти на уступки. Габсбургская монархия, потерпев в 1866 году разгром в войне с Пруссией, выдворенная из Германского союза, залечивала раны и не могла себе позволить ввязываться в балканские дела. Когда ее посол в Стамбуле посоветовал великому везиру смириться с неизбежным и пойти навстречу сербским требованиям, последний воскликнул: «И ты, Брут!» — что свидетельствовало о знакомстве турка с античной историей.

Оставшись в одиночестве, Порта смирилась, вывела свои войска из четырех крепостей на сербской территории с оставлением в них тяжелого вооружения. В Сербии отпраздновали торжество народного дела. Михаил Обренович отправился в Стамбул, где его встретили с почетом. Но в следующем году он пал жертвой интриг и междоусобиц. Балканский союз тихо скончался. Обнаружившиеся между его участниками противоречия по территориальным вопросам стали в дальнейшем тем фактором, что превратил Балканы в «пороховой погреб Европы».

* * *

В 1866 году началось восстание греков на острове Крит под лозунгом «нерасторжимого союза с матерью родиной». Повстанцам удалось захватить горную твердыню Сфакию. Потом разнеслась весть — игумен монастыря Аркадион Гавриил взорвал пороховой погреб, предав смерти много карателей. Европейская общественность восхищалась отвагой потомков древних эллинов. А на земле Крита развернулась трагедия: османские войска сравнивали с землей деревни, уничтожали плантации оливковых деревьев, жители скрывались в горах. Наступил голод. На мятежный остров стали прибывать суда с добровольцами из Греции.

Все державы стремились избежать большой войны, но на этом их согласие кончалось. А.М. Горчаков считал «самым естественным»

выходом присоединение острова к королевству, а в случае недостижимости этой цели — предоставление Криту широкой автономии наподобие существовавшей в Румынии⁴⁷. Были выделены деньги на покупку голодающим критянам хлеба. Митрополит Филарет призвал паству к жертвам в пользу единоверцев. Отозвался и «свет», на новогоднем балу в пользу страдальцев была собрана немалая сумма.

Державы направили в критские воды военные корабли под предлогом защиты своих подданных от грозивших им бедствий. Капитан первого ранга И.И. Бутаков, командир парового фрегата «Генерал-адмирал», по своей инициативе стал вывозить с острова беженцев тысячами. Но единомыслие в российском обществе отсутствовало, появились оптимисты и пессимисты. Творить расправу на остров прибыл Омер-паша, повстанцы сражались стойко, на смену погибшим вставали новые бойцы — и так два года. Многим представлялось, что Балканы все в огне — Балканский союз, Критское восстание, вечно мятежная Черногория. Газета «Современные известия», отражая подобные настроения, писала: «Если бы дело дошло до действительной борьбы, если бы только между всеми было дружное согласие, к чему тут союзники и покровители? Греция с юга, Сербия и Румыния с севера, Черногория с северо-запада, восстание в середине, — разве тут устоять хоть с двадцатью Омер-пашами?»⁴⁸. М.Н. Катков, выступая в «Московских ведомостях», придерживался иной точки зрения: Европа «начнет сочинять всякие протоколы, подпишут какую-нибудь хартию, которую турки примут, не собираясь ее исполнять». Но и он полагал: «Единство балканских народов — вот ключ к успеху»⁴⁹. В правительственных сферах А.М. Горчаков, министры финансов М.Х. Рейтерн и внутренних дел П.А. Валуев, шеф жандармов П.А. Шувалов стояли за действия в рамках «концерта», председатель кабинета И.П. Гагарин, глава военного ведомства Д.А. Милютин, Н.П. Игнатьев считали возможным прибегнуть к разрыву дипломатических отношений с Высокой Портой с целью побудить ее к уступкам. Возобладало мнение первых. В марте 1867 года представители России, Франции, Пруссии, Австрии и Италии договорились о демарше в пользу критян. Британец к пятерке не примкнул, он признавал правомерность присоединения острова к Греции, но только с санкции султана. Предложение держав о проведении на Крите плебисцита Порты отвергла.

В недрах французского правительства возник план спасения Османской империи путем ампутации отдельных ее частей. Грецию при этом предполагалось вознаградить Фессалией, частью Эпира и островом Крит. В ведомстве на Певческом мосту проект подвергся сокрушительной критике. Щедрость в нем предполагалось проявить

лишь там, где существовала надежда на укрепление французских позиций. Сербия, Босния, Герцеговина, Македония отдавались на произвол мусульманского государства, подпираемого Европой. Претворение проекта в жизнь разобщит, а значит, и перессорит балканские народы. Россия помышляет о будущем христиан, Франция — об укреплении Османской империи, приходил к печальному выводу Горчаков.

Порта, убедившись, что ей ничего, кроме бумажных протестов, не угрожает, согласилась лишь несколько расширить административные права критских христиан.

Силы повстанцев иссякали, они обратились к королеве Виктории с просьбой о защите, но получили отказ. Множилось число инсурентов, полагавших нужным смириться, однако самые упорные еще держались. В августе 1868 года вожди встретились в Аскариесе и вынесли решение — добиваться присоединения к Греции. По кругу пустили чашу с кровью, каждый присутствующий пригубил ее в знак клятвы. Но в октябре руководители большинством голосов высказались за обращение к державам с просьбой о посредничестве и прекращении военных действий на условии предоставления административной автономии, обеспечивающей благосостояние жителей. О присоединении к Греции — ни слова⁵⁰.

Почувствовав силу, Высокая Порта потребовала прекратить вмешательство в ее внутренние дела. В январе-феврале 1869 года в Лондоне заседала конференция послов, по сути дела капитулировавшая перед Стамбулом. Она рекомендовала королю Георгу прекратить формирование отрядов волонтеров и не допускать вооружения судов для действий против Турции. А.М. Горчаков отводил душу, характеризуя ситуацию как «ублюдочную, негодную». Критянам предложили удовлетвориться введенным Портой 18 октября 1867 года Органическим регламентом, по которому власть на Крите принадлежала вали и командующему войсками. Первый имел двух заместителей, христианина и мусульманина, хотя христиане на острове составляли $\frac{3}{4}$ жителей. Восстание затухло. Горчакову оставалось признать свое бессилие.

* * *

В 1870 году Франция тяжело, по большому счету, расплатилась за упрямое цепляние своей дипломатии за Парижский договор 1856 года, утратив в войне с Пруссией (а точнее — с коалицией германских государств во главе с нею) две провинции, Эльзас и Лотарингию. Вероятно, тесный военно-политический союз с Россией мог бы избавить ее от

подобной участи. Но его надо было оплачивать отказом от поддержки нейтрализации Черного моря. Ничего опасного для режима Луи Наполеона появление эскадры в Севастополе не представляло, Босфор и Дарданеллы были закрыты для прохода боевых судов. В дополнение к международному запрету по их берегам располагались сотни пушек, что делало прорыв в Средиземное море просто невозможным. Но ведь итоги Крымской войны были преподнесены французской общественности как национальный триумф, а с триумфом следовало обращаться осторожно, особенно при посыпавшихся позднее неудачах на внешнеполитическом поприще. А.М. Горчакову, когда перед ним в сентябре 1870 года появился эмиссар находившегося в бегах французского правительства А. Тьер с намеками о поддержке, оставалось лишь выражать сочувствие. Встретили посланца приветливо, ласково, разве что слов соболезнования не произносили, чтобы не унижать поверженную державу. Горчаков с горечью сказал Тьеру: «Вы найдете здесь только живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к вашей родине, и старую общностью интересов, давно забытых»⁵¹. Последние слова содержали прямой упрек: Наполеон свергнут, а Франция пожинает плоды его близорукой политики пренебрежения к российским интересам. Во французских источниках сохранились свидетельства о заявлениях Горчакова и самого императора, которые российская сторона сочла не подлежащими тогда оглашению: министр выразил надежду на заключение в будущем союза между двумя странами, а Александр II уточнил — альянс должен быть основан «на мире, а не на войне и завоеваниях»⁵². Драчливый Наполеон отошел в прошлое, следовало думать о будущем.

В Берлин из Петербурга поступил совет — проявить в поисках мира мудрость и умеренность, воздержаться от территориальных претензий. В прусской столице, превратившейся в германскую, советом пренебрегли, только снизили сумму контрибуции с 6 миллиардов франков до 5.

Режим Второй империи, поборник и защитник Парижского договора, испустил дух, и российская дипломатия не замедлила этим воспользоваться. 15 (27) октября 1870 года в Царском Селе состоялось заседание правительства под председательством царя, единодушно высказавшееся за отмену пресловутых статей Парижского трактата... 19 (31) октября Горчаков выступил со своим вторым знаменитым циркуляром: Россия не считает себя больше связанной со статьями договора, запрещающими ей содержать военный флот на Черном море, говорилось в нем. Те же права возвращались султану. Россия, говорилось в циркуляре, не намерена поднимать восточный вопрос и выдви-

гать территориальные претензии. Горчаков выразил согласие на созыв конференции держав для утверждения других условий договора. И, главное, отмене решение императора не подлежало.

Свой циркуляр Горчаков, ставший канцлером (последним в империи!), сопроводил наставлениями адресатам. Форин-офис он уверял, что существование Османской державы можно продлить лишь с помощью отмены статей Парижского трактата, мешающих установлению гармоничных отношений между Россией и Турцией. Послу в Вене Е.П. Новикову предписывалось намекнуть в беседах, что реакция на циркуляр будет определять все в будущих связях с Петербургом. Посланнику во Флоренции следовало высоко отозваться о чувстве собственного достоинства, присущего итальянскому двору, и выразить надежду на то, что он ценит те же качества, присущие двору российскому. Наиболее резкие выражения Горчаков позволил себе в обращении к французскому кабинету, укrywшемуся тогда в Туре: причины бедствий, обрушившихся на страну, проистекают из Крымской войны и подписанного после нее мира, французы низвергли породивший зло режим Второй империи, пора приступить к искоренению зла и на международной арене⁵³. Туркам разъяснили, что принятое императором решение явится залогом добрых отношений с ними.

На адресатов красноречие российского канцлера впечатления не произвело. Отовсюду поступил отрицательный ответ, Лондон сопроводил его наставлением о святости и нерушимости международных договоров.

С дядей, королем Пруссии Вильгельмом, царь связался лично, подвоха с этой стороны не ожидали, в августе Берлин в очередной раз отмежевался от Парижского договора. Но реакция и здесь последовала кислая: акция-де учинена несвоевременно, следовало бы провести ее после завершения франко-прусской войны и заключения мира. Тогда, полагали немцы, никому не придет в голову вместе с турецкими делами заняться и непомерными прусскими претензиями к побежденному и поверженному. Но Александр Михайлович понимал: железо надо ковать, пока горячо, — а в данном случае — «пока идет война, мы с большей уверенностью можем рассчитывать на благожелательность Пруссии»⁵⁴.

Естественно, переговоры о претворении в жизнь записанного в циркуляре велись в Лондоне. Первая встреча посла Ф.И. Бруннова с главой Форин-офис лордом Д. Грэнвиллом прошла в ледяной обстановке, граф встретил дипломата с каменным лицом, «он был холоден, сдержан, торжественен». И все же Бруннову показалось: «Он принял меня лучше, чем я опасался»⁵⁵.

Британец взял тайм-аут для консультаций с партнерами. Особенно хлопотать ему не пришлось — австрийцы, турки, итальянцы бросились в Лондон за советом и высказались против уступок. Но в завязавшей переписке прозвучали нотки неуверенности. Так, австрийский канцлер Ф. Бойст признавался: «Я никогда не делал тайны из своего убеждения, что договор 1856 года поставил Россию на Черном море в положение, недостойное великой державы». В немецкий лагерь под Парижем для «категорических объяснений» прибыл лорд Одо Рассел. Он взял было решительный тон: возник вопрос, который вынудит Великобританию, «с союзниками или нет, пойти на войну с Россией». На Бисмарка его фанфаронада впечатления не произвела, он знал, что владычица морей в одиночку не воюет, и вылил на голову Рассела ушат холодной воды: русские действуют слишком мягко, им следовало бы разорвать Парижский договор, а затем, в виде уступки, согласиться на восстановление некоторых его положений. Продолжая натиск, он высказался за созыв предполагаемой конференции в Петербурге, что для союзников было равнозначно покаянию в содеянных в Крыму грехах⁵⁶.

Горчаков сознавал — номер с отклонением циркуляра не пройдет, и согласился на проведение конференции в Лондоне. Следовало, однако, обставить отступление Уайт-холла благопристойными декорациями — никакого навязывания ему чужой воли будто бы не произошло. Некстати вмешался Бруннов, высказавшийся, ввиду громадного значения обсуждаемого вопроса, за созыв конгресса с участием глав государств. Горчаков в максимально вежливой форме сделал ему выговор: «Я ведь, дорогой барон, не почиваю на ложе из цветов». Нужно как можно меньше шума, идея конгресса перепугает прежде всего пруссаков, лучшего места для того, чтобы вытащить на свет их притязания к Франции, не придумаешь.

Ни одна из держав, помимо Пруссии, циркуляра Горчакова не признала. Поскольку отменять его российская сторона не собиралась, британцы измыслили утешительную формулировку: «сделанная декларация означает отмену теоретического принципа без немедленного воплощения его в жизнь»⁵⁷. Горчаков возражать не стал по той причине, что воплотить принцип в жизнь было невозможно: флоты в одночасье не возникают, на восстановление броненосных сил в Севастополе ушло 25 лет.

На пути к созыву конференции в последний момент возникло еще одно препятствие: составленное британцами приглашение представляло, по словам Ф.И. Бруннова, «обвинительный акт» против России. Он пригрозил отказом от участия в форуме. В конце концов был со-

ставлен чисто формальный листок без ссылки на циркуляр и без упоминания об отказе держав принять его⁵⁸.

17 февраля 1872 года делегаты собрались в Лондоне под председательством графа Д. Грэнвилла. Палки в колеса его работе ставили непонятливые австрийцы, не желавшие смириться с тем, что игра проиграна. Они предложили создать в Синопе стоянку для военных кораблей западных держав. Когда идея провалилась, выдвинули другую — о постройке базы в устье Дуная, также не встретившую поддержки. Окончательный акт конференции отменял статьи Парижского договора, запрещавшие России и Турции содержать на Черном море военный флот, и подтвердил закрытие Босфора и Дарданелл для прохода боевых кораблей всех стран с оговоркой: Порты могла, в случае угрозы безопасности своим владениям, пропускать через Проливы военные суда дружественных и союзных государств. В протоколе первого заседания говорилось, что впредь всякое изменение условий Парижского трактата могло совершаться лишь с согласия всех его участников⁵⁹. Обратной силы это решение не имело.

Самые тяжелые и представлявшиеся унижительными статьи постылого трактата перестали существовать. Британская печать изливала досаду. По словам газеты «Морнинг стар», «европейские державы с мечом, подвешенным над их головами, пошли на уступки России, которая с помощью пера достигла того, ради чего готова была применить силу. Она, и только она, может поздравить себя со счастливым результатом своей беспредельно дерзкой политики»⁶⁰.

* * *

Франко-прусская война встретила, и не случайно, живейший отклик в Румынии. Латинская сестра традиционно представлялась здесь светочем всего прекрасного, что существовало в мире, а в земной ипостаси в Париже проходила обучение и получала образование молодая поросль интеллектуальной элиты. Князь Карл успел разочаровать либеральную часть бомонда — типичный Гогенцоллерн, замшелый консерватор. В 1870 году экс-господарь А.И. Куза был избран в нижнюю палату, что свидетельствовало об отпущении ему грехов. Правительство выступило с декларацией о нейтралитете, но вернуло в нее фразу о солидарности с Францией. Чрезвычайная легкость, с коей был свергнут Куза, подмывала на повторение переворота, на этот раз с Карлом. Пробудились республиканские симпатии, сеть заговора охватила Бухарест, Крайову, Плоешти, Бузэу, военный лагерь

Фурчени. Его участники не в состоянии были представить, что Франция потерпит молниеносный разгром, когда сие свершилось, конспираторы присмирели, произошло лишь одно выступление в Плоешти. Отставной офицер А. Кандиану-Попеску с группой сторонников захватил здесь склад с оружием и телеграф, арестовал власти, объявил о свержении князя Карла с престола. Движение подавил майор, занимавшийся в городе призывом в армию, не понадобилось даже прибегать к услугам батальона, по приказу правительства переброшенного в Плоешти. Впоследствии суд оправдал и его, и еще 40 действительных или мнимых противников режима, посаженных было под арест. Вердикт суда свидетельствовал о царивших в стране настроениях⁶¹. Еще позже сам Кандиану подвизался в роли адъютанта принца Карла, что бросало тень на его принципиальность и силу его республиканских убеждений.

Гогенцоллерн разослал в столицы жалобу на подданных — нет на них управы, нужна твердая рука для наведения порядка. Ознакомившись с ламентациями Карла, Александр II слегка позлорадствовал — нечего ему было записываться в вассалы к султану. Державы-покровители предложили ему свои симпатии, но не поддержку, им было не до балканского захолюстья, все внимание приковала к себе Франко-прусская война.

Парламент в ответе на тронную речь раскланялся со всеми, выразив признательность благородной нации, связанной с румынами узами крови (понятно кому), осудив выступление в Плоешти, подтвердив верность конституции и господарю, который под нее подкапывался.

Карл опубликовал в газете «Аугсбургер альгемайне цайтунг» письмо вымышленному другу обидного для румын содержания: страна одним прыжком перешла от деспотического правления к ультралиберальному, а румыны не обладают гражданскими добродетелями, «необходимыми в квазиреспубликанском государстве». Ответ парламента на тронную речь он назвал «шедевром фанариотского коварства» и объявил о своем желании покинуть трон и вернуться на родину, влекущую его «с магнетической силой»⁶².

Казалось, пути страны и монарха разойдутся. Он в одиночестве торжествовал по случаю триумфа фатерлянда на поле боя. А вокруг все притихло. Никакой общественной бури не произошло. Министр-президент И. Гика высказал мнение, что князь сочинил письмо, будучи глубоко обеспокоен судьбами страны; депутат-оппозиционер Н. Бларенберг отказывался верить в желание князя отказаться от престола. Палата депутатов засвидетельствовала преданность трону и негнбимую решимость сохранить верность конституции, сумев и мо-

нархические чувства излить, и либеральную невинность соблюсти⁶³. Последний всплеск волнений произошел 10 (22) марта 1871 года в Бухаресте. Немецкая колония во главе с консулом Й. Радовицем чествовала возведенного на императорский престол Вильгельма. Здание, где происходило торжество, окружила шумная толпа молодежи, главным образом студентов. Полетели камни в витрины ресторана, посыпались стекла, человек полтораста ворвались в зал с криками «Да здравствует республика!», «Долой иностранцев!», «Ко дворцу!». Полиция присутствовала, но бездействовала. Немцы оказались не робкого десятка и выдворили буйных протестантов из помещения. Войска появились ночью, когда площадь обезлюдела⁶⁴.

Утром И. Гика явился во дворец с повинной и получил отставку. Карл заявил, что останется в Румынии лишь в случае формирования правительства, пользующегося его доверием (то есть ему послушно-го). 11 (23) марта палата заседала весь день за закрытыми дверями. В полночь удалось сформировать консервативный кабинет во главе с Ласкаром Катарджи. Он поставил рекорд долгожития — пять лет. И консерваторы, и либералы выбрали твердую власть и подчинились воле монарха. Чудовищная коалиция помещиков и крупной буржуазии доказала свою жизнеспособность.

* * *

В 1873 году случилось нечто ранее невозможное и невообразимое — образовался союз трех императоров, Германского, Российского и Австрийского. Поползли слухи о возрождении Священного союза, совершенно фантастические, потому что троича не замышляла и не учиняла походов против революционных супостатов и со своими подданными разбиралась поодиночке. Но охранительное начало в комбинации все же присутствовало, хотя и в оборонительном варианте. В бумагах Горчакова сохранились свидетельства о серьезной тревоге в связи с активностью I Интернационала: «Характер и сила этой опасной организации, проявившиеся в процессе Парижской коммуны, поразили все правительства. Они увидели в ней социальную опасность, в той или иной степени угрожающую всем»⁶⁵.

Заботы троичы были посвящены не расплодившимся социалистам, а улаживанию европейских, и прежде всего балканских, дел. Партнеры были заинтересованы в поддержании стабильности на континенте (пока что). Берлину следовало озаботиться приобщением южных немцев к прусским порядкам, что требовало и времени, и хлопот. Австро-Венгрия,

выдворенная из Италии и Германии, с непрекращавшимся кипением национальных страстей, временно притихла в своих балканских притязаниях. Россия, которая всегда стояла на страже европейского мира, проводила курс на возрождение балканских народов эволюционным путем. Война устранялась из процесса как средство катастрофическое для страны и гибельное для проводившихся преобразований. Резко обострились отношения с Великобританией на почве споров о разграничении в Средней Азии. Обеспечить себе тыл на случай перерастания напряженности в открытую схватку было просто необходимо. Поэтому — никаких фантастических устремлений на Востоке, крайняя сдержанность и осторожность. Александр II сказал как-то: пусть Османская империя существует, пока не придет час ее развала, тем более что заменять ее нечем.

Трудно шло сближение с «изменницей» — Веной. В 1871 году внешнеполитическое ведомство монархии возглавил представитель венгерской магнатской группировки граф Дьюла (Юлиус) Андраши. Его предшественник К. Бойст еще не расстался с мечтой о реванше, мадьяр же смирился с пребыванием Австро-Венгрии в младших партнерах у Второго рейха в обмен на поддержку австрийских позиций на Балканах.

Андраши в узком кругу определял свою позицию кратко: «Протянем руку Германии и покажем кулак России»⁶⁶. Но на секретном совещании у императора и короля Франца Иосифа в феврале 1872 года никто не одобрил его авантюристических замыслов. Граф Дьюла поспешил перекраситься и лгал столь упорно, изощренно и правдоподобно, что ввел в заблуждение даже опытную российскую дипломатию. Горчаков поверил в искренность своего нового австрийского партнера, тот заверял его, что лишь мир позволит сохранить баланс дуализма в монархии и избежать в ней немецкого преобладания. Послу Е.П. Новикову он представлялся чуть ли не агнцем.

Процедура оформления союза происходила не то что открыто, а можно сказать, парадно. В Берлине гремели оркестры, солдаты шагали на парадах, смотрах и разводах, на торжественном обеде в Белом зале старого замка рекою лилось шампанское, множество братьев наших меньших расстались с жизнью на охоте, кайзер-дядя и царь-племянник заключали друг друга в объятия. Они и министры соревновались в произнесении миролюбивых деклараций. Но на Певческом мосту знали: Германия изыскивает возможность новой расправы над Францией без вмешательства России. Поэтому во всех случаях, предусматривавших российско-германское военное сотрудничество при нападении на одну из держав, делалось исключение для Франции: в случае ее вовлечения в конфликт Россия сохраняла свободу рук. Александр II счел нужным успокоить Париж — ничего против него

не замышляется. Горчаков оставался убежденным сторонником сотрудничества с тогдашней Третьей республикой: «Мы желаем, чтобы Франция, залечив раны, восстановила силы и заняла свое место в Европе... Какое правление ни установилось бы во Франции без различия его имени и формы, оно встретит с нашей стороны самое дружеское расположение, ибо оно не станет угрожать ни общественному строю, ни всеобщему миру, в сохранении которых мы заинтересованы»⁶⁷.

Договоренность, скрепленная подписями трех величеств, выглядела скромно и маловыразительно: в случае возникновения угрозы войны они обещали не заключать новых союзов, а договориться между собой об образе действий, которого следует придерживаться сообща.

В российском министерстве наступило время восторгов: именно согласие, установившееся между тремя дворами, дает гарантию как для избежания осложнений на Востоке, так и для предотвращения европейской конфронтации. В отношениях с Веной «вызывающее раздражение прошлого забыто, фантомы панславизма, пангерманизма, венгеро-дунайской державы низвергнуты на полагающееся им место»⁶⁸. Появление всей этой фантастики можно приписать лишь воздействию психологического фактора: с Дуная вдруг потянуло мирным ветерком, отечественная дипломатия, засидевшаяся в одиночестве, сумела кое о чем договориться, не чуждый тщеславию император Александр чрезвычайно гордился своим участием в заключении союза и считал его своим детищем, а МИД никогда не страдал от отсутствия в нем льстецов. Усилия трех императоров привели к кратковременному успокоению на юго-востоке Европы. Не более того. Никаких гарантий они не принесли, что показало ближайшее будущее.

Франция неожиданно быстро восстанавливала силы. В 1875 году началось перевооружение ее армии. Немецкая печать подняла оглушительную шумиху: растет угроза. Никто не сомневался, что Бисмарк затеял военную тревогу. Люди серьезные понимали — мощь Второго рейха несоразмерна с французской. Акция готовилась грубо и топорно, совсем не в стиле Бисмарка, слывшего мастером тонких политических комбинаций. Но ведь недаром Горчаков придавал такое значение страстям в политике. Под явно надуманным предлогом готовилось сокрушение величайшей державы с более чем тысячелетней историей и рывок к европейскому господству государства, еще в начале столетия числившегося слабейшей мировой державой. Все это означало удар сокрушительной силы по влиянию, могуществу, политическому весу России. Только недавно залечили раны Крымской войны, в которой подобной цели пытались добиться Великобритания, Франция, Турция и Сардиния, — и по ничтожному поводу угроза повторялась.

Французский посол генерал А.Ш. Леффло в испуге умолял Александра о заступничестве. Тот в просимом не отказал, пообещав пресечь «достойные сожаления происки Бисмарка». Глава министерства на Кэ д'Орсе герцог Ш.А. Деказ прислал в Петербург письмо, адресованное Леффло, но предназначенное для прочтения прежде всего Александру II, из которого тот мог понять, что является «верховным правителем мира вселенной», готовым поставить под охрану своей мудрости «успокоение сердец и интересов» и покровительствовать им»⁶⁹.

Конечно, не в Вену же было обращаться в связи с разбушевавшимися берлинскими подстрекателями тревог. Горчаков связался с Лондоном на предмет координации с ним своих действий и получил оттуда положительный ответ: видеть Францию под прусским каблуком там не желали. Два правительства обратились к Берлину с настоятельным советом — проявлять осмотрительность и сдержанность, и там поняли — зарвались, пора бить отбой. В апреле 1871 года (мае по новому стилю) государь засобирался на курорт с непременно заездом в германскую столицу и позаботился пригласить с собой Горчакова. Кайзер Вильгельм заявил им, что и в мыслях не имел задирать Францию, что, видимо, соответствовало действительности. Бисмарк свалил всю вину на престарелого фельдмаршала Г. Мольтке, обозвав того молокососом. Но главной жертвой инсинуации стал Горчаков. Переданная тем информация содержала в переводе фразу, звучавшую резко: «Теперь мир обеспечен». Бисмарку она показалась оскорбительной, и в беседе с Александром он, как бы шутя, предложил поставить пьесу и в ней изобразить Горчакова в виде ангела-хранителя мира в белых одеждах. Государь не встал на защиту первого вельможи империи, покуривая и улыбаясь, он как бы шутя заметил, что старости свойственно тщеславие.

Отношения между канцлерами были испорчены навсегда. Бисмарк сделал выводы серьезные и для себя, и для потомков: Россия никогда не станет младшим партнером, никаких отношений, кроме уважительного равноправия, не признает. Значит, следует опираться на Австро-Венгрию и укреплять связывающие с ней узы. Иначе, как он писал кайзеру, — изоляция. Нельзя оставаться в одиночестве против Франции и России, имея рядом брошенную на произвол судьбы Австрию⁷⁰.

* * *

Близилось к концу второе мирное десятилетие. Усилиями отечественной дипломатии рухнул Парижский мирный договор. Осталась

и вышла на первый план задача освобождения балканских народов. Котел их недовольства накалялся. Для достижения цели необходим был народный подъем — фактор непредсказуемый, непланируемый и даже непрогнозируемый, без которого великие свершения в истории человечества не происходят. Ни малейшего сомнения в его необходимости Горчаков не допускал, правда, используя иную терминологию — симпатии, традиции. Без участия в процессе России повстанцы обречены на гибель, их войска — на поражение.

Но спрогнозировать события он не смог. Все — в будущем, более или менее отдаленном, а пока что «несмотря на существующие зародыши распада, зреющие в Турции, в ближайшее время насильственный кризис ей не угрожает» (1874 год)⁷¹.

5 июля 1875 года произошло первое столкновение в Герцеговине. И вспыхнул пожар — Босния, Болгария, Сербия, Черногория, и как венец всего, предвещавший победу и освобождение, — вмешательство России...

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1856. Л. 238, 250; 1857. Л. 35

2 Там же. 1856. Л. 128–129

3 Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 87. Л. 389, 390

4 Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 212–213. Раньше фраза переводилась с французского буквально: «Россия не дуется»

5 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 239, 238, 250

6 Канцлер А.М. Горчаков. С. 261

7 Там же. С. 264, 262, 265; *Рыжова Р.И.* Сближение России и Франции после Крымской войны. Русско-французский договор от 30 марта 1859 г. // Ученые записки МГПИ. Т. 87. М., 1957. С. 187, 198, 196

8 *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1996. Т. 1. С. 286

9 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1861. Л. 32–34; 1860. Л. 43

10 Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986. С. 95

11 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 59

12 Там же. Л. 61

13 Там же. 1857. Л. 40

14 *Parliamentary Debates (PD)*. 3-rd Ser. V. 237. P. 70–71

15 *Новичев Е.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937. С. 192, 190

- 16 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1857. Л. 56
- 17 *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 132; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1127. Д. 3. Л. 41; Ф. 828. Д. 583. Л. 82, 83
- 18 АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1859. Д. 1629. Л. 82
- 19 *Mărturii despre Unire*. București, 1959. P. 451–471
- 20 *Istoria României*. V. 4. București, 1964. P. 390–391
- 21 АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A2. Д. 1168. Л. 77
- 22 *Michelson P.* Conflict and Crises. Romanian Political Development (1861–1871). N. Y.; L., 1987. P. 91–92
- 23 АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A2. Д. 179. Л. 36
- 24 Там же. Ф. Отчеты. 1858. Л. 28–33, 35; 1859. Л. 146–147
- 25 Там же. Ф. Отчеты. 1862. Л. 12, 13, 17; Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 191–192
- 26 Там же. С. 168; АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1862. Л. 177–195, 202
- 27 *Magnus Ph. Gladstone*. L., 1954. P. 237, 135–138, 154
- 28 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1860. Л. 112
- 29 Там же. Л. 111, 117
- 30 Там же. 1872. Л. 240–248
- 31 Там же. Ф. Отчеты. 1960. Л. 95, 98
- 32 *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 144; *Нарочницкая Л.И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. М., 1984. С. 127–128
- 33 *Ревуненков В.Г.* Европейская дипломатия и польское восстание 1863 года. М., 1957. С. 259
- 34 Там же. С. 262
- 35 *Лопатников В.А.* Пьедестал. Время и служение канцлера А.М. Горчакова. СПб., 2002. С. 327
- 36 *The Times*. 25.07.1863
- 37 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 54; 1857. Л. 56
- 38 Там же. Л. 57
- 39 *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии 60–70 гг. XIX в. за объединение Германии. М., 1960. С. 196; *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и российско-балканских связей в 50–70 гг. XIX. М., 1970. С. 218
- 40 *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. М., 2004. С. 194
- 41 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1862. Л. 12, 17
- 42 Там же. 1866. Л. 89
- 43 Там же. Л. 95, 97
- 44 Там же. Л. 88–89, 93
- 45 Международные отношения на Балканах 1856–1878... С. 171, 172; *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 99

46 *Хевролина В.* Указ. соч. С. 194; последнее свидетельство приведено в книге правнука дипломата: *Игнатьев М.П.* Семейная хроника. СПб.

47 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 113–114

48 *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 257

49 Московские ведомости. 6 (18) июня 1867 г.

50 *Сенкевич И.Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970. С. 126–127

51 *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 67–68

52 *Тэйлор А.Дж.П.* Указ. соч. С. 241

53 *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 71–74; Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел князем А.М. Горчаковым. СПб., 1881. С. 101–111

54 *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. С. 99; *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 75

55 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 82. Л. 145–148, 152, 173; Д. 83. Л. 44–48

56 Correspondence respecting the Treaty of March 30 1856. L., 1871. P. 14, 15, 28

57 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 85. Л. 165, 168, 178

58 Correspondence... P. 49, 50, 62, 65, 105

59 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 68. Л. 196–198

60 *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 188

61 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 16. Л. 10, 16; *Kellog Fr.* The Road to Romanian Independence. W. Lafayette, 1985. P. 78

62 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 16. Л. 103–105, 116

63 Istoria României. V. 4. P. 556; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 14. Л. 23

64 Там же. Л. 23

65 Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Д. 14. Л. 72

66 *Никитин С.А.* Очерки... С. 263; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1872. Л. 195

67 *Ерусалимский А.С.* Бисмарк. Дипломатия. Империализм. М., 1968. С. 90; *Шнеерсон А.М.* В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969. С. 125

68 *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 195

69 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 153

70 *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 103–105

71 *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 205

В ВОДОВОРОТЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1870-Х ГОДОВ

Кризис грянул неожиданно: хотя его и предвидели, но когда именно он случится, никто сказать не мог. Консулы на местах стратегически подсчетами не занимались; не мудрствуя лукаво, они рассуждали просто: народ поднялся, потому что так жить нельзя. Буря долго назревала. «Турция сделалась слишком невыносимой, слишком дерзкой и одновременно слишком выродившейся, жестокой и не обладающей необходимой силой. Существование Турции сегодня лишается смысла, по крайней мере в ее провинциях, где население решительным образом возвращается к жизни, где оно слишком соединено с цивилизацией и христианской Европой», — так резюмировал сложившееся положение представитель в Дубровнике (Рагузе) А.С. Ионин. И тем не менее канцлер А.М. Горчаков, как мы писали выше, предсказывал спокойный 1875 год и, следя за прогрессирующей слабостью Порты, начинал даже верить в то, что Османская империя, быть может, развалится без всяких восстаний¹.

На 1875 год пришелся пик финансового кризиса, переживаемого султанатом. За 20 послевоенных лет Высокая Порта заключила 14 займов и обзавелась внешним долгом на астрономическую по тогдашним временам сумму в 5 с лишним миллиардов франков, в семь раз превышавший государственный бюджет страны. Около половины расходов приходилось на выплату процентов по задолженности и ее погашение. Низкие таможенные пошлины приводили к наводнению рынка зарубежными изделиями, местная промышленность жестоко страдала от конкуренции. Железные дороги сооружались иноземными фирмами. Правительство утратило контроль над финансами. Зайдя в тупик, Порта в октябре 1875 года объявила частичное государственное банкротство, обещая вносить наличными в ближайшие 5 лет лишь половину причитавшихся платежей, но в следующем году не выплатила ничего².

В июне 1875 года началось восстание в Герцеговине, быстро перекинувшееся на соседнюю Боснию. «Известно всем и каждому, что герцеговинское восстание было возбуждено экономическим разорением страны, безобразиями местных администраций и вообще безвыходным положением христианского населения, претерпевающего столько угнетений, мучений и унижений от магометанского населения и турецких чиновников», — писал в своем донесении консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев³. Он и его коллеги отмечали, что после 20 лет реформаторских потуг на европейский лад в жизни христиан сдвигов в лучшую сторону не произошло. В крае, где вместе с мусульманами проживали православные сербы и католики-хорваты, беги сдавали земли откупщикам, а те, в свою очередь, крестьянам в аренду, взимая за это не 12% урожая, а четверть и даже больше; на осуществление дорожной повинности власти сгоняли жителей из далеких деревень, так что тем приходилось тратить много времени на дорогу туда и обратно. Администрация не платила причитавшихся денег при работе с лошадьми. Заптии (полицейские) свирепствовали. Они — «язва для края». «Чего только они не делают, чтобы нанести вред христианам в материальном отношении, чтобы отравить их и без того грустное существование. Обьедают их, наносят им всякого рода оскорбления, бьют их, поносят беспощадно все, что есть святого у христиан». Те не находят правосудия в медресах (судах). «100 христиан во главе с митрополитом и самим Папою в тиаре не могут соперничать со свидетельством двух мусульман». Процесс ведется на турецком языке, непонятном жителям. «Слово „гяур“, поносное для христиан, здесь во всеобщем употреблении, христиан здесь иначе не зовут, как презрительным словом „гяур“ или „влах“, т. е. раб», — так описывал местные нравы консул в Шкодре (Скутари) И.С. Ястребов⁴. Непрекращавшиеся жалобы на административный произвол свидетельствовали, что жизнь по-прежнему шла мимо закона. Зашевелилась великодержавная дипломатия. Летом 1875 года завязались переговоры с целью урегулирования восточного вопроса, длившиеся два года. Нельзя даже сказать, что они не завершились ничем, ибо из тупика противоречий не выходили, слишком разным был подход ведущей тройцы — России, Великобритании и Австро-Венгрии к проблеме реформ на Балканах, чтобы стороны могли договориться. Российская дипломатия выступала за превращение Боснии, Герцеговины и Болгарии в автономные княжества подобно Румынии и Сербии. Форин-офис придерживался доктрины статус-кво — сохранения в регионе власти Высокой Порты и территориальной целостности Османской империи. Вена гласно придерживалась той же позиции, однако в то же время заглядывалась

на Боснию и Герцеговину с целью их присоединения в форме оккупации. Лондон выступал против каких-либо мер в отношении Турции, которые именовались побудительными, и допускал проведение реформ лишь с ее согласия, оставляя за Портой право абсолютного вето, что ставило большой крест даже на самых скромных проектах. «Турки, — писал консул в Дубровнике А.С. Ионин, — не понуждаемые силой, и пока все не рушится над их головой, ни за что не согласились бы сжечь свои корабли, отрезать себе возможность отступления и обмана, когда горячка пройдет»⁵. В Лондоне хорошо помнили опыт полувековой давности: в 1828 году Россия получила свободу рук в восточном вопросе, разгромила Турцию в войне, нанесла сокрушительный удар ее могуществу, Адрианопольский мир 1829 года ознаменовался укреплением автономных прав Дунайских княжеств и Сербии и открыл дорогу к независимости Греции⁶. Подобного эксперимента Форин-офис повторять не собирался и встал горой на защиту прав Высокой Порты.

Вену, ценой величайших усилий российского МИДа, удалось подвигнуть на выработку программы скромных преобразований в Турции. Нота Андраши (декабрь 1875 года), названная так по имени главы ее внешнеполитического ведомства, предусматривала: 1) свободу вероисповедания для христиан; 2) ликвидацию откупной системы при аренде земли; 3) улучшение аграрных отношений; 4) использование взимаемых с провинций налогов на удовлетворение только их нужд; 5) создание комиссии из мусульман и христиан для наблюдения за ходом реформ. Высокая Порта отвергла лишь пункт 4, грозивший крупными потерями казне. Важнейший, третий пункт отличался полным отсутствием конкретики относительно мер в аграрной сфере. Остальные положения относились к системе турецкого управления и не содержали даже намека на предоставление восставшим провинциям автономии. Христиане требовали наделения их землей, султан же, заявляли в ответ представители власти, не может ограбить своих верных подданных — мусульман, отобрав у них земли в пользу бунтовщиков-христиан⁷. Никакого посягательства на прерогативы Высокой Порты нота не содержала. Не к тому стремились повстанцы, не о том мечтали в Белграде и Цетинье, помышляя о присоединении Боснии к Сербии и Герцеговины к Черногории, отсюда — отрицательный отклик в южнославянской среде на демарш. Российский МИД убедился в печальной для себя истине: он считал ноту отправной точкой для развертывания преобразований, Вена же рассматривала ее осуществление как их завершение. Н.П. Игнатьев, немало потрудившийся для того, чтобы получить согласие держав на отправление

ноты, сам считал ее «ничтожеством», боснийцы ее отвергли, «по их мнению, — сообщал из Сараева консул А.Н. Кудрявцев, — нота графа Андраши была сделана для спасения Турции и гибели славян. Славяне, впрочем, нисколько тому не удивились, ибо от венгерца не ожидали других действий».

Крепло убеждение, что дальше бумаготворчества реформаторство не пойдет. А.Н. Кудрявцев информировал посла Н.П. Игнатьева: «Здесь мусульмане не хотят и слышать о новых льготах и правах, которые христиане могут получить, в особенности назначение христиан на должности, на посты губернаторов и каймакамов приводит их в исступление». «Как, — говорят они, — нами будут повелевать гяуры — никогда!» За «фикцию» в виде ноты Андраши, был уверен Игнатьев, инсургенты не обменяют «преимущества, уже завоеванные героической борьбой»⁸.

Что касается их вождей, то они реагировали на ноту осторожно, продуманно и дипломатично. Они выразили признательность державам за проявленную о них заботу, высоко оценили благородные принципы, в послании заложенные, но выразили досаду по поводу отсутствия в бумаге указания на средства для достижения высоких целей и сами их перечислили: учреждение «особого управления» Боснии и Герцеговины (иными словами — предоставление им автономии), «переход спахийских земель к земледельцу» (то есть подрыв феодальной мусульманской системы землевладения). Пусть Порта выведет свои войска из провинций, оставив 5 тысяч человек в городах, восстановит разрушения и позволит христианам носить оружие. И тогда они вернутся к своим очагам.

Со стороны графа Д. Андраши раздалось сердитое ворчание. Он не намерен ни на шаг отступать от своего творения. Последовало уточнение со стороны повстанцев: они настаивали на передаче христианам одной трети имевшейся у бегов земли⁹. Их усилиями нота из туманной декларации принципов превращалась в план преобразований.

Отклонение повстанцами ноты в первоначальном виде сделало дальнейшую дискуссию вокруг нее беспредметной.

Весна 1876 года принесла с собой Апрельское (майское по новому стилю) восстание в Болгарии, свирепо подавленное. Лето стало свидетелем еще одного удара по надеждам на освобождение христиан. В июле Сербия и Черногория объявили войну Высокой Порте. Сербская армия потерпела поражение, хотя и была пополнена 5 тысячами добровольцев из России и возглавлял ее генерал М.Г. Черняев. Турецкие войска, которыми командовал Нури Осман-паша, будущий защитник крепости Плевна, были остановлены вблизи Белграда не воинской си-

лой, а российским ультиматумом с угрозой прервать со Стамбулом дипломатические отношения (октябрь)¹⁰. Славянских ресурсов явно не доставало для достижения успеха.

На дипломатическом фронте продолжалось топтание на месте. Встреча канцлеров трех империй, Германской, Российской и Австрийской, в Берлине 13 мая 1876 года завершилась принятием беззубого меморандума, державы подтвердили свое желание подвинуть Порту к принятию ноты Андраши и провести переговоры с восставшими. В случае их неудачи стороны обещали принять действенные меры «в интересах всеобщего мира», не обозначив их конкретно. Франция и Италия поспешили присоединиться к декларации, но британский Форин-офис усмотрел в ней посягательство на суверенные права Порты, продемонстрировав тем самым, что Османская империя имеет прочную опору в лице владычицы морей¹¹.

От свидания двух императоров, Александра II и Франца Иосифа, сопровождаемых министрами иностранных дел, 26 июня (8 июля) 1876 года уже отчетливо веяло порохом. Бытующее в историографии представление о заключении в Рейхштадте соглашения не соответствует действительности. На самом деле все ограничилось составлением записей Горчакова и Андраши о возможных итогах кризиса в двух вариантах — на случай победы Турции и на случай успеха повстанцев. Бумаги не были подписаны и имели значительные расхождения. Запись Горчакова в оптимальном варианте предусматривала присоединение Герцеговины к Черногории и Боснии к Сербии с вознаграждением Австрии «турецкой Хорватией и некоторыми пограничными частями Боснии», подлежащими определению в дальнейшем. Австрийский вариант предвидел оккупацию провинций войсками Габсбургской монархии, Черногории отходила часть Герцеговины¹².

Луч надежды в дискуссионном беспросветье мелькнул в декабре 1876 года — в Константинополе собралась конференция послов, посвященная проведению реформ в восставших областях, и результаты ее выглядели впечатляюще: Босния, Герцеговина и Болгария, разделенная на две части, получали административную автономию, в них учреждались народные собрания с представительством мусульман, православных, а в Боснии и Герцеговине и католиков, вводилось местное самоуправление, предусматривалась деятельность судов по уголовным и гражданским делам, упразднялись откупа, провозглашалась свобода исповедания. Все это было согласовано на предварительных заседаниях, без участия османских уполномоченных.

Чем объяснялась податливость английских и австрийских делегатов на доводы Н.П. Игнатьева? И в Великобритании, и в Австро-

Венгрии общественность далеко не единодушно выступала за сохранение в целостности власти прогнившей Османской империи на Балканах. Холодный расчет побуждал к смене традиционного курса — представлялось неразумным бесконечно цепляться за тень былой могучей державы. Британия, мастерская мира, обладательница богатой казны, имеет все шансы утвердить свое прочное влияние в автономиях, образующихся на обломках Османской империи. Надо заботиться не о старом засохшем дереве, а о юных саженцах. Россия явно решила выступить с мечом в руке. В Бессарабии концентрируется ударная армия. Повторять опыт 1828 года, когда оставшаяся без присмотра Россия разгромила турок, представлялось бессмысленным. В кабинете ее величества отсутствовало единство взглядов. Премьер-министр Б. Дизраэли, получивший титул графа Биконсфилда, возглавлял воинственную партию, глава Форин-офис граф Э. Дерби — миролюбивую. Он не был сторонником дарования восставшим провинциям автономных прав, странно было бы требовать этого от видного представителя партии тори, отказывавшей ирландцам в гомруле. Но глава знаменитой ланкаширской фамилии считал преступным развязывать на балканской почве новую Крымскую войну и выступал за урегулирование восточного вопроса на базе умеренных реформ. Он именовал повстанцев «варварским маленьким народом», недостойным автономии. Премьер Б. Дизраэли выражался решительнее: «Это ужасное герцеговинское дело можно было бы уладить в неделю, обладай турки должной энергией»¹³. Послу П.А. Шувалову он заявил, что боснийцы и герцеговинцы не к реформам стремятся, а к независимости, что в смысле конечной цели соответствовало действительности. Посол в Стамбуле сэр Генри Эллиот бестрепетно сообщал о «зверствах» повстанцев, призывал «не жалеть усилий» ради быстрейшего подавления движения и объявлял сведения о жестокостях карателей «чудовищно преувеличенными»¹⁴.

В турецких водах бросила якоря сильная, в составе 10 броненосцев, британская эскадра, что было сочтено поддержкой жесткой позиции Высокой Порты. Однако при подавлении апрельского 1876 года восстания в Болгарии власти проявили такую «энергию», что британские сердца дрогнули. Башибузуки, славившиеся особой свирепостью турецкие вспомогательные войска, подавили восстание в духе своих традиций, вырезав население целых сел, сооружая пирамиды из отрубленных голов «бунтовщиков». Тысячами жертв заплатили болгары за попытку сбросить иноземное и иновечерское иго. Тем не менее Дизраэли долго и упорно отказывался верить поступавшим сведениям о жестокости расправ. Г. Эллиот настоял на посылке в Турцию броне-

носной эскадры. Берлинский меморандум вообще не был передан Высокой Порте — вручать его под жерлами пушек на судах ее величества не имело смысла. Газета «Таймс» писала 8 июня 1876 года: ни один житель Константинополя не взирает с ужасом на морских левиафанов, «они думают, что британский флот предвещает британский союз, который 20 лет тому назад привел к Крымской войне».

Однако помешать поступлению информации из Турции кабинет не мог. Первые сведения о том, что творилось, опубликовала либеральная газета «Дейли ньюс» 18 мая; в июне число сообщений увеличилось, в июле сведения о расправах заполнили страницы печати. В районы восстаний и бедствий выехали британские и американские журналисты и российский вице-консул в Филиппополе (Пловдиве) А.Н. Церетелев. Их отчет в виде брошюры появился в августе в Одессе. Мир ахнул. Британская общественность реагировала на эти ужасы быстрее законодателей. Р. Шэннон в своем исследовании насчитал 500 собраний, заседаний, митингов протеста. Каноник Лиддон выступил с гневной проповедью в лондонском соборе Святого Павла, солидарность с южными славянами выразили Ч. Дарвин, философ Г. Спенсер, поэты У. Моррис и Р. Браунинг¹⁵. В Форин-офис зачастили депутации — от Лиги помощи турецким христианам, дельцов Сити, объединения сельскохозяйственных рабочих и многие другие. Граф Дерби в сентябре-декабре получил 6 тысяч меморандумов, заявлений, деклараций, 44 тысячи женщин направили свой протест непосредственно королеве Виктории. Ирландцы связывали осуждение протурецкой политики правительства с собственным угнетенным положением, их ораторы говорили об английском гнете над Изумрудным островом¹⁶.

10 и 17 июля в Палате общин прозвучали неприятные для кабинета запросы. По словам А. Манделлы, «факты так потрясающи, что английские газеты не в состоянии их описать». «У нас, — продолжал он, — великолепный флот в Безикской бухте, мы держим посла в Константинополе», и вынуждены питаться газетной информацией «о делах, позорящих человечество, являющихся одной из самых кровавых страниц в его истории»¹⁷.

Воспользовавшись приступом подагры, постельным режимом и свободным временем, виднейший либерал, бывший премьер-министр Вильям Юарт Гладстон взялся за перо и написал бичующий памфлет «Ужасы в Болгарии и восточный вопрос», переведенный на много языков. Автор обличал в нем не только обветшавшее турецкое господство на юго-востоке Европы, но и его покровителей на берегах Темзы: парламент поздно приступил к обсуждению больного вопроса и уделил ему мало внимания, «приближалось время спор-

тивного календаря, на который никто не смеет посягнуть», — иронизировал автор, намекая на пристрастие парламентариев к охоте на лис. В итоге «Великобритания оказалась морально ответственной за самые низкие и черные преступления, совершенные в нашем столетии». Появление в турецких водах эскадры ее величества в двадцать вымпелов (включая вспомогательные суда) мир расценил как покровительство султанскому режиму. Гладстон добавлял и кое-что другое: флот расположился наилучшим образом для того, чтобы в случае распада Османской империи захватить самые лакомые куски¹⁸. Он доказывал, что если в умах балканцев укрепится убеждение, что «Россия — их опора, а Англия — их враг», то Россия станет хозяином будущего Восточной Европы. «Правительство ведет в высшей степени неразумную игру». Общественность начинает опасаться, что отстаивание неприкосновенности султанской державы, чем занимается кабинет, означает для Турции возможность «безнаказанно творить безмерные дикости и удовлетворять разнузданные и бесовские страсти». Рогатки, расставленные кабинетом на пути российских предложений о реформах, играют на руку Петербургу и открывают для него путь к войне. Заканчивался памфлет на гневной ноте: пусть османские власти «со всеми своими пожитками» уберутся из провинции, которую они «опустошили и над которой надругались». Это единственное, что осталось сделать «во имя памяти толп убитых, поруганной чистоты матрон, девиц и детей, во имя цивилизации, которую попрали и опозорили, во имя законов Господа или, если хотите, Аллаха и общечеловеческой морали»¹⁹.

Гладстон не был одинок в своих воззрениях. Даже отдельные сторонники правительства их разделяли и помышляли о создании зоны, пояса, барьера (как бы их ни называли) из балканских стран, отделив их от России. Они рассчитывали воздвигнуть преграду ее влиянию, пойдя в определенной степени навстречу пожеланиям народов, способствуя созданию на Балканах государственных образований и укрепляя в них свои позиции.

Реальная обстановка не способствовала претворению в жизнь подобных замыслов, неудача болгарского восстания, трудное положение боснийцев и герцеговинцев, поражение сербов в войне с Высокой Портой показывали, что внутрибалканских сил недостаточно для достижения успеха. И, главное, эти силы не собирались удовлетворяться ограниченным самоуправлением в составе Османской империи, а рвались к независимости. Откровенные защитники Порты в британском истеблишменте занимали влиятельные, если не сказать господствующие позиции. Их взгляды выражал посол в Константи-

нополе сэр Генри Эллиот: «На обвинения в слепой приверженности к туркам я отвечаю, что мое поведение определялось всегда не сентиментальной склонностью к ним, а твердой решимостью в меру своих сил отстаивать интересы Великобритании. Я разделяю убеждения выдающихся государственных деятелей, определявших нашу внешнюю политику, что эти интересы настоятельно требуют предотвратить распад Турецкой империи. Создается впечатление, что ныне мелкие политики и лица, позволяющие себе, под воздействием чувства возмущенной гуманности, забыть о фундаментальных вопросах. Мы можем и даже должны негодовать в связи с чудовищной жестокостью, с которой было подавлено недавнее болгарское восстание; но для Англии существует настоятельная необходимость предупредить пагубные для нее события, независимо от того, 10 или 20 тысяч людей погибли в ходе подавления»²⁰. Граф Дерби ответил на депешу посла мягким упреком ее автору: «Никакие политические соображения не оправдывают терпимости к подобным актам». Иначе реагировал Дизраэли, он сделал выговор не Эллиоту, а маркизу Солсбери за его примирительную позицию на недавней конференции в Стамбуле: «Солсбери во власти предрассудков и не понимает, что его послали в Константинополь для того, чтобы не пустить туда русских, а вовсе не для того, чтобы создать идеальные условия для турецких христиан»²¹.

Все попытки российской стороны подвинуть британскую на какие-то шаги в нужном направлении окончились неудачей, а просьбы и уговоры на султана и его окружение не производили впечатления. В Петербурге еще раньше, в сентябре 1876 года родилась мысль о вводе в Турцию российских и австрийских войск. По словам Шувалова, Дерби «оцепенел от ужаса», услышав об этом. Он советовал не толкать падишаха в сторону «экстремистов» и не парализовывать его усилий, поднимая против него собственных подданных»²², — усилий, существовавших только в воображении красноречивого министра!

А турки преподнесли конференции оглушительный сюрприз. Неурядицы в османских верхах продолжались, султана Мурада V сместили, его сменил Абдул Хамид II. Спешно появилась конституция. И в самый день официального открытия конференции Савфет-паша под грохот артиллерийского салюта объявил собравшимся, что его величество только что облагодетельствовал подданных новыми законами, по которым все они обладают, независимо от конфессиональной принадлежности, равными правами, а посему христиане не нуждаются в каких-то особых привилегиях. Раздосадованным делегатам, долго

корпевшим над подготовкой решений, пришлось разойтись несолоно хлебавши.

* * *

Венская дипломатия по многим причинам не могла открыто, в лоб выступать против российских инициатив. Австро-Венгрия являлась членом Союза трех императоров (германского, российского и австрийского). На самом деле это был не прочный альянс, а некий совещательный орган по восточному вопросу для принятия согласованных решений. Выяснилась тактика Вены — не отвергать с порога российские замыслы, а топить их в многочисленных поправках и с помощью умелой редактуры, на что высокие чиновники с Бальхауспляц были большие мастера.

Габсбургская держава не сумела воспользоваться Крымской войной для того, чтобы, как выражалась отечественная пресса, еще глубже запустить свои когти в балканскую почву. Позднее Австрия была выдворена своими соседями из Италии и Германии, в Вене существовали серьезные опасения, что за сим придет выдворение с Балкан, где крепили позиции молодых государств, прежде всего Сербии, Румынии и Греции. У двух первых миллионы единоплеменников проживали в австро-венгерских землях. Белград и Бухарест грозили превратиться в центры притяжения для австрийских сербов и румын. Помимо этой неприятной перспективы, существовала и другая, более близкая, в виде претензий Сербии и Черногории на боснийско-герцеговинские земли и возникновения некоего Балканского Пьемонта, способного дать отпор австрийским притязаниям. Подобной опасности следовало дать отпор. Появилась стратегическая установка — нельзя допускать создания в Юго-Восточной Европе крупного государства, следует в первую очередь пресечь объединительные поползновения сербов, что можно осуществить лишь занятием Боснии и Герцеговины.

29 января 1875 года состоялось секретное заседание под председательством кайзера Франца Иосифа. Основным докладчиком выступал министр императорского двора и иностранных дел граф Дьюла Андраши. Если Австро-Венгрия не сможет воспрепятствовать овладению Боснией и Герцеговиной со стороны Сербии и Черногории и образованию по соседству сравнительно большого славянского государства, то монархии грозит превращение в «большого человека» Европы, утверждал он. Державе следует быть начеку и готовой к любому развитию событий. Цель — присоединить Боснию и Герцеговину,

превратить их в хинтерланд для далматинских владений монархии, вбить тем самым австрийский клин между двумя княжествами.

Подобная акция нуждалась в правовом оформлении и оправдании: «Мир должен видеть, что мы не завоевательную войну ведем, а лишь действуем в интересах своей безопасности и интегритета». Полезно сослаться на историю — некогда эти земли входили в состав Венгерского королевства. Неразумно, однако, просто так отобрать у дружественной Турции принадлежащую ей территорию. И появилась формула оккупации (подразумевалось — вечной), которая, по словам графа Андраши, не должна была выглядеть аннексией. На сей день, добавил он, трудно определить точные границы земель, на которые распространяются претензии; нельзя делить шкуру неубитого медведя; однако, многозначительно добавил он, все мясо должно достаться Австрии, а прочим придется удовлетвориться костями²³.

Кайзер Франц Иосиф с докладчиком согласился: «Сегодня следует придерживаться идеи, что абсолютно необходимо получить для Далмации хинтерланд» и прорубить между Сербией и Черногорией территориальный коридор. Следует, однако, соблюдать в приращениях определенную сдержанность, чтобы не слишком выросла доля славянского элемента в монархии.

Совещание определило стратегическую линию Австро-Венгрии в нависшем над Балканами конфликте. Конкретику в соображения политиков внесли генералы: по их мнению, предстояло сосредоточить 150-тысячный ударный кулак в Хорватии и Далмации для последующего вторжения в Боснию и Герцеговину.

Венгерский историк Й. Диосеги называл принятый Веной курс экспансией, объяснимой (точнее даже — оправдываемой) оборонительными соображениями²⁴.

Российскому кабинету в условиях надвигавшейся войны с Турцией следовало не просто уточнить австрийскую позицию, а добиться соблюдения соседкой нейтралитета. Экспансионистские устремления партнера по Союзу трех императоров стали для Петербурга очевидны после встречи в Рейхштадте. Александр II решил произвести зондаж в Берлине, чтобы выяснить отношение рейха к возможному столкновению России с Австро-Венгрией. Ответ поступил от Бисмарка, снабженный обычными дипломатическими любезностями, но крайне неутешительный по существу: интересы Германии будут глубоко задеты, если возникнет угроза для Габсбургской монархии, для ее положения в Европе и ее независимости. Иными словами — Второй рейх не допускал разгрома Австро-Венгрии. Война с Габсбургами, буде она разразится, предстояла для России более чем с странная — без права на победу, то есть бессмысленная²⁵.

Угроза военного столкновения с Габсбургской монархией являлась не плодом воспаленного воображения царских сановников, а реальной опасностью. 13 ноября 1876 г. Франц Иосиф провел совещание с генералами на предмет подготовки похода против России. В своем вступительном слове его величество заявил: уже продолжительное время ведутся тайные переговоры с русскими. Их война с Турцией — решенное дело. Россия рассчитывает ее выиграть при условии австрийского нейтралитета. Кайзер дважды подчеркнул, что ожидаемое подписание соглашения с Петербургом совершенно не означает союза с Россией. Далее он заявил: несмотря на договоренность, которую предстоит достичь, нет уверенности в том, что императорски-королевские войска смогут вступить в Боснию и Герцеговину в подходящий момент. Его обуревают тревога в связи со зверствами мусульман в отношении христианского населения; исходя из соображений гуманности его долг — прийти на помощь страдальцам, а посему следует провести мобилизационные мероприятия уже зимой.

Для него, продолжал император, еще не ясны детали соглашения с Россией и вытекающие из него политические последствия: будут ли они полностью отвечать австрийским интересам, не нависнет ли над ними угроза. А посему следует придерживаться взятых на себя обязательств (понимай — нейтралитета) до той поры, пока не обозначатся упомянутые угрозы. Кайзер несколько туманно упомянул о революционной опасности в России, которая могла бы помешать самодержавию выполнить взятые на себя обязательства. Зато вывод звучал вполне определенно: в этой «западне» для Австрии может возникнуть необходимость вступить с Россией в войну²⁶.

Если рассуждения Франца Иосифа перевести на язык фактов, обозначилась крайне опасная для России перспектива — заранее замышлялось предательство по отношению к ней. Главный интерес Габсбургской монархии заключался в вытеснении соперника с Балкан. Судя по всему, кайзер и его окружение не думали ограничиваться занятием Боснии и Герцеговины, а собирались обратить оружие против России, надеясь в этом сотрудничать с Великобританией. Правда, Франц Иосиф тут же заговорил о своем крайнем нежелании хвататься за меч²⁷. Все будет зависеть от обстоятельств — удастся ли все же обзавестись союзником? И тут же добавил деловито: «Войну с Россией следует начать, когда война (последней. — *Авт.*) с Турцией будет в полном разгаре» и «очень значительные массы русских войск передислоцируются с севера в глубину» османской территории²⁸. Намечался удар в спину партнера по Союзу трех императоров. Генеральный инспектор австро-венгерских вооруженных сил эрцгерцог Альбрехт добавил к

соображениям кайзера свои: планируемое нападение на Россию должно выглядеть в глазах внешнего мира как оборонительная акция (!!). Перед изощренной венской дипломатией заранее ставилась задача обнаружить у российской стороны нарушение принятых на себя обязательств по еще не подписанному соглашению.

Ноябрьское совещание завершилось вполне деловым обсуждением того, сколько войск надлежит сосредоточить в Галиции, откуда и нанести главный удар по России: как захватить перевалы Карпатских гор²⁹.

Впору задать вопрос; а не делила ли венская камарилья с Альбион-ом репутацию коварства? Обо всех этих кознях Петербург знать не знал и ведать не ведал. Да, дипломатия партнера по Союзу трех императоров славилась своей склонностью к интриге, но в таком двуличии ее все же не подозревали и готовились обеспечить ее нейтралитет в Русско-турецкой войне с помощью тяжелых жертв (во внутренней переписке фигурировала осторожная формула «эволюции австрийской политики в английском направлении»)³⁰. Открытой перебежки Дунайской монархии во вражеский лагерь все же не ожидали.

В январе-марте 1877 г. была достигнута договоренность, зафиксированная в Будапештской конвенции: Австро-Венгрия обязалась соблюдать по отношению к партнерше доброжелательный нейтралитет в ее войне с Турцией, противодействовать вмешательству в нее других стран, соглашалась на возвращение Южной Бессарабии в состав России, которая дополнительно ко всему отказывалась от идеи образования на Балканах крупного государства. В качестве награды Вена получала право занять своими войсками Боснию и Герцеговину в любое удобное для себя время³¹.

В Петербурге решили, что подготовились к противоборству с Турцией один на один. Граф Андраши вел себя в дальнейшем так, как будто конвенции не существовало.

По прочно усвоенной привычке он лицемерил даже тогда, когда в этом не было не то что нужды, но даже смысла. По британским сведениям, он уверял турок, что венский кабинет не желает обладать Боснией и Герцеговиной, ни даже временно оккупировать их. Для него это скорее обуза, чем приобретение. Далее следовало главное: «Но в Вене и в Пеште еще в меньшей степени могут вытерпеть тот факт, что Сербия будет расширяться путем завоеваний, так что она станет центром притяжения для славян Габсбургской монархии и будет угрожать морской мощи Австрии на Адриатическом побережье». В качестве защитной меры подразумевалась оккупация Боснии и Герцеговины³². В дальнейшем «сербский вариант» оккупации был отброшен и заменен другим объяснением, совсем уж иезуитским. По ходу восстания из Боснии и Герцеговины в Австро-

Венгрию устремились беженцы, по одним данным — 200, по другим 150 тысяч человек, доставлявшие массу хлопот властям. Решено было выдворить их из страны. По австрийской версии, для их безопасности им следовало придать австрийскую охрану. Тщетно султан клялся, что возвращение можно обеспечить местными силами. Посол в Константинополе граф Ф. Зичи категорически выступал против подобного варианта. Он отказывался называть задуманную операцию оккупацией — «ведь мы позволим пребывание султанской армии в нескольких населенных пунктах, в Сараеве и других...»³³. В дальнейшем, при осуществлении ее, австро-венгерские войска подавили сопротивление повстанцев и «задержались» в Боснии и Герцеговине на целых 40 лет.

* * *

О крайней напряженности в англо-российских отношениях можно судить по обмену репликами между Дизраэли и Александром II на закате 1876 года. Премьер-министр выступил в резиденции лорда-мэра Лондона в ноябре с прогремевшей речью: «Хотя политикой Англии является мир, не существует державы, более подготовленной к войне. Англия не та страна, которая, вступая в кампанию, спрашивает себя, выдержит ли она вторую или третью». Все восприняли речь как угрозу в адрес России. Царь поднял брошенную перчатку и, выступая в Кремлевском дворце, заявил, что хотел бы прийти к общему соглашению, но если этого не удастся достигнуть, он имеет «твердое намерение действовать самостоятельно»³⁴.

Рассуждая о полной боевой готовности Великобритании, Дизраэли изрядно прихвастнул. Все обратили внимание на то, что в своей речи он ни словом не обмолвился об отважных и верных союзниках короны, штыки которых играли столь важную роль в английских войнах. Таковые просто-напросто отсутствовали, Австро-Венгрия в альянс еще не вербовалась. А в России началась мобилизация в Одесском, Харьковском и Киевском военных округах. Главнокомандующим в Дунайскую армию царь назначил своего брата великого князя Николая Николаевича.

* * *

Многотерпеливые дипломаты еще раз собрались в кружок в Лондоне в марте 1877 года. Встрече предшествовали трудные переговоры

посла в Великобритании П.А. Шувалова с графом Э. Дерби. Тот возражал против мер в отношении Турции, именовавшихся побудительными, и требовал даже отказаться от употребления в подготавливаемых материалах слова «действия» (держав), предлагая заменить его общими фразами (демарш, меры) и настаивал на демобилизации сосредоточенной в Бессарабии российской армии, как и противостоявших ей турецких войск. Все — только с санкции Высокой Порты! Шувалов твердил главе Форин-офис то, что тому было хорошо известно: понеся тяжелые расходы на содержание армии, распускать ее, «не имея уверенности в улучшении участи христиан», бессмысленно³⁵. А султан расценил полученную от участников лондонского совещания просьбу о проведении реформ как недопустимое вмешательство во внутренние дела империи.

Дипломатическая ладья прочно села на мель. Стало ясно, что остался один путь освобождения южных славян — в десятой по счету Русско-турецкой войне. Нелегко было принять решение. И над императором, и над канцлером Горчаковым довлел синдром Крымской войны, казалось почти невозможным избежать общеевропейского столкновения. Весомо и зримо выступал фактор общественного мнения. Солидарность со славянами выступала не в декларациях и манифестациях, а в действенной их поддержке рублем, медикаментами, снаряжением и порохом³⁶. В храмах, на сельских сходах, в земских управах, в дворянских собраниях и городских думах проводился сбор денег. Московский и Санкт-Петербургский благотворительные славянские комитеты пожертвовали солидную сумму — 1,5 миллиона рублей. Трогательно читать о скромной лепте людей, явно не обремененных большим достатком: крестьяне слободы Кукарки Вятской губернии пожертвовали соответственно 10, 2, 3 и даже один рубль, гимназист Преображенский из Уфы передал 13 рублей, собранных соучениками; Митя и Маша Овсянниковы прислали 3 рубля, полученные ими в подарок к празднику. И две трети средств поступило именно от малых сих³⁷. Низы и верхи общества смешались в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной. Э.С. Радзинский прав, когда пишет — «война могла объединить Россию»³⁸. Закупалось оружие и снаряжение, в Сербию отправлялись лазареты с оборудованием, лекарствами и персоналом — от сестер милосердия до светил медицины Н.Ф. Склифосовского и С.П. Боткина. С энтузиазмом выполнялись заказы для армии. Так, крестьянам Херсонской губернии поручили заказ — сшить 500-тысяч пар нательного белья по полтора рубля за пару, а сшили 700-тысяч и не взяли за это ни копейки³⁹. Пять тысяч волонтеров пополнили сербскую армию, и среди них — много

офицеров действительной службы, которым дома сохранялись чины и шла выслуга лет. Глашатаем движения стал Ф.М. Достоевский в своем «Дневнике писателя»: «Пора такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов». «Война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы живем, задыхаемся, сидя в немощи рабства и духовной тесноте». Федор Михайлович был красноречив: «Великий восточный орел взлетел над миром. Не покорять, не расширять границы он хочет, а освободить и восстановить угнетенных и забытых, дать им всякую жизнь на благо человечества». Противников войны он именовал «общечеловеками» и «самооплевниками»⁴⁰. Они были прижаты к стене, мало кто из них решался подать голос. П.А. Вяземский сделал это в письме к другу, которое просил не сжигать. Как и Горчаков, он считал, что освобожденные народы пойдут дорогою своих интересов и не станут опорой России (самодержавной) в регионе: «Все, что делается по Восточному вопросу — настоящий и головоломный кошмар. Правительство не видеть и не слышать, а на сцене X и XX с компаниею, они распоряжаются судьбами России и Европы. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Лучше иметь для нас сбоку старую Турцию, слабую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить нас не будет»⁴¹.

Оппозиции войне, как организованной силы, не существовало. Но ведь на правителях всегда лежит обязанность слушаться не сердца, а ума, хладнокровно взвесить, к чему война может привести. Александру II принадлежат слова: «Я не менее других сочувствую христианам Турции, но ставлю выше всего интересы нашей страны. Мы не можем втягиваться в европейскую войну». Он писал Д. Милютину: «Опять вся Европа опрокинется на нас»⁴². Отсюда — маневр с заключением Будапештской конвенции в надежде на то, что от Австрии удастся откупиться. Одни в это верили, другие нет. Горчаков полагал, что на защиту Османской империи встанут Великобритания и Австро-Венгрия, и тогда — общеевропейское побоище с непредсказуемыми последствиями. Министры внутренних дел и государственных имуществ придерживались той же точки зрения. Глава финансового ведомства М.Х. Рейтерн, который «после Крыма» много лет вытаскивал Россию из долговой ямы, подал записку на высочайшее имя, в которой предрекал, в случае начала войны, финансовый крах, хозяйственный кризис, вынужденный отказ от проведения реформ и развитие революционного движения. Он запросился в отставку, в которой ему было отказано⁴³.

Тревога охватила военных авторитетов. Стремясь к тому же, что и дипломаты, к ограничению размаха войны, они предлагали иные средства. Горчаков первоначально планировал малую войну с операциями до гряды Балканских гор, надеясь в подобном случае склонить Высокую Порту к сравнительно умеренному миру: Болгария к северу от них — автономное княжество, турецкие крепости на ее территории срываются, чиновники удаляются; Южная Болгария, Босния и Герцеговина получают учреждения, признанные державами отвечающими их потребностям; Сербии, Черногории и Румынии предоставляются территориальные приращения, последней, возможно, удастся добиться независимости. Россия возвращает себе Южную Бессарабию и присоединяет порт Батум на Кавказе; она не станет противиться «вознаграждению Австро-Венгрии Боснией и Герцеговиной»⁴⁴.

Генералы считали дипломатов некомпетентными в военных вопросах. Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич полагал, что «дипломатия вообще вмешивается в дела, до нее не касающиеся». Одолеть Турцию можно, только взяв Константинополь (но без намерения его присоединить). Автор стратегического плана генерал Н.Н. Обручев полагал, что избежать общеевропейского столкновения можно лишь на путях блицкрига. Его взгляды несли на себе отпечаток легкомыслия, он рассчитал все по дням: до Адрианополя — 70–80 суток, поход на Стамбул — еще 14, и победа! Вся война займет 3–4 месяца⁴⁵.

* * *

Путь на Балканы лежал через Румынию, следовало договориться с Бухарестом о пропуске российских войск, на что потребовалось время и значительные усилия со стороны отечественной дипломатии. Румыния, как и Греция, осталась в стороне от поднятой их славянскими соседями бури. Афинское правительство считало цели восстания достижимыми лишь в случае вмешательства России. Тесные не только официальные, но и родственные связи с петербургским двором давали основание полагать — большая война в недалеком будущем неотвратима. Следовало ждать и надеяться.

Румынская олигархия избрала путь более сложных комбинаций. Сменявшие друг друга в 1875–1876 годах правительства выступали за сохранение нейтралитета в сотрясавших Османскую империю конфликтах. 24 февраля (4 марта) 1876 года министр иностранных дел И. Бэлчану отправил в столицы держав телеграмму показательного

содержания: «Румыния, чуждая по языку, по крови, по духу расам, обитающим в Турции, не отказывает им в симпатиях, но не видит в том, что происходит за Дунаем, ничего такого, что побудило бы ее забыть о волнующих ее экономических и социальных проблемах, требующих решения любой ценой»⁴⁶. Существовала надежда, вскормленная предшествовавшими успехами на внешнеполитическом поприще, приплыть на дипломатической ладье к пристани, именуемой независимостью. В апреле ведомство иностранных дел в либеральном кабинете И.К. Брэтиану возглавил крупнейший деятель эпохи возрождения Михаил Когэлничану. В июне он отправил в Стамбул депешу с изложением условий реализации, которых кабинет хотел добиться в обмен на свое хорошее поведение. Правительство стояло в стороне от потрясений на южнославянских землях, говорилось в ней, что удавалось ему не без труда, учитывая настроения сотен тысяч болгар, проживавших в стране. Выражалась надежда, что Высокая Порта оценит «те гарантии мира и спокойствия, которые мы ей предоставили». Но ходатайствовать прямо о независимости значило нарваться на резкий отказ, ибо не только Турция, но и весь европейский концерт, за исключением России, противился ее предоставлению. И Когэлничану предпринял обходный маневр и пустил в ход неизвестный в международном праве термин «индивидуальность», признание которой будто бы рассеяло все недоразумения между Портой и Румынией. Понятие включало 7 пунктов, в том числе принятие румынского представителя в Стамбуле в дипломатический корпус, введение национальных паспортов, признание подданных княжества иностранцами с соответствующими правами, неприкосновенность территории Румынии, проведение с ней государственной границы⁴⁷. Всеми этими правами обладали лишь государства, обладающие полным суверенитетом. Из Стамбула не замедлил поступить решительный отказ: Порта занята более важными делами, ей не до переговоров с румынами⁴⁸. В принятой в 1876 году конституции Румыния именовалась османской провинцией. Когэлничану получил в ответ на свой демарш отпор и в европейских столицах. В Лондон бухарестские эмиссары просто не решились обратиться, зная, какой прием их ждет.

В Петербурге курс Бухареста тоже вызывал протест, но совсем по иным причинам. Горчаков предписывал консулу Д.Ф. Стюарту: «Не скрывайте неудовольствия нашего по поводу настроения, преобладающего в Румынии. Оно доказывает в одно и то же время забвение того, что преимущества, которыми пользуется княжество, добыты ценой русской крови, и равнодушие к страданиям христианских братьев»⁴⁹.

Стало очевидно: о независимости не договариваются в кабинетах, ее завоевывают на поле брани. Тон высказываний официальных представителей Бухареста постепенно менялся, от повстанцев перестали открещиваться, князь Карл заверял консула Д.Ф. Стюарта: «Страна с симпатией следит за перипетиями драмы, разыгрывающейся на Балканском полуострове, и радуется успехам наших общих единоверцев». Однако, отслеживаемая со всех сторон, подвергаясь угрозам Турции, «не имея средств для того, чтобы выйти из своей пассивной роли, Румыния тем не менее не желает ограничиваться ролью безучастного зрителя»⁵⁰. Последует ли за желанием действие, оставалось тайной. В ином духе сочинял депеши и Когэлничану. Он писал «о тягостном впечатлении в стране» от оскорбительного тона депеш из Стамбула, об обуревающем румын возмущении: «Ужасы, которые происходили и происходят в болгарских провинциях Турции, уже ни для кого не являются тайной. Восточнохристианский мир громко обвиняет нас в том, что мы своим нейтралитетом и своим молчанием освящаем эти преступления»⁵¹.

Нейтралитет стал нарушаться на каждом шагу. Власти «не замечали» переправлявшихся через Дунай на восставшую родину болгар. В сражающуюся Сербию переправлялись из России добровольцы. Но все это — без огласки. Когда сербы напомнили, что в соответствии с договором о Балканском союзе 1868 года Румыния могла бы и официально встать на их сторону, чиновники румынского МИДа, предприняв поиски, не обнаружили текста упомянутого договора (!) и заявили, что не могут судить о его содержании.

Подобная гибкая, в зависимости от потребности политика вызывала в Петербурге недовольство. Императрица Мария Александровна, как шеф Красного креста, выразила пожелание, чтобы румынские власти способствовали переправке в Сербию российской помощи в натуре и деньгах. Товарищ (заместитель) Горчакова Н.К. Гирс просил «открыть глаза» на провоз туда же оружия и снаряжения. Консул Э. Гика напоминал в ответ, что все державы, за исключением России, противятся подобным перевозкам⁵².

Дни Когэлничану в правительстве были сочтены, его считали слишком пророссийски настроенным. Олигархия стремилась застраховаться на все случаи жизни. Немало людей в ее среде, как консерваторов, так и либералов, считали османский сюзеренитет при наличии широкой автономии не слишком обременительным и не желали, как им представлялось, бросаться очертя голову в омут войны. Когэлничану в душе своей, по словам Н. Йорги, оставался другом православных христиан и России, и ему этого не прощали. Высокая Порта считала его инициатором демар-

шей о признании независимости, хотя и в завуалированной под «индивидуальность» форме. Домашние нейтралисты пребывали в гневе. Газета «Тимпул» («Время») именовала его июльскую ноту «актом предательства или свидетельством безумия». Глава правительства М. Костаке-Епуряну от него отрекся, назвав ноту изолированной и ему неведомой акцией⁵³. Правительство ушло в отставку, его сменил кабинет И. Брэтиану. Новый министр иностранных дел Н. Ионеску, убежденный нейтралист, заверял, что князь Карл занимает ту же позицию.

Правительство отставало от развития событий. Перспектива Русско-турецкой войны стала неизбежной, договоренность между Петербургом и Бухарестом о проходе войск настоятельно необходимой. Отсюда — настойчивые напоминания российской дипломатии: без поддержки северного соседа Румыния независимости не достигнет. В Бухаресте понимали — остаться в стороне не удастся. Предстоял выбор — или пропустить войска соседа через свою территорию, или превратить ее в арену российско-турецкого противоборства с неизбежным ее разорением и опустошением и без малейших гарантий на будущее. По словам Н. Йорги, «стоило России двинуться, и иного пути, кроме сотрудничества с нею, не существовало»⁵⁴.

Румынская делегация во главе с И.К. Брэтиану собралась в Крым, в любимую резиденцию царя в Ливадии. Н. Ионеску, в услугах которого перестали нуждаться, с собой не взяли, он заверял членов парламента, что цель визита — чисто протокольная, приветствовать монарха дружественной державы.

Согласия относительно пропуска войск удалось достигнуть легко. Российскому казначейству предстояло оплатить все связанные с транспортировкой расходы, правда по тарифу, на 40% ниже обычного. Петербургский кабинет был бы рад ограничиться заключением военной конвенции, однако румынская сторона настаивала на подписании политического акта, что означало де-факто признание независимости княжества, которое при своем автономном статусе подписывать такого рода документы права не имело. Его заключение возлагало на Россию обязанность отстоять румынскую независимость перед европейским концертом, поголовно отстаивавшим сюзеренные права султана, при этом в войне, а ведь война всегда прыжок в неизвестность. 11 октября (нов. ст.) румыны покинули Ливадию, не достигнув желаемого. Консул Д.Ф. Стюарт тоже не преуспел в своих усилиях. В Бухарест прибыл инкогнито дипломат более высокого ранга А.И. Нелидов, поселился в захудалой гостинице, согласовал текст конвенций, но добиться их подписания не смог. Втайне от него в столице гостил турецкий уполномоченный Али-паша с целью добиться военного со-

трудничества с Румынией, а Стамбул посетил брат премьер-министра Д. Брэтиану, пытавшийся заручиться турецким согласием на нейтралитет княжества, но Высокая Порта сознавала, что объявлять его имеют право только независимые государства.

Стало ясно — хлопоты в Константинополе и европейских государствах ведут в никуда. Главнокомандующий Дунайской армией заверял князя Карла: «Цели войны исключают всякую идею завоевания и воинственных амбиций». Они заключаются «в священном долге защиты угнетенного от угнетателя, в восстановлении восточных единоверцев в их законных правах, давно не признаваемых, и сделать навсегда невозможным повторение тех ужасающих сцен резни, которые возмутили совесть потрясенной Европы»⁵⁵.

Принц в своем ответе свидетельствовал: «Деяния е.в. императора после его восшествия на престол представляют серию фактов, каждый из которых служит прославлению его царствования. Увенчать свои труды подлинным освобождением христианских народов Востока и достичь правильного решения того, что именуется Восточным вопросом, значит, несомненно, решить благороднейшую из задач, достойных его великой души». Карл заверял: «Если Турция продолжит сопротивление желаниям христианского мира, если русская армия будет призвана еще раз пролить кровь за угнетенных единоверцев, она может быть уверена, что ее встретят с симпатией и по-братски при прохождении по Румынии, которая никогда не забывала, что обязана своим первым освобождением этой армии и заботе о ней царей»⁵⁶. Но, добавлял он, отношения с Румынией должны регулироваться политическим актом, который может быть подписан даже накануне вступления российских войск в страну. Он немного ошибся в дате: обе конвенции, военная и политическая, были подписаны 4 (16) апреля, за 8 дней до начала войны. Вторая таила в себе камень преткновения: петербургский кабинет вынашивал план возвращения Южной Бессарабии, отторгнутой от России после Крымской войны и отошедшей к Османской империи со вхождением ее в состав Молдавского княжества как ее части. Румынская сторона покидать Южную Бессарабию не собиралась и настояла на включении в политическую конвенцию пункта об уважении территориальной неприкосновенности Румынии. По южнобессарабскому вопросу предстояла тяжелая схватка двух дипломатий.

* * *

Жребий был брошен 12 (24) апреля 1877 года: Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне «во имя освобождения Болгарии

и других балканских стран», «освобождения прочного, бесповоротного», как тогда говорилось в официальных документах. Российская общественность встретила весть о ней восторженно, ликующие толпы шли по улицам Москвы и Петербурга, люди бросались друг другу в объятия. В первый раз в истории страны активным фактором возникновения войны выступила общественность.

14 (26) апреля российские войска переправились через реку Прут и вступили на румынскую землю. Население приняло их тепло и приветливо. На привокзальных площадях толпы ожидали прибытия воинских эшелонов. Александр II стал объектом поклонения, его вагон утопал в цветах. Последний солдат почувствовал — он здесь освободитель, а не завоеватель. Со стороны держав послышались протесты. По словам Н. Йорги, «страна оказалась перед выбором — или разрешить переход русских войск, или смириться с отрицанием турками всех ее прав»⁵⁷.

29 апреля (11 мая) палата депутатов приняла резолюцию о состоянии войны с Османской империей. 9 (21) мая М. Когэлничану объявил с ее трибуны: «Мы являемся свободной и независимой нацией». Гром аплодисментов покрыл его слова⁵⁸. Оставалось утвердить независимость на поле боя и с поддержкой России.

30 апреля королева Виктория подписала декларацию о британском нейтралитете. Ознакомившись с ее текстом, в российском МИДе обратили внимание на многозначительный пропуск — в ней не было обычного в таких случаях обязательства «полностью воздержаться от прямого или косвенного вмешательства в войну». Посол Шувалов разузнал, что пропуск был сделан по решению кабинета.

Стало ясно — наряду с двумя военными фронтами, Балканским и Кавказским, придется сражаться и на третьем, дипломатическом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 95; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1873. Л. 44; 1874. Л. 26, 57

2 Петросян Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию. 1876 г. М., 1958. С. 18–21, 73

3 Донесение консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева от 10.12.1875 // Россия и восстание... С. 190

4 Там же. С. 133–135

5 Там же. С. 147

- 6 Международные отношения на Балканах. 1815–1830. М., 1983. С. 275
- 7 Россия и восстание... С. 174, 250
- 8 Там же. С. 225, 227, 200, 177
- 9 Там же. С. 263, 249, 253
- 10 Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986. С. 286–291
- 11 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 203–204
- 12 Россия и восстание... С. 296
- 13 Восточный вопрос... С. 210; *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935. P. 22; АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 425. Л. 247–248
- 14 Parliamentary Debates (PD). 3-rd Ser. V. 230. P. 1486, 1491–1493
- 15 *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 111; в настоящее время опубликованы свидетельства о том, что некоторые радикально настроенные руководители восстания не останавливались перед тем, чтобы провоцировать волнения и даже перед поджогом отдельных сел. Существовало мнение, что нужна большая резня, чтобы вызвать недовольство общественного мнения в Европе и главное — добиться вмешательства России. — *Макарова И.Ф.* Апрельское восстание в Болгарии: две версии одного события. — *Studia balkanica*. М., 2010. С. 83–95
- 16 *Shannon R.T.* Gladstone and the Bulgarian Agitation. L., 1963. P. 149
- 17 PD. 3-rd Ser. V. 230. P. 1184–1186
- 18 *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and the Question of the East. L., 1876. P. 8, 9, 40–42. Pamфлет перевел на русский язык К.П. Победоносцев, дав ему неудачный заголовок «Болгарские ужасы»
- 19 Ibid. P. 51, 53, 62
- 20 *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 63
- 21 Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 208
- 22 АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 426. Л. 264
- 23 Протокол заседания от 25.01.1875 // *Dioszegi I.* Die Aussenpolitik der Oesterreichen — Ungarischen Monarchie 1871–1877. Wien etc. 1985. S. 323, 322, 325
- 24 Ibid. P. 326, 330
- 25 Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1950. Ст. 426–427
- 26 Протокол совещания 13.11.1876 // *Dioszegi I.* Op. cit. P. 333–334
- 27 Ibid. P. 334, 335
- 29 Ibid. P. 338
- 30 Ibid. P. 339
- 31 Россия и восстание... С. 397
- 32 Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1948. Ст. 303–304
- 33 Россия и восстание... С. 299
- 34 Там же. С. 493
- 35 Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 297; Восточный вопрос... С. 219

- 36 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Т. 1. Л. 266–271
- 37 Россия и восстание... С. 171, 183, 217
- 38 Радзинский Э.С. Александр II. Жизнь и смерть. М., 2007. С. 312
- 39 Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 413
- 40 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 25. Л., 1983. С. 65, 94, 95
- 41 Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 165–166
- 42 Толмачев Е.П. Александр II и его время. Кн. 2. М., 1998. С. 65; Радзинский Э.С. Указ. соч. С. 312
- 43 Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 165–166
- 44 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1964. С. 90–91
- 45 Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. СПб., 1901. С. 29
- 46 Залышкин М.М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1876–1878 гг. М., 1974. С. 67; Iorga N. *Politica externa a regelui Carol I*. Bucuresti, 1991. P. 145
- 47 Kogalniceanu M.M. *Texte social politice alese*. Bucuresti, 1967. P. 296, 299, 300
- 48 Iorga N. *Op. cit.* P. 157
- 49 Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 139
- 50 Там же
- 51 Kogalniceanu M.M. *Op. cit.* P. 302–304
- 52 Ciachir N. *Războiul pentru independența României în contextul european*. Bucuresti, 1977. P. 154; Hincu D. Kogalniceanu. București, 1962. P. 282
- 53 Iorga N. *Op. cit.* P. 152–153
- 54 Ibid. P. 175
- 55 АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A 1. Д. 1. Л. 15
- 56 Там же. Л. 23
- 57 Iorga N. *Op. cit.* P. 208
- 58 Залышкин М.М. Указ. соч. С. 252

ПОСЛЕДНЯЯ РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

Триумф и драма победителя

Пограничную реку Прут перешла не старая николаевская армия, с муштрой, возведенной в культ, шагистикой и многолетним сроком службы. Способный организатор военных министр Д.А. Милютин осуществил реформу вооруженных сил. Основу ее составило введение всесословной военной повинности, срок пребывания под знаменами сократили до шести лет, на смену гладкоствольному ружью пришла винтовка с нарезным стволом, была усовершенствована артиллерия, молодое поколение офицеров стремилось к военным знаниям. Талантливыми военачальниками проявили себя генералы И.В. Гурко, М.Д. Скобелев, М.И. Драгомиров, Н.Г. Столетов. На подступах к Балканам удалось сосредоточить ударный кулак войск в 185 тысяч солдат и офицеров, примерно равный по численности противостоявшей турецкой армии. На Черном море господство принадлежало туркам, а в Севастополе эскадры так и не появилось, броненосцами береговой обороны числились три «поповки», тихоходные бронированные баржи круглой формы и столь неудачной конструкции, что при интенсивной стрельбе они начинали вращаться вокруг собственной оси и отворачивались от неприятеля.

Наступление проходило успешно. В ночь на 15 (27) июня с ходу, как на учениях, удалось форсировать Дунай в районе Зимнича — Систов. На южном берегу реки была сосредоточена армия в 125 тысяч человек и дружины болгарского ополчения. Передовой отряд под командованием И.В. Гурко освободил Велико-Тырново, столицу древнего Болгарского царства, и вытеснил противника с важнейшего Шипкинского перевала Балканского хребта. Легковерным казалось уже — близка победа.

А на международном горизонте сгущались мрачные тучи. Уже 6 мая Форин-офис изготовил жесткую ноту. Интересы Англии будут затронуты и она не сможет сохранить нейтралитет, говорилось в ней, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Египту,

Персидскому заливу, Черноморским проливам и Стамбулу. «Правительство ее величества не может остаться безучастным к переходу в другие руки столицы... занимающей столь доминирующее положение»¹. Британская дипломатия со столь глобальной широтой обрисовала свои интересы с явным намерением иметь под рукой предлог для вмешательства в конфликт. Как и раньше в тревожные моменты, начались толки о нависшей над Индией угрозой со стороны России. Но раздались и недоумевающие голоса: как можно одной из воюющих сторон, России, запретить нападать на владения неприятеля. Член парламента Е. Дженкинс выразил опасение, как бы «наглость британских притязаний в связи с Суэцким каналом, Средиземным морем и восточным вопросом вообще не вызвала общего протеста в Европе». Его коллега Э. Чайдерс счел ноту «плохо продуманным, наглым и провокационным посланием»². Резкие отклики встретил нагнетаемый прессой миф о будто бы нависшей над Индией угрозой. Герцог Рутлэнд назвал абсурдом приписываемый России замысел захвата жемчужины британской короны. С. Ленч советовал паникерам пройти курс географии хотя бы в объеме средней школы, они узнали бы, что самый низкий перевал в Гималаях лежит выше Альпийских вершин³.

В разгар Русско-турецкой войны В. Гладстон имел мужество сказать: «Если Россия потерпит неудачу, ее поражение превратится в несчастье для человечества; жизнь сражающихся народов, которым мы должны помогать, станет еще хуже»⁴. Курс кабинета в восточном вопросе он представил в самом неблагоприятном свете: «Мы фактически требуем для себя права вето на политические реформы во всех странах и омывающих их морях, лежащих на пути из Англии на Восток». Он предрекал: «Мы катим Сизифов камень по крутизне, и, как только уберем свою руку, он покатится вниз»⁵. Но премьер-министр Б. Дизраэли, опиравшийся на прочное большинство в Палате общин, шел напролом, именовал вылазки либералов стряпней, зная, что серьезного вызова его курсу на укрепление британских позиций в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке оппозиция не бросит. Спор шел о том, как эти позиции укрепить.

Ответ канцлера А.М. Горчакова на вызывающую ноту от 6 мая был тщательно сформулирован и отредактирован. Давались самые успокоительные заверения насчет Суэцкого канала, Египта, зоны Персидского залива и путей в Индию. И, главное, ответ содержал два важных заверения. О Константинополе в нем говорилось, что захват этой столицы в планы России не входит. Что касается режима Черноморских проливов, то этот вопрос «для сохранения мира и всеобщего спокойствия» должен быть урегулирован на «справедливых и действительно гарантированных началах»⁶. Два важные, имевшие общев-

ропейское значение проблемы самодержавие заранее отдавало на суд европейского концерта, в котором постоянно пребывало в меньшинстве. А.М. Горчаков писал о глубоком сочувствии россиян «несчастному положению христиан на Балканах, связанных с ними узами расы и веры» и подчеркивал: прекращение «нестерпимых злоупотреблений» османской администрации «не противоречит ни одному из интересов Европы»⁷.

Государь даже опередил министра в подобного рода заверениях. Еще в октябре 1876 года он дал британскому послу О. Лофтусу «священное честное слово», что не намерен посягать на Константинополь»⁸.

Пьянящий угар военных успехов воздействовал на умы. Многим программа мира А.М. Горчакова стала представляться неподобающе умеренной и недостойной после таких побед. Группа решительных — Н.П. Игнатьев, Д.А. Милютин, А.И. Нелидов — стала задавать тон в подготовке условий послевоенного урегулирования. 30 мая на совещании у царя разногласия проявились открыто. Горчаков продолжал разрабатывать условия мирного договора (в июне — 4) и хлопотать в Лондоне и Вене о смягчении напряженности. Но к его доводам не прислушивались. Горько и больно читать напраслину, которую Игнатьев и Милютин возводили на канцлера в своих записях: «Князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить строгую узду на собственные наши действия»; «Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о Болгарии»; «Дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам»⁹. Старец отбивался как мог: «Нас теперь не хотят слушать, но положение изменится; когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнут 40 или 50 тысяч человек... то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела»¹⁰. В ответ он слышал недовольное ворчание. Годы брали свое. Князь одряхлел, утратил прежнюю энергию, честолюбие переходило в тщеславие, он ревниво относился к молодым коллегам, метившим в преемники. Но громадный опыт подсказывал ему, что надо добиваться компромисса, пока британские броненосцы не появятся в Черном море. И, главное, канцлер не цеплялся намертво за свои планы, а допускал их эволюцию. 30 мая и 1 июня он направил Шувалову в Лондон телеграммы, содержавшие важные изменения по ключевому болгарскому вопросу. Контакты с общественностью, воодушевление, сопровождавшее формирование дружин болгарского ополчения, недопустимость оставления под османским игмом той части страны, которая «больше всего пострадала от турецкой резни», где проживало «самое многочисленное, тру-

долголюбное и развитое население», — все это привело его к мысли о недопустимости раздела Болгарии на две части, «она должна быть единой и автономной»¹¹.

В начале июля с поля боя пришли тревожные вести. Кавказская казачья бригада, занявшая Плевен (Плевну), разоружила там мусульманское население и двинулась дальше. А к городу из Видина подошел и занял его корпус численностью более 40 тысяч человек под командованием способнейшего из турецких полководцев Нури Османа-паши. Оставлять такую силу в тылу наступающих российских войск было опасно. 8 (20) июля плохо подготовленный и поспешно проведенный штурм крепости принес шедшим на приступ большие потери. Вместо того, чтобы обложить крепость со всех сторон и приступить к осаде, командование еще раз бросило войска на приступ 18 (30) августа, обошедшийся в 7 тысяч жертв.

На совете в присутствии Александра II раздались голоса в пользу снятия осады до подхода из России войск гвардии. Д.А. Милютин и генерал В.Н. Левицкий настояли на продолжении операции. Великий князь Николай Николаевич направил телеграмму румынскому принцу Карлу с предложением прийти на помощь и присоединить свои войска к осадному корпусу. Тот откликнулся немедленно, утверждать независимость страны следовало с оружием в руках, да принц и сам был не чужд мечтаний о воинских лаврах, а тут его положение владетельного монарха позволило ему формально возглавить осадный корпус. Молодая румынская армия численностью в 32 тысячи человек с честью выдержала испытание огнем. Тяжелая, кровопролитная осада продолжалась до 28 ноября (10 декабря).

В Лондоне воспользовались осечкой под Плевной для нагнетания обстановки. 7 июля часть средиземноморской эскадры ее величества (7 броненосцев и фрегат) получила приказ передислоцироваться в Безикскую бухту у входа в Дарданеллы. 12 июля Дизраэли сообщил королеве, что русским готовится нота с требованием не занимать Стамбула. Термин «казус белли» в ней отсутствовал для использования его в дальнейшем. Премьер-министр согласился с мнением королевы Виктории о желательности занятия британским десантом турецкой столицы и о нанесении русским удара с востока, чтобы очистить Среднюю Азию «от москвитов и загнать их в Каспий». Он пожаловался монархине: «управлять находящимся в состоянии разногласий и упирающимся кабинетом — задача трудная и не слишком приятная»¹². 21 июля кабинет, по словам его главы, решил, в случае вступления русских в Стамбул без обязательства немедленно его покинуть, объявить России войну¹³. В дипломатической переписке это решение отсутству-

ет. Под пером графа Э. Дерби формулировки Дизраэли смягчались. 28 июля Шувалову вручили меморандум без подписи. Англия вместе с другими державами, говорилось в нем, готова побудить Высокую Порту к миру на приемлемых для нее и почетных для России условиях¹⁴. Глава Форин-офис получил от королевы выговор за своеволие, премьер-министр выразил ему свое недовольство в резкой форме: «Через три месяца британские интересы будут втоптаны в грязь», Россия станет «потенциальным господином Константинополя, решит вопрос о проходе через Проливы, как ей и Германии будет угодно, и наплюет на нас»¹⁵.

Р.В. Ситон-Уотсон замечал по поводу скоропалительных планов руководителя кабинета: «Трудно представить себе что-либо более безрассудное»¹⁶. Но эти планы существовали, их поддерживала королева, кабинет располагал большинством в Палате общин. Э. Дерби напоминал своему шефу: да, казна в России не богата, разорить ее нетрудно, но у нее — обширная территория, устойчивые продовольственные ресурсы, многомиллионное население, обладающее скверной привычкой — грудью вставать на защиту Отечества в случае опасности. Самая неудобная война — та, что длится долго, обходится дорого и не сулит результатов. Таковая и предстоит. И наконец, ради чего сражаться? Возрождение Османской империи — дело безнадёжное.

* * *

Тучи на международном горизонте все более сгущались. В сентябре Дизраэли в парламенте впервые назвал британский нейтралитет условным, а в беседе с Шуваловым высказал убеждение, что вторая кампания выведет Англию из состояния невмешательства¹⁷. Вместе с королевой он учинил, через голову Форин-офис, акцию, с понятием парламентского режима не вязавшуюся и сильно напоминавшую тайную дипломатию французского короля Людовика XV. В конце августа военный агент в России полковник Уэлсли, ссылаясь на Викторию и Дизраэли, сделал Александру II заявление угрожающего характера: Россия «не должна поддаваться ложным впечатлениям насчет слабости и нерешительности кабинета», который желает быстрее окончания войны на почетных (с британской точки зрения) для нее условиях, но если боевые действия продлятся и «последует вторая кампания, нейтралитет Англии не может быть сохранен, и она станет воюющей стороной»¹⁸. Демарш произвел впечатление, обратное

желаемому его инициаторам, — осенью и зимой 1877–1878 гг. боевые действия велись с крайней энергией.

* * *

А у стен Плевны лилась кровь. 30–31 августа (11–12 сентября) — новый приступ, уже вместе с румынами. Резня произошла страшная, потери снова тысячные. Дивизия генерала М.Д. Скобелева пробилась к стенам города, румыны и русские овладели Гривицким редутом, но ввиду общей неудачи отошли. Ропот против наплыва в армию августейших особ, военными талантами не отличавшихся, дошел до Д.А. Милютина. Командир Руцукского отряда наследник-цесаревич Александр Александрович в письмах супруге Марии Федоровне («душке Минни») жаловался: «...интендантская часть отвратительная, казну обворовывают в огромных размерах»¹⁹.

Под Плевну прибыл знаменитый военный инженер Э.И. Тотлебен, установивший полную кольцевую осаду крепости. Турецкие блокпосты на путях к ней, опираясь на которые неприятель ранее подбрасывал гарнизону подкрепления, боеприпасы и продовольствие, были захвачены. Туркам оставался выбор — умирать с голоду, сдаться или прорываться к своим. Осман-паша выбрал третье.

27 ноября великий князь Николай Николаевич получил собственноручную записку Тотлебена: «По показаниям перебежчиков, Осман-паша собирается выходить из Плевны или в эту ночь, или в следующую»²⁰. 28 ноября (10 декабря) паша повел своих измученных осадой аскеров на прорыв, бросив больных и раненых на милость неприятеля. Отчаянная затея провалилась, удалось лишь кое-где преодолеть первую линию российских позиций. Потеряв 6 тысяч человек, Осман сдался. Оружие сложили 43 тысячи солдат и офицеров.

В войне наступил перелом. Полевые силы русских и румын увеличились на 100 тысяч человек. Армия перешла в решительное наступление. Закончилось «сидение на Шипке». В битве при Шипке — Шейново М.Д. Скобелев разбил корпус Вессел-паши. Российские войска (включая гвардейскую элиту), усталые, обносившиеся, рвались в бой и неудержимым потоком хлынули на равнины Болгарии. Была занята София, 5 (17) января 1878 года В.И. Гурко разгромил под Пловдивом армию Сулеймана-паши.

Лондон и Вена предложили свое посредничество в мирных переговорах (что означало участие в них). Все понимали, на чьей стороне выступают ходатаи, от российских притязаний в результате их «услуг»

могли остаться рожки да ножки, и от англо-австрийского сервиса отказались. Занятие Адрианополя, ключевой позиции на пути к Стамбулу, свидетельствовало о полном разгроме османской армии. 19 (31) января удалось заключить перемирие, военные действия прекратились. Судьбы войны предстояло решить далеко от черноморских берегов.

В Лондоне торжествовали ястребы во главе с королевой Викторией и Дизраэли. Шувалов, отбросив дипломатическую сдержанность в выражениях, писал о ее настойчивом вмешательстве во все детали кризиса и жаловался на «некий заговор полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в политического клоуна» (то бишь Дизраэли). 15 января появился меморандум с главным условием примирения по английской выкройке: «Любой договор между правительством России и Портой, затрагивающий договора 1856 и 1871 годов, должен носить европейский характер и не будет иметь силы без согласия участников мирного договора 1856 года²¹. Дизраэли торжествовал: «Оппоненты пали на колени». Д.А. Милютин иначе расценивал курс премьер-министра: «Опять взбеленился».

К сожалению, настроение изменилось не только в верхах британского общества. Мутная волна шовинизма захлестнула страну. Пресса трубила о неумной агрессивности русского медведя. Близкая к правительству газета «Дейли телеграф» рисовала фантастическую картину российских домогательств: «Они состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами, в превращении Османский империи в петербургский удел. Коварство России не миновало Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу»²². Появился термин «джингоизм» для определения расползшегося по стране воинствующего национализма. Его жертвой стал В.Ю. Гладстон, призывавший не размахивать кулаками и прекратить пируэты флота в опасной близости от театра военных действий²³. Разъяренная толпа разбила стекла в его лондонском доме.

А в кругах правительственных было решено не ограничиваться нотами и пустить в ход бронированный кулак. 13 февраля эскадра адмирала Хорнби, 7 броненосцев и фрегат, вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море. Новость была столь тревожной, что император вызвал А.М. Горчакова в Царское Село для принятия решения о реакции. На совещании у царя было решено дать отпор неуместным притязаниям, ввести войска в Стамбул и оставаться там, пока британская эскадра не покинет Проливы. «История учит нас, что слабость континента подстегивает наглость Англии», — телеграфировал Горчаков в Лондон Шувалову²⁴. Великий князь Николай Николаевич пребывал в тревоге — затевается чрезвычайно опасная игра,

чреватая большой войной. Он слукавил и договорился с турками о занятии 10-тысячным отрядом местечка Сан-Стефано в 12 километрах от столицы и переносе туда главной квартиры, представив это как вступление в окрестности Стамбула. Несмотря на перемирие, в штабе нервничали и опасались, что неприятель встретит пришельцев пулями. Все обошлось, турки выставили почетный караул. Вскоре пришла радостная весть. 19 февраля (3 марта) Н.П. Игнатьев подписал в Сан-Стефано предварительный мирный договор, предусматривавший коренные перемены в положении балканских христианских народов и в соотношении сил на полуострове. Турция признала государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории, что явилось вехой исторического значения в их судьбах. Предусматривалось территориальное расширение трех государств. В Боснии и Герцеговине Высокая Порта обязывалась провести реформы. Возрождалась после почти 500-летнего перерыва государственность Болгарии как самоуправляющегося, платящего дань княжества с христианским правительством и в широких территориальных пределах с выходом как к Черному, так и к Эгейскому морю. Зависимость от Высокой Порты ограничивалась выплатой ежегодной дани. Россия возвращала себе Южную Бессарабию, в Закавказье к ней отходили Батум, Карс, Ардаган и Баязид. К Румынии присоединялась Северная Добруджа. На острове Крит и в Фессалии Турция обязалась ввести регламенты по управлению ими, выработанные с участием местного населения²⁵. Успех, казалось, достигнут полный, звезда Н.П. Игнатьева достигла апогея. Мало кто тогда подозревал, что она скоро покатится вниз.

Реакция Лондона и Вены последовала немедленно, причем непримиримая. В очередном меморандуме Уайт-холла говорилось: в случае вступления российских войск в Константинополь без согласия Порты Англия немедленно отзывает посла из Петербурга. На подобную уступку с турецкой стороны не существовало никаких надежд. В непримиримости от британцев не отставали австрийцы. Д. Андраши заявил послу Е.П. Новикову: ни один министр монархии не даст согласия на расширение Болгарии к югу от Балканского хребта, и он будет сопротивляться этому «любыми средствами». «Даже с помощью войн?» — задал вопрос посол. Андраши уклонился от прямого ответа и повторил: любыми²⁶.

* * *

На совещании у Александра II было решено дать отпор нахамам и занять позиции вдоль европейского берега Босфора с целью воспре-

пятствовать прорыву броненосцев адмирала Хорнби в Черное море. Но армейское командование знало, что осуществить подобную операцию оно не в состоянии по причине отсутствия в армии тяжелой артиллерии, единственно способной поразить бронированные махины. У царя мелькнула мысль о переправе за Дунай крепостной артиллерии из Керчи. Но как? По Черному морю, с немалым числом турецких броненосцев, к которым вот-вот на помощь могли прибыть английские? Или волоком по балканским кручам? Отвергать предложение венценосца не полагалось даже его брату, командующему. Поэтому великий князь Николай Николаевич, убежденный, что в ответ на предложение сдать позиции по берегу Босфора султан Абдул Гамид переселится на один из британских броненосцев, преодолел свое ранее несколько пренебрежительное отношение к дипломатическому ведомству и предложил возложить на него задачу достижения мира: «Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией в то время, как нашей дипломатией делались всевозможные попытки по улаживанию затруднений и предотвращению пагубной для нас войны»²⁷. Как внимательно командующий относился к переговорам Н.П. Игнатьева в Сан-Стефано, можно судить по одному мелкому эпизоду. Столкнувшись с упорным сопротивлением турок, Игнатьев решил прибегнуть к тактическому маневру, пригрозив прервать их. Он пошел за санкцией к великому князю, который еще нежил в постели в доме купца Дадиани. Услышав о задуманном, он, как был, в ночной рубашке вскочил с постели и учинил Игнатьеву разнос. Таково было настроение в главной квартире.

«Разрыв с Англией почти неизбежен», — телеграфировал царь своему брату 18 (30) марта. Николай Николаевич в ответ изложил свои сомнения — пришлось бы брать турецкие укрепления силой. Александр II не привык, чтобы ему возражали даже братья. 20 марта он в резкой форме повторил распоряжение. В тот же день командующий, торопясь и нервничая, набросал карандашом ответ: «Крайне огорчен твоею телеграммой от 20 числа утра, уверен, что ты никогда не сомневался, что я свято всегда исполняю твои приказания. Но исполнение обезоружения стотысячной турецкой армии и флота считаю положительно вещью невозможной». Идти против совести он не может. Через несколько дней последовали дополнительные объяснения. По условиям соглашения, турок надлежало предупредить за три дня о разрыве перемирия: «Мне необходимо было положительное приказание в.и.в. для перехода с едва установленного мирного положения к новым военным действиям... Разрыв с Англией последовал бы немедленно»²⁸.

Александр послушания не терпел. Между братьями пробежала черная кошка. Царь в телеграмме открытым текстом задал Николаю Николаевичу вопрос: позволяет ли тому состояние здоровья исполнять многотрудные обязанности командующего Дунайской армией, что было равнозначно приказу об отставке. Великий князь покинул свой пост. Ему на смену назначили генерала Э.И. Тотлебена, прославленного защитника Севастополя, чья военная репутация не оспаривалась никем в мире. Однако и этот опытный и осторожный полководец пришел к выводу, что в создавшихся условиях занятие побережья Босфора нецелесообразно ввиду отсутствия тяжелой артиллерии, могущей воспрепятствовать прорыву британских броненосцев в Черное море. Операция, по его мнению, становилась бессмысленной. Столкнувшись с дружной оппозицией военачальников, Александр II от нее отказался²⁹.

Не английских солдат опасались в военном министерстве России. Пугала экономическая, политическая, финансовая, морская мощь Великобритании, неустойчивость международной обстановки, коварство Габсбургской монархии, перспектива нового варианта крымской эпопеи. Предстояла война неизвестно на скольких фронтах. Помимо уже существовавших, Балканского и Кавказского, предвидели столкновения в районе Проливов с Англией, на юго-западном порубежье империи — с Австро-Венгрией. В случае прорыва флота владычицы морей в Черное море (чему никто и ничто помешать не могло) можно было предвидеть развертывание операций на Кавказе. Существовала опасность высадки десантов на Балтике. Нельзя было сбрасывать со счетов попытку вторжения в Среднюю Азию и нападения на форты Тихоокеанского побережья, для отражения которых были усилены гарнизоны Владивостока, Николаевска и Посьета.

Ничего похожего хотя бы отдаленно на доверие между Лондоном и Веней не существовало. Стороны уступали друг другу честь бросить вызов России. Хитрый Дьюла Андраши сравнивал одного соперника с акулой, а другого с волком — каждый из них в случае нужды мог удалиться в свою стихию. А что делать Австро-Венгрии в случае открытого столкновения с северным колоссом?

Но в Вене знали и другое — Второй рейх в лице Бисмарка не допустит не то что растерзания Дунайской монархии, но даже нанесения ей сколько-нибудь существенного ущерба, что побуждало продолжать опасную игру. Учитывая угрожающую позицию Габсбургской монархии и репутацию ее непревзойденного коварства, Д.А. Милютин приступил к переброске сил из района Проливов к ее рубежам. 27 февраля

(11 марта) он отдал приказ о передислокации всех гвардейских частей, гренадерского корпуса и других соединений (всего 5 пехотных, 3 кавалерийских дивизий, 1 стрелковой и 1 саперной бригады). Из всей Дунайской армии в распоряжении Тотлебена оставалось 100 тысяч человек³⁰. А к туркам прибывали подкрепления из Малой Азии и за счет гарнизонов крепостей, занятых российскими войсками по перемирию. Отсюда — план оборонительной кампании, разработанный командующим на 1878 год.

Великобритания являлась не то что непредсказуемым, а недоступным противником. Британцы, охраняемые хоум-флитом, могли отсиживаться на своих островах, сколько им заблагорассудится, поскольку ни нашествия, ни даже перерыва снабжения им не угрожало. Австро-Венгрия была и доступна, и уязвима, но германский сосед наложил вето на ее разгром. Вырисовывалась мрачная перспектива: помимо 250 тысяч уже убитых, раненых, искалеченных, больных, замерзших — бросить еще 50–100–150 тысяч человек в пасть кроважидному Молоху, и не добиться при том, по убеждению Д.А. Милютина, преимуществ по мирному договору.

Отечественная наука долгие годы склонялась к мысли, что сыпавшиеся на Россию угрозы не более чем шантаж, никто на нее не дерзнет, не посмеет напасть. «Угрозы войны не были основаны на реальной возможности возникновения войны против России и являлись лишь игрой на нервах русского правительства», — утверждал автор солидной монографии Н.И. Беляев³¹. Исходя из подобной установки позиция командования выглядела достойной сожаления — генералы перестраховывались и упускали великую победу, идя на напрасные уступки, дипломаты им в том деятельно помогали. На самом деле в 1878 году не существовало ни малейшей гарантии, что военного противостояния удастся избежать. Неуязвимая на своих островах Великобритания, Австро-Венгрия под опекой Германского рейха и Турция представляли немалую силу. Россия стояла перед выбором: или трудный, с неизбежными потерями мир, или война на истощение с недосягаемым для ее армии врагом, способным задушить ее торговлю, наглухо перекрыв Босфор и Дарданеллы, перерезав торговые пути, пустив на дно морские купеческие суда. Это грозило финансовым дефолтом и погружением казны в пучину долгов, и самое тревожное — свертыванием реформ и увековечением отсталости страны. Все это предвидел министр финансов М.Х. Рейтерн в своем предвоенном обращении. Если все это принять во внимание, позиция командования выглядела совершенно в ином свете — не перестраховочная акция, а обдуманное решение людей, озабоченных судьбами Отечества. Не-

мыслимо продолжать кровопролитие до бесконечности, будучи уверенными в недостижимости торжества.

* * *

Все сказанное выше не значит, что Лондон и Вена взяли безоговорочно курс на войну. Существовал весомый фактор, побуждавший Уайтхолл к сдержанности. При всех раскладах возможной антирусской коалиции Франция в нем отсутствовала. Ее президент генерал М. Макмагон не считал нужным скрывать, что его страна с нейтралитетом расставаться не собирается — хватит, навоевалась против России, тем более что в трагический для нее час в 1870 году, в войне против Пруссии, Франция осталась в полном одиночестве, друзей как ветром сдуло. Цепляние за Парижский договор 1856 года, поддержка польского восстания в 1863 году привели к тому, что Париж в черное для себя время оказался без сильного и стойкого континентального союзника, которым в иных обстоятельствах могла бы стать Россия, что, вероятно, позволило бы избежать потери двух прекрасных провинций, Эльзаса и Лотарингии.

Лондону решиться на войну с Россией без опоры на прославленную французскую пехоту было трудно. Протокольное мероприятие — прием в конце 1877 года у лорда-мэра Лондона с участием в нем послов — продемонстрировало с впечатляющей убедительностью неуютное положение Англии в Европе. Узнав, что от имени дипломатического корпуса будет выступать его дуайен, турецкий посол грек Константин Мусурус-паша, Шувалов и его германский коллега приглашение отклонили, их примеру последовали представители Франции и Италии. В последний день прислал отказ уполномоченный Австро-Венгрии, сославшись на то, что у него сломалась карета. Видимо, осторожности ради приглашение проигнорировали посланники Бельгии, Голландии, Португалии, Швеции и Дании. Получился своего рода англо-турецкий междусобойчик на фоне отстраненности Европы. В восточном вопросе. «Англия и Турция остались в одиночестве», — писала газета «Морнинг пост»³². Не настраивали на воинственность и свежие еще воспоминания о Крымской войне. Все 349 дней осады Севастополя британцы провели у третьего бастиона, потеряв убитыми много тысяч людей, но так его и не взяли.

Бросить вызов России Уайтхолл не решился. Несколько месяцев длилось тревожное и опасное противостояние в Проливах. Британские броненосцы на воде, но десанты с них не высаживались, чтобы избежать открытого столкновения на берегу. Российские войска — на

европейском побережье, но полуостров Галлиполи они не заняли, чтобы не превращать оппонентов в противников. В бой обе стороны не рвались и сохранили мир на благо своих народов.

* * *

Разумеется, не остались в стороне от войны и балканские страны. Их отношения с Россией складывались не безоблачно, а порой даже тревожно и напряженно. По подсчетам Л.В. Кузьмичевой, российской стороне пришлось восемь раз обращаться в Белград с призывом вступить в дело. В ответ поступали разъяснения: надо оправиться от поражений 1876 года, восстановить силы, потребны большие деньги. Лишь после Плевны, когда судьбы войны, казалось, были решены, 2 декабря 1877 года князь Милан подписал манифест. Сербские войска действовали успешно, но по собственным операционным планам, а не на направлении главного удара, разбросав свои силы по широкому фронту, чтобы подготовить почву для территориальных приобретений. Они заняли важные города Ниш и Пирот³³.

Совсем не сложилось военное сотрудничество с Грецией. В стране один кабинет сменял другой, происходила министерская чехарда, ссорились партии, из Лондона поступали предостережения вести себя смирно, а общественность требовала освободить Эпир и Фессалию. Из Афин в Петербург поступали просьбы предоставить гарантии будущих приобретений (а кто мог их дать?) и помочь в защите берегов от возможных британских нападений, одолжив для этого Греции часть флота (которого, по большому счету, у России не существовало). Даже падение Плевны не подвигло потомков Перикла к выступлению. Лишь 21 января (2 февраля) 1878 года 8-тысячный отряд перешел границу. Король Георг телеграфировал царю: «Я и все греки твердо рассчитываем на Ваше благожелательное отношение к нашему делу, общему делу всех христиан, которых Вы столь великодушно поддерживаете». Александр в своем ответе не считал нужным скрывать раздражение: «Я могу только сожалеть, что Ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я заключаю с нею мир»³⁴.

* * *

Добрые отношения с Румынией сошли на нет после Плевны. Причиной крупной ссоры между двумя странами послужила судьба Юж-

ной Бессарабии. Александр II считал делом чести возвращение России этой отторгнутой у нее после Крымской войны земли. Румынии в порядке компенсации была обещана Северная Добруджа, большая по территории, более населенная и перспективная провинция, обладавшая хорошей естественной гаванью на Черном море в Кюстендже (Констанце). Пожелание о возврате утраченного было высказано на свидании в Ливадии в октябре 1876 года, но — в глубокой тайне, что способствовало рождению и укоренению в зарубежной историографии легенды, будто вплоть до января 1878 года русские ходили вокруг да около и конкретных требований не выдвигали, что создавало почву для рассуждений об их коварстве и для протестов. На самом деле еще 2 (14) марта 1877 года, то есть до войны, генеральный консул Д.Ф. Стюарт имел объяснение с премьер-министром И.К. Брэтиану по поводу трех южных бессарабских уездов. Реакция собеседника в его изложении выглядела так: «Он признает, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что Бессарабия впредь потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая по возможности вернуть себе этот небольшой участок земли, столь ей необходимый. Затем он уверил меня, что все здравомыслящие румыны хорошо понимают неминуемую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считали принадлежащей им по праву»³⁵.

И тогда возникла идея — загладить нанесенную Румынии обиду предоставлением ей компенсации в виде Северной Добруджи, которая по всем параметрам превосходила Южную Бессарабию³⁶. Румынская сторона не возражала против приобретения, но с важным дополнением — и Южную Бессарабию оставить за ней. 20 января 1878 года сенат и палата депутатов на совместном заседании приняли решение «сохранять территориальную неприкосновенность и не допускать отчуждения какой-либо части румынской территории в обмен на территориальную компенсацию или возмещение». В ходе бурного заседания отдельные горячие головы предлагали даже направить в Южную Бессарабию войска³⁷. Брэтиану буркнул в ответ: «Попробуйте!»

Бухарест поставил вопрос об участии своего представителя в завязавшихся в Адрианополе и перенесенных в Сан-Стефано мирных переговорах с Турцией. Из Петербурга поступил отказ: княжество не обладает полным суверенитетом, Османская империя состояния войны с ним не признает, официально она с княжеством не воюет, а занимается подавлением восстания подданных. Но, помимо международно-правового аспекта, существовал и другой: появление в союзной делегации диссидента со своей программой, совершенно не-

приемлемой для Высокой Порты (Южную Бессарабию сохранить, Северную Добруджу и солидную денежную компенсацию, 100 миллионов франков, приобрести) пустило бы переговорный процесс под откос. Н.П. Игнатьев не случайно записал в своем дневнике, что Осман-паша выдержал характер до конца, не желая под Плевной складывать оружие перед румынами. И в общем урегулировании российской стороне было легче отстаивать интересы Румынии в одиночестве.

Иные настроения царили в Бухаресте. Появилась формула: российско-турецкие переговоры ведутся без Румынии и против нее. Последнее утверждение противоречило здравому смыслу, ключевым пунктом российской программы являлось предоставление Румынскому княжеству независимости, какое уж тут ущемление его интересов!

Петербург и Бухарест подходили к южнобессарабскому и северо-добруджанскому вопросам с разных позиций. Обе области еще в начале XV столетия подпали под непосредственное османское правление, повлекшее за собой многочисленные изменения, в том числе смешение этносов. В описываемое время население Северной Добруджи составляло 111 859 душ и по национальному составу состояло из 19 700 румын, 10 225 болгар, 3 200 липован (русских староверов), 3 699 казаков, 3000 черкесов (так тогда называли всех северокавказцев), 56 848 турок и татар. В Южной Бессарабии молдаване составляли примерно треть от общего числа жителей — болгар, гагаузов (православных тюрок), татар, украинцев, русских, евреев, немцев. Российская сторона поэтому рассматривала и Северную Добруджу, и Южную Бессарабию как многонациональные области. Бухарестские источники объявляли румынский элемент в них преобладающим³⁸. И.К. Брэтиану вообще игнорировал произошедшие здесь и там перемены, на Берлинский конгресс 1878 года он захватил с собой хрисов князя Мирчи Старого (конец XIV века) как доказательство румынского характера Южной Бессарабии.

Державы отнеслись к румынским притязаниям недоверчиво, одни — открыто враждебно, другие холодно, третьи — сдержанно. Британский премьер-министр Б. Дизраэли именовал предложенную Румынии сделку выгодной для нее, а выдвинутые претензии назойливым домогательством, однако консулу в Бухаресте предписали поддерживать «отважное поведение Румынии», по сути дела, на свой страх и риск³⁹. Ей предоставили возможность лезть на рожон в одиночестве.

Румыния бурлила. Видный историк Н. Йорга вроде бы лестно отзывался о царившем воодушевлении: «Общественность, пресса, парламент немедленно вмешались в дискуссию страстно, сильно и благо-

родно. С точки зрения романтической, поэтической и моральной все, что происходило в 1878 году, вызывает восторг и представляет прекрасную страницу национальной истории». Но далее следовало главное, начисто перечеркивавшее все сказанное выше: «Совершали это политические деятели, забывшие, что они являются политиками»⁴⁰. Государственным мужам, если они являются таковыми не только по имени, надлежит соблюдать хладнокровие, руководствоваться здравым смыслом, действовать по рассудку, а не вопреки ему, даже когда у окружающих кружится голова и чешутся кулаки, и ни в коем случае не барахтаться в волнах человеческих страстей, чему с упоением предавались румынские министры (которые, по словам Александра II, занимались неуместным аллюром). Из людей с именем один лишь экс-премьер Н. Крецулеску призывал соотечественников прекратить парение в облаках и спуститься на грешную землю. Он опубликовал брошюру «Размышления о возвращении трех уездов Бессарабии», в которой именовал политику правительства «малосерьезной». Он делился своими размышлениями: «Я не знаю, в какой степени маленькая страна, вроде нашей, может бросить вызов великим державам Европы», и советовал своим коллегам «принять решение в спокойной обстановке, не приводя в волнение всю страну и не нанося оскорбление могущественному соседу»⁴¹. Его не слушали.

* * *

Долгие годы фигура умолчания заслоняла анализ реакции балканских стран на Сан-Стефанский договор. Первая нотка насчет наличия «второго фронта» против Сан-Стефано прозвучала в «Очерках по истории Министерства иностранных дел России»: оно было «прохладно встречено в Сербии, претендовавшей на большее расширение территории, и в Румынии»⁴². Думается, можно было бы сказать и резче, ибо реакция протекала бурно, и к числу протестантов следует приобщить и Грецию. В Белграде, Афинах и Бухаресте сочли подписанный Н.П. Игнатьевым акт односторонне благоприятным для Болгарии, ущемляющим их интересы, и встретили его в штыки. В Сербии уже существовало «Начертание» — программа объединения сербов Османской империи в княжество и превращения его в балканский Пьемонт, в Греции таковая программа именовалась Мегали (Великой) идеей, Румыния не желала расставаться с Южной Бессарабией и хотела обзавестись Северной Добруджей. Сан-Стефано, похоронивший многие проекты, был встречен поэтому не прохладно, а очень даже

горячо — в смысле протестов. Греция, по словам российского посланника, стала ареной «массового психоза» и «демонстраций великой злобы»⁴³. На конгресс в Берлине балканские представители (кроме болгар, там не представленных) явились с целью оспорить положения Сан-Стефано.

Во весь рост встает мрачный вопрос: а мог ли Сан-Стефанский договор, против которого решительно выступали три относительно крупных и пользовавшихся наибольшими правами балканских государства, Сербия, Румыния и обладавшая независимым статусом Греция, — трактат, вызывавший протесты на албанских землях, — обеспечить в регионе стабильность и прочный, длительный мир?

На наш взгляд, ответ может быть только отрицательным. Вспомним: с тех пор прошло более 130 лет, и ни разу не возникло ситуации, благоприятной для создания государства по рубежам, прочерченным в Сан-Стефано.

* * *

В антироссийском аллюре «после Сан-Стефано» всех обогнала румынская олигархия, которая сочла, что пришло время менять фронт. Бухарестские эмиссары разъехались по столицам — вербоваться в союзники к Великобритании, Австро-Венгрии и Турции на случай их войны с Россией⁴⁴. 12 марта (стиль в телеграмме не указан) Стюарт сообщал: Д.А. Стурдза (министр финансов) предлагал Вене румынские войска, но получил уклончивый ответ, Габсбургская монархия отказалась подписать с Бухарестом военную конвенцию, ни она, ни Лондон вопроса о войне еще не решили. И.К. Брэтиану бодрости духа не терял: Австро-Венгрия сконцентрировала на границе с Россией 60-тысячный корпус войск, Англия согласилась продать Бухаресту 75 тысяч винтовок⁴⁵. В апреле румынская армия заняла позиции по линии Питешти — Кымпулунг — Тырговиште для удара по российским войскам при их отступлении от Дуная⁴⁶. Стамбул посетил брат премьера Д. Брэтиану. Он сообщил о желании румынского правительства «вступить в тесные, дружеские отношения с Портой. Если разразится война между Англией и Россией, оно готово заключить наступательный и оборонительный союз с Турцией. В этом случае Румыния может сразу же выставить в поле 50 тысяч отборных, превосходно обученных людей и удвоить это число в течение 6 недель и теперь же договориться с Австрией о поставках оружия и снаряжения для этих дополнительных сил»⁴⁷. Предложение не встретило отклика. Румы-

ния явно не поспевала за развитием событий, шел уже июнь, Россия и Великобритания договорились об основных параметрах мирного договора, Ф. Келлог назвал хлопоты румынской дипломатии пустыми⁴⁸. На Берлинском конгрессе ее представителей ожидал холодный душ.

* * *

Активную фазу процесса замирения О. Бисмарк советовал начать с контактов с Габсбургской монархией, она продается дешевле, заверял канцлер. В марте Н.П. Игнатьев посетил Вену, но вернулся оттуда с пустыми руками: австро-венгерцы заломили цену, которая предъявляется разве что разгромленному неприятелю. Д. Андраши настаивал на разделе Сан-Стефанской Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины габсбургскими войсками, переходе острова Ада-Кале на Дунае к монархии без срытия имевшихся на нем укреплений, на сокращении намеченных в Сан-Стефано территориальных приращений к Черногории, на праве построить через Сербию железную дорогу с австрийским тарифом. Граф Андраши наотрез отказался ходатайствовать об удалении британского флота из Мраморного моря. По оценке самого Игнатьева, Вена собиралась приобрести «без выстрела и без усилия все выгоды — политические, военные и экономические, могущие сделаться ее достоянием лишь после победоносной войны не только с Турцией и нашими единоверцами, но и с нами». Она стремится помешать самостоятельному развитию не только Сербии и Черногории, но и «обратить сербское племя» в вассальное владение венгерской короны Святого Стефана⁴⁹.

После провала миссии Игнатьева оставался единственный адрес для обращения — Лондон. Перспективы выглядели неутешительно. 13 марта появился очередной меморандум, в котором говорилось: каждая статья договора между Россией и Турцией должна быть представлена международному конгрессу с целью решения, может ли она быть принята участниками Крымской войны. Созываемый конгресс британская дипломатия хотела превратить в судилище над победителем.

Британия не прекратила бряцания оружием. 27 февраля Б. Дизраэли предложил призвать под ружье резервы (малочисленные) и занять индийскими войсками остров Кипр и Искандерон (Александретту) на малоазиатском побережье. Маркиз Солсбери выразил мнение, что не стоит заранее извещать Турцию о готовящемся занятии ее территорий⁵⁰. Это было слишком для графа Э. Дерби, сторонника мирного урегулирования отношений с Россией. Он ушел в отставку с поста

главы Форин-офис. Пост захватил (выражение посла П.А. Шувалова) Роберт Солсбери.

Но от Шувалова стала поступать информация и иного, не столь тревожного толка. Ему стали намекать на желательность достижения двусторонней договоренности по восточному вопросу. Установлению неофициальных контактов способствовала привычка знати к верховым прогулкам в Гайд-парке, где они вели себя раскованнее, чем в служебных кабинетах. Почва для переговоров была подготовлена. Петербург в их ходе хотел добиться хотя бы каких-то гарантий при заключении мира, хотя не проходило и опасение, что коварный Альбион попытается положить Россию на дипломатическом ристалище на обе лопатки. Но поступали и иные слухи: расчеты на восстановление власти Высокой Порты на Балканах рухнули, доктрина статус-кво испустила дух. Даже лорд Солсбери озабочен сохранением Османской империи в Азии⁵¹.

Две первые встречи с Солсбери оставили у Шувалова самое дурное впечатление, третья прошла в более примирительном духе. Посол отправился в Петербург на консультации, заехал по пути в Карлсруэ, поместье Бисмарка, сторонника австро-русской сделки. Посол не стал распространяться насчет провала миссии Игнатьева в Вене, но сказал канцлеру, что «покупать» Австрию и остаться после этого под угрозой войны с Великобританией слишком накладно⁵².

В Петербурге сочли условия договоренности с Англией тяжелыми, но все же приемлемыми и снабдили Шувалова подробной инструкцией. 18–19 (30–31) мая англо-русский меморандум был выработан и подписан. Протокол № 1 предусматривал раздел Болгарии и сокращение ее территории, предусмотренной Сан-Стефанским договором, без точного определения границ. Болгарское княжество к северу от Балканского хребта должно было получить широкую автономию, земли к югу от него — лишь административную. О выводе турецких войск из этих земель стороны не смогли договориться. Великобритания сняла свои возражение против вхождения Батума и Карса с окрестностями в состав России. Солсбери заявил, что защита турецких владений в Азии легла на плечи Англии, но задачу можно осуществлять, не подвергая Европу бедствиям новой войны. Что касается остальных условий Сан-Стефанского трактата, включая вопрос о возвращении Южной Бессарабии, то Лондон обязался не возражать против них, если Россия сумеет настоять на их сохранении. Эта формулировка позволяла британской дипломатии бороться чужими руками против указанных условий. Протокол № 3 относился к проблемам, по которым Солсбери сохранил полную свободу действий (участие держав в выработке государственного устройства «двух Болгарий»,

продолжительность пребывания российских войск на Балканах, навигация по Дунаю, режим Проливов). Третий протокол содержал обязательство России не добиваться дальнейшего расширения своих владений в Азиатской Турции⁵³.

Весть о достигнутой договоренности повергла в смятение австрийских правителей. Андраши, стремившийся всех перехитрить, оказался отстраненным от решения важных вопросов. Он поспешил заверить Солсбери, что не связан с Петербургом никакими обязательствами, «позабыв» о Будапештской конвенции 1877 года. В Лондоне его приняли как раскаявшегося блудного сына, другого столь усердного партнера по антироссийскому фронту на конгрессе не обнаруживалось. Стороны заключили союзный договор и на конгрессе действовали в тесном сотрудничестве.

Оставшееся до созыва конгресса время Форин-офис потратил на приобретение военно-морской базы в Восточном Средиземноморье. Выбор пал на прекрасный остров Кипр, к берегам которого Афродита некогда вышла из пены морской. В отношении опекаемой ими Высокой Порты британцы на сей раз действовали решительно и крайне бесцеремонно. Посол Ч. Лейрд получил указание — не давать султану Абдул Гамиду передышки, возражения и сомнения с его стороны не допускались. На всю операцию выделили 48 часов, в случае неповиновения Даунинг-стрит грозил прекратить сопротивление русскому нажиму и оставить султана на произвол судьбы. Как нельзя более своевременно для британских усилий произошла попытка государственного переворота, Абдул Гамид присмирел окончательно и просил лишь, в случае нужды, приютить его на британском корабле. 4 июня 1878 года состоялось подписание конвенции об оборонительном союзе с Турцией. Великобритания представлялась в ней покровительницей и защитницей Османской империи. Подчеркивалось: сохранность владений султаната в Азии может быть обеспечена «только державой, достаточно сильной для того, чтобы пресечь с помощью оружия поползновения России на турецкие территории» (то есть Англией)⁵⁴. Последней же для осуществления сей благородной миссии совершенно необходима военно-морская база поблизости (понимай — на острове Кипр).

* * *

В России с формированием делегации на конгресс возникли сложности. Естественный ее глава — первый вельможа империи князь канцлер А.М. Горчаков. Но Александру Михайловичу — 80 лет, он стар, дряхл,

утратил прежнюю энергию и, по мнению многих, склонен к уступкам. Высоким авторитетом пользовался военный министр Д.А. Милютин, но сама его должность не внушала оппонентам доверие к его способностям миротворца. В придворных кругах раздавались голоса в пользу посла в Лондоне П.А. Шувалова. Но у него — всего 4 года дипломатического стажа, да и специалистом в балканских делах он не являлся. Опытом в них обладал бывший посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев. Но в активе у него — Сан-Стефанский договор, отвергнутый державами. Назначать его значило размахивать красной тряпкой перед оппонентами, да и сам Николай Павлович считал неприличным для себя разрушать в Берлине то, что он создал⁵⁵. Наконец, назначать главой делегации просто посла было несолидно, у всех прочих участников на высокой должности фигурировали министры, у двух держав, Великобритании и Германии, даже председатели правительств.

Царь остановил свой выбор на А.М. Горчакове, единственной фигуре, равной по значению и опыту партнерам и противникам.

В Берлин на конгресс 1 (13) июня — 1 (13) июля 1878 года последний российский канцлер отправился с тяжелым сердцем — доигрывать партию в заранее проигранном сражении, сталкиваясь со злой волей почти всей Европы⁵⁶. Слово «почти» он мог бы опустить, российская делегация находилась в полном одиночестве, даже балканские представители, действовавшие в закулисе, опорой ей не служили. С Румынией продолжался конфликт вокруг Южной Бессарабии, глава сербского внешнеполитического ведомства Йован Ристич тесно, и не без результатов, сотрудничал с австрийцами. Греция не скупилась на территориальные претензии.

Ситуация на конгрессе для России сложилась хуже некуда. Председательствовавший О. Бисмарк поручал обсуждение конкретных вопросов заинтересованным сторонам. Горчаков недомогал и часто отсутствовал на заседаниях. Основная часть работы легла на плечи второго уполномоченного П.А. Шувалова. Третий член делегации, П.П. Убри, отличался разве что безликостью и попал в нее как посол в Германии. В советской историографии на Шувалове, как на бывшем шефе жандармов, лежала печать Каина, что сказывалось на суровости оценок. Зарубежная отзывалась о нем лестно — компетентен, упорен, способен. Б. Дизраэли считал, что Петр Андреевич вел трудную борьбу с тандемом Солсбери — Андраши с замечательным терпением и талантом. Сам Шувалов вспоминал часы, проведенные в жарких спорах, как самые тяжкие в своей жизни. Еще теплившиеся в душе Горчакова надежды на содействие Бисмарка разлетелись прахом. Немецкий канцлер на всех парах шел к военно-политическому союзу с

Австро-Венгрией, заключенному в 1879 году. Россия представлялась ему ненадежным партнером, способным оказать серьезное сопротивление новой попытке разгромить Францию, как то произошло в 1875 году. Иное дело — Австрия, готовая идти пристяжной в упряжке с Германским рейхом, за что ее надлежало наградить.

Конгресс дал санкцию на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками. Многострадальное население этих провинций, поднявшее восстание, возжегшее восточный кризис, поплатилось за это сменой одной чужеземной власти на другую. Жители встретили оккупантов с оружием в руках, тем пришлось силой устанавливать свое правление.

Главной жертвой конгресса стала Сан-Стефанская Болгария. Ее территория была сильно урезана, она лишилась выхода к Эгейскому морю, лишь ее северная, до Балканского хребта часть обрела полноценную государственность в виде автономного княжества. Горчакову удалось добиться присоединения к нему округов Софийского и Варненского, располагавшихся к югу от гряды гор. Остальная Южная Болгария под именем Восточная Румелия получила лишь местное самоуправление во главе с губернатором-христианином⁵⁷. И все же считать Россию и балканские народы лишь жертвами учиненной над ними в Берлине расправы, как и оценивать подписанный трактат как триумф Дизраэли, о чем тогда почти единодушно твердила британская пресса, нет оснований. В самой Великобритании появились отзывы о премьере, не столь лестные, но зато куда более правдивые. В Форин-офис возник переполох в связи с языковым вопросом. Дизраэли университета не кончал и французским языком в приличной степени не владел — так, нахватался кое-чего на бытовом уровне во время поездок в Париж. На английских дипломатических грандов угнетающе действовала мысль — что будет, если представитель могущественной Британии станет изъясняться на форуме на языке бакалейщика? К Дизраэли отправился лорд Одо Россел — убеждать премьера, что конгресс желает слушать выступления прославленного оратора на его родном английском языке. Правда, возникает вопрос: а могли ли слушатели наслаждаться, слушая речь на неведомом языке? Но, видимо, тогда никто его не задал. Росселю удалось убедить премьер-министра, и в Берлине впервые английская речь стала языком дипломатического общения.

Следует сказать и о другом. Второе лицо в британской делегации, маркиз Р. Солсбери, оценивал роль своего шефа гораздо скромнее и реалистичнее, чем пресса. Он писал жене: «В дополнение к глухоте и незнанию французского языка, да еще при особенностях речи Бисмар-

ка лорд Биконсфилд имеет самое туманное представление о том, что же происходит, понимает все шиворот-навыворот, и ему повсюду мерещится заговоры»⁵⁸. Стоит сказать и об особенностях речи Бисмарка. Железный канцлер, человек высокого роста и солидной комплекции, обладал тонким голосом. Он боялся зубных врачей, избегал прибегать к их услугам, к старости сохранил лишь остатки зубов и в разговоре отчаянно шепелявил.

Компетентность Дизраэли в обсуждаемых вопросах вызывала у второго делегата серьезные сомнения. Когда «два престарелых джентльмена», Горчаков и «Диззи», вздумали обсуждать разграничение в Закавказье, встревоженный Солсбери молвил: «Лорд Биконсфилд не может вести переговоры, он в жизни своей не видел карты Малой Азии». Впрочем, эрудиция самого Солсбери не раз вызывала нарекания присутствовавших, а его менторская манера всех поучать влекла за собой их раздражение. Когда он выступил в защиту прав северокавказских лордов, попираемых, по его словам, Россией, его попросили оные народы обозначить. Он завозился с бумажками на столе, но оказался не в состоянии назвать хотя бы один их них.

Итальянцы и французы держались на конгрессе скромно и мало-заметно, с первыми еще мало считались, вторые еще не оправились от поражения в войне с пруссаками. Представлявший Австро-Венгрию Д. Андраши без труда заручился согласием на оккупацию Боснии и Герцеговины, что было обещано еще по Будапештской конвенции 1877 года. В остальном он ассистировал Солсбери в попытке лишить Россию плодов победы.

«Турецкая» делегация ничем себя не проявила. Беру само это слово в кавычки, потому что возглавлял ее грек Константин Каратеодорипаша; второй делегат, Мухаммед Али-бей, родом немец и дезертир из прусской армии Карл Детройт, за что Бисмарк открыто третировал бывшего соотечественника; третий, Саадулах-бей, слыл горьким пьяницей. Б. Самнер уверял, что единственное, чем «турки» отличились на конгрессе, был прием в их посольстве. Некоторые сотрапезники запросили вторую порцию вкуснейшего плова⁵⁹. В целом делегация держалась в тени у британцев.

Балканские страны на конгрессе права голоса не получили, представителей Греции и Румынии выслушали, но к их доводам не прислушались. Державы, кроме России, констатировал Б. Самнер, «не проявили к ним сочувствия, им представлялось, что турки, хотя и побитые, все же способны в будущем сопротивляться русским. Бисмарк считал балканцев непричастными к европейской цивилизации. Дизраэли не находил слов, чтобы описать обстановку на значительной ча-

сти Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией Герцеговиной и другими провинциями». «Здесь царят политические интриги, происходит непрекращающееся соперничество партий». Обнаружил он также «расовую ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, отсутствие верховной власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок». Р. Солсбери излагал свои впечатления в письмах жене короче и вне связи с политикой: «Жара здесь стоит невероятная, место отвратительное, в Потсдаме — комары, здесь — малые страны. Не знаю, что хуже»⁶⁰. Тем не менее представители всех этносов, за исключением болгар, явились в Берлин со своими претензиями. Румыны И.К. Брэтиану и М. Когэлничану выступили с меморандумом, в котором настаивали на сохранении Южной Бессарабии за своей страной, присоединении к княжеству Северной Добруджи и Дельты Дуная, выплате ему 100 миллионов франков возмещения за понесенные военные расходы. Притязания конгресс признал раздутыми, но лакомую Северную Добруджу страна получила. Глава греческого правительства Т. Делиянис хлопотал о присоединении к королевству острова Крит, Эпира, Фессалии и части македонских земель. Насчет Крита он получил отказ, но часть Эпира и Фессалию удалось приобщить к Греции в 1881 году. «Хотя на конгрессе в Берлине голос греческого правительства звучал шепотом, — писал Э. Кофос, — западная, и в первую очередь британская дипломатия использовала греческую карту для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления»⁶¹. Успешно действовал в закулисе конгресса Й. Ристич, который вступил в переговоры с австрийцами. Князь Милан без ведома скупщины заключил с Веной торговое соглашение и фактически подчинил ее контролю внешнюю политику Сербии. Территориальные приобретения княжества по заключенному трактату выглядели солидно — 11 тысяч квадратных километров вместо 8 с лишним тысяч, обещанных в Сан-Стефано. С крупным прибытком осталась Черногория, ее территория выросла вдвое, хотя и не в три раза, чего добился Игнатьев в Сан-Стефано. Зато берлинское решение предоставляло княжеству выход к Адриатическому морю с портом Бар на побережье.

Эти успехи вроде бы противоречат несомненному отсутствию у держав, за исключением России, всяких симпатий к турецким христианам и к укреплению их государственности. НО (заглавными буквами!) поставить крест на российских победах, пренебречь освободительным движением, выкинуть в корзину Сан-Стефанский договор конгресс не мог. Это означало бы подорвать позиции в регионе, а следовало их сохранить и, желательно, укрепиться в обретших

права княжествах. Урезать отдельные положения Сан-Стефано — да, пустить его под нож целиком — нет. Россия на конгрессе похоронила все, что оставалось вредного и унижительного от Парижского мира 1856 года, вернула себе Южную Бессарабию, округлила свои владения в Закавказье за счет Карса, Ардагана и Батума. От Баязета пришлось отказаться, да и Батум достался с трудом, — британцы, в нарушение достигнутой прежде договоренности с Шуваловым, решили оставить его Турции. В Берлине Шувалову не удалось отстоять эту позицию. Пришлось вмешаться А.М. Горчакову, который добился благоприятного решения вопроса в несколько смягченном варианте: Батум получил статус порто-франко, открытого для торговли и не подлежавшего вооружению. Через несколько лет самодержавие об этих ограничениях забыло.

Рухнула казавшаяся несокрушимой стена сопротивления держав обретению балканскими народами независимости. Сразу три страны — Сербия, Румыния и Черногория получили международное признание своего независимого статуса. В истории Балкан открылась новая эпоха.

Тяжело пострадала на конгрессе Болгария, значительно урезанная в пределах, лишенная выхода к Эгейскому морю и в довершение всего разделенная на две части по линии Балканского хребта. Лишь северная ее часть, к которой присоединили Софию с окрестностями и Варну в Забалканье, превратилась в автономное княжество с широкими правами; южная, под названием Восточная Румелия, стала пользоваться лишь местным самоуправлением во главе с губернатором-христианином.

Учиненная над Болгарией расправа, оккупация «австрияками» Боснии и Герцеговины погрузили российскую общественность в скорбь. Канцлер А.М. Горчаков и его коллеги стали козлами отпущения за крушение несбывшихся надежд, троица, уверовали разочарованные соотечественники, променяла лавровый венок победителя на терновый венец мученичества. Глашатаем этих настроений выступил златоуст славянофилов И.С. Аксаков, выступивший с громовой речью перед московскими единомышленниками: «Западные дипломаты срываю́т с России победный венец» и водружают вместо него «шутовскую с гремушками шапку. Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия». Похоже, хотя и не столь громогласно уничтожающе, писал М.Н. Катков в «Московских ведомостях»: «Россия находилась на подачу руки от Константинополя, она могла занять все господствующие позиции на Босфоре и Дарданеллах и обеспечить

мир от враждебных покушений. Вместо этого по Берлинскому трактату сохранили на память о войне клочки заключенного ранее Сан-Стефанского договора»⁶².

80-летний Горчаков тяжело переживал неудачу. Известен его обмен горькими репликами с Александром II: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». «И в моей тоже», — гласила помета царя⁶³.

Эмоционально воспринимали вести из Берлина и в Англии, но не со скорбью, а с торжеством. Б. Дизраэли и Р. Солсбери провозгласили триумфаторами, королева удостоила их высокого ордена Подвязки, печать славословила их на уровне, по словам М.Н. Каткова, приличиями не допускаемом, прения в парламенте прошли под знаком восхваления. Диссонансом в них прозвучала речь лидера либеральной оппозиции у лордов графа Д. Грэнвилла. Он заметил: «Воистину, я понять не могу, неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как предоставляющий России все то, что она хотела и желала получить»⁶⁴. Грэнвилл спускал дискуссионтов на землю. Исполон веков принято было, подводя итоги войны, сравнивать то, что было до нее, с тем, что стало после. В 1878 году традицию нарушили, стороны сравнивали (российская с печалью, британская с ликованием) Берлинский трактат со Сан-Стефанским договором, подписанным в обстановке упоения победами и враждебно встреченным не только на Западе, но и в Сербии, Румынии, Греции, то есть в самых организованных государствах полуострова, и в Албанских землях. Сан-Стефанский акт не спланивал, а разъединял Балканы. По этой причине он не мог обеспечить стабильности и прочного мира в регионе и имел мало шансов на длительное существование. Если же вернуться к 1877 году, то следует сказать, что цели войны были сформулированы скромно и реалистично, образования большого государства на Балканах вообще не предусматривали⁶⁵. Никаких заоблачных мечтаний, возникших позже под опьяняющим воздействием торжества на поле боя. Если вернуться к традиции и обратиться к довоенной ситуации, то от уничтожительной оценки итогов войны не останется и следа. Граф Д. Грэнвилл говорил истину, Россия получила все, что тогда хотела и желала. И еще одно замечание: минуло более 130 лет с той поры, но ни разу не промелькнуло даже проблеска надежды на сооружение конструкции, подобной Сан-Стефанской.

Что было до? Болгария в крови и развалинах. Сербия разгромлена войсками Османа-паши, будущего защитника Плевны. Босния и Герцеговина — восстание на грани агонии. Румыния — провал попыток добиться независимости, закамуфлированной под индивидуальность.

Восстановление власти Порты на Балканах — лишь вопрос времени. И перспектива увековечения прозябания на полуострове.

Что стало после? Через 34 года произошло то, о чем предки не грезили даже в сладких мечтаниях. Сербь, болгарь, черногорць, греки самостоятельно разгромили армию Османской империи. И долгий путь к победе начался 13 июля 1878 года, в день подписания Берлинского трактата, принесшего трем княжествам независимость и позволившего болгарам восстановить порушенную почти за 500 лет до того государственность. Протнвоестественный раздел страны на две части рухнул через несколько лет.

Закончилась в пользу России «большая игра» европейской политики, как тогда именовалось противоборство Великобритании и России по периметру границ последней от Дуная до Афганистана.

Испустила дух доктрина статус-кво, предусматривавшая сохранение власти и влияния Османской империи в Юго-Восточной Европе, восторжествовал российский курс на восстановление здесь в полном объеме государственности христианских народов, в первую очередь славян. Форин-офис так увлекся сведением счетов с самодержавием, что прозевал появление грозного соперника в лице Второго германского рейха⁶⁶, начавшего «дранг нах зюд-остен» силами капитала и военщины. Влияние самой Великобритании в регионе покатилося вниз. Никаких надежд на инкарнацию в любом виде пресловутой доктрины не появлялось, это признавал даже Р. Солсбери. Лондон ограничил заботы о сохранении Османской державы ее азиатской частью, заключив для сего договор с султаном Абдул Гамидом. Форпост защиты интересов Британской империи переместился из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу.

Османская империя получила удар, от которого оправиться уже не смогла. Отмерло ее владычество на большей части Балканского полуострова. Американский историк турецкого происхождения Кемал Карпат подразделяет историю страны на два этапа — имперский и национальный, считая 1878 год водоразделом между ними: «Оттоманско-русская война 1877–1878 гг. нанесла смертельный удар по традиционному Оттоманскому государству и открыла дорогу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом»⁶⁷. В связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение восточного вопроса в судьбах Европы, под ним стали понимать соперничество держав.

Что касается балканского государственного строительства, Россия добилась главного, чему державы противились всеми силами и доступными средствами, — международного признания государ-

ственной независимости Сербии, Румынии и Черногории. Их быстрое развитие ознаменовалось провозглашением королевства в Румынии в 1881, в Сербии в 1882 году. Черногория задержалась и получила этот статус в 1910 году. Противоестественному разделению Болгарии на две части уже современники прочили краткое существование. В 1885 году Восточная Румелия влилась в княжество Болгария, порвавшее связи с Высокой Портой и ставшее царством в 1908 году. Так выглядел Берлинский трактат в исторической перспективе.

Современники происходивших изменений не оценили. Они сравнивали берлинские решения не с тем, что существовало до войны, а с тем, чему, по их мнению, быть надлежало. Всяк толковал запутанную балканскую историю к своей выгоде, планы национального объединения составлялись с налетом великодержавия.

После торжества на поле боя Россия ощутила весь драматизм международной изоляции. У нее, по словам Александра III, осталось два союзника — ее армия и ее флот. Самодержавию было впору воскликнуть: «Горе победителю!» Но даже в 1878 году в России раздавались отдельные голоса, призывавшие не приходить в отчаяние, а трезво и без ориентации на недостижимые цели оценить положение. В августовской книжке журнала «Вестник Европы» появилась статья, автор которой доказывал, что на Берлинском конгрессе Россия не потерпела поражения, достигнуто многое, раздел Болгарии долго не продлится, некоторые статьи Сан-Стефанского договора следует отменить по причине их полной нереальности⁶⁸. Продуманно и аргументированно ту же точку зрения выразил общественный деятель и публицист Б.Н. Чичерин, дядя будущего советского наркома по иностранным делам, в записке, найденной в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти. Автор с порога отметал славянофильские внешнеполитические завихрения: ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании и присоединении к себе Константинополя. Такое решение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести переместился бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья (здесь — помета Александра II: «Совершенно справедливо»). Разрушать Османскую империю, полагал Чичерин, еще несвоевременно, возникнут бесчисленные трудности от незрелых народов со сталкивающимися интересами, с чем соединилось бы неизбежное соперничество держав. И действительно, в 1885 году разразилась война Сербии и Болгарии, и европейскому ареопагу пришлось мирить драчунов, так что Чичерин предвидел превращение Балкан в пороховой погреб Европы. Учитывая это, полагал он, следу-

ет не дергаться и не спешить, а подождать, пока дряхлое тело Турции развалится само по себе. Нашел он слова утешения и поддержки для ставшей без вины виноватой дипломатической троицы: «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека»⁶⁹.

Между берлинскими решениями и расчетами основного российского соперника, кабинета ее величества королевы Виктории, — дистанция огромного масштаба. Даже примиритель, граф Э. Дерби, отвергал создание малой Болгарии, считая это предвестником гибели Османской империи. Маркиз Р. Солсбери в своем меморандуме от 1 апреля 1878 года выступал против предоставления Болгарии выхода к Черному морю, возвращения России Южной Бессарабии, присоединения к ней Батума. Тогдашним VIP персонам в Лондоне и Вене даже в кошмарных сновидениях не приходила в голову мысль о предоставлении независимости Сербии, Румынии и Черногории. Расчеты полетели кувырком. И уж делом дипломатического искусства было выдать достигнутый в Берлине компромисс за свою блистательную победу.

В России дурная слава трактата изживалась долго и мучительно трудно. Сейчас в исторических трудах утвердились взвешенные и здравые оценки. По словам академика А.Л. Нарочницкого, «западным державам удалось ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов». К.Б. Виноградов свидетельствовал: «Британия и Австро-Венгрия не смогли существенно изменить условия Сан-Стефано, которые касались непосредственно России. Берлинский трактат, в сущности, явился гигантским компромиссом». Близка к ним в своих выводах Барбара Елавич: «Сравнивая его (результаты. — *Авт.*) с сумасбродными устремлениями панславистов, они, конечно, не являются дипломатической победой, но сомнительно, чтобы при сложившихся обстоятельствах можно было добиться большего»⁷⁰. В суждениях нет противопоставления одного акта другому, Сан-Стефанский договор — звено в процессе мирного урегулирования, позволившее в ряде случаев поставить конгресс перед наличием договоренности с Турцией.

Отечественные средства массовой информации, похоже, за прошедшие 130 с лишним лет с места не сдвинулись и по-прежнему пребывают в упоении от творения Н.П. Игнатьева. Выходящий массовым тиражом журнал «Вокруг света» утверждает: «Финал. Сан-Стефанский триумф, Берлинский позор»⁷¹.

Язык не поворачивается клеймить позором договор, перечеркнувший последние тяжелые для России итоги Крымской войны, вернувший ей

Южную Бессарабию, позволивший ей присоединить некоторые территории в Закавказье, признавший государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановивший, после почти 500-летнего перерыва, государственность болгарского народа, нанесший Османской империи удар, от которого она уже не оправилась, похоронивший доктрину статус-кво, с помощью которой она держалась на ногах под сенью своих покровителей во главе с Великобританией, перекроивший всю систему защиты британских интересов, перенесший ее центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу. Наступила новая эпоха в истории полуострова, первую скрипку в ней стали играть сами балканские народы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Л. 349–350
- 2 Parliamentary Debates (PD) 3-rd Ser. V. 239. P. 789
- 3 Ibid. P. 486, 669
- 4 Ibid. V. 234. P. 972
- 5 Ibid. P. 415, 472
- 6 Освобождение Болгарии от турецкого ига Т. 2. М., 1964. С. 80–82
- 7 Там же. С. 83–91
- 8 *Татищев С.С.* Император Александр II. Т. 2. М., 1996. С. 308–309;
- Sumner B.H.* Russia and the Balkans 1870–1880. Oxford, 1937. P. 323
- 9 Дневник Д.А. Милютина. Т. 3. М., 1949. С. 169, 274, 178; *Игнатъев Н.П.* Походный дневник 1877 года. М., 1999. С. 28–29
- 10 *Игнатъев Н.П.* Указ. соч. С. 42
- 11 Освобождение Болгарии... С. 107, 108
- 12 *Monypenny W.E., Buckle E.G.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. V. 6. L., 1930. P. 150, 151, 155
- 13 Ibid. P. 154
- 14 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Т. 2. Л. 486
- 15 *Monypenny W.E., Buckle E.G.* Op. cit. P. 140, 141
- 16 *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935. P. 218
- 17 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 71. Л. 422, 427
- 18 *Monypenny W.E., Buckle E.G.* Op. cit. P. 174–176
- 19 *Кудрина Ю.В.* Из писем цесаревича Александра Александровича супруге // Известия на музейто в Северозападна България. 1998. № 4. С. 175
- 20 *Улуян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 87; *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877 года. СПб., 1908. С. 199

- 21 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 58. Л. 37
- 22 The Daily Telegraph. 11.03.1878
- 23 Nineteenth Century. March 1878. P. 694–696
- 24 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 58. Л. 59–70; Д. 81. Л. 48
- 25 Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 150–175
- 26 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 111. Л. 253, 254
- 27 Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. С. 114–115
- 28 Там же.
- 29 АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A1. Д. 1. Л. 505–506; Особое прибавление... С. 35; *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1912. С. 442; *Дневник Д.А. Милютин*. Т. 3. М., 1950. С. 35
- 30 Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 29
- 31 *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1898 гг. М., 1950. С. 426
- 32 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 71. Л. 481–485; The Morning Post. 12.11.1878
- 33 *Кузьмичева Л.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 г. и Сербия // *Славянский альманах* 1996 г. М., 1997. С. 71–82
- 34 Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986. С. 388–389. Следует отметить, что война не была объявлена
- 35 *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 146
- 36 АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A1. Д. 1. Л. 39
- 37 Там же. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 15. Л. 7–9, 13, 15
- 38 *Зеленчук Е.С.* Население Бессарабии в XIX веке. Кишинев, 1979. С. 164; *Ciachir N.* Războiul pentru independența României în contextul european. București, 1979. P. 288–289, 281
- 39 Ibid. P. 230; *Jelavich B.* Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia. P. 227. (Reprinted from the «East European Review»)
- 40 *Iorga N.* Op. cit. P. 270
- 41 *Kretulesco N.* Reflexion sur la rétrocession de trois districts de la Bessarabie. Bucarest, 1878. P. 11, 12
- 42 Очерки по истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. М., 2002. С. 386
- 43 В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 300
- 44 *Monypenny W.E., Buckle E.G.* Op. cit. P. 264–267
- 45 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Т. 2. Л. 708–720
- 46 Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 97–102; *Kellog Fr.* The Road to Romanian Independence. W. Lafayette, 1995. P. 188; *Iorga N.* Op. cit. P. 294

- 47 Sumner B.H. Op. cit. P. 446–447; Kellog Fr. Op. cit. P. 188
- 48 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79 Л. 9; Cecil Gw. Life of Robert Marquis of Salisbury. V. 2. L., 1921. P. 261
- 49 После Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатьева. Петроград, 1916. С. 38–40
- 50 Monypenny W.E., Buckle E.G. Op. cit. P. 264–267
- 51 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Т. 2. Л. 708–709
- 52 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 97–102
- 53 Sumner B.H. Op. cit. P. 646–649
- 54 Turkey N 36. Correspondence respecting the Convention between Great Britain and Turkey on June 4. 1878. L., 1878. P. 1–2
- 55 Игнатьев Н.П. После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 66–67
- 56 Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 368
- 57 Текст Берлинского трактата — Международные отношения и внешняя политика СССР. (1871–1957). М., 1957
- 58 Seton-Watson R.W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1938. P. 437, 454
- 59 Sumner B.H. Op. cit. P. 610
- 60 Ibid. P. 506, 533, 505, 554
- 61 Jelavich B. Op. cit. P. 54, 61
- 62 Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин. 1878. С. 6, 8, 20; Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». СПб., 1899. С. 123
- 63 Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984. С. 116
- 64 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Л. 431
- 65 См. С. 383, 386, 391, 397
- 66 В пороховом погребе Европы. М., 2003. С. 70–75
- 67 South Eastern Europe (Arizona State University). 1978. V. 5. № 1. P. 2
- 68 Цит. по: Хевролина В.М. Власть и общество 1878–1914. М., 1999. С. 214
- 69 Политика. Дипломатия в XVI–XX вв. М., 1964. С. 414, 418, 415
- 70 Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83; Виноградов К.Б. Мировая политика 60–80-х гг. XIX в. Л., 1991. С. 131; Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia; N. Y., 1964. P. 185
- 71 Вокруг света. 2007. № 4. С. 109

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В «ПОРОХОВОМ ПОГРЕБЕ ЕВРОПЫ»

1878 год — великая дата в истории Балкан. Они из арены соперничества держав превратились в регион самостоятельного развития населявших их христианских народов. Державы на это развитие влияли, но не они его определяли.

Россия стерла последние следы Парижского мира 1856 года. Итоги Крымской войны, столкновения России с коалицией Великобритании, Турции, Франции, Сардинии и, в плане дипломатическом, Австро-Венгерской монархии не выдержали испытания временем. В британской историографии крымская эпопея именуется войной ненужной, бесславной, бессмысленной и даже глупой. Можно добавить еще один эпитет — навязанной России. Обороной Севастополя отечественная армия прославила себя в веках. В стране не появилось ничего похожего на синдром побежденного, отвагу ее солдат признавали и враги. В анализе ее результатов на первое место для России выступают не тяжелые условия вынужденного мира, а влияние войны на историческое развитие державы. Тогда впервые ее системная отсталость отразилась на вооружении и боевой подготовке армии. Потребовалось общественное потрясение, чтобы нация осознала этот факт. Путь к прогрессу перекрывало крепостное право, обрекавшее страну на застой. При Николае I девять комиссий занимались проблемами аграрных отношений, но ничего, кроме косметических изменений, в них не внесли. Даже «после Крыма» большинство помещиков с рутинным хозяйствованием расставаться не собирались. Великую реформу подготовила небольшая группа высших сановников во главе с великим князем Константином Николаевичем, отсюда — многие ее недостатки. Крепостническую систему удалось отменить и тем самым если не распахнуть, то все же приоткрыть дорогу к будущему. Недавно вышедшая в Германии книга Г. Верта озаглавлена несколько рекламно: «Крымская война — час рождения мирового могущества России»¹. Конечно же, великие свершения занимают не часы, а десятилетия.

Но что отмена крепостного права являлась необходимым условием и предпосылкой для проведения преобразований александровского царствования, несомненно.

И в то же время подрыв позиций России в делах балканских после триумфа на поле боя — факт общепризнанный и неопровержимый. Перемены были поистине колоссальны, восточный вопрос перестал играть приоритетную роль в ее государственных заботах. Вспомним эпизод послекрымской эпохи. Кайзер Франц Иосиф набивался в друзья к царю на основе проверенных охранительных начал, монархи ведь во всем согласны, исключая «несчастный» восточный вопрос. Ему ответили, что один этот «несчастный» в глазах России значит больше, чем все прочие, вместе взятые. С тех пор все изменилось. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский, занимавший пост министра в 1890-е годы, полагал: «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»², в которых недостатка не ощущалось. Напряженность в англо-русских отношениях по периметру разграничения в Средней Азии достигала степени, вызывавшей опасение их перерастания в военные действия. Балканская политика раздробилась по странам. Россия оставалась верной покровительницей их национального движения, но его накал спал. Взятые вместе, акции во всех странах не напоминали той великой и грандиозной картины, что раньше представляла балканская политика России.

Но существовала и обратная сторона победоносной медали. Александр II обмолвился как-то о пагубной привычке Европы «опрокидываться» при каждом удобном случае на Россию. Драма недавнего умиротворения об этом напоминала. И после замирения общественность была озабочена — как бы предотвратить появление у южных берегов непрошенных гостей на кораблях с пушками на борту, что случилось в 1854 году и едва не повторилось в 1878-м. Поисками, как предотвратить подобную беду и дать отпор врагу, занималось немало людей. Их сочинения роднила одна черта — полное отсутствие соприкосновения с действительностью. Да и как было закрепляться в устье Босфора при отсутствии на море броненосной эскадры? Не с судов же РОПИТа (Российского общества пароходства и торговли) было высаживать десанты. В дипломатическом ведомстве на этой стезе подвизался посол в Стамбуле А.И. Нелидов. Александр III одобрял общий дух его записок, но избегал снабжать их резолюцией «Быть по сему», превращавшей прожект в программу³. Изредка государь поддавался общей атмосфере и позволял себе помечтать. Так, в сентябре 1885 года он обратился к начальнику генерального штаба Н.Н. Обручеву с посланием: «Существует одна главная цель — овладение Константинополем, чтобы раз и навсегда утвердиться

в проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках»⁴. Для этого он готов идти на войну. Но пока что подобный план исполнению не подлежит — бил царь отбой⁵. Проекты ни в ближайшем, ни даже в отдаленном будущем шансов на претворение в жизнь не имели. Политика министерства иностранных дел, возглавляемого опытным и осторожным Николаем Карловичем Гирсом, ничего общего с ними не имела. Там опасались иного. «В перспективе, — полагал Гирс (1885 год), — Солсбери (глава Форин-офис. — *Авт.*) хочет добиться открытия проливов в случае войны с нами». Надо сохранять и охранять то великое, чего добились в 1878 году. «Дай Бог преуспеть в этом». И тому же Нелидову в качестве посла, а не сочинителя приходилось заверять султана Абдул Хамида, что император стремится не разрушать, а укреплять Османскую державу, для чего желает заключить с ней союз.

* * *

В Европе доминировала образованная в 1879 году австро-немецкая военная группировка, к которой примкнули Италия и Румыния, ставшая ее балканским ответвлением. Адресом ее ударов, кроме Франции, могла стать Россия, иначе Габсбургской монархии было бы нечего делать. По форме это был оборонительный блок, Бисмарк именовал его Лигой мира. Но в Европе хорошо знали, что оборонительные альянсы с удручающим постоянством превращались в агрессивные.

Международное положение России выглядело безотраднo. Союзников нет, как и крепостей на западной границе. А под боком — мощная австро-немецкая военная коалиция. Следовало притупить его возможную антироссийскую направленность. В 1881 году, неожиданно для многих политиков возродился Союз трех императоров, Германии, Австрии и России. Похоже было, что МИД действовал по пословице «на безрыбье и рак рыба». Поскольку более действенной организации не существовало и в ближайшем будущем не предвиделось, оно решило положиться на союз (не риску сказать опереться). Бисмарк слыл твердым противником войны на два фронта, против Франции и России одновременно, теплилась надежда на то, что он умиротворит порывы венцев на Балканах. И, главное, раздувать большой пожар в Европе не желал никто. Хватит, навоевались! Так что расчеты на слабенький Союз трех императоров в определенной степени воплотились в жизнь. Но в плане экономическом, политическом и стратегическом Лига мира действовала напористо, энергично и не без результатов.

Немецкие капитал, дипломатия и военщина с помощью австро-венгерского союзника начали натиск на юго-восток — драг нах зюд-

остен». В 1882 году в Константинополь отправилась военная миссия для реорганизации турецкой армии. В 1885–1895 годы ее возглавлял К. фон дер Гольц, будущий фельдмаршал. В страну хлынуло немецкое оружие. Прусские генералы в больших чинах прочно осели в зоне Проливов, традиционно считавшихся ключом к России⁶. В Румынии немецкий капитал овладел целыми отраслями промышленности. Но главной приманкой служили железные дороги. Общая их протяженность на Балканах, перешедшая в немецкие руки, достигла 1260 километров. А мечталось о чем-то грандиозном, о сооружении линии трех Б: Берлин — Бизантум (Стамбул) — Багдад.

В Петербурге склонны были приписывать Лондону стремление сблизиться с австро-немецким блоком. То было заблуждение. В 1880 году кабинет министров всерьез и надолго возглавил «великий старец» Вильям Юарт Гладстон, посылая для королевы Виктории фигура по причине его слишком большой самостоятельности, сторонник проведения более сдержанного и реалистического курса в восточном вопросе и образования цепи христианских государств на Балканах под крылом у Запада. Но он был твердым противником войны с Россией. В Лондоне с опозданием спохватились, что в своем антироссийском аллюре они покинули рамки здравого смысла и прозевали появление на арене более опасного соперника в лице Второго рейха. В 1889 году Вильгельм II посетил Стамбул и проявил крайнюю озабоченность состоянием турецкой армии, и особенно ее частей в районе Проливов, перешедших под немецкое командование. Дальше — больше. В 1895 году, по случаю 25-летия Второго рейха, предприимчивый кайзер приступил к осуществлению «мировой политики». Немецкий и австрийский капитал подчинили себе значительную часть промышленного производства в Румынии, Сербии и Болгарии. Лишь в Греции британцам удалось удержать свои позиции.

А в 1898 году произошло событие, предвещавшее полную перекройку баланса сил в Европе: рейхстаг принял первые законы о сооружении мощного военно-морского флота. Владычице морей бросали вызов. Такого Великобритания не прощала и без последствий не оставляла. С жезлом Нептуна британцы расставаться не собирались. Предстоял пересмотр всего геостратегического наследия XIX века.

* * *

А из балканских земель в Петербург приходили вести одна неприятнее другой. Как и предвидел А.М. Горчаков, добываясь самостоятельности, обретая независимость, балканцы устремлялись дорогой

своих материальных интересов. Нужда в российской поддержке ослабевала, что рождало соблазн искать ее в иных краях.

Заслугой отечественного Министерства иностранных дел являлось то, что оно не пыталось экспортировать прелести самодержавных порядков за рубеж, а чутко прислушивалось к биению национальной жизни. В Сербии, Болгарии, Черногории помещичье сословие отсутствовало. Российская администрация участвовала в составлении либеральной Великотырновской конституции в Болгарии, в соответствии с которой избирательное право приобрели все мужчины старше 21 года. Несмотря на проведенные преобразования, царский режим представлялся балканским прогрессистам одиозным в своей отсталости, образец для подражания они искали на Западе, а не в России.

В отторжении от нашей страны пример показывала Румыния. Печать распространяла небылицы насчет неумолимой агрессивности северного медведя, что побуждало искать спасения под крылом австро-германского союза. В 1883 году король Карл нанес визит в Берлин для поддержания родственных связей, а заодно подготовил почву для присоединения к упомянутой коалиции. Вслед за ним на встречу с канцлером Бисмарком пожаловал премьер-министр И.К. Брэтиану. Случайно или нет, но свидание состоялось не в Берлине или одном из поместий железного канцлера, а в курортном австрийском городке Гаштейне, где он лечился. Распространение блока Центральных держав на Балканы вполне устраивало Берлин. В случае нового броска российских войск на юг Румыния встала бы на их пути барьером. Союз с нею давал немалые преимущества для усиления позиций в регионе. Непременным членом в нем следовало считать Австро-Венгрию. Беседа с Брэтиану, по словам Бисмарка, протекала не в деловом, а в декламаторском духе. Румын не придавал никакого значения стремлению собеседника приделать группировке Центральных держав миролюбивые крылышки и претендовал на проведение границы с Россией по Днестру, а может быть, и дальше. Партнер именовал его программу «румынскими воздушными замками», считал изложенные требования несостоятельными и невероятными. Разумеется, договор был составлен не в брэтиановском, а в бисмарковском толковании. Он предусматривал перспективу «сохранения длительного мира» с Россией, заключался непосредственно с Австро-Венгрией, а Германия к нему присоединялась. Тем самым сужались возможности поддержки румынского национального движения в Трансильвании и других венгерских владениях со стороны официального Бухареста — с дорогим союзником следовало держаться дружелюбно. В тексте договора, по настоянию Бисмарка, упоминание о России было вообще вычеркнуто,

иначе у Румынии, полагал канцлер, «всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистских завоевательных вожелений, простирающихся до Днестра и дальше на восток, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона человек»⁷. Свои требования Бисмарк облек в форму пожеланий со стороны престарелого кайзера Вильгельма, которые отвергать не полагалось. Акту от 30 октября 1883 года была придана оборонительная форма. Стороны обязывались оказывать друг другу поддержку в случае, если одна из них подвергнется нападению в «сопредельных районах» со стороны неназванной державы⁸. Договор являлся строго секретным, единственный его экземпляр король хранил в личном сейфе, утверждения в парламенте он не получил, о нем не ведали даже многие министры. Постепенно, по мере все большего устремления румынских национальных претензий в сторону Трансильвании, он утерял всякий смысл. В Первую мировую войну страна вступила на стороне Антанты и против Австро-Венгрии и Германии.

* * *

Сербский князь (с 1882 года король) Милан Обренович подчинил внешнюю политику страны Габсбургской монархии, что вызвало глубокое недовольство в обществе. Следовать в кильватере державы, оккупировавшей Боснию и Герцеговину, растоптавшей надежды на превращение Сербии в Балканский Пьемонт, соглашались немногие. Даже влиятельная княгиня Наталья осталась верна пророссийской ориентации.

В княжестве существовала теневая династия Карагеоргиевичей. Ее представитель Петр, будущий король страны, участвовал в восстании в Боснии и Герцеговине. Черногорский князь Николай выдал за него замуж одну из своих дочерей, что способствовало повышению престижа Петра. В связи с появившимися в Вене планами превращения оккупации Боснии и Герцеговины в их аннексию, то есть в прямое вхождение их в двуединую монархию, Милан счел нужным предупредить своих венских партнеров, что он лично против этого не возражает, но предвидит взрыв возмущения в Сербии, рост недовольства в России и не исключает, что ему не удастся сохранить трон. Произошел своего рода раскол в церкви: она разделилась на старую, сохранившую верность Милану, и новую, духовенство которой встало ему в оппозицию. В 1883 году в Тимокском округе вспыхнуло кре-

стьянское восстание, вызванное попыткой властей обезоружить жителей и поддержанное влиятельной радикальной партией. Последовало его вооруженное подавление, увенчавшееся казнью двух десятков повстанцев.

Неудачи преследовали Милана и на внешнеполитическом поприще. В марте 1885 года в Восточной Румелии началось восстание, болгарский князь Александр Баттенберг провозгласил ее объединение с княжеством. В Англии у власти стояли либералы во главе с В.Ю. Гладстоном, сторонником реформ на Балканах, усматривавшим в них возможность усиления британских позиций в регионе. Объединение, не встретив оппозиции с британской стороны, произошло без скольконибудь значительных инцидентов. «Отличился» лишь Александр III. Раздосадованный своими разногласиями с болгарскими лидерами (о чем ниже), он образования единой Болгарии не одобрил. Самый большой грех Берлинского конгресса — расчленение единой Болгарии, был преодолен.

Милану представлялся недопустимым тот факт, что Болгария превратилась во второе (после Румынии) по площади и численности населения государство на Балканах, и он решился на авантюру. В том же богатом событиями 1885 году сербские войска вторглись в Болгарию, но были разгромлены армией последней, вооруженной и снаряженной заботами Э.И. Тотлебена, с прослойкой русских офицеров. Произошло вмешательство России и Австро-Венгрии в конфликт. В марте 1886 года в Бухаресте состоялось подписание мирного договора на условиях *status quo ante bellum*. Так произошел первый эпизод, свидетельствовавший о начале превращения Балкан в «пороховой погреб Европы».

Конец династии Обреновичей был страшен. В 1903 году в Сербии произошел государственный переворот, сопровождавшийся расправой над монархом, шокировавшей Европу. Группа офицеров во главе с Драгутином Дмитриевичем Аписом, прозванным в память о древнеегипетском боге-быке за свою силу, решительность и жестокость, совершила убийство короля Александра Обреновича и его супруги Драги Машин, дамы безупречного поведения. Их трупы были выброшены из окна дворца прямо на площадь. Актентаторы открыто выражали презрение к проавстрийской династии. В стране расправа не вызвала гневных эмоций, Европа была шокирована столь бесцеремонным убийством. Насильственное устранение августейших особ случалось нередко, но обычно под более или менее благопристойным предлогом. Великобритания прервала с Сербией дипломатические отношения, но не надолго. С совершившимся смирились и прочие державы. К власти

пришел глава соперничавшей династии Петр Карагеоргиевич, потомок вождя Первого сербского восстания. Для самодержавия переворот означал многое: проавстрийская династия сменилась дружественной, российское влияние в стране окрепло.

* * *

Болгары избрали своим князем 22-летнего Александра Баттенберга, родственника императрицы Марии Александровны. Принц не стал следовать пророссийскому курсу, как от него ожидали, и сблизился с укрепившейся в годы освобождения прослойкой богатых торговцев, сбывавших товары в Австро-Венгрию и Великобританию. Отличался он и склонностью к личной власти. Великотырновская конституция его не устраивала, он добился в 1881 году ее отмены, правда ненадолго, так как в стране поднялся серьезный ропот.

Позиции самодержавия в Болгарии считались непоколебимыми, она слыла российским форпостом. Правда, А.М. Горчаков предвидел, что молодое государство будет ревниво отстаивать свою самостоятельность от всяких посягательств со стороны⁹, но на его осторожное предупреждение внимания не обратили. С.Д. Сказкин в своей ранней работе о Союзе трех императоров писал, что переговоры с Софией велись под топотанье генеральских сапог. Топотанье, действительно, имело место; генералы, их проводившие и иногда занимавшие министерские должности в софийском правительстве, дипломатическим искусством не владели, да и государь Александр Александрович был крут нравом. Но происходило и другое. Баттенберг представлял проавстрийские круги. Палату депутатов он не раз распускал, голосовать ей следовало, по его представлениям, «как роте солдат». Железнодорожное строительство происходило с целью развития торговли с Габсбургской монархией.

1885 год выдался для Болгарии исключительно удачным. Противоестественность раздела единой страны стала очевидной. В сентябре началось восстание в Восточной Румелии. В Пловдиве жители при поддержке милиции свергли власть и провозгласили объединение обеих частей Болгарии. Баттенберг ввел войска на юг страны. Уния осуществилась, конференция держав санкционировала воссоединение. Либеральный кабинет В.Ю. Гладстона, рассчитывавший на отчуждение Болгарии от России, эту меру поддержал. Александр III, раздраженный поведением Баттенберга, будучи человеком настроенным, не одобрил этой акции, подготовленной предыдущими трудами

отечественной дипломатии, что, естественно, не прибавило ему популярности в Болгарии.

В ноябре того же 1885 года удалось справиться с сербским вторжением. В бою у Сливницы болгары нанесли соседям поражение. Мир был заключен на условиях восстановления существовавшей прежде границы.

В самом княжестве междоусобица продолжалась. Группа русофильски настроенных офицеров в августе 1886 года арестовала Баттенберга и выслала его из страны. Сторонники прозападной ориентации, возглавляемые С. Стамболовым, тогда председателем Народного собрания, добились возвращения изгнанника. Баттенберг обратился к царю за поддержкой, получил резкий отказ и отрекся от престола. Попытка самодержавия добиться объединения русофильских сил в Болгарии успехом не увенчалась. И тогда в ноябре 1886 года произошел разрыв отношений между Петербургом и Софией, пагубный для обеих стран. Страсти возобладали над здравым смыслом. В июне 1887 года Великое народное собрание избрало князем немецкого принца Фердинанда Кобурга.

* * *

Процесс освобождения Греции сильно отличался от такового у славянских народов. Страна являлась протее не России, а Великобритании. Поэтому расширение ее прав не встречало оппозиции со стороны Лондона, поддержка России была заранее обеспечена, и сопротивление Турции сравнительно легко преодолевалось. В 1864 году Уайт-холл сравнительно спокойно расстался с Ионическими островами, жители которых не желали состоять в британском подданстве. Возможно, сговорчивости Лондона способствовало то обстоятельство, что на престол в Греции был избран датский принц Вильгельм, в новой стране выступавший под более подходящим в православном обществе именем Георг. Его сестра Елизавета вышла замуж за принца Уэльского и много позже стала королевой Великобритании, другая его сестра Дагмар сочеталась браком с наследником-цесаревичем Александром Александровичем и превратилась в великую княгиню, а потом и императрицу Марию Федоровну, а сам Георг избрал в супруги великую княжну Ольгу Константиновну.

Совсем по иному варианту развивались события во время Критского восстания 1866–1869 годов. Великобритания выступила в поддержку владельческих прав Высокой Порты и обрекла на неудачу пла-

ны преобразований, предлагавшиеся Россией и Францией. После трех лет кровопролитной борьбы критяне получили лишь право на участие в управлении островом и определении своей судьбы¹⁰.

Берлинский конгресс не стал заниматься греческими претензиями, но их решение не заставило себя долго ждать. В 1881 году державы, преодолев сопротивление Османской империи, договорились о передаче Греции Фессалии и округа Арта в Эпире. Возможно, получив право на сооружение военно-морской базы на острове Кипр, населенном в основном греками, кабинет ее величества счел нужным предоставить компенсацию Афинам.

* * *

Ранее уже говорилось, что Александр II с досадой и горечью жаловался на пагубную привычку Европы при всяком удобном случае «опрокидываться» на Россию. В 1878 году этого не удалось учинить вооруженным путем, но страна после великой победы очутилась без всякой опоры в регионе. Пришла пора печалиться следующему Александру: у России, по его словам, остались лишь два союзника, ее армия и ее флот.

Но тут император сгущал краски, не в такой уж пропасти одиночества оказалась страна. Он не вспомнил об истине, некогда изреченной его прабабкой Екатериной и имевшей признаки вечной: Европа больше нуждается в России, чем Россия в Европе. А вспомнить ее было очень даже к месту и ко времени. Парижский кабинет после Крымской войны встал на страже мирного договора, включавшего статью о запрете России содержать флот на Черном море, что, понятно, мешало его сотрудничеству с самодержавием. Итог для Франции выглядел плачевно: разгром в войне с Пруссией в 1870 году и потеря двух провинций, Эльзаса и Лотарингии. Никто на помощь ей не пришел. Лишь тесное военное сотрудничество с Россией могло избавить Францию от подобного бедствия. Теперь она стояла перед выбором: или союз с Россией, или сумрачное существование в ожидании новой национальной катастрофы. Альянс с Петербургом представлялся якорем спасения. В 1888 году появился такой весомый фактор сближения, как предоставление России займа в 500 миллионов франков, которые затратили на покупку винтовок.

Тяготение было взаимным. На германской стороне нависали все более мрачные тучи. После смерти старого кайзера и отставки Бисмарка в 1890 году иностранными делами под высшим руководством

шалого (по характеристике царя) Вильгельма II стал заниматься кавалерийский генерал Л. Каприви, быстро растративший наследство железного канцлера. Вместо курса на изоляцию Франции и поддержание сносных отношений с Россией — признание неизбежности войны на два фронта. Александр III выступил инициатором сближения с Третьей республикой, и понятно, с какой целью. Его высказывания становились все решительнее и резче: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом броситься на нас». Ошарашенный Н.К. Гирс, глава министерства, миролюбивый сторонник ориентации на Союз трех императоров, причитал: «Его императорское величество молот такой вздор и проявлял дикие инстинкты»¹¹. Традиционную пацифистскую позицию занимал хранитель небогатой российской казны Вышнеградский. Советник министерства иностранных дел В.Н. Ламздорф записывал в дневнике: «Наше финансовое положение ужасно». В 1891 году наступила засуха, на страну обрушился голод. Записи в дневнике стали горше: «Нам нужны мир и спокойствие ввиду бедствий голода, неудовлетворительного состояния наших финансов, незаконченности наших вооружений, отчаянного состояния наших путей сообщения, возобновления брожений в лагере нигилистов»¹².

Но царской воле никто перечить не смел. Сближение с Францией шло полным ходом.

* * *

Летом 1891 года французская эскадра посетила Кронштадт. Встретили ее и торжественно, и тепло. Александр III, стоя на палубе броненосца с обнаженной головой, внимал «Марсельезе», запрещенной к исполнению в России как революционной песни. Офицеров и матросов эскадры адмирала Жервье чествовали в Петербурге, обеды и приемы следовали один за другим. Группа моряков посетила первопрестольную. Во французской печати замелькало выражение «кронштадтский год», все понимали: посещение — не просто визит вежливости, а предвестник появления военно-политического союза, способного вызвать перекойку всего баланса сил в Европе. Англичанам пришлось делать хорошую мину при плохой игре. Они пригласили эскадру Жервье посетить по пути домой Портсмут, где моряков ожидала гостеприимная встреча.

Но на деле они готовились к худшему. В марте 1892 года морские лорды подготовили записку на имя премьер-министра маркиза Р. Сол-

сбери, а он на ее основе сочинил секретный меморандум для кабинета. Врываться в Черноморские проливы отныне опасно, констатировал маркиз, можно очутиться между российским флотом, наконец-то возрожденным на Черном море, на севере, и подтянутой к Дарданеллам французской эскадрой на юге, и из этого мешка не выбраться. 40 лет защита Константинополя составляла основу британской политики. Продолжать ее невозможно и недопустимо. Оборона Стамбула от русских «не стоит тех жертв, которых она повлекла за собой»¹³. Вопрос о Черноморских проливах стал молчаливо сползать со своих приоритетных позиций.

В Лондоне, даже публично, раздавались выступления, ранее немыслимые. Первый лорд Адмиралтейства Дж. Гоцен заявил в парламенте под аплодисменты: «Мы свободны от каких-либо обязательств по ее (Турецкой империи. — *Авт.*) сохранению». Влиятельный министр колоний Дж. Чемберлен полагал, что следует вместе с Россией «прекратить состояние банкротства, в котором пребывает больной человек!»¹⁴. Кайзер Вильгельм попытался предотвратить пока еще не сближение, но уже стремление договориться между Петербургом и Лондоном и напомнил о британской эскадре в 18 вымпелов у входа в Дарданеллы, вполне способной проникнуть в Черное море. Запугивание не подействовало.

* * *

А на другой стороне Ла-Манша споро шло оформление военного союза двух держав. Французы торопились, но поддались соблазну соорудить альянс всадника и лошади, отведя первую роль себе. Четко определив обязанности сторон в случае войны Германии с Францией, они не столь внимательно подошли к российско-австро-венгерскому столкновению. Заботами Н.К. Гирса и начальника Генерального штаба Н.Н. Обручева несправедливость была устранена.

Трактат резко изменил баланс сил в Европе, гегемония Центрального блока на континенте пришла к концу. В 1895 году морские лорды возобновили свой демарш перед кабинетом. Пора было вступать в серьезные переговоры с Россией о Проливах. Воспользовались для этого пребыванием молодой царской четы в Балморале, шотландской резиденции королевы Виктории, ранней осенью 1896 года.

Монархиня, русофобка со стажем, восходившим к Крымской войне, твердила мужу своей внучки: «Важно, чтобы Англия и Россия шли вперед, ибо они являются самыми могущественными империями

и поэтому гарантией мира»¹⁵. Премьер-министр Р. Солсбери проявлял все признаки доверительности.

Царь в беседе с ним коснулся прежде всего вопроса о Босфоре и Дарданеллах. Проливы — дверь в Россию, ей не нужен ни Константинополь, ни какая-либо другая часть Турции, но контроль над входом в свой дом — иное дело. Солсбери заметил в ответ, что России не следует прибегать к захвату. Однако если Турецкая империя развалится, можно подумать, как пойти навстречу российским притязаниям. Окончательная формула, высказанная Солсбери лично от себя, гласила: «Если Франция, Австрия и Италия отнесутся благоприятно к установлению контроля России над Проливами, Англия не станет упорствовать в одиночку в своих возражениях, а займется поиском соответствующей договоренности»¹⁶.

Однозначной оценки встреча в Балморале не получила ни в Великобритании, ни у нас. Но самое малое, что можно о ней сказать, так это то, что вето на переговоры о Проливах было снято. И самые отчаянные оптимисты не представляли себе, что через одиннадцать лет Англия и Россия станут союзниками, а через девятнадцать державы Антанты договорятся о передаче России Константинополя и зоны Проливов после Первой мировой войны. Король Георг V предварил это решение, заявив российскому послу: Константинополь должен быть вашим.

Но все это в далеком непредсказуемом будущем. А пока что...

Самодержавие занялось делами дальневосточными. А.Б. Лобанову-Ростовскому удалось несколько умерить японские притязания к Китаю после войны с ним в 1894–1895 годах. Сооружалась великая сибирская магистраль. В отношении слабеющей, изнемогавшей под бременем внутренних раздоров Османской империи, придерживались примирительного курса. В 1896 году произошло восстановление дипломатических отношений с Болгарией, нелепый разрыв был, наконец, преодолен. Князь Фердинанд приобщил своего сына Бориса, крещенного по католическому обряду, к православию, что свидетельствовало о стремлении к утверждению династии.

Перенос активности царизма на Дальний Восток привел к ослаблению его позиций в Европе. В дипломатической переписке появилась немыслимая прежде формула о сохранении статус-кво на Балканах. Теперь, при укреплении самостоятельности национальных государств, она устраивала самодержавие. Лобанов нашел точки соприкосновения со своим австро-венгерским коллегой Агенором Голуховским. После Илинденского восстания в Македонии (1903 год) два правительства договорились о проведении в провинции некоторых административных реформ.

Русско-японская война 1904–1905 годов была встречена в Париже и Лондоне более чем прохладно. Французское правительство пальцем о палец не ударило, чтобы помочь эскадре З.П. Рожественского добраться до Дальнего Востока. Англичане повели себя, с точки зрения Петербурга, просто коварно, заключив с Японией союз и обещав прийти к ней на помощь в случае присоединения к России какой-либо державы. Правда, поскольку ни одного такого охотника не появилось, англо-японский договор остался простой бумажкой.

Но (большое но!). Франция от союза с Россией не отказалась, он ей был жизненно необходим, о том свидетельствовал горький опыт недавнего прошлого, завершившийся разгромом 1870 года и утратой двух провинций. В 1890-е годы не только политические круги, но и человек с улицы видел в союзе с Россией гарантию от повторения несчастья. Вопрос стоял так: или альянс, или сумрачное существование в ожидании новой национальной катастрофы. Сошлемся на запись в дневнике Мориса Палеолога, ее посла в Петербурге: «Отрываясь от России, мы потеряли бы необходимую и незаменимую опору нашей политической независимости»¹⁷.

Не стала менять курса на сближение с Россией и Великобритания, приступившая к сколачиванию противовеса военному блоку Центральных держав. А подобный противовес был немислим без России, заменить ее было нечем. Крестным отцом Антанты стал король Эдуард VII, хотя по сложившейся репутации, казалось бы, не ему выступать в столь ответственной роли: с младенчества — *enfant terrible*, затем — незадачливый студент, светский щеголь с замашками плебоя. Но юности мятежной пора давно миновала. Матушку Викторину он сменил на троне в возрасте 67 лет, обладая обширными и полезными связями не только в придворных и политических кругах Европы, но и в деловом мире. Своего племянника Вилли, кайзера Вильгельма, он презирал. Именно в ходе его встреч и бесед с французским президентом Ф. Лубэ и Николаем II была достигнута договоренность с Парижем и Петербургом, министрам и послам оставалось оформить ее официальными актами. По договору с Францией от 8 апреля 1904 года Англия получала в свое распоряжение Египет, а другая сторона Марокко. По англо-русскому договору от 31 августа 1907 года Северный Иран признавался зоной российских интересов; Южный, таивший в недрах своих большие запасы нефти, — британских; средняя часть страны объявлялась нейтральной. Россия признавала Афганистан вне сферы своего влияния, Англия обязывалась не развязывать там войны. Узел российско-британских противоречий был значительно

ослаблен. Все понимали — противовес австро-немецкой коалиции создан. Вильгельм реагировал нервно, особенно на ревельское свидание Эдуарда с Николаем, сочтя, что от «этих мерзавцев» можно ожидать чего угодно.

Ни в том, ни в другом договоре нет ни слова о военном сотрудничестве, Германия нигде не упоминалась. Это были документы, в которых фигура умолчания значила не меньше, чем текст. Стороны урегулировали свои отношения и обрисовали устраивавший их баланс сил. Было ясно: за посягательство на баланс они готовы сражаться против нарушителя, коим представлялась Германия, рвавшаяся к господству в Европе.

* * *

Балканы и район Средиземноморья стали объектом внимания и коллективного вмешательства держав Антанты еще до ее рождения. В 1896 году восстал остров Крит. Его жители, в основном греки, требовали автономии и энозиса (объединения) с матерью-родиной. Европа раскололась. Кайзер Вильгельм объявил себя другом и покровителем мусульман, Россия, Великобритания и Франция отнеслись сочувственно к повстанцам. К ним присоединилась Италия, членство которой в австро-немецком блоке становилось все более формальным. Греция решила бросить Османской империи вызов, объявив ей войну. Но развязанный Стамбулом в ответ джихад увенчался полным успехом. В одномесячной войне греческая армия была разгромлена, а флот потоплен. Однако в прибрежных водах крейсировали небольшие эскадры покровителей критян, а на суше появились отряды их войск. Бросить перчатку державам Высокая Порта не посмела, и те стали хозяйничать на острове, установив правление адмиралов (разумеется, не турецких). Поскольку все происходившее сильно смахивало на оккупацию и попираание прав Турции, четверка решила изменить форму правления и поставить во главе ее принца Георга, второго сына греческого короля, знакомого Николая II еще со времени его зарубежного путешествия в бытность наследником престола. Назначили Георга не губернатором острова, а верховным комиссаром держав, что избавляло их от необходимости добиваться санкции султана на назначение. Георг не жалел усилий, чтобы приблизить энозис. Видимо, и он не думал, что ожидаемое наступит так быстро: в 1913 году Турция, разгромленная в балканских войнах, смирилась с потерей Крита, вошедшего в состав Греции. Так Антан-

та уже в первые годы своего существования добилаcь немаловажно-го успеха на юго-востоке Европы¹⁸.

* * *

Разразившаяся летом 1908 года Младотурецкая революция еще более ослабила центральную власть в султанате. Державам младотурки доверия не внушали. Болгарское правительство и князь Фердинанд пришли к выводу, что настала пора для провозглашения независимости страны, что и произошло 22 сентября (2 октября) в Велико-Тырнове. Высокая Порта попыталась обусловить признание Болгарского царства солидной компенсацией за железные дороги в Восточной Румелии, находившиеся в турецкой собственности. Уладить дело с возмещением взялась Россия, сократив на соответствующую сумму числившийся за Турцией долг¹⁹.

Так, без восстаний и войны, произошло великое событие в жизни болгарского народа — обретение им независимости.

День 5 октября принес Порте еще одну, неожиданную и даже более крупную неприятность: австрийский император и венгерский король Франц Иосиф выступил с декларацией об аннексии Боснии и Герцеговины. Две эти турецкие провинции были, с согласия Берлинского конгресса в 1878 году бессрочно оккупированы австро-венгерскими войсками, но формально оставались турецким владением. Теперь Габсбургская монархия присваивала их себе.

Выступлению Франца Иосифа с декларацией предшествовала встреча министров иностранных дел России А.П. Извольского и Австро-Венгрии А. Эренталя в Бухлау (Бухлевице в Моравии). По мнению академика В.М. Хвостова, на ней Извольский обменял синицу в небе (австрийское обещание в дальнейшем с пониманием отнестись к российским пожеланиям в отношении режима Черноморских проливов) на вполне реальное согласие Петербурга на аннексию Боснии и Герцеговины²⁰. Неравноценность обмена, действительно, бросается в глаза. Видимо, надо считаться с настроениями момента: Японское море превратилось в кладбище российского Тихоокеанского флота и собранной с бору по сосенке на Балтике эскадры З.П. Рожественского, в то время как сильный Черноморский флот был заперт в его акватории и стал добычей революции. Свобода прохода судов под андреевским флагом через Проливы в таких условиях представлялась весьма ценной. По уверению А. Эренталя, он обещал лишь отнестись со временем с сочувствием к российским пожеланиям. Извольский иначе

трактовал договоренность, уверял, что обуславливал ее созывом международной конференции и уступками австрийской стороны в пользу Сербии, на что не было никаких надежд (Белград высказывался за предоставление автономии Боснии и Герцеговине и раздел Новопазарского санджака между Сербией и Черногорией). Но факт остается фактом — аннексия состоялась без всяких ответных шагов со стороны партнера. Неудачник бросился в Париж и Лондон за поддержкой. Но там не проявили желания вмешиваться в сложное и запутанное дело. Свой кабинет министров предоставил дипломату самому искупать грехи. Тому пришлось подать в отставку. Но обошлись с ним гуманно — отправили в места не столь отдаленные и очень приятные, назначив послом в Париж.

Сербия резко реагировала на аннексию — демонстрациями протеста, набором в армию добровольцев, готовых сражаться за правое дело. Но ни Россия, ни Сербия к острому конфликту не были готовы, а противная сторона действовала с редкой в истории международных отношений бесцеремонностью. В марте 1909 года Берлин выступил с категорическим требованием признать свершившееся. И угрозой австро-венгерского нападения на Сербию в случае отказа²¹. Габсбургский генштаб установил связи с польским национальным движением. Петербург и Белград, скрепя сердце, дали согласие.

Тем не менее положение можно было назвать мирным разве что условно. В Сербии зародилась организация «Объединение или смерть», больше известная под название «Черная рука», признававшая террор и влиятельная в офицерских кругах. В самой провинции действовало общество «Млада Босна», выступавшее за вхождение в Сербию и тоже не чужающееся террора.

* * *

Отечественная историография традиционно считала аннексию двух бывших османских провинций крупным провалом своей дипломатии. Опереться на силу та не могла, союзники проявляли мало интереса к сербским и балканским делам. Форин-офис одно время питал надежду, не сбывшуюся, что удастся наладить контакт с младотурками. Лишь в последние годы наметился иной подход к происшествию; задается вопрос: а что выиграла Австро-Венгрия, осуществив аннексию? Аннекционисты столкнулись с большими сложностями при осуществлении своих намерений. Е.К. Вяземская именует достигнутый результат чистойшей иллюзией. По соглашению с Высокой Портой

Австро-Венгрия отказалась от входившего в провинции Енипазарского санджака, разрешила свободное отправление мусульманского культа и упоминание в мечетях имени султана-халифа.

Наши средства массовой информации свободно оперируют термином «Австро-Венгерская империя». На самом деле с ним надо обращаться чрезвычайно аккуратно, ибо существовали Австрийская империя и Венгерское королевство, которые вместе составляли не империю, а двуединую монархию. Их территории четко подразделялись, и ни один ее вершок не находился в совместном владении, на это имелся даже конституционный запрет. Сразу возник вопрос: к кому же присоединять Боснию и Герцеговину, так и оставшийся нерешенным. Провинции некогда в Средние века входили в Мадьярское королевство, туда бы им и вернуться. Но... для самой Венгрии расширение за счет двух славянских провинций ничего хорошего не сулило. По переписи 1910 года в ней проживало 48 % мадьяр, 26 % славян, 14 % румын и 10 % немцев. К титульной нации принадлежало не большинство, но все-таки солидное меньшинство жителей. С наплывом массы славянского населения в Боснию и Герцеговину это меньшинство превращалось в скромное к ущербу для роли венгров как титульной нации. Официальный Будапешт поэтому отрицательно отнесся к самой идее подобного расширения. Так же реагировал он на другой возможный вариант решения вопроса — вхождение Боснии и Герцеговины в состав Австрии, ибо это грозило перекосом баланса сил и интересов в двуединой монархии в пользу Вены²².

Существовал и третий вариант, предусматривавший преобразование дуалистической монархии в триалистическую с превращением славянских земель в ее третий компонент. Сторонником подобного преобразования являлся наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Но тут возражения раздавались и из Вены, и из Будапешта, ибо сие означало утрату немцами и венграми особого привилегированного положения в стране. Выбраться из тупика не удалось, все осталось по-старому, Босния и Герцеговина оказались в «висячем» положении, некий остроумец привлек для сравнения со сложившимся положением образ плывущего в воздухе гроба Мухаммеда²³. «Провисели» провинции вплоть до распада державы Габсбургов в 1918 году и образования государства сербов, хорватов и словенцев. Поэтому Е.К. Вяземская пришла к выводу, что в плане внутривнутриполитическом затея графа А. Эрентала потерпела полный крах.

Не менее важно и другое. Грубо осуществленная аннексия была воспринята в России как пощечина. Влияние прогермански настроенных политических кругов в стране пошатнулось, тяга к Антанте воз-

росла, что ввиду приближения Первой мировой войны означало для Берлина и Вены существенную потерю. Они приобрели яростного врага в лице Сербии. Так что, взвешивая все про и контра для Австро-Венгрии от аннексии, контра в них преобладало.

В ряду факторов, свидетельствовавших, что немецкий Второй рейх, подкрепленный Австро-Венгрией, замахивается на господство в Европе, аннексия Боснии и Герцеговины заняла свое место. Капитулянтов-мюнхенцев на континенте тогда не существовало. В дни июльского кризиса 1914 года министр иностранных дел С.Д. Сазонов говорил в Государственной думе: отступить, смириться — значит признать, что «воля Австрии и стоящей за ней Германии является законом для Европы». Франция после разгрома 1870 года более двадцати лет жила в страхе перед новым нашествием тевтонов, и лишь союз с Россией позволил ей распрячиться. Британцы сознавали, что при доминации Пруско-Германии на континенте Англия очутится отнюдь не в блестящей изоляции. По словам помощника главы Форин-офис Эйра Кроу, стремление Германии к «политической диктатуре» могло привести к тому, что она и Австро-Венгрия «раздавят Францию и унижат Россию», и тогда от лелеемого баланса сил на континенте не останется и следа²⁴. Можно сказать поэтому, что аннексия Боснии и Герцеговины внесла определенную лепту в стремление членов Антанты сплотить свои ряды.

* * *

Османская империя слабела и разваливалась на глазах. Болгария утвердила свою независимость, произошла утрата Боснии и Герцеговины. В 1911 года Италия начала войну с Турцией, увенчавшуюся для последней потерей Киренаики. Остров Крит отпал. Страна погрязла в неоплатных долгах, в 1914 году 80 % бюджетных средств ушло на их погашение. Разве что ленивый мог упустить шанс и не воспользоваться случаем для нанесения Высокой порте новых ударов. Образование Балканского союза стало событием естественным и неизбежным. Все было вновь: не подданные собирались восставать против тиранического правления, а независимые христианские государства готовились освобождать еще находившиеся под турецким господством славянские и греческие земли с намерением присоединить их к себе. Никаких подстрекательств со сторон «великих» не происходило. Россия восстанавливала силы, подорванные войной и революцией. Австро-Венгрия только что проглотила Боснию и Герцеговину. В Вене раз-

давались неслыханные прежде заявления. Начальник генерального штаба монархии Ф. Конрад фон Хетцендорф заверял: «Мне не нужно от Сербии ни одного сливового дерева, ни одной овцы». Яблоком раздора между Францией и Германией служили Эльзас и Лотарингия, а не балканские угодья. Что касается Великобритании, то немцы не расстались еще с надеждой оторвать ее от новых друзей.

Общественность России, как всегда, горой стояла за дело славян, на парадах и по сей день звучит великолепный, торжественно-триумфальный марш «Прощание славянки», тогда сочиненный. С.Д. Сазонов полагал: «Пятьсот тысяч штыков для охраны Балкан, — это навсегда преградило бы дорогу германскому проникновению и австрийскому вторжению»²⁵. Ведомство на Певческом мосту хотело бы превратить Балканский союз в своего рода щит, оберегающий его членов от подчинения австро-германскому военному блоку. Переговоры делегаций Болгарии и Сербии о заключении союза велись при активном участии российской дипломатии целых полгода, с октября 1911 года по март следующего. Казалось, наконец удалось достигнуть согласия, при том что распределение некоторых земель передавалось на арбитраж Николая II. В случае австро-венгерского нападения на Сербию болгарская сторона обещала двинуть в помощь союзнице 200-тысячную армию. В мае к договору присоединилась Греция. Черногория удовлетворилась устной договоренностью с союзниками. Правительство Румынии, входившей в военный блок Центральных держав, хотело бы приобрести за нейтралитет земли в Задунавье, но согласия на то не получило.

Военные действия развязала Черногория 12 октября, 18-го числа к ней присоединились остальные. Славянское и греческое воинство численно значительно превосходило противника (603 тысячи человек против 412 тысяч) и сражалось с воодушевлением. Болгары на центральном направлении заняли Адрианополь (Эдирне), ключевой пункт на пути к Стамбулу, и были остановлены в 40 верстах от столицы. Вместе с греками они овладели Салониками — портом на Эгейском море. Греки также успешно сражались в Эпире, заняв город Янину. Сербские войска вошли в Скопье и Монастир и вместе с черногорцами прорвались через албанские земли к Адриатическому морю. Они осадили крепость Шкодру (Скутари), но взять ее не смогли. Успехи союзников были столь велики, что породили тревогу в столицах держав. Австро-Венгрия противилась утверждению сербов на Адриатическом море. В Петербурге опасались занятия болгарями Константинополя, что могло привести к решению вопроса о режиме Проливов не в духе царских пожеланий. Туркам удалось остановить

продвижение болгарской армии, и опасения отпали. Заключенный в мае 1913 года с ведома и при участии держав Лондонский мирный договор ознаменовал триумф Балканского союза. Турция утратила почти все свои владения в Европе за исключением Стамбула и узкой полосы земли по западному берегу Босфора²⁶, Мраморного моря и Дарданелл. Рухнула власть Высокой Порты в Македонии. В ноябре 1912 года, после успешного восстания, Европа признала образование независимого Албанского княжества.

Еще в январе 1913 года державы потребовали у Турции дать согласие на вхождение Адрианополя в состав Болгарии²⁷. Добиться этого не удалось.

Увы, торжество Балканского союза длилась недолго, наступили раздоры, все остались недовольны урегулированием, все претендовали на большие территориальные приращения. Сербии не удалось закрепиться на Адриатическом побережье, Греция сочла полученную в Македонии долю слишком скромной. Болгарские лидеры, гордые достигнутыми на главном, стамбульском направлении результатами, жаждали новых успехов и связанных с ними плодов. Правительству И. Гешова, считавшемуся умеренным, пришлось уйти в отставку, премьером стал решительный С. Данев. В самый день подписания Лондонского договора некоторые газеты вышли с призывами: «Война кончилась. Да здравствует война!» В роли искусительницы выступала австро-немецкая дипломатия, сулившая добычу за счет Сербии, Греции и Черногории. Поступали предложения и со стороны России, но не того масштаба: давать санкцию на попираание интересов своих друзей и сторонников и тем более на расправу над ними Петербург не мог. В Белграде же и Афинах полагали, что и без того согласились на чрезмерные уступки софийским правителям. Сербия и Греция предусмотрительно пошли на заключение тайного соглашения, своего рода пакта о взаимопомощи, обязавшись давать отпор излишества в болгарских притязаниях.

В накаленной до предела обстановке царь Фердинанд решил пойти ва-банк. В ночь на 17 (30) июня болгарские войска напали на союзников. Увы, царь не был одинок в своем воинственном азарте. Для него, писал российский дипломат А. Неклюдов, «противиться войне значило отказаться от власти. Фердинанд пуще всего боится восстановить против себя болгарское офицерство, т. е. единственную силу, на которую, в сущности, в течение 25 лет опирался»²⁸. Результаты коварства выдались плачевные. Началась вторая Балканская война, иначе именуемая межсоюзнической. Преодолеть сербскую и греческую оборону не удалось, затея обернулась авантюрой и катастрофой. Ру-

мынские войска переправились через Дунай и двинулись к Софии, не встречая сопротивления. Развернула военные действия Турция, возвратив себе Адрианополь. Болгария, одна против всех, очутилась в безнадежном положении и 20 июля капитулировала.

Бывшие союзники обошлись с ней сурово, если не сказать жестоко. По заключенному 10 августа в Бухаресте миру побежденная лишилась почти всех приобретений прошедшего года во Фракии и Македонии, где за ней сохранили лишь Пиринский край, занимавший примерно десятую часть территории провинции, и доступ к Эгейскому морю, но без портов Салоники и Кавала, доставшихся Греции. С.Д. Сазонов уподобил условия бухарестского урегулирования «пластырю, наклепленному на незалеченные балканские язвы»²⁹. По договору, заключенному в Константинополе в сентябре, Турция сохранила за собой Адрианополь. Ознакомившись с плодами самодеятельности соседей на дипломатическом поприще, Болгария оцепенела от горя. По словам И. Гешова, страна была «ограблена, погублена, уничтожена, обесславлена». В истории события запечатлелись как первая национальная катастрофа. Прежнее воинственное ухарство сменилось паническими настроениями. Неклюдов сообщал: «Болгарские войска совершенно истощены огромными потерями, усталостью и голодом... Солдаты открыто говорят, что шваб-король и изменники министры втравили народ в ненужную и братоубийственную войну против воли русского царя»³⁰.

А царь Фердинанд устремился дальше по гибельному пути. В приказе по армии он призвал свернуть знамена до наступления лучших времен, что означало открытый призыв к реваншу и в то же время являлось заявкой на вступление в альянс центральных держав в условиях надвигавшейся мировой войны, что и произошло в октябре 1915 года. Момент тогда казался благоприятным: великое и трагическое отступление российской армии рождало у людей поверхностного склада ума убеждение, что Россия выйдет из строя, а прусский меч подтвердит репутацию своей непобедимости. Никому не пришло в голову обратиться к истории, свидетельствующей, что коалиция России и Великобритании никогда не терпела поражений. Расплачиваться за внешнеполитические заблуждения Болгарии пришлось второй национальной катастрофой осенью 1919 года по договору в Нейи.

Балканские войны довольно четко наметили расстановку сил их участников в надвигавшейся Первой мировой: Турция и Болгария — в австро-венгеро-немецкой группировке, остальные примкнули к Антанте. Используя межбалканские противоречия, державы пустились на поиски и проiski в вербовке союзников. В балканском измерении

вторая, или межсоюзническая война, привела к крутым переменам на полуострове, рухнула балканская солидарность, национальные государства размежевались и примкнули к разным европейским военно-политическим альянсам. В европейском измерении столь значительных перемен не произошло, основной результат первой Балканской войны сохранился, Османская империя была подведена к смертному порогу, оставался один шаг до прекращения ее существования, что и произошло после Первой мировой с превращением ее в национальную Турецкую республику. Восточный вопрос в его прежнем понимании исчерпал себя. В область предания и научных исследований отошла борьба христианских народов за свое право на государственное существование, пора восстаний и национальных революций. Россия никогда не оспаривала права турецкого народа на свое государственное бытие.

* * *

Путь к Балканским войнам был долог, тяжок и тернист. 1683–1684 годы — выдающаяся дата в истории Европы. Христианский мир в лице Священной лиги — Австрии (Священной Римской империи германской нации), Польши, Венеции дал отпор последнему восточному (османскому) нашествию, разгромив под стенами Вены турецкую армию. Вскоре к лиге присоединилась Россия. От этого и последовавших в дальнейшем поражений в войне, продолжавшейся 16 лет, султанат не оправился. Христианская Европа взяла верх. Были в процессе ее натиска осечки, перерывы и даже срывы, но движения вспять — никогда. Европейский лагерь прежде спланивала угроза турецкого нашествия. Теперь она отпала. И лагерь редел. В XVIII веке выступали еще вместе Россия и Австрия, но в 1730-е годы последняя потерпела поражение в схватке с Турцией, а во время совместной с Россией войны 1787–1791 годов оказалась незадачливым союзником и досрочно покинула поле боя, заключив мир на условии сохранения довоенных границ.

Растущая мощь России отчуждала от нее возможных партнеров. В XIX столетии Великобритания и Австрия сплотились на основе доктрины статус-кво, сохранения на Балканах власти и влияния Османской империи. Трудную миссию освобождения балканских народов от турецкого гнета России пришлось выполнять в одиночестве и в противоборстве не только с османским государством, но и с его западными покровителями. Для России Балканы никогда не были

просто соседом. Основной костяк населения здесь составляли близкие ее жителям по языку славянские племена. Отсюда на Русь пришло православие и азбука кириллица, без коих немыслима российская культура. Наше отечество никогда не выступало в роли Ивана, не помнящего родства. Балканская политика России не ограничивалась двумя составляющими, дипломатической и военной, в ней всегда присутствовало духовное начало, солидарность с православным миром, принимавшая разные формы — от филэллинизма в 1820-е годы, во время греческой национально-освободительной революции, до охватившего общественность в 1870-е страстного стремления освободить южных славян от ига иноверцев. В противовес доктрине статус-кво родилась программа образования на юго-западных рубежах империи цепи автономных христианских княжеств при отказе самодержавия от каких-либо территориальных захватов на Балканах. После войны 1767–1774 годов у Высокой Порты удалось вырвать согласие на покровительство православным подданным султана. Адрианопольский мир 1829 года открыл эпоху балканского возрождения, подъема экономики и культуры у народов региона, способствовал укреплению автономии Дунайских княжеств и Сербии, Греция смогла обрести независимость. Крымская война 1853–1856 годов, когда против России выступили Франция, Великобритания и Сардиния, не считая Турции, а в плане дипломатическом и Австрия, не привела к торжеству ее противников. Навязанный России мир оказался нежизнеспособным. Запрет на содержание флота на Черном море не выдержал испытания временем. Как писал О. Бисмарк в своих мемуарах, нельзя 100-миллионному народу запрещать оборонять свои рубежи. Под умелым руководством князя А.М. Горчакова отечественная дипломатия добилась в 1870–1871 годах отмены этого постылого условия.

Попытка западных держав укрепить Османскую империю с помощью реформ по европейскому образцу провалилась, мусульманское общество оказалось к ним невосприимчивым. В той небольшой степени, в которой их удалось осуществить, ими воспользовались христиане для укрепления своей самостоятельности и подрыва власти Порты.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов, проведенная под знаменем освобождения южных славян, привела к великим переменам на Балканах. Россия добилась международного признания государственной независимости Румынии, Сербии и Черногории. Доктрина статус-кво рухнула. Османская империя получила удар, от которого уже не смогла оправиться. Балканские войны явились своего рода мерилom для подведения итогов произошедших за 30 с небольшим лет после 1878 года перемен. Итоги впечатляют.

В 1876 году Нури Осман-паша, будущий защитник крепости Плевна, быстро разгромил сербскую армию. В 1897 году турки легко расправились с греческим войском в войне с характерным названием — одномесячная.

А всего через 15 лет Балканский союз тоже в течение одного месяца разгромил турецкие вооруженные силы. Балканы уже не нуждались в поддержке или опеке с чьей-либо стороны. Балканские войны явились своего рода сделанным самостоятельно заключительным аккордом в симфонии национального освобождения, длившейся 230 лет. В этом их историческое значение и национальное величие. Османская империя в Европе (точнее — то, что от империи осталось) оказалась прижатой к Черноморским проливам. Ей оставалось самоликвидироваться, превратившись в Турецкую республику, что и произошло.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Werth G.* Der Kriemkrieg-Geburtsstunde der Weltmacht Russland. Erlanger etc., 1989

2 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 288

3 Красный архив. 1931. № 3. С. 189, 181, 174–184; *Виноградов В.Н.* Черноморские проливы, конец XIX века. Взгляд из Петербурга и из Лондона // В «пороховом погребЕ Европы». М., 2003. С. 95–134

4 Красный архив. 1931. № 3. С. 180, 181

5 Там же. С. 179

6 *Туполев Б.М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребЕ Европы». М., 2003. С. 54–94

7 *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* В. 3. В., 1926. S. 263, 264, 266, 277

8 В «пороховом погребЕ Европы»... С. 148

9 См. *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 255

10 См. С. 358

11 *Ламздорф В.Н.* Дневник 1891 г. М.; Л., 1996. С. 290

12 Там же. С. 262

13 *Popadopoulos G.S.* England and the Near East 1896–1898. Thessaloniki, 1969. P. 91–94

14 *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1979. P. 430, 433

15 *Пономарев В.Н.* Свидание в Балморале и русско-английские отношения 90-ых годов XIX века // Исторические записки. Т. 99. М., 1977. С. 353. О свидании см. также: *Болховитинов Н.Н.* О позиции лорда Солсбери в Восточном вопросе осенью 1896 г. // Проблемы британской истории. М., 1973;

Силин М. Английские планы раздела Турции в 1895 г. // Благовещенский педагогический институт. Ученые записки. Т. 6. 1955; *Киняпина Н.П.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994; *Jefferson M.* Lord Salisbury and the Eastern Question // The Slavonic and East European Review. 1960

16 *Popadopoulos G.S.* Op. cit. P. 91–97

17 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 119

18 *Соколовская О.В.* Критский вопрос и Россия в миротворческой операции великих держав 1897–1909 гг. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2009

19 История южных и западных славян. М., 1979. С. 365

20 *Хвостов В.М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1972. С. 249

21 *Виноградов В.Н.* Россия и Балканы от Екатерины Великой до Первой мировой войны. Lewiston (США), 2000. С. 252

22 *Вяземская Е.К.* Босния и Герцоговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века. — В «пороховом погребЕ Европы»... С. 322–359

23 До и после Версаля. М., 2009. С. 350

24 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 191; *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. М., 1935. С. 642–643

25 Цит. по: *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 488

26 До и после Версаля... С. 59; *Искендеров П.А.* Балканские войны // В «пороховом погребЕ Европы»... С. 476–507

27 До и после Версаля... С. 234

28 *Исаева О.И.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля... С. 111, 116

29 *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1999. С. 306

30 До и после Версаля... С. 117

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Великий исход сербов, 1690 г.

Молодой Петр I

*Екатерина II, 29 июня 1762 г. Первый день
ее царствования. Она на коне, в мундире поручика Талызина*

*Император
Александр I*

*Император
Николай I*

Альпийский поход Суворова

*Севастополь. Екатерининская улица
после очередной бомбардировки*

*Третий Севастопольский бастион,
так и не взятый британскими войсками*

*Владимир
Александрович
Корнилов*

*Павел
Степанович
Нахимов*

*Александр
Михайлович
Горчаков*

*Отто
фон Бисмарк*

*Берлинский конгресс 1878 г. Дизраэли спрашивает
О. Бисмарка: «Скажите, пожалуйста, как по-французски
будет слово „компромисс“?»*

Русские катера подрывают турецкий монитор на Дунае

Прорыв через Балканский хребет

Осман-паша перед Александром II. Сдача в плен

*Император Николай II с матерью императрицей
Марией Федоровной*

Первая балканская война. Солдатские тяготы

*Принц-регент Сербии Александр Карагеоргиевич
во главе сербских войск в Белграде в 1913 г.*

*Черногорская скорострельная батарея
в окрестностях города Скадар*

SUMMARY

In the year 1683 the Osman army numbering 200 thousand men penetrated deep in Europe and besieged Vienna. That was the last eastern invasion in the Christian continent. The Sacred Roman empire of the German Nation (Austria), Poland and Venice repulsed the aggression. The Holy League of these states and Russia was born, a last Crusade of the Christian world took place. The war continued up to the year 1699. A great turning point occurred in the relations between West and East, Europe and Asia, the Christianity and the world of Islam. Europe, from a defensive side before, became an offensive factor in the antagonism.

The situation in the Christian camp changed in the XIX century and the growing might of Russia was the cause of it. Great Britain became a protector of la Sublime Porte and headed the western powers in their opposition to Russia's raising influence in the Balkans and Turkey. A Status Quo doctrine appeared, according to which the Balkan Christians had to remain under Sublime Porte's rule and yoke. Russia remained single to fulfill the noble and heavy mission of gaining freedom for the balkan Christians. To fulfill this task Russia waged ten wars with Turkey including the Crimean war (1853–1856), in which la Sublime Porte was supported by Great Britain, France and Sardinia. The last victorious war, 1877–1878, ended in triumph for the Balkan peoples. Romania, Serbia and Montenegro were proclaimed independent states. A little bit more than 30 years passed, and the Balkan Alliance (Bulgaria, Serbia, Greece and Montenegro) defeated the Turkish empire in the First Balkan war (1912–1913). Her territorial possessions in Europe were limited to a narrow strip of land along the straits Bosphorus and Dardanelles.

This book contains an essay of Russian foreign policy in the Eastern question beginning with the first contacts with Balkan affairs and up to the overthrowing of the ottoman rule in the region and gaining freedom for the Balkan Christian peoples.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**
Абдул-Азиз 347, 348
Абдул-Гамид II 379, 403, 414, 421
Абдул-Меджид 274
Абдул-Реззак 105, 106, 111
Абердин Д. 273, 394, 375, 300, 307, 312
Август II 24, 25, 37, 38, 45
Август III 70, 87
Агаки Е. 252
Адриан 22
Айдос Мехмед-паша 136
Аксаков И.С. 419
Александр Александрович, Александр III 400, 411, 428, 429
Александр II 309, 311, 330, 334, 338, 340, 348, 353, 259, 363, 365–367, 375, 381, 284, 386, 391, 392, 398, 402–404, 407, 409, 420, 422, 428, 436
Александр I 154, 166–169, 177, 179, 181, 183–185, 187–190, 192, 195, 197–199, 201, 205–207, 215–220, 224, 225, 228
Александра 340
Алексей Михайлович 15
Алексей Петрович 37, 40
Али Дамад 16
Али Марашли-паша 215
Али-паша 18, 20
Али-паша 336
Али-паша Янинский 222
Альберт, принц-супруг королевы Виктории 296, 308, 337
Альбрехт Габсбург 382
Амалия Ольденбургская 255, 280, 345
Амвросий Вологодский 53
Андерсон Д. 335
Анисимов Е.В. 42, 45
Анна Иоанновна 42, 44, 46, 47
Анна Леопольдовна 54, 57, 60, 61
Анна Павловна 194
Анна Петровна 41
Антон Ульрих Брауншвейг-Бревернский 54, 66
Апраксин С.В. 67, 68
Аракчеев А.К. 228
Арбетнот Ч. 181, 182
Арсений Иоаннович 50, 349
Арсений Черноевич 19, 20
Арш Г.Л. 224
Ахмед-паша 192
Ахмед Афиф-паша 158
Ахмед III 21, 32
Б
Багратион П.И. 191
Баррас П. 151
Бяратинский И.С. 81, 110
Бяратинский Ф. 89
Баттенберг Александр 433, 434, 435
Безбородко А.А. 117, 120, 131, 137, 158

- Бейн Р.Н. 56, 71
Беклар Н. 320
Бель П. 77
Бериудес Зеа 195
Бестужев М.П. 62
Бестужев-Рюмин А.А. 217
Бетховен Л. 308
Бибеску Г. 276, 288, 289
Бибо И. 146
Биконсфилд (Б. Дизрали) 417
Бисмарк О. 313, 318, 349, 359, 361, 366, 367, 381, 404, 412, 412, 415–417, 429, 431, 432, 435, 450
Бланш 328
Бларенберг Н. 363
Бовт К. 361, 365
Богарнэ Ж. 180, 194
Бомон 305
Бонапарт Ж. 373
Бонапарт Л. 373
Бонапарт Н. см. Наполеон
Бонапарты 342
Бота д'Адорно А. 61
Боцус А.Ф. 32
Браунинг Р. 377
Бретейль Л. 80, 87
Бруннов Ф.И. 270, 273, 274, 297, 360, 361
Брюн Е. 174, 176
Булгаков Я. 124
Бурбоны 238
Буркнэ Ф. 324
Бутаков И.И. 357
Бутенев А.П. 32, 33, 37
- В**алевский А. 309, 311, 326, 336, 338, 339
Валуев П.Р. 357
Вашингтон Дж. 117
Ващенко Г.П. 282
Вебстер Ч. 175, 307, 315
Веллингтон А. (Уэлсли) 227, 230, 231, 233, 237
Вениамин 201, 221
Верещанский Ю. 8
Вержен Ш.Г. 88
Верт Г. 36, 47
Вешняков А.А. 43, 47, 63
Виктория 273, 296, 308, 333, 337, 345, 358, 377, 392, 398–400, 422, 430, 440
Вильгельм Нидерландский 262
Вильгельм I 330, 350, 364, 367, 532
Вильгельм II 430, 434, 437, 438, 440, 441
Вильнев 52, 53
Вильям IV 238, 262
Виноградов К.Б. 423
Вннчелси 238
Витгенштейн П.Х. 219–222, 236
Витте С.Ю. 316
Владимиреску Т. 219–221
Вобан С. 10
Возницын П.Б. 23, 24
Волынский А.П. 50, 53
Воронцов А.Р. 173, 174
Воронцов С.Р. 134, 174, 193
Воронцова Е.Р. 80, 81, 83
Врангель 57
Вукалович Л. 317
Вукотич 161
Выгодский И.А. 9
Вышнеградский 437
Вяземская Е.К. 443
Вяземский П.А. 386
- Г**авриил 356
Галиб эфенди 195, 196
Гамильтон Сеймур Д. 300
Гарашанин И. 278, 184, 354
Гейден Л.М. 293
Генрих Прусский 191
Георг, принц регент Англии 195
Георг III 109, 117, 142, 188
Георг, принц греческий... 441
Георг II 65
Георг V 439

- Георг, король Греции 326, 355, 358, 407, 426
 Георгий Конисский 88
 Георг Фридрих Гольштингский 81
 Герцбекрг Э.Ф. 126, 130
 Герценцвейг 287
 Гете И.В. 287
 Гешов И. 447, 448
 Гизо Ф. 265, 270, 272
 Гика А.Д. 276
 Гика Д. 321
 Гика И. 319, 363, 364
 Гильомино А.Ш. 186, 230
 Гирс Н.К. 339, 344, 389, 429, 437, 438
 Гогенцоллерны 64
 Голенищев-Кутузов М.И. 135 (См. также Кутузов М.И.)
 Голеску-Албу А. 323
 Голицын А.М. 91
 Голицын А. 242
 Голицын В.В. 16, 18, 115
 Голицын Д.М. 94, 95, 97, 99, 110
 Головкин Г.И. 27, 31, 43
 Голдфрэнк Д. 267, 298, 299
 Голуховский А. 339
 Гольц Б.В. 76
 Гольц К. 430
 Гомпеш 157
 Гордон Т. 255
 Горчаков А.М. 313, 322, 325, 326, 329, 334–338, 343–345, 347, 349, 350, 351, 353, 354–361, 364, 366, 357, 371, 375, 385–388, 396, 397, 400, 401, 414–417, 419, 420, 430, 434
 Горчаков М.Д. 301, 309, 310, 321
 Грайар Ф. 255
 Гракхи, братья 340
 Грей А. 88
 Грейг С.К. 127, 138
 Гросул В.Я. 251
 Грэнвилл Д. 360, 362, 420
 Гудович И.В. 135
 Гурко И.В. 396, 400, 429
 Густав III 99, 127, 143, 144
 Дагмар (см. также Мария Федоровна) 435
 Дадли 403
 Дадли 234, 236
 Дакуорт Д. 181
 Дамиянович Евфимий 49
 Данев С. 447
 Дарвин Ч. 377
 Дашков Д.В. 242, 243
 Дашкова Е.Р. 81, 82
 Деболи 145
 Девлет Гирей 116
 Деказ Ш.А. 367
 Делиянис Т. 418
 Дерби Э. 373, 376, 377, 379, 385, 399, 412, 423
 Державин Г.Р. 153
 Дженкинс Е. 396
 Дибич И.И. 239, 240, 243, 257
 Дидро Д. 97
 Дизраэли Б. (см. также Биконсфилд) 267, 379, 384, 396, 398–400, 409, 412, 415–417, 420
 Диосеги И. 381
 Дмитриевич-Апис Д. 433
 Долгорукие 41
 Достоевский Ф.М. 386
 Достян И.С. 209
 Драгомиров М.И. 396
 Дрио Э. 184
 Дюгамель А.О. 287, 290
 Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) 28, 40–42, 44
 Екатерина II Алексеевна (София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская) 56, 61, 75, 76, 78–92, 94–100, 102, 103, 105, 108, 109, 115–117, 119–124, 126–129, 134, 136, 138, 142–144, 146, 154, 158, 165, 167, 300, 325, 332, 430
 Екатерина Иоанновна 37, 38

Екатерина Павловна 184, 194

Елагин И.П. 83

Елавич Б. 442

Елизавета Петровна 54–56, 58, 60, 63,
66, 70, 71, 75, 76, 81, 84

Елисеева О.И. 124

Жене Э. 139

Жервье 437

Зейдлиц Ф. 68

Зубов П.А. 131, 136, 139

Зичи Ф. 383

Ибрагим-паша 230, 261, 262

Иван Алексеевич 10, 17, 54

Иван III Васильевич 8

Игнатъев Н.П. 347, 348, 352, 355, 357, 373,
374, 397, 402, 403, 409, 410, 412, 415, 423

Извольский А.П. 442

Иннокентий XI 13, 15, 19

Иоанн Антонович 54, 55, 70

Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская
61, 62

Ионеску Н. 390

Ионин А.Р. 371, 373

Иосиф I 30

Иосиф II 59, 96, 99–101, 117–126, 128,
129, 131, 142

Ипсиланти А. 219–222

Ипсиланти К. 180, 200, 203, 219

Италинский А.Я. 172–174, 180, 186, 193,
209, 217

Ичко П. 187

Йорга Н. 390, 392, 409

Кавеньяк А.Э. 296

Каллергис Г. 279

Каменский А.Б. 78

Каменский И.М. 191

Каменский М.Ф. 179

Кампанелло Т. 340

Кандиану-Попеску А. 363

Каннинг Дж. 194, 229, 233

Канкрин Ф.Ф. 237

Кантемир Д. 19, 30

Каплан Гирей 94

Каподистрия И.А. 205, 215–218, 224, 225, 247

Каприви Л. 437

Карагеоргий (Георгий Петрович Чер-
ный) 199, 215

Карагеоргиевич А. 278, 284, 317, 344

Капагеоргиевич П. 432, 433

Кара Мустафа 10, 13, 14

Карл Петер Ульрих Гольштинский
(Петр III) 50, 67, 70

Карлсон Э. 63

Каратеодори-паша К. 417

Караффа Э. 15

Карл Габсбург 190

Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген 342,
355, 362–364, 389, 391, 398, 431

Карл XII 27, 28, 31–33, 57, 58, 318

Карл Леопольд Мекленбургский 37, 38

Карл Фридрих Гольштинский 41

Карл VI 38, 40, 45, 46, 49, 51

Карпат К. 421

Каслри Р. 194, 222, 224, 227

Кастриот Е. 28

Катарджи И. 201

Катарджи Л. 264

Катарджи-Обренович М. 341, 231

Катков М.Н. 352, 357, 419, 420

Каули Г. 339

Кауниц В.А. 664, 65, 98, 99, 122, 141

Кейзерлинг Г.И. 46

Келлог Ф. 412

Кетлер 42

Кинский Ф. 23

Киселев П.Д. 250, 251, 285, 297, 325,
338, 339

- Кларендон Д. 300–302, 308, 311, 338
 Кларк А. 178
 Ключевский В.О. 28, 37, 38, 49, 77, 78, 86
 Кобден Р. 305
 Кобенцль Л. 119, 155, 168
 Кобург Борис 439
 Кобург Фердинанд 435, 439, 442, 447, 448
 Когэлничану М. 276, 290, 291, 340, 388, 389, 390, 418
 Кодрингтон Э. 233
 Коленкур А. 184, 188, 189
 Колетис И. 231
 Колычев А.С. 166
 Конде А. 10
 Константин Николаевич 427
 Колнстантин Павлович 120, 121, 154, 171, 184, 228
 Константиному Ф. 222
 Коронини-Кронберг И.А. 399
 Корф А.Ф. 140, 141
 Костак-Епуриану М. 390
 Костюшко Т. 154
 Кофос Э. 418
 Кошут Л. 283, 319
 Кочубей В.П. 167, 168, 242
 Красно-Милошевич В. 200
 Крецулеску Н. 409
 Кроу Э. 405
 Крюйс Е. 24
 Ксенопол А. 172
 Кудряцев Ф.И. 372, 374
 Кудряцева Е.П. 264
 Куза А.И. 339–342, 344, 362
 Куза Е. 341
 Кузьмичева Л.В. 407
 Куракин А.Б. 190
 Кутузов М.И. 177, 192, 193, 195–198, 204
 Кушников С. 200
 Кырым Гирей 91
 Кэткарт Э. 91, 98
 Ламартин А. 185, 291
 Ламздопрф В.Н. 437
 Ланжерон А.Ф. 172
 Ланчинский Л. 49, 52, 61
 Ларивьер Ш. 139
 Ласси И.Ф. 69, 128
 Ласси П.П. 42, 46, 49, 50, 51, 63, 69, 128
 Лаудон Г.Э. 68, 70
 Лашкарев С.А. 186
 Лаштенан Ф.Д. 60, 63
 Левашов П.С. 106
 Левицкий В.Н. 398
 Лейрд Г. 323
 Лейрд Ч. 414
 Лекс Н.Н. 341
 Лелевольд Л. 53
 Лем Ф. 266, 277, 278
 Лен Я.С. 391
 Леонтьев 47
 .Леопольд 2, 24
 Леопольд Саксен-Кобургский 259
 Лесаж 77
 Лессинг 77
 Лефло А.Ш. 337
 Лешинская М. 45
 Либрас 53
 Ливен Х.А. 224, 228, 229, 238, 243, 244, 245, 255, 262
 Ливен Д.Х. 229
 Лидден 377
 Линар 92
 Литтон 305
 Лобанов-Ростовский А.Б. 428, 439
 Ломоносов М.В. 76
 Лопатин 86
 Лопухина Н. 61
 Лопухины 61
 Лофтус О. 397
 Лубэ Ф. 440
 Луи Филипп Орлеанский 258, 259, 271, 272
 Лукан 306

- Любомирские 46
Людвиг Баденский 14
Людовик XIV 10, 12, 13, 15, 19, 21, 23
Людовик XV 45, 57, 58, 63, 65, 70, 87, 88, 92, 102, 109, 145, 399
Людовик XVI 110, 131, 139–141, 143
Людовик XVIII 206, 207
- М**
Маврокордтис А. 377
Магеру Г. 288, 200
Мазарини Д. 10
Маколей Г.Ю. 22
Макс Эммануил Баварский 16, 19
Малиновский В.Ф. 170
Малмсбери 313
Манделла А. 377
Маннерс Д. 313
Манчини О. 20
Манфред А.З. 165
Мардефельд А. 61–63
Мария Александровна 332, 389
Мария Александровна 422, 434
Мария Антония (Антуанетта) 110, 131, 140, 141, 142, 308
Мария Луиза 195, 196, 204
Мария Терезия 39, 45, 58–61, 63–65, 68, 70, 96, 100, 101
Мария Федоровна 153, 184
Мария Федоровна 400
Марков А.И. 169, 172
Маркова О.П. 121
Маркс К. 251
Мармон 185
Мартенс Ф.Ф. 235
Масловский Д. 136
Матусевия А.А. 236, 243, 245, 255
Машин Д. 433
Махмуд II 189, 257, 263, 268, 275
Мезон 255
Мейенлорф 186
Мелборн В. 270
Менгден Ю. 54, 67
Менгли Гирей 8
Меншиков А.Д. 38, 40, 41, 43
Меншиков А.С. 297–299, 305, 316
Метаксакс А. 280
Меттекрних К. 194, 204, 206, 223, 229, 230, 238, 244, 260, 265, 269, 310
Мехмед Балтаджи-паша 311, 332
Микельсрон П.Е. 343
Миллер А.Ф. 185, 189
Милославские 10
Милютин Д.А. 355–357, 386, 396, 397, 399, 400, 401, 404, 405
Миних Б.Х. 47, 48, 50–55, 57
Мирабо О.Г. 140
Михаил Павлович 237
Михаил Федорович 9
Михельсон И.И. 181, 186, 191, 200, 201
Михнева Р. 62
Молчанов Н.Н. 33
Мольер Ж.Б. 77
Мольтке Г. 281, 367
Монс А. 41
Монс В. 41
Монтебелло Н. 281
Монтень М. 77
Мориц Саксонский 24, 342
Морни Ш.О. 332
Моррич Г. 377
Муравьев Н.Н. 262
Мурад V 279
Мурузи А. 181
Мусин-Пушкин А.С. 109
Мустафа III 91, 109
Мустафа-паша 135
Мустафа IV 182
Мустафа Кепрюлю 19, 20
Мусурус-паша К. 406
Мухаммед Али 230, 253, 261, 262, 268, 269–272
Мэнж А.Е. 298

Надир шах 63

Наполеон Бонапарт 156, 157, 161–166, 168, 169, 173–180, 182–185, 188–192, 194, 195, 197–199, 201, 204–208, 217, 234, 258, 260, 309, 318, 340

Наполеон, будущий герцог Рейхштадтский 294

Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) 295, 296, 305, 307–309, 311, 313, 316, 322–324, 332, 333, 337, 338, 348–350, 359

Нарочницкий А.Л. 423

Нарышкины 10

Нахзимов П.С. 302, 303

Негош Данила 327, 343

Негош Николай 243, 354, 432

Негош Петр I 160, 161, 205

Негош Петр II 317

Неклюдов А. 447, 448

Некрасов Г.А. 43, 70

Нелидов А.И. 390, 397, 428, 429

Нельсон Г. 157, 160

Ненадович М. 209

Неофит 288

Непир Ч. 272, 380

Неплюев И.И. 46

Нессельроде К.В. 230, 231, 233, 234, 236, 237, 239, 242–245, 251, 255, 259, 264, 267, 269, 270, 273, 274, 280, 286, 290, 291, 301, 303, 304

Николай I 226, 229, 235, 237, 238, 242, 243, 255, 255, 259, 260, 262, 265, 269, 270–273, 280, 286–288, 295, 297, 299, 300–302, 304, 307, 308, 319, 331, 345, 427

Николай II 430, 440, 441, 446

Николай Николаевич 384, 387, 391, 398, 400, 401, 403, 404

Новиков Е.П. 360, 365, 402

Новиков Н.И. 154

Новосильцев Н.Н. 167, 174, 175

Нолькен Э.М. 55, 56

Обренович А. 333

Обренович Милан 407, 432, 433, 435

Обренович Милош 344, 345, 354, 356

Обренович Михаил 178

Обресков А.И. 89, 90, 102–107, 109, 111, 112

Обручев Н.Н. 387, 428, 438

Овсянниковы 285

Огинские 46

Озеров А.П. 345

Ольга Константиновна, королева Греции 345, 355, 435

Оппенгеймер С. 17

Омер-паша 301, 317, 319, 357

Орландос А. 227

Орлов А.Г. 82, 83, 93

Орлов А.Ф. 230, 263, 264, 297, 311, 325, 326

Орлов Г. 82, 99, 102, 103, 107

Орловы 56, 82

Орлов-Денисов В.П. 100

Осман-паша Н. 374, 398, 400, 409, 310, 451

Осман эфенди 102, 103

Остейн 50

Остерман А.И. 43, 44, 54, 55, 57

Остерман И.А. 134, 143, 145

Островский Г. 22

Оттон I. король Греции 245, 255, 256, 279, 280, 316

Павел I 76, 77, 80–82, 109, 153, 154, 257, 158, 161, 162–267, 169

Павленко Н.И. 44, 145

Пазванд Оглу 170, 171

Палеолог М. 440

Пальмерстон Г.Д. 238, 261, 262, 264, 266–273, 277, 303–305, 307, 309, 314, 338

Памбург П. 26

Панин Н.И. 81, 82, 85–89, 91, 95, 97, 99, 100, 104–106, 109

Панин П.И. 108

Панин Н.П. 164

Паскевич И.Ф. 240, 242, 271, 286, 288, 290

- Паткуль И.П. 25
Пелисье Ж. 304
Перикл 407
Пертев-паша 240
Петр I 10, 17, 18, 21, 22–24, 26–31, 34, 37, 38, 40, 42, 43, 45, 54, 55, 60, 83, 122, 165, 316, 325
Петр II 41, 44
Петр III (Карл Петер Ульрих Гольштинский) 75, 76, 80–83, 108, 154
Петр Петрович 40
Петр Федорович 58, 61, 62, 67, 70, 76,
Петров В. 120
Пиль Р. 273
Пини А. 220
Питт В. 133,
Плутарх 77
Погодин М.П. 313
Позье 75
Полиньяк 244
Понсонби Д. 278
Понятовский С. 79
Потемкин Г.А. 74, 79, 80, 116, 117, 120–130, 132–137, 153, 155, 158, 162
Поццо ди Борго К.О. 82, 118, 238
Прасковья, царица 38
Прозоровский А.А. 192, 299, 201, 203
Прокеш А. 309
- Р**
Рабле Ф. 77
Рвглан Ф.Д. 307
Радайкович М. 254
Радзивиллы 42
Радзинский Э.С. 385
Радищев А.Н. 154
Радовиц Й. 364
Разумовский А.К. 209
Разумовский К.Г. 81, 82
Раковский Г.С. 347
Расин Ж. 77
Рассел В. 306
Рассел Д. 302, 324, 350
Рассел О. 361, 416
Ребекк Д. 307
Ревуненков В.Г. 350
Рейтерн М.К. 357, 386, 405
Репнин Н.В. 88, 89, 111, 133, 135
Ресми Ахмед 111
Решид-паша М. 267, 268, 274, 289, 301
Рикорд П.И. 245, 255
Римский-Корсаков А.М. 162
Риньи А. 233, 255
Ристич Й. 415, 416
Родофиникин К.К. 199
Рожевский З.П. 440, 442
Росетти К. 287, 341
Ростопчин Ф.В. 164, 165
Ротшильд Н. 238
Рошфор 93
Румянцев А.П. 67, 68, 91, 93–96, 98, 104, 108, 112, 125, 126
Румянцев Н.П. 184, 187, 189, 191, 193, 197
Руссо А. 185
Рутлэнд 396
Рэгсдейл Х. 183
Рюффе П. 158
- С**
Саадулах-бей 417
Савари Ж.Б. 187
Савин Г.А. 146
Савойский Евгений 7, 17, 20, 21, 38–40, 49
Савфет-паша 279
Саган 204
Сазонов С.Д. 445, 446, 448
Саксен-Кобург Ф.И. 130
Салтыков П.С. 68, 69
Самнер Б. 417
Самойлович И. 18
Сапеги 46
Себастиани О. 174, 181, 182
Севиньи 77
Селим II 103
Селим III 130, 156, 157, 174, 177, 179, 180, 182

- Сенявин Д.Н. 179, 193, 194
Сен-Симон К.А. 340
Сервантес М. 77
Симолин М. 138, 140, 141
Симпсон Д. 309
Ситон-Уотсон Р.В. 315, 399
Скавронская Марта (Екатерина I Алексеевна) 28, 41
Сказкин С.Д. 434
Скаррон 77
Склифосовский Н.Ф. 385
Скобелев М.Д. 395, 400
Собакевичи 222
Соколов 200
Соловьев С.М. 53, 56, 78, 86, 91, 100
Солсбери Р. 412, 413, 415–418, 420, 421, 423, 438, 439
Сорель А. 142
София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (Екатерина II Алексеевна) 61
София Алексеевна, царевна 16, 17, 18, 115
София Доротея 65
София Габсбург, мать императора Франца Иосифа 299, 318
Спенсер Г. 317
Спиридов П.А. 93
Спренгпортен Г.М. 163
Стамболов С. 435
Станислав Август 88, 90, 100, 103, 145
Станислав Лещинский 27, 45, 46
Столетов Н.Г. 396
Стрешневы 47
Строганов Г.А. 214, 218, 219, 334
Строганов П.А. 167
Стренгфорд П. 116, 119, 230
Стретфорл-Каннинг Ч. 195, 297, 300, 301
Стурдза Д.А. 411
Стурдза М. 176, 287–289
Стюарт Д.Ф. 388–390, 408, 411
Суворов А.В. 108, 111, 116, 121, 124, 125, 130, 133, 153, 157, 158, 162, 163
Сулейман Великолепный 7, 156
Сулейман, великий везир 16
Сулейман-паша 289
Суцу М. 219, 221, 256
Т
Талейран Ш.М. 163, 166, 184, 190, 191, 205
Талызин 182
Тапье В. 17
Татищев Д.П. 228, 238
Тацит 77
Теколи И. 10
Темперлей Г. 164, 305
Титов В.П. 282
Толстой А.Н. 18
Толстой А.П. 188, 197, 242
Толстой П.А. 11, 16, 17, 32, 40–42
Томара В.С. 168, 171, 181
Тотлебен Э.И. 350, 400, 404
Трачевский А.С. 162, 169
Трубецкой А.С. 198
Тувенель Э. 309, 337
Тугут И.А. 96, 101–103
Турсиль 140
Тьер А. 272, 359
Тэйлор А.Дж.П. 304, 338
Тюрэнн А. 10
Тютчев Ф.И. 256
У
Убри П.П. 41
Убри П.Я. 178
Уитворт Ч. 173
Украинцев Е. 25, 26
Ушаков Ф.Ф. 62, 124, 132, 135, 158–160, 162
Ушурма (хан Мансур) 135
Уэлсли А. (виконт, граф, герцог Веллингтон) 188
Уэлсли 399
Ф
Фадеев А.В. 234, 242
Февзи Ахмед 268

Федор, царь 10, 18
Фердинанд, австрийский император 2
Фединанд, неаполитанский ко-
роль 168
Фермор В.В. 67, 68
Фикельмон Ш.А. 265
Филарет, митрополит 347, 357
Филипп Фландрский 342
Финкенштейн К. 69, 70
Фишер А. 16
Фолкнер (Фальконер) 134
Фонвизин Д.И. 109
Франц Лотарингский 49, 63
Франц, император Австрии 142, 144,
162, 177, 196, 204, 223, 266
Франциск I 156
Франц Иосиф I 299, 318–320, 324, 348,
365, 375, 380–382, 418, 442
Франц Фердинанд Габсбург 444
Фридрих II 58–71, 76, 86, 87, 91, 94, 96,
99, 100, 119, 123, 179
Фридрих Август Саксонский. король
Польши Август II 20
Фридрих Вильгельм Гольштинский 53
Фридрих Вильгельм I 58
Фридрих Вильгельм II 128, 134,
143, 196
Фридрих Вильгельм III 177, 258, 266
Фридрих Вильгельм IV 330
Фуад-паша 268
Фулон 138

Халил-паша 39
Хвостов В.М. 442
Хезарфен Х. 12
Хмельницкий Богдан 9
Хмельницкий Юрий 9
Ходжес Д. 277, 278
Хорнби 401
Храповицкий А.В. 80
Хрисанф, патриарх 29

Христиан Август Ангальт-Цербстский 62
Хэнсбери-Вильямс Ч. 79

Цегелин 102, 109
Церетелев А.Н. 377
Цесарь Юлий 156

Шагин Гирей 116, 117, 123
Шарлотта Вольфенбюттенская 57
Шарнхорст Г. 196
Шафиров П.П. 31–33, 50
Шашкина А.И. 70
Шекспир В. 77
Шеремет В.И. 158
Шереметев Б.П. 26, 27
Шереметев М.Б. 32
Шетарди И.Ж. 55, 56, 62
Шиллер И.Ф. 77
Шильдер Н.К. 158, 184
Штаремберг М. 124
Штерн Л. 322
Шуазель Э.Ф. 93
Шувалов П.А. 357, 376, 379, 385, 392,
397, 400, 401, 406, 413–415, 419
Шульце-Вессель М. 45
Шэннон Э. 377

Щербатов М.М. 115

Эгалите 259
Эдуард VII 440, 441
Элиаде-Рэдулеску И. 252, 287
Эллиот Г. 376, 378
Эренталь А. 442, 444

Юсуф-паша 228

Яков II 16
Яковлев Н.Н. (младший) 167
Ян III Собеский 7, 13–16, 19
Ястребов И.С. 372

Научное издание

В.Н. Виноградов

ДВУГЛАВЫЙ РОССИЙСКИЙ ОРЕЛ НА БАЛКАНАХ
1683–1914

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *А. Ш. Мамяшев*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
30 п. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета

В.Н. Виноградов — специалист по истории Балкан нового времени, по балканской политике России и истории ее противоборства с Великобританией на почве балканских дел на протяжении почти всего XIX столетия. В этой «большой игре европейской политики», как она тогда именовалась, восторжествовал внешнеполитический курс России. Среди работ В.Н. Виноградова — монографии «Россия и объединение румынских княжеств», «Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны», «Россия и Балканы: от Екатерины Великой до Первой мировой войны», «Балканская эпопея князя А.Н. Горчакова». Перу В.Н. Виноградова принадлежит также несколько монографий по новой истории Румынии, научно-популярные работы «Британский лев на Босфоре» и «Бенджамин Дизраэли и фея на престоле» и многочисленные статьи и очерки.

